Russ. 276 f/3

12

FgT/78/6709

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Вл. Михневича.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО
Екатерининскій каналъ, 168.

1886.

ЯЗВЫ ПЕТЕРБУРГА

Опытъ историко-статистическаго изслѣдованія нравственности столичнаго населенія

Вл. Михневича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1886.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОГЛАВЛЕНІЕ

Введеніе.

I. Діагнозъ современной русской дѣйствительности III
II. Задачи этой книги XXII

Часть I-я.

Статистика нужды, недовольства и нравственной порчи.

I. «Городъ пышный, городъ бѣдный» 1
II. Общая сумма «подати преступленію» и ея повѣрка . . . 20
III. Бродяги, нищіе и безпаспортные 36
IV. Виды и разновидности петербургскаго нищенства 57
V. Жертвы общественнаго темперамента 83
VI. Скорбныя цифры 101

Часть 2-я.

Міръ Преступленій.

I. Уголовная статистика 119
II. Убійства случайныя и непреднамѣренныя 137
III. Убійства по разсчету 155
VI. Честные убійцы 184
V. Воры . 208
VI. Грабители и карманники 234
VII. Обманъ, мошенничество и растрата 269
VIII. Нарушенія общественнаго порядка и личныя оскорбленія . 298
IX. Святотатства, поджоги, изнасилованія и поддѣлка денегъ . 323
X. Дѣти-преступники. 336

Часть 3-я.

Картины нравовъ.

I. Семейный разбродъ . 351
II. Семейныя драмы . 370
III. Родители и дѣти . 395
IY. Внѣзаконная любовь . 415
Y. Пьянство народное . 438
IY. Жертвы Вакху въ культурной средѣ 456
YII. Легкая нажива . 474
YIII. Эксплоатація глупости и порока 496
IX. Литературный шантажъ 515
X. Жертвы скуки и отчаянія. 534

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Діагнозъ современной русской дѣйствительности.

Въ современномъ настроеніи русской «внутренней политики», русской мысли и русскаго общественнаго мнѣнія съ особенной рельефностью проступаетъ одна яркая характеристическая полоса, а именно: изъ всѣхъ сферъ и предметовъ вѣдѣнія и практики наиболѣе острый и живой интересъ отдается у насъ вопросамъ и явленіямъ общественной нравственности.

Положимъ, люди вездѣ и во всѣ времена интересовались болѣе всего своими собственными нравами и явленіями своего соціальнаго устройства и быта, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ даннымъ, мы имѣемъ основаніе заключить, что русское общество никогда еще, кажется, не было такъ озабочено состояніемъ своей нравственности или, говоря терминомъ соціологовъ—состояніемъ «*гигіены* своего общественнаго союза», какъ въ наши дни. Это можно видѣть на каждомъ шагу, въ многочисленныхъ примѣрахъ. Забота и интересъ по отношенію къ соціально-нравственной области рѣшительно охватили все и всѣхъ, хотя и выражаются въ крайне разнообразныхъ, взаимно-сталкивающихся направленіяхъ и формахъ.

Съ высоты Престола, съ амвона церковнаго проповѣдника, съ трибуны прокурора, съ каѳедры профессора и публичнаго лектора, въ административныхъ «программахъ», циркулярахъ и мѣропріятіяхъ, въ общественныхъ «совѣщаніяхъ», въ руководствѣ системой народнаго образованія, въ книгахъ, журналахъ и газетахъ, — словомъ, повсюду идетъ оживленная, тревожно-обличительная и охранительная агитація около расшатанныхъ, повидимому, основъ индивидуальной, семейной и общественной нравственности и права. Въ этомъ сходятся всѣ наши «партіи», всѣ «направленія», литературныя и политическія, отъ крайнихъ «консерваторовъ» до крайнихъ «либераловъ» и даже «анархистовъ», которые тоже, вѣдь, пропагандируютъ и дѣйствуютъ во имя нравственнаго идеала, только по своему понятаго.

Всего нагляднѣе выражается преобладаніе этого всезахватывающаго настроенія, конечно, въ литературѣ и журналистикѣ. Возьмемъ, напр., ежедневныя газеты. Въ каждомъ ихъ листкѣ самое видное мѣсто занимаютъ нынѣ нескончаемые отрицательные факты и аномаліи нашихъ семейныхъ и общественныхъ нравовъ, наряду съ ихъ «освѣщеніемъ», констатированіемъ ихъ источниковъ и указаніемъ на мѣры къ ихъ искорененію. Въ этихъ фактахъ и аномаліяхъ — «злоба» каждаго дня, въ нихъ подзадоривающій интересъ каждаго печатнаго листка, каждой устной бесѣды. Газета считается «неинтересной», если въ ея ежедневномъ меню не преподносится благосклоннымъ читателямъ какой нибудь, болѣе или менѣе крупный криминалъ, какой нибудь скандалъ или «происшествіе», приправленные пикантнымъ соусомъ.

Смѣшно сказать, пришло къ тому, что самое слово ф а к т ъ стало означать на газетномъ языкѣ какъ бы синонимъ законарушенія или скандала. Ежели «фактъ», то читатель непремѣнно ждетъ — либо кто нибудь проворовался, либо кому

нибудь на бокъ скулу своротили въ пріятельской бесѣдѣ, либо кого нибудь прирѣзали, либо кто нибудь самъ себѣ пулю всадилъ въ лобъ въ припадкѣ меланхоліи,—вообще, что нибудь въ подобномъ хищническомъ и членовредительномъ родѣ. И чѣмъ крикливѣе и возмутительнѣе такіе «факты», тѣмъ острѣе возбуждаемый ими интересъ публики, тѣмъ оживленнѣе по поводу ихъ толки, тѣмъ бойчѣе расходятся тѣ газеты, въ которыхъ они описаны съ возможно-большей обстоятельностью. Являются попытки—и весьма нерѣдко—эксплоатировать эту алчность общественнаго любопытства къ картинамъ человѣческаго паденія, человѣческой порочности и злобы. Выработался особый родъ протокольной литературы, спеціализирующей картинное, циническое, до послѣдней нитки разоблачающее изображеніе разнаго рода преступленій, скандаловъ, семейныхъ драмъ и романовъ, съ фотографическими портретами ихъ героевъ и дѣйствующихъ лицъ.

За газетами втягиваются въ ту-же колею «толстые» и тонкіе журналы, каждый, конечно, съ своей точки зрѣнія и съ большей или меньшей степенью серьезности и брезгливости.

Поэты, романисты, драматурги, сатирики, критики, публицисты и ученые изслѣдователи всѣхъ безъ различія лагерей одинаково посвящаютъ нынѣ свои перья главнымъ образомъ соціальнымъ болѣзнямъ и нарушеніямъ въ общественномъ организмѣ, а также типичнымъ отступленіямъ и искаженіямъ характера современнаго человѣка и гражданина. Въ беллетристическихъ произведеніяхъ всякаго рода фигурируютъ на первомъ планѣ отрицательные типы: казнокрады, спекулянты, кулаки и міроѣды, банкократы и банкокрады, карьеристы, «червонные валеты», развратники, падшія женщины и т. д., включительно до «гражданъ ретирадныхъ мѣстъ», по саркастическому опредѣленію г. Щедрина. Съ другой стороны, въ работахъ публицистическихъ и соціологическихъ, въ изслѣдо-

ваніяхъ современнаго юридическаго и экономическаго быта, общественная мысль опять таки сосредоточивается главнымъ образомъ на болѣзненныхъ явленіяхъ и симптомахъ разложенія, глубоко разъѣдающихъ, будто-бы, организмъ нашего общества въ самыхъ его основахъ и учрежденіяхъ. «Никогда,— говоритъ одинъ проницательный наблюдатель,—не было потрачено столько усилій на разъясненіе принциповъ собственности, семейственности и государственности, никогда съ такою настойчивостью, съ такими угрозами не было говорено о необходимости огражденія этихъ принциповъ».

Если это такъ, то—естественно—эта боязнь, эта забота объ «огражденіи» выходятъ изъ основанія, что указанные принципы поколеблены, что ихъ авторитету грозитъ опасность. Словомъ, во всей литературѣ стоитъ какой-то стонъ отчаянья, какая-то мрачная хандра—хандра повальная и признаваемая даже обязательной для каждаго граждански-мыслящаго человѣка, потому что нечему радоваться, и радость въ наши дни просто постыдна, по мнѣнію одного критика-публициста. Всѣ органы періодической прессы за послѣднее время, писатели всѣхъ направленій и оттѣнковъ, отъ Некрасова и Щедрина до Каткова и кн. Мещерскаго единодушно сходились въ **отрицательномъ** отношеніи къ современной русской дѣйствительности. Для всѣхъ нашъ вѣкъ—вѣкъ глубокой порчи, русское общество представляетъ печальное зрѣлище разложенія, упадка моральнаго и умственнаго, жизненной импотенціи и апатіи; русскій современный человѣкъ—«живоглотъ»: вотъ его настоящій терминъ, по опредѣленію нѣкотораго «охранительнаго» органа. Моралисты всѣхъ лагерей приходятъ въ ужасъ отъ какой-то эпидеміи кражъ, грабежей и всякаго рода «хищеній»—и не столько тѣхъ, которыя не уходятъ отъ возмездія правосудія, сколько—совершаемыхъ съ несравненно большей наглостью, въ оболочкѣ права и законности, «подъ ви-

домъ честныхъ спекуляцій», какъ выразился поэтъ. Имъ кажется—и они это часто повторяютъ,—что никогда еще русское общество не выбрасывало изъ себя такую массу завѣдомыхъ и маскированныхъ хищниковъ, преступниковъ и негодяевъ, что никогда еще у насъ, какъ замѣтилъ одинъ публицистъ, «нравственное слабоуміе» и «нравственная одичалость» не доходили до такой чудовищной степени.

«Наше общество живетъ ложью и неправдой во всемъ—въ коммерціи и въ дружбѣ, въ службѣ и въ воспитаніи дѣтей», говоритъ другой публицистъ изъ другаго лагеря.

«Наше общество—читаемъ у третьяго—поклоняется силѣ, идея права чужда ему; идея права — это rara avis въ мірѣ, для большинства—это вполнѣ terra incognita. Вотъ почему у насъ и воруютъ. Есть всѣ побудительныя причины красть: жажда почести, богатства, силы, роскоши, и—ничего, что̀ бы удерживало отъ кражи: ни прочныхъ идеаловъ, ни системы нравственности, ни карающаго общественнаго мнѣнія»...

«Общество обратилось въ прахъ!—гремитъ съ каѳедры, словами Ройе-Коллара, извѣстный профессоръ-публицистъ. — Намъ остаются воспоминанія, сожалѣнія, утопіи, безумства и отчаянье»... И затѣмъ на вопросъ: «какъ мы живемъ?» — отвѣчаетъ: «Мы сходимъ съ ума, мы топимся и стрѣляемся, мы попросту складываемъ руки, превращаясь въ живыхъ мертвецовъ. Не настало ли время оглянуться на себя и провѣрить хоть часть своихъ пороковъ и предразсудковъ»?.. Главную причину того, что мы превратились въ «живыхъ мертвецовъ», что въ наши дни процвѣтаютъ торгашество, темныя банковыя операціи, синекуры въ желѣзнодорожныхъ и кредитныхъ учрежденіяхъ, и что въ результатѣ, вмѣсто трудовой личности, общество вырабатываетъ типъ хищника, — ораторъ видитъ въ «отсутствіи нравственнаго содержанія» въ современномъ обществѣ, въ «забвеніи имъ идеаловъ».

«Характеристическое явленіе нашего времени,—отзывается на тотъ-же вопросъ распространенная газета,—это именно мелочность, недоразумѣнія, раздуваемыя въ серьезныя столкновенія, яростная полемика изъ-за выѣденнаго яйца, хаотическое смѣшеніе голосовъ и потребностей, легкомысленное сомнѣніе и еще болѣе легкомысленное отношеніе къ первѣйшимъ интересамъ государственной жизни. Отсюда хапанье однихъ и бездѣйствіе другихъ, отсюда смѣшеніе понятій не только о нравственности, но о добрѣ и злѣ, отсюда предпочтеніе личнаго интереса государственному и общественному, отсюда что-то затхлое, отличающееся противной посредственностью, чѣмъ-то въ родѣ полудѣла, полумѣры, полухарактера; но все это вмѣстѣ порождаетъ вредныя шатанія, вредную апатію всюду»...

«Поврежденіе нравовъ,—съ своей обычной язвительностью бичуетъ наше время маститый сатирикъ, — усложнилось поврежденіемъ умовъ». Вдругъ всѣ понятія спутались, старыя подпорки, на которыхъ созидалась семейная и общественная нравственность рухнули; открылось широкое, просторное раздолье для разнузданныхъ похотей стяжанія, распутства и безумія. Выдвинулось «порожденіе новыхъ вѣяній времени изъ укромныхъ уголковъ, въ которыхъ оно скрывалось, и—предсталъ на судъ публики цѣлый рядъ существъ, изнемогающихъ подъ бременемъ праздности и пьяной тоски, живущихъ со дня на день, лишенныхъ всякой устойчивости для борьбы съ жизнью и не признающихъ иныхъ жизненныхъ задачъ, кромѣ удовлетворенія вожделѣній минуты»... Закралась неясность въ понятія о различіи между чужимъ и своимъ. Начались кражи вездѣ, и отъ нихъ ничто не спасаетъ: ни коллегіальные порядки, ни контроль, ни замки... Всюду вопль: «унесли!» — и «червонный валетъ» созрѣлъ, отшлифовался и выработался окончательно.

Поэтъ, вдохновленный «музой мести и печали», съ тою-же безпощадностью и жгучей горечью клеймитъ современное общество громовымъ, негодующимъ стихомъ. Съ ѣдкимъ сарказмомъ осуждаетъ онъ всю эпоху, весь ея хваленый «прогрессъ». Да!—восклицаетъ онъ:

.... прогрессъ подвигается,
И движенью не видно конца:
Что́ сегодня постыднымъ считается,
Удостоится завтра вѣнца.

И какъ же иначе, когда «блаженство паденія» стало «конечной цѣлью» современнаго мудреца, когда—

Нынче тоскуетъ лишь тотъ,
Кто не укралъ милліона,

а на пиру у жизни, въ красномъ углу, по праву «соли земли» заняли мѣста рыцари

.... шайки той,
Изъ всѣхъ племенъ, нарѣчій, націй,
Что исповѣдуетъ разбой
Подъ видомъ честныхъ спекуляцій.
Гдѣ сплошь да рядомъ—видитъ Богъ—
Лежатъ въ основѣ состоянья
Два, три фальшивыхъ завѣщанья,
Убійство, кража и грабежъ!

Эта картина алчной хищности, огульной безнравственности, упадка гражданской доблести и апатичной безчувственности измельчавшаго, пресмыкающагося передъ грубой силой и золотымъ мѣшкомъ, современнаго общества вырываетъ изъ груди поэта вопль отчаянья и проклятья:

«Бывали хуже времена, но не было подлѣе!» подводитъ онъ, огненной чертой, какъ бы итогъ своимъ скорбнымъ наблюденіямъ.

Мы могли бы продолжить до безконечности выдержки въ такомъ духѣ изъ всего того, что высказано нашей новѣйшей литературой въ улику времени; но и приведенныхъ цитатъ довольно, чтобы утвердить читателя въ вѣрности нашего замѣчанія о преобладающей струѣ въ современномъ настроеніи русской мысли. Несомнѣнно, что мысль эта въ данную минуту насквозь проникнута отрицаніемъ и протестомъ по отношенію къ жизни и ея укладу, и, быть можетъ, никогда еще протестъ этотъ не достигалъ такой остроты, такой настойчивости и непримиримости. Нѣтъ почти такого жизненнаго явленія, нѣтъ такой общественной сферы, на которыхъ глазъ наблюдателя могъ бы отдохнуть, подъ угломъ зрѣнія современной русской протестующей мысли. Въ своей собственной области — въ литературѣ—эта мысль является такою же воинствующею, ничѣмъ недовольною, самобичующейся и самоотрицающейся мученицей. Во всѣхъ почти органахъ текущей прессы читаемъ жалобы на упадокъ современной русской литературы — упадокъ глубокій и всесторонній, какъ въ моральномъ и умственномъ, такъ въ эстетическомъ и культурномъ отношеніяхъ. И довѣрчивому читателю думается, что наша литература въ самомъ дѣлѣ никогда еще не была такой жалкой и деморализованной, такой тощей и бѣдной талантами, знаніемъ и гражданскими добродѣтелями!

Чувствуется кругомъ какой то безнадежный, неприглядный хаосъ; куда ни взглянешь, разстилается какое-то мертвое царство, полное гнили и разложенія... «Культурные» люди утратили идеалы, возвышающіе духъ человѣческій, извѣрились и изжились, измельчали и исподлились; внизу—народъ коснѣетъ, по выраженію поэта, «въ тупомъ терпѣніи»,мракѣ и нищетѣ—наслѣдіи долгаго рабства... Дряхлый, изможденный общественный организмъ переживаетъ томительный моментъ агоніи, и надъ его больнымъ тѣломъ рѣетъ одно только

хищное къ падали, зловѣще-каркающее воронье, да раздается въ затхломъ, смрадномъ воздухѣ вопль и плачъ Іереміи.

Таково въ общихъ чертахъ мрачное впечатлѣніе современной русской дѣйствительности, какъ она отражается въ своемъ зеркалѣ — литературѣ! Спрашивается, въ какой-же степени это зеркало вѣрно? Откуда это разъѣдающее недовольство жизнью, это отрицательно-мизантропическое къ ней отношеніе? Вправду ли современная русская дѣйствительность настолько печальна и хаотична, что и не можетъ дать иныхъ, болѣе свѣтлыхъ впечатлѣній, или—передъ нами ничто иное, какъ «литературная хандра», по опредѣленію г. Е. Маркова? Вотъ вопросы, имѣющіе общій интересъ и въ частности, для нашей задачи, составляющіе исходную точку! Обойти ихъ мы не можемъ.

Чтобы отвѣтить на нихъ удовлетворительно, необходимо прежде всего опредѣлить уровень предъявляемыхъ жизни требованій и запросовъ со стороны господствующихъ въ области мысли соціально-политическихъ идеаловъ и принциповъ. Само собой понятно, что отъ степени высоты и прихотливости критеріума, выработаннаго на основаніи этихъ теоретическихъ началъ, зависитъ тотъ или другой отвѣтъ. Легко можетъ статься, что съ объективно-исторической точки зрѣнія поэтъ и не правъ, сказавши, что «подлѣе» нашего времени ничего еще въ русской жизни не было; можетъ быть, по справкѣ съ фактами прошлаго, нашлись бы времена столько-же и даже еще болѣе «подлыя». Но дѣло въ томъ, что критеріумъ общественной мысли и общественной совѣсти для нашего времени можетъ быть гораздо выше, взыскательнѣе и активнѣе, чѣмъ онъ былъ во времена предшествовавшія. И на то весьма похоже.

Несомнѣнно, что русская мысль (а слѣдственно и совѣсть), безостановочно прогрессируя и въ глубь и въ ширь, достигла

въ наши дни своего высшаго развитія, сравнительно съ предшествовавшими своими фазами. Развиваясь, какъ всегда, преимущественно теоретически и далеко опередивъ, поэтому, опытъ и прогрессъ русской дѣйствительности, относясь къ ней съиздавна, въ силу своего историческаго призванія, критически и въ духѣ отрицанія, она развернула передъ нашими глазами такія широкія перспективы, что, стоя на ихъ высотѣ, мы уже не въ состояніи успокоиться на «полудѣлахъ», «полумѣрахъ» и «полухарактерахъ». Оглянитесь кругомъ,—вы увидите, что всѣ жизненныя основы и подпорки, еще вчера казавшіяся незыблемыми, всѣ прописныя правила вѣковой морали, на которыхъ, казалось, еще вчера такъ прочно покоились наши семейныя и общественныя отношенія,—словомъ, весь почти строй нашего соціальнаго, юридическаго и экономическаго быта обращенъ въ руину безпощаднымъ анализомъ и провѣркой воинствующей мысли. Правда, сама жизнь, съ своей стороны, надломила и дискредитировала многіе, такъ называемые, «краеугольные камни», нашего общественнаго зданія. Въ то же время и тѣ традиціонные недвижные три кита, на хребтахъ которыхъ твердо стояла столько вѣковъ русская земля, все болѣе и болѣе теряютъ свою устойчивость въ народномъ сознаніи и шагъ за шагомъ вытѣсняются изъ него хлынувшимъ въ народъ потокомъ новыхъ понятій и требованій.

Безспорно, что повсюду — и вверху и внизу — идетъ въ наши дни глубокое шатаніе и ломка, повсюду совершается болѣзненный процессъ перерожденія, среди хлама и обломковъ разлагающихся формъ стараго уклада. Но, какъ всегда случается въ такія переходныя эпохи, въ обществѣ происходитъ необыкновенная путаница понятій, стремленій и интересовъ. Никто не отдаетъ себѣ яснаго отчета, куда именно надо идти, чего бояться, въ чемъ правда и спасеніе, гдѣ

друзья и гдѣ враги? Въ періоды такой сумятицы и броженія старое зло, между тѣмъ, цѣпко и быстро прилаживается къ измѣняющимся жизненнымъ условіямъ, мѣняя только личину и образъ дѣйствій, и, чувствуя себя въ опасности, разнуздывается окончательно и старается заглушить угрожающіе его авторитету молодые всходы новаго плодотворнаго жизненнаго начала, которые и испытываютъ, вслѣдствіе этого, цѣлый рядъ искажающихъ ихъ натуру наносовъ и прививокъ, а иногда и совсѣмъ чахнутъ.

Отсюда, исходъ переживаемаго обществомъ броженія и преобразовательной ломки можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, получиться крайне неблагопріятный въ интересѣ искомой правды и въ посрамленіе застарѣлой кривды. Правда можетъ остаться по прежнему не въ авантажѣ, а кривда, болѣе тонкая и рафинированная, по прежнему пребудетъ хозяйкой на пиру у жизни. Существуетъ-ли въ этомъ смыслѣ опасность въ современной русской дѣйствительности? — Да, она существуетъ. Въ настоящее время уже ясно опредѣлились признаки указаннаго выше нежелательнаго исхода пореформенной эпохи въ русской жизни...

«Крѣпостное право упразднено, — говоритъ одинъ авторитетный писатель,—но еще не сказало своего послѣдняго слова. Это цѣлый громадный строй, который слишкомъ жизненъ, всепроникающъ и силенъ, чтобы исчезнуть по первому манію. Обыкновенно, говоря о немъ, разумѣютъ только отношенія помѣщиковъ къ бывшимъ крѣпостнымъ людямъ, но тутъ только одна капля его... Капля устранена, а крѣпостное право осталось. Оно разлилось въ воздухѣ, охватило нравы, оно изобрѣло путы, связывающія мысль, поразило умы и сердца дряблостью. Наконецъ, оно-же вызвало цѣлую орду прихлебателей-хищниковъ, которыхъ дѣятельность такъ бле-

стяще выразилась въ безчисленныхъ воровствахъ, банкротствахъ и всякаго рода распутствахъ».

Но, конечно, это вовсе еще не значитъ, чтобы крѣпостное право, въ своихъ метаморфозахъ, имѣло вполнѣ обезпеченную будущность Этимъ только опредѣляется и объясняется задача, представшая русской мысли. Въ виду вышеочерченнаго положенія вещей, русская мысль почувствовала себя обязанной прійти на помощь жизни и сказать въ глаза послѣднее слово этому громадному строю застарѣлой кривды, разоблачая и бичуя самыя сокровенныя его проявленія, и въ то же время отражая натискъ его сателлитовъ на молодые всходы новыхъ живоносныхъ началъ. «Надо смотрѣть прямо въ глаза реальной правдѣ,—говоритъ другой мыслитель по тому же вопросу. — Прежде чѣмъ не воспитается и не войдетъ въ жизнь генерація, въ жилахъ которой будетъ течь кровь безъ всякой примѣси крѣпостническаго строя, съ его безправіемъ, равнодушіемъ и безпутствомъ,—нечего и мечтать о правильномъ общественномъ движеніи. Всякія примиряющія разсужденія на эту тему, какъ-бы они ни были благородны и красивы, будутъ все-таки ничѣмъ инымъ, какъ безпочвеннымъ эклектизмомъ».

Такимъ образомъ возникла настоятельная, неотложная необходимость разобраться въ хаосѣ старыхъ понятій, перепутавшихся съ новыми, провести точную границу между достояніемъ «правды» и наслѣдіемъ «кривды», разгруппировать лагери друзей и враговъ народнаго блага и, собравъ жатву съ посѣянныхъ на русской нивѣ «благихъ начинаній», отдѣлить пшеницу отъ плевелъ. Мы застаемъ русскую мысль, русскую литературу на этой именно черной, кропотливой работѣ—на сортировкѣ и обобщеніи жизненныхъ явленій съ одной стороны, а съ другой — на группировкѣ понятій и стремленій, соотвѣтствующихъ тому или другому знамени.

Отсюда — воинствующее и протестующее настроеніе русской мысли!

Во-первыхъ, изыскать плевелы еще не значитъ ихъ уничтожить, особенно, когда они крѣпко вросли корнями въ почву,—нужна, слѣдовательно, усиленная работа и борьба съ препятствіями. Во-вторыхъ, въ моментъ такой работы приходится еще считаться съ разнообразными, взаимно сталкивающимися и взаимно исключающими другъ друга доктринами и вожделѣніями, возведенными въ «перлъ созданія»,—и опять, стало быть, борьба, опять воздухъ оглашается воинствующими, протестующими голосами!

Если мы вглядимся ближе въ положеніе дѣла, то для насъ станетъ понятнымъ, почему русская мысль на обоихъ своихъ полюсахъ, во всѣхъ своихъ фракціяхъ и оттѣнкахъ, стала въ отрицательное отношеніе къ нашей пореформенной дѣйствительности, почему «литературная хандра» окислила чернила всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ составовъ? Въ самомъ дѣлѣ, какъ съ точки зрѣнія прогрессивнаго «направленія», такъ и на взглядъ реакціи, дѣйствительность эта, сама по себѣ неутѣшительная, еще и потому казалась крайне неудовлетворительной, что не представляла ни для кого достаточно твердой опоры и успокоенія. Maximum предъявленныхъ ей требованій прогрессивнаго порядка былъ для нея слишкомъ высокъ, почти недосягаемъ; въ то же время и реакція не могла не смутиться, увидѣвъ, что тѣ традиціонные устои, на которыхъ она могла-бы утвердиться, расшатаны и подмыты пришедшей въ движеніе волною самой жизни, включительно до пресловутыхъ трехъ китовъ. Хаосъ, безформенность и броженіе переходной эпохи, какую мы переживаемъ, не могутъ, понятно, никого ни удовлетворить, ни успокоить, какое-бы кто міровоззрѣніе ни исповѣдывалъ. Но это не все. Одною изъ деталей развертывающейся картины представляется то ха-

рактеристическое обстоятельство, что оба указанныя, противоборствующія течения русской мысли — ея полюсы, какъ мы ихъ назвали—въ разгарѣ спора и борьбы, взаимно вмѣняютъ въ вину другъ другу печальное, хаотическое состояніе нашей дѣйствительности. Для отягченія же вины, естественно является съ обѣихъ сторонъ стремленіе умышленно сгущать краски, нарочно подбирать особенно мрачные факты и примѣры, освѣщая ихъ и мотивируя, какъ продукты, якобы, какого-то, враждебнаго намъ, «вреднаго» направленія и ученія. На подкладкѣ этого-то чисто полемическаго побужденія, въ новѣйшей русской литературѣ создалась масса тенденціозно-отрицательныхъ и памфлетно-обличительныхъ изображеній и изслѣдованій нашей современной жизни современнаго общества, его нравовъ и типовъ. Спрашивается, могутъ-ли такого рода картины и этюды считаться вѣрнымъ и точнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности?—Конечно, нѣтъ!.. Одинъ писатель изъ лагеря «Московскихъ Вѣдомостей» какъ-то замѣтилъ, что «пресса у насъ менѣе, чѣмъ гдѣ либо, можетъ быть принята за основу характеристики общества»... Эта довольно мѣткая стрѣла была пущена въ лагерь «либеральной» прессы, откуда ее, конечно, еще съ большимъ правомъ и съ большей неотразимостью могли бы возвратить обратно— въ ряды «Московскихъ Вѣдомостей». Въ тенденціозномъ искаженіи фактовъ повинна вся пресса безспорно, но всего болѣе—пресса реакціонная.

Нельзя не указать еще на то обстоятельство, что отрицательное отношеніе къ жизни и крайнее недовольство ею въ области литературы заострились просто въ силу закона противорѣчій. Противоположныя «направленія» и теченія мысли, сталкиваясь и борясь между собою, естественнымъ порядкомъ впадали въ страстность и нетерпимость, договаривались до крайняго maximum'а своихъ требованій и выводовъ, и та-

кимъ образомъ становились въ черезъ-чуръ уже рѣзкое противорѣчіе съ дѣйствительностью. Нечего и говорить, что на самомъ дѣлѣ, не будь этой борьбы и нетерпимости, будь вообще большій просторъ для практическаго примѣненія тѣхъ или другихъ теоретическихъ началъ, выразители самыхъ даже крайнихъ требованій помирились-бы на ихъ minimum'ѣ. Таково ужь свойство—и свойство совершенно здоровое—каждой общественно-прогрессивной мысли, что она бываетъ тѣмъ болѣе требовательной, отрицательной и воинствующей по отношенію къ дѣйствительности, чѣмъ послѣдняя инертнѣе и ненормальнѣе, чѣмъ больше въ обществѣ апатичности и незрѣлости, а въ его учрежденіяхъ—неустройства и отсталости. Это прямая, естественная задача мысли и ея выразительницы—литературы.

Итакъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что указанное нами здѣсь мрачное, озабоченное и протестующее настроеніе современной русской мысли — всѣ эти безконечные вопли и жалобы литературы на испорченность нашего времени — происходятъ не оттого, чтобы это время, говоря вообще, было въ самомъ дѣлѣ «подлѣе» и хуже предшествовавшихъ ему, а оттого, что въ наши дни русская общественная совѣсть стала чутче, взыскательнѣе и развитѣе, и что уровень соціально-нравственныхъ понятій и требованій русской мысли достигъ, количественно и качественно, высоты для нея еще небывалой. Въ сущности, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ, общимъ всѣмъ временамъ и составляющимъ общечеловѣческую черту. Всегда и вездѣ люди жаловались на свое время, считая его «подлѣе» временъ предшествовавшихъ и вздыхая о давно минувшемъ «золотомъ вѣкѣ». Всегда и вездѣ моралисты упрекали современниковъ въ духовномъ и физическомъ вырожденіи, въ нравственной порчѣ и растлѣніи, сравнительно съ крѣп-

кими, якобы, духомъ и тѣломъ, предками. Это—«бабушкина сказка», безконечно повторяемая всюду, съ различными варіаціями, — сказка такая-же старая, какъ само человѣчество. Тѣмъ не менѣе, она всегда кажется новой, всегда поражаетъ впечатлительные умы и сердца, и представляется истиной, ничѣмъ неопровержимой, кромѣ—исторіи.

Да, исторія—оппонентъ неотразимый и, къ счастью, она убѣждаетъ насъ въ томъ, что времена новѣйшія, если говорить вообще, нигдѣ и никогда не были и не могутъ быть «подлѣе» болѣе или менѣе отдаленной «доброй старины». Исторія неоспоримо свидѣтельствуетъ прогрессъ человѣчества—прогрессъ количественный и качественный, т. е., прогрессъ индивидуальный, личный и общественный. Несомнѣнно, повсюду, гдѣ пахнуло живоноснымъ вѣяніемъ цивилизаціи,— и личность становится лучше, нравственнѣе, развитѣе, и общественныя отношенія укладываются постепенно въ болѣе справедливыя и гуманныя формы. Частныя отступленія, аномаліи и извращенія прогресса, какъ равно и задержки его реакціонными «точками» — нисколько не умаляютъ дѣйствія этого великаго закона и, съ высоты á vol d'oiseau историческаго глазомѣра, представляются не болѣе, какъ едва примѣтными ухабами на широкомъ пути цивилизаціи, безсильными задержать ея безостановочное движеніе впередъ, всегда впередъ... Русскіе люди, русская общественная жизнь не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія, которое было-бы постыднымъ уродствомъ, и, къ счастью, не смотря на всѣ усилія доморощенныхъ реакціонеровъ высадить Россію изъ поѣзда европейской цивилизаціи, не смотря на всеобщіе вопли на упадокъ и растлѣніе нашихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, русскій интеллектуальный прогрессъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Есть еще нѣкоторыя обстоятельства, заставляющія насъ

невольно умалять реальность русскаго прогресса и преувеличивать размѣръ испорченности и упадка нашего времени, сравнительно съ прошлымъ. Это, во-первыхъ, расширеніе гласности и размноженіе ея органовъ; во-вторыхъ, развитіе литературной систематизаціи явленій и фактовъ общественной жизни, приводимыхъ въ извѣстность и освѣщаемыхъ мыслью, съ цѣлью возбуждать общественное самосознаніе, и, наконецъ, въ третьихъ, измѣненіе формъ и видовъ борьбы за существованіе, въ зависимости отъ громаднаго разрыва, совершеннаго, если можно такъ выразиться, по всѣмъ швамъ русской жизни упраздненіемъ крѣпостнаго права.

Мы никогда еще такъ близко и такъ пристально не вглядывались въ самихъ себя—въ нашу народную и общественную среду во всѣхъ функціяхъ ея жизни; никогда еще русской публикѣ не докладывалось съ такой обстоятельностью и откровенностью обо всемъ, что дѣлается въ ней самой и вокругъ нея,—и о чемъ еще въ недавнее время предпочиталось оставлять ее болѣе или менѣе въ святомъ невѣдѣніи. Вслѣдствіе этого, то, что прежде было шито да крыто, теперь вдругъ всплыло на свѣжую воду, во всей своей наготѣ. Понятно, что глазъ, привыкшій къ полумраку и видѣвшій передъ собою только краюшекъ картины, долженъ испытать рѣзкое, болѣзненное впечатлѣніе, когда передъ нимъ вдругъ развернется вся картина при полномъ дневномъ свѣтѣ. Ошеломленный этимъ зрѣлищемъ, наблюдатель невольно думаетъ, что все то, что онъ теперь видитъ передъ собой, в ч е р а не существовало, а явилось с е й ч а с ъ только, съ той минуты, какъ онъ самъ прозрѣлъ. Мы часто забываемъ, что измѣнилась не картина, стоящая передъ нами, а только ея освѣщеніе и степень его яркости, потому что съ глазъ нашихъ упала повязка. Затѣмъ, явившаяся, съ расширеніемъ гласности, систематизація фактовъ повела къ большей требова-

тельности общества, къ распространенію въ немъ отрицательнаго отношенія къ русской дѣйствительности и принципіальнаго недовольства ея ветхими устоями и учрежденіями, прочность которыхъ до этого времени не возбуждала сомнѣнія.

Что касается поражающихъ современнаго моралиста фактовъ безстыднаго «хищенія»—всѣхъ этихъ растратъ, денныхъ грабежей и кражъ «чуть не милліардами», то и это отнюдь не составляетъ какой нибудь специфической особенности нашего времени. Развѣ въ «доброе старое время» не крали и не грабили?—Вся разница только въ способахъ «хищенія» и въ его размѣрахъ. «Крадутъ теперь много, крупными кушами, потому,—какъ остроумно замѣтилъ одинъ публицистъ,—что завелись крупныя деньги, завелись денежные центры, скопляющіе ихъ въ одномъ пунктѣ. Прежде больше враздробь воровали, теперь воруютъ оптомъ; прежде не такъ этимъ смущались, теперь это кажется не особенно пристойнымъ; прежде газетъ не было, а теперь есть — вотъ и все!» Но этого мало. Мы можемъ утвердительно сказать, что теперь честныхъ людей на Руси гораздо больше, чѣмъ ихъ когда нибудь было, и что самое понятіе чести нынѣ несравненно шире и выше, чѣмъ представлялось оно предшествовавшимъ генераціямъ.

Такимъ образомъ, на основаніи всѣхъ приведенныхъ здѣсь справокъ и соображеній, мы логически приходимъ къ выводу въ пользу современной русской дѣйствительности, сравнительно съ прежними ея фазами. Произведенный нами опытъ діагноза безспорно свидѣтельствуетъ о здоровьи и повысившемся строѣ нашего общественнаго разума и, если угодно, ручается за исполненіе въ будущемъ всѣхъ тѣхъ прекрасныхъ желаній, которыми, повидимому, такъ тщетно томится современный мыслящій русскій человѣкъ...

Мы, впрочемъ, далеки отъ мысли проповѣдывать квіетизмъ

и лѣнивое мечтаніе о «славныхъ бубнахъ за горами». Нѣтъ! Наша задача заключалась лишь въ посильномъ стараніи установить правильный и ясный историческій взглядъ на переживаемый нами моментъ въ ряду другихъ моментовъ новѣйшаго развитія русской мысли и русской жизни. Но изъ того, что мысль наша паритъ въ поднебесьи человѣческаго совершенства и слишкомъ строго относится къ современной «юдоли», еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы эта «юдоль» не была, на самомъ дѣлѣ, полна «плача и всякія скверны». Если намъ и удалось доказать, что наше время не хуже и не «подлѣе» всѣхъ предшествовавшихъ ему—отраднаго въ этомъ немного, а, напротивъ, остается скорбѣть, почему оно не лучше ихъ во сто кратъ?

Вотъ нашъ взглядъ на всю современную русскую жизнь вообще, который мы считали необходимымъ установить здѣсь, какъ исходную точку предпринятаго нами изслѣдованія. Переходя отъ общаго къ частному, мы попытаемся теперь поближе подойти и внимательнѣе вглядѣться въ одинъ изъ уголковъ нашей текущей дѣйствительности, какъ она есть сама по себѣ, безъ отношенія къ колеблющемуся уровню предъявляемыхъ ей литературою требованій и предвзятыхъ взглядовъ.

II.

Задачи этой книги.

Прежде всего намъ необходимо условиться относительно метода, матеріала и границъ нашего изслѣдованія, а также—конечной его цѣли. Объектъ нашего изслѣдованія—современная жизнь столичнаго населенія, въ тѣсныхъ границахъ явленій нравственности, индивидуальной и общественной, и притомъ патологическаго порядка. Въ нашемъ распоряженіи имѣется рядъ наблюденій, фактовъ и цифръ однихъ только нарушеній требованій нравственности и права за данный періодъ, на основаніи чего наша задача сводится къ опредѣленію сравнительной степени нравственной болѣзненности столичнаго населенія. Само собой разумѣется, что это же послужитъ посылкой и для заключенія о степени его здоровости въ указанномъ отношеніи.

Какъ врачъ, изслѣдованіемъ патологическихъ отступленій въ организмѣ, опредѣляетъ его относительную крѣпость и жизненность, такъ и въ нашемъ трудѣ — діагнозомъ отрицательныхъ явленій общественной нравственности столицы мы отыщемъ уровень, до котораго она возвышается въ положительномъ отношеніи.

Общество, какъ и отдѣльный организмъ, въ своихъ физіологическихъ и этико-духовныхъ отправленіяхъ, подчиняется аналогичнымъ законамъ здоровья и болѣзни, жизни и смерти. Въ медицинѣ патологія занимается отступленіями организма отъ законовъ физіологическихъ въ его нормальномъ развитіи. Въ этомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и патологію общественную въ области соціально-нравственныхъ явленій.

Законы, управляющіе жизнью общества и видоизмѣняющіе его въ сторону прогресса и регресса, здоровья или болѣзни, вытекаютъ изъ его физической природы, т. е. расоваго и племеннаго состава, территоріи, имъ занимаемой, и ея климата, затѣмъ—изъ его соціальнаго устройства, религіи, степени образованія, состоянія экономическаго и многихъ другихъ условій, изъ совокупнаго взаимодѣйствія которыхъ образуется то, что соціологи называютъ эволюціей или жизнедѣятельностью.

По теоріи общественной физики, всѣ эти силы, дѣйствующія на развитіе жизни человѣческой или—что то же самое—обусловливающія ея эволюцію, бываютъ двоякія: однѣ—созидательныя, нормальныя, другія—нарушающія (по термину Кетле), анормальныя или отрицательныя по отношенію къ системѣ общества, крѣпости и росту его организаціи.

Въ области собственно нравственной эти два фактора выражаются разобщенными, взаимно сталкивающимися дѣйствіями эгоизма и альтруизма, не приведенныхъ къ соглашенію и равновѣсію. Уровень нравственности опредѣляется именно степенью этого компромисса или равновѣсія между эгоизмомъ и альтруизмомъ, т. е., между видовымъ стремленіемъ личности къ достиженію довольства и счастья, и родовымъ, болѣе высшимъ требованіемъ соціальнаго блага, въ интересѣ всего рода. Достигнуть полной гармоніи этихъ двухъ основныхъ стимуловъ жизни человѣческой, найти для нихъ равнодѣйствующую—значило бы дойти до идеала нравственности. Пока стремленіе къдостиженію этой гармоніи составляетъ сущность всякой нравственной системы, о степени совершенства которой мы судимъ по тому, насколько она приблизилась къ помянутой гармоніи.

Къ сожалѣнію, въ настоящій моментъ человѣческія общества, и наше въ томъ числѣ, слишкомъ далеки еще отъ выше

намѣченнаго идеала. Настоящая эпоха — напротивъ—характеризуется еще повсемѣстно рѣзкой дисгармоніей эгоистическихъ и альтруистическихъ стремленій. Повсюду идетъ еще ожесточенная борьба вида съ родомъ—индивидуума съ обществомъ, личнаго самолюбія съ требованіями общаго блага. Мы еще, — по выраженію одного мыслителя,—«находимся въ состояніи остервенѣлой борьбы за существованіе, борьбы, въ которой одинъ законъ—эгоизмъ, одно право—право сильнаго, которая началась съ началомъ органическаго міра и до сихъ поръ царитъ въ средѣ человѣчества». Человѣчество исповѣдуетъ, какъ говоритъ Спенсеръ, двѣ религіи: «религію любви» и «религію вражды», что, въ переводѣ на философскій языкъ, означаетъ — этику права и этику силы. «Религія вражды», поклоненіе силѣ—основной мотивъ всѣхъ древнихъ культовъ и цивилизацій. Положимъ, мотивъ этотъ нынѣ дискредитированъ въ принципѣ, для побѣды «религіи любви» сдѣлано уже много, завоеванія ея обширны; но и до сихъ поръ еще поклоненіе праву играетъ ничтожную роль въ соціальной жизни. До сихъ поръ человѣчество находится въ фазисѣ поклоненія силѣ, у всѣхъ еще на устахъ людоѣдный кличъ: «Слава побѣдителямъ и горе побѣжденнымъ!» Мы почитаемъ храбрость, могущество, блескъ, величіе и очень низко ставимъ самоотверженіе, добродушіе, правдивость, строгія убѣжденія. Мы всегда на сторонѣ успѣха, и успѣхъ въ нашихъ глазахъ все оправдываетъ, по классическому изреченію: «побѣдителей не судятъ».

«Гоняться за успѣхомъ и удачей, вотъ,—говоритъ Викторъ Гюго,—поученіе, вытекающее изъ нравственной испорченности нашего вѣка!..» И это поученіе — первый параграфъ нравственнаго катехизиса современнаго «средняго» человѣка...

Эта-то борьба эгоизма съ альтруизмомъ, этики права съ этикой силы, со всѣми ея отрицательными послѣдствіями, по-

сколько ею проникнута современная жизнь петербургскаго населенія, степень развитія и напряженности этой борьбы, ея виды и формы,—словомъ, по возможности, полная ея картина и составляетъ объектъ нашего изслѣдованія.

Останавливаясь на послѣдствіяхъ этой борьбы, производящихъ именно патологическія явленія или язвы въ нашемъ общественномъ организмѣ, мы ставимъ себѣ исходной цѣлью—возможно ясное и точное опредѣленіе и обозначеніе нарушающихъ, отрицательныхъ силъ и условій, дѣйствующихъ за данный моментъ въ общественной жизни. Другими словами, мы постараемся не только нарисовать картину современной нравственности столицы, со стороны отрицательной, но и указать на причины такого ея состоянія. Достиженіе этой задачи выполнимо путемъ изученія возможно большаго числа фактовъ за извѣстный промежутокъ времени и — затѣмъ — группировкой однородныхъ явленій и ихъ синтезомъ въ порядкѣ причинности.

Обыкновенно, въ сужденіи о нравственности данной среды, даннаго момента, синтезъ историковъ и наблюдателей покоится на совершенно элементарномъ, чисто-эмпирическомъ методѣ, нерѣдко подчиненномъ, къ тому-же, субъективнымъ воззрѣніямъ и предвзятому настроенію наблюдателя. Мысль наблюдателя, чаще всего настроенная въ извѣстномъ направленіи и повсюду, во что-бы не стало, отыскивающая удобныя для нея аналогіи, поражается внѣшнимъ сходствомъ фактовъ наиболѣе крикливыхъ, отдѣльно взятыхъ и нерѣдко лишенныхъ причинной связи, упуская изъ виду цѣлыя категоріи другихъ явленій, потому что они или не столь рѣзко бросаются въ глаза, или же противорѣчатъ предвзятому выводу и не укладываются, почему-либо, въ подготовленную рамку. И однакожъ, построенный на такомъ зыбкомъ и ненадежномъ основаніи синтезъ нравственнаго поведенія данной среды,

смотря по степени его остроумія и приближенія къ правдоподобію, принимается на слово и, по мѣрѣ своей популяризаціи, возводится наконецъ въ безапелляціонный приговоръ коллективнаго разума и коллективной совѣсти, т. е., такъ называемаго, общественнаго мнѣнія.

Въ предпосланной этимъ строкамъ статьѣ мы наглядно показали на болѣе широкомъ примѣрѣ, въ какой степени складывающіяся такимъ путемъ ходячія сужденія могутъ грѣшить преувеличеніемъ и преднамѣренностью, и какъ мало можно на нихъ полагаться для отысканія точной исторической истины. Мы, впрочемъ, не оспариваемъ того, что этотъ путь познаванія явленій общественной жизни имѣетъ за собой всѣ права гражданства для данной минуты, что онъ, служа цѣлямъ дидактическимъ, можетъ также, при совокупности многихъ однородныхъ наблюденій, дать болѣе или менѣе вѣрное разумѣніе характера нравственнаго поведенія данной эпохи—ея, такъ сказать, нравственной атмосферы. Мы хотимъ только сказать, что одного этого способа изученія общественной жизни недостаточно съ научной точки зрѣнія. Въ настоящее время сознана необходимость подчинить, по возможности, изученіе общественной нравственности методу и пріемамъ точной науки, и—въ этомъ смыслѣ сдѣланы уже многія, весьма серьезныя попытки. Мы разумѣемъ опыты нравственной статистики, составляющей отрасль «общественной физики»—науки, которой положилъ прочное основаніе знаменитый Кетле и другіе европейскіе статистики социологи. Такимъ-то опытомъ, въ предѣлахъ современной жизни столичнаго населенія, задались и мы, въ мѣрѣ нашихъ скромныхъ силъ, одушевляемые желаніемъ внести хотя слабый лучъ свѣта въ существующій хаосъ и мракъ нашего общественнаго самопознанія по данному пункту.

Мы вполнѣ сознаемъ всю обширность и трудность пред-

лежащей намъ задачи и слишкомъ далеки отъ гордой мысли вполнѣ обнять ее и выполнить съ тѣмъ совершенствомъ, которое намъ бы желалось. Это — не болѣе, какъ скромная попытка проложить тропу въ области вѣдѣнія, почти совершенно у насъ неизвѣданной и дѣвственно-нетронутой. Трудность нашей задачи обусловливается не только новизной избраннаго нами пути и, вообще, зыбкостью самой почвы, на которой утверждена младенчествующая пока соціологическая наука, но и частными, мѣстными затрудненіями и неблагопріятными для такой работы условіями.

Во-первыхъ, при зародышномъ, крайне несовершенномъ состояніи русской статистики вообще, цифровыя данныя, которыми мы можемъ располагать, не обладаютъ ни достаточной полнотой, ни безусловной точностью; къ тому-же, на многіе запросы—мы ихъ и вовсе не находимъ. Въ нашемъ распоряженіи, для изслѣдованія нравственности столичнаго населенія, имѣются однѣ только судебно-полицейскія статистическія цифры. Еслибъ даже онѣ не оставляли ничего большаго желать, со стороны полноты и точности, то и тогда ими—понятно—далеко не можетъ исчерпываться вся занимающая насъ область общественно-нравственныхъ явленій, хотя бы даже однихъ отрицательныхъ, выражающихся въ фактахъ преступленій и нарушеній требованій права обычнаго, юридическаго и моральнаго. Каждый знаетъ изъ повседневнаго опыта, что уровень нравственнаго поведенія индивидуума и цѣлаго общества выражается не въ завѣдомыхъ и непосредственныхъ нарушеніяхъ юридическаго права, какъ не выражается онъ, съ другой стороны, въ героическихъ подвигахъ и примѣрахъ самоотверженія въ патетическія минуты. Онъ сказывается несравненно полнѣе, многостороннѣе и ярче въ обыденныхъ заурядныхъ отношеніяхъ, обусловленныхъ всѣмъ общественнымъ строемъ, въ повседневной, узаконенной, такъ сказать,

борьбѣ самолюбій, страстей и интересовъ, изъ которыхъ собственно и складывается наша обыденная жизнь. Кто не знаетъ, что сплошь и рядомъ безнравственныя личности, обладающія извѣстной ловкостью и гарантированныя привилегированностью своего положенія, всю жизнь безнаказанно нарушаютъ, подъ разными благовидными покрывалами, съ соблюденіемъ законной формы, требованія права юридическаго и моральнаго, тогда какъ простоватые и обойденные фортуной «обыватели» нерѣдко попадаютъ на страницы судебно-полицейской хроники и статистики за такія мнимыя преступленія, какъ, напр., нарушеніе паспортныхъ правилъ?

Этимъ мы хотимъ сказать, что многія стороны общественно-нравственной патологіи остаются недоступными точному изслѣдованію и опредѣленію ихъ цифрами. Такимъ образомъ, во многихъ случаяхъ изслѣдователю приходится волей-неволей прибѣгать, для построенія своихъ выводовъ, къ рискованному методу «теоріи вѣроятностей» и умозаключеній a priori или-же класть на уста палецъ молчанія.

По всему этому, обстоятельное и полное разрѣшеніе намѣченной нами задачи—дѣло будущаго, дѣло, требующее коллективнаго труда многихъ работниковъ. Съ своей стороны, мы можемъ предложить только имѣющіяся въ наличности, далеко не полныя цифры, факты и личныя наблюденія, сведенныя къ приблизительнымъ обобщеніямъ и выводамъ. Обрабатывая этотъ матеріалъ критически—поскольку это будетъ возможно—мы, на основаніи его, постараемся, въ формѣ очерковъ, набросать эскизъ обратной стороны современной нравственной физіономіи Петербурга. Мы выспросимъ причины и побужденія глубокаго недовольства, налегшаго нынѣ черной тучей на душу каждаго почти петербуржца; заглянемъ въ темный, неизвѣданный міръ нуждъ и лишеній, страстей и страданій, пороковъ и ошибокъ, паденій и преступленій,—

не только въ ихъ явныхъ проявленіяхъ, приведенныхъ въ извѣстность протоколомъ и статистикой, но и въ тѣхъ, которыя или стыдливо кроются отъ гласности, или счастливо ускользаютъ отъ неповоротливаго меча слѣпой Ѳемиды и осязательны только для нравоописателя.

Если, идя такимъ путемъ, мы намѣтимъ хоть отчасти причинную связь разсматриваемыхъ явленій и тѣ нарушающія, постоянныя и случайныя силы, которыя ихъ производятъ, мы будемъ считать нашу задачу выполненной въ вышеуказанныхъ границахъ.

Два слова еще о періодѣ, захватываемомъ нашимъ изслѣдованіемъ, и о матеріалахъ и источникахъ, которыми мы пользовались. Періодъ этотъ не—великъ: онъ обнимаетъ приблизительно послѣднее десятилѣтіе, начиная съ исхода шестидесятыхъ годовъ по конецъ семидесятыхъ. Узкость его предѣловъ зависѣла не отъ нашего выбора. Въ этомъ случаѣ мы должны были просто подчиниться нашему матеріалу, т. е., его скудости. Мы вынуждены были ограничиться тѣмъ лишь промежуткомъ времени, который у насъ сколько нибудь полно приведенъ въ извѣстность по данному вопросу и подготовленъ статистически для составленія основныхъ искомыхъ выводовъ. Базисомъ для него послужила систематическая, прекрасно обработанная, однодневная перепись Петербурга въ 1869 г., представляющая у насъ первый опытъ въ этомъ родѣ, по точности свѣдѣній, и послужившая главнымъ и самымъ надежнымъ статистическимъ матеріаломъ для предлагаемыхъ нами обобщеній и выкладокъ. Затѣмъ, намѣченный нами періодъ опредѣлялся невѣдомой прежде полнотой судебно-полицейскихъ свѣдѣній, упорядоченіе которыхъ совпадаетъ довольно близко съ однодневной переписью. Наконецъ, этимъ-же періодомъ охватывается время нашихъ личныхъ наблюденій и изысканій, посвященныхъ предмету предпринятаго теперь из-

слѣдованія. Впрочемъ, гдѣ будетъ нужно и гдѣ представится возможность мы не преминемъ расширить полотно нашей картины сравнительными сопоставленіями какъ изъ прошлой жизни Петербурга, такъ и изъ подходящихъ свѣдѣній о другихъ городахъ, нашихъ и иностранныхъ.

Кромѣ упомянутой выше однодневной переписи Петербурга за 1869 годъ, другими источниками и матеріалами для насъ служили: во-первыхъ, все существенное, что было писано въ нашей печати по занимающему насъ вопросу, за послѣднее десятилѣтіе; во-вторыхъ, никѣмъ еще не обработанныя систематически, малоизвѣстныя свѣдѣнія годичныхъ отчетовъ С.-Петербургской полиціи (слишкомъ за десять лѣтъ) и полицейской газеты *); и, въ третьихъ, оффиціальные цифровые обзоры судимости въ окружномъ, мировомъ и военномъ судахъ.

Всѣ эти статистическія цифровыя данныя, составляя какъ-бы остовъ нашего труда, надлежащимъ образомъ разработанныя, облекутся въ плоть и иллюстрируются собранной нами массой живыхъ фактовъ и наблюденій. Въ этомъ случаѣ, кромѣ личныхъ наблюденій, мы пользовались обширнымъ матеріаломъ, сосредоточеннымъ въ повременной печати, въ формѣ: отчетовъ и хроникъ окружнаго и мироваго судовъ по всякаго рода процессамъ, дневниковъ и лѣтописей происшествій, приключеній и фактовъ повседневной городской жизни, въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ.

Такова наша задача и таковы матеріалы и средства, съ которыми мы считали необходимымъ познакомить читателя, прежде чѣмъ войти въ стоящій передъ нами неизвѣданный, загадочный міръ.

*) За доставленіе этого весьма цѣннаго матеріала считаю долгомъ принести искреннюю признательность уважаемому С. В. Максимову.

Часть 1-я

Статистика нужды, недовольства и нравственной порчи.

I.

„Городъ пышный, городъ бѣдный".

Какъ язвы на тѣлѣ являются результатомъ и признакомъ болѣзненнаго состоянія организма, такъ преступленія и всякаго рода нарушенія права и нравственности указываютъ на ненормальность существующихъ соціально-экономическихъ отношеній въ данномъ обществѣ, на неудовлетворительность его организаціи. Вслѣдствіе этого, въ каждомъ обществѣ, болѣющемъ такими отступленіями отъ своего идеала, существуетъ во всякую данную минуту возможность извѣстнаго числа и порядка преступленій и проступковъ, повторяющихся въ опредѣленные періоды съ замѣчательной правильностью. Это—незыблемый статистическій законъ, на основаніи котораго заранѣе можно предсказать, что въ данномъ обществѣ за данное время совершится столько-то, приблизительно, убійствъ, грабежей, кражъ и т д.

Кетле называетъ этотъ законъ «податью преступленію, которую человѣкъ платитъ съ большей аккуратностью, чѣмъ дань природѣ и государственной казнѣ». Наблюденіе это было бы ужасно и крайне нелестно для репутаціи человѣческой природы и общественнаго союза, еслибъ оно не указывало, какъ говоритъ тотъ-же мыслитель, что люди могутъ совершенствоваться «посредствомъ измѣненія учрежденій, привычекъ, состоянія образованности и вообще всего, что имѣетъ вліяніе на ихъ бытъ».

«Вѣчная законность, которую нравственная статистика доказы-

ваетъ для произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій, происходитъ, — говоритъ другой извѣстный статистикъ-соціологъ Дробишъ, — не отъ фаталистическаго закона, не отъ судьбы, требующей слѣпой покорности и совершающейся съ неодолимой силой, а напротивъ того, составляетъ продуктъ постоянныхъ, но могущихъ видоизмѣняться причинъ»... «Постоянство статистическихъ цифръ указываетъ только на то, что въ современныхъ обществахъ поводы и случаи къ дѣйствіямъ, къ которымъ относятся эти цифры, ежегодно повторяются почти равномѣрно, вслѣдствіе слишкомъ упорной устойчивости даннаго общественнаго statu quo».

Словомъ, измѣните этотъ statu quo, отыщите ту возможность и тѣ элементы въ обществѣ, которые зарождаютъ преступленія, устраните ихъ, и — преступленія сами собой исчезнутъ.

Нарушающія силы и причины, разнуздывающія человѣческую волю отъ требованій долга и права, доставляющія ежегодный контингентъ новобранцевъ тюрьмы, ссылки и каторги, могутъ быть общія, присущія всѣмъ современнымъ европейскимъ центрамъ и повсюду дѣйствующія болѣе или менѣе одинаково, и — частныя, мѣстныя, составляющія специфическую особенность данной страны или даннаго города за взятый моментъ.

Обращаясь къ опредѣленію, въ массѣ петербургскаго населенія и въ условіяхъ его жизни, присутствія указанныхъ, «нарушающихъ» общественную нравственность элементовъ, мы, конечно, должны остановиться прежде всего на тѣхъ изъ нихъ, которые подходятъ подъ категорію общихъ и постоянныхъ. Въ числѣ ихъ, безъ сомнѣнія, главное и самое вліятельное мѣсто занимаетъ неудовлетвореніе такихъ первыхъ, основныхъ потребностей человѣческаго организма, какъ напр., чувство голода, защита тѣла отъ разрушительныхъ атмосферическихъ явленій, посредствомъ одежды и жилища, сохраненіе здоровья и личной безопасности отъ проявленій насилія и произвола, отъ разныхъ несчастныхъ случайностей и упущеній въ системѣ общественнаго благоустройства и проч. Все это составляетъ основныя требованія чувства самосохраненія, столь преобладающія надъ всѣми другими въ каждомъ живомъ организмѣ, и неудовлетвореніе которыхъ, въ той или другой степени, въ человѣкѣ обозначается общимъ терминомъ — бѣдность, пауперизмъ.

Какъ извѣстно, бѣдность, представляющая собою совокупность лишеній и неудовлетвореній по выше означеннымъ потребностямъ

каждаго человѣка, признается повсюду самымъ главнымъ, самымъ производительнымъ факторомъ для зарожденія и развитія всевозможныхъ пороковъ, нравственныхъ паденій и извращеній, проступковъ и преступленій. Бѣдность—это губительная, наполненная смрадной тиною пропасть, на днѣ которой несчастной жертвѣ чаще всего приходится выбирать между медленной смертью и преступленіемъ: другаго выхода тутъ нѣтъ. Какъ показываетъ ежедневный опытъ, пропасть эта, вырытая среди общества вѣковой неправдой разнузданной борьбы за существованіе, безпрерывно засасываетъ тысячи людей, у тысячи другихъ она вѣчно зіяетъ подъ ногами, для третьихъ—она вѣчно представляется страшнымъ пугаломъ въ болѣе или менѣе отдаленной перспективѣ и не даетъ имъ успокоиться. Стремленіе вырваться изъ ея мертвящей тины, наряду съ опасеніемъ не оступиться въ нее—служитъ господствующимъ стимуломъ ожесточенной человѣческой борьбы за существованіе, характеризующей нашу повседневную жизнь и разрѣшающейся, съ одной стороны, цѣнными продуктами труда и генія человѣческаго, понукаемыхъ «благодѣтельнымъ инстинктомъ голода», по выраженію Льюиса, а съ другой—массой безнравственныхъ поступковъ, «хищеній», кривдъ и подлостей, большихъ и маленькихъ, караемыхъ Ѳемидой и еще чаще остающихся безнаказанными. Слѣдовательно, для нашей задачи необходимо прежде всего опредѣлить, въ общихъ чертахъ, объемъ и глубину петербургской бѣдности, въ различныхъ ея проявленіяхъ и формахъ, и въ связи съ ея главными источниками и причинами. Нужно, впрочемъ, предварительно условиться относительно самаго понятія: что такое бѣдность и что такое бѣднякъ?

Изъ вышесказаннаго, да и по общепринятоому, обыденному глазомѣру, степень бѣдности или благосостоянія каждаго отдѣльнаго члена общества опредѣляется степенью его матеріальной обезпеченности и удовлетворенія его жизненныхъ потребностей. Не смотря, однако, на кажущуюся легкость разграниченія «богатыхъ» отъ «бѣдныхъ», ничто такъ не трудно, при крайней соціально-экономической пестротѣ современнаго городскаго населенія, какъ отыскать среднюю, нормальную мѣрку довольства и нужды, которую можно было бы приложить къ каждому, отдѣльно взятому индивидууму, безъ различія. Затрудненіе состоитъ въ томъ, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ чрезвычайно разнообразнымъ уровнемъ нуждъ и потребностей, обусловливаемымъ различіемъ степеней культурности, при-

вычекъ, обычаевъ, общественныхъ положеній и проч. Напримѣръ, въ деревнѣ, въ крестьянской средѣ, гдѣ этотъ уровень — единый и общій для всѣхъ членовъ населенія, находящихся на одинаковой степени культурнаго развитія и живущихъ въ однообразныхъ для всѣхъ условіяхъ, отыскать различіе между бѣднымъ и богатымъ очень легко; но въ городѣ, особенно въ такомъ большомъ, разноплеменномъ и разносословномъ городѣ, какъ Петербургъ, глазу наблюдателя представляется безконечно-разнообразный, не поддающійся квалификаціи, калейдоскопъ всевозможныхъ видовъ нужды и довольства, богатства и нищеты. Въ Петербургѣ можно встрѣтить такого, напр., сорта «бѣдняковъ».

Какъ-то намъ случилось лично столкнуться съ человѣкомъ, вращающимся въ великосвѣтскомъ кругу и пропитаннымъ его понятіями и воззрѣніями. Говоря о положеніи разныхъ аристократическихъ домовъ петербургскаго большаго свѣта, со стороны ихъ блеска и зажиточности, онъ замѣтилъ, между прочимъ, объ одномъ представителѣ громкой княжеской фамиліи, что господинъ этотъ «очень бѣденъ». Насъ это удивило, и мы освѣдомились о цифрѣ его дохода.

— Что-жь, онъ получаетъ какихъ-нибудь тридцать, сорокъ тысячъ въ годъ... Съ такимъ доходомъ нельзя держаться на высотѣ требованій большаго свѣта, — совершенно серьезно пояснилъ намъ нашъ собесѣдникъ, и примѣрными смѣтными выкладками бюджета аристократическаго дома доказалъ, что это дѣйствительно такъ.

Сколько-же степеней бѣдности, на мѣрку каждой отдѣльно взятой общественной среды, представится нашему взору, если сопоставить, съ одной стороны, этого бѣднаго князя, а съ другой — какого нибудь бездомнаго оборванца, у котораго не всегда хватаетъ трехъ копѣекъ на ночлегъ въ трущобахъ «Вяземской лавры»?

О томъ, какъ трудно квалифицировать, при указанныхъ условіяхъ, степень бѣдности и въ какой степени неясны и спутаны на этотъ счетъ господствующія понятія, — весьма назидательные примѣры представляетъ практика нашихъ судовъ. Какъ извѣстно, «бѣдность», «крайность», «неимѣніе средствъ къ пропитанію», вошедшія въ процессуальную терминологію, принимаются судомъ за смягчающія вину обстоятельства и ведутъ къ снисхожденію для подсудимыхъ. Кого-же судъ признаетъ бѣдняками, доведенными крайностью до преступленія?

Полунищій отставной старикъ-чиновникъ *), безъ гроша въ карманѣ, съѣдаетъ въ трактирѣ, для удовлетворенія голода, кушанья на 40 копѣекъ и отказывается уплатить эти деньги, за ихъ неимѣніемъ... Присяжные признаютъ, что онъ совершилъ это «преступное дѣяніе» по крайности, оправдываютъ его и даже сердобольно надѣляютъ нѣсколькими рублями отъ щедротъ своихъ.

Въ скандалезномъ процессѣ нѣкоторой интересной вдовы, одинъ изъ подсудимыхъ, человѣкъ высшаго образованія, бывшій членъ окружнаго суда, жившій на широкую ногу, завѣдомо и съ своекорыстной цѣлью удостовѣрилъ своей подписью фальшивое завѣщаніе... И судъ нашелъ, что онъ виновенъ, но былъ «вынужденъ крайностью»...

Бездомная и неимущая вдова-крестьянка взломала чужой ящикъ съ деньгами и похитила двѣ копѣйки... «Виновна, но вынуждена крайностью!».

«Замѣчательный» торговый корреспондентъ и «страстный» биржевой игрокъ, постоянно вращавшійся въ кругу самой крупной денежной аристократіи и по этой мѣркѣ привыкшій измѣрять свои желанія, поддѣлалъ фальшивыя обязательства и, съ помощью ихъ, присвоилъ чужихъ денегъ 55.000 рублей... Вотъ буква въ букву вопросъ, предложенный судомъ присяжнымъ: «если подсудимый виновенъ, то не совершилъ ли онъ преступленіе по крайности и неимѣнію средствъ къ пропитанію и работѣ?»

— Да, совершилъ по крайности! благодушно отвѣтили присяжные и обѣлили подсудимаго въ чистую.

Въ тотъ же день и въ стѣнахъ того же суда, только въ другомъ отдѣленіи, судился отставной рядовой, «прослужившій отечеству 35 лѣтъ», судился онъ за присвоеніе трехъ старыхъ, рваныхъ полушубковъ, и—вотъ въ какихъ выраженіяхъ живописалъ свою «крайность»:

— Не имѣю ни роду, ни племени... Пособія никакого нѣтъ... Не присталъ ни къ одному берегу, ни къ другому... Теперь старикъ...

*) Какъ здѣсь, такъ и въ послѣдующихъ очеркахъ, по многимъ уважительнымъ причинамъ, которыя, конечно, пойметъ читатель, мы будемъ избѣгать, по возможности, называть обезславленныя на судѣ имена, тѣмъ болѣе, что интересъ здѣсь не въ именахъ, а въ фактахъ. Оговариваемся только, что всѣ такого рода факты мы беремъ *исключительно* изъ практики однихъ петербургскихъ судовъ.

Бѣдность моя, кровь... За одежду и за хлѣбъ былъ бы вѣрный рабъ по гробъ жизни...

— Не по крайности ли и неимѣнію средствъ къ пропитанію совершилъ кражу подсудимый? спросилъ судъ присяжныхъ. — «Нѣтъ, не по крайности!» — послѣдовалъ неожиданный отвѣтъ.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ — а ихъ можно было бы подобрать сколько угодно — мы уже получаемъ нѣсколько образчиковъ «бѣдности» и «крайности», до того различныхъ и діаметрально противоположныхъ, что тутъ просто нечего и думать о какомъ нибудь обобщеніи и приложеніи какой либо нормы.

Сопоставляя приведенные факты, можно, пожалуй, прійти къ безотрадному заключенію относительно человѣческой справедливости. Въ самомъ дѣлѣ не странно-ли: «денежный» аристократъ, изъ страсти къ биржевой игрѣ похищающій десятки тысячъ, — это, на аршинъ справедливости, жалкій бѣднякъ, заслуживающій, по своей «крайности», полнаго снисхожденія; а нищій старикъ, «ни къ какому берегу не пріставшій» и проворовавшійся на нѣсколько рублей, — это закоренѣлый преступникъ, никакой крайности не испытывавшій и никакого снисхожденія не заслуживающій!.. Невольно вспоминается саркастическая похвала Гейне нѣмецкому правосудію за то, что предъ лицемъ его ни одинъ воръ, укравшій меньше ста талеровъ, не избѣгалъ висѣлицы, — похвала весьма аналогичная съ русской народной пословицей: «украдешь на грошъ — раздавятъ, какъ вошь, украдешь сто тысячъ — не велятъ и высѣчь!..»

Впрочемъ, въ приведенныхъ нами примѣрахъ не было и не могло быть мѣста кривосудію и завѣдомому послабленію проворовывающимся на сумму больше ста талеровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что цитированные приговоры были высказаны по внутреннему убѣжденію и по совѣсти. Непослѣдовательность ихъ и противорѣчивость указываютъ лишь на то, что ходячія понятія о крайности и бѣдности чрезвычайно сбивчивы и растяжимы. Положеніе, которое для васъ кажется бѣдностью, на взглядъ стоящаго ниже васъ на лѣстницѣ культурнаго развитія и матеріальныхъ потребностей, равнялось-бы благосостоянію, если не богатству.

Въ современномъ европейскомъ городскомъ обществѣ, при существующемъ крайне неравномѣрномъ распредѣленіи богатства, власти, образованія и всѣхъ благъ цивилизаціи, различіе положеній, опредѣляющихъ высоту и изысканность жизненныхъ потребностей данной

среды, не имѣетъ границъ и проявляется въ весьма рѣзкихъ формахъ. Напримѣръ, статистика высчитала, что, при разложенiи общей суммы цѣнностей, производимыхъ въ Европѣ земледѣлiемъ и индустрiей, на общее число ея жителей, средн і й ежегодный доходъ европейца составляетъ всего лишь 60 рублей въ годъ или $16^1/_2$ коп. въ день. Несомнѣнно, что существуетъ масса людей, которые цѣлую жизнь довольствуются доходомъ въ такомъ размѣрѣ, и можно допустить, что многiе изъ нихъ, при низкомъ уровнѣ своихъ потребностей, не чувствуютъ особенной крайности. Между тѣмъ, если взять какого нибудь аристократа, привыкшаго соизмѣрять свои потребности десятками тысячъ, и сократить его громадные доходы хотя на половину, онъ— несчастный человѣкъ, который совершенно основательно съ точки зрѣнiя — своей личной и своей среды — будетъ плакаться на свою горькую крайность. Сошлемся на болѣе наглядные для всякаго, реальные примѣры.

Извѣстно, изъ личнаго опыта каждаго петербуржца, принадлежащаго къ образованному слою общества и къ классу людей средняго достатка, что въ настоящее время въ Петербургѣ, при существующей дороговизнѣ и низкомъ курсѣ нашего рубля, ежегодный доходъ на семейный домъ въ одну и даже двѣ тысячи рублей совершенно недостаточенъ для покрытiя всѣхъ потребностей первой необходимости, не говоря уже о роскоши, если мѣрять эти потребности на масштабъ культурной жизни. И рядомъ съ этими несомнѣнными «бѣднякам», не выходящими изъ самой тѣсной «крайности», въ Петербургѣ живетъ въ совершенномъ довольствѣ, на аршинъ своихъ потребностей, масса людей, весь годичный доходъ которыхъ равняется нѣсколькимъ десяткамъ рублей. Мы разумѣемъ низшiй промышленно-рабочiй слой столичнаго населенiя, напр.: домовую прислугу, извозчиковъ, ремесленниковъ и т. д.

Всѣ эти соображенiя и контрасты указываютъ, вопервыхъ, на закоренѣлыя уродливости существующаго соцiальнаго statu quo, создающаго такое рѣзкое неравенство въ развитiи потребностей, которыя у однихъ стоятъ на уровнѣ примитивнаго быта, а у другихъ— достигаютъ сибаритства и расточительной изысканности, и—это наряду съ такою-же рѣзкою неравномѣрностью въ распредѣленiи земныхъ благъ. Во-вторыхъ, данныя эти указываютъ на крайнюю относительность понятiя о «бѣдности», откуда сама собой возникаетъ необходимость провѣрки сложившагося и господствующаго мнѣнiя,

что ограниченность и скудость матеріальныхъ средствъ безусловно служатъ главнымъ возбудительнымъ факторомъ въ развитіи безнравственности и преступленій, въ поджиганіи человѣческой воли къ нарушенію личныхъ и имущественныхъ правъ ближняго.

Наши поселяне, какъ извѣстно, очень бѣдны, говоря вообще, особенно сравнительно съ горожанами. Между тѣмъ, судебная статистика и наблюденія изучающихъ народъ изслѣдователей показываютъ, что наша деревня, не смотря на ея безъисходную бѣдноту, на постигающія ее такъ часто многія невзгоды, о гнетѣ которыхъ горожане и понятія не имѣютъ, гораздо нравственнѣе, цѣлостнѣе и честнѣе города и, сравнительно съ нимъ, выдѣляетъ гораздо меньшій процентъ преступниковъ. Въ то же время мы чуть не каждый день видимъ, что никакое, повидимому, блестящее общественное положеніе, никакое богатство не исключаютъ въ людяхъ инстинктовъ хищности и звѣрства, выражающихся нерѣдко въ формѣ возмутительнѣйшихъ преступленій, и, вообще, не дѣлаютъ людей выше и нравственнѣе, а—напротивъ—часто деморализуютъ ихъ.

Въ этомъ отношеніи, «бѣдность», взятая безусловно,—пустой терминъ, ровно ничего не выражающій. Опредѣленіе степени бѣдности и крайности мыслимо только при сопоставленіи и сравненіи съ уровнемъ потребностей данной личности и данной среды. Это въ особенности слѣдуетъ принять во вниманіе при изслѣдованіи петербургскаго пауперизма, такъ какъ, быть можетъ, ни въ одной изъ европейскихъ столицъ нѣтъ такого разительнаго различія въ степеняхъ культурности, въ уровнѣ потребностей и въ распредѣленіи богатствъ, какое замѣчается въ пестрой массѣ петербургскаго населенія, въ средѣ котораго огромное множество людей довольствуется наименьшею долею матеріальнаго благосостоянія, наряду съ сибаритами, надѣленными лукулловскимъ аппетитомъ и безграничной прихотливостью.

Вопросъ, слѣдовательно, долженъ быть поставленъ нѣсколько иначе, нежели привыкли его ставить моралисты. Безспорно, что бѣдность, въ смыслѣ положительнаго «неимѣнія средствъ къ пропитанію», въ смыслѣ круглаго лишенія на спросъ потребностей первой необходимости, должна быть принята во вниманіе, какъ одинъ изъ факторовъ, образующихъ «подать преступленію»; но, понятая въ такомъ смыслѣ, она слишкомъ специализируется и перестаетъ занимать господствующее значеніе въ области разсматриваемыхъ явленій.

Такое значеніе здѣсь должно быть отдано болѣе широкому понятію—понятію недовольства вообще, развивающагося въ населеніи по различнымъ, иногда очень сложнымъ причинамъ, и отъ степени распространенія и напряженности котораго находится обыкновенно въ полной зависимости статистика всякихъ нравственныхъ отступленій, нарушеній и преступленій. Это недовольство, это тревожное, мучительное сознаніе необезпеченности своего положенія, непрочности и недостаточности своихъ матеріальныхъ средствъ, создаются, главнымъ образомъ, тѣмъ несоотвѣтствіемъ между возбуждаемыми потребностями и ихъ удовлетвореніемъ, которымъ страдаетъ такое множество культурныхъ горожанъ. Потребности быстро возникаютъ и усложняются, еще быстрѣе распространяются онѣ въ массѣ и усвоиваются ею, а между тѣмъ матеріальныя средства и зажиточность, въ частности, возростаютъ гораздо медленнѣе (напр., заработная плата, жалованье и пр.), вслѣдствіе чего съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается число индивидуумовъ, страдающихъ отъ неудовлетворенія, въ той или другой степени, своихъ желаній, требованій, вкусовъ и привычекъ. При этомъ, нужно замѣтить, что современная городская жизнь, особенно въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, наряду со здоровыми и своевременными потребностями, искусственно возбуждаетъ и распространяетъ множество потребностей неправильныхъ, фальшивыхъ и суетныхъ, напр., вкусъ къ роскоши, къ тщеславному внѣшнему блеску, къ сильнымъ ощущеніямъ въ области утонченнаго распутства, къ наслажденію зрѣлищами и проч.

Потребности этой категоріи, совершенно опутывая людей извѣстныхъ привилегированныхъ слоевъ, въ то же время, съ легкостью заразы, проникаютъ въ массу низшаго и недостаточнаго городскаго населенія и, въ большей или меньшей степени, деморализируютъ ее. Какъ бы ни были такого рода потребности искусственны и ложны, но повсечасно возбуждаемыя соблазнами городской прихотливой жизни, онѣ крайне заостряются и, отсюда, неудовлетвореніе ихъ заставляетъ страдать, заставляетъ искать исхода, разжигаетъ хищническіе инстинкты и заглушаетъ голосъ покладистой совѣсти. Человѣкъ, разъ попавшій въ этотъ водоворотъ, сроднившійся съ опьяняющимъ чадомъ прихотей и наслажденій, уже не можетъ и не хочетъ жить въ другой обстановкѣ и атмосферѣ. Борьба за существованіе превращается здѣсь въ борьбу за личное чревоугодіе,

сластолюбіе и тщеславіе. Подстрекаемое этими дорого стоющими похотями, чувство себялюбія не останавливается уже ни передъ чѣмъ, ради удовлетворенія этихъ похотей, ради необходимыхъ для пышной и разгульной жизни средствъ...

И вотъ передъ нами встаетъ длинный рядъ всевозможныхъ, нерѣдко омерзительнѣйшихъ преступленій и «хищеній», поражающихъ своими размѣрами и своей наглостью въ такихъ вершинахъ общества, гдѣ даже понятія не имѣютъ, что такое «бѣдность» и «крайность», которыми можно было-бы извинить преступную волю. Здѣсь стимуломъ разнузданной воли является уже, отмѣченная стихомъ современнаго русскаго сатирика, «тоска по милліонѣ», разрѣшающаяся болѣе или менѣе счастливыми покушеніями «благопріобрѣсть» его, съ соблюденіемъ декорума внѣшней законности и приличій, а не то и просто—украсть... Конечно, для многихъ, томящихся этой «тоскою», которая является результатомъ неудовлетворенія алчныхъ похотей сластолюбія, роскоши и тщеславія, желанный «милліонъ» вѣчно остается «въ туманѣ»—недосягаемой мечтою; но намъ довольно знать, чѣмъ именно характеризуется и въ какой формѣ проявляется борьба за существованіе въ намѣченной общественной сферѣ.

Какъ всегда и вездѣ, здѣсь много званыхъ, но мало избранныхъ прихотливою фортуной. Борьба съ каждымъ днемъ становится труднѣе, искомый «милліонъ», казенный и общественный, все крѣпче и крѣпче припрятывается за замки, все болѣе и болѣе усовершенствуемые; общество становится внимательнѣе къ интере самъ своимъ и народнымъ, общественная совѣсть чутче и взыскательнѣе, — и прокурорскій надзоръ, съ бдительностью и неподкупностью аргуса, стоитъ на стражѣ имущественной безопасности, личной и общественной. Вотъ почему современнымъ Лукулламъ и Алкивіадамъ, тоскующимъ по «милліонѣ», въ перспективѣ ихъ блестящей карьеры съ одинаковою отчеливостью мерещатся: рай Магомета, въ парижскомъ изданіи, скамья подсудимыхъ и револьверъ—либо одно, либо другое, либо третье, и чаще другое и третье, чѣмъ первое, чѣмъ удача и слава, съ благополучно унесеннымъ «милліономъ» въ карманѣ! Указывать-ли примѣры и называть-ли имена? Ихъ столько—и столько между ними краснорѣчивыхъ—они такъ врѣзались въ общественную память, что поименовывать ихъ нѣтъ надобности.

Слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, суровый моралистъ, князь

Щербатовъ, свидѣтельствуя, что современные ему знатные русскіе люди «генерально, можно сказать, были люди распутные», съ гражданственнымъ укоромъ спрашивалъ ихъ: «что можетъ сказать народъ, видя ваше сластолюбіе и роскошь, превосходящія ваши доходы?» Мораль и скептицизмъ угнетеннаго гражданскою скорбью князя не заходили слишкомъ глубоко. Высказанный имъ укоръ исходилъ просто изъ опасенія, что «поврежденіе нравовъ», переходя сверху внизъ и «всюду укореняясь къ разоренію домовъ», можетъ сообщиться низшей народной массѣ и деморализовать ее. Опасеніе небезосновательное и для нашихъ дней.

Дѣйствительно, быть можетъ, самое худшее слѣдствіе «поврежденія нравовъ» въ верхушкахъ общества—то, что оно отражается крайне неблагопріятно на общей духовной гигіенѣ и матеріальной экономіи всей страны, и въ нашемъ примѣрѣ — всего городскаго населенія. Независимо отъ вреднаго вліянія такого «поврежденія» на высшіе государственные интересы, оно заражаетъ и деморализуетъ массу. Между верхними и нижними слоями городскаго общества слишкомъ много точекъ соприкосновенія, чтобы язвы и пороки первыхъ не сообщались и послѣднимъ. За всѣмъ тѣмъ, въ Петербургѣ, гдѣ, какъ извѣстно, низшіе классы населенія состоятъ преимуществено изъ пришлаго крестьянства, являющагося изъ деревень ради заработковъ, указанная зараза не ограничивается райономъ одной столицы, а распространяется въ большей или меньшей степени по всей Россіи. Въ доказательство можно указать на общеизвѣстный фактъ, давно уже озабочивающій правительство и земство,—распространеніе сифилиса въ деревенскомъ населеніи, принимающее опасные размѣры. Кому-жъ обязана наша деревня этой губительной язвой, какъ не городу, и главнѣе всего Петербургу, съ его развратомъ? И въ такомъ родѣ, множество цвѣтовъ городской цивилизаціи разносится по лицу русской земли.

Конечно, тутъ виновата не цивилизація, а сопровождающее ее, по обыкновенію, «поврежденіе нравовъ», неразлучное въ эпохи перехода данной среды изъ патріархальнаго быта къ высшей культурѣ. Руссо былъ правъ въ извѣстной степени, сказавши, что въ человѣчествѣ, «рядомъ съ умственнымъ прогрессомъ, идетъ нравственная испорченность». Дѣло въ томъ, что вездѣ и всегда люди, вступая изъ первобытнаго состоянія на путь прогресса, прежде всего усвоиваютъ внѣшніе, такъ сказать, аксессуарные и нерѣдко отрица-

тельные признаки и свойства цивилизаціи,—бросаются на ея приманки дурнаго вкуса, и только впослѣдствіи, путемъ долгой школы, цивилизуются на самомъ дѣлѣ, въ настоящемъ значенія этого слова. Много значитъ еще въ этихъ случаяхъ—подъ какимъ вліяніемъ и изъ какихъ рукъ идетъ въ неразвитую массу цивилизація?

Обыкновенно, учительную роль здѣсь исполняютъ высшіе, «правящіе» классы, соприкасаясь съ которыми, дѣвственные «сыны народа» рабски перенимаютъ плоды и пріобрѣтенія цивилизованной жизни безъ всякой критики. По крайней мѣрѣ, такой порядокъ имѣетъ мѣсто и широкое примѣненіе въ средѣ петербургскаго населенія и въ ходѣ петербургской цивилизаціи, создавшей хорошо знакомый всѣмъ, можно сказать, всероссійскій типъ питерскаго «образованнаго мужика», какъ онъ любитъ самъ себя величать. Но что такое этотъ образованный «питерщикъ» и какого сорта культурность должна дать ему столичная цивилизованная жизнь, складывающаяся по вкусу и потребностямъ высшаго класса, если въ нравахъ самого этого класса царитъ глубокое «поврежденіе?»—Отвѣтъ ясенъ, и для каждаго наблюдателя наглядно сказывается при первомъ-же знакомствѣ съ «питерщикомъ» низшаго слоя, весьма несимпатичнымъ—нужно сказать правду—въ большинствѣ случаевъ. Деморализація происходитъ обыкновенно такимъ образомъ.

Соблазнительная легкость нравовъ, вкусъ къ сластолюбію, роскоши, суетности распространяются преемственно отъ верхушекъ по всѣмъ нижнимъ слоямъ общества, причемъ обнаруживается, что чѣмъ ниже слой, тѣмъ грубѣе и уродливѣе формы и симптомы этой нравственной эпидеміи. Оргія разливается широкимъ потокомъ, привлекаетъ за свой пиршественный столъ все большее число поклонниковъ Мамона и Ваала, и бываютъ минуты, когда ея изступленный, вакхическій гамъ дѣлается господствующимъ и заглушаетъ всякіе «гражданскіе мотивы». Есть прелюбопытныя и далеко не одиночныя указанія преемственнаго распространенія этой заразы сверху внизъ. Предъ нами рядъ криминальныхъ фактовъ, гдѣ личности изъ самаго низменнаго слоя петербургскаго населенія, подъ вліяніемъ помянутой заразы, получали до того острый аппетитъ къ сластолюбивому жуированію и бонвиванству, что для достиженія своей цѣли не останавливались ни передъ кражей и шантажемъ, ни передъ убійствомъ и самоубійствомъ.

Какъ-то, однажды, на Семеновскомъ плацу были подняты въ

безчувственно-пьяномъ состоянiи двое подростковъ изъ простолюдиновъ. При нихъ найдены были опорожненныя бутылки. Навели справки, и оказалось, что одинъ изъ нихъ, служа «мальчикомъ» въ винномъ погребѣ, усвоилъ утонченный вкусъ къ шампанскому, которое и сталъ, бутылка за бутылкой, таскать изъ хозяйскаго погреба, распивая его каждый разъ на вольномъ воздухѣ, гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, въ компанiи съ прiятелями однолѣтками.

Быть можетъ, это была только шалость — весьма, впрочемъ, характерная,—извиняемая легкомыслiемъ юности; но вотъ передъ нами цѣлый, правильно-организованный кружокъ юныхъ «шалуновъ», образъ дѣйствiй которыхъ трудно поддается какому-бы то ни было оправданiю. Всѣ они—почти мальчики, едва вышедшiе изъ отроческаго возраста. Самому старшему изъ нихъ 20 лѣтъ. Ихъ обвиняли въ томъ, что они систематически, компанiей, занимались, по выраженiю одного изъ нихъ, «прибыльнымъ ремесломъ», заключавшимся въ педерастiи, которую они, къ тому-же, нерѣдко эксплуатировали и для наглаго шантажа, въ тѣхъ случаяхъ, когда попавшую въ западню жертву можно было запугать угрозой скандалезнаго обличенiя и, на этомъ основанiи, сорвать съ нея деньги. Послѣ каждой удачной ловитвы, честно потрудившiеся молодые люди нанимали лихачей и беззаботно катили въ аристократическiе рестораны Дюссо и Бореля, гдѣ заканчивали свои похожденiя веселымъ, роскошнымъ ужиномъ съ шампанскимъ. Конечно, и остальные свои досуги и заработки они утилизировали на забавы и наслажденiя, не менѣе «шикарныя» и комфортабельныя... Кто-жъ эти сибариты, съ такими аристократическими вкусами?—Одинъ изъ нихъ — сынъ унтеръ-офицера, другой —мѣщанинъ, третiй —сынъ коллежскаго регистратора, остальные два—«рижскiе граждане». На судѣ обнаружилось, что всѣ они не получили никакого образованiя, не имѣли никакихъ занятiй и ни гроша за душой, и были, такъ сказать, питомцами петербургской улицы, представителями подонковъ общества.

Съ такого же пошиба представителями тѣхъ-же подонковъ встрѣчаемся мы и въ знаменитомъ дѣлѣ фонъ-Зона. И тутъ сидѣла на скамьѣ подсудимыхъ цѣлая компанiя темныхъ, грубыхъ и неразвитыхъ существъ, выброшенныхъ изъ деревни и изъ низшаго слоя городскаго населенiя на петербургскую улицу, развратившую ихъ до мозга костей и давшую имъ ту же «образованность», подъ которой въ этой средѣ подразумѣвается страсть къ внѣшнему

щегольству, къ «шику», и вкусъ къ праздной, разгульной жизни на «господскую» ногу... Для удовлетворенія изысканныхъ потребностей такой жизни, компанія, путемъ гнуснѣйшихъ промысловъ и мошенническихъ продѣлокъ, пришла къ изобрѣтенію цѣлой системы грабежей и убійствъ, къ счастью, «пресѣченныхъ» въ самомъ началѣ. Въ высшей степени характеристична одна маленькая подробность въ этомъ страшномъ дѣлѣ: когда компанія, покончивъ съ Зономъ, свезла его въ чемоданѣ на желѣзно-дорожный вокзалъ и сдала въ багажъ, то первымъ дѣломъ ея было, послѣ такъ счастливо исполненной операціи, зайти гурьбой въ кондитерскую и полакомиться пирожнымъ на ограбленныя у несчастной жертвы деньги.

Еще примѣръ. Одинъ темный, полунищій и праздный разночинецъ, тоже отлично познавшій вкусъ къ наслажденіямъ культурной жизни и снѣдаемый алчной похотью полакомиться ими, какъ-то въ тиши ночной, по внезапному наитію, пробрался въ комнату своего пріятеля и сосѣда, по жилью, и задушилъ его, спящаго, изъ за нѣсколькихъ рублей и дрянной енотовой шубы... Прямо съ «работы», онъ отправился на извощикѣ въ домъ терпимости и весело прокутилъ тамъ до разсвѣта на счетъ добычи. Проэктъ усладительнаго кутежа въ подобномъ вкусѣ, какъ оказалось потомъ, убійца этотъ давно лелѣялъ въ сердцѣ. У него нашли слѣдующій примѣчательный рецептъ: «Мышьяку на 15 к., скипидару на 10 коп., цинковаго кали на 60 коп. и крѣпкой водки на 15 коп. Принять послѣ хорошаго обѣда у Бореля... Кому свѣтъ надоѣлъ, тотъ да воспользуется симъ совѣтомъ! Рубль стоитъ недорого...» Интересно здѣсь сопоставленіе отвращенія къ «надоѣвшему свѣту» съ «хорошимъ обѣдомъ у Бореля». Очевидно, что составитель рецепта страдалъ не отвращеніемъ и оскоминой къ жизни, а—напротивъ—слишкомъ алчнымъ и не по карману изысканнымъ аппетитомъ къ ней.

Подобный гастрономическій рецептъ имѣетъ варіанты, и однажды былъ съ успѣхомъ примѣненъ на практикѣ однимъ сибаритомъ изъ той-же среды петербургскихъ подонковъ и отребьевъ городской цивилизаціи. Субъектъ этотъ—молодой человѣкъ, весело проведя вечеръ въ танцъ-классѣ «Эльдорадо», пользовавшемся весьма скандалезной репутаціей, пріѣхалъ съ пріятелями и дамами въ гостинницу, взялъ номеръ, заказалъ роскошный ужинъ съ шампанскимъ, и въ самый разгаръ вакханаліи хватилъ яду, чѣмъ и покончилъ счетъ съ хо-

зяиномъ гостинницы за ужинъ и съ своей безпутной забубенной жизнью.

Этотъ безумецъ ликвидировалъ свое существованіе изъ-за личнаго наслажденія; но вотъ нашелся оригиналъ, который на 47-мъ году жизни повѣсился изъ-за неимѣнія средствъ для «приличнаго» содержанія своей жены, отличавшейся утонченнымъ вкусомъ, не по карману, къ изысканной роскоши и свѣтскимъ развлеченіямъ... Дальше уже не можетъ идти изобрѣтательность отчаянія, подъ гнетомъ неудовлетворенности фальшивыхъ, растлѣвающихъ потребностей сластолюбія, разврата и разгула! Это не «бѣдность» и «крайность», это и не «ошибки молодости» — не игривыя вспышки здоровой юношеской крови, это—

Безбожный пиръ, безбожные безумцы,

у «бездны мрачной на краю», по выраженію поэта... «Vive la gaîeté et la folie!»—вотъ девизъ этихъ, развращенныхъ до потери образа человѣческаго, безумцевъ, вырвавшійся какъ-то у одного изъ нихъ въ минуту отвратительной оргіи. Девизъ этотъ, впрочемъ, нуждается въ маленькой поправкѣ. Прежде всего, тутъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста веселью—здѣсь бѣснуется одно безоглядное отчаянье «у бездны мрачной на краю», отъ которой нѣтъ спасенія. Затѣмъ, къ словамъ: «да здравствуетъ безуміе», слѣдуетъ прибавить: «и преступленіе». Густой оттѣнокъ уголовщины виситъ здѣсь въ воздухѣ и даетъ тонъ всей картинѣ этого «безбожнаго пира».

Петербургъ переполненъ «безумцами» этой опасной, противуобщественной категоріи, порожденныхъ безурядицей соціальныхъ отношеній и общимъ «поврежденіемъ нравовъ», характеризующимся погоней за роскошью и наслажденіями, искушеніе которыми городская суетность и городская индустрія довели нынѣ до самой безстыдной рекламы.

Въ сущности, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отбросомъ весьма многочисленнаго въ Петербургѣ культурнаго пролетаріата, въ ряды котораго входятъ представители всѣхъ слоевъ общества, начиная отъ «захудалыхъ», раззорившихся и промотавшихся аристократовъ и кончая культивированнымъ городскою внѣшнею «образованностью», избаловавшимся въ городѣ простолюдиномъ, окончательно оторваннымъ отъ деревни.

Этотъ классъ городскаго населенія, именуемый «недостаточнымъ», по оффиціальному термину, состоитъ въ значительной части изъ необезпеченныхъ, голодающихъ, бьющихся какъ рыба объ ледъ, неудачниковъ и несчастливцевъ, ни къ чему не пристроенныхъ и, въ большинствѣ, ни къ чему неспособныхъ, а также изъ людей праздныхъ, не выучившихся труду или потерявшихъ къ нему охоту, крайне деморализованныхъ и порочныхъ, до полной готовности во всякую данную минуту идти на безнравственное и преступное дѣло, при первомъ соблазнѣ легкой добычи, ради удовлетворенія страсти къ роскоши и распутству. Вотъ эта-то среда и образуетъ самую глубокую и опасную, самую злокачественную язву въ организмѣ столичнаго общества, въ отношеніи его нравственной гигіены; она-то и выдѣляетъ наибольшій процентъ всякаго рода противуобщественныхъ, гнилостныхъ отложеній и элементовъ, проявляющихся въ массѣ повседневныхъ нарушеній и уродливостей въ жизни частной и публичной; она-же уплачиваетъ и наибольшую «подать преступленію» въ общей криминальной статистикѣ столицы.

Чрезвычайно любопытно было бы опредѣлить въ цифрахъ численность выше очерченной среды, состоящей изъ отброса культурнаго пролетаріата столицы, какъ не менѣе любопытно и важно для нашей задачи было-бы знать также численный объемъ этого послѣдняго, вообще; но эта подвижная, пестрая масса, вѣчно мѣняющаяся въ своемъ составѣ и разбивающаяся на множество неуловимыхъ, часто замаскированныхъ разновидностей, не можетъ уложиться въ практикуемыя современной статистикой рубрики. До какой степени статистика безсильна уловить и подчинить счету этого рода явленія общественной физики, можно судить по слѣдующему назидательному примѣру.

Въ переписи столичнаго населенія 1869 г. есть рубрика для лицъ, «живущихъ неопредѣленными средствами» или, какъ говорится на канцелярскомъ языкѣ,—«не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій». Рубрика чрезвычайно важная и интересная для насъ, потому что лица помянутой категоріи обыкновенно входятъ въ контингентъ городскаго пролетаріата и представляютъ, по теоріи, наиболѣе опасный для общественной нравственности элементъ. Но какія-же свѣдѣнія даетъ намъ по этому предмету перепись?—По ея вычисленію, оказывается, что въ Петербургѣ лицъ, «живущихъ неопредѣленными средствами», всего на все—2.345 (въ томъ числѣ

788 мущинъ и 1.557 женщинъ) или около 0,3% (на 670 т. жителей)... Еслибы на эту цифру можно было положиться, тогда Петербургъ представился-бы намъ счастливѣйшимъ, трудолюбивѣйшимъ и благонравнѣйшимъ городомъ въ мірѣ!

Къ сожалѣнію, этого нѣтъ въ дѣйствительности, и—несомнѣнно, что приведенная цифра переписи не даетъ даже самаго отдаленнаго представленія о существующемъ въ нашей столицѣ—весьма многочисленномъ, какъ мы полагаемъ,—классѣ людей, не имѣющихъ ни опредѣленныхъ занятій, ни средствъ, праздношатающихся по охотѣ и по неволѣ, бѣдняковъ и лодырей, перебивающихся со дня на день въ ожиданіи какихъ-то невѣдомыхъ благъ, либо въ полномъ отчаяніи до тѣхъ поръ, пока они такъ или иначе не попадутъ на казенное иждивеніе — въ тюрьму-ли, въ нищенскій комитетъ, въ больницу, или-же, наконецъ, въ ящикъ изъ четырехъ досокъ, являющійся часто желаннымъ, примиряющимъ эпилогомъ жалкой, постылой и безполезной жизни... Сколько именно такихъ людей въ Петербургѣ— перепись не даетъ намъ отвѣта. Есть даже вѣроятіе, что въ ея фиктивную цифру «лицъ, живущихъ неопредѣленными средствами», немало попало такихъ субъектовъ, средства существованія которыхъ— напротивъ — очень опредѣленны. Это можно заключить изъ значительнаго преобладанія въ этой цифрѣ женщинъ надъ мужчинами. Не подлежитъ почти сомнѣнію, что большинство сосчитанныхъ здѣсь особъ прекраснаго пола, руководимыя стыдливостью, для проформы сослались на «неопредѣленныя средства», не желая пускаться въ откровенность.

Есть, впрочемъ, нѣкоторая возможность, путемъ довольно сложныхъ и гадательныхъ статистическихъ выкладокъ и сопоставленій, приблизительно намѣтить объемъ необезпеченнаго и «недостаточнаго класса» въ петербургскомъ населеніи, мѣряя его на грубо-элементарный и далеко не точный аршинъ. Такъ, для первой посылки, отмѣтимъ общее число петербуржцевъ—не производящихъ, не имѣющихъ своихъ средствъ и живущихъ на счетъ труда другихъ. Число это весьма значительное, если въ него занести огуломъ:

	Муж. п.	Жен. п.	Об. п.
Лицъ, получающихъ средства существованія отъ главъ семействъ и родныхъ	59.783	145.693	205.476
Живущихъ неопредѣленными средствами . . .	788	1.557	2.345
Призрѣваемыхъ благотворительностью	1.932	9.748	11.680

	Муж. п.	Жен. п.	Об. п.
Проститутокъ	—	2.041	2.041
Арестантовъ	1.832	201	2.033
	64.335	159.240	223.575

Такимъ образомъ, оказывается, что цѣлая треть столичнаго населенія (по г. Вильсону — 40%) состоитъ изъ лицъ несамостоятельныхъ въ матеріальномъ отношеніи, не производящихъ и получающихъ свои средства отъ другихъ лицъ или отъ общества.

Конечно, цифра эта не можетъ быть принята цѣликомъ и безусловно за надежную посылку для опредѣленія объема паразитныхъ и опасныхъ элементовъ въ средѣ столичнаго населенія. Очевидно, что огромную часть приведенной цифры составили члены семействъ женскаго пола и несовершеннолѣтніе вообще, изъ которыхъ очень многіе, вѣроятно, имѣли всѣ данныя для обезпеченнаго существованія на всю жизнь. Но въ то же время эта цифра даетъ приблизительное указаніе и на число лицъ, безсильныхъ бороться съ жизнью собственными силами и отвоевывать себѣ благосостояніе и прочное положеніе, независимо отъ посторонней помощи. Предъ нами стоитъ огромная масса индивидуумовъ слабыхъ, изнѣженныхъ, неумѣлыхъ и неспособныхъ къ труду — все равно, по какимъ-бы то ни было причинамъ, временнымъ-ли, или постояннымъ; но дѣло въ томъ, что въ данную минуту большинство ихъ, лишившись почему-либо опоры и содержанія со стороны «главъ семействъ и родныхъ», могутъ стать вдругъ въ совершенно безпомощное, бѣдственное положеніе и присоединиться къ рядамъ представителей опасныхъ элементовъ. Такъ это и случается въ дѣйствительности ежедневно, во множествѣ примѣровъ, по такимъ простымъ, естественнымъ поводамъ, какъ, напр.: болѣзнь или смерть главы семейства, потеря служебнаго мѣста, раззореніе, семейные раздоры и проч.

Другую посылку для искомаго вывода представляетъ намъ приведеніе въ извѣстность квартирнаго положенія жителей столицы, т. е. отношеніе квартиръ и числа ихъ комнатъ къ числу жильцовъ и къ количеству квартирной платы. Данныя для этого особенно полно и тщательно разработаны въ переписи 1869 г. По этимъ даннымъ оказывается, что въ Петербургѣ чуть не половина жителей живетъ чрезвычайно тѣсно и неудобно. Такъ въ столицѣ имѣлось за описываемый періодъ:

	Квартиръ.	Въ нихъ жит.	На кажд. кварт.
Въ 1 комнату . .	16.505	75.055	4,5
» 2 » . .	14.395	93.152	6,4
» 3 » . .	15.821	109.554	6,9
	46.721	277.761	5,9

Среднее отношеніе—5,9 жильцовъ на квартиру, не превышающую трехъ комнатъ,—отношеніе въ высшей степени неблагопріятное, какъ въ гигіеническомъ, такъ въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Оно ясно свидѣтельствуетъ о крайней бѣдности населенія и о низкомъ уровнѣ его потребностей. Нужно замѣтить, притомъ, что ближайшее разсмотрѣніе приведенныхъ цифръ даетъ еще болѣе безотрадный выводъ. Изъ переписи узнаемъ, что однокомнатныя квартиры только въ 2502-хъ случаяхъ заняты однимъ жильцомъ, зато огромное множество этой категоріи квартиръ (болѣе 80%) переполнены жильцами гораздо болѣе средней нормы (4, 5). Узнаемъ, что 5652 квартиры въ одну комнату вмѣщаютъ каждая отъ 5 до 10, 20, даже до 50-ти и свыше жильцовъ. То же самое можно сказать о большинствѣ двухкомнатныхъ квартиръ.

Изъ всего этого можно заключить, что исчисленные выше 277.761 петербуржцевъ, составляющихъ слишкомъ 40% столичнаго населенія, должны быть отнесены, по качеству, размѣру и удобству своихъ жилищъ, къ «недостаточному классу». Замѣчательно, при этомъ, одно совпаденіе, подкрѣпляющее сдѣланный выводъ. Въ переписи приведены точныя свѣдѣнія о числѣ квартиръ съ прислугою и безъ прислуги; но только лишь для 66.742 квартиръ (въ 1869 г. въ Петербургѣ всѣхъ ихъ было болѣе 80 т.). Оказывается, что изъ этого числа бо̀льшая половина, т. е. 34.929 квартиръ вовсе не имѣли прислуги, присутствіе которой несомнѣнно указываетъ на извѣстную степень зажиточности. Это-то число и совпадаетъ почти съ выше приведеннымъ числомъ бѣдныхъ квартиръ (46.721). Слѣдовательно, можно предположить, изъ сопоставленія этихъ данныхъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло, дѣйствительно, съ классомъ «недостаточнымъ». Выводъ этотъ подтверждается также справкою о размѣрѣ квартирной платы.

Средняя квартирная плата въ Петербургѣ въ 1869 г. была: 307,01 р. на квартиру и 41,8 р. на каждаго жителя. Между тѣмъ, одновременно въ Петербургѣ имѣлось квартиръ—4310 съ платой въ годъ отъ 12 до 50 р.; 20.213, съ платой отъ 50 до

150 р., и 20.434 съ платой отъ 150 до 300 р.,—всего 44.857 квартиръ, стоимостью гораздо ниже средней нормы. Отношеніе въ высшей степени поучительное! Очевидно, что высокая средняя цифра квартирной платы была обязана своимъ ростомъ исключительно богатымъ людямъ, оплачивающимъ дорогія квартиры; недостаточный-же классъ ютился въ дешевыхъ трущобахъ, стоимостью не свыше 300 руб., и—число такихъ трущобъ превосходило половину общаго числа петербургскихъ квартиръ.

Мы останавливаемся на этихъ статистическихъ данныхъ, посильно собранныхъ для отысканія искомаго икса, представляющаго объемъ петербургской нужды и бѣдности. Не наша вина, что эти данныя гадательны и неточны. Быть можетъ, мы будемъ счастливѣе при дальнѣйшемъ обзорѣ частностей очерченной здѣсь картины петербургскаго пролетаріата и пауперизма.

II.

Общая сумма „подати преступленію“ и ея повѣрка.

Степень нравственности или безнравственности даннаго населенія принято опредѣлять цифрами судебно-полицейской статистики. Пока это—единственный почти, сколько нибудь вѣрный масштабъ для измѣренія нравственнаго здоровья общества и характеризующихъ его физіологическихъ и патологическихъ явленій. Мы уже говорили раньше, что масштабъ этотъ и слишкомъ грубъ, по своей элементарности, и неполонъ; но, за неимѣніемъ другаго, болѣе усовершенствованнаго, мы вынуждены къ нему обращаться и имъ, главнымъ образомъ, руководиться. Во всякомъ случаѣ, данныя, которыя онъ намъ представляетъ, наиболѣе достовѣрны сами по себѣ и даютъ твердую почву для многихъ любопытныхъ выводовъ.

Прикинутый къ нравственности столичнаго населенія, названный масштабъ даетъ рядъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ, взятыхъ въ десятилѣтней сложности, какъ мы ранѣе на этотъ счетъ условились. Первое мѣсто занимаютъ здѣсь, по своему количественному

преобладанію, полицейскія «задержанія» и аресты, по различнымъ причинамъ изъ области нарушенія порядка, тишины и безопасности, частной и общественной. Мы впослѣдствіи разсмотримъ качественный составъ, попадающихъ въ руки блюстителей, временныхъ жильцовъ полицейскихъ «кутузокъ» и тюремъ, а теперь представимъ только ихъ внушительныя валовыя цифры, по годамъ. Изъ имѣющихся у насъ оффиціальныхъ матеріаловъ видно, что въ Петербургѣ «задерживалось» и содержалось лицъ обоего пола:

Годы.	Въ полиц. домахъ.	Въ город. тюрьмахъ.	Всего.
Въ 1868	130.000	19.271	149.271
» 1869	189.507	19.500	209.007
» 1870	167.518	15.808	183.326
» 1871	125.337	13.113	138.450
» 1872	147.104	16.169	163.273
» 1873	121.847	18.161	140.008
» 1874	105.281	17.452	122.735
» 1875	110.109	13.374	123.483
» 1876	102.210	15.053	117.263
» 1877	100.201	14.981	115.182

Такимъ образомъ оказывается, что въ теченіе десяти лѣтъ, въ сложности, въ петербургскихъ арестантскихъ камерахъ и тюрьмахъ пересидѣло «за рѣшеткой» 1.461.996 чел. или ежегодно, среднимъ счетомъ, 146.199 чел. Считая все петербургское населеніе въ 670 т. и распредѣливъ на его число годичную пропорцію арестовъ, вышло-бы, что все оно, включительно до безсловесныхъ младенцевъ, должно было бы менѣе, чѣмъ черезъ каждыя пять лѣтъ, отсидѣть въ полицейскихъ «кутузкахъ» и тюрьмахъ, еслибы допустить равномѣрную уплату этой «подати» всѣми жителями столицы безъ различія пола, возраста, положенія и поведенія.

Равномѣрности такой, къ счастью иль къ несчастью, не существуетъ: означенную «подать» несутъ обыкновенно представители, такъ называемаго, «неблагонадежнаго класса» (classe dangereuse), —люди неосновательные и легкомысленные, которые одни расплачиваются въ этомъ случаѣ какъ за свои личныя заблужденія, такъ и за грѣхи всего общества. Нельзя, однако-жъ, не замѣтить, что все-таки число плательщиковъ и размѣръ «подати» чрезвычайно

велики. Въ самомъ дѣлѣ, изъ вышеприведенныхъ цифровыхъ данныхъ оказывается, что менѣе, чѣмъ изъ пяти человѣкъ общаго числа обывателей столицы (4,5), одинъ неизбѣжно попадаетъ ежегодно «за рѣшетку», въ мѣста злачныя. Другими словами: въ теченіе обозрѣваемаго десятилѣтія, каждый годъ, болѣе 22% столичнаго населенія были лишаемы свободы и дѣлались объектомъ теплой судебнополицейской опеки, на казенномъ иждивеніи. Отношеніе поразительное!

Должно еще оговориться, что въ выведенную нами среднюю годовую цифру арестовъ и «задержаній» (146.199 чел.) не вошелъ контингентъ военныхъ тюремъ и гауптвахтъ, не вошло также населеніе «долговаго отдѣленія» (Этихъ свѣдѣній мы не привели отчасти за ихъ неимѣніемъ, а отчасти потому, что нѣкоторыя изъ нихъ крайне ужь спеціальны). Но и безъ того, представленная цифра очень велика и очень плохо рекомендуетъ, съ перваго взгляда, петербургскую нравственность, особенно, если сравнить ее съ однородными статистическими цифрами другихъ столицъ. Авторъ извѣстной книги («Paris, ses organs et sa vie»), Максимъ Дю-Канъ, говоря о цифрѣ полицейскихъ арестовъ въ Парижѣ, въ 1868 г. достигшей 35.721, называетъ ее «ужасающей» (effrayant). Если на полуторамилліонное населеніе Парижа такая цифра считалась «ужасающей», то что сказалъ-бы Дю-Канъ, узнавши, что у насъ въ томъ-же 1868 г., при населеніи почти втрое меньше парижскаго, петербургская полиція арестовала 130.000 чел., т. е. въ четыре почти раза болѣе числа арестовъ парижскихъ? Что сказалъ-бы онъ, узнавъ, что цифра арестовъ за 1868 г., была у насъ еще очень умѣренной—ниже средней нормы и вполтора раза ниже maximum'а?

И однакожь, «ужасъ» наблюдателя петербургской нравственности, съ точки зрѣнія судебно-полицейской статистики, далеко еще не исчерпывается констатированной здѣсь громадной цифрой полицейскихъ арестовъ и тюремныхъ заключеній. Чтобы обнять весь кругъ различныхъ правонарушеній, учиняемыхъ петербуржцами и не избѣгающихъ блюстительнаго ока полиціи и воздѣйствія юстиціи, намъ слѣдуетъ еще привести въ извѣстность количество такихъ «дѣлъ», которыя не сопряжены съ лишеніемъ свободы виновныхъ, по крайней мѣрѣ, на самомъ мѣстѣ «дѣянія». Цифра такихъ дѣлъ тоже ошеломляющая!

Петербургская «наружная» полиція составляла за взятый нами періодъ (съ 1869 по 1877 г.) ежегодно, среднимъ числомъ, 19.759 протоколовъ по «происшествіямъ» слѣдующихъ категорій: по уголовнымъ преступленіямъ (6.164, среднимъ счетомъ въ годъ), по нарушенію правилъ — паспортныхъ, санитарныхъ, питейныхъ, адресныхъ, общественнаго спокойствія и благочинія, по «разнымъ случаямъ» и, наконецъ, «за сопротивленіе законнымъ требованіямъ полиціи» и «за оскорбленіе» ея чиновъ. Къ сожалѣнію, число лицъ, привлеченныхъ этими протоколами, не приведено въ извѣстность въ нашемъ источникѣ. Остается предположить на каждый протоколъ по одному лицу, хотя это, конечно, значительно ниже дѣйствительной цифры; но, въ интересѣ наибольшей точности нашихъ выкладокъ и выводовъ, мы предпочли вездѣ, въ сомнительныхъ случаяхъ, избѣгать гадательныхъ цифръ и скорѣе довольствоваться достовѣрнымъ *minimum*'омъ данныхъ, чѣмъ проблематическимъ *maximum*'омъ ихъ. Затѣмъ, относительно выведенной цифры полицейскихъ протоколовъ слѣдуетъ замѣтить, что значительная часть ихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сопровождалась арестомъ настигнутыхъ на мѣстѣ преступленія нарушителей порядка и безопасности. Сколько было тутъ арестовъ — свѣдѣній нѣтъ; но полицейская статистика, обозначая исходъ протоколовъ, указываетъ, между прочимъ, что изъ общей ихъ суммы ежегодно, среднимъ счетомъ, передавалось мировымъ судьямъ 14.885 протоколовъ.

Зная кругъ юрисдикціи мироваго суда, слѣдуетъ предположить, что въ приведенной цифрѣ протоколовъ, переданныхъ этому суду, «задержанія» и аресты не имѣли мѣста. Кстати, заключеніе это подкрѣпляется цифрой протоколовъ по уголовнымъ преступленіямъ (6.164), которые, конечно, влекли въ большинствѣ случаевъ заарестованіе виновныхъ и за вычетомъ которыхъ изъ общей суммы протоколовъ получится цифра, очень близко совпадающая съ числомъ протоколовъ, переданныхъ мировымъ судьямъ. Эта-то цифра намъ и нужна для того, чтобы опредѣлить число, изысканныхъ полиціей, случаевъ правонарушеній, по которымъ виновные не вошли въ ранѣе выведенную нами сумму всѣхъ полицейскихъ арестовъ, вообще, а составляютъ н о в у ю, самостоятельную рубрику представителей *classe dangereuse*. Изъ соображенія представленныхъ данныхъ слѣдуетъ предположить, что въ рубрику эту входило ежегодно до

15.000 (14.885) случаевъ закононарушеній и, по самой малой мѣрѣ, столько же виновныхъ.

Затѣмъ, — независимо отъ дѣйствій «наружной» полиціи,— героевъ нашей эпопеи, составляющей предметъ настоящаго изслѣдованія, выслѣживала, открывала и накрывала спеціально сыскная полиція, о дѣятельности которой въ нашемъ источникѣ имѣются весьма подробныя и весьма любопытныя свѣдѣнія. Покамѣстъ, мы возьмемъ изъ этихъ свѣдѣній одну только, нужную для подводимаго здѣсь итога, цифру—именно, цифру «произведенныхъ чинами сыскной полиціи розысковъ по особымъ порученіямъ» и по такого рода казуснымъ случаямъ, какъ убійства, поддѣлка денегъ и фальшивыхъ документовъ, крупныя и особенно замысловатыя кражи, открытіе бѣглыхъ каторжниковъ и т. под. Такого сорта «розысковъ» петербургская сыскная полиція производила ежегодно, съ 1869 по 1877 г., среднимъ числомъ, по 2056. Въ свѣдѣніяхъ по этой части упоминается, что изъ этихъ «розысковъ» далеко не всѣ производились «съ успѣхомъ», но намъ нужно знать, сколько именно возбуждалось ихъ и какое число лицъ, по этому поводу, дѣлалось предметомъ изысканнаго вниманія сыскной полиціи. Здѣсь опять приходится намъ предположить, что число такихъ лицъ равнялось числу розысковъ, хотя оно, конечно, было больше въ дѣйствительности. Впрочемъ, обязательнымъ вниманіемъ сыскной полиціи пользовались далеко не одни только подозрѣваемые въ крупныхъ уголовныхъ преступленіяхъ. Гораздо большее число обывателей, частью пользовавшихся свободой и всѣми присвоенными имъ правами, незримо наблюдались проницательнымъ окомъ сыскной полиціи и, быть можетъ, сами того не подозрѣвая, фигурировали въ ея «алфавитныхъ спискахъ».

Здѣсь мы встрѣчаемся отчасти съ новой категоріей представителей classe dangereuse, не смѣшивающейся ни съ какой другой рубрикой этого же класса. По существующей у насъ юридической терминологіи, категорія эта состоитъ изъ такъ называемыхъ «подозрительныхъ лицъ» или лицъ, находящихся «подъ сомнѣніемъ». Въ «алфавитныхъ спискахъ» сыскной полиціи ежегодно состояло такихъ лицъ, за обозрѣваемый періодъ, 49.082. Цифра весьма внушительная, но, кажется, она далеко не обхватываетъ всего числа состоящихъ «на замѣчаніи», «подъ тайнымъ надзоромъ» и «подъ подозрѣніемъ» петербуржцевъ, обнаруживающихъ наклонность къ легко-

мыслію и къ заблужденію, считая въ томъ числѣ и щедринскія «бредни»... Это—«дистанція огромнаго размѣра»; въ тайны ея территоріи мы не посвящены, да и касаться не дерзаемъ, хотя, разумѣется, отъ этого въ нашемъ изслѣдованіи выйдетъ существенный пробѣлъ.

Что касается алфавитныхъ списковъ сыскной полиціи, то въ нихъ ведется счетъ только слѣдующимъ, весьма немногимъ, группамъ обывателей, признаваемыхъ неблагонадежными: 1) содержащимся въ мѣстахъ заключенія; 2) «лицамъ, розыскиваемымъ по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ»; 3) евреямъ, прибывающимъ и выбывающимъ изъ столицы; и 4) лицамъ, просто «подозрительнымъ». Первую изъ этихъ группъ, составляющую населеніе тюремъ, мы встрѣчаемъ здѣсь вторично: она входитъ въ общую, вышеприведенную нами, сумму всѣхъ «задержаній» и арестовъ. Поэтому, для приведенія въ извѣстность числа неблагонадежныхъ жителей, спеціально вѣдаемыхъ одной лишь сыскной полиціей, мы должны первую группу изъ ея алфавитныхъ списковъ исключить и остановиться только на послѣднихъ трехъ группахъ, вновь пополняющихъ собою общую сумму плательщиковъ «подати преступленію», если не дѣйствительныхъ, то предполагаемыхъ.

Къ сожалѣнію, въ нашемъ матеріалѣ только за два года (1869 и 1870) выведены частныя цифры каждой изъ поднадзорныхъ группъ въ спискахъ сыскной полиціи; но въ разгруппировкѣ ихъ намъ можетъ помочь слѣдующее обстоятельство. Изъ вѣдомостей за два названные года видно, что въ первую группу списковъ сыскной полиціи входило почти исключительно одно населеніе тюремъ. Заключаемъ такъ по совпаденію цифръ. Населеніе тюремъ приведено у насъ въ извѣстность подробно за все десятилѣтіе. Оно составляло, въ среднемъ выводѣ, въ годъ—15.956 ч. *). Вычтя эту цифру изъ общей суммы «алфавитныхъ» списковъ сыскной полиціи—49.082, получимъ въ разницѣ численность остальныхъ трехъ группъ этихъ списковъ, которыя представляютъ собою самостоятельно изысканный и спеціально вѣдаемый помянутой полиціей элементъ неблагонадежнаго класса. Численность эта опредѣляется въ 33.126 чел., куда входятъ, значитъ, всѣ лица «розыскиваемыя», лица просто «подозри-

*) Эта цифра выведена за послѣднія девять лѣтъ, такъ какъ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о сыскной полиціи захватываютъ лишь этотъ періодъ.

тельныя» и, наконецъ, евреи — послѣдніе въ весьма незначительной долѣ.

Слѣдуя принятому нами плану, мы должны занести, наконецъ, въ счетъ длинныхъ рядовъ classe dangereuse петербургскаго населенія, вѣдаемыхъ полицейскимъ надзоромъ и полицейской статистикой, и тѣхъ «милыхъ, но погибшихъ созданій», которыя служатъ жертвой общественнаго темперамента. Слѣдуетъ только оговориться, что на достовѣрность полицейской статистики въ этомъ деликатномъ случаѣ менѣе всего можно положиться. Цифры ея, по счисленію столичной проституціи, даже на простой глазъ, неизмѣримо ниже дѣйствительности, но объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить впослѣдствіи,—здѣсь-же продаемъ ихъ, за что купили. Врачебно-полицейская статистика распредѣляетъ проститутокъ на двѣ главныя категоріи—живущихъ осѣдло и «бродячихъ». Первыя состоятъ подъ непрерывнымъ, правильнымъ надзоромъ, вторыя дѣлаются достояніемъ надзора и статистики случайно и относятся къ общей суммѣ полицейскихъ «задержаній» и арестовъ. Въ сложности, и тѣ и другія составляли среднюю численность въ годъ около 6.000—цифра, которая должна собой выражать весь объемъ столичной проституціи, по счету полицейской статистики; но, въ интересѣ искомыхъ выводовъ, составляющихъ предметъ настоящей главы, мы должны исключить изъ этой цифры «бродячихъ» проститутокъ, съ которыми мы уже разъ встрѣтились въ средѣ подвижнаго населенія «кутузокъ». Такимъ образомъ, окажется вновь обрѣтенныхъ представительницъ classe dangereuse, по среднему выводу за десятилѣтіе, 2.776, составляющихъ постоянный, прочный контингентъ столичной проституціи—по крайней мѣрѣ, той, которая приведена въ извѣстность полицейской статистикой.

Идя далѣе въ отысканіи всѣхъ частныхъ коэфиціентовъ, представляемыхъ оффиціальной статистикой, для подведенія интересующаго насъ здѣсь общаго итога всѣхъ нарушеній и нарушителей общественной нравственности, мы переступимъ теперь изъ области полицейской статистики на почву статистики судебной. Здѣсь насъ опять смущаетъ неполнота и сбивчивость, отличающія всю, вообще, россійскую статистику; приходится довольствоваться одними только приблизительными и отрывочными данными. Прежде всего, говоря о практикѣ петербургскихъ высшихъ судебныхъ инстанцій, мы не имѣемъ возможности опредѣлить ни среднюю цифру судимости по

годамъ за все обозрѣваемое десятилѣтіе, ни выдѣлить изъ общаго числа производившихся дѣлъ только тѣ, въ которыхъ судились исключительно представители петербургскаго населенія. Указаній на это нѣтъ. Въ «Военно-статистическомъ Сборникѣ», правда, сдѣлана сводка числа обвиненныхъ по губерніямъ за цѣлое семилѣтіе, но этотъ выводъ годится намъ только для сравненія, такъ какъ означенное семилѣтіе предшествуетъ обозрѣваемому нами періоду и, притомъ, захватываетъ годы дореформенные. По этимъ свѣдѣніямъ, оказывается, что съ 1860 по 1867 г. петербургская губернія вносила, среднимъ числомъ въ годъ, въ «подать преступленію» 3.149 обвиненныхъ, или 2,3 на каждую тысячу жителей. Затѣмъ, новѣйшіе «Своды статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ» даютъ намъ слѣдующія отрывочныя данныя о дѣятельности Ѳемиды въ стѣнахъ петербургскихъ высшихъ судебныхъ учрежденій. Мы остановимся здѣсь собственно на валовой суммѣ возбужденныхъ слѣдствіемъ дѣлъ. Такихъ было: въ 1871 г.—4.963; въ 1872 г.—4.410; въ 1873 г. — 4.275, и въ 1874 г. — 4.169. Среднимъ числомъ въ годъ—4.456 дѣлъ. выражаетъ собою, приблизительно, среднюю норму слѣдственно-прокурорской дѣятельности въ Петербургѣ и за весь обозрѣваемый нами періодъ. Достовѣрно во всякомъ случаѣ, что наша столица первенствуетъ надъ всѣми русскими городами по проценту преступности и судимости. Такъ, во второй половинѣ 70-хъ гг. въ Петербургѣ приходилось одно судебное дѣло, приблизительно, на 340 жит., а, напр., въ харьковскомъ судебномъ округѣ одно дѣло на 550 жит. Достовѣрно также, что Петербургъ высылаетъ, сравнительно, наибольшій процентъ обывателей въ мѣста болѣе или менѣе «отдаленныя.» Относительно гражданскаго судопроизводства статистика даетъ намъ слѣдующій сводъ систематизированныхъ свѣдѣній, совпадающихъ по годамъ, со свѣдѣніями о дѣлахъ уголовныхъ. Такъ, мы узнаемъ, что за то-же четырехлѣтіе (съ 1871 по 1874 г.) петербургскій окружной судъ разрѣшалъ, среднимъ счетомъ, въ годъ до 5.500 гражданскихъ дѣлъ. Эту цифру тоже можно принять, безъ большаго риска, за среднюю годичную норму. Такимъ образомъ, сводя изысканныя здѣсь цифровыя данныя по уголовному и гражданскому судопроизводствамъ петербургскаго окружнаго суда, получимъ, въ сложности, около десяти тысячъ (9.956) дѣлъ, являющихся новой привѣской въ общей суммѣ грѣхопаденій столичнаго населенія.

Несравненно большій грузъ, въ этомъ отношеніи, доставляетъ еще практика петербургскаго мироваго суда, свѣдѣнія о которой у насъ, къ тому-же, довольно полны и точны. Главное, въ нихъ нѣтъ уже никакой сторонней примѣси къ грѣхамъ исключительно одного столичнаго населенія. Приводимъ здѣсь однѣ только валовыя цифры судопроизводства столичныхъ мировыхъ судей по трехлѣтіямъ, а именно:

Съ 1869	по 1871	разобрано	дѣлъ	236.174	
» 1872	» 1874	»	»	207.050	
» 1875	» 1878	»	»	204.918	

Слѣдовательно, въ средней сложности, ежегодно разбиралось дѣлъ: въ первое трехлѣтіе—78.727, во второе—69.016, и въ третье—68.306. А за всѣ девять лѣтъ средняя ежегодная сложность составляетъ—72.016 дѣлъ, выражающихъ нормальную цифру воздѣйствій столичной мировой юстиціи на петербургскую нравственность, въ интересѣ ея исправленія. Примемъ ее къ свѣдѣнію, не вдаваясь въ анализъ, которымъ мы займемся въ своемъ мѣстѣ. Замѣтимъ здѣсь только, что въ суммѣ дѣлъ, разбираемыхъ мировыми судьями, уголовныя составляютъ приблизительно одну треть—остальныя двѣ трети возбуждаются по гражданскимъ искамъ.

Въ заключеніе, присовокупимъ еще одинъ коэфиціентъ, хотя и въ гадательномъ объемѣ. Разумѣемъ практику спеціально-военной юстиціи. По систематизированнымъ «Военно-статистическимъ Сборникомъ» свѣдѣніямъ, судимость въ войскахъ, вообще, опредѣляется болѣе или менѣе постояннымъ процентомъ—около 18 обвиняемыхъ на 1.000 нижнихъ чиновъ и около 6—на такое же количество офицеровъ. Гарнизонъ Петербурга состоитъ изъ 80.000 чел., считая въ этой суммѣ всѣ военныя учрежденія. Изъ этой цифры нужно исключить, приблизительно, около 10% на численность офицерства. Слѣдовательно, изъ соображенія приведенныхъ данныхъ окажется, что военные суды въ Петербургѣ обвиняютъ, приблизительно, въ годъ — 1.276 нижнихъ чиновъ и до 50 офицеровъ, а всего — 1.326 чел. Повторяемъ, что цифра эта очень гадательная и, вѣроятно, значительно ниже дѣйствительной, но мы вынуждены ею довольствоваться за неимѣніемъ болѣе точныхъ данныхъ.

Теперь подведемъ всѣмъ собраннымъ здѣсь даннымъ общій итогъ, который и долженъ будетъ выражать собою наглядный объемъ

всѣхъ, совершаемыхъ въ столицѣ, разнаго рода нарушеній права и нравственности, и въ то-же время опредѣлять, разумѣется, самый уровень нравственности петербургскаго населенія вообще. Мы говорили уже и опять повторяемъ, что одними судебно-полицейскими данными такая картина обрисовывается далеко не полно — въ ней многое остается въ тѣни, самыя краски и контуры набросаны грубо, неясно и эскизно, какъ это дѣлается въ живописи, напр., при первоначальной грунтовкѣ полотна; но, покамѣстъ, нравственная статистика ничего большаго дать не можетъ. Обратимся къ нашему итогу, для чего намъ необходимо свести всѣ добытыя здѣсь цифровыя данныя, въ ихъ среднемъ выводѣ за обозрѣваемый періодъ. Данныя эти представляютъ:

	Лицъ.	Дѣлъ.
Арестовъ въ полиц. домахъ и тюрьмахъ . .	146.199	—
Протоколовъ, независимо отъ задержаній .	—	14.885
Classe dangereuse, спеціально вѣдаемый сыскной полиціей	33.126	—
Проститутокъ поднадзорныхъ	2.776	—
Практика окружнаго суда	—	9.956
» мироваго »	—	72.016
» военнаго »	1.326	—
	183.527	98.847

Какъ было ранѣе упомянуто, мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній, сколько именно лицъ привлекалось къ отвѣтственности по всѣмъ составлявшимся полиціею протоколамъ, а также по всѣмъ производившимся въ судахъ дѣламъ; но, съ достовѣрностью, можно положить не менѣе одного лица на каждый протоколъ и на каждое дѣло порознь, и — это нужно принять, какъ минимумъ. Слѣдовательно, опредѣляя по общему числу протоколовъ число обвиняемыхъ, подозрѣваемыхъ и преслѣдуемыхъ—въ 96,847 чел., и присовокупивъ эту цифру къ общей суммѣ статистически приведенныхъ въ извѣстность лицъ, «пресѣкаемыхъ» и опекаемыхъ судомъ и полиціей,—183,527 чел.,—получимъ въ итогѣ кругленькую сумму въ *280,374* чел. Эти-то 280,374 человѣка (или случая, точнѣе сказать) и представляютъ собою среднюю ежегодную, за обозрѣваемый періодъ, «подать преступленію», уплачиваемую петербургскимъ населеніемъ!

Не смотря на всю громадность этой цифры, она, однако-жъ, грѣшитъ скорѣе уменьшеніемъ, чѣмъ преувеличеніемъ противъ дѣйствительнаго числа петербуржцевъ, имѣющихъ дѣло съ полиціей и судомъ по предмету различныхъ закононарушеній, несомнѣнныхъ и мнимыхъ. (Напримѣръ, мы приравняли къ числу дѣлъ и протоколовъ число лицъ, служившихъ для нихъ объектомъ, но хорошо извѣстно, что нерѣдко бываютъ случаи, когда каждый протоколъ и каждое дѣло захватываютъ по нѣскольку, даже по нѣскольку десятковъ лицъ). Не будемъ, впрочемъ, стараться нарочито отягчать совѣсть нашей сѣверной Пальмиры: и безъ того, уплачиваемая ею «подать преступленію», какъ можно заключить изъ выведеннаго итога, чрезмѣрна, ужасна, почти невѣроятна!

Въ самомъ дѣлѣ, разложивъ общую сумму этой «подати» на все петербургское населеніе (по переписи 1869 г., въ 670 т.), окажется, что ее несетъ изъ года въ годъ чуть не цѣлая половина его, говоря вообще (42%), или 1 изъ 2,3 жителей. Другими словами, на каждыхъ 2,3 жителей, не выключая изъ ихъ числа даже невмѣняемый возрастъ, т. е. ребятъ, приходится ежегодно 1 случай какого нибудь закононарушенія или противуобщественнаго дѣянія, сопряженныхъ съ дѣлопроизводствомъ полиціи и суда. Сколько же еще преступленій и нарушеній общественной нравственности избѣгаютъ блюстительнаго ока суда и полиціи и не попадаютъ въ рубрики судебно-полицейской статистики! Грѣховность Содома и Гоморры, передъ соображеніемъ о возможныхъ предѣлахъ грѣховности Петербурга, не можетъ уже казаться намъ слишкомъ разительной и безпримѣрной.

Слишкомъ дорожа, однако, доброй репутаціей Петербурга и вовсе не думая, въ сущности, чтобы онъ былъ безнравственнѣе всякаго другаго большаго города, мы считаемъ нужнымъ провѣрить выведенный здѣсь итогъ нарушеній и нарушителей права «человѣческаго и божескаго». Не самую цифру мы намѣрены провѣрить — она болѣе или менѣе достовѣрна, поскольку можно требовать достовѣрности отъ судебно-полицейской статистики. Насъ интересуетъ самый составъ живыхъ ингредіентовъ, образующихъ эту цифру: — въ какой степени всѣ они дѣйствительно порочны и преступны, и, слѣдовательно, въ какой мѣрѣ статистика, напр., полицейскихъ арестовъ и «задержаній» можетъ быть принята за достовѣрное указаніе глубины нравственнаго паденія столичнаго населенія? Мы остановимся именно на этой статистикѣ, такъ какъ она, съ одной стороны,

доставляетъ наибольшую частную цифру въ нашемъ итогѣ, а, съ другой — не оставляетъ никакихъ сомнѣній на счетъ значенія и смысла входящихъ въ нее данныхъ.

Арестъ и «задержаніе» представляются слишкомъ тяжкимъ, позорящимъ личность человѣческую, лишеніемъ въ правовомъ отношеніи, чтобы при видѣ ихъ и сознаніи ихъ правоты, въ насъ не сложилось глубокое предубѣжденіе противъ подвергающихся имъ людей, какъ противъ несомнѣнно вредныхъ, завѣдомо порочныхъ, если не преступныхъ членовъ общества. Такое предубѣжденіе, въ самомъ дѣлѣ, существуетъ и раздѣляется всѣми представителями такъ называемаго «культурнаго», интеллигентнаго общества, въ глазахъ котораго простой полицейскій арестъ и помѣщеніе въ «кутузку» глубоко постыдны и тягостны. Оттого, чѣмъ культурнѣе общество или данный слой его, тѣмъ менѣе выдѣляютъ они изъ своей среды фактовъ лишенія свободы, кліентовъ тюремъ и полицейскихъ домовъ. Это подкрѣпляетъ и сравнительная статистика, дающая весьма любопытныя, въ этомъ отношеніи, сопоставленія. Напр., въ то время, какъ въ Парижѣ о д и н ъ простой полицейскій арестъ приходится на 54 жителя, въ Петербургѣ полиція арестуетъ (не считая тюремныхъ и политическихъ заарестованій) о д н о г о изъ п я т и жителей, т. е., слишкомъ въ десять разъ больше. Изъ этого отношенія, разумѣется, никакъ нельзя еще заключить, чтобы Парижъ ровно въ столько же разъ былъ благонравнѣе и добродѣтельнѣе Петербурга; но несомнѣнно одно, что онъ, относительно даннаго пункта, культурнѣе нашей столицы, приблизительно, въ десять, а можетъ и въ большее число разъ. И не только самое парижское населеніе сравнительно выше, въ этомъ отношеніи, петербургскаго, но несомнѣнно, что въ равной степени и парижская полиція культурнѣе петербургской. Культурность въ этомъ случаѣ опредѣляется развитіемъ уваженія къ личности и ея правамъ вообще, къ законности, регулирующей поступки людей — ихъ «поведеніе», по отношенію какъ къ самимъ себѣ, такъ и къ ближнимъ. Вотъ это-то важнѣйшее условіе гражданственности у насъ пока развито въ крайне слабой степени какъ въ массѣ населенія, такъ и въ средѣ блюдущей ея нравы полиціи!

Вслѣдствіе неуваженія къ личности, если она не ограждена болѣе или менѣе высокимъ общественнымъ или служебнымъ положеніемъ, если она не титулована «благородіемъ» или «высокородіемъ», у насъ лишеніе свободы ничего не значитъ и, по отношенію къ

низшему классу населенія, практикуется съ легкимъ сердцемъ, по первому пустячному поводу или просто по личному усмотрѣнію низшихъ исполнителей полиціи, совершенно на этотъ счетъ безотвѣтственныхъ. По той-же причинѣ, само населеніе низшихъ слоевъ, воспитанное въ безправіи, смотритъ на «кутузку» и тюрьму, какъ на неизбѣжныя почти для русскаго человѣка случайности, и относится къ нимъ довольно равнодушно, съ пассивной покорностью: «отъ сумы-де и отъ тюрьмы зарекаться не слѣдъ»...

Есть еще одно обстоятельство, способствующее у насъ обилію арестовъ и ранѣе насъ подмѣченное другимъ изслѣдователемъ общественной нравственности столицы. Г. Карновичъ, въ своей книгѣ «Петербургъ въ статистическомъ отношеніи» (1860 г.), говоря о численности арестовъ въ столицѣ, доходившей, въ пятилѣтіе съ 1853 по 1857 г., до 40,000 ежегодно, и находя эту цифру очень значительной, замѣчаетъ: «легко можетъ быть, что нѣкоторые моралисты возопіютъ противъ нравственности петербургскаго населенія, увидѣвъ изъ нашихъ разсчетовъ, какого дѣятельнаго пособія требуетъ это населеніе и въ тюрьмахъ, и въ разныхъ мѣстахъ заключенія». Но такой выводъ былъ-бы неоснователенъ, во первыхъ, потому, говоритъ г. Карновичъ, что «наша старозаконная безпредѣльная прикосновенность къ дѣлу притягиваетъ много лишняго народа какъ въ судебныя расправы, такъ и въ мѣста заключенія» —и, конечно, «народа» ни въ чемъ неповиннаго; во-вторыхъ, потому что у насъ, во множествѣ случаевъ, полицейскіе аресты производятся не въ видахъ «предупрежденія» и «пресѣченія» преступленій, а просто въ интересѣ охраны благочинія и порядка. «Къ этому надо прибавить, что беззащитность лицъ низшихъ сословій, въ случаѣ незаконнаго лишенія ихъ свободы, немало содѣйствуетъ наполненію этими лицами арестантскихъ»...

Это было высказано слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и хотя съ той поры «старозаконные» порядки у насъ, повидимому, быльемъ поросли, однако-жъ, какъ свидѣтельствуютъ цифры полицейской статистики, «беззащитность» столичнаго обывателя низшаго класса нисколько не убавилась за это время. Напротивъ — цифра полицейскихъ арестовъ съ того времени страшно возросла, и абсолютно, и относительно! Въ изученное г. Карновичемъ пятилѣтіе maximum числа арестантовъ въ тюрьмахъ и полицейскихъ домахъ доходитъ до 43,948 чел. (въ 1855 г.), что на 523 т. жителей,

по тогдашнему счету, составляло 1 арестанта на 12 жит. Между тѣмъ, за обозрѣваемое нами десятилѣтіе, какъ мы знаемъ, приходился одинъ арестантъ менѣе чѣмъ на пять ($4{,}5$) жителей, или почти въ три раза больше времени «старозаконныхъ» порядковъ! Что-жъ бы это значило? Неужели нравственность столичнаго населенія такъ страшно понизилась за этотъ періодъ? — Нисколько; но, очевидно, усилилась степень его «беззащитности» предъ лицомъ необыкновенно развившейся полицейской рьяности и распорядительности, выражающихся у насъ, какъ всегда, ощутительнымъ ущербомъ для свободы личной и общественной. Въ одномъ изъ имѣющихся у насъ подъ рукою полицейскихъ «отчетовъ», именно—за 1867—8 гг., говорится о необходимости принять «чрезвычайныя и рѣшительныя мѣры» для рѣшенія «трудной задачи», упорядоченія благоустройства и повышенія благочинія въ столицѣ. Эти-то усиленныя «мѣры» и выразились въ импонирующихъ насъ цифрахъ полицейскихъ арестовъ. Но посмотримъ, на комъ, по преимуществу, отражались эти «мѣры» и въ какой степени огромная цифра помянутыхъ арестовъ можетъ идти сполна въ счетъ грѣхопаденій и пороковъ столичнаго населенія?

За обозрѣваемое нами десятилѣтіе, ежегодная начинка полицейскихъ «темныхъ», не считая тюремъ, по среднему выводу, составлялась изъ 129,911 человѣкъ, а въ томъ числѣ:

Пьяныхъ	28.684
Нищихъ	5.479
Бродячихъ, развратнаго поведенія, женщинъ .	3.228
Бродягъ	567
Безпаспортныхъ	8.222
Дезертировъ	23
Подозрѣваемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ.	7.330
Нарушителей порядка и благочинія	6.116
	59.649

Изъ обозрѣнія этой таблички видно, что самая, сравнительно, незначительная доля арестовъ совершается по завѣдомымъ преступленіямъ или по подозрѣнію въ оныхъ. Къ этой категоріи мы относимъ арестуемыхъ дезертировъ, нарушителей порядка и благо-

чинія, и подозрѣваемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ (изъ которыхъ, къ тому-жъ, многіе подозрѣваются напрасно), составляющихъ въ средней годичной сложности 13.469 чел., или около 10% общаго числа полицейскихъ арестовъ (т. е. 129.911). Затѣмъ, нисколько не одобряя поведенія пьяныхъ, нищихъ, безпаспортныхъ, бродягъ и бродячихъ проститутокъ, виновныхъ только въ томъ, что они напиваются, нищенствуютъ и бродяжничаютъ, мы никакъ не можемъ еще отнести ихъ къ категоріи преступниковъ—прямыхъ нарушителей чьего нибудь права. Они только могутъ назваться представителями «класса неблагонадежныхъ»—classe dangereuse, но неблагонадежность не есть преступность, оправдывающая лишеніе свободы.

Затѣмъ, значительная часть арестовъ, выпадающая на долю пьяныхъ (до 21%), должна быть принята съ особенной осмотрительностью за счетъ нравственнаго поведенія столичнаго населенія. Эта цифра вовсе не опредѣляетъ собою количества имѣющихся въ столичномъ населеніи безпросыпныхъ, отчаянныхъ пьяницъ, настолько павшихъ и утратившихъ всякое самообладаніе, что полицейская власть вынуждается брать ихъ на свое попеченіе и исправленіе. Еслибы это было такъ, то тогда цифра эта способна была бы привести насъ въ ужасъ предъ картиной столь опустошительной эпидеміи пропойства. Къ счастью, ничего этого нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, достовѣрно, что въ списокъ «задерживаемыхъ» полиціею пьяницъ попадаютъ, въ большинствѣ, не какіе нибудь безнадежные пьяницы, а просто люди, не умѣющіе въ моментъ сильнаго охмѣленія укрыться въ уединеніи отъ блюстительнаго ока уличныхъ стражей. Этого не умѣютъ дѣлать чаще всего наши простолюдины и, притомъ, не тѣ изъ нихъ, которые стали записными пьяницами, а люди, изрѣдка «загуливающіе» для праздника... Впрочемъ, къ характеристикѣ петербургскаго пьянства мы возвратимся впослѣдствіи.

Во всякомъ случаѣ, изъ провѣрки вышеприведенной таблички становится яснымъ, что у насъ пропасть народа арестуется полиціей по пустякамъ и что, слѣдовательно, одной голой цифрой арестовъ никакъ еще нельзя измѣрять глубину нравственной порчи столичнаго населенія. Въ этомъ убѣждаетъ насъ еще одно любопытное и загадочное обстоятельство. Мы видѣли, что, по всѣмъ вышеисчисленнымъ категоріямъ заарестованій, полиція задерживаетъ ежегодно

только 59.649 человѣкъ. Здѣсь мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, кто и за что именно былъ задержанъ; между тѣмъ эти, приведенныя въ извѣстность, «задержанія» составляютъ менѣе половины (съ небольшимъ 40%) общей суммы полицейскихъ арестовъ. Затѣмъ, слишкомъ 70.000 арестовъ, производившихся ежегодно «наружной» полиціей, представляются намъ загадочнымъ ребусомъ въ значительной своей части! Въ «отчетахъ» полиціи, по этому предмету, нѣтъ никакихъ почти указаній и поясненій.

Остается предполагать, что въ эту огромную цифру, между прочимъ, входили: аресты «при полиціи» по приговорамъ мировыхъ судей, аресты, произведенные прокурорскимъ надзоромъ по уголовнымъ преступленіямъ, аресты сыскной и тайной полиціи, и наконецъ, административныя высылки неблагонадежныхъ лицъ, по усмотрѣнію начальства городской полиціи. Находились, за всѣмъ тѣмъ, обыватели, которые добровольно искали убѣжища въ полицейскихъ «темныхъ», вслѣдствіе безпріютности. Такихъ злосчастныхъ бѣдняковъ, у которыхъ не находится даже трехъ копѣекъ за ночлегъ въ какой-нибудь Вяземской трущобѣ, не мало является въ полицейскіе дома по вечерамъ въ зимнее время, въ стужу, и имъ «предоставляется» помѣщеніе въ «темныхъ», «въ огражденіе отъ могущихъ случиться съ ними несчастій». Всѣ эти категоріи, исключая административныхъ высылокъ, болѣе или менѣе приведены въ извѣстность и далеко не исчерпываютъ собою сумму—70 т. арестовъ. По приговорамъ мировыхъ судей содержится при полиціи не болѣе нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ (напр., въ 1872—73 гг., среднимъ счетомъ, въ годъ производилось въ мировомъ судѣ 26 т. уголовныхъ дѣлъ; изъ нихъ 10% окончились примиреніемъ сторонъ и почти половина — наказаніемъ штрафами). Прокурорскому надзору, судя по приведенному нами выше числу уголовныхъ слѣдствій петербургскаго окружнаго суда, можетъ подлежать около 5 т. арестантовъ, изъ которыхъ, къ тому-же, многіе содержатся въ тюрьмахъ. Есть еще категорія лицъ, отбывшихъ срокъ заключенія въ тюрьмѣ, по приговору суда, и не имѣющихъ права жительства въ столицѣ: до высылки они содержатся въ полицейскихъ домахъ. Число ихъ намъ неизвѣстно. Наконецъ, остается, тоже не приведенная въ извѣстность, цифра административныхъ высылокъ «неблагонадежныхъ членовъ городскаго общества», по рѣшенію особаго «совѣщательнаго при градоначальникѣ присутствія». Со времени учрежденія этого «присутствія»,

оно ежегодно высылало приблизительно до 500 лицъ, изобличенныхъ въ «неблагонадежности», но, кажется, цифра эта далеко ниже дѣйствительной... Иначе — чѣмъ можно объяснить такую огромную массу вышеуказанныхъ, таинственныхъ арестовъ при полиціи?!.

О составѣ категоріи «неблагонадежныхъ», высылаемыхъ полиціей изъ столицы, нѣтъ никакихъ свѣдѣній; но есть основаніе думать, что главный контингентъ ихъ доставляется рабочимъ, фабричнымъ классомъ. «Неблагонадежность» въ этомъ случаѣ опредѣляется очень просто — недостаткомъ работы и отсутствіемъ заработка. Рабочій, который почему-либо остался безъ работы, есть уже въ глазахъ полиціи «неблагонадежный членъ общества», и — его безъ церемоніи высылаютъ изъ столицы.

III.

Бродяги, нищіе и безпаспортные.

Какъ извѣстно, нищенствовать въ Петербургѣ строго воспрещается, по требованіямъ благочинія. Никому не возбранено бѣдствовать, переносить всевозможныя лишенія, питаться акридами, а если нѣтъ и акридъ, то безъ проволочекъ умирать съ голоду, но доводить объ этомъ до свѣдѣнія общества—строго воспрещается.

Петербургъ на этотъ счетъ необыкновенно чопоренъ и взыскателенъ, во чтобы не стало стремясь повсечасно являть улыбающійся видъ совершенно счастливаго города, населеннаго одними лишь благоденствующими и сытыми обывателями. Ко всему этому, городъ симметріи и вицъ-мундирнаго щегольства, онъ, подобно департаментскому чиновнику-франту, чрезвычайно брезгливъ ко всякимъ неопрятнымъ пятнышкамъ и предательскимъ прорѣхамъ, неожиданно обнаруживающимся на его форменномъ мундирѣ. Но, при неослабной чисткѣ этихъ пятенъ и заштопываніи этихъ прорѣхъ, онъ не любитъ вдаваться въ ихъ анализъ, въ изслѣдованіе причинъ ихъ досаднаго появленія, а усматривая въ нихъ лишь продукты неблагонамѣренности и злой воли неблагонадежнаго класса населенія, стре-

мится энергически «предупреждать» ихъ и «пресѣкать» мѣрами строгости, и—на этомъ вполнѣ успокоивается.

Эту же нехитрую систему поверхностной полицейской «чистки» практикуетъ Петербургъ и по отношенію къ явленіямъ пауперизма и нищенства. Всѣ заботы полиціи, а отчасти и близко стоящаго къ ней, по своимъ функціямъ и по характеру своей дѣятельности, «нищенскаго комитета»,—всѣ почти заботы ихъ, по сокращенію и ослабленію пауперизма и нищенства въ столицѣ, сводятся къ непрерывной ловлѣ бездомныхъ пролетаріевъ и уличныхъ попрошаекъ, «задержанію» ихъ въ полицейскихъ домахъ, препровожденію для «дознанія» въ вышеназванный «комитетъ», и затѣмъ — высылкѣ изъ столицы на «мѣстожительства», а частію ко взысканію, по закону, чрезъ мировыхъ судей. Сбывая съ рукъ такимъ образомъ, изъ году въ годъ, впадающихъ въ крайность обывателей — бездомныхъ бродягъ, голодающихъ бѣдняковъ и нищихъ—Петербургъ, въ лицѣ своихъ хозяевъ и блюстителей его благочинія, самодовольно мнитъ, что онъ радикально «искореняетъ» на своемъ соціальномъ тѣлѣ эти непріятныя для чувства симметріи язвы.

Правда, онъ, кромѣ того, довольно широко развилъ свою филантропическую дѣятельность и располагаетъ множествомъ благотворительныхъ учрежденій, разсчитанныхъ на предупрежденіе разнаго рода нуждъ; тѣмъ не менѣе—нуждъ этихъ оказывается такъ много, а число неимущихъ выдѣляется столичнымъ населеніемъ повседневно въ такой огромной прогрессіи, что, сколь ни значительна по объему, на первый взглядъ, петербургская филантропія, вся она представляется не болѣе, какъ жалкой заплаткой, и въ сотой долѣ не прикрывающей громадной, вѣчно разверстой прорѣхи петербургской бѣдности и нищеты. Понятно, что, при такомъ несоотвѣтствіи между количествомъ рукъ, протягиваемыхъ за общественнымъ подаяніемъ, и размѣромъ послѣдняго, приходится безъ церемоніи руки, втунѣ протянутыя и остающіяся порожними, убирать и отстранять, чтобъ не мозолили напрасно глазъ.

Въ этомъ заключается и объясненіе и оправданіе той энергической «чистки», которую постоянно производитъ полиція въ длинныхъ и пестрыхъ рядахъ петербургской голи и бѣдноты, т. е., петербургскаго пролетаріата, хотя по правдѣ сказать, «чистка» эта, не смотря на всю ея ретивость, есть ничто иное, какъ безплодная Сизифова работа, или переливаніе изъ пустаго въ порожнее.

Какъ ни усердна въ этомъ отношеніи петербургская полиція, тѣмъ не менѣе нищіе и попрошайки всякаго рода встрѣчаются въ столицѣ чуть не на каждомъ шагу, какъ это могъ бы засвидѣтельствовать каждый петербуржецъ. Полиція не можетъ искоренить въ столицѣ цѣлыя тысячи нищихъ, бродягъ и безпаспортныхъ — она безсильна даже сколько нибудь ощутительно уменьшить ихъ число, ихъ безпрерывное накопленіе. Это лучше всего и всего нагляднѣе покажетъ намъ нижеприводимая табличка, обнимающая общую численность этихъ, такъ сказать, печатныхъ или клейменныхъ представителей петербургскаго пролетаріата и пауперизма, притомъ, такихъ только, которые не умѣютъ избѣжать блюстительнаго ока и коррективной руки полиціи. Вотъ эта табличка:

Задерживалось полиціей.

Годы.	Нищихъ.	Безпаспортныхъ.	Бродягъ, бродячихъ женщ. и дезертировъ.	Всего.
1869	8.985	11.459	5.000	25.444
1870	5.314	9.826	4.667	19.870
1871	5.607	7.003	4.311	16.921
1872	4.543	6.613	4.533	15.689
1873	6.240	6.599	4.576	17.415
1874	4.083	7.347	3.730	15.160
1875	4.840	8.439	2.510	15.789
1876	4.238	8.948	2.796	15.982
1877	5.464	7.766	2.245	15.475

Среднимъ счетомъ въ годъ, въ теченіе девятилѣтія, «задерживалось», слѣдовательно: нищихъ—5.479; безпаспортныхъ—8.222; бродягъ, бродячихъ развратнаго поведенія женщинъ и дезертировъ—3.818, а всего—17.411 чел.

Уже изъ бѣглаго обзора общихъ годичныхъ итоговъ представленной таблички видно, что искорененіе полиціей всѣхъ этихъ противуобщественныхъ элементовъ, гнѣздящихся въ столичномъ населеніи, не приноситъ никакихъ существенныхъ результатовъ. Если исключить 1869-й годъ, слишкомъ рѣзко выдающійся своимъ максимальнымъ итогомъ (25.444) бродягъ, нищихъ и безпаспортныхъ, что составляло простую случайность, то за остальныя восемь лѣтъ

тѣ же итоги не представляютъ никакого, сколько нибудь замѣтнаго колебанія цифръ и ихъ прогрессивнаго пониженія. На самомъ дѣлѣ оказывается, что, какъ ни усердствуетъ полиція вычистить Петербургъ отъ этихъ отъявленныхъ голышей и «скитальцевъ», ихъ почти нисколько не убываетъ. Сегодня ихъ изловили, задержали и выпроводили изъ города, на завтра—глядь—они опять точно изъ земли выросли и почти въ томъ-же количествѣ и составѣ. И такъ до безконечности, да иначе это и быть не можетъ... Вздумайте вычерпать Неву хотя бы тысячами стоведерныхъ бочекъ — ея и на вершокъ не убавится! Также, въ сущности, неистощимъ резервуаръ нищеты, пролетаріатства и сопровождающей ихъ нравственной порчи, непрерывно порождаемыхъ разнообразными неблагопріятными условіями городской жизни и всей нашей соціально-экономической неурядицы.

Но, разумѣется, полиція, въ видахъ внѣшняго благоустройства и благочинія, не можетъ оставаться безучастной къ накопленію въ городѣ бродягъ и нищихъ, и не стремиться, такъ или иначе, искоренить ихъ, хотя бы и была проникнута убѣжденіемъ, что она попросту занимается не искорененіемъ, а лишь перемѣщеніемъ этихъ общественныхъ язвъ съ одного мѣста на другое. Кромѣ того, что эти язвы нарушаютъ благолѣпіе и симметричность стройной организаціи городской жизни, преслѣдованіе ихъ и искорененіе аргументируется еще слѣдующимъ основательнымъ соображеніемъ. Повседневный опытъ показываетъ, что обыкновенно руки, остающіяся праздными и, при условіи пустоты желудка, молитвенно протягиваемыя къ щедротамъ филантропіи, — когда она не въ состояніи удовлетворить ихъ — обнаруживаютъ наклонность къ нарушенію частной и общественной собственности, въ легкомысленномъ разсчетѣ возстановить этимъ способомъ гармонію правильнаго распредѣленія порцій хлѣба насущнаго и прочихъ земныхъ благъ. Конечно, такія, соціалистическаго свойства, притязанія никоимъ образомъ въ благоустроенномъ градѣ терпимы быть не могутъ, даже въ предположеніи.

Если взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія, опирающейся на требованія общественной и частной безопасности, то тогда бродяги и нищіе, задерживаемые и устраняемые полиціей, должны представить собою какъ-бы передовую шеренгу столичнаго «неблагонадежнаго класса», ежеминутно аттакующую, если не въ полномъ своемъ составѣ, то въ лицѣ «охотниковъ» и застрѣльщиковъ, существующій соціальный порядокъ вещей. Разумѣется, что друзья этого по-

рядка, заинтересованные въ его сохраненіи, иначе не могутъ и не должны смотрѣть на каждаго лишняго обывателя, оказавшагося безъ прибора и безъ стула за общественнымъ пиршественнымъ столомъ,—какъ, съ другой стороны, эти лишніе, обойденные судьбою, гости, не могутъ, понятно, не вожделѣть къ общественному пирогу и не стремиться урвать отъ него кусочекъ на свою долю путемъ незаконнымъ, если «на законномъ основаніи» имъ представлено лишь класть зубы на полку... Съ такой-же точки зрѣнія вынуждены и мы смотрѣть на этотъ неосновательный и опасный народъ. Сама патентованная наука взираетъ на праздныхъ, бездомныхъ и нищенствующихъ субъектовъ весьма неодобрительно.

«Ничто, кажется, такъ не опасно для человѣка, — говоритъ Эстерленъ,—какъ бездѣйствіе, вошедшее въ привычку»... «Многочисленныя наблюденія показываютъ, что тунеядная и бездѣятельная жизнь гораздо опаснѣе, чѣмъ даже самая напряженная дѣятельность, и чаще дѣлается источникомъ умственнаго и нравственнаго разстройства». Все это по адресу нищихъ, праздношатающихся бродягъ и, вообще, личностей, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, и—какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ—эта категорія обывателей, дѣйствительно, выдѣляетъ изъ своей среды главный контингентъ преступниковъ; но только крайне ошибочно было-бы думать, что вся эта среда, образующая, такъ сказать, ядро столичнаго classe dangereuse, исчерпывается вышеприведенными цифрами полицейской статистики.

Какимъ благонравнѣйшимъ и счастливымъ городомъ представился-бы намъ Петербургъ, еслибъ, напр., все число обрѣтающихся въ немъ праздныхъ «скитальцевъ» и нищенствующихъ обывателей, бездѣятельныхъ по неимѣнію работы или по неспособности къ ней, исчерпывалось цифрой задерживаемыхъ полиціей бродягъ и нищихъ, т. е., въ 9.189 человѣкъ (не считая безпаспортныхъ)! Къ сожалѣнію, эта цифра неизмѣримо ниже дѣйствительной, какъ это уже было, впрочемъ, нами константировано въ предшествовавшихъ главахъ нашего изслѣдованія. Мы даже имѣемъ основаніе думать, что въ руки полиціи и въ ея статистику, по даннымъ рубрикамъ, попадаетъ много такого народа, который въ сущности не можетъ быть отнесенъ къ группѣ городскаго пролетаріата, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ, главнымъ образомъ, категорію безпаспортныхъ, которые, однако-же, по

своей численности (8.222), составляютъ почти половину разсматриваемой здѣсь общественной группы.

Безпаспортность — это такой видъ преступности, который въ настоящее время, кажется, нигдѣ, кромѣ Россіи, не встрѣчается. Притомъ, безпаспортность — грѣхъ чисто крестьянскій, по преимуществу, и очень ужь наивный, чтобъ въ немъ могли изобличаться люди завѣдомо порочные, искушенные городскимъ пройдошествомъ и умѣньемъ избѣгать цѣпкихъ, но достаточно неуклюжихъ у насъ рукъ полиціи.

Извѣстно, что, въ огромномъ большинствѣ, безпаспортные въ столицѣ попадаются среди простолюдиновъ и, главнымъ образомъ, заѣзжихъ крестьянъ, прибывшихъ въ Петербургъ на заработки. Въ сущности, ихъ даже нельзя называть, въ строгомъ смыслѣ, безпаспортными: паспорты у нихъ обыкновенно имѣются на лицо, но только просроченные и, поэтому, потерявшіе свою силу. Полиція, блюдя строжайшія паспортныя правила, не вдается въ эту квалификацію,—и безъ разбора «тащитъ» и «не пущаетъ» и дѣйствительно безпаспортныхъ, и тѣхъ, у кого паспорты не въ порядкѣ. Безспорно, что немало есть случаевъ, гдѣ эта провинность является результатомъ пренебреженія къ «законнымъ требованіямъ» власти, распущенности и бездѣльничества,—рѣдко злонамѣренности,—но въ массѣ безпаспортность является вслѣдствіе «простоты», малаго знакомства съ законами и, наконецъ, разныхъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ случайностей, играющихъ иногда такую огромную роль въ судьбѣ и карьерѣ русскаго человѣка, особенно — низшаго класса.

Самая обыденная и чаще всего встрѣчающаяся случайность — мѣшкотность «деревни», при высылкѣ въ столицу требуемыхъ отъ нея паспортовъ, по причинамъ иногда возмутительнымъ. Обыкновенно бываетъ такъ: «деревня», въ лицѣ своихъ властей и родственниковъ отлучившагося на заработки своего члена, смотритъ на него, какъ на доходную статью и облагаетъ елико-возможно большимъ поборомъ, какъ бы оброкомъ. Извѣстно, что у нашихъ, проживающихъ въ столицѣ, простолюдиновъ вся корреспонденція съ родной деревней зиждется на рублѣ. Каждое родственное посланіе изъ деревни, послѣ теплыхъ привѣтствій и низкихъ поклоновъ, неизбѣжно кончается требованіемъ присылки денегъ, безъ «вложенія» которыхъ почти немыслимо ни одно отвѣтное изъ столицы письмо.

Если-же «вложенія» нѣтъ, не взирая на требованія, если отошедшій на промыселъ членъ деревни оказывается предъ нею неисправнымъ въ платежѣ наложеннаго на него оброка, то она обыкновенно пускаетъ противъ него въ ходъ, какъ испытанное и вѣрное орудіе понужденія и наказанія,—«пачпортъ», т. е., его лишеніе, несвоевременную его высылку. Можно представить себѣ, какая масса происходитъ, при этомъ, всякихъ злоупотребленій и вымогательствъ, связывающихъ по рукамъ и ногамъ заѣхавшаго въ столицу крестьянина и доводящихъ его до фатальной, законопреступной безпаспортности, совершенно независимо отъ его личной воли!

Тягость и крайняя притязательность на личную свободу нашей устарѣлой паспортной системы не только, безъ надобности, связываетъ городскаго простолюдина, лишаетъ его часто работы и хлѣба и ставитъ въ безвыходное положеніе, но служитъ еще источникомъ своеобразныхъ, спеціальныхъ преступленій, чрезвычайно затрудняя и полицію и юстицію массой фиктивныхъ, ненужныхъ дѣлъ, въ такомъ, напр., родѣ. Выбираемъ наиболѣе характеристическія изъ нихъ.

Судится въ окружномъ судѣ нѣкто — молодой человѣкъ, петербургскій уроженецъ, въ уклоненіи отъ отбыванія воинской повинности. Онъ вынулъ жребій и, получивъ отсрочку на годъ по слабости здоровья, «совершенно забылъ» явиться къ сроку. Его судятъ за эту забывчивость и приговариваютъ къ двумъ недѣлямъ ареста; но передъ этимъ онъ высидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, пересылался нѣсколько разъ по этапу изъ Харькова въ Петербургъ, изъ Петербурга въ Варшаву и обратно, вовсе не за это преступленіе, а только потому, что имѣлъ несчастье потерять свой паспортъ. Ни ручательства за него, ни удостовѣренія его личности людьми, знавшими его, не оказывали никакого дѣйствія на облегченіе его участи. Дѣло это самое простое и обыкновенное, но весьма характеристическое, потому что точно такимъ-же образомъ и по такому-же поводу тысячи лицъ ежегодно «задерживаются», по мѣсяцамъ томятся въ тюрьмахъ и разбрасываются по лицу земли русской съ испорченною жизнью и карьерой.

Чтобы избавиться отъ такихъ тягостныхъ послѣдствій безпаспортности и отвлечь вниманіе полиціи, самъ собою напрашивается искусъ къ изобрѣтенію подложнаго паспорта, если настоящаго нельзя почему-либо достать. Какъ извѣстно сочиненіе фальшивыхъ паспор-

товъ, представляющее собою уже несомнѣнный криминалъ,—самый обыденный и распространенный видъ преступленія въ разсматриваемой здѣсь средѣ городскихъ подонковъ. Но только несправедливо было-бы думать, что на преступленіе это идутъ исключительно одни испорченные, опустившіеся люди, съ ослабѣвшей волей, легко поддающейся на всякое грѣховное искушеніе. Нѣтъ, наша паспортная система создаетъ нерѣдко такія невозможныя положенія, что человѣку ни въ чемъ неповинному, съ самой чистой совѣстью, приходится выбирать между подложнымъ паспортомъ или петлей на шею!

Въ томъ-же окружномъ судѣ, въ другой разъ, входитъ на скамью подсудимыхъ, при помощи сторожей, разбитая параличемъ, «весьма приличная женщина», крестьянка 40 лѣтъ, обвиняемая въ проживаніи по чужому паспорту. Грустную повѣсть разсказала она суду! Еще при крѣпостномъ правѣ, 17-ти лѣтъ, ее выдали насильно замужъ, «по господскому приказу». «Съ самаго начала жизнь съ мужемъ, въ мужней семьѣ, была не красна; я—разсказывала подсудимая—терпѣла, думала, что лучше будетъ, но чѣмъ дальше жила, тѣмъ дѣлалось все хуже и хуже». И мужъ, и вся семья «ѣли ее поѣдомъ», обременяли непосильной работой и, притомъ, держали впроголодь, на бросовыхъ «хлѣбныхъ коркахъ съ водичкой». Своя родня помочь несчастной не хотѣла, уйти отъ мучительной жизни, по добру, нечего было и думать. «Стала я, — продолжала подсудимая,—просить невѣстку свою, солдатку вдову, чтобъ она отдала мнѣ свой паспортъ. Она согласилась, и я дала ей 3 рубля и сказала, что, если паспортъ подѣйствуетъ, то вышлю ей еще 10 рублей». Паспортъ «подѣйствовалъ»: съ нимъ подсудимая благополучно прожила въ Петербургѣ девять лѣтъ «по разнымъ мѣстамъ въ прислугахъ»; но на ея несчастье, пошли паспортныя строгости, стали требовать провѣрки «вѣчныхъ паспортовъ», посредствомъ посылки ихъ въ «свои мѣста». Между тѣмъ, невѣстка подсудимой, снабдившая ее своимъ паспортомъ, за это время умерла, и—тутъ-то обнаружилось преступленіе подсудимой, виновной, въ сущности, только тѣмъ, что ей хотѣлось пожить почеловѣчески, правоспособной гражданкой. Судъ ее оправдалъ.

Вообще судъ, заваливаемый дѣлами о нарушеніи паспортныхъ правилъ, относится къ этому нарушенію очень снисходительно, оче-

видно, вслѣдствіе «внутренняго убѣжденія» въ полной несостоятельности и отсталости нашей придирчивой паспортной системы. Большинство дѣлъ этого рода разбирается у мировыхъ судей, и— вотъ, напримѣръ, какихъ опасныхъ субъектовъ приходится нерѣдко судьямъ карать по всей строгости законовъ.

Предстаетъ предъ очи суровой Ѳемиды «дряхлая старушка 70 лѣтъ», крестьянка тверской губерніи, обвиняемая въ проживаніи въ столицѣ по просроченному паспорту.—«Признаете себя виновною?»— спрашиваетъ судья.—«До сей поры,—шамкаетъ подсудимая,—я никогда въ судѣ не бывала, живу своими трудами... родилась на свѣтъ, когда еще французъ приходилъ въ русскую землю... Паспортъ просрочила потому, что наше волостное правленіе далеко отъ Петербурга, а тамъ позамѣшкались, въ этомъ я не виновата»... Мировой судья, однако неумолимъ и—караетъ подсудимую штрафомъ... въ 25 копѣекъ. Другое дѣло по такому-же преступленію. Подсудимыхъ—трое: мастеровой, за то, что паспортъ у него оказался просроченнымъ «на нѣсколько дней», его хозяинъ, за то, что держалъ его съ такимъ паспортомъ, и квартирная хозяйка, у которой онъ проживалъ, за то, что не выбросила его на улицу въ тотъ-же часъ, какъ фатальному паспорту ея жильца истекъ срокъ.—«Признаете-ли себя виновными?» спрашиваетъ судья этого ужаснаго преступника и его сообщниковъ. Преступникъ и его квартирная хозяйка приносятъ повинную, но хозяинъ мастерской оправдывается: виновный въ просрочкѣ работалъ у него поденно и, потому, не настояло надобности спрашивать у него паспорта. Судья безпощаденъ—и со всѣхъ трехъ подсудимыхъ взыскиваетъ цѣлыхъ три четвертака...

Подобные процессы въ мировыхъ камерахъ столицы повседневны. «Полиція,—замѣчаетъ одинъ судебный хроникеръ,—то и дѣло составляетъ протоколы о нарушеніи паспортныхъ и адресныхъ правилъ, а мировые судьи, каждое засѣданіе, разбирая подобнаго характера дѣла, находятъ возможнымъ весьма нерѣдко или оправдывать обвиняемыхъ, или-же подвергать ихъ штрафу въ 1 копѣйку, въ 3, 5 и много, много въ 10 коп.; нѣкоторые-же судьи приняли за правило назначать штрафъ, для всѣхъ и каждаго, въ 25 коп., и только немногіе налагаютъ болѣе солидный штрафъ». Не смотря, однако, на такую ничтожность штрафовъ, встрѣчаются горемыки, для которыхъ заплатить какой нибудь четвертакъ составляетъ почти непосильное лишеніе и нерѣдко сами сердобольные судьи или кто нибудь изъ публики вно-

сятъ на алтарь отечества эти четвертаки за подсудимыхъ, ради торжества существующей паспортной системы...

Сколько-же безъ пути растрачивается времени, канцелярскихъ чернилъ и бумаги, сколько волочится отрываемаго отъ работы народа по полицейскимъ и судебнымъ камерамъ, сколько сама полицiя и юстицiя безплодно расходуютъ силъ на дѣлопроизводство по этому предмету,—никто, къ сожалѣнiю, не считалъ, хотя стоило-бы, чтобъ показать всю несообразность нашей паспортной системы и всю ея убыточность для общественной экономiи.

Безпаспортность или неисправность паспорта, влекущiя за собою потерю работы и даже крова,—такъ какъ обличающихся въ этой погрѣшности гражданъ никто не долженъ держать и укрывать, подъ страхомъ отвѣтственности предъ закономъ,—создаютъ для человѣка невыносимое положенiе, равняющееся лишенiю правъ состоянiя и гражданства. Въ низшемъ, рабочемъ быту, гдѣ чаще всего встрѣчается такое положенiе, оно является часто прямой причиной бродяжничества и нищенства, а нерѣдко—и болѣе существенныхъ нарушенiй общественнаго права. Городской рабочiй безъ паспорта или съ просроченнымъ паспортомъ въ карманѣ — прямой кандидатъ въ бродяги и нищiе: это можно принять за общее правило. Безъ этой стереотипной бумажки, онъ все равно, что безъ рукъ, потому что его нигдѣ не принимаютъ на работу. Что-жъ ему остается, въ неопредѣленномъ чаянiи лучшаго исхода, какъ не бродить и, за неимѣнiемъ средствъ, не попрошайничать, если не идти къ болѣе важнымъ закононарушенiямъ?

Впрочемъ, тотъ-же рабочiй, хотя бы и съ исправнымъ паспортомъ въ рукахъ, но безъ занятiй, безъ заработка, опять таки — прямой кандидатъ въ бродяги и нищiе, тѣмъ болѣе, что крестьянинъ нашъ, всѣмъ ходомъ русской исторiи, воспитался считать нищенство и бродяжничество весьма обычными и отнюдь не зазорными бытовыми формами. Вслѣдствiе этого, въ составѣ разсматриваемой группы петербургскаго уличнаго пролетарiата и пауперизма, крестьяне занимаютъ господствующее мѣсто, по своей численности. По той-же причинѣ, мы имѣемъ полное основанiе, съ точки зрѣнiя соцiально-экономической, обобщить всѣхъ безпаспортныхъ съ нищими и бродягами въ однородную группу, созданную и обставленную однородными бытовыми условiями.

Накопляется эта перекатная голь и бѣднота на петербургской улицѣ весьма обыкновеннымъ порядкомъ и вполнѣ наглядно.

Извѣстно, что въ Петербургъ ежедневно прибываетъ съ деревенской голодухи масса рабочаго люда безъ опредѣленной цѣли, съ однѣми лишь мечтательными надеждами на хорошіе заработки, изобиліемъ и общедоступностью которыхъ столица наша славится исконн въ мнѣніи народа гораздо болѣе, чѣмъ она того заслуживаетъ. Отправляясь въ столицу, на основаніи такой традиціи, рабочіе не освѣдомляются заранѣе, да и неоткуда имъ справиться объ этомъ— настоитъ-ли тамъ надобность въ ихъ рукахъ, или нѣтъ? желательными-ли они явятся туда гостями, или же окажутся лишними? Вслѣдствіе этой неизвѣстности происходитъ то, что на рынкѣ труда въ Петербургѣ очень часто предложеніе рабочихъ рукъ далеко превышаетъ ихъ спросъ, а отсюда множество прибывшихъ, ничѣмъ не обезпеченныхъ искателей лучшаго, сразу попадаютъ въ крайне стѣснительное и безпомощное положеніе. Возвращаться домой, въ деревню—не на что, да и какъ возвращаться, когда человѣкъ бѣжалъ изъ нея отъ нужды и голода? Пристроиться въ Питерѣ не посчастливилось; средствъ никакихъ; помощи ни откуда, а, между тѣмъ, жить хочется и, какъ ни изломала, какъ ни истерзала лютая жизнь, все еще въ изможденной груди теплится искра надежды, что авось Богъ пошлетъ счастье—и заработокъ, и хлѣбъ и довольство... Но покамѣстъ, до счастья, надо же какъ нибудь кормиться. Что дѣлать?—Исходъ одинъ: идти «побираться», «христарадничать» или «звонить», выражаясь терминомъ петербургскихъ нищихъ.

Нужно замѣтить, что въ такое трудное положеніе попадаютъ въ столицѣ не только пришлые изъ деревни новички, но и обжившіеся здѣсь, опытные и знающіе ремесло рабочіе, вслѣдствіе двухъ основныхъ причинъ: во-первыхъ, колебаній на рынкѣ труда и промышленности, и, во-вторыхъ, полнаго отсутствія организаціи и самопомощи въ самой рабочей средѣ.

Колебанія въ спросѣ рабочихъ рукъ, во всѣхъ отрасляхъ торгово-промышленной дѣятельности столицы, бываютъ чрезвычайно рѣзки и часты. Не говоря уже о постоянной громадной количественной разницѣ этого спроса между лѣтнимъ и зимнимъ временемъ, весьма не рѣдки бываютъ случаи, особенно въ заводско-фабричной промышленности столицы, когда, вдругъ, вслѣдствіе какихъ нибудь несчастныхъ финансово-экономическихъ случайностей, складываю-

щихся чаще всего по прихоти «внѣшней политики», промышленность эта вынуждается сократить свое производство, и вотъ въ одно прекрасное утро сотни, а иногда тысячи рабочихъ остаются безъ дѣла и, слѣдственно, безъ хлѣба. Подобные случаи, по мелочамъ, происходятъ въ Петербургѣ, можно сказать, повседневно; но на нихъ обращается вниманіе только тогда, когда они принимаютъ огромные размѣры.

Такъ, изъ нашихъ матеріаловъ узнаемъ, что столичная полиція была крайне обезпокоена въ 1872 году, по случаю прекращенія работъ на литейномъ заводѣ Макферсона и Карра, когда, вслѣдствіе этого, до 3.000 рабочихъ сразу очутились въ безпомощномъ положеніи. Полицейскій «отчетъ» назвалъ этотъ случай «исключительнымъ», и—онъ былъ такимъ на самомъ дѣлѣ, но только лишь въ количественномъ отношеніи. По три тысячи человѣкъ рѣдко выбрасывается на улицу за разъ, въ одинъ день,—это правда; но враздробь, по мелочамъ, подобныя случайности весьма обыкновенны въ промышленно-рабочей средѣ Петербурга. По мелочамъ, онѣ только кажутся незамѣтными и не внушаютъ тревоги; тѣмъ не менѣе, если ихъ обобщить и подвести имъ итогъ, то онѣ, пожалуй, пріобрѣли бы довольно угрожающую физіономію, и тогда для насъ стало бы ясно, что эти-то случайности и служатъ главнымъ факторомъ въ образованіи многочисленнаго петербургскаго уличнаго пауперизма и пролетаріата, вычерпать которые такъ безплодно усиливается полиція неослабными «задержаніями», арестами и административными высылками. Что это, дѣйствительно, такъ—подтверждаетъ цитированный выше отчетъ, довольно краснорѣчивымъ изображеніемъ огромнаго увеличенія въ столицѣ «людей, не имѣющихъ ни средствъ къ существованію, ни даже опредѣленнаго пристанища», увеличенія, происшедшаго, именно, вслѣдствіе указаннаго «исключительнаго» случая, оставившаго одновременно три тысячи рабочихъ безъ занятій. «Число такихъ людей,—говорится въ отчетѣ,—достигло тогда громадныхъ размѣровъ: въ одномъ полицейскомъ домѣ ночевало ежедневно, по неимѣнію ночлега, болѣе 600 человѣкъ; прилегающіе къ Сѣнной площади дома кн. Вяземскаго, де-Роберти и др. буквально были переполнены ночлежниками; наконецъ, немалое число людей проводили ночи подъ мостами, въ паркахъ и т. п. мѣстахъ».

Картина вѣрная; одно только, якобы, внезапное увеличеніе такихъ пролетаріевъ и пауперовъ до «громадныхъ размѣровъ» было

здѣсь результатомъ оптическаго обмана: «размѣры» эти постоянно «громадны», какъ свидѣтельствуетъ самая статистика полицейскихъ арестовъ, но они не ощутительны на притупившійся полицейскій глазомѣръ, способный прійти въ смущеніе только предъ лицомъ «исключительныхъ» случаевъ, которые представляются здѣсь не болѣе, какъ частными эпизодами общаго явленія. Не заглядывая слишкомъ глубоко въ корень этого явленія, остановимся на ближайшей его причинѣ, о которой мы упомянули выше, т. е. на отсутствіи въ столичной рабочей средѣ корпоративной организаціи и самопомощи.

У этой пришлой, крестьянской чернорабочей массы, составляющей почти двѣ трети столичнаго населенія, нѣтъ здѣсь ни осѣдлости, ни своего хозяйства съ его запасами и подспорьями, нѣтъ, словомъ, дома, а, главное, у нея нѣтъ здѣсь той общинной солидарности, взаимной поддержки и самопомощи, которыя болѣе или менѣе обезпечиваютъ отъ сумы и крайности поселянъ, живущихъ въ деревнѣ. Петербургскій рабочій живетъ здѣсь постоянно налегкѣ, живетъ изолированно, ради заработка и на заработокъ: другихъ интересовъ и другихъ цѣлей у него нѣтъ. «Корни» его остались въ деревнѣ, а въ столицѣ, попавъ въ среду подобныхъ себѣ, такихъ-же залетныхъ птицъ, онъ смѣшивается съ ними лишь механически, случайно: всѣ они — другъ другу чужіе; въ то же время, всѣ они—чужаки для города и городъ для нихъ—чужой. Петербургскій рабочій классъ—вовсе не классъ, въ смыслѣ какой нибудь организаціи: это просто—масса случайно, механически скученныхъ людей подъ кровлями фабрикъ и заводовъ, а потому, чуть только эти кровли отказываютъ имъ въ гостепріимствѣ, — они разсыпаются и дезорганизуются, безсильные чѣмъ нибудь сообща помочь себѣ, какъ это умѣютъ дѣлать, напр., рабочіе на Западѣ.

Не будучи въ состояніи сами себѣ помочь, въ моменты промышленныхъ кризисовъ, наши столичные рабочіе не встрѣчаютъ никакой почти помощи и со стороны общества, не говоря уже о «хозяевахъ» — фабрикантахъ и заводчикахъ. Одна только полиція прилагаетъ къ нимъ свое попеченіе, но попеченіе полиціи выражается лишь въ томъ, что она, согласно съ своимъ призваніемъ, «тащитъ» и «не пущаетъ», хотя отъ этого никому не легче. По поводу вышеописаннаго «исключительнаго» случая, въ 1872-мъ году, градоначальникъ, какъ значится въ его отчетѣ, «принявъ въ сообра-

женіе: во 1-хъ, что праздные рабочіе легко могутъ сдѣлаться жертвами неблагонамѣренныхъ людей и, по ихъ внушеніямъ, вступить на путь преступленій, и, во 2-хъ, что, въ случаѣ возникновенія на какой либо изъ здѣшнихъ фабрикъ безпорядковъ, подобныхъ тѣмъ, которые были на Кренгольмской мануфактурѣ, присутствіе толпы, не имѣющей опредѣленныхъ занятій, можетъ придать означеннымъ безпорядкамъ характеръ весьма серьезный»,—принявъ все это въ соображеніе, градоначальникъ «счелъ своей обязанностью, въ видахъ охраненія въ столицѣ общественнаго порядка и спокойствія», исходатайствовать себѣ разъ навсегда право: «тѣхъ изъ иногородныхъ рабочихъ, которые, по какимъ бы то ни было причинамъ, лишаются работы и таковой въ теченіе семи дней не пріищутъ, приглашать немедленно отправляться на мѣсто родины»... *)

Таковъ дальновидный и предусмотрительный взглядъ полиціи на рабочаго, не имѣющаго работы,—взглядъ, вполнѣ оправдываемый тѣмъ простымъ соображеніемъ, что обыватель безъ «опредѣленныхъ занятій», безъ средствъ къ существованію и даже безъ пристанища, скандалезно портитъ симметричность городскаго благоустройства, мозолитъ блюстительное око своимъ безцѣльнымъ скитальчествомъ, безъ сомнѣнія, питаетъ въ глубинѣ души далеко не идиллическія чувства и помыслы о «существующемъ порядкѣ вещей», а «въ минуту жизни трудную» близокъ и къ активному нарушенію этого порядка, хотя бы въ видѣ одиночныхъ покушеній на частную собственность.

Словомъ, мы хотимъ сказать, что полиція вполнѣ точно опредѣлила главный, такъ сказать, материкъ столичнаго classe dangereuse, уплачивающаго «подать преступленію» и комплектующаго ряды разсматриваемой здѣсь группы пролетаріевъ и пауперовъ — бродягъ, уличныхъ проститутокъ, нищихъ и безпаспортныхъ, не имѣющихъ пристанища. Можно-бы только оспаривать раціональность практикуемаго способа искорененія этого опаснаго народа, ибо, не

*) Къ слову сказать, извѣстный тюрьмовѣдъ В. Н. Никитинъ свидѣтельствуетъ, что и безъ «приглашеній» полиціи, къ ней немало обращается простолюдиновъ, «не нашедшихъ себѣ работы въ столицѣ и, потому, просящихъ отправить ихъ, въ видѣ милости, на родину по этапу, такъ какъ на свой счетъ они, по безденежью, не могутъ вернуться туда» («Жизнь заключенныхъ»).

смотря на сугубость и энергичность полицейскихъ «приглашеній» удалиться изъ Петербурга, народа этого нисколько почти не убываетъ, какъ мы видѣли, въ предѣлахъ столицы; но, вѣдь, полиція другихъ, лучшихъ средствъ и не имѣетъ для цѣленія этой огромной общественной язвы.

Изслѣдовавъ такимъ образомъ почву, источники и господствующій составъ петербургской уличной голи и нищеты, мы остановимся теперь на нѣкоторыхъ частныхъ, характеристическихъ сторонахъ этого явленія. Прежде всего посмотримъ на процедуру «ловли» этого несчастнаго бродячаго наорда, которая укажетъ намъ на его главнѣйшія гнѣзда и на его территоріальное распространеніе въ чертѣ столицы.

Изъ свѣдѣній полицейской статистики видно, что самой излюбленной мѣстностью петербургскихъ бродягъ, нищихъ и безпаспортныхъ служитъ Спасская часть, гдѣ ихъ «задерживается» болѣе одной трети общаго числа, въ средней годичной сложности. Это объясняется очень просто тѣмъ, что Спасская часть, представляя собою центръ столицы, сосредоточиваетъ въ себѣ наибольшее число торгово-промышленныхъ заведеній и, слѣдовательно, наибольшую циркуляцію дѣловаго населенія, около котораго легче всего, такъ или иначе, поживиться попрошайкамъ, искателямъ случайной «поденной» работы, а также и охотникамъ до всякой движимости, которая «плохо лежитъ». Кромѣ того, въ Спасской части сосредоточено наибольшее число доступныхъ для чернаго народа трактировъ, кабаковъ, портерныхъ, «обжорныхъ» заведеній съ дешевой снѣдью, и разнаго рода притоновъ для гульбы и разврата. Здѣсь-же, наконецъ, находятся въ наибольшемъ числѣ обширныя и гостепріимныя ночлежныя трущобы, въ родѣ знаменитой «Вяземской лавры», представляющей собою, какъ бы, центральный резервуаръ бродячаго и нищенствующаго Петербурга. Въ этихъ-то пріютахъ, имѣющихся и въ другихъ частяхъ города, полиція — обыкновенно «въ часъ вечерней мглы»—производитъ главнымъ образомъ свои періодическія очистительныя облавы для ловли бродягъ, безпаспортныхъ и, вообще, «подозрительныхъ» лицъ. Но, кромѣ того, она немало хватаетъ ихъ и на улицахъ, напр., въ моменты обращенія ихъ къ прохожимъ за милостынею или смѣлой экскурсіи въ карманы послѣднихъ, накрываетъ во время опъяненія или сна въ городскихъ паркахъ, бульварахъ, пустыряхъ и просто «подъ заборомъ».

Происшедшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, большой пожаръ складовъ сѣна на Невѣ обнаружилъ для непосвященныхъ столичныхъ жителей новое, своеобразное гнѣздо петербургскихъ безпріютныхъ бродягъ. Когда сѣнныя барки окончательно сгорѣли, то въ нихъ найдено было нѣсколько обуглившихся труповъ. Для полиціи эта находка не была, впрочемъ, неожиданнымъ сюрпризомъ: ей извѣстно, по опыту, что въ зимнее время сѣнныя барки и сараи служатъ любимымъ прибѣжищемъ по ночамъ для бездомныхъ голяковъ, и она нерѣдко извлекаетъ ихъ изъ этихъ импровизированныхъ ночлежныхъ пріютовъ цѣлыми партіями, при такой, напр., оригинальной обстановкѣ.

Разъ полиція, свѣдавъ, что въ одномъ огромномъ сѣнномъ сараѣ за Московской заставой скрывается много бродягъ, нагрянула туда ночью. При входѣ ея, разсказываетъ очевидецъ: «въ сараѣ все безмолвствовало и, повидимому, никого не было, но необитаемость сарая была только кажущаяся,—всѣ ночлежники сидѣли въ норахъ, продѣланныхъ въ сѣнѣ; чтобы вызвать ихъ, одинъ изъ полиціантовъ употребилъ такую хитрость. — «Городовые!—закричалъ онъ, — осторожнѣй прокалывайте сѣно шашками, а то, пожалуй, кого нибудь изъ бродягъ заколете! Эй, молодцы! — обратился онъ къ незримымъ обитателямъ сарая: — выходите, а коли кто останется и будетъ проколотъ, то не взыщи». Угроза подѣйствовала, стоги сѣна зашевелились и изъ норъ вылѣзло 60 темныхъ личностей, въ томъ числѣ четыре женщины и одинъ больной старикъ, который не въ силахъ былъ идти. Были случаи, что въ сѣнныхъ складахъ, при разборкѣ сѣна, находили залежавшіеся трупы этого рода горемыкъ, нашедшихъ себѣ здѣсь вѣчный ночлегъ и успокоеніе отъ лютой, голодной и холодной жизни. Во время-же описаннаго выше пожара сѣнныхъ барокъ, очевидно, многихъ изъ нихъ огонь застигъ въ крѣпкомъ снѣ. Были догадки, что и самый пожаръ этотъ произведенъ кѣмъ нибудь изъ обитателей сѣнныхъ барокъ, вздумавшихъ, лежа въ сѣнѣ, покурить «цыгарку».

Въ лѣтнее теплое время бездомные бродяги, по безденежью или по другимъ соображеніямъ, любятъ проводить ночи на чистомъ воздухѣ, въ пустыряхъ и городскихъ паркахъ, утѣшаясь тѣмъ, по ихъ выраженію, что тутъ «каждый кустикъ ночевать пуститъ». Ихъ много попадается за Московской заставой, между Митрофаньевскимъ и Волковскимъ кладбищами, на островахъ, въ Александров-

скомъ, Екатерингофскомъ и Петровскомъ паркахъ. Одинъ газетный «отмѣтчикъ», посѣщая Петровскій паркъ, былъ изумленъ какъ-то обиліемъ попадающихся по ночамъ въ его аллеяхъ «какихъ-то странныхъ фигуръ въ бѣлыхъ фартукахъ—этой эмблемѣ петербургскаго дворника». Вглядѣвшись въ «измятыя, исхудалыя, внушающія подозрѣніе, лица этихъ мнимыхъ дворниковъ и въ ихъ лохмотья», отмѣтчикъ пришелъ къ основательному заключенію, что эти фартуки надѣваются просто для отвода глазъ ночнаго патруля и что подъ ними скрываются чистѣйшіе бродяги, ищущіе ночлега, а отчасти и поживы, при удобномъ случаѣ. Кстати сказать, на арго̀ петербургскихъ бывалыхъ бродягъ, проводить ночи безъ пріюта, подъ открытымъ небомъ, называется почему то — «ломать итальянку».

Съ учрежденіемъ quasi—благотворительныхъ ночлежныхъ пріютовъ, удобныхъ единственно тѣмъ, что при впускѣ въ нихъ не спрашиваютъ паспортовъ, они стали привлекать многихъ забулдыгъ и бобылей, и сдѣлались однимъ изъ центровъ сосредоточенія по ночамъ столичнаго уличнаго пролетаріата. Особенно популяренъ обширный ночлежный пріютъ на Обводномъ каналѣ, близь вокзала Варшавской желѣзной дороги. Пріюты эти наполняются больше всего въ зимнее время, въ сильные морозы. Уже съ ранняго вечера зимою, по Обводному каналу, «замѣтите всегда,—разсказываетъ одинъ интеллигентный ночлежникъ этихъ пріютовъ,—множество стоящихъ фигуръ, смиренно кланяющихся каждому мимо проходящему». Это—несчастные, вымаливающіе грошики на платежъ за ночлегъ въ пріютъ. Около входа въ пріютъ, задолго до его открытія, собирается толпа людей, одѣтыхъ большею частью по лѣтнему и, можетъ быть, въ теченіе дня не имѣвшихъ крохи хлѣба во рту, если только не попалось имъ гдѣ нибудь на тумбочкѣ или подоконникѣ. Этимъ бѣднякамъ часто случается собирать хлѣбъ по тумбочкамъ и подоконникамъ. Вся толпа отъ долгаго ожиданія промерзла до мозга костей. Это можно заключить по тому ожесточенному воплю, который слышится за полверсты отъ пріюта. Вопль этотъ пугаетъ не только мирныхъ гражданъ, но и безстрашныхъ людей.

— «Что это за шумъ?» спрашиваютъ. — «Пугало!» отвѣчаютъ. «Когда я,—говоритъ разсказчикъ,—приблизился на разстояніе, съ котораго можно было разобрать слова, ожесточеніе толпы дошло до послѣдней степени: она просто рычала, и въ этомъ рычаніи слы-

шались ругательства», Когда-же входъ, наконецъ, открылся, — «Боже, какая пошла давка! Посторонній наблюдатель подумалъ-бы, что весь этотъ людъ спасается отъ смерти. Да, дѣйствительно спасается, если не отъ смерти, то отъ замерзанія»...

Что-жь это за народъ? Присмотримся къ нему ближе; заглянемъ въ эти трущобные пріюты и въ такъ называемыя «бродяжныя» камеры полицейскихъ домовъ, гостепріимныя для тѣхъ забулдыгъ, которые не умѣютъ сами себѣ найти приличнаго ночлега и подбираются блюстителями на улицахъ. Мрачная и въ то же время причудливая картина открывается предъ нами, при знакомствѣ съ этой отверженной, пестрой смѣсью

. . . . «одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній»!

Какъ мы уже знаемъ, преобладающимъ элементомъ бродячаго Петербурга является безпаспортный, «заплутавшійся», какъ говорится въ просторѣчіи, крестьянинъ-мужикъ, исковерканный городомъ. Его повѣсть нехитра и однообразна. По словамъ одного наблюдателя петербургскихъ «кутузокъ», горемыки эти «никогда доподлинно не знаютъ, напр., за что, именно, ихъ арестовали». Спросите объ этомъ любаго изъ «бродяжныхъ».

— А кто его знаетъ, получится отвѣтъ: — посадили и все тутъ!

При ближайшемъ изслѣдованіи окажется, что одинъ уже два года, какъ просрочилъ паспортъ и проживалъ безъ прописки по разнымъ темнымъ питерскимъ закоулкамъ; другой—«писалъ-писалъ въ волость; пришлите, молъ, паспортъ! а отвѣта все нѣту»; третій потерялъ; четвертый—отдалъ дядѣ Пахому, а дядя Пахомъ, лѣшій его знаетъ, куда самъ подѣвался; пятаго—служивый какой то обокралъ и билетъ унесъ; шестой—просто просрочилъ, потому что за новый платить надо, и такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Но попадаются безпаспортные и совершенно инаго сорта. Вотъ здоровый, краснолицый парень — отличный работникъ, получающій по 80-ти рублей въ мѣсяцъ, но цѣлыхъ три года забывавшій обзавестись паспортомъ. Наконецъ вспомнилъ, послалъ въ деревню требованіе о «билетѣ», «со вложеніемъ» ста рублей, но «родитель разсудилъ иначе: денежки то взялъ, а сына все-таки по этапу вытребовалъ»... Вотъ простодушнѣйшій хохолъ, забравшійся въ Петербургъ для по-

дачи какого-то неотложно-нужнаго «прошенія», но не сообразившій на счетъ строгости столичныхъ паспортныхъ порядковъ. Онъ прямо изъ «коммиссіи прошеній» попалъ въ «кутузку» и, тоскуя по своей «хатѣ» и «жинци», никакъ не можетъ помириться съ мыслью, что его, раба божія, отправятъ на родину по этапу: «Оце! я й самъ бы скорій доіхавъ!» Вотъ новоявленный Баянъ, импровизирующій въ стихахъ цѣлыя поэмы и рапсодіи, — слѣпой старикъ, крестьянинъ изъ подъ Москвы. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ удивить сильныхъ міра сего своимъ талантомъ и за то быть отъ нихъ взысканнымъ великими и богатыми милостями, но, вмѣсто того, на первыхъ-же шагахъ своего наивнаго посланничества былъ «задержанъ» полиціей за безпокойное обращеніе къ высокопоставленнымъ особамъ. Вотъ — какой то таинственный «восточный человѣкъ», ни слова не говорящій по-русски и рѣшительно не постигающій, за что его посадили и что вокругъ него дѣлается... Вотъ приличнаго вида господинъ, съ интеллигентной физіономіей, украшенной золотыми очками, въ арестантской хламидѣ. Оказывается отставной петербургскій чиновникъ; гдѣ-то въ провинціи, дорогой, его до нитки ограбили, а мѣстная полиція, вмѣсто оказанія ему помощи, сочла его за безпаспортнаго бродягу и провела по всѣмъ мытарствамъ тюремно-этапной процедуры «удостовѣренія личности»... Вотъ отставной прапорщикъ изъ Борго, финнъ родомъ и странствующій пѣвецъ по профессіи. Артистъ въ душѣ, онъ гдѣ-то затерялъ свой формулярный списокъ и теперь долженъ отправиться за его возобновленіемъ на родину по этапу... Вотъ какая-то соотечественница прапорщика, молодая особа, выдающая себя за дипломованную гувернантку, но, къ сожалѣнію, не могущая доказатъ это документально... Вотъ еще одна особа прекраснаго пола — вдова штабсъ-капитана, присланная по этапу изъ Фатежа, гдѣ она въ одно прекрасное утро явилась къ мѣстному исправнику «въ одномъ платьѣ», съ тремя военными медалями на груди и назвала себя княгиней Мещерской, бывшей сестрой милосердія. Самозванство это произошло самымъ простымъ образомъ: штабсъ-капитанша «ѣздила на богомолье въ Кіевъ, дорогою ее обокрали, она обратилась за содѣйствіемъ къ исправнику, а тотъ обозвалъ ее бродягой; тогда она, въ сердцахъ и будучи выпивши, какъ-то наименовала себя княгиней Мещерской»... Все это болѣе или менѣе невинныя жертвы

безпаспортности и — нѣтъ конца всѣмъ типичнымъ разновидностямъ этого несчастнаго люда.

«О безпаспортныхъ бродягахъ собственно Петербурга, нужно сказать, — говоритъ одинъ компетентный наблюдатель, — что это — не мощные богатыри, пускающіеся въ чужедальную сторону искать счастья, это — просто мелкіе жулики, воришки, обитатели столичныхъ трущобъ, нищіе и попрошайки»... «Между другими бродяжными его сейчасъ узнаешь: тощій, сгорбленный, испитóй, съ зеленымъ, болѣзненнымъ лицомъ; его слышно издали по глухому кашлю, выходящему словно изъ треснувшей пополамъ груди. Онъ — паразитъ среди дѣятельной столичной жизни, но онъ петербуржецъ pur sang: на него тяжелымъ бременемъ легла мощная рука цивилизаціи (?) и безъ труда раздавила между своими пальцами».

Замѣтимъ, впрочемъ, что такихъ спеціально - петербургскихъ бродягъ, прочно, хотя и болѣзненно акклиматизовавшихся въ столицѣ, сравнительно немного. Главную массу бродячаго населенія столицы выдѣляетъ подвижной, пришлый, деревенскій рабочій людъ, какъ это мы выше указывали, указавъ тамъ-же и на причины этого явленія. Другой наблюдатель, изучавшій населеніе ночлежныхъ пріютовъ и разныхъ трущобъ, говоря о составѣ этого населенія, замѣчаетъ, что въ него входитъ «большое количество рабочихъ и ремесленниковъ», — людей честныхъ и трудолюбивыхъ, которые какъ то уживаются здѣсь съ профессіональными нищими, «мазуриками, прокутившимися маменькиными сынками, апраксинскими прикащиками, промотавшими хозяйскія деньги», и тому подобнымъ забубеннымъ, потеряннымъ и распутнымъ сбродомъ. «Мнѣ всегда страннымъ казалось, — говоритъ онъ, — что нѣкоторые рабочіе и ремесленники дѣлаются даже завсегдатаями пріютовъ. Положимъ, нѣкоторые изъ нихъ находятся въ ожиданіи паспортовъ, но есть и съ паспортами и хорошіе работники, и тѣмъ не менѣе не разстаются съ пріютской жизнью».

Къ слову замѣтимъ, сама полиція дѣлаетъ различіе въ группировкѣ бродягъ и безпаспортныхъ — на «безвредныхъ» и «вредныхъ». Первыхъ она, «при ихъ задержаніи, не подвергаетъ никакому взысканію» и выдаетъ имъ даже «временныя свидѣтельства на жительство» до полученія паспортовъ и пріисканія осѣдлости. Хотя не извѣстно, на чемъ основывается такая классификація, но уже одно ея допущеніе указываетъ на тотъ фактъ, что далеко не всѣ без-

паспортные и безпріютные пролетаріи столицы, даже на строгій полицейскій взглядъ, представляютъ собой сплошную массу мелкихъ жуликовъ, воришекъ, попрошаекъ, лѣнтяевъ и, вообще, людей потерянныхъ, темныхъ и неблагонадежныхъ.

Быть можетъ самый неблагонадежный и, во всякомъ случаѣ, самый безнадежный, самый безпомощный элементъ въ разсматриваемыхъ подонкахъ общества представляютъ интеллигентные пролетаріи—тѣ, которые совершенно опустились, потеряли сознаніе собственнаго достоинства, разорвали связи со своей прежней средой, утратили способность и охоту къ труду, къ выходу изъ засосавшей ихъ гнойной тины и, смѣшавшись съ простонародной кабацкой голью, усвоили ея образъ жизни и ея промыслы. Такихъ упраздненныхъ интеллигентовъ много въ средѣ здѣшняго уличнаго пролетаріата. Лучше всего ихъ наблюдать въ ночлежныхъ пріютахъ.

«Въ отдѣленіе, въ которое я попалъ, — разсказываетъ одинъ писатель, сдѣлавшій экскурсію въ ночлежный пріютъ, — приходили больше пальто, форменныя и статскія. Шляпу примѣтилъ одну, болѣе фуражки и, между прочимъ, одна съ кокардой. Много небритыхъ физіономій»... «При этомъ я замѣтилъ какое-то торопливое желаніе зарекомендовать себя... сказать о томъ, что они за люди, и представить себя вовсе не вынужденными искать ночлега, а людьми, въ извѣстной степени, даже обезпеченными. Въ этой торопливой аттестаціи много лжи»... Этой категоріи скитальцы—«люди гордые, любятъ похвалиться, пустить пыль въ глаза и задать даже извѣстнаго рода шикъ». Одинъ изъ нихъ, напр., молодой человѣкъ въ цилиндрѣ «съ вьющимися волосами, съ вывѣсочнымъ лицомъ, украшеннымъ эспаньолкой», и съ претензіей на щегольство въ одеждѣ, какъ вошелъ въ пріютъ, такъ съ перваго-же слова и началъ сыпать салонными французскими фразами... Прислужника кликнулъ, называя его, почему-то, «Петромъ Великимъ», заставилъ себя раздѣвать, потребовалъ водки и, въ награду за услуги, подарилъ свои «весьма заслуженные штаны, кои возраста преклоннаго и цѣна коимъ пять копѣекъ серебромъ»... Другой, старикъ, съ солидной чиновничьей физіономіей, сталъ изливаться передъ авторомъ, что онъ «пріѣхалъ изъ Царскаго за получкой—и большой получкой», да, вотъ, опоздалъ на поѣздъ и вынужденъ-де провести ночь «вдали отъ семейства», а между тѣмъ, за минуту, просилъ уступить ему койку, потому что онъ на ней «постоянно лежитъ»... Третій

расхвастался, что на какую-бы желѣзную дорогу онъ ни пришелъ— «всюду кассиръ дастъ ему билетъ».

Нѣкто г. Левковичъ разсказывалъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ», что подобные-же аристократы заурядъ встрѣчаются и въ «Вяземской лаврѣ». Въ одной изъ трущобъ ея онъ сошелся съ цѣлой блестящей плеядой: дворяне съ «высшимъ образованіемъ», заслуженные лейтенанты, «бѣдные отставные поручики» и, въ довершеніе, разорившаяся помѣщица полька, гордая аристократка, ежеминутно восклицающая: «Oh, sacré nom»!.. Но эти аристократы до того принизились, пали и погрязли въ окружающую ихъ смрадную, омерзительную среду, что потеряли всякій стыдъ, всякій образъ человѣческій. Они клянчатъ по улицамъ у прохожихъ, якшаются съ позорнѣйшими представителями и представительницами трущобнаго міра, вмѣстѣ съ ними пьянствуютъ, развратничаютъ, унижаются и подличаютъ передъ хозяевами квартиръ, которые доводятъ свою фамильярность съ ними до отеческихъ потасовокъ и третируютъ ихъ, какъ послѣднее отребье...

Разъ, утромъ, авторъ былъ очевидцемъ такой сцены. Когда проснулась вся трущоба, въ которой ночевало 65 человѣкъ, «изъ подъ наръ вылѣзла, на четверенькахъ, плотная фигура мужчины. За нимъ слѣдовала женщина, нѣсколько конфузясь и глядя въ землю»... Это были—«бѣдный отставной поручикъ» и его трущобная подруга... «Можетъ-ли быть отвратительнѣе картина? — восклицаетъ разсказчикъ.—Можно-ли упасть ниже, чѣмъ эта пара паріевъ?! Вотъ гдѣ грань человѣческаго паденія!»

IV.

Виды и разновидности петербургскаго нищенства.

Въ предшествовавшей главѣ мы очертили общую картину столичнаго бродячаго, бездомнаго и нищенствующаго класса, а также причины и источники, его порождающіе; здѣсь мы остановимся на характеристической и весьма интересной частности этой печальной картины—на нищенствѣ, въ разнообразныхъ его видахъ и проявленіяхъ

леніяхъ, выработанныхъ мѣстными специфическими условіями. Здѣсь, впрочемъ, необходима маленькая оговорка.

Если подъ словомъ **нищета** разумѣть, вообще, бѣдность и крайность, то пришлось-бы рамку нашего очерка раздвинуть до колосальныхъ размѣровъ и даже потерять ее совсѣмъ изъ виду, потому что Петербургъ,—какъ это мы говорили въ своемъ мѣстѣ,—городъ по преимуществу «бѣдный», изобилующій во всѣхъ своихъ общественныхъ сферахъ разннообразной нищетой, населенный, въ огромной долѣ, такъ называемымъ недостаточнымъ классомъ. Мы старались, хотя приблизительно, намѣтить объемъ всей петербургской бѣдности, скрывающейся не только въ подвалахъ и чердакахъ, но нерѣдко и за зеркальными окнами бель-этажей, выходящей на улицу, въ люди, не только въ лохмотьяхъ, съ протянутой за милостыней рукою, но, случается, и въ щегольскомъ, по послѣдней картинкѣ, костюмѣ, съ гордымъ и беззаботнымъ видомъ вполнѣ обезпеченнаго положенія и довольства. Но пытаться вскрыть и констатировать всѣ виды нищеты — отъ той, которая сама себя рекламируетъ, до той, которая, по пословицѣ, носитъ «на брюхѣ шелкъ» въ то время, какъ въ пустотѣ самаго брюха раздается томительный «щелкъ»,—усилія напрасныя. Точный діагнозъ и точная статистика всѣхъ нуждъ, лишеній и страданій, гнѣздящихся въ массѣ милліоннаго человѣческаго муравейника,—недостижимы, и, кромѣ нѣсколькихъ гадательныхъ штриховъ этой огромной язвы, мы дать больше ничего не можемъ.

На этомъ-то основаніи и здѣсь мы ограничиваемъ рамку нашего очерка лишь спеціальнымъ и опредѣленнымъ понятіемъ **нищеты** и **нищенства**, въ обыденномъ смыслѣ этихъ словъ. Въ этомъ смыслѣ, подъ нищенствомъ понимается такое положеніе, когда человѣкъ почему либо лишается возможности собственными силами и средствами пропитывать себя, и вынуждается голодомъ обращаться къ общественной благотворительности. Это, такъ сказать, общая прописная формула разсматриваемаго соціальнаго явленія, но на практикѣ, какъ самое нищенство, такъ и его причины имѣютъ множество разновидностей, и въ томъ числѣ много такихъ, которыя трудно уловимы для наблюдателя.

Напримѣръ, одинъ изслѣдователь этого явленія, желая опредѣлить его бытовую и юридическую сущность, высказалъ такое, какъ-бы общее положеніе, что «нищенство есть не **дѣйствіе**, а **состояніе**». Въ

теоріи это вѣрно, но дѣйствительность на каждомъ шагу доказываетъ фактами, что есть много видовъ нищенства, отождествляющихъ собою понятіе, именно, дѣйствія, въ юридическомъ смыслѣ слова, каково, напр., нищенство промышленное. Вообще, въ теоретическомъ опредѣленіи сущности нищенства замѣчается путаница и сбивчивость. Одни изслѣдователи смотрятъ на него, какъ на продуктъ чисто-экономическихъ неблагопріятныхъ условій; другіе хотятъ видѣть въ немъ, главнымъ образомъ, порокъ нравственный, съ чѣмъ согласно отчасти и существующее законодательство, какъ у насъ, такъ и на Западѣ, заключающее въ себѣ цѣлый рядъ карательныхъ мѣръ, направленныхъ противъ нищенства. Съ своей стороны, общество въ массѣ, особенно въ низшихъ классахъ, благодушно относится къ нищимъ, по традиціи, какъ къ «божьимъ людямъ», на попеченіи о которыхъ должно изощряться религіозное чувство милосердія во Христѣ. Этой же точки зрѣнія придерживается отчасти и просвѣщенная оффиціальная филантропія, какъ-бы предназначенная смягчать своимъ благотворительнымъ елеемъ суровое отношеніе къ нищенству дѣйствующаго полицейскаго закона. Такую именно функцію выполняетъ въ Петербургѣ комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ, дѣятельность котораго, впрочемъ, не приноситъ никакихъ существенныхъ результатовъ, какъ увидимъ ниже.

Во всякомъ случаѣ, нищенство, во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ, должно быть принято, какъ явленіе обособленное и самостоятельное. По крайней мѣрѣ, всѣ изслѣдователи условились отличать его отъ пауперизма, хотя оно есть прямое его порожденіе, и, въ дѣйствительности, очень трудно отъискать раздѣльную грань, гдѣ пауперизмъ соприкасается и перемежается съ нищенствомъ.

Теперь о причинахъ. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе ихъ отдаленныхъ корней и частныхъ мнѣній по этому предмету ученыхъ изслѣдователей, остановимся лишь на обязательномъ и вошедшемъ въ силу формулированіи ихъ нашимъ дѣйствующимъ законодательствомъ. Въ «Уложеніи о наказаніяхъ» (томъ XV Св. Зак.) законодатель, при разсмотрѣніи случаевъ «нарушенія правилъ о прошеніи подаянія», по смыслу которыхъ «воспрещается нищенствовать» всѣмъ и каждому, распредѣляетъ нарушающихъ эти правила на двѣ категоріи. Распредѣленіе это сдѣлано на основаніи различія причинъ и поводовъ, побуждающихъ неосновательныхъ гражданъ прибѣгать къ попрошайничеству, а именно: 1) на нищенствующихъ по несчастію,

и 2) на нищенствующихъ «по лѣни, привычкѣ къ праздности или даже въ видѣ ремесла». Далѣе, законъ, а на его основаніи и нищенскій комитетъ допускаютъ еще, какъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, частную, болѣе подробную разгруппировку причинъ нищенства, но въ основѣ остаются двѣ — вышепоименованныя, составляющія общепринятую, вошедшую въ рутину квалификацію нищенства, хотя она и не выдерживаетъ строгой критики.

Не выдерживаетъ критики потому, что, производя, напр., ремесло нещенствомъ отъ «лѣни и привычки къ праздности», она констатируетъ въ сущности не причину даннаго явленія, а его послѣдствія. Кому неизвѣстно, что на Руси благодатной есть не мало мѣстностей, гдѣ сплошь почти все населеніе, если не постоянно, то періодически промышляетъ собираніемъ по міру «кусочковъ». Неужели это отъ «лѣни и привычки къ праздности»?.. Что же касается представителей городскаго нищенства, то, хотя несомнѣнно — отъявленныхъ лѣнтяевъ и празднолюбцевъ между ними много, но самая-то лѣнь есть въ нихъ продуктъ нищенскаго состоянія, а — не наоборотъ.

Нищенство въ общемъ мнѣніи, раздѣляемомъ всѣми болѣе или менѣе культурными классами, представляетъ собою состояніе унизительное и, въ извѣстной степени, позорное. Чтобы дойти до него, чтобы рѣшиться выйти на улицу и клянчить у прохожихъ съ протянутой рукою, человѣкъ долженъ прежде отрѣшиться, въ извѣстной мѣрѣ, отъ сохраненія собственнаго достоинства, долженъ нравственно раскиснуть и сломаться. На улицу онъ выходитъ уже деморализованнымъ, опустившимся, дошедшимъ до отчаянія; но вѣдь, чтобъ превратиться въ открытаго попрошайку, въ представителя всѣми презираемаго общественнаго отребья, человѣкъ долженъ былъ вынести долгую, мучительную борьбу съ постигшимъ его несчастьемъ и самимъ собою. Близорукіе наблюдатели забываютъ обыкновенно объ этомъ незримомъ тяжкомъ періодѣ постепеннаго паденія и непосильной борьбы съ нуждою, предшествующемъ, по большей части, въ жизни каждаго профессіональнаго нищаго тому моменту, когда въ немъ созрѣла рѣшимость выйти на улицу съ протянутой рукою.

Эта рѣшимость человѣку очень дорого стоитъ, но разъ сдѣланъ шагъ, по свойству покладистой человѣческой натуры, въ слѣдующіе затѣмъ моменты являются сами собою приспособленность и привычка къ принятому положенію, какъ-бы оно ни было, съ перваго взгляда, унизительно и трудно. Уже и безъ того измученное, исковерканное долгой

борьбою чувство собственнаго достоинства тупѣетъ окончательно, энергія и духъ предпріимчивости гаснутъ; наступаютъ полная распущенность и деморализація,—и нищій по профессіи готовъ во всей своей красѣ! Нищій, теряя вѣру въ себя и въ свои силы, и пріучаясь смотрѣть изъ чужихъ рукъ на средства къ существованію, естественнымъ порядкомъ утрачиваетъ неощутительно способность и охоту къ труду и, такимъ образомъ, превращается въ лѣнтяя и дармоѣда по призванію.

На основаніи этихъ соображеній, весьма трудно различать, гдѣ нищенство изъ «состоянія» переходитъ въ «дѣйствіе» или, другими словами, гдѣ оно изъ вынужденнаго крайностью и случайнаго положенія превращается въ добровольное, привычное ремесло. Въ сущности, оба эти вида «нищенскаго образа» суть ничто иное, какъ различныя степени одного и того же явленія, подобно тому, какъ въ патологіи различаются острая и хроническая формы одного и того же недуга. Разсматривая нищенство, какъ язву общественнаго организма, всего правдоподобнѣе сравнить его вышеозначенные виды именно—съ острой, легко поддающейся излѣченію, и трудно излѣчимой, застарѣлой, хронической формами данной болѣзни. Съ этой точки зрѣнія мы и постараемся разгруппировать многообразныя проявленія столичнаго нищенства въ доступныхъ наблюденію предѣлахъ. Начнемъ, прежде всего, съ фактовъ нищенства острой формы, обусловленнаго только временнымъ лишеніемъ средствъ къ пропитанію, подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ.

Нищенство этой группы комплектуется главнымъ образомъ, какъ мы въ своемъ мѣстѣ указывали, неудачниками изъ пришлыхъ крестьянъ, или явившихся въ столицу на заработки и обманувшихся въ своемъ разсчетѣ, или почему либо оставшихся безъ мѣста и безъ работы, которыми они передъ этимъ пользовались. Нищенствующіе этой категоріи дѣйствительно представляютъ собою случайный элементъ и, въ большинствѣ случаевъ, ничего не имѣютъ общаго съ тѣми потерянными, деморализованными профессіональными попрошайками, которые составляютъ сущность разсматриваемой язвы.

Крестьянинъ, воспитанный вѣковой школой лютой нужды и лишеній, усвоилъ себѣ такой житейскій взглядъ, что никому-де отъ «сумы, да отъ тюрьмы зарекаться не слѣдъ». Поэтому, доведенный до крайности, онъ нерѣдко идетъ «побираться», не чувствуя въ этомъ ничего постыднаго, въ наивно-патріархальной вѣрѣ встрѣтить со сто-

роны ближнихъ вполнѣ человѣчное къ себѣ отношеніе. Человѣкъ проситъ подать ему Христа ради, значитъ, другаго исхода ему нѣтъ отъ голодной смерти, и каждый, смотря на дѣло съ этой сердечной точки зрѣнія, подаетъ ему по силѣ-мѣрѣ, безъ всякаго филантропически-брезгливаго покровительства, по человѣчеству, и памятуя, при этомъ, что и для него самого—на кого грѣхъ, да бѣда не живетъ?—нищенская сума не заказана... Тутъ нѣтъ мѣста подозрѣнію, что просящій подаяніе—лѣнтяй и дармоѣдъ, избывающій трудовые способы пропитанія въ потѣ лица своего. Напротивъ, само собой подразумѣвается, что случись работа, дающая хлѣбъ насущный, и — этотъ нищій тотчасъ-же скинетъ суму съ плечъ и превратится въ честнаго, заправскаго работника. Такъ оно, дѣйствительно, къ крестьянской жизни и бываетъ, на основаніи чего составился выше очерченный, крестьянскій своеобычный взглядъ на «нищенскій образъ», воспринимаемый своимъ братомъ-мужикомъ. Поэтому-то въ массѣ столичнаго нищенства необходимо отличать нерѣдко встрѣчаемыхъ крестьянъ-работниковъ, просящихъ подаяніе, вслѣдствіе безъисходной нужды и невозможности достать работу. Это—случайные нищіе, и къ нимъ, въ большинствѣ, никакъ нельзя прикидывать тотъ аршинъ нравственнаго паденія и лѣни, съ которымъ умѣстно подходить къ другимъ видамъ и формамъ нищенства.

Нищенствующихъ этой категоріи является въ Петербургѣ больше всего зимою. Есть немало чернорабочихъ профессій, изъ представителей которыхъ въ зимнее время очень немногіе достаютъ себѣ работу, притомъ за плату, доведенную до minimum'а, вслѣдствіе большаго предложенія рукъ. «Что-же, спрашивается, долженъ дѣлать здоровый рабочій, не нашедшій себѣ работы?—говоритъ, по этому поводу, одинъ непосредственный наблюдатель разсматриваемаго рода пауперовъ.—Желудокъ его, благодаря постоянной дѣятельности, привыкъ поглощать до 5 фунтовъ хлѣба въ день, а такъ какъ рабочій живетъ однимъ только желудкомъ и для него одного, то и голодъ ощущается имъ гораздо рѣзче, чѣмъ человѣкомъ, привыкшимъ къ сидячей работѣ. Въ виду настоятельной потребности какъ нибудь наполнить свой желудокъ, рабочій съ нетерпѣніемъ ждетъ вечера и, скрѣпя сердце, отправляется по лавочкамъ «звонить» хлѣба. Сколько душевныхъ пытокъ ощущаетъ онъ на первыхъ порахъ, это можно судить по тому, что онъ сначала подойдетъ къ нѣсколькимъ лавочкамъ, постоитъ немного около нихъ и уходитъ далѣе, не рѣшаясь

войти. Но разъ онъ вошелъ, въ другой и послѣдующіе разы дѣлается все смѣлѣе и смѣлѣе, и въ концѣ концовъ превращается въ настоящаго «звонаря» (т. е. въ нищаго).

Это—совершенно вѣрная картина того тяжелаго пути, какимъ крестьянинъ-рабочій приходитъ къ рѣшимости начать «звонить хлѣба». Невѣрно здѣсь только—по крайней мѣрѣ, какъ общее правило, — заключеніе, что эти случайные «звонари» превращаются въ «настоящихъ», т. е., профессіональныхъ нищихъ, ибо самъ-же авторъ чрезъ нѣсколько строкъ засвидѣтельствовалъ тотъ фактъ, что «звонари» эти, при первой возможности найти работу, отказываются отъ попрошайничества. «На лѣто, — говоритъ онъ, — когда открываются работы, Петербургъ освобождается отъ десятковъ тысячъ желудковъ, всю зиму наполняемыхъ благотворительностью». Въ этомъ-то и заключается спеціальная особенность данной категоріи столичнаго нищенства, комплектуемаго чернорабочимъ людомъ, по различнымъ временамъ и случайнымъ причинамъ, каковы, напр., колебаніе спроса рабочихъ рукъ на рынкѣ труда, безпаспортность и т. д. Здѣсь мы, впрочемъ, сошлемся лучше на юрисдикцію и практику комитета о нищихъ, тоже существеннымъ образомъ отличающаго рабочихъ, вынужденныхъ крайностью просить подаянія и представляющихъ собою такую группу разсматриваемаго здѣсь класса, которая стоитъ какъ разъ на межѣ, гдѣ поверхностному глазу легко смѣшать пауперизмъ съ нищенствомъ.

При разборѣ доставляемыхъ полиціею нищихъ, комитетъ, согласно своей программѣ, распредѣляетъ ихъ на четыре разряда и, сообразно этому, устраиваетъ ихъ дальнѣйшую судьбу: однихъ помѣщаетъ въ богоугодныя заведенія, другихъ старается пріучить къ какому нибудь занятію и труду, третьихъ выпроваживаетъ на казенный счетъ изъ столицы на родину и, наконецъ, четвертыхъ, отличающихся въ прошеніи милостыни «по лѣни и привычкѣ къ праздности», привлекаетъ къ отвѣтственности въ мировой судъ. Распредѣленіе нищихъ по разрядамъ обусловлено практикой и наблюденіемъ. Такимъ образомъ, по классификаціи комитета, къ первому разряду относятся впавшіе въ нищенство отъ несчастныхъ обстоятельствъ: сиротства, дряхлости, болѣзней и, вообще, неимѣнія ни силъ, ни здоровья къ заработыванію пропитанія; ко второму разряду отнесены нищенствующіе по временному несчастью или болѣзни, обладающіе силами для работы, но не имѣющіе ни случаевъ,

ни способовъ найти ее; къ третьему разряду причисляются такіе нищіе, которые, имѣя возможность и силы трудиться, вслѣдствіе лѣни, привычки къ праздности и «дурнаго своего поведенія», сдѣлали изъ прошенія милостыни ремесло для себя; въ четверый же разрядъ заносятся всѣ временные или случайные нищіе, какъ-то: просрочившіе паспорты, по болѣзни или неграмотности, и тѣмъ лишившіе себя возможности найти работу, лишившіеся, по какому нибудь несчастному случаю, мѣста или денегъ въ дорогѣ, вдали отъ родины, и проч.

Намъ необходимо было привести здѣсь эту казенную классификацію столичнаго нищенства для дальнѣйшихъ соображеній; здѣсь же мы ссылаемся на нее только для установленія правильнаго взгляда на выше разсмотрѣнную нами группу временныхъ и случайныхъ нищихъ, выдѣляемыхъ чернорабочимъ, преимущественно крестьянскимъ, населеніемъ столицы. Группа эта въ массѣ петербургскаго уличнаго нищенства занимаетъ, по численности, одно изъ первенствующихъ мѣстъ. Мы имѣемъ возможность опредѣлить ее въ цифрахъ, на основаніи отчетной статистики нищенскаго комитета, но при этомъ нужно только помнить, что статистика комитета далеко не обнимаетъ собою всего столичнаго нищенства, даже того, которое не избѣгаетъ полицейскаго «задержанія». У насъ имѣются подъ рукою цифровыя данныя комитета за четыре года (съ 1870 по 1873 г. включительно). Приводимъ изъ нихъ, въ годичныхъ итогахъ, число нищихъ, попадавшихъ въ комитетъ, параллельно съ цифрами задержанныхъ полиціей, а именно:

	Полиціей задерживалось.	Въ комитетѣ содержалось.
Въ 1870 году	5.314	2.675
» 1871 »	5.607	3.788
» 1872 »	4.543	3.396
» 1873 »	6.240	3.346
	5.425	3.301

Такимъ образомъ оказывается, что въ среднемъ разсчетѣ, между полицейской статистикой нищихъ и вѣдомостью ихъ, производимой комитетомъ, существовала за данный періодъ разница на 2.124 ч. ежегодно; другими словами: до сорока процентовъ общей суммы ни-

щихъ, задерживаемыхъ полиціей, не достигало гостепріимныхъ дверей комитета и было лишено его «разбора» и «призрѣнія». Чѣмъ это объяснить—мы не знаемъ, хотя хорошо извѣстно, что по существующимъ правиламъ ни одинъ нищій, изловленный на улицахъ столицы, не долженъ пройти мимо попечительныхъ глазъ и рукъ комитета, какъ, съ другой стороны, самъ комитетъ, говорятъ, выработалъ такое правило, что только тотъ нищій можетъ разсчитывать на его призрѣніе, котораго приводитъ къ нему полиція и — не иначе. Отмѣчаемъ мимоходомъ этотъ вызывающій на размышленіе фактъ и возвращаемся къ разсматриваемому нами вопросу.

Статистика комитета даетъ намъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія объ устройствѣ судьбы доставляемыхъ ему нищихъ. Судьба эта бываетъ различна и согласуется съ производимымъ въ комитетѣ «разборомъ» нищихъ по разъ установленнымъ «разрядамъ», о которыхъ было говорено выше. Такимъ образомъ, узнаемъ, что ежегодно, въ среднемъ разсчетѣ (за 1870—1872 г.), изъ 3.286 нищихъ, попадавшихъ въ вѣдѣніе комитета, было имъ отправляемо: на родину—330, въ губернское правленіе—796, въ управу благочинія и полицію—210, въ мѣщанскую и ремесленную управы—237; призрѣвалось въ богадѣльняхъ—9; пристраивалось къ работамъ и на мѣста—799; привлекалось къ мировому суду — 283 чел., и отвозилось на Преображенское кладбищѣ—73 (въ восемь разъ больше, чѣмъ призрѣвалось въ богадѣльняхъ).

Данныя эти представляютъ довольно наглядную и назидательную картинку благотворной дѣятельности комитета, но насъ не она теперь интересуетъ. Для насъ нужно опредѣлить здѣсь ариѳметическое отношеніе между двумя главными, по общепринятой классификаціи, группами столичныхъ нищихъ:—случайныхъ и временныхъ, испрашивающихъ подаяніе «по несчастью», а также сирыхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ, съ одной стороны, и—съ другой — предающихся нищенству «по лѣни, привычкѣ къ праздности и дурному поведенію». Насколько можно полагаться на точность «разбора» комитета и его цифры, отношеніе это само собою явствуетъ изъ приведенныхъ данныхъ.

Очевидно, цифра нищихъ, преданныхъ комитетомъ суду, сполна обнимаетъ собою вторую группу, т. е. предосудительный «разрядъ» тѣхъ попрошаекъ, которые, вслѣдствіе порочныхъ наклонностей,

сдѣлали изъ нищенства ремесло. Цифра эта, какъ видно, опредѣляема въ 283 человѣка,—весьма лестная для репутаціи нравственности Петербурга и болѣе чѣмъ успокоительная, ибо даже по статистикѣ комитета она составляетъ менѣе десяти процентовъ общаго числа разбираемыхъ имъ нищихъ. Словомъ, совершенный пустякъ, имѣющій чисто дифференціальное, ничтожнѣйшее значеніе въ милліонной массѣ благополучнаго столичнаго населенія! Читатель, конечно, воленъ вѣрить или не вѣрить этому отрадному выводу оффиціальной статистики.

Весьма интересна также въ статистикѣ комитета цифра призрѣваемыхъ имъ нищихъ. Цифра эта до комизма ничтожная, если смотрѣть на нее окомъ скептика; но, съ точки зрѣнія оптимистической, она тоже въ высочайшей степени отрадная. Въ самомъ дѣлѣ, не отрадно-ли знать, что изъ всего столичнаго населенія ежегодно девять человѣкъ, по разсмотрѣнію компетентнаго комитета, оказываются въ состояніи нищеты и безпомощности въ такой степени, что комитетъ вынуждается поручить ихъ призрѣнію общественной филантропіи!?. Оставимъ, впрочемъ, въ сторонѣ эти курьезы статистики и практики достопочтеннаго комитета, чтобы не погрѣшить возбужденіемъ недовѣрія къ его филантропическому авторитету и апломбу непогрѣшимости, съ которыми онъ ежегодно, съ методической аккуратностью, истрачиваетъ десятки тысячъ рублей на безплодное переливаніе изъ пустаго въ порожнее бездонной пучины столичнаго нищенства. Положительнымъ результатомъ его дѣятельности можно-бы считать пріурочиваніе нищихъ къ занятіямъ и мѣстамъ, но мы не знаемъ ни способовъ этого пріурочиванія, ни его прочности. Остается, въ интересѣ сдѣланнаго нами выше заключенія о составѣ и характерѣ группы временныхъ и случайныхъ нищихъ, утѣшиться только тѣмъ, что цифра пауперовъ, облагодѣтельствованныхъ такимъ образомъ комитетомъ, довольно значительна (799 изъ 3.286, или болѣе 24%).

Вообще, вѣдомости разбора и распредѣленія нищихъ комитетомъ утверждаютъ насъ въ слѣдующей мысли, вопреки пессимистическому мнѣнію самого комитета, что, будто-бы, «главнѣйшая причина нищенства не суть болѣзни или дряхлость, а скорѣе лѣнь и привычка къ праздности» (Отчетъ за 1871 г., стр. 2), — а именно въ той мысли, что масса петербургскаго нищенства комплектуется не столько профессіональными, порочными и поте-

рянными для общества лѣнтяями-попрошайками, сколько бѣдняками изъ простолюдиновъ, или дѣйствительно несчастныхъ и безпомощно убогихъ, или случайно доведенныхъ до крайности и временно лишь вынужденныхъ идти на улицу «звонить» на хлѣбъ у прохожихъ. Здѣсь кстати будетъ ближе ознакомиться съ сословнымъ и профессіональнымъ составомъ столичнаго уличнаго нищенства, а также съ распредѣленіемъ его по поламъ и возрастамъ, о чемъ находимъ любопытныя и довольно подробныя свѣдѣнія въ отчетахъ комитета.

Въ числѣ 3.286 нищихъ, ежегодно разбиравшихся въ комитетѣ, по среднему разсчету за трехлѣтіе (1870—1872 г.), находилось:

Лицъ благороднаго званія . . .	275	или	8,5 %
Духовныхъ	15	»	0,4 »
Отставныхъ придворнослужителей. .	30	»	0,8 »
Крестьянъ	723	»	22,0 »
Нижнихъ чиновъ воинскаго званія.	1.170	»	35,6 »
Мѣщанъ и ремесленниковъ . . .	913	»	27,7 »
Купцовъ и почетныхъ гражданъ .	8	»	0,2 »
Иностранцевъ	45	»	1,3 »
Финляндскихъ уроженцевъ *) . .	79	»	2,4 »
Питомцевъ Воспит. Дома и незаконнорожденныхъ	11	»	0,3 »
Вольноотпущенныхъ (?)	14	»	0,4 »

Табличка эта можетъ служить посылкой для нѣсколькихъ интересныхъ выводовъ и сопоставленій. Остановимся на нѣкоторыхъ. Любопытно прежде всего отношеніе представителей культурныхъ классовъ къ некультурнымъ въ средѣ столичнаго нищенства. Отнеся къ культурнымъ классамъ лицъ благороднаго и духовнаго званія, купцовъ и почетныхъ гражданъ, видимъ, что они фигурируютъ здѣсь въ количествѣ около 10%. Вообще-же, о степени культурности кліентовъ нищенскаго комитета еще болѣе любопытную справку даютъ намъ свѣдѣнія о числѣ грамотныхъ между ними. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти имѣются въ комитетскихъ отчстахъ только за

*) О другихъ инородцахъ комитетъ, почему-то, не даетъ никакихъ свѣдѣній и только за четырехлѣтній срокъ отмѣтилъ одного еврея, изобличеннаго въ нищенствѣ.

два года (1870—1871) и относятся не ко всему числу нищихъ. Узнаемъ изъ нихъ, что, въ сложности, изъ 5.655 спрошенныхъ комитетомъ нищихъ, грамотныхъ оказалось всего лишь 1.780 чел. или съ небольшимъ 31%, т. е., менѣе одной трети *). Отношеніе это получаетъ особенный вѣсъ и значеніе, если его сопоставить съ отношеніемъ числа грамотныхъ къ числу неграмотныхъ въ средѣ всего столичнаго населенія вообще.

По даннымъ переписи 1869 г., знающихъ грамотѣ въ петербургскомъ населеніи исчислено 60,3%, а неграмотныхъ — 39,7%. Между тѣмъ, оказывается, что отношеніе это въ средѣ петербургскаго нищенства имѣетъ совершенно обратное значеніе: въ немъ, на каждые 100 чел., грамотныхъ только 31, а неграмотныхъ 69. Изъ этого обстоятельства можно заключить, что однимъ изъ факторовъ въ развитіи нищенства является низкая степень умственнаго развитія, недостатокъ образованія и культурности, если говорить вообще и если можно положиться на выводъ изъ такого, сравнительно, ничтожнаго числа наблюденій, какое доставила намъ статистика комитета.

Въ частности же, нижеслѣдующая выкладка покажетъ намъ, что въ Петербургѣ вышеисчисленные нами культурные классы, въ средѣ которыхъ, по крайней мѣрѣ, безграмотность почти не встрѣчается, выдѣляютъ, сравнительно, напр., съ крестьянами, немногимъ меньшій процентъ нищихъ. Такъ, на 130.020 чел. общаго ихъ числа — нищихъ, принадлежащихъ къ этимъ классамъ, приходится ежегодно 298 чел. или болѣе 0,2%, а на 207,170 крестьянъ — 723 нищихъ или немногимъ болѣе 0,3%. Разница весьма незначительная, если рѣчь идетъ о вліяніи въ данномъ отношеніи культурности, потому что въ то время, какъ на сто дворянъ, чиновниковъ и т. п. приходится всего около двухъ неграмотныхъ, на сто крестьянъ таковыхъ-же невѣждъ — болѣе 58-ми! Черта, конечно, не имѣющая общаго значенія, но не лишенная характеристичности, въ частности, по отношенію къ Петербургу.

Въ приведенной табличкѣ бросается въ глаза, довольно не-

*) Въ Москвѣ это отношеніе, повидимому, еще менѣе благопріятное. Тамъ, по свѣдѣніямъ мѣстнаго комитета, изъ 3.221 нищихъ въ 1877 г. грамотныхъ было только 799, или около 24%.

лестное для славы русскаго оружія, преобладаніе сыновъ Марса въ средѣ столичнаго нищенства, въ которомъ они составляютъ больше трети общаго числа. Притомъ, отношеніе это постоянное не только въ Петербургѣ, но, напр., и въ Москвѣ *), и вошло какъ-бы въ норму, такъ что комитетъ, хотя и непрерывно испытывавшій патріотическое огорченіе при видѣ этого явленія, отдѣлывался въ своихъ отчетахъ категорическимъ на него указаніемъ, какъ на нѣчто хроническое и неизбѣжное, «не смотря на различныя мѣры, принимаемыя въ послѣднее время правительствомъ къ устройству положенія людей этого сословія» (т. е. военнаго). Дѣйствительно, правительство въ лицѣ комитета министровъ, еще въ 1871 г. предписало подлежащимъ начальствамъ, посредствомъ приписки и «прочнаго водворенія» на жительство отставныхъ солдатъ, отвратить ихъ отъ зазорнаго для чести носимаго ими мундира попрошайничества; но мѣры эти, судя по статистикѣ нищенскихъ комитетовъ (петербургскаго и московскаго), не оказали никакого вліянія на уменьшеніе этой категоріи нищихъ. Оно и понятно: прочнымъ водвореніемъ и тому подобными мѣрами понужденія трудно было заставить людей, при прежнемъ продолжительномъ срокѣ службы, исковерканныхъ казармой, оторванныхъ и отучившихся отъ сохи, и потерявшихъ силы и здоровье, а нерѣдко и изувѣченныхъ на службѣ отечеству,—найти себѣ пропитаніе и теплый уголъ способами, болѣе производительными и благовидными, нежели нищенство.

Относительно распредѣленія петербургскихъ нищихъ по по́ламъ и возрастамъ находимъ слѣдующія данныя въ статистикѣ комитета. Въ средней ежегодной сложности, изъ 3,286 нищихъ было мужчинъ 2,044 и женщинъ 1,242, или до 38%. Такимъ образомъ, оказывается, что прекрасный полъ, вопреки традиціи о его слабости, значительно рѣже господствующаго въ мірѣ мужскаго пола промышляетъ въ Петербургѣ нищенствомъ; но въ особенности должно сказать это относительно нищихъ изъ благороднаго сословія. Такъ, въ числѣ представителей этого сословія было: въ 1870 г. на 107 мужчинъ 65 женщинъ, въ 1871 г. на 223 муж. 88 жен. и въ

*) Въ хлѣбосольной Москвѣ нижнихъ воинскихъ чиновъ среди нищихъ еще гораздо больше: тамъ за 3 года (1875 по 1877 г.) они составляли почти половину общаго числа уличныхъ „попрошаекъ“, ближайшую причину чего, по мудрому замѣчанію мѣстнаго комитета, надо искать въ той средѣ, изъ которой они поступили на службу.

1872 г. на 267 муж. 75 жен., или, въ среднемъ разсчетѣ, на 4 мужчинъ 1 женщина. Конечно, въ этомъ случаѣ вліяетъ численное преобладаніе мужскаго пола надъ женскимъ въ петербургскомъ населеніи вообще.

Что касается возраста нищихъ, то, по наблюденію и «къ сожалѣнію» комитета, «до 50-тилѣтняго возраста количество нищихъ увеличивается постепенно и послѣ этого періода постепенно ослабѣваетъ.» Это наблюденіе привело комитетъ къ мысли, «что нищенство развивается въ такую именно цвѣтущую пору жизни, когда всего менѣе слѣдовало-бы ожидать этого, въ смыслѣ возможности устроить свое положеніе трудомъ и занятіями». Быть можетъ, впрочемъ, комитетъ и не пришелъ бы къ такому, слишкомъ ужь мрачному заключенію, еслибы принялъ въ соображеніе тотъ общій для всѣхъ смертныхъ законъ природы, что долголѣтіе огромнаго большинства человѣчества не простирается далѣе 50-тилѣтняго возраста и что процентъ людей, переживающихъ этотъ возрастъ, весьма незначителенъ. Притомъ-же, на самомъ дѣлѣ, большинство нищихъ, по статистическимъ даннымъ самого комитета, оказывается вовсе не въ «цвѣтущей порѣ жизни», если предѣломъ послѣдней положить 45 лѣтъ и если при этомъ произвести нѣкоторыя статистическія вычисленія. Это можно заключить изъ слѣдующей группировки нищенствующей братіи по общепринятому дѣленію на возрасты. По этому пункту мы можемъ представить свѣдѣнія только относительно 5,655 нищихъ, въ числѣ которыхъ было:

Дѣтей менѣе и	отъ	1 года	до	15	лѣтъ	364.
Юношей	»	15 лѣтъ	»	25	»	532.
Молодыхъ людей	»	25 »	»	35	»	800.
Средняго возраста	»	35 »	»	45	»	1,378.
Пожилаго возраста и стариковъ	»	45 »	»	100	»	2,581.

Такимъ образомъ, послѣдняя категорія нищихъ, пожилаго и старческаго возрастовъ, составляя почти половину общаго ихъ числа, въ частности подавляетъ численно каждый другой, отдѣльно взятый, возрастъ. Конечно, въ приведенной табличкѣ поражаютъ своей значительностью цифры нищихъ въ «цвѣтущей порѣ жизни» (отъ 15 до 45 л.), но, если взять во вниманіе отношеніе этихъ возрастовъ,

сравнительно съ пожилымъ и старческимъ, въ общей массѣ населенія, то тогда получится выводъ, не столь ужь поразительный.

По переписи 1869 г. въ Петербургѣ приходилось на 100 жителей— въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ—70 человѣкъ, а въ возрастѣ отъ 50 до 100 лѣтъ—13 человѣкъ. Между тѣмъ, въ массѣ столичнаго нищенства на каждые 100 человѣкъ приходится представителей первой изъ названныхъ группъ—63 человѣка, а второй— болѣе 30 человѣкъ. Затѣмъ, распредѣляя соотвѣтственно этимъ-же группамъ число нищихъ на цифры населенія, получимъ, что послѣднее, въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ, выдѣляетъ всего около $0,_8\%$ нищихъ, или менѣе 1 человѣка на 100 жителей, а въ возрастѣ отъ 50 до 100 лѣтъ—$2,_2\%$, или слишкомъ 2 человѣка на сто. Такимъ образомъ, вопреки безотрадному заключенію компетентнаго (но не слишкомъ сильнаго въ ариѳметикѣ) комитета, что, будто-бы, «до 50-тилѣтняго возраста количество нищихъ *увеличивается* постепенно», т. е., преобладаетъ,—приведенная точная статистическая выкладка убѣждаетъ насъ въ совершенно обратномъ выводѣ: *относительно* преобладаютъ не указанные комитетомъ возрасты, а тѣ именно, которые начинаются съ 50-ти лѣтъ и переходятъ въ старчество, да, къ тому-жъ, преобладаютъ слишкомъ *въ два съ половиною* раза ($2,_2 : 0,_8$)!

Здѣсь мы разстанемся съ цифрами и обратимся къ живымъ наблюденіямъ быта и нравовъ петербургскихъ нищихъ, въ видѣ иллюстраціи къ добытымъ нами статистическимъ даннымъ и выводамъ. Какъ ранѣе было нами условлено, мы будемъ придерживаться общепринятаго распредѣленія нищихъ — на нищенствующихъ по нуждѣ и случайно, и на профессіональныхъ, сдѣлавшихъ изъ попрошайничества ремесло, и соотвѣтственно этому будемъ группировать наблюденія и факты, насколько, впрочемъ, возможно отличать по формамъ, часто не поддающимся анализу, тотъ и другой виды нищенства.

Прежде всего, мы остановимся на одномъ своеобразномъ проявленіи нищенства, которое, быть можетъ, болѣе всего заслуживало-бы теплаго вниманія филантропіи, хотя и она и общество очень часто не замѣчаютъ его и даже едва ли подозрѣваютъ въ немъ «нищенскій образъ». А между тѣмъ этотъ видъ культурнаго нищенства заявляетъ о своемъ существованіи каждый день и каждый день вопіетъ въ общественной благотворительности... Кто не читалъ

и не читаетъ повседневно въ газетахъ, на заднихъ страницахъ, такіе, напримѣръ, выразительные анонсы, выборъ которыхъ въ нашихъ матеріалахъ изобиленъ до роскоши:

«Студентъ университета, не имѣющій средствъ къ существованію, ищетъ уроковъ или какихъ-либо занятій». «Чѣмъ-бы ни было готовъ заниматься бѣдный студентъ, не имѣющій положительно никакихъ средствъ къ существованію». «12 студентовъ, сильно нуждающихся, даютъ уроки по всѣмъ предметамъ»...

Безконечныя, въ такомъ же родѣ, обращенія къ добрымъ людямъ переходятъ нерѣдко въ своеобразный лиризмъ: «Прошу уроковъ или какой-нибудь работы». «Убѣдительно проситъ доставить уроки слушательница высшихъ женскихъ курсовъ». «Дайте хоть теперь!!! уроковъ или письменныхъ работъ слушательницѣ высшихъ женскихъ курсовъ». «Да неужели и теперь никто не доставитъ мнѣ урока или переписки? Студентъ». И такъ далѣе, и. т. д.

Читатель согласится, что предложеніе услугъ и рукъ въ такой патетической формѣ, не имѣя ничего общаго съ обыденной коммерческой практикой на рынкѣ труда, представляетъ собою, въ сущности, одинъ изъ видовъ нищенскаго испрашиванія подаянія. Что это дѣйствительно такъ, можно заключить еще изъ того, что въ то время, какъ одни изъ «сильно нуждающихся» и «не имѣющихъ средствъ къ существованію» студентовъ и студентокъ испрашиваютъ, въ видѣ замаскированной милостыни, уроковъ и «какой-либо» работы, другіе изъ нихъ, болѣе простодушные и покладистые, прямо, безъ околичностей, просятъ подать имъ на хлѣбъ натурой. «Студентъ,—читаемъ въ тѣхъ-же газетныхъ объявленіяхъ, — которому угрожаетъ исключеніе изъ медико-хирургической академіи, за невзносъ платы за слушаніе лекцій, проситъ одолжить ему 25 руб.» «Нуждаюсь въ матеріальныхъ средствахъ и, не имѣя никакихъ занятій, прошу одолжить мнѣ 20 руб. Адресъ: студенту»... «Студентъ убѣдительно проситъ благотворительное лицо одолжить ему 130 рублей до октября мѣсяца» ..

На подобныя, весьма участившіяся въ послѣдніе годы, ламентаціи голодающей школьной молодежи обращалось вниманіе и въ печати, и одинъ фельетонистъ какъ-то, по этому поводу, воскликнулъ въ припадкѣ гражданской скорби: «Студентъ, публично просящій милостыню,—хуже, публикующій объ этой просьбѣ въ газетахъ, на всю Россію! — Этого не потерпѣло-бы студенчество въ

былое время»... Въ какой степени былое время брезгливѣе было, на этотъ счетъ, времени новѣйшаго,—судить не беремся; но несомнѣнно одно, что въ наши дни студентъ-нищій, «публично просящій милостыню», вовсе не составляетъ, къ сожалѣнію, рѣдкости въ Петербургѣ. Не мало обнаружено было фактовъ, что нѣкоторые, доведенные голодомъ до отчаянія, студенты даже въ буквальномъ смыслѣ слова публично, не черезъ газеты, а на улицахъ испрашиваютъ нерѣдко на хлѣбъ у доброхотныхъ дателей. Такой-же студентъ-попрошайка довольно обычный гость во всѣхъ столичныхъ редакціяхъ и въ прихожихъ различныхъ учрежденій, извѣстныхъ писателей, богачей, филантроповъ и т. п. лицъ, куда онъ лично является съ откровенной просьбой о милостынѣ или адресуется съ нею на письмѣ.

Этотъ спеціально-учебный видъ нищенства сдѣлался до того обычнымъ и постояннымъ явленіемъ, что стали появляться темные промышленники, соблазненные выгодной ролью студента-нищаго, которые прибѣгаютъ къ фальсификаціи этого званія. Въ нашихъ матеріалахъ есть нѣсколько случаевъ такого подлога. Вотъ одинъ изъ нихъ, наиболѣе рельефный. Нѣкто дворянинъ, прилично одѣтый, здоровый молодой человѣкъ, былъ какъ-то привлеченъ полиціей къ суду по обвиненію его въ томъ, что онъ по вечерамъ приставалъ на Невскомъ къ прохожимъ съ просьбою «подать милостыню бѣдному студенту медицины», причемъ хваталъ ихъ за полы, останавливалъ и говорилъ грубости. На судѣ онъ повинился въ самозванствѣ и въ испрашиваніи подаянія съ дерзостью, за что и былъ приговоренъ къ мѣсячному тюремному заключенію. Затѣмъ, извѣстны случаи появленія темныхъ промышленниковъ, выдававшихъ себя за студентовъ, пострадавшихъ, будто-бы, отъ университетскихъ «исторій»; эти негодяи беззастѣнчиво приходили въ редакціи, въ квартиры литераторовъ и, путемъ такого самозванства, сопровождаемаго изображеніемъ своего несчастнаго положенія, выклянчивали деньги.

Вообще, должно сказать, что подобнаго рода самозванство и обманъ — весьма обычное явленіе въ нищенскомъ промыслѣ, а что касается испрашиванія милостыни «съ дерзостью» и нахальствомъ, то въ этомъ грѣхѣ чаще всего изобличаются нищіе благородныхъ сословій. Точно также, за представителями этихъ же сословій остается до сихъ поръ исключительно, недавно начавшая входить въ упо-

требленіе, практика испрашиванія подаянія путемъ печати, въ газетахъ. Мы видѣли сейчасъ, что къ ней очень часто, къ сожалѣнію, прибѣгаютъ нищенствующіе представители учащагося молодаго поколѣнія. Затѣмъ, во многихъ газетахъ стали появляться почти ежедневно, стереотипной фразой начинающіяся, замѣтки отъ редакціи: «Обращаемъ вниманіе благотворителей на крайне бѣдственное положеніе такого-то или такихъ-то, имя рекъ» (Слѣдуютъ изображенія, болѣе или менѣе подробныя, «бѣдственнаго положенія» алчущихъ и жаждущихъ кліентовъ филантропіи и ихъ адресы). Иногда сами кліенты, отъ своего лица, адресуются къ сострадательнымъ людямъ, въ такомъ патетическомъ родѣ:

«Два года публиковалъ, тратился на коммиссіонеровъ, чтобы найти мѣсто или занятіе, и до сихъ поръ ничего! Обратите вниманіе на мое несчастное положеніе!» — «Обратите вниманіе на бѣдственное положеніе жены добровольца, безъ вѣсти пропавшаго!» — «Г-нъ Редакторъ! Мы дошли до такой ужасной крайности, что нѣтъ ровно ничего: ни квартиры, ни одежды, ни обуви. Дѣти буквально валяются на холодномъ полу... Просить милостыни не могу — не позволяетъ нравственное чувство. Вчера, чтобъ накормить дѣтей, продалъ съ себя послѣднюю жилетку... Отставной коллежскій секретарь» (имя рекъ). — «Обращаюсь къ человѣколюбію читателей, будучи приговорена мировымъ судьею къ уплатѣ обществу дешевыхъ квартиръ 55 р. и къ выѣзду изъ квартиры и не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, а равно къ уплатѣ долга, умоляю милосердныхъ читателей помочь мнѣ... Вдова такая-то»...

Мы могли-бы привести безконечный рядъ образчиковъ такой литературы, которая, путемъ частой практики, начинаетъ вырабатывать свой особый «слезный» стиль и свои особые риторическіе пріемы. Безъ сомнѣнія, въ большинствѣ случаевъ эти обращенія къ «милосердымъ читателямъ» диктуетъ отчаяніе, вполнѣ искреннее и вытекающее изъ безвыходной нищеты, но и здѣсь, какъ вездѣ, нѣтъ недостатка въ злоупотребленіяхъ и обманахъ. Такъ или иначе, но этотъ литературный способъ испрашиванія милостыни, имѣющій свои удобства, практикуется преимущественно интеллигентными нищими, нравственное чувство которыхъ, какъ выразился выше одинъ изъ нихъ, не позволяетъ идти на улицу клянчить у прохожихъ. Впрочемъ, есть немало нищихъ этой категоріи, которые въ этомъ

отношеніи совершенно эманципировались отъ всякаго стыда и нравственнаго чувства.

Передъ нами проходитъ длинный рядъ всюду примелькавшихся представителей неумирающаго типа капитана Копѣйкина — героевъ, «проливавшихъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь за отечество», или статскихъ чиновниковъ, «потерпѣвшихъ за правду», по выраженію Чичикова:—испитыя, обрюзглыя физіономіи, замаранные формуляры, специфическій запахъ питейнаго заведенія, неопрятная внѣшность, дырявые локти, но неизбѣжная форменная фуражка съ кокардой на головѣ и апломбъ заносчиваго благородства въ тонѣ и манерахъ такой высокой пробы, что меньше гривенника и подать совѣстно этимъ джентльменамъ. На устахъ у нихъ всегда наготовѣ хорошо заученная витіеватая фраза, а иногда цѣлая тирада объ «ужасной игрѣ обстоятельствъ», о неоцѣненныхъ услугахъ «престолъ—отечеству», о людской несправедливости, о «многочисленномъ» голодающемъ семействѣ (жена... дѣти—малъ-мала-меньше!..) и такъ далѣе. Нерѣдко, для пущаго благородства, все это произносится на французскомъ діалектѣ («Эйэ питіе пуръ ёнъ повръ, мэ онеттъ офисье!.. Же ву при, мусье: доннэ муа келькъ шозъ»), съ такимъ чувствомъ, а нерѣдко и съ элегантностью, что съ перваго разу и въ голову не придетъ видѣть въ этомъ «бѣдномъ, но благородномъ отцѣ семейства» простаго уличнаго нищаго. Типъ этотъ имѣетъ, впрочемъ, нѣсколько характеристическихъ разновидностей.

На Пескахъ жилъ-былъ, а, можетъ, и до сихъ поръ живетъ одинъ отставной морской офицеръ, пріобрѣвшій себѣ репутацію Плюшкина во всемъ околодкѣ. Онъ ежедневно, неизмѣнно, во всякую пору года въ одной и той же шинели, снабженной огромными карманами, выходилъ на добычу. Всякую бросовую дрянь на улицахъ онъ подбиралъ и пряталъ въ свои карманы; затѣмъ, являлся въ мѣстный (Александровскій) рынокъ, входилъ въ лавки, здоровался съ прикащиками, величая ихъ по именамъ, шутилъ, разсказывалъ политическія новости и анекдоты, и, между прочимъ, привычной рукою, какъ-бы пробуя, бралъ по горсточкамъ то гороху, то крупы, то картофелю, то соли, то снѣтковъ и проч. Переходя изъ лавки въ лавку, онъ дополна набивалъ свои карманы разной провизіей и—этимъ кормился. Торговцы такъ привыкли къ нему и къ его грошовому хищничеству, что стали от-

носиться къ нему съ благодушнымъ гостепріимствомъ, какое всегда находятъ у простыхъ русскихъ людей всякіе «блаженненькіе».

Другой сынъ Марса—севастопольскій ветеранъ—сдѣлалъ привычку такимъ-же, но болѣе утонченнымъ образомъ побираться въ кругу своихъ знакомыхъ. Прилично одѣтый, онъ аккуратно каждый мѣсяцъ являлся въ ихъ дома; владѣя лоскомъ свѣтскаго образованія и иностранными языками, онъ заводилъ блестящій разговоръ и, между скобокъ, политично вставлялъ словечко о своей мизерной пенсіи и «бѣдственномъ положеніи». Дѣлалъ онъ это такъ ловко и остроумно, что хозяинъ обыкновенно самъ предлагалъ ему лепту отъ щедротъ своихъ. Нѣсколько лѣтъ такой практики сдѣлали то, что нѣкоторые изъ знакомыхъ почтеннаго ветерана, чтобъ избавиться отъ его визитовъ, сами стали присылать ему въ извѣстные сроки подаяніе, какъ-бы въ видѣ пенсіи.

Такую политику нищенствующіе «благородные люди» этой категоріи примѣняютъ иногда и болѣе широко. Они появляются въ разныя конторы и въ кабинеты разныхъ «дѣльцовъ», съ достоинствомъ рекомендуются, начинаютъ съ дѣловымъ видомъ разговоръ о какомъ нибудь задуманномъ ими великолѣпномъ предпріятіи или предлагаютъ свои услуги по какому нибудь высшему занятію; когда-же вся эта ораторская фантасмагорія, пускаемая въ ходъ для отвода глазъ, истощается, гость круто переходитъ къ сути своего посѣщенія, прося одолжить ему «келькъ шозъ» на пропитаніе или—чтобъ вышло бонтоннѣе—на извощика...

Другой видъ этого класса нищихъ отличается открытымъ нахальствомъ и цинизмомъ. Какъ-то въ одной газетѣ обличался нѣкій отставной штабсъ-капитанъ, спеціально оперировавшій въ зимнее время на пѣшеходныхъ мосткахъ черезъ Неву. Здѣсь онъ приставалъ къ прохожимъ, преимущественно къ женщинамъ, и, когда ему отказывали въ подаяніи или давали мало, онъ кричалъ и ругался.

— Я штабсъ-капитанъ, офицеръ моего императора! Двухъ копѣекъ ни отъ кого не принимаю, да мнѣ и не даютъ меньше двугривеннаго!—оправдывался онъ въ оскорбленіи какой-то дамы, подавшей ему двѣ копѣйки.

Разъ взыскательный штабсъ-капитанъ, будучи уже «на взводѣ», присталъ на тѣхъ-же мосткахъ къ самому репортеру и настойчиво требовалъ подать «на сороковку для его оберъ-офицерской персоны», а, когда получилъ отказъ, съ угрозой сказалъ:—«Хорошо; теперь

не хочешь подать бѣдному благородному человѣку, такъ въ другой разъ и пальто содрать можно»!

Въ этомъ скандалёзномъ жанрѣ попадаются и представительницы прекраснаго пола изъ благороднаго сословія. У одного мироваго судьи разъ судилась молодая еще дочь генералъ-майора, «съ измятой физіономіей, въ какой-то невозможной кацавейкѣ и рваномъ платьѣ». Полиція ее обвиняла въ дерзкомъ приставаніи, въ нетрезвомъ видѣ, къ прохожимъ и въ рецидивизмѣ по нищенскому промыслу. Генеральская дочь не разъ побывала въ нищенскомъ комитетѣ, но отъ привычки побираться не могла отстать, а на вопросъ судьи, почему она не ищетъ помощи у родственниковъ, отвѣтила, что обращаться къ нимъ ей мѣшаетъ гордость.

Есть нищіе изъ благородныхъ, создаваемые какими нибудь чрезвычайными политическими обстоятельствами въ отечествѣ. Такъ, послѣ сербской войны, въ Петербургѣ вдругъ появилась масса нищенствующихъ «добровольцевъ»—подлинныхъ и поддѣльныхъ, никогда въ Сербіи не бывавшихъ. Этого рода нищіе-герои обыкновенно являются послѣ каждой войны. Затѣмъ, слѣдуетъ весьма разнообразный классъ интеллигентныхъ нищихъ—шутовъ, балагуровъ, непризнанныхъ поэтовъ, артистовъ и просто компрачикосовъ. Посѣщаютъ они главнымъ образомъ торговые ряды, гдѣ пользуются большимъ фаворомъ у скучающихъ торгашей-сидѣльцевъ. Одинъ смѣшитъ невзыскательную публику какими нибудь потѣшными фарсами и колѣнцами, другой—готовностью за извѣстный гонораръ проглотить любую гадость или пролѣзть подъ столомъ на четверенькахъ, третій—юмористической формой просьбы о подаяніи, въ такомъ, напр., родѣ: «Отечества защитнику пожалуйте на штофъ постриженія, на косушку сооруженія!» Нищіе-артисты «ломаютъ кумедь». Былъ одинъ отставной хористъ, который за три копѣйки исполнялъ цѣлыя аріи и сцены изъ оперъ; другой—трагикъ—представлялъ Прокопія Ляпунова; третій, виршеплетъ, декламировалъ цѣлыя поэмы...

Нищихъ, промышляющихъ такого сорта художественнымъ дилletантизмомъ, въ Петербургѣ пропасть изъ всякихъ сословій и національностей. Шарманщики, уличные пѣвцы и музыканты, раешники и акробаты, кукольные комедіанты, показыватели разныхъ «ученыхъ» звѣрьковъ и птицъ, продавцы такъ называемаго «счастья» въ конвертикахъ и т. под. дармоѣды цѣлою ордой повседневно рыс-

кают по дворам петербургских домов, по улицам и гульбищам, представляя собой одну из самых многочисленных групп нищенства.

Орда эта особенно велика была в то время, къ которому относится наш разсказ. Даже на Невском проспектѣ можно было ежедневно видѣть прочно водворившихся на бойких мѣстах слѣпцов, непрестанно вертѣвших разбитыя шарманки и их унылыми звуками разжалобливавших публику. Хорошо памятен нам также разъѣзжавшій по улицам в ручной телѣжкѣ безногій идіот, в сопровожденіи шарманщика, которому он аккомпанировал звоном на треугольникѣ и этим искусством собирал лепту. Есть и несомнѣнные артисты—нищіе. Очень долго, в описываемое время, странствовал по городу, в потасканной шинели с собачьим воротником, типичный слѣпец—кларнетист, в сопровожденіи шарманки, а случалось—контрабаса и скрипки. Играл он на своем инструментѣ мастерски и пользовался большой популярностью. Весьма обычными, странствующими по дворам, увеселителями являлись также: старый савояр-волынщик и выплясывающій под его игру невѣдомый танец сынишка, измученный, едва двигающій ногами мальчик; надорванным голосишком, через силу распѣвающая старинные романсы дѣвочка, посинѣвшая от холода, под аккомпанимент шарманки; а вот—цѣлое артистическое семейство, очевидно, «культурное», нѣмецкаго происхожденія: отец с гармоніей, мать с гитарой и дочь—дѣвица с мелодическим контр-альто. Не раз видѣли мы также весьма прилично одѣтаго, в парижском цилиндрѣ, чопорнаго старика-нѣмца, с гармоніей и складным стулом. Войдя во двор, он разставлял стул, чинно усаживался и шамкающим голосом, коверкая русскую рѣчь, пѣл с большим чувством постоянно один и тот-же романс: «Кохта-пъ он зналь»... Наконец, кто не видѣл в Петербургѣ нищих—мальчиков, показывающих заморенных барсуков и, при этом, распѣвающих, жестикулируя и приплясывая, какую-то несообразную дребедень?

Къ этим пѣвцам и музыкантам примыкают, по способу испрашиванія милостыни, «прошаки», странники и «калики перехожіе», распѣвающіе заунывными голосами псалмы и самодѣльныя божественныя пѣсни или, просто, пронзительно выкликающіе нараспѣв заученную, краткую, но краснорѣчивую мольбу о пожертво-

ваніи «на погорѣлое», «на построеніе храмовъ» и т. д. Здѣсь мы входимъ въ среду нищенства, такъ сказать, клерикальнаго, облеченнаго, большею частью, въ рекламирующій костюмъ монашескаго покроя, носящаго при людяхъ постную мину благочестія и смиренія, иногда очень плохо гармонирующихъ съ явными физіономическими признаками нетрезвой и распутной жизни. Этотъ классъ нищихъ, въ который входятъ настоящіе и мнимые монахи и монашенки разныхъ монастырей, включительно до Аѳонскаго, собирающіе лепты на свои обители по книжкамъ, безмѣстные, съ испорченной карьерой, причетники всякихъ степеней, юродивые и блаженные, и т. под. людъ,—въ Петербургѣ весьма многочисленъ.

Нищіе этого рода особенно любятъ посѣщать лавки и трактиры, въ безошибочномъ разсчетѣ на благочестивую тароватость русскихъ торговыхъ людей, мнящихъ копѣечными подаяніями замолить у Бога свои коммерческіе грѣшки. Такъ, напр., одинъ репортеръ-статистикъ, высидѣвъ цѣлый день въ трактирѣ средней руки, сосчиталъ, что тамъ, въ теченіе дня, перебывало 96 человѣкъ этого сорта нищенствующей братіи, въ томъ числѣ 40 монахинь, среди которыхъ, сказать мимоходомъ, попадаются отчаянныя пройдохи. Намъ извѣстенъ фактъ, что у такой монахини-просительницы оказалось въ книжкѣ, выданной якобы изъ консисторіи и украшенной на переплетѣ крестомъ, собраніе самыхъ скабрезныхъ куплетиковъ. Обманъ и кощунство здѣсь—вещи заурядныя.

Разъ въ мировомъ судѣ судилась цѣлая клика такихъ богодохновенныхъ сборщиковъ, въ томъ числѣ нѣсколько персидскихъ подданныхъ и между ними одинъ подлинный священникъ. Столъ судьи былъ заваленъ при этомъ цѣлой кучей вещественныхъ доказательствъ обманнаго промысла этихъ блаженныхъ мужей: книга съ воззваніемъ и описаніемъ угнетеній отъ мусульманъ, съ невѣдомой подписью «на халдейскомъ языкѣ», покрывала на гробы, пузырьки съ масломъ и съ іорданской водой, гвозди и щепки съ креста Господня, образки и т. п. предметы, вывезенные якобы изъ Іерусалима. Все это сбывалось по высокой цѣнѣ, и промышленная компанія имѣла большой успѣхъ въ средѣ низшаго купечества. Въ другой разъ полиція задержала одну смоленскую мѣщанку съ большимъ напрестольнымъ евангеліемъ, въ роскошномъ бархатномъ переплетѣ, съ серебряной оправой. Въ евангеліи, на вклеенныхъ листахъ оказался длинный списокъ доброхотныхъ дателей, которыхъ

владѣтельница евангелія увѣрила, что они этимъ путемъ получатъ спасеніе души и достигнутъ царствія небеснаго. Простолюдины, а въ особенности, почему-то, купцы «черной сотни» съ младенческой вѣрой и чуть не съ боготвореніемъ относятся къ подобнымъ шарлатанамъ. Больше-же всего чтутъ они разъигрывающихъ роли блаженныхъ и юродивыхъ.

Какъ-то одинъ репортеръ, проходя внутри Апраксина рынка, встрѣтилъ страннаго субъекта съ испитой физіономіей, причудливо одѣтаго въ полумонашескій костюмъ, съ желѣзнымъ посохомъ. «Проходя мимо лавокъ, субъектъ шепталъ несвязныя рѣчи; купцы, при видѣ его, робко выглядывали изъ дверей; мальчишки жались къ стѣнкамъ. Все стихло и какъ бы устрашилось странника». На вопросъ, что это за личность, одинъ торговецъ набожно отвѣтилъ:

— Это святой человѣкъ! Онъ, видите ли, схимникъ, схиму, значится, принялъ, и теперь съ Аѳонской горы пѣшкомъ пришелъ: видѣніе ему такое было... Трогать его нельзя, потому ему Богъ путь указываетъ, и ежели онъ ко мнѣ въ лавку зайдетъ—лавкѣ моей прибыль можетъ быть большая. Да его никто и не трогаетъ, потому, въ случаѣ чего, онъ такъ-то своимъ посохомъ свиснетъ...

Репортеръ прослѣдилъ этого аѳонскаго схимника и узналъ, что онъ просто отставной писарь, выгнанный со службы за пьянство.

Никакими личинами не замаскированные, откровенные нищіе—«звонари», принадлежащіе, большею частью, къ простолюдинамъ, составляя собой довольно однообразную массу, по типичнымъ чертамъ и по усвоеннымъ искони способамъ промысла, различаются по мѣсту, къ которому они пріурочиваются. Въ Петербургѣ есть нѣсколько особенно излюбленныхъ нищими закоулковъ, удаленныхъ отъ полицейскаго надзора, гдѣ ихъ можно всегда встрѣтить; но больше всего любятъ они кружить и примащиваться около храмовъ Божіихъ и кладбищъ, гдѣ добыча всего надежнѣе, въ вѣрномъ разсчетѣ на милосердіе богомольныхъ людей. Въ этихъ, особенно выгодныхъ для нищенскаго промысла мѣстахъ, дѣло устраивается иногда на правильныхъ коммерческихъ началахъ: мѣста эти попросту продаются съ торговъ, и купившая ихъ компанія нищихъ образуетъ изъ себя дружную, правильно организованную артель, монополизируя всю мѣстную благотворительность. Разсказывали, что такая нищенская монополія существовала, напр., въ Александро-Невской лаврѣ, привратники которой установили даже что-то въ

родѣ таксы за впускъ нищихъ въ монастырскія стѣны: по 3 коп. съ души въ будничный день, по 5 коп. — въ праздничный и по 10 коп.—во время похоронъ. Возможности такого оброка легко повѣрить, потому что нищенскій промыселъ въ Петербургѣ бываетъ иногда очень прибыленъ. Извѣстны многіе факты, что нищіе успѣвали не только безбѣдно прожить, но и нажить немалые капиталы. Почти въ каждомъ нищенскомъ гнѣздѣ найдется свой кулакъ, отдающій деньги въ ростъ не только своей братіи, но и на сторону— людямъ зажиточнымъ по виду. Въ 1867 г. былъ такой случай: умеръ старикъ—нищій, бывшій дворовый человѣкъ, и въ его лохмотьяхъ нашли до 70 тысячъ рублей банковыми билетами.

По поводу продажи мѣстъ и т. под. угодій нищенскаго промысла, должно сказать, что несомнѣнно, въ извѣстныхъ слояхъ петербургскаго нищенства, замѣчаются признаки артельной организаціи и существуетъ условленный порядокъ въ пользованіи тѣми или другими прибыльными для попрошайничества мѣстами. Есть, впрочемъ, мѣста и дни, безразлично утилизируемые всѣми нищими. Мѣста эти—рынки и торговые ряды, а дни—субботы. Съ ранняго утра, по субботамъ, нищіе по одиночкѣ, съ интервалами, обходятъ ряды лавокъ и собираютъ грошики. Находится еще немало благочестивыхъ купцовъ, которые считаютъ своимъ священнымъ долгомъ аккуратно по субботамъ отдѣлять отъ своихъ щедротъ нищую братію. Эти нищіе-субботники, большею частью, одни и тѣ-же, и пользуются нѣкоторыми правами добраго стараго знакомства съ своими патронами.

Уличные профессіональные нищіе прибѣгаютъ нерѣдко къ поддѣлкамъ и рекламамъ, выработаннымъ практикой нищенскаго промысла. Есть искусственные, поддѣльные калѣки, мнимые слѣпые, глухонѣмые и проч. Не рѣдки несчастныя вдовы-матери съ больными ребятами на рукахъ, издающими жалобный пискъ, вынуждаемый подъ часъ, въ бойкую минуту промысла, щипками и тычками, тѣмъ болѣе нещадными, что чаще всего у этихъ мнимыхъ матерей ребята не свои, а взятые на прокатъ у какой нибудь своей-же сестры—нищенки. Бываетъ и такъ, что у чадолюбивой вдовы-нищенки, вмѣсто живаго ребенка, завернуто здоровое и безгласное полѣно. За этими матерями по промыслу тянутся неутѣшные отцы, вдовы и сироты, сейчасъ только лишившіеся своихъ кровныхъ, которыхъ не на что похоронить: «подайте, значитъ, Христа

ради, на погребеніе»! А вотъ странствуетъ цѣлая группа крестьянокъ (чаще всего по рынкамъ), среди которой красуется молодое, нерѣдко смазливое лицо по праздничному наряженной дѣвушки... Сверхъ всякаго ожиданія, и эти нищенствуютъ: «Подайте, Христа ради, на приданое невѣстѣ»! Этотъ странный видъ нищенства практикуется преимущественно пригородными чухнами... Есть, наконецъ, спеціалисты, постоянно выдающіе себя за бѣдняковъ, только что выписанныхъ изъ больницы. Около станцій желѣзныхъ дорогъ и на вокзалахъ во время отхода поѣздовъ встрѣчаютъ васъ нерѣдко съ отчаяннымъ видомъ несчастливцы, которымъ не хватаетъ двугривеннаго на пассажирскій билетъ—такъ не снабдите-ли вы ихъ этой монетой, Христа ради!

Впрочемъ, трудно исчислить всѣ виды и формы существующаго въ столицѣ нищенства. Это—таинственный міръ! Не можемъ, однако, не упомянуть въ заключеніе еще объ одномъ, быть можетъ, самомъ возмутительномъ и наиболѣе нуждающемся въ заботахъ филантропіи, видѣ нищенства. Говоримъ о нищихъ-дѣтяхъ, составляющихъ, какъ показываютъ приведенныя выше статистическія данныя, значительный процентъ въ массѣ столичнаго нищенства. Эти несчастные малолѣтки, оборванные, холодные и голодные, бросающіеся подъ ноги прохожимъ и неотступно преслѣдующіе ихъ жалобными мольбами подать имъ «копѣечку» или купить у нихъ конвертиковъ, почтовой бумаги, календарикъ, увядшій букетикъ ландышей и т. под. дрянь,—къ сожалѣнію, встрѣчаются въ Петербургѣ чуть не на каждомъ шагу. Хуже всего то, что они—жертва самой гнусной эксплуатаціи со стороны своихъ безсердечныхъ родителей, а еще чаще особыхъ промышленниковъ. Есть спеціалисты, которые содержатъ такихъ нищенствующихъ ребятъ десятками и выгоняютъ ихъ христарадничать, какъ на работу. Нечего и говорить, что эти жалкія дѣти, вовлекаемыя въ нищенство съ пеленокъ, постоянно вращаясь въ безнравственной средѣ своихъ родныхъ и опекуновъ, терпя отъ нихъ грубый гнетъ, заранѣе обрекаются на неминуемую гибель.

V.

Жертвы общественнаго темперамента.

Къ пауперизму и нищенству близко примыкаетъ, какъ ихъ прямое, естественное порожденіе, та глубоко-печальная, гнойная общественная язва, несмолкаемымъ укоромъ протестующая противъ соціально-экономической неправды существующаго строя, имя которой цѣломудренныя уста стыдятся даже произносить... Имя это — проституція, и, надѣемся, благонравный читатель пойметъ, что обойти здѣсь это зазорное слово и опредѣляемое имъ еще болѣе зазорное явленіе, говоря о нравственныхъ язвахъ Петербурга, мы никоимъ образомъ не можемъ, безъ существеннаго ущерба для цѣльности нашей картины. Наконецъ, господа, не нужно лицемѣрить! Курьезны тѣ моралисты, которые равнодушно сносятъ ежедневно и повсемѣстно бьющее имъ въ глаза зрѣлище гнуснѣйшаго втаптыванья въ грязь образа Божія въ человѣкѣ, и—воспламеняются негодованіемъ весталокъ, когда имъ гласно указываютъ на это зрѣлище и называютъ его собственнымъ именемъ... Это, по малой мѣрѣ, фарисейство!

Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, повинно въ фарисействѣ все общество. Въ самомъ дѣлѣ, что такое мы видимъ передъ собою?— Мы видимъ съ полнымъ равнодушіемъ, какъ тысячи молодыхъ существъ, свѣжихъ, здоровыхъ и прекрасныхъ, точно въ какомъ нибудь первобытномъ культѣ людоѣднаго Молоха, непрерывно смѣняя однѣ другихъ, приносятся въ жертву ненасытному плотоядному звѣрю, именуемому общественнымъ темпераментомъ... Мы видимъ изо дня въ день это позорнѣйшее для человѣчества жертвоприношеніе, это алчное, разнузданное пожираніе человѣческой «свѣжинки», открыто сбываемой на площади цѣною нравственнаго паденія и озвѣренія обѣихъ договаривающихся сторонъ; видимъ эту крикливую, безобразную и деморализующую нравы каррикатуру на поэзію и святость любви, брака и семьи, на личность женщины, на все, въ чемъ сосредоточены лучшіе идеалы человѣка, отличающіе его отъ животнаго; видимъ публичное оскверненіе дорогихъ идеаловъ—нашъ общій величайшій грѣхъ и стыдъ, и—что-же?—Безличный, но многоголовый звѣрь, нами вспоенный и вскормленный,

не только пользуется всѣми правами терпимости, но обезпеченъ еще и законными гарантіями въ правильномъ, организованномъ насыщеніи его людоѣдныхъ потребностей!

Общественный темпераментъ, т. е. точнѣе сказать, его звѣрская, плотоядная сторона, его циническіе, безнравственные инстинкты, разнуздываемые аномаліями и неправильностями въ отношеніяхъ половъ, — здѣсь, на этомъ рынкѣ паденій, являются въ положеніи полноправнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго хозяина... Отвратительный звѣрь, открыто попирающій краеугольные камни человѣческаго союза и священнѣйшія основы хваленой морали и гуманизма, гордо носитъ голову и, спекулируя на голодъ и нужду, на порокъ и легкомысліе, безпрепятственно хватаетъ жертву за жертвой всюду, куда-бы только ни проникло его одуряющее, тлетворное дыханіе. И общество, и законъ его терпятъ—только-бы онъ не слишкомъ скандализировалъ своими сатурналіями внѣшній декорумъ порядка и приличія... Это—сдѣлка съ прокаженнымъ, подъ условіемъ терпѣть его присутствіе, если онъ не очень станетъ выказывать свои язвы, хотя и подъ постояннымъ страхомъ заразиться отъ него. Другаго исхода нѣтъ: ни изгнать изъ своей среды, ни исцѣлить эту заразительную проказу, называемую проституціей, современное общество, при данныхъ условіяхъ своего соціально-экономическаго быта, не въ состояніи. Остается предоставить ее самой себя, на основаніи laissez faire, laissez passer, фарисейски жмурить глаза при ея видѣ и проходить ее цѣломудреннымъ молчаніемъ, какъ еслибъ ее и на свѣтѣ не бывало. Иначе, вѣдь, пришлось-бы сознаться въ полной несостоятельности существующихъ и опирающихся, якобы, на правѣ и нравственности общественныхъ отношеній, прочностью которыхъ мы, однакожъ, такъ любимъ похвалиться и такъ дорожимъ.

Существуетъ взглядъ, что проституція представляетъ собою нѣчто въ родѣ страховой преміи, выплачиваемой обществомъ гнѣздящемуся въ его нѣдрахъ стихійному звѣрю разврата, въ огражденіе отъ его покушеній на святость и неприкосновенность семейнаго очага. Пусть тамъ на улицѣ разгуливаетъ на полномъ просторѣ развратъ, поглощая тысячи брошенныхъ ему въ жертву и обреченныхъ на это неумолимой судьбою женскихъ существованій, лишь-бы онъ не вторгался въ стѣны нашего семейнаго очага и не покушался на чистоту нашихъ женъ и дочерей!

Такой эгоистическій, глубоко-безчеловѣчный разсчетъ несомнѣнно

существуетъ и имъ-то объясняется узаконенная снисходительность общества и власти къ уличному разврату въ самыхъ гнуснѣйшихъ его проявленіяхъ. Съ такимъ разсчетомъ, пожалуй, можно было-бы даже помириться, въ интересѣ привилегированной, обезпеченной и сытой добродѣтели, но бѣда въ томъ, что разсчетъ-то этотъ оказывается фальшивымъ и на практикѣ не оправдывается! Онъ невѣренъ въ самомъ основаніи, какъ нелѣпо было-бы страдающему какой-нибудь злокачественной язвой, изолировавъ ее на своемъ тѣлѣ предохранительнымъ пластыремъ, воображать, что онъ этимъ застраховалъ свой организмъ отъ общаго патологическаго пораженія. Проституція—потому-то и есть самая страшная язва, что она парализуетъ общій нравственный строй и вноситъ неощутительно деморализующую заразу повсюду — и вверху, и внизу общественнаго зданія. Семейный очагъ почти также мало обезпеченъ отъ ея растлѣвающаго вторженія, какъ и улица.

Кажется, излишне доказывать, что въ современномъ городскомъ обществѣ и въ петербургскомъ, въ особенности, развратъ представляетъ собою одно изъ самыхъ распространеннѣйшихъ явленій соціальной патологіи, и что нѣтъ такого общественнаго слоя, нѣтъ такой среды, которые не были-бы заражены этой нравственной проказой, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ представителей. Моралисты сдѣлали даже такое безотрадное наблюденіе, что чѣмъ выше и матеріально обезпеченнѣе данная среда, тѣмъ она грѣховнѣе въ указанномъ отношеніи, тѣмъ болѣе выдѣляетъ изъ себя испорченныхъ до мозга костей сластолюбцевъ и утонченныхъ развратниковъ, не стѣсняющихся никакими нравственными сдержками, но лишь старательно избѣгающихъ огласки и скандала, прикрывая свое распутство маской приличій и соблюденіемъ тайны, которая, впрочемъ, рѣдко оказывается настолько непроницаемой, чтобы не служить пищей для всевѣдущей молвы. Кому неизвѣстна безпрестанно пополняемая все новыми и новыми страничками скандалезная хроника такъ называемаго «большаго свѣта», обезславившая соблазнительными сказаніями многія, съ виду весьма почтенныя семьи и титулованныя, иногда очень громкія имена? Кто не слыхалъ о гривуазныхъ похожденіяхъ и вакханаліяхъ нашей jeunesse dorée? Кто не знаетъ, наконецъ, дурной славы, относительно этого-же щекотливаго пункта, пріобрѣтенной гостиннодворскими тузами, банкирами, биржевиками, желѣзнодорожниками и,

вообще, представителями денежной аристократіи, давно превзошедшей родовую по ширинѣ и умѣнью «срывать цвѣты наслажденія» въ гесперидскихъ садахъ утонченнаго разврата?

Всѣ эти наблюденія жизни и нравовъ верхнихъ, культурныхъ слоевъ, подтверждаемыя, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, весьма краснорѣчивыми фактическими разоблаченіями предъ лицомъ возмущенной общественной совѣсти, указываютъ, что развратъ и проституція, въ ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, не только лежатъ на совѣсти всего общества, какъ результатъ дурной организаціи, но и составляютъ повсемѣстную его заразу, проникающую весь организмъ съ головы до ногъ. Этому грѣху причастны представители всѣхъ классовъ и положеній—сильные и слабые, сытые и голодные, вверху и внизу стоящіе, торжествующіе и униженные. Разница только въ причинахъ и условіяхъ, приводящихъ людей столь противоположныхъ слоевъ и состояній къ дружному культивированію общественнаго распутства. Главная и существенная разница заключается здѣсь въ томъ, что одни поддаются грѣхопаденію отъ избытка и пресыщенія земными благами, другіе—отъ крайняго въ нихъ недостатка; одни — требуютъ жертвъ, другіе — страдательно отдаются въ жертву; одни—герои, другіе—побѣжденные. Страдательная роль въ этой безконечной сатурналіи принадлежитъ, конечно, женщинѣ...

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ различать два, кореннымъ образомъ разнящихся по своимъ источникамъ, вида проституціи—активную и пассивную, если ихъ можно такъ назвать. Первая порождается сытой развращенностью и есть несомнѣнный порокъ, вторая, служа лишь объектомъ для первой и возникая по ея спросу, порождена бѣдностью, вскормлена голодомъ, повита нищетой; первая—ищетъ грѣховныхъ наслажденій, вторая—насущнаго хлѣба. Въ сущности, это—безбожное торжище, гдѣ происходитъ такой-же коммерческій обмѣнъ, какой имѣетъ мѣсто на всякомъ рынкѣ, съ тою только разницею, что товаръ здѣсь—человѣческое достоинство женской личности. Сбытъ идетъ всегда очень бойко и въ «товарѣ» никогда не будетъ недостатка до тѣхъ поръ, пока будутъ на бѣломъ свѣтѣ брошенныя на произволъ судьбы дѣвушки, слабыя, неразвитыя, сиротливыя, голодныя, неспособныя къ честной работѣ или не умѣющія ее найти... Прихотливый потребитель можетъ не

безпокоиться за свой апетитъ: на спросъ его очень, очень долго будетъ находиться избыточное предложеніе!

Такимъ образомъ мы приходимъ къ выдѣленію того спеціальнаго элемента проституціи, на которомъ именно мы и хотѣли остановиться. Что касается ея активнаго элемента, олицетворяемаго длинными рядами сластолюбцевъ и развратниковъ, незаклейменныхъ «роковыми словами на лбу», но распространяющихъ повсемѣстное поврежденіе нравовъ, подрывающихъ основы семьи и отравляющихъ деморализаціей всю общественную атмосферу, то этой большой злокачественной язвѣ мы посвятимъ дальше особый этюдъ. Здѣсь мы разсмотримъ только профессіональную проституцію, составляющую объектъ общественнаго или, точнѣе сказать, «уличнаго разврата», вѣдаемаго полиціей.

По буквѣ дѣйствующаго законодательства и въ общепринятомъ смыслѣ, подъ понятіе проституціи подводится почти исключительно одинъ лишь промыселъ развратомъ. Конечно, это крайне узкія рамки, далеко не охватывающія собою даннаго явленія во весь ростъ и во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ и формахъ; но мы должны подчиняться этому оффиціальному опредѣленію, такъ какъ только въ этихъ предѣлахъ разсматриваемая язва доступна болѣе или менѣе точному статистическому изученію. Законъ и общество, будучи не въ силахъ бороться со всѣми проявленіями разврата и искоренить его, вынужденные относиться къ нему терпимо, какъ къ печальной, но неизбѣжной необходимости, довольствуются лишь изолированіемъ одного изъ его частныхъ, наиболѣе крикливыхъ отправленій, въ видахъ санитарно-полицейскихъ. Такимъ образомъ, законъ и полиція, имѣя дѣло только съ тою формою проституціи, которая подходитъ подъ спеціальный юридическій терминъ «публичнаго непотребства», преслѣдуютъ двѣ цѣли: во-первыхъ, приведеніе въ извѣстность всѣхъ женщинъ, промышляющихъ непотребствомъ, и примѣненіе такихъ мѣръ, которыя препятствовали-бы искусственному увеличенію ихъ числа, и, во-вторыхъ, подчиненіе ихъ строгому врачебно-полицейскому надзору, въ огражденіе, съ одной стороны, общественной нравственности отъ слишкомъ явнаго соблазна и, съ другой, общественнаго здоровья отъ распространенія заразительныхъ болѣзней. Въ границахъ-то этихъ требованій, проституція и разсматривается, какъ обособленное явленіе городской жизни, какъ спеціальный промыселъ развратомъ—не болѣе.

Границы эти, впрочемъ, не смотря на всю ихъ узкость и опредѣленность, на практикѣ вовсе не имѣютъ точнаго очертанія и, сколько ни старается полиція обнять ими всѣ проявленія промышленнаго, профессіональнаго непотребства, послѣднія во множествѣ и на каждомъ шагу ускользаютъ отъ ея блюстительнаго ока и руководящей длани. Естественно, что этой категоріи жертвы общественнаго темперамента всѣми мѣрами стараются избѣжать позорнаго подчиненія санитарно-полицейской ферулѣ; полиція же, наоборотъ, заинтересована въ томъ, чтобы ни одна изъ этихъ жертвъ не ускользнула отъ ея бдительнаго надзора. Вслѣдствіе этого, происходитъ постоянная, въ существѣ дѣла, безобразная травля, тѣмъ болѣе грубая, что полиція наша не отличается, какъ извѣстно, деликатностью и мягкостью пріемовъ, а въ особенности въ отношеніи къ такимъ беззащитнымъ, отверженнымъ и всецѣло подчиненнымъ полицейской опекѣ существамъ, какъ заклейменныя падшія женщины. Власть надъ ними врачебно-полицейскаго комитета, вѣдающаго публичное «непотребство», почти безотчетная и крайне суровая, по смыслу самихъ узаконенныхъ правилъ, изданныхъ для регулированія поведенія этихъ несчастныхъ и для надзора за ними. Довольно вспомнить, что не далѣе, какъ въ 1864 г., только съ изданіемъ судебной реформы, отмѣнено право комитета, по своему усмотрѣнію, сѣчь розгами подчиненныхъ его надзору проститутокъ и примѣнять къ нимъ всякія другія дисциплинарныя и пенитенціарныя мѣры; только съ того времени, этимъ истиннымъ паріямъ общества даны кое-какія человѣческія права,—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи судимости онѣ сравнены съ остальными гражданами, такъ какъ дѣла́ о нихъ стали вѣдаться мировыми судами, на основаніи общихъ узаконеній.

Но и до сихъ поръ полиція сохранила надъ ними безъапелляціонную, неограниченную власть, и потому-то онѣ всѣми силами стараются, особенно на первыхъ порахъ своего паденія, когда еще и стыдъ и чувство женственности несовсѣмъ въ нихъ выветрились отъ веселой жизни, избѣжать полицейской опеки и полицейскаго клейма, въ видѣ ненавистнаго для нихъ, позорнаго желтаго билета — этого, въ своемъ родѣ, волчьяго паспорта, спеціально придуманнаго для врачебно-полицейскаго контроля надъ ними. Отсюда-то и происходитъ вѣчная травля, для веденія которой комитетъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи отрядъ спеціалистовъ-сыщиковъ (такъ

наз. «инспекторовъ»), обязанныхъ, между прочимъ, всѣми мѣрами преслѣдовать, уловлять и приводить къ медицинскому освидѣтельствованію неподчиненныхъ еще надзору, либо укрывшихся отъ него промышленницъ развратомъ, считая въ томъ числѣ и подозрѣваемыхъ лишь въ занятіи такимъ промысломъ. О ретивости и безцеремонности этихъ аргусовъ общественной нравственности можно судить по тѣмъ, не разъ повторявшимся, возмутительнымъ случаямъ, когда они, за здорово живешь, ловили, подвергали аресту и позорному осмотру не только женщинъ вовсе неповинныхъ въ развратѣ, но и невинныхъ дѣвушекъ...

Впрочемъ, строгость и ретивость этихъ аргусовъ простираются до извѣстнаго предѣла и примѣняются только къ такимъ несчастнымъ, которыя или не умѣютъ постоять за себя, или не научились еще ловко хоронить концы и носить личину, отводящую блюстительное око. Кто не знаетъ, что множество завѣдомыхъ, иногда всему городу извѣстныхъ, блистательныхъ Фринъ и Нана, съ явственно начертанными «роковыми словами на лбу», особенно если слова эти написаны на французскомъ діалектѣ,—пользуются полною свободою промысла и никогда не попадаютъ въ списокъ кліентокъ врачебно-полицейскаго комитета. Самый этотъ органъ и его исполнители очень строги только къ злосчастнымъ представительницамъ дешеваго разврата, а пышныя, расфранченныя Нана̀, вывозящія себя на продажу, «соблазнительно лежа, въ щегольскомъ экипажѣ», выставляющія свои прелести въ бельэтажѣ театровъ, въ клубахъ и т. под. публичныхъ мѣстахъ, не подчинены никакому наблюденію и не испытываютъ никакихъ стѣсненій со стороны блюстителей казенной нравственности. Внѣшній блескъ, «шикъ» и наглость, а, съ другой стороны, привилегированность положенія, хорошо оплачиваемаго изысканною прихотью развратниковъ верхняго слоя, создаютъ для этихъ аристократокъ проституціи такой яркій ореолъ, которымъ благоговѣйно ослѣпляются не только скромные чины врачебно-полицейскаго комитета, но и «стая модныхъ, глупыхъ людей», какими переполнены ряды столичной «интеллигенціи».

Эту разницу положеній аристократки и партіи петербургскаго профессіональнаго гетеризма и ихъ типичныя особенности, въ яркихъ краскахъ, съ сатирической силой, изобразилъ поэтъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи: «Убогая и нарядная». Опытный глазъ различаетъ ихъ безъ труда. У первой—

Безпокойная ласковость взгляда
И поддѣльная краска ланитъ,
И убогая роскошь наряда—
Все не въ пользу ея говоритъ...

Оттого-то ей, убогой, «состраданья не встрѣтить» и лицемѣрный «свѣтъ предаетъ ее поруганью», хотя часто вся вина ея только въ томъ и состоитъ, что она—«нищеты и несчастія дочь». За то бездушный, фальшивый «свѣтъ»

... охотно прощаетъ другой (нарядной),
Что́ торгуетъ собой по призванью,
Безъ нужды, безъ борьбы роковой,—

у которой въ обстановкѣ, въ манерѣ и въ нарядѣ «эффектъ чрезвычайный»:—

Брилліанты, цвѣты, кружева,
Доводящіе умъ до восторга,
И на лбу роковыя слова:
«Продается съ публичнаго торга»!
Что красавица, нагло глядишь?

Странный вопросъ! Вѣдь она «въ моду вошла» и гдѣ-бы ни явилась, — «стая модныхъ и глупыхъ людей провожаетъ ее въ перегонку». Эти люди

... знакомству скандальному рады.
Что за дѣло, что вся до чиста
Предалась ты постыдной продажѣ,
Что поддѣльна твоя красота,
Какъ гербы на твоемъ экипажѣ.
Что глупа ты, жадна и пуста—
Ничего! знатоки нашей націи
Порѣшили разумнымъ судомъ,
Что цинизмъ твой доходитъ до граціи,
Что геройство въ безстыдствѣ твоемъ!

Вотъ чѣмъ она завоевываетъ сердца и опустошаетъ кошельки, и вотъ въ силу какихъ достоинствъ и прелестей знатное «тупоуміе, праздность и скука» фешенебельнаго шалопайства стоятъ за нее!

Къ этимъ портретамъ двухъ господствующихъ типовъ столичныхъ продажныхъ гетеръ прибавить ничего. Поэтъ, быть можетъ, погрѣшилъ только въ отношеніи ихъ происхожденія, предположивъ, что между «убогой» и «нарядной» существуетъ рѣзкая разница, что первая и вторая приходятъ къ паденію, будто-бы, различнымъ путемъ, — одна чрезъ нищету и несчастье, другая по какому-то внутреннему «призванью» къ пороку и распутству. Хотя, дѣйствительно, существуютъ прирожденныя гетеры—«женщины улицы», какъ ихъ называетъ А. Дюма,—но это индивидуумы исключительные, представляющіе собою уродливый продуктъ вовсе не той среды, изъ которой главнымъ образомъ комплектуются ряды профессіональной проституціи. Клеопатры, Мессалины, Октавіи, Нинoны Ланкло, Дюбарри и имъ подобныя, прославившіяся и оставшіяся въ безъизвѣстности, прирожденныя жрицы распутства являлись и являются до сихъ поръ въ высшемъ, привилегированномъ слоѣ общества въ періоды его деморализаціи, благодаря чрезмѣрному развитію роскоши, сластолюбія и эпикурейства. Онѣ—дочери аристократическаго прельщенія земными благами и органической порчи цѣлаго поколѣнія извращенныхъ сластолюбцевъ, тогда какъ описываемыя здѣсь современныя гетеры — львицы-ли полусвѣта, или «убогія» гражданки улицы—одинаково, въ большинствѣ случаевъ, порождены нищетой и несчастьемъ, и вышли изъ самыхъ низменныхъ подонковъ общества. Это подтвердятъ намъ и статистическія данныя, да это-же свидѣтельствуютъ и повседневныя наблюденія.

На этомъ основаніи мы и отнесли эту группу classe dangereuse, главнымъ образомъ, къ продуктамъ пауперизма,—и на самомъ дѣлѣ бо́льшая часть представительницъ этой отверженной, заклейменной позоромъ группы выступаютъ на поприще своего промысла «убогими» во всѣхъ отношеніяхъ. Само собой разумѣется, что прежде всего онѣ до жалости убоги духомъ:—темныя, невѣжественныя, весьма часто даже неграмотныя, не получившія никакой культурной и моральной выправки, жалкія питомицы затхлыхъ чердаковъ и подваловъ или полудикія дочери деревни, выброшенныя изъ нея опять таки голодомъ, на соблазнъ и деморализацію городской улицы, — всѣ онѣ дѣлаются легко-доступнымъ и дешевымъ достояніемъ разврата. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, судьбу ихъ въ этомъ смыслѣ рѣшаетъ голодъ и нужда, подхлестываемые соблазномъ щегольства, гульбы и сытаго бездѣльничества, при пол-

ной неподготовленности или неспособности къ какому нибудь честному труду или ремеслу, а нерѣдко и при воспитанномъ съ дѣтства отвращеніи къ нимъ. Между ними немало есть «благородныхъ», т. е. чиновничьихъ дочерей, дворянокъ, которыя изъ родительскаго крова и изъ родительской школы успѣли унаслѣдовать одинъ только глупый сословный гоноръ, обязывающій ихъ соблюдать себя на линіи «барышень-бѣлоручекъ» и считать для себя униженіемъ идти, напр., въ служанки или заняться какой нибудь «черной» работой.

Впрочемъ, существующій въ Петербургѣ женскій трудъ, въ большинствѣ своихъ отраслей, не только не обезпечиваетъ занимающихся имъ молодыхъ женщинъ отъ деморализаціи и паденія, но—напротивъ—нерѣдко содѣйствуетъ этому и служитъ только какъ-бы переходной, подготовительной ступенью отъ невинности къ «легкому поведенію». Не говоря уже о томъ, что трудъ этотъ, обыкновенно, очень плохо оплачивается, есть такія отрасли его, которыя, можно сказать, систематически, по своимъ условіямъ, а иногда и завѣдомо — съ корыстной цѣлью антрепренеровъ — развращаютъ сотни молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ съ самаго нѣжнаго возраста. Такою весьма извѣстной и упроченной славой пользуются, напр., разнаго рода швейныя мастерства (существуютъ «модные магазины», положительно промышляющіе продажей т о в а р а, не имѣющаго ничего общаго съ гардеробомъ), женскія работы на нѣкоторыхъ фабрикахъ, занятія продавщицъ и служанокъ въ полпивныхъ, въ ресторанахъ, кухмистерскихъ и т. д. Самыя даже профессіональныя клички—«модистка», «швейка», «фабричная» — получили на петербургскомъ бульварномъ арго́ иносказательно-скабрезное значеніе.

Другіе виды, такъ называемаго, «чистаго» женскаго труда тоже весьма часто сопряжены, если не прямо, то косвенно, съ опасностью паденія. Таковъ ужь уровень современныхъ нравовъ городской, въ большинствѣ, развращенной среды, что каждая молодая женщина съ смазливымъ личикомъ дѣлается предметомъ грѣшныхъ вожделѣній и наглаго донъ-жуанства сталкивающихся съ нею мужчинъ, въ тѣхъ случаяхъ особенно, когда она не ограждена семьей, изолирована отъ нея и доступна, по роду своихъ занятій, для завязыванья съ нею знакомства всякому искателю романическихъ приключеній. Въ положеніи такой общедоступности для ухаживанья встрѣчныхъ и поперечныхъ шелопаевъ находятся, напр., конторщицы, продавщицы и иныхъ названій служащія женщины въ торгово-промышленныхъ

заведеніяхъ. Во-первыхъ, приведено въ извѣстность немало случаевъ, гдѣ этой категоріи женщины дѣлались предметомъ нахальнаго волокитства и даже насилія, прежде всего, со стороны своихъ хозяевъ. Затѣмъ, онѣ часто рѣшительно не знаютъ, куда дѣваться отъ преслѣдованій кліентовъ тѣхъ заведеній, въ которыхъ служатъ.

Изъ множества фактовъ въ этомъ родѣ приведемъ здѣсь одинъ, особенно характеристичный, изъ судебной практики. Одна замужняя дама порядочнаго общества, молодая и красивая женщина, вынуждена была крайностью поступить прикащицей въ галантерейный магазинъ на бойкомъ мѣстѣ. Навѣщая ее, мужъ замѣтилъ, что она постоянно разстроена и нерѣдко заплакана. На его разспросы, она долго скрывала причину своего горя, не желая его огорчать; но, наконецъ, объявила, что у нея нѣтъ больше силъ выносить постоянныя оскорбительныя любезности, заигрыванья и двусмысленныя предложенія посѣщающихъ магазинъ мужчинъ, чему со стороны хозяина не оказывалось никакого противодѣйствія. Возмущенный мужъ явился къ хозяину магазина съ упреками, но тотъ встрѣтилъ его бранью, сталъ гнать вонъ и заявилъ, что «если-де жена его нанялась, то, значитъ, продалась». Когда-же мужъ пригласилъ жену уйти съ нимъ сейчасъ-же «изъ этого омута», то хозяинъ заперъ ея верхнее платье и, только уступая воинской силѣ полиціи, согласился возвратить свою прикащицу въ объятія ея законнаго супруга...

Случай этотъ характеристиченъ, между прочимъ, потому еще, что свидѣтельствуетъ о весьма распространенномъ въ петербургской торговой средѣ безнравственномъ воззрѣніи на женщинъ-продавщицъ, какъ на своего рода рекламу и приманку для покупателей, имѣющихъ слабость къ женскому естеству. Спекуляція на это естество имѣетъ мѣсто во многихъ магазинахъ и, конечно, въ результатѣ увеличиваетъ число падшихъ женщинъ, потому что далеко не всѣ представительницы этихъ рискованныхъ профессій оказываются такими неуступчивыми и твердыми въ добродѣтели, какъ вышеизображенная дама.

Наблюденія указываютъ, что немногимъ обезпеченнѣе отъ опасности грѣхопаденія является также многочисленный классъ петербургскихъ кухарокъ и горничныхъ, особенно если взять во вниманіе, что народъ этотъ, въ большинствѣ,—молодой, здоровый, живущій здѣсь внѣ брачныхъ паръ или совершенно холостой, оторванный отъ деревни и семьи, слѣдовательно, такъ или иначе эманципированный отъ нравственнаго контроля и руководства, а, взамѣнъ того, пре-

доставленный соблазнительному вліянію города, съ его лакомыми до клубники ловеласами и развратниками. И какъ увидимъ изъ статистики разсматриваемой здѣсь группы, этотъ классъ петербургскаго женскаго населенія, комплектуемый главнымъ образомъ крестьянками, выдѣляетъ значительный процентъ непотребныхъ женщинъ.

Сказавъ о духовной и матеріальной «убогости» нашихъ героинь, какъ о главной причинѣ ихъ паденія, должно замѣтить, что къ послѣднему онѣ приходятъ, въ большинствѣ случаевъ, самымъ простымъ, легкимъ, прозаическимъ путемъ, безъ всякой почти борьбы, какъ это, впрочемъ, само собой становится понятнымъ и естественнымъ при указанныхъ условіяхъ ихъ воспитанія и обстановки. «Романы» ихъ замѣчательно однообразны, пошлы и коротки: тутъ всего одна страничка, и послѣ пролога обыкновенно наступаетъ сейчасъ-же, безъ вскякихъ интерваловъ, эпилогъ; авторъ—судьба пишетъ твердой рукою «конецъ», и романъ, вмѣстѣ съ героиней, тотчасъ-же поступаетъ въ регистратуру врачебно-полицейскаго комитета, большею частью безъ всякаго «продолженія впредь».

Неизбѣжный «жестокій» соблазнитель — чаще всего молодой, блестящій субалтернъ-офицеръ или юнкеръ того или другаго рода оружія; но офицеръ необходимъ для усугубленія роковой fatalité и сгущенія кавалерски-романическаго колорита. Героиня—до фатальной встрѣчи, невинная, какъ ангелъ,—слѣпитъ свои глазки надъ иголкой въ скучной мастерской у «мадамы», въ модномъ магазинѣ. Вдругъ,—какъ поется въ одномъ самодѣльномъ романсѣ, весьма распространенномъ въ средѣ петербургскихъ швеекъ,—

Разъ, однажды вечеркомъ
Сижу за работой—
Ходитъ юнкеръ подъ окномъ
Въ ясной позолотѣ.
Онъ манилъ меня шутя,
Я не испугалась;
Вдругъ, немножечко спустя,
Нитка оборвалась!

Цитируемъ эти стишки, такъ сказать, для букета, чтобы читатель могъ осязательно оцѣнить всю бульварную пошлость и казенную безхитростность этихъ «романовъ», съ ихъ приторно-конфектнымъ и очень дешевымъ сентиментализмомъ. Такъ начинаются въ Петербургѣ тысячи подобныхъ романовъ. Канитель грубаго

ухаживанья неизбѣжно и очень скоро оканчивается тѣмъ, что у героини «разъ однажды, вечеркомъ», «нитка оборвется», а вслѣдъ затѣмъ, — стремительно побѣжденная «ясной позолотой», фунтомъ-другимъ конфектъ, трактирнымъ ужиномъ съ бутылкой вина и много, много—парой нехитрыхъ сережекъ,—она быстро проходитъ школу паденія и деморализаціи для того, чтобы въ ближайшій затѣмъ «разъ, однажды, вечеркомъ», появиться въ рядахъ сговорчивыхъ сильфидъ Невскаго проспекта или пріютиться въ гостепріимныхъ конурахъ Мѣщанскихъ улицъ съ переулками. Конечно, въ этой драматической развязкѣ оказывается всецѣло повиннымъ «юнкеръ въ позолотѣ», который, по свойственной сынамъ Марса «жестокости», побѣдоносно сорвавъ «цвѣтокъ наслажденія», покидаетъ свою жертву для новыхъ завоеваній.

Это, можно сказать, классическая форма романовъ большинства нашихъ героинь, и она такъ хорошо заучена и общедоступна, что къ ней часто прибѣгаютъ съ цѣлью «сочинительской», для прикрытія несравненно менѣе романической дѣйствительности. А дѣйствительность эта часто бываетъ такова, что героиня, иногда въ очень ранней юности и благодаря именно ей, рекрутируется въ ряды жертвъ общественнаго темперамента самымъ обыденнымъ, прозаическимъ образомъ, на началахъ чисто-коммерческихъ, какъ предметъ простой купли и продажи. Скандалезная хроника столицы и ея судебная лѣтопись чрезвычайно богаты фактическими указаніями на существованіе такой коммерціи и спеціально занимающихся ею особыхъ промышленниковъ — «свахъ» и «своденъ», преимущественно изъ лицъ женскаго пола, чаще всего—бывшихъ «камелій», застарѣлыхъ въ наукѣ разврата и содержательницъ тайныхъ и публичныхъ притоновъ терпимости.

Грязные, возмутительные факты этого рабовладѣльческаго промысла, не смотря на его хорошо охраняемую подпольность, время отъ времени всплываютъ наружу и докладываются судомъ вниманію общественной совѣсти. Такихъ фактовъ не мало и въ нашихъ матеріалахъ. Господствующій между ними и чаще всего повторяющійся состоитъ обыкновенно въ томъ, что подходящія, по своей безпомощности и неразвитости, невинныя дѣвушки добровольно или обманомъ, — путемъ опутыванія ихъ воли разными соблазнами и закабаленіями, — заманиваются въ притоны разврата и сбываются по хорошей цѣнѣ сперва, какъ свѣжинка, — охотникамъ до нея,

безнравственнымъ сластолюбцамъ, съ туго набитымъ карманомъ, а затѣмъ становятся общедоступными промышленницами разврата. Бывали случаи, что въ такое положеніе попадали, ничего не подозрѣвая, дѣвушки образованныя — искательницы честнаго труда, особенно такія изъ нихъ, которыя заѣзжаютъ сюда издалека, одинокія и неопытныя провинціалки. «Свахи» помянутой категоріи, подъ маской приличныхъ съ виду, почтенныхъ и зажиточныхъ «дамъ», матерей семействъ, закидывали на нихъ сѣти, подъ предлогомъ доставленія выгодныхъ мѣстъ, и когда, путемъ притворнаго участія, щедрыхъ посуловъ, а нерѣдко обязательной денежной помощи успѣвали снискать ихъ довѣріе, то безъ дальнихъ околичностей пересылали въ дома терпимости, гдѣ ужь, въ случаѣ протеста и сопротивленія пойманной въ западню жертвы, пускалось въ ходъ и грубое насиліе. Этотъ способъ уловленія жертвъ, имѣющій много разновидностей и носящій характеръ совершенно первобытнаго порабощенія, всегда такъ коварно обставленъ, что безпомощной дѣвушкѣ нужно много мужества и энергіи, чтобы разорвать опутавшія ее сѣти. Безъ всякаго сомнѣнія, множество случаевъ этого возмутительнѣйшаго насилія и обмана вѣнчаются успѣхомъ и проходятъ безнаказанно, а несчастныя существа, ставшія ихъ жертвами, при запуганности и апатичности, пассивно покоряются своей участи.

Съ грустью должно сказать, что есть много случаевъ, гдѣ на подобнаго рода омерзительныя сдѣлки охотно соглашаются, — по полюбовному уговору, какъ о простомъ комерческомъ дѣлѣ,—если не сами жертвы, то близкіе имъ, кровные люди. Въ нашихъ матеріалахъ имѣются едва вѣроятные въ этомъ отношеніи, позорнѣйшіе для человѣческой репутаціи примѣры!

Лѣтъ десять тому назадъ изобличенъ былъ на судѣ одинъ «культурный» негодяй въ томъ, что продалъ влюбленную въ него дѣвушку какому-то сладострастному восточному князю, и такъ какъ она протестовала противъ этой сдѣлки, то онъ силой передалъ ее съ рукъ на руки покупателю, при самой возмутительной обстановкѣ. Констатированы случаи, гдѣ мужья, въ томъ числѣ чиновники, слѣдовательно, люди культурные, кормились отъ разврата своихъ женъ, и не только знали объ этомъ, но сами толкали ихъ на этотъ промыселъ и лично старались какъ можно выгоднѣе обставить это дѣльце. Въ одномъ изъ танцъ-классовъ, — этихъ величайшихъ разсадниковъ нравственной порчи, — объявился какъ-то оборотливый «братецъ»,

нѣмецъ, привезшій двухъ своихъ молоденькихъ сестеръ изъ милаго Vaterland'а для раздробительной продажи въ Петербургъ, и открыто маклерствовалъ въ зазорныхъ сдѣлкахъ съ танцъ-классными кутилами. Разъ у мироваго судьи обвинялась нѣкая мѣщанка, содержавшая у себя тайный притонъ, въ томъ, что намѣревалась продать какому-то распутному старцу свою родную сестру, красивую 18-лѣтнюю дѣвушку, которую она нарочно для этого, вывезла изъ родительскаго дома въ деревнѣ. Продажа не состоялась только благодаря тому, что въ дѣло вмѣшались сторонніе честные люди — жильцы изобрѣтательной мѣщанки, бывшіе «невольными свидѣтелями гнуснаго торга между продавщицей и покупателемъ — старымъ развратникомъ, въ присутствіи беззащитной и горько плакавшей дѣвушки, обреченной на жертву.» Значитъ, товаръ продавался лицомъ и безъ всякихъ стѣсненій; помѣшали его завершенію впечатлительные свидѣтели, позвавшіе въ квартиру полицію...

Но сколько же бываетъ случаевъ, гдѣ или вступиться некому за беззащитную жертву, или сама она, уступая родственному вліянію, безропотно позволяетъ продать себя! Участіе родственниковъ въ такихъ сдѣлкахъ — фактъ заурядный; достовѣрно, что встрѣчаются даже отцы и еще чаще матери, которые завѣдомо продаютъ своихъ дочерей такимъ-же образомъ. Не очень давно былъ обнаруженъ въ Новой Деревнѣ притонъ, гдѣ сбывались охотникамъ, по сходной цѣнѣ, несовершеннолѣтнія дѣвочки — почти дѣти! Открытіе это надѣлало большаго скандала; винили притоно-содержательницу и ея развратныхъ сообщниковъ-покупателей, винили полицію за недосмотръ; но никто не спросилъ: какимъ образомъ несчастныя отроковицы могли попадать въ этотъ притонъ? Вѣдь, были-же у нихъ родители, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ, и всѣ данныя указывали на несомнѣнную виновность родителей или въ томъ, что они выбросили своихъ дочекъ на улицу на произволъ судьбы, или-же въ томъ, что завѣдомо, съ корыстной цѣлью, пристроили ихъ въ гостепріимный притонъ.

Возможность подобныхъ случаевъ подтверждается, между прочимъ, и судебной хроникой, а до какой степени иные чадолюбивые родители бываютъ на этотъ счетъ сговорчивы и равнодушны къ цѣломудрію своихъ дѣтей, можно заключить изъ слѣдующаго эпизода, крайне несложнаго, лишеннаго всякаго внѣшняго драматизма, но способнаго до глубины потрясти всякое человѣколюбивое сердце.

Bayerische Staatsbibliothek München

Какъ-то въ руки полиціи попали двѣ дѣвочки, одна 12-ти, другая 13-ти лѣтъ, изобличенныя въ промыслѣ развратомъ. Полиція навела о нихъ справки и—вотъ что оказалось: незадолго передъ этимъ обѣ онѣ, по требованію матерей своихъ—нищенокъ, промышляли вмѣстѣ попрошайничествомъ на улицахъ и однажды, вечеромъ, «безотчетно» и даже неизвѣстно съ какими, совершенно незнакомыми имъ негодяями, потеряли невинность, получивъ за это въ награду нѣсколько копѣекъ. Придя домой, онѣ объявили о своемъ безсознательномъ грѣхѣ матерямъ и вручили имъ свой «заработокъ», и —что-же?—матери не только не пришли отъ этого въ ужасъ и негодованіе, но встрѣтили паденіе дочекъ, какъ желанный случай для умноженія источниковъ своего дохода, и напутствовали ихъ на прибыльный промыселъ обѣими руками...

Разумѣется, приведенный рядъ фактовъ взятъ изъ безотрадной жизни самыхъ низменныхъ общественныхъ подонковъ, исковерканныхъ и деморализованныхъ крайней бѣдностью и всяческими лишеніями, совершенно ниспровергающими авторитетъ ходячей максимы, будто «бѣдность не порокъ»,—максимы, лицемѣрно сочиненной тѣми, кто ея не испытывалъ, въ сомнительное утѣшеніе удрученныхъ ею. Отсюда становится неоспоримымъ и ранѣе высказанное нами положеніе, что въ ряды профессіональной проституціи рекрутируются, такъ или иначе, исключительно «дочери нищеты и несчастья»—круглыя «убогія» во всѣхъ отношеніяхъ, а не прирожденныя Мессалины, впадающія въ распутство «по призванью», какъ думалъ поэтъ.

Но у этихъ, равно «убогихъ» на первыхъ шагахъ зазорнаго промысла, молодыхъ неофитокъ разврата существуютъ различные шансы на успѣхъ и ихъ ждетъ различная доля: однѣ осуждены, по тѣмъ или другимъ причинамъ, навсегда остаться «убогими», другія — конечно, меньшинство — превращаются въ «нарядныхъ» героинь полусвѣта. Это распредѣленіе фортуны зависитъ отъ различной степени красоты, обольстительности, способности—доводить «цинизмъ до граціи», наконецъ, отъ случайныхъ условій, благопріятныхъ для фортуны или неблагопріятныхъ, въ которыя попадаетъ та или другая изъ жертвъ общественнаго темперамента... Какъ во всемъ и вездѣ, тутъ большую роль играютъ удача, случай, извѣстная степень ловкости и практичности въ обдѣлываньи своей карьеры и въ умѣньи продать товаръ лицомъ.

Поэтъ, описывая свою «нарядную» Фрину, заставляетъ ее «ребенкомъ попасть въ Парижъ», тамъ пройти высшую школу разврата и уже оттуда, во всеоружіи, пріѣхать въ Петербургъ «обирать наше будто богатое барство». Дѣйствительно, аристократія петербургскаго полусвѣта состоитъ въ значительной части изъ такихъ именно плотоядныхъ дщерей вѣтреной Франціи и, вообще, изъ заѣзжихъ иностранокъ; но среди нея есть немало и нашихъ соотечественницъ, чистокровныхъ «Катекъ» и «Сашекъ», какъ ихъ прозываютъ галантные поклонники, съ придаткомъ какимъ нибудь уличныхъ кличекъ, измышленныхъ казарменно-фривольнымъ остроуміемъ. Между этими «Катьками» бываютъ даже знаменитости, которыхъ знаетъ весь городъ, на которыхъ указываютъ пальцами во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и о скандалезныхъ похожденіяхъ которыхъ повѣствуются пикантные разсказы въ веселыхъ газетахъ. Прошлое у нихъ такое-же темное и безотрадное, какъ и у любой «убогой» ихъ товарки, тоскливо рыскающей по Невскому проспекту, въ то время, какъ онѣ «летятъ въ щегольскомъ экипажѣ», транжирятъ большія деньги на роскошные наряды и прихоти, возбуждая «чувство злобы и зависти тайной» въ «порядочныхъ» женщинахъ, знаются и амикошонствуютъ съ «золотой молодежью», а также съ сластолюбивыми и шаловливыми государственными мужами, обираютъ ихъ и, подъ часъ, раззоряютъ не плоше патентованныхъ парижанокъ... Не уступаютъ онѣ послѣднимъ и въ искусствѣ утонченнаго разврата, въ цинизмѣ и безстыдствѣ, и развѣ только спасуютъ передъ ними въ степени культурности и образованности, не возвышаясь въ этомъ отношеніи надъ уровнемъ кухарокъ и прачекъ.

Вообще, въ умственномъ и культурномъ отношеніи, всѣ представительницы полусвѣта и улицы—«убогія» и «нарядныя»,—одинаково оказываются, въ огромномъ большинствѣ, невинными до совершеннаго безграмотства и дикости, какъ это покажетъ намъ ихъ статистика, и какъ тому слѣдуетъ быть, имѣя въ виду, что просвѣщеніе служитъ однимъ изъ могущественныхъ орудій для истинной эманципаціи женщины отъ всякаго рабства.

Замѣчательно также, что какъ убогія, такъ и нарядныя всего чаще кончаютъ одинаково — болѣзнью, нищетой и равновременной смертью. Исходъ вполнѣ естественный для той, по истинѣ ужасной, «каторжной» жизни, какую приходится вести этимъ несчастнымъ изо дня въ день, среди безпросыпныхъ оргій, безсонныхъ ночей,

пьянства и всяческихъ излишествъ! Трудно даже сказать, чья жизнь въ этомъ отношеніи каторжнѣе и скоротечнѣе—убогихъ или нарядныхъ? По всѣмъ вѣроятіямъ, послѣднимъ достается ихъ счастливое, блестящее положеніе несравненно труднѣе и несравненно большимъ расходованіемъ здоровья и силъ, потому что и онѣ сами, и ихъ «временно-обязанные» друзья, какъ люди зажиточнаго класса, больше имѣютъ средствъ, охоты и вкуса къ расточительнымъ оргіямъ и грязнымъ вакханаліямъ. Эта безпутная жизнь, въ постоянной бѣшеной погонѣ за грубыми, чувственными наслажденіями, быстро подламываетъ силы нѣжнаго женскаго организма и—въ кратчайшее время красивая, «шикарная» гетера превращается въ безобразную развалину, не имѣющую никакой цѣны на рынкѣ разврата. Остается гибнуть и умирать въ нищетѣ, потому что обыкновенно эти несчастныя не успѣваютъ, да и не умѣютъ сберечь про черный день копѣйку изъ своего гонорара, какъ онъ ни бываетъ иногда роскошенъ и обиленъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ большую сенсацію произвелъ трагическій конецъ одной знаменитости полусвѣта. Она была француженка и явилась сюда въ качествѣ каскадной пѣвицы. Рыжеволосая красавица, столько-же элегантная, сколько и развратная, она въ короткое время пріобрѣла толпу свѣтскихъ поклонниковъ, стала первенствующей звѣздой среди столичныхъ камелій и достигла такой блестящей славы, что ея имя стало достояніемъ городской молвы, а «малая» пресса считала пріятной обязанностью постоянно слѣдить за ея успѣхами и похожденіями. Стоила она баснословно дорого своимъ богатымъ поклонникамъ, жила поцарски, изумляя своею роскошью и прихотливостью, но наживаться не умѣла. Проживъ нѣсколько состояній въ короткое время и начавъ выходить изъ моды, она сперва продала съ аукціона свою пышную обстановку—это было цѣлое событіе въ скандалезной хроникѣ,—потомъ, быстро опускаясь и спившись съ кругу, забытая и отверженная, кончила свою безпутную жизнь среди полной нищеты въ какой-то трущобѣ. Только когда она умерла, о ней вспомнили и — пресса много и съ чувствомъ по этому поводу морализировала.

Мы привели этотъ примѣръ, какъ наиболѣе яркій изъ множества другихъ, однородныхъ.

Извѣстный Дю-Канъ, на котораго мы уже имѣли случай ссылаться, изучивъ парижскую проституцію, пришелъ къ выводу, что

обыкновенно изъ ста женщинъ этой профессіи, по малой мѣрѣ, восемьдесятъ кончаютъ крайне жалкой участью вслѣдствіе болѣзни, алькоголизма и преступленія. Принявъ во вниманіе разницу въ культурности французскаго и нашего общества, слѣдуетъ предположить, что у насъ еще большій процентъ подобныхъ женщинъ оканчиваютъ также печально.

VI.

Скорбныя цифры.

Вѣдаемыя врачебно-полицейскимъ надзоромъ падшія женщины, списками которыхъ замыкается вся, приведенная въ извѣстность, оффиціальная статистика петербургской проституціи, раздѣляются на три категоріи, по формамъ своего промысла: а) живущихъ въ домахъ терпимости, б) «одиночекъ», и в) «бродячихъ развратнаго поведенія женщинъ». Кромѣ того, изъ второй группы выдѣляются, сообразно степени строгости и способу контроля, состоящія «подъ секретнымъ надзоромъ», который отличается сравнительной льготностью и не сопряженъ съ лишеніемъ извѣстныхъ правъ. Эту существенную, въ гражданскомъ отношеніи, разницу самъ комитетъ опредѣлилъ такимъ образомъ.

Разсматриваемаго класса женщины «раздѣляются, — говорится въ отчетѣ комитета за 1868 годъ, — на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ, такъ сказать, вполнѣ подчинены врачебно-полицейскому надзору, другія-же состоятъ подъ секретнымъ его надзоромъ. На основаніи утвержденнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ положенія врачебно-полицейскаго комитета, женщины, подчиняясь надзору комитета, теряютъ часть своихъ гражданскихъ правъ и личной свободы, а именно: при внесеніи въ списки комитета, у нихъ отбираются паспорты и, взамѣнъ ихъ, комитетъ выдаетъ имъ медицинскіе билеты, по которымъ онѣ должны проживать. Съ полученіемъ медицинскаго билета, женщина оффиціально признана публичною — названіе, которымъ тяготятся и даже гнушаются самыя отъявленныя проститутки. Она не вправѣ ни выѣхать изъ столицы, ни перемѣнить мѣсто жительства, безъ вѣдома комитета, и не только

лишается возможности съ медицинскимъ билетомъ куда либо поступить въ услуженіе, но даже съ трудомъ можетъ пріискать себѣ квартиру, такъ какъ домовладѣльцы вообще неохотно пускаютъ публичныхъ женщинъ въ свои дома». Естественно, что такая постыдная и строгая форма надзора заставляетъ несчастныхъ всѣми мѣрами избѣгать подчиненія комитету,—и это, главнымъ образомъ, по его сознанію, препятствуетъ ему успѣшно выполнять свою миссію. Ради этого-то обстоятельства, комитетъ «вынужденъ былъ въ видѣ опыта, внести, взамѣнъ указаннаго порядка подчиненія женщинъ,—систему секретнаго надзора, отличающуюся тѣмъ, что здѣсь, вмѣстѣ съ подчиненіемъ надзору, женщина сохраняетъ свои гражданскія права во всей цѣлости. Всѣ обязанности ея предъ комитетомъ состоятъ лишь въ аккуратной явкѣ къ медицинскому освидѣтельствованію и въ соблюденіи необходимыхъ для охраненія ея здоровья санитарныхъ условій».

Таковы, въ общихъ чертахъ, отношенія врачебно-полицейскаго комитета къ обозрѣваемой группѣ индивидуумовъ «неблагонадежнаго класса» и таково подраздѣленіе ея, по роду надзора и степени его строгости. Сообразно этому раздѣленію, ведется и статистика «непотребныхъ женщинъ», но для насъ ея подробныя рубрики не имѣютъ значенія, такъ какъ ихъ классификація—чисто механическая; поэтому мы будемъ различать только три категоріи этого рода женщинъ, соотвѣтственно различію въ способахъ ихъ промысла и образѣ жизни: обитательницъ публичныхъ домовъ, «одиночекъ» и «бродячихъ». Комитетъ еще раздѣляетъ помянутые дома на открытые, явные «дома терпимости» и «тайные притоны». Такое раздѣленіе тоже не представляетъ для нашего изслѣдованія существенной важности, такъ какъ вся разница между тѣми и другими заведеніями заключается въ чисто-внѣшнихъ, техническихъ оттѣнкахъ одной и той-же формы промысла, а именно: въ то время, какъ въ помянутыхъ домахъ проститутки живутъ осѣдло, въ подчиненіи и на иждивеніи хозяевъ-антрепренеровъ, въ притонахъ — онѣ «временно обязанныя» гостьи, являющіяся туда для промысла, на извѣстныхъ условіяхъ съ хозяевами притоновъ, или, хотя и живущія въ нихъ, но самостоятельно, на правахъ независимыхъ «одиночекъ», поскольку, вообще, дѣйствительна независимость этихъ жалкихъ созданій, попадающихъ въ руки многообразной хищной эксплуатаціи. Во всякомъ случаѣ, въ нижеприводимой общей статистической картинѣ обозрѣ-

ваемой язвы, въ ея десятилѣтнемъ движенiи, мы не даемъ мѣста названнымъ специально-«тайнымъ притонамъ» и сосчитаемъ ихъ впослѣдствiи, гдѣ это будетъ нужно.

Представляемая картина обрисовывается слѣдуюшими цифрами:

Годы.	Домовъ терпимости.	Въ нихъ живущихъ.	Одиночекъ.	Бродячихъ.	Всего женщинъ.
1868	144	820	1,378	392	2,590
1869	155	816	1,792	2,758	6,366
1870	156	968	1,604	3,386	5,958
1871	168	1,116	1,840	2,261	5,217
1872	177	1,485	1,047	2,323	4,855
1873	156	973	1,594	3,941	6,508
1874	165	1,084	1,887	3,252	6,223
1875	177	1,167	1,413	2,105	4,685
1876	188	1,254	1,366	2,496	5,116
1877	197	1,194	1,978	2,104	5,276
	168	1,087	1,689	2,501	5,277

Излишне говорить, что этими цифрами оффицiальной статистики далеко не исчерпывается вся столичная проституцiя—даже та форма ея, которая составляетъ профессiональный промыселъ развратомъ, вѣдаемый врачебно-полицейскимъ надзоромъ. Впрочемъ, такая неполнота оффицiальной статистики по отношенiю къ данному предмету — явленiе повсемѣстное. Шашковъ, на основанiи изученiя иностранной литературы этого вопроса, пришелъ къ заключенiю, что, вообще, «смотря по мѣстностямъ и обстоятельствамъ, проститутокъ скрытныхъ впятеро—вдесетяро больше, чѣмъ проститутокъ явныхъ», и — это можно принять за правило, безъ риска впасть въ преувеличенiе. Напримѣръ, въ Лондонѣ было записано полицiей въ 1867 г. всего около 10,000 явныхъ проститутокъ; статистика-же полагала, что ихъ тамъ не менѣе 80,000, а д-ръ Рэйанъ вычислилъ, что «въ Лондонѣ живетъ проституцiей посредственно и непосредственно 400,000 человѣкъ и ежегодно расходуется на нее 200 миллiоновъ франковъ». Дю-Канъ, въ своемъ описанiи Парижа, приведя цифру записанныхъ полицiей въ 1870 г., явныхъ проститутокъ—всего 3,656,—полагаетъ, на основанiи гипотетическихъ вычисленiй, что ихъ въ современномъ Вавилонѣ никакъ не

менѣе 120,000. Въ Берлинѣ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1867 г., числилось женщинъ, промышляющихъ развратомъ, всего 10,860, а, между тѣмъ Тиссо, посѣтившій нѣсколько лѣтъ спустя ликующую столицу объединенной Германской имперіи, былъ пораженъ страшнымъ развитіемъ въ ней уличной проституціи, бросающейся въ глаза на каждомъ шагу, благодаря наглости и безстыдству ея многочисленныхъ представительницъ и ихъ «луисовъ». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ Петербургѣ оффиціальныя цифры явной проституціи также мало соотвѣтствуютъ ея дѣйствительному размѣру, какъ и въ вышепомянутыхъ европейскихъ центрахъ.

Тиссо, желая, между прочимъ, опредѣлить съ этой стороны нравственность славнаго города Магдебурга, сдѣлалъ остроумное сопоставленіе числа жителей въ немъ съ числомъ сифилитическихъ заболѣваній. Оказалась страшная пропорція: на 90,000 жителей 70,000 заболѣваній! Дѣйствительно, статистика заболѣваній сифилисомъ можетъ служить довольно надежнымъ косвеннымъ масштабомъ развитія проституціи, въ смыслѣ внѣбрачныхъ отношеній вообще. Если это такъ, то Петербургъ, въ сравненіи съ Магдебургомъ, вправѣ стяжать репутацію весьма благонравнаго города, потому что въ немъ, на 700 т. жителей, по исчисленію компетентнаго д-ра Гюбнера («Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга» за 1870 годъ), всѣхъ заболѣваній сифилисомъ было въ годъ около 30,000, или 45 случаевъ на 1000 ч. населенія. Тѣмъ не менѣе, цифра эта, взятая безотносительно, весьма внушительна и—что̀ самое важное—доказываетъ всю неполноту оффиціальнаго исчисленія столичной проституціи. Оказывается, что въ періодъ времени, изслѣдованный докторомъ Гюбнеромъ, врачебно-полицейскій комитетъ отправлялъ въ годъ въ больницу около 2,800 заболѣвшихъ сифилисомъ проститутокъ, которымъ, конечно, ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть приписанъ источникъ всей тридцатитысячной суммы заболѣваній этого рода. Ясно, что значительнѣйшая доля участія въ распространеніи этой заразы принадлежала не подчиненнымъ полицейскому надзору проституціоннымъ элементамъ. Д-ръ Гюбнеръ высказываетъ даже такую потрясающую увѣренность, что «медицинская статистика могла-бы дать поразительные факты о распространеніи сифилиса въ семейномъ быту и тѣмъ самымъ оказать обществу бо́льшую услугу, чѣмъ производство въ теченіе года десятковъ тысячъ освидѣтельствованій проститутокъ».

Другимъ косвеннымъ указателемъ развитія проституціи признается статистика незаконныхъ рожденій, на основаніи которой д-ръ Э. Шперкъ («Къ статистикѣ сифилиса», Спб. 1877 г.) остроумно высчиталъ, что въ Петербургѣ, напр. въ 1869 г., должно было находиться женщинъ, состоящихъ во внѣбрачныхъ отношеніяхъ, *minimum*—35,978. Но «гдѣ-же доказательства, что эти несчастныя дѣти суть плодъ проституціи?»—спрашиваетъ д-ръ Гюбнеръ и, съ своей стороны, дѣлаетъ вычисленіе, доказывающее, что 6,800 незаконнорожденныхъ дѣтей, приносимыхъ ежегодно въ Воспитательный Домъ, никоимъ образомъ не могли быть всѣ произведены на свѣтъ проститутками, просто съ точки зрѣнія физической возможности. Извѣстно также, что профессіональныя проститутки чрезвычайно рѣдко дѣлаются матерями. Вообще, статистика незаконныхъ рожденій, на которую любятъ ссылаться моралисты, какъ на подтвержденіе развитія проституціи, едва-ли можетъ быть принята за достаточно твердое въ этомъ случаѣ доказательство. Незаконныя рожденія несомнѣнно имѣютъ значеніе указателя нравственности данной среды, но они отличаются, однакожъ, по своей сущности, отъ промысла развратомъ и относятся къ гораздо болѣе сложнымъ явленіямъ общественной патологіи, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить въ другомъ мѣстѣ.

Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ отказаться отъ попытки дѣлать общіе цифровые выводы о степени испорченности петербургскаго населенія, на основаніи лишь оффиціальной статистики столичной проституціи, какъ равно и судить о развитіи послѣдней—объ ея численномъ увеличеніи или уменьшеніи. Единственно о чемъ имѣются здѣсь достовѣрныя данныя, такъ это—о домахъ терпимости, число которыхъ, повидимому, увеличивается въ Петербургѣ. По вычисленію д-ра Кузнецова («Историческій очеркъ проституціи въ С.-Петербургѣ», 1870 г.), за періодъ времени съ 1858 по 1867 годъ, т. е. за десятилѣтіе, предшествовавшее обозрѣваемому нами, въ столицѣ имѣлось, по среднему разсчету, 142 публичныхъ дома и въ нихъ — 870 женщинъ, или около $2,_7$ на каждыхъ 1,000 мужчинъ; а за десятилѣтіе, съ 1868 по 1877 годъ, публичныхъ домовъ находилось 168 (значитъ, увеличеніе произошло слишкомъ на 12%), и въ нихъ женщинъ 1,087, или почти 3 ($2,_9$) на 1,000 муж. Увеличеніе, конечно, ничтожное и не дающее права дѣлать какія нибудь посылки...

Оффиціальная статистика въ данномъ случаѣ имѣетъ достоинство только частное, по отношенію къ изучаемой общественной средѣ, безъ отношенія ея ко всей массѣ населенія, —въ этихъ предѣлахъ мы ею и займемся. Словомъ, не опредѣляя ни общаго размѣра проституціонныхъ элементовъ въ столицѣ, ни степени развращенности всего населенія послѣдней, она, тѣмъ не менѣе, представляетъ довольно обширный и обстоятельный сводъ наблюденій для изученія класса профессіональныхъ проститутокъ, заклейменныхъ позорнымъ титуломъ «публичныхъ».

По способу промысла, проститутки раздѣляются, какъ мы упоминали, на три группы: живущихъ въ домахъ терпимости, «одиночекъ» и «бродячихъ развратнаго поведенія женщинъ». Эта классификація опредѣляетъ отчасти и существующее между этими тремя группами различіе въ положеніи моральномъ и матеріальномъ. Въ послѣднемъ отношеніи, безъ сомнѣнія, лучше всего поставлены «одиночки». Въ то время, какъ живущія въ домахъ терпимости находятся въ положеніи своего рода батрачекъ, безпощадно закабаленныхъ нравственно и матеріально хозяевами этихъ домовъ,— «одиночки», такъ сказать, работаютъ на самихъ себя и пользуются полной независимостью и свободой распоряжаться своимъ временемъ и самими собой.

Жизнь женщинъ, промышляющихъ въ публичныхъ домахъ, по истинѣ ужасна во всѣхъ отношеніяхъ. Въ гигіеническомъ, она какъ бы разсчитана на самое быстрое и безповоротное разстройство здоровья и преждевременную смерть этихъ жалкихъ созданій. Изо дня въ день безсонныя напролетъ ночи, постоянное бражничество, неестественный ходъ всей физической жизни организма, отупляющее однообразіе, скука и полная бездѣятельность существованія въ смрадныхъ стѣнахъ лупунаръ, въ которыхъ обитательницы ихъ становятся въ условія особаго рода затворницъ, подчиненныхъ тюремному ритуалу, — все это быстро разрушаетъ душевныя и физическія силы обреченныхъ на эту каторгу женщинъ, повергаетъ ихъ въ апатію и дѣлаетъ совершенно неспособными ни выйти изъ этой ужасной тины, ни начать новую, болѣе человѣчную жизнь. Впрочемъ, въ этомъ отупѣніи и одичаніи, въ этой скотоподобной жизни, среди шумныхъ и дикихъ, но холодныхъ и безстрастныхъ оргій, только и можно найти объясненіе возможности такого ужаснаго существованія. Вѣдь, у этихъ несчастныхъ нѣтъ будущаго,

нѣтъ никакой жизненной цѣли, хотя-бы даже—простой наживы для обезпеченія себя подъ старость, потому что онѣ опутаны такой до невѣроятія грабительской эксплуатаціей и переплачиваютъ на всемъ такую неслыханную лихву, что весь ихъ грѣшный заработокъ сполна идетъ въ карманы ихъ хозяевъ-антрепренеровъ, и онѣ не только не успѣваютъ скопить какую нибудь копѣйку про черный день, но, обыкновенно, всегда бываютъ кругомъ въ неоплатномъ долгу у тѣхъ-же хозяевъ. Стоитъ-ли, при такомъ отчаянномъ положеніи, думать о будущемъ, заботиться о своей судьбѣ, о лучшемъ ея исходѣ, когда исходъ этотъ одинъ и почти неминуемый—съ утратой молодости и красоты безпомощная нищета, трущобное маянье, больничная койка и ранняя смерть! Остается на все махнуть рукою и, очертя голову, плыть по теченію омута, охватившаго своей нечистой волной... Такова жизнь и такова судьба большинства обитательницъ публичныхъ домовъ!

Немногимъ краше и жизнь, такъ называемыхъ, «одиночекъ», если говорить вообще. Въ частности-же, эта группа разбивается на множество разновидностей, изъ которыхъ есть такія, что успѣваютъ, по крайней мѣрѣ, въ матеріальномъ отношеніи недаромъ продать свою красоту, молодость, честь, святое призваніе женщины, и иногда устраиваются очень запасливо на широкую ногу независимыхъ барынь. Но это—исключенія; господствующій типъ — вѣчно скитающаяся, пока ноги носятъ, «разлетайка», говоря терминомъ Достоевскаго, по петербургскимъ улицамъ, трактирамъ, танцъ-классамъ, клубамъ, увеселительнымъ садамъ и проч. Типъ, въ большинствѣ, «убогій» и до того примелькавшійся своей вездѣсущностью, что наблюдательный петербуржецъ съ одного взгляда безошибочно отличаетъ его въ толпѣ женщинъ иныхъ категорій. Не смотря однако на это неутомимое скитальчество въ поискѣ покупателей, представительницы этого типа, въ большинствѣ, перебиваются съ хлѣба на воду, отчасти по мизерности гонорара, а также по безпечности и безпорядочности, отличающимъ почти всякую профессіональную «кокотку», какъ ихъ называютъ; отчасти-же потому, что и онѣ не избѣгаютъ алчной эксплуатаціи цѣлой орды омерзительныхъ паразитовъ, которые косвенно кормятся отъ проституціи. Это, прежде всего, хозяева и хозяйки «тайныхъ притоновъ» (по вѣдомости 1877 г. ихъ указано всего 12; но, безъ сомнѣнія, они существуютъ, внѣ вѣдома полиціи, въ неизмѣримо большемъ числѣ подъ разными

масками); затѣмъ содержатели квартиръ, съ отдачею комнатъ «со столомъ и мебелью» спеціально особамъ, имѣющимъ обширный кругъ знакомыхъ. Такія особы, конечно, не могутъ считаться пріятными и удобными жилицами, и за это, если ихъ пускаютъ жить въ квартиру и позволяютъ безпрепятственно принимать гостей, радушные хозяева дерутъ съ нихъ немилосердную плату, выгадывая притомъ поживиться отъ нихъ и еще на чемъ нибудь... Это цѣлый правильно организованный промыселъ, съ котораго преблагополучно живутъ сотни квартирохозяевъ, отъѣдая львиный кусъ у горькаго хлѣба своихъ злосчастныхъ жилицъ.

Что заработокъ съ этого позорнаго промысла не высокъ, говоря вообще, это доказывается, между прочимъ, заурядностью случаевъ изобличенія проститутокъ въ наклонности восполнять свой скудный гонораръ воровствомъ, а, случается, и грабежемъ, при содѣйствіи и подъ руководствомъ притоносодержателей. Правда, повседневный опытъ свидѣтельствуетъ, что нынче часто воруютъ вовсе не отъ нужды, и въ данномъ случаѣ по преимуществу имѣетъ мѣсто глубокая нравственная испорченность, разъѣдающая всю вообще проституціонную среду; но несомнѣнно, однако-жъ, что даже и этотъ грѣшный источникъ наживы, въ связи съ промысломъ разврата, не избавляетъ нашихъ героинь отъ нищенскаго состоянія въ концѣ концовъ. Мы увидимъ изъ ихъ статистики, что онѣ, обыкновенно, очень непродолжительно фигурируютъ въ спискахъ врачебно-полицейскаго комитета и, затѣмъ, безслѣдно исчезаютъ.

Конечно, многія изъ нихъ просто укрываются отъ надоѣдливаго надзора, но по всѣмъ вѣроятіямъ комитетъ безъ труда могъ бы, еслибъ захотѣлъ, распознать значительную часть своихъ исчезающихъ кліентокъ, — красовавшихся дотолѣ въ шелку и бархатѣ,—въ сѣрыхъ, оборванныхъ рядахъ многочисленнаго полчища «бродячихъ развратнаго поведенія женщинъ», представляющихъ собою подонки обозрѣваемаго класса въ отношеніи, если не нравственномъ, то соціальномъ и матеріальномъ. Уже изъ самаго названія видно что эти несчастныя состоятъ изъ сброда жалкихъ, бездомныхъ, голодныхъ и холодныхъ «площадныхъ» побродягъ, промышляющихъ развратомъ въ трущобахъ, по грошамъ, среди невзыскательнаго и неприхотливаго чернорабочаго люда. Къ сожалѣнію, врачебно-полицейская статистика не даетъ никакихъ свѣдѣній о составѣ и состояніи этой, самой многочисленной, группы проститутокъ; но можно съ достовѣрностью

предположить, что она въ значительной части комплектуется изношеннымъ, забракованнымъ отбросомъ публичныхъ домовъ и другихъ рынковъ культурнаго, оплачиваемаго рублями, разврата.

Представляя собою ничто иное, какъ покупную вещь—предметъ для прихоти, промышляющая собою женщина должна въ своей карьерѣ подчиняться тѣмъ же рыночнымъ условіямъ, какія существуютъ для каждаго «товара». Вещь въ цѣнѣ и въ спросѣ, пока она свѣжа и нова; затѣмъ, старѣясь и переходя изъ рукъ въ руки, она постепенно теряетъ покупную цѣну, пока, наконецъ, не превратится въ ничего нестоющую ветошь, выбрасываемую въ мусоръ... Въ этой несложной исторіи, гдѣ нѣтъ мѣста личности и достоинству человѣческому, заключается вся плачевная судьба нашихъ героинь, и можно-бы шагъ за шагомъ прослѣдить какъ онѣ, начавъ свою карьеру гдѣ нибудь въ бельэтажѣ и промышляя собой по высокой цѣнѣ въ какомъ-нибудь модномъ Salon des variétés, постепенно спускаются въ подвалы и доходятъ до «Малинника», превращаясь изъ шикарныхъ дамъ полусвѣта въ «площадныхъ» лохмотницъ, довольствующихся грошами.

Грязная, грошовая проституція, спеціализируемая «бродячими женщинами», гнѣздится въ самыхъ людныхъ центрахъ города [1]), гдѣ сосредоточиваются рабочіе, а также всевозможное отребье городскаго населенія. Самой широкой популярностью въ этомъ отношеніи пользуется Сѣнная площадь съ примыкающими къ ней трущобами, въ родѣ «Вяземской лавры» и пресловутаго «Малинника», какъ называется здѣсь обширный трактиръ съ многочисленными клѣтушками-номерами. Оргіи и распутство, происходящія въ этихъ притонахъ, невообразимы по своему цинизму и разнузданности, а обычнымъ ихъ спутникомъ являются здѣсь открытые грабежи и даже разбои. Достовѣрно, что посѣщеніе, напр., «Малинника» для новаго человѣка сопряжено съ рискомъ не только быть ограбленнымъ, но и убитымъ. Дѣла о насиліяхъ и грабежахъ, случающихся въ этого сорта заведеніяхъ, не переводятся у мировыхъ судей. Вотъ одно изъ этихъ дѣлъ.

[1]) Приблизительную картину распредѣленія проституціи по городской территоріи представляютъ намъ свѣдѣнія о числѣ публичныхъ домовъ и тайныхъ притоновъ въ разныхъ частяхъ города. Такъ, въ 1877 году было этого рода заведеній: въ Казанской части—74, въ Спасской—42, въ Московской — 34, въ Литейной — 28, въ Рождественской — 19, въ Нарвской — 12, въ Выборгской—10, въ Петербургской—8, въ Васильевской и Коломенской по 6-ти, въ Александро-Невской—2 и въ Адмиралтейской ни одного.

Мировому судьѣ принесъ жалобу нѣкто, мѣщанинъ, въ томъ, что его до-гола ограбили въ «Малинникѣ» почти на глазахъ прислуги, которая никакой защиты ему не оказала. Мировой судья полюбопытствовалъ лично взглянуть на это злачное мѣсто и вынесъ такое впечатлѣніе: при входѣ въ трактиръ, на черной лѣстницѣ, оказался дворникъ, поставленный «для предупрежденія буйства и даже убійствъ», но, вмѣсто того, предупредительно взимающій пятачки за пропускъ со всѣхъ гостей «Малинника»; въ стѣнахъ трактира шелъ гвалтъ и шумъ отъ оргій, происходившихъ въ сосѣднихъ комнатахъ. При составленіи протокола «былъ слышенъ гулъ отъ народа, и до ушей присутствовавшихъ долетали бранныя слова, смѣшанныя съ восклицаніями: «поцѣлуй!» «пойдемъ спать!» и т. под. Свидѣтели показали, что «публичныя женщины издавна допускались въ этотъ трактиръ, при всѣхъ его содержателяхъ, чтобы доставить бѣдному классу людей средство найти то, что требуетъ природа»... Не смотря, однако, на такую филантропическую заботу о потребностяхъ «бѣднаго класса», тѣ-же свидѣтели констатировали, что въ заведеніи этомъ «бѣдный классъ» сплошь и рядомъ обирается и подвергается грабежу безъ всякаго препятствія со стороны добраго хозяина, если не при его содѣйствіи.

Трущобъ въ такомъ родѣ, явно и тайно служащихъ притономъ для дешеваго разврата, сопутствуемаго дебоширствомъ, пьянствомъ и грабежемъ, — въ столицѣ много. Полиція ихъ знаетъ и терпитъ въ интересахъ лучшаго надзора за этими опасными, противообщественными элементами; только время отъ времени она внезапно накрываетъ ихъ, причемъ уловляетъ толпы «бродячихъ развратнаго поведенія женщинъ», попадающихъ въ ея статистику.

Мы указывали на то, что въ большинствѣ случаевъ описываемыя жертвы общественнаго темперамента состоятъ изъ «дочерей нищеты и несчастья», что профессіональная проституція — прямой продуктъ пауперизма. Это подтверждаютъ отчасти и цифры, опредѣляющія первоначальный родъ занятій и сословный составъ проститутокъ. Цифры эти относятся только къ обитательницамъ публичныхъ домовъ и «одиночкамъ», такъ какъ о «бродячихъ» подобныхъ свѣдѣній не собирается вовсе.

Относительно рода занятій, предшествовавшихъ занятію развратомъ, врачебно-полицейская статистика, къ сожалѣнію, даетъ свѣдѣнія только лишь за три года изъ обозрѣваемаго десятилѣтія (за

1869 — 71 гг.). Пользуемся тѣмъ, что есть. Оказывается, что въ составѣ петербургской проституціи находилось:

	1869 г.	1870 г.	1871 г.
Служанокъ и чернорабочихъ . .	1649	770	895=1104
Горничныхъ	390	513	593= 495
Швей и ремесленницъ	566	388	452= 468
Нянекъ.	158	186	205= 183
При родныхъ жили	—	259	418= 338
Неизвѣстныхъ занятій	845	458	393= 565

Табличка эта достаточно ясно показываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ представительницами бѣднѣйшихъ классовъ населенія и — какъ сейчасъ увидимъ — съ женщинами, въ большинствѣ, одинокими, безпомощно предоставленными самимъ себѣ, внѣ семейной охраны и роднаго крова. Мимоходомъ, нельзя не отмѣтить еще ту особенность, представляемую нашей табличкой, что главный контингентъ столичной проституціи образуется изъ домашней прислуги, что́ не можетъ не говорить во вредъ нашихъ домашнихъ нравовъ, вообще, и цѣломудренности нашихъ кухарокъ и горничныхъ, въ частности. Уже изъ опредѣленія рода занятій проститутокъ можно заключить, что огромное большинство ихъ невысо́ко стоитъ на іерархической лѣстницѣ, по сословіямъ. И дѣйствительно, среди нихъ, въ девятилѣтней средней сложности (съ 1869 по 1877 г.), было:

Крестьянокъ	756	или 37,5 %
Мѣщанокъ	677	» 33,6 »
Солдатскихъ женъ и дочерей . . .	505	» 25,0 »
Купеческаго званія	4	» 0,2 »
Привилегированныхъ сословій . .	73	» 3,6 »
Питомокъ Воспитательнаго Дома. .	7	» 0,3 »

Замѣтимъ, что въ этотъ счетъ не вошли инородки и иностранки, сословность которыхъ въ статистикѣ врачебно-полицейскаго комитета не обозначена. Что-же касается нашихъ согражданокъ, составившихъ представленный счетъ, то оказывается, что болѣе 90% общаго ихъ числа принадлежитъ къ низшимъ сословіямъ. Было-бы, однако-же, весьма рискованно заключать изъ этихъ цифръ о сравнительной

степени нравственности представительницъ того или другаго сословій. Если можно извлечь тутъ какой нибудь достовѣрный выводъ, то развѣ только тотъ, о которомъ говорилось выше: что къ публичному промыслу развратомъ обращаются женщины бѣднѣйшихъ, наименѣе обезпеченныхъ и наименѣе культурныхъ классовъ, — обращаются, слѣдовательно, во избѣжаніе голода и нужды. Отсюда становится понятной и ничтожная цифра, напр., представительницъ купеческаго сословія, которая, однакожъ, вовсе не означаетъ еще, чтобы сословіе это отличалось бо́льшей чистотой нравовъ, чѣмъ крестьянское и мѣщанское. Нашъ выводъ подкрѣпляетъ, между прочимъ, и сравнительно высокая цифра проституточкъ изъ солдатскихъ женъ и дочерей. Мы въ своемъ мѣстѣ видѣли, что и въ средѣ столичнаго нищенства лица воинскаго званія составляютъ весьма значительный процентъ, и тогда-же отмѣтили этотъ фактъ, какъ указаніе на крайне незавидное матеріальное положеніе отставныхъ солдатъ и ихъ семей вообще. То же самое приходится повторить и здѣсь, при видѣ значительной цифры представительницъ воинскаго званія въ рядахъ столичной проституціи, что́, съ другой стороны, ясно указываетъ намъ, какія именно соціально-экономическія условія создаютъ, главнымъ образомъ, позорный промыселъ развратомъ.

Весьма интересны свѣдѣнія о числѣ инородокъ и иностранокъ въ обозрѣваемой средѣ. Извѣстно, что въ петербургскомъ полусвѣтѣ высшаго полета иностранки преобладаютъ; ихъ, дѣйствительно, немало и по статистикѣ врачебно-полицейскаго комитета, но только не француженокъ, вопреки сложившейся на этотъ счетъ традиціи. Господствующее мѣсто, по численности, занимаютъ здѣсь дочери поэтической Германіи, а въ ихъ числѣ — прусскія подданныя по преимуществу. Такъ, въ средней годичной сложности за девятилѣтіе, всѣхъ иностранокъ, промышлявшихъ въ Петербургѣ развратомъ, было— 294; изъ нихъ только 26 француженокъ, весьма ничтожный процентъ англичанокъ, итальянокъ, швейцарокъ и турецкихъ даже подданныхъ, а остальныя—всѣ принадлежали къ саксоно-тевтонской расѣ, и между ними однѣхъ пруссачекъ было 174 или почти двѣ трети. Замѣчательно, при этомъ, что такое преобладающее нашествіе къ намъ дочерей побѣдоносной Пруссіи особенно усилилось въ послѣдніе годы со времени столь славной и прибыльной, казалось бы, для тевтонской расы, франко-нѣмецкой войны. Напримѣръ, въ 1869 г. въ спискахъ врачебно-полицейскаго комитета состояло всего 58

прусскихъ подданныхъ, а въ семидесятыхъ годахъ ихъ число быстро возрастаетъ и доходитъ въ 1875 г. до 211. Вообще же, численное господство пруссачекъ въ рядахъ международной проституціи, акклиматизовавшейся въ Петербургѣ, объясняется, конечно, ближайшимъ сосѣдствомъ ихъ любезнаго Vaterland'а съ Россіей и съ нашей столицей.

Что касается инородокъ, то врачебно-полицейская статистика даетъ намъ, почему-то, полныя свѣдѣнія только объ однѣхъ «уроженкахъ» Финляндіи, Западнаго и Остзейскаго краевъ (въ счетъ Западнаго края вошли и уроженки Царства Польскаго). Между тѣмъ, хорошо извѣстно, что въ средѣ петербургской промышленной проституціи, особенно за послѣднее время, видное мѣсто, по численности, занимаютъ еврейки; но врачебно-полицейскій комитетъ, очевидно занесъ ихъ въ сословныя рубрики, и только за одинъ 1869 годъ обозначилъ ихъ особо и по національности. Тогда евреекъ-проститутокъ считалось всего 32—цифра, безъ сомнѣнія, неизмѣримо далекая отъ дѣйствительности. О другихъ вышеупомянутыхъ инородкахъ узнаёмъ, что въ девятилѣтней средней сложности было:

Уроженокъ	Финляндіи	209
»	Остзейскаго края	223
»	Западнаго »	105

Всего, значитъ, инородокъ 537 или до 20% общаго числа проститутокъ, вѣдаемыхъ врачебно-полицейскимъ комитетомъ (2776), т. е., живущихъ въ публичныхъ домахъ и клейменныхъ «одиночекъ». Вмѣстѣ-же съ 294-мя иностранными подданными, весь иноплеменный элементъ въ обозрѣваемой статистической группѣ составляетъ почти 30%. Не можемъ не отмѣтить здѣсь этого, весьма выгоднаго для чести нашей коренной національности, отношенія, если только оно можетъ служить предметомъ національной гордости. Дѣло въ томъ, что, по переписи 1869 г., въ Петербургѣ на каждые сто жителей сплошь оказывалось—русскихъ православныхъ 84, а иноплеменниковъ и иновѣрцевъ 16. Между тѣмъ, изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что на каждыя сто петербургскихъ проститутокъ—коренныхъ русскихъ 70, а иногородокъ — 30. Изъ этого можно было-бы заключить, что инородческое населеніе въ столицѣ выдѣляетъ, относительно, вдвое болѣе проститутокъ, чѣмъ коренное русское; но

этотъ выводъ вѣроятенъ только по отношенію къ такъ называемому полусвѣту, т. е. къ «культурному» слою проституціи, удовлетворяющему гетерическій спросъ развратниковъ привилегированныхъ, зажиточныхъ классовъ. А еслибы считать всѣхъ проститутокъ въ Петербургѣ или, еслибъ приведенъ былъ въ извѣстность племенной составъ, по крайней мѣрѣ, той многочисленной группы ихъ, которая подъ именемъ «бродячихъ» промышляетъ въ трущобахъ среди простаго народа, то, разумѣется, указанное отношеніе существенно измѣнилось-бы не къ выгодѣ русской національности.

Многіе изслѣдователи обозрѣваемой общественной язвы давно замѣтили, что падшія женщины, промышляющія своимъ тѣломъ, отличаются замѣчательной склонностью къ передвиженію, къ перемѣнѣ мѣста, положенія и состоянія. Дѣйствительно, этотъ злосчастный народъ необыкновенно подвиженъ; онъ, точно, мечется съ мѣста на мѣсто и непрерывно измѣняется въ своемъ составѣ. Статистическія данныя врачебно-полицейскаго комитета свидѣтельствуютъ, что составъ вѣдаемыхъ имъ женщинъ ежегодно мѣняется почти на половину— однѣ уходятъ съ рынка разврата, другія, новыя, приходятъ. Въ среднемъ разсчетѣ за девятилѣтіе, изъ 2.776 женщинъ ежегодно выбывало изъ списковъ комитета 1.081 или почти 39% по нижеслѣдующимъ поводамъ и причинамъ:

Поступило на поручительство	38
» въ услуженіе	18
» въ дома милосердія	18
» въ комитетъ нищихъ.	2
За оставленіемъ разврата.	103
» выходомъ въ замужество.	12
» выѣздомъ изъ столицы	225
» неизлѣчимой болѣзнью и старостью	11
» смертью	76
» высылкой по распоряженію администраціи . .	17
» » по приговору суда.	1
Укрывалось отъ надзора.	566

Какъ можно заключить изъ обзора этихъ цифръ, огромное большинство случаевъ выбытія женщинъ изъ списковъ комитета означаетъ вовсе не оставленіе ими позорнаго промысла, а просто—

необыкновенную наклонность къ непосѣдливости и скитальчеству. Изъ всей суммы представленныхъ случаевъ только въ 179-ти (16%) моралистъ можетъ сдѣлать утѣшительное предположенiе, что фигурирующiя въ нихъ женщины возвратились на путь добродѣтели. Эти случаи: оставленiе разврата, поступленiе въ услуженiе, выходъ въ замужество и т. под. Но, быть можетъ, самое достовѣрное и вполнѣ безошибочное заключенiе въ этомъ смыслѣ можно сдѣлать только о тѣхъ жертвахъ общественнаго темперамента, которыя съ ложа разврата непосредственно переходятъ въ ложе сырой земли. Здѣсь мы переходимъ къ знаменательному факту,—ранѣе нами указанному,— чрезмѣрнаго развитiя болѣзненности и смертности въ средѣ проститутокъ, какъ прямому послѣдствiю ихъ «каторжнаго» промысла и убiйственнаго образа жизни.

Высчитано, что въ Петербургѣ, пользующемся репутацiей замѣчательно нездороваго города, — ежегодно заболѣваетъ приблизительно 1 изъ 5 жителей, а умираетъ 1 изъ 24. Между тѣмъ, намъ извѣстно, что однимъ сифилисомъ, по свѣдѣнiямъ комитета, ежегодно болѣетъ до 2,800 проститутокъ (считая, собственно, не лицъ, а случаи заболѣванiя), что́, на 5,277 женщинъ, промышляющихъ развратомъ (въ томъ числѣ и «бродячихъ»), составляетъ слишкомъ 50% заболѣванiя или 1 больную изъ 2. Что касается смертности, то, не смотря на то, что, при раскладкѣ ея случаевъ въ средѣ подчиненныхъ надзору женщинъ, приходится 1 случай на 36 женщинъ, слѣдовательно, менѣе такого-же отношенiя, существующаго для всего столичнаго населенiя; но на самомъ дѣлѣ при соображенiи всѣхъ условiй смертность среди проститутокъ должна представиться чрезвычайной.

Прежде всего, нужно принять во вниманiе, что плотоядный общественный темпераментъ требуетъ жертвъ отборныхъ въ физическомъ отношенiи — молодыхъ, свѣжихъ, здоровыхъ и красивыхъ. Проституцiя тѣмъ и ужасна, что она собираетъ свою жатву съ цвѣта женскаго населенiя и, съ прихотливостью ненасытнаго обжоры, требуетъ непрерывнаго освѣженiя своего продовольствiя человѣческимъ тѣломъ. Должно замѣтить, что огромное большинство проститутокъ—на подборъ молодыя женщины, въ разцвѣтѣ силъ, и индивидумы старѣе 45 лѣтъ встрѣчаются между ними чрезвычайно рѣдко. Это можно видѣть изъ слѣдующей таблички, рисующей распредѣленiе нашихъ героинь по возрастамъ, въ четырехлѣтней слож-

ности, съ 1869 по 1872 годъ (за другіе годы этихъ свѣдѣній въ отчетахъ врачебно-полицейскаго комитета нѣтъ):

Отъ 15 до 20 лѣтъ	. .	560	или 19%
» 20 » 25 »	. .	1,107	» 38 »
» 25 » 30 »	. .	597	» 20 »
» 30 » 35 »	. .	284	» 10 »
» 35 » 40 »	. .	134	» 4 »
» 40 » 45 »	. .	52	» 2 »
Старѣе . . 45 »	. .	12	» — »
Неизвѣстныхъ лѣтъ	. .	172	» 5 »

Такимъ образомъ оказывается, что почти четыре пятыхъ (77%) проститутокъ состоятъ изъ женщинъ цвѣтущаго возраста — отъ 15 до 30-ти лѣтъ. Этимъ-же обстоятельствомъ, въ связи съ другими причинами, обусловливается и тотъ фактъ, что по семейному состоянію, онѣ, въ огромномъ большинствѣ, числятся дѣвицами. Такъ, изъ 2,917 женщинъ (по среднему разсчету за 4 года съ 1869 по 1872 г.) было: дѣвицъ — 2,199, замужнихъ — 223, вдовъ — 196, неизвѣстнаго положенія — 299. Конечно, въ этомъ случаѣ слѣдуетъ изумляться не преобладанію холостыхъ проститутокъ надъ замужними, а, напротивъ, присутствію сихъ послѣднихъ— весьма, къ тому-жъ, ощутительному — въ рядахъ столь антисемейственной среды.

Намъ остается опредѣлить еще степень культурности нашихъ героинь. Она не высока, какъ и слѣдовало ожидать. Не говоря уже объ образованіи, даже простая грамотность большинству ихъ не знакома. По спискамъ комитета за четырехлѣтіе, въ среднемъ выводѣ, изъ 2,398 опрошенныхъ проститутокъ оказалось грамотныхъ— 817, неграмотныхъ—1,581, или почти двѣ трети, тогда какъ въ массѣ всего петербургскаго населенія отношеніе это обратно противоположное: на два грамотныхъ жителя одинъ—неграмотный. Ясно, слѣдовательно, что въ числѣ другихъ побудительныхъ причинъ для разврата этихъ несчастныхъ служитъ также и умственная темнота, такъ что къ опредѣленію поэта, что онѣ суть «дочери нищеты и несчастья» слѣдовало-бы прибавить: «и невѣжества».

Часть 2-я

Міръ преступленій.

I.

Уголовная статистика.

До сихъ поръ мы старались, по возможности, точно опредѣлить и изслѣдовать, съ одной стороны, соціально-экономическія и нравственно-бытовыя условія, создающія въ массѣ столичнаго населенія опасный «неблагонадежный классъ», и, съ другой — самый этотъ классъ, въ его главныхъ видовыхъ группахъ, какъ специфическую среду, выдѣляющую положительныхъ преступниковъ и, вообще, служащую наиболѣе плодородной почвой для зарожденія всякаго рода дѣяній, нарушающихъ правовой порядокъ въ смыслѣ уголовномъ.

Теперь мы перейдемъ непосредственно къ самимъ преступникамъ и преступнымъ дѣяніямъ, по скольку они приведены въ извѣстность и сосчитаны полиціей и судомъ. При этомъ, однако-же, необходимо постоянно имѣть въ виду, — о чемъ мы уже въ своемъ мѣстѣ упоминали,—что отъ вѣдѣнія существующихъ органовъ законности и справедливости ускользаетъ очень много дѣйствій безнравственныхъ и даже преступныхъ, совершаемыхъ скрытно или безнаказанно, подъ разными благовидными масками легальности, привилегированнаго положенія, авторизированнаго въ своихъ рѣшеніяхъ произвола и т. под. Чуткая къ справедливости совѣсть не можетъ, конечно, успокоиваться на дешевыхъ успѣхахъ юстиціи по пресѣченію и каранію, по всей строгости законовъ, пойманныхъ лишь, элементарныхъ воровъ, грабителей и убійцъ, въ то время, когда несравненно болѣе, быть можетъ, преступные, но пока «непойманные» нарушители

человѣческихъ правъ, хищники и расточители народнаго благосостоянія и завѣдомые злодѣи общества не только остаются безнаказанными, но кичливо фигурируютъ въ «красномъ углу», въ качествѣ избранной «соли земли»... Требованія такой гражданской совѣсти мы вполнѣ сознаемъ, но отвѣтить на нихъ достодолжно не можемъ, помимо разныхъ стороннихъ причинъ, потому, главнымъ образомъ, что задача наша, строго очерчиваемая наличнымъ статистическимъ матеріаломъ, состоитъ по преимуществу въ изслѣдованіи только тѣхъ явленій нравственной патологіи общества, которыя приведены въ категорическую извѣстность и сосчитаны,—къ нимъ мы и обратимся сейчасъ безъ дальнѣйшихъ околичностей.

Чтобы опредѣлить численно весь объемъ уголовной преступности столичнаго населенія и все количество выдѣляемыхъ изъ его среды и судимыхъ преступниковъ, всего проще, повидимому, привести въ извѣстность среднія годовыя данныя, представляемыя статистикой тюремъ, полицейскихъ домовъ и судовъ. Данныя эти за обозрѣваемый періодъ (съ 1868 по 1877 г.) представляются въ такомъ видѣ:

Содержалось подъ арестомъ:		
а) въ городскихъ тюрьмахъ	16,288	чел.
б) въ полиц. домахъ (по подозрѣнію въ уголовн. и друг. преступленіяхъ) .	13,469	»
Дѣлъ уголовныхъ производилось:		
а) въ окружномъ судѣ	4,456	»
б) въ мировомъ судѣ около	25,000	»

Табличка эта требуетъ, однако, оговорки. Во-первыхъ, нужно принять во вниманіе, что многіе изъ арестованныхъ полиціею, по подозрѣнію въ уголовныхъ преступленіяхъ, впослѣдствіи перешли въ тюрьмы, слѣдовательно, они записаны здѣсь дважды; во-вторыхъ, не мало заподозрѣнныхъ и судившихся по уголовнымъ дѣламъ и вовсе могли избѣжать ареста или подвергались, такъ называемому, домашнему аресту. По этимъ соображеніямъ, остается руководиться лишь статистикой суда, для точнаго численнаго опредѣленія уголовной судимости въ средѣ столичнаго населенія. По вышеприведеннымъ даннымъ, можно положить до 30,000 случаевъ такой судимости въ годъ, и—только лишь случаевъ, такъ какъ число лицъ, бывшихъ

причастными къ этимъ случаямъ, намъ не извѣстно, какъ не можемъ мы сказать также съ опредѣленностью, какой процентъ изъ всей суммы уголовныхъ дѣлъ кончался оправданіемъ подсудимыхъ. Примемъ во всякомъ случаѣ приведенную огульную цифру — 30,000 случаевъ уголовной судимости, какъ приблизительное, среднее мѣрило выплачиваемой столичнымъ населеніемъ годичной «подати преступленію», уже непосредственно, по прямому адресу, записываемой на приходъ торжествующей вицмундирной Ѳемиды.

Хотя мы и не очень полагаемся на бдительность и всеобъемлемость послѣдней, но нельзя не сказать, судя по цифрѣ ея прихода, что она очень дѣятельно хлопочетъ объ исправленіи нравовъ и возмездіи грѣховностей столичнаго населенія. Тридцать тысячъ уголовныхъ преслѣдованій на 670 т. жителей—пропорція весьма внушительная, почти потрясающая, ибо это выходитъ, что почти одинъ изъ 22 обывателей ежегодно привлекается къ суду по обвиненію въ криминальномъ дѣяніи! И это еще по самой малой мѣрѣ, предполагая только по одному подсудимому на каждый случай, тогда какъ извѣстно, что во многихъ дѣлахъ подсудимыхъ бываетъ по нѣсколько человѣкъ. Правда, въ нашъ счетъ, по практикѣ окружнаго суда, вошла вся сумма производимыхъ въ немъ дѣлъ, въ числѣ которыхъ есть немало дѣлъ, возбуждаемыхъ внѣ Петербурга — въ районѣ его судебнаго округа, но число послѣднихъ не можетъ быть велико, и изъятіе ихъ изъ нашей валовой цифры весьма немногимъ облегчило-бы тяжесть грѣхопаденія, лежащаго на совѣсти исключительно петербуржцевъ въ такомъ ужасающемъ размѣрѣ. Можно утѣшаться развѣ только тѣмъ, что почти три четверти общей суммы производимыхъ петербургскими судами уголовныхъ дѣлъ—дѣла мелкія и неважныя, не выходящія изъ вѣдѣнія мироваго суда, на долю котораго и приходится ихъ до 25 т. Но Богъ вѣсть еще—утѣшеніе-ли это? Мелкія преступленія не всегда знаменуютъ меньшую степень нравственной испорченности преступника. Бываетъ часто совершенно напротивъ, какъ увидимъ дальше. Крупныя и тяжкія преступленія требуютъ извѣстной, несовсѣмъ обыкновенной напряженности воли и сопровождаются слишкомъ большимъ рискомъ, на который опытный, искусившійся въ темномъ промыслѣ, преступникъ идетъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ и крайне неохотно, предпочитая лиходѣйствовать по мелочамъ, гдѣ безопаснѣе и гдѣ, въ случаѣ «пресѣченія», ему можно отдѣлаться болѣе или менѣе легкимъ наказаніемъ.

Слѣдовательно, незначительностью законопреступныхъ дѣяній никакъ не слѣдуетъ обольщаться, при оцѣнкѣ уровня нравственности плательщиковъ «подати» преступленію... Обыкновенно, профессіональные мелкіе воришки, плуты и мошенники, титулуемые улицей собирательною кличкой «мазуриковъ» и «жуликовъ», представляютъ собою самыхъ безнравственныхъ, неисправимо испорченныхъ субъектовъ въ населеніи тюремъ, не выключая убійцъ, что подтверждаютъ и наблюденія тюрьмовѣдовъ. Такимъ образомъ, предположенное нами, въ интересѣ доброй славы Петербурга, утѣшеніе оказывается весьма призрачнымъ; но всмотримся ближе въ раскрывающійся передъ нами мрачный міръ человѣческихъ паденій и преступленій, вражды и хищности, неосторожно переступившихъ предѣлы, гарантированные для ихъ проявленія закономъ, столь покладистымъ для «нѣмѣющихъ передъ нимъ», по выраженію Чичикова, хищниковъ и живодеровъ, съ лойальными минами на физіономіяхъ и съ форменными патентами въ карманѣ.

Чтобы ознакомиться ближе съ этимъ міромъ статистически, намъ должно прежде всего обратиться къ полицейской дѣятельности по пресѣченію преступленій и проступковъ, обнаруживаемыхъ въ средѣ столичнаго населенія. Выше мы привели валовую цифру арестовъ, производимыхъ полиціей спеціально по подозрѣнію въ уголовныхъ преступленіяхъ и по нарушенію порядка и благочинія. Всѣхъ ихъ, въ среднемъ годовомъ разсчетѣ, производилось 13,469 (или по 2 на каждые сто жителей); въ томъ числѣ: по уголовнымъ преступленіямъ—7,330, по нарушеніямъ порядка и благочинія—6,116, дезертировъ—23. Но, кромѣ счета арестованныхъ преступниковъ, полиція ведетъ довольно подробную и весьма любопытную вѣдомость самихъ преступленій. Приводимъ ее въ сводкѣ за девятилѣтіе (съ 1869 по 1877 г.) по среднему годовому разсчету, а именно:

	Число случаевъ.
Святотатства	8.
Убійства.	12.
Поджоги.	9.
Изнасилованіе женщинъ . . .	12.
Кражи	2,858.
Дѣланіе и распространеніе фальшивыхъ денегъ.	23 *)

*) Послѣдняя цифра выведена только за восемь лѣтъ.

Всѣхъ случаевъ—2,924, обозначающихъ собою наиболѣе важныя преступленія, обнаруживаемыя полиціею; но, надо полагать, они далеко не всѣ, судя, во-первыхъ, по значительно превосходящей выведенное здѣсь число цифрѣ арестовъ по уголовнымъ преступленіямъ, а, во-вторыхъ, по цифрѣ протоколовъ, составляемыхъ полиціей по тѣмъ-же преступленіямъ. Такъ, въ девятилѣтней сложности, полиція ежегодно составляла такихъ протоколовъ—6,164. Къ сожалѣнію, подробнаго обозначенія и классификаціи случаевъ, вызывавшихъ эти протоколы, не имѣется; но приведенную здѣсь валовую цифру послѣднихъ необходимо запомнить для наиболѣе близкаго опредѣленія дѣйствительнаго размѣра уголовной преступности столичнаго населенія. Характеризовать ее могутъ еще отчасти слѣдующія данныя.

Во-первыхъ, изъ полицейской статистики узнаемъ, что, при изслѣдованіи и разъисканіи преступленій, было производимо полиціей ежегодно 2,352 «обысковъ и выемокъ» (въ эту цифру не входятъ акты спеціальной дѣятельности сыскной, тайной полиціи, о чемъ будетъ говорено ниже); во-вторыхъ, въ отчетности о движеніи составляемыхъ полиціей протоколовъ по преступленіямъ, показано, что такихъ протоколовъ было передаваемо полиціей судебнымъ слѣдователямъ по 2,114 ежегодно. Зная юридическое значеніе обысковъ въ уголовномъ процессѣ, а также мотивы передачи дѣлъ судебнымъ слѣдователямъ, мы можемъ найти въ этихъ данныхъ нѣкоторое указаніе на численный объемъ совершаемыхъ въ столицѣ криминаловъ первостепенной важности. Замѣтимъ, что цифры такихъ обысковъ и передачъ близко совпадаютъ съ выше показаннымъ числомъ преступленій, приведенныхъ въ извѣстность полицейской статистикой.

Приведенная выше сводка случаевъ важнѣйшихъ преступленій, совершавшихся въ столицѣ за обозрѣваемый періодъ, хотя интересна сама по себѣ, но съ точки зрѣнія нравственной статистики—каждый фактъ и каждая цифра имѣютъ постольку лишь значенія, поскольку могутъ служить дѣйствительнымъ мѣриломъ степени нравственности даннаго населенія. Что-же выражаютъ собою приведенныя цифры уголовной преступности въ Петербургѣ? Значатъ-ли онѣ, что эта преступность сильно развита, или—наоборотъ? Имѣемъ-ли мы здѣсь какое нибудь мѣрило для опредѣленія уровня нравствен-

ности столичнаго населенія за данное время, чтобы сказать—высокъ онъ или низокъ?

Сколько нибудь точный отвѣтъ на эти вопросы можно дать только путемъ сравнительнымъ, потому что, какъ правильно замѣтилъ г. Карновичъ въ своемъ статистическомъ описаніи Петербурга, «перечень преступленій безъ характеристики послѣднихъ не можетъ имѣть никакого значенія для опредѣленія народной нравственности, такъ какъ въ цифрахъ, изъ которыхъ мы узнаемъ о числѣ преступленій, не заключается никакой ихъ нравственной оцѣнки, и потому самому подобныя числовыя свѣдѣнія, лишенныя, такъ сказать, внутренняго содержанія, никакъ не позволяютъ сдѣлать общій выводъ ни объ успѣхахъ, ни объ упадкѣ народной нравственности...». Позволяютъ-же это сдѣлать только сравнительные выводы, которые мы имѣемъ возможность произвести, благодаря именно книгѣ г. Карновича. Въ ней мы находимъ свѣдѣнія о главнѣйшихъ преступленіяхъ въ Петербургѣ за пятилѣтіе съ 1853 по 1857 годы.

Въ теченіе этого періода было совершено 33 убійства или, по среднему разсчету, немного болѣе 6-ти въ годъ, 18 святотатствъ или около 4-хъ въ годъ, 97 грабежей или почти 20 въ годъ, 3 «зажигательства» — менѣе 1 въ годъ и ежегодно по 265 «значительныхъ кражъ». Всѣхъ жителей тогда въ Петербургѣ считалось 523,721. Сдѣлаемъ теперь параллельную раскладку числа преступленій на общее число жителей за два періода— сосчитанный г. Карновичемъ и нами (грабежи въ рубрикѣ г. Карновича мы присоединимъ къ кражамъ, такъ какъ въ новѣйшей полицейской статистикѣ этотъ родъ преступленій не обозначается особо). При этомъ разсчетѣ окажется, что на каждыя сто тысячъ жителей было совершаемо:

	Въ 1853—1857 гг.	Въ 1869—1877 гг.
Убійствъ.	$1_{,2}$	$2_{,3}$
Святотатствъ. . . .	$0_{,7}$	$1_{,2}$
Поджоговъ.	$0_{,01}$	$1_{,3}$
Кражъ.	55	426

Поверхностный взглядъ на эту паралель убѣждаетъ въ той грустной истинѣ, что, сравнительно, на разстояніи съ неболь-

шимъ десяти лѣтъ, преступность въ Петербургѣ значительно, частью даже въ ужасающей прогрессіи, возросла и, слѣдовательно, нравственность его населенія въ равномѣрной степени понизилась. Это говорятъ намъ нелицемѣрныя цифры. Вопросъ можетъ быть только, въ какой степени онѣ достовѣрны и насколько можно на нихъ положиться? И г. Карновичъ, и мы взяли ихъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, и хотя авторитетъ оффиціальной статистики не изъ числа неоспоримыхъ, хотя въ нашемъ случаѣ сравнительный выводъ относительно кражъ, напримѣръ, можетъ подлежать сомнѣнію, потому что г. Карновичъ сосчиталъ только «значительныя» кражи; но во всякомъ случаѣ такія цифры, какъ объ убійствахъ, въ счетѣ которыхъ, по его незначительности, немыслимо допустить ошибки и пропуски, можно, кажется, принять за вполнѣ достовѣрныя. А въ такомъ случаѣ, сравнительная параллель однѣхъ только убійствъ, какъ преступленій величайшей важности, можетъ уже послужить достаточнымъ элементарнымъ мѣриломъ нравственнаго уровня даннаго населенія. И предъ нами краснорѣчивый фактъ, что, сравнительно съ пятидесятыми годами, число убійствъ въ Петербургѣ въ семидесятыхъ годахъ почти удвоилось! Не станемъ вдаваться въ какія нибудь дальнѣйшія заключенія, по поводу этого неблагопріятнаго для репутаціи современнаго Петербурга вывода, и обратимся къ прерванной нити нашего изслѣдованія.

Въ предупрежденіи и пресѣченіи преступленій въ столицѣ весьма важную роль играетъ сыскная полиція, цѣль учрежденія которой и состоитъ, главнымъ образомъ, въ открытіи и поимкѣ преступниковъ и интимномъ разслѣдованіи ихъ темныхъ дѣяній. Мы не знаемъ, слѣдуетъ-ли считать результаты дѣятельности, такъ называемаго, «сыскнаго отдѣленія» петербургской полиціи независимо отъ общей полицейской статистики по данному предмету, или-же они вошли въ ея рубрики и только повторены въ отчетахъ «отдѣленія», какъ спеціальный объектъ его розысковъ «по особымъ порученіямъ». Во всякомъ случаѣ, дѣятельность сыскной полиціи, весьма любопытная сама по себѣ, знакомитъ насъ, такъ сказать, съ черной, подготовительной работой по открытію, штудированію и препариванію преступленій къ услугамъ правосудія, и мы на ней здѣсь остановимся, поскольку намъ могутъ для этого дать матеріалъ печатные оффиціальные отчеты. Кромѣ этихъ отчетовъ, мы воспользуемся еще статейкой нѣкоего г. И. Т., напечатанной не очень давно въ «Нов.

Времени» и представляющей едва-ли не единственный въ нашей печати, сколько нибудь обстоятельный рефератъ о столичной сыскной полиціи, организація и дѣятельность которой оставляется, почему-то, подъ непроницаемой завѣсой канцелярской тайны, и мы о нихъ ровно ничего не знаемъ.

Г. И. Т., которому «доводилось просматривать годовые отчеты» сыскной полиціи, «поражался громадной цифрой перечня разныхъ бумагъ и дѣлъ, прошедшихъ чрезъ ея руки». Дѣйствительно, бумажное дѣлопроизводство сыскнаго отдѣленія изумительно плодовито, какъ можно судить по слѣдующимъ, по истинѣ, ужасающимъ цифрамъ. Такъ, по нашимъ источникамъ, въ теченіе девяти лѣтъ (съ 1869 по 1877 г.) въ сыскномъ отдѣленіи обернулось «входящихъ» и «исходящихъ» бумагъ 407,193, или по 40,243 ежегодно, въ среднемъ выводѣ! Кромѣ того, за тотъ-же періодъ выпущено имъ и получено 22,609 депешъ, или по 2,512 ежегодно; въ находящейся при немъ фотографіи снято 32,923 фотографическихъ карточекъ съ разныхъ достопамятныхъ въ криминальномъ отношеніи лицъ; и, наконецъ, въ немъ велась алфавитная вѣдомость свѣдѣній ежегодно, по среднему разсчету, о 49,082 разнаго рода подозрительныхъ лицахъ.

Это громадное бумажное производство любопытно, кажется, только по своему гомерическому объему, такъ какъ оно состояло, вѣроятно, главнымъ образомъ въ отпискахъ и отношеніяхъ для соблюденія канцелярской проформы. Судя по указаніямъ полицейскихъ отчетовъ, казенной бумаги расходовалось сыскнымъ отдѣленіемъ много или, по крайней мѣрѣ, ея расходъ далеко не соотвѣтствовалъ объему сыскной практики. Такъ, изъ всей массы бумагъ, обращавшихся въ отдѣленіи, только 4,505 номеровъ ежегодно представляли собою исполнительныя «распоряженія по производству разысканій». Да и изъ этого числа бумагъ, такъ называемаго, «общаго наряда», по компетентному свидѣтельству г. И. Т., «чуть ли не девять десятыхъ номеровъ падали на предписанія о скрывавшихся разныхъ лицахъ, вовсе иногда не совершившихъ никакого преступленія, о сбѣжавшихъ домашнихъ животныхъ и объ утерянныхъ вещахъ, и развѣ только остальная одна десятая часть относилась собственно къ розыскамъ по уголовнымъ дѣламъ».

Въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ сыскной полиціи не можетъ не поражать огромная цифра заинтересовавшихъ ея вниманіе обывателей, о которыхъ она собираетъ и регистрируетъ «свѣдѣнія въ

алфавитномъ порядкѣ», на что́ мы уже указывали мелькомъ въ своемъ мѣстѣ. Этихъ «знакомыхъ незнакомцевъ» сыскной полиціи состоитъ въ ея спискахъ 49,082, которые, comme de raison, должны представлять собою, такъ сказать, сливки «неблагонадежнаго класса» въ средѣ столичнаго населенія. Оно такъ почти и есть, если полагаться на точность цифръ и свѣдѣній сыскной статистики, къ сожалѣнію, весьма неполныхъ въ обозрѣваемыхъ отчетахъ и приведенныхъ подробно только за два года (1869 и 1870-й). Воспользуемся тѣмъ, что есть, такъ какъ это все таки дастъ намъ приблизительное представленіе о составѣ вѣдаемаго сыскной полиціей ультра-неблагонадежнаго, какъ надо думать, класса. Въ сложности, за означенные два года состояло ежегодно «подъ сомнѣніемъ» у сыскнаго отдѣленія, въ его алфавитныхъ спискахъ,— 29,338 лицъ, въ томъ числѣ:

Содержавшихся въ мѣстахъ заключенія . . .	19,935
Разъискиваемыхъ по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ	4,983
Подозрительныхъ.	1,436
Евреевъ, прибывшихъ въ столицу	1,897
» выбывшихъ изъ столицы	1,086

При обозрѣніи этихъ «свѣдѣній», васъ, быть можетъ, нѣсколько озадачитъ весьма неопредѣленная категорія—«подозрительныхъ», которыхъ слѣдовало бы ужь назвать сугубо-подозрительными, что-ли, потому что, вѣдь, и всѣ остальныя категоріи списковъ сыскной полиціи равно состоятъ у нея подъ подозрѣніемъ?—Объяснить досконально эту номенклатурную тонкость сыскныхъ статистиковъ мы не умѣемъ; но, быть можетъ, нѣкоторое разъясненіе ей дастъ намъ цифра «задержанныхъ и высланныхъ изъ столицы» сыскной полиціей неблагонадежныхъ лицъ, на основаніи ея собственнаго безъапеляціоннаго усмотрѣнія и «подозрѣнія»,—«за праздношатательство», какъ изъяснено лаконически въ одномъ изъ ея отчетовъ, хотя «бродягамъ» и безпаспортнымъ одновременно велся тамъ же особый счетъ. Такихъ изгнанниковъ адресовалось сыскной полиціей изъ столицы въ пространство по 540 чел. ежегодно, а въ 1875 г., почему-то, она вдругъ вытурила ихъ 1,600 чел. «Праздношатательство-ли» въ этомъ году чрезмѣрно развилось въ столицѣ, или

подозрительность сыскнаго отдѣленія испытала пароксизмъ чрезмѣрнаго напряженія—неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, въ этомъ деликатномъ вопросѣ у нея, какъ говорится, «своя рука—владыка»...

Весьма интересна также внимательность сыскнаго отдѣленія къ представителямъ израильскаго племени—внимательность, какой не удостоивается ни одинъ другой «языкъ» изъ обрѣтающихся въ Петербургѣ. По однодневной переписи 1869 г., всѣхъ евреевъ въ Петербургѣ было насчитано 5,027. А въ томъ же году состояло ихъ на лицо въ алфавитномъ спискѣ отдѣленія 2,651; слѣдовательно, изъ двухъ израильтянъ болѣе чѣмъ одинъ пользовался теплой, интимной заботливостью сыскной полиціи...

Какъ обозначено выше, біографическія свѣдѣнія о представителяхъ неблагонадежнаго класса столицы сыскная полиція иллюстрируетъ еще портретами, снимаемыми въ ея спеціальной фотографіи. Судя по числу этихъ портретовъ, богатство альбомовъ полиціи баснословное; но, кажется, попасть въ нихъ удостоиваются только такіе субъекты, выразительныя физіономіи которыхъ, почему-либо, особенно приглянулись чинамъ сыскнаго отдѣленія и они желали-бы покрѣпче запечатлѣть ихъ въ своей памяти. Это по большей части, важные преступники и, вообще, представители classe dangereuse вполнѣ упроченной, солидной репутаціи, которые нерѣдко, въ случаяхъ преступленій, и открываются сыщиками, благодаря ихъ карточкамъ. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что, начиная съ 1874 г., производительность сыскной фотографіи, почему-то, значительно сократилась. Въ то время, какъ въ прежніе годы она воспроизводила отъ 6 до 8,000 въ годъ портретныхъ карточекъ, въ послѣдніе—число ея снимковъ упало до нѣсколькихъ сотъ—не болѣе.

Любознательность сыскной полиціи находитъ себѣ довольно существенное и цѣнное подспорье въ особаго рода любительской корреспонденціи, которую въ просторѣчіи называютъ доносами. Такихъ доносовъ, «секретныхъ» и «анонимныхъ», сыскное отдѣленіе получило въ теченіе девяти лѣтъ 4,786, или по 531 въ годъ. Поучительно и любопытно, при этомъ, что интимная литература эта ощутительно развивается и число диллетантовъ сотрудниковъ у сыскной полиціи примѣтно возростаетъ. Въ 1868 г. такого рода корреспонденцій было получено всего 173 и, вообще, до 70-хъ годовъ число ихъ было ниже средней ежегодной цифры за все обозрѣваемое девятилѣтіе; между тѣмъ, въ послѣдніе годы, анонимныхъ

«заявленій» стало прибывать въ почтовомъ ящикѣ отдѣленія по нѣскольку сотъ, а напр., въ 1871 году число ихъ вдругъ возросло до 1586... Содержаніе и значеніе этой переписки составляетъ, конечно, секретъ отдѣленія; но уже одно ея существованіе и прогрессивное процвѣтаніе опровергаютъ, кажется, мрачное мнѣніе г. И. Т., будто бы сыскная полиція такъ-таки во всемъ обществѣ и «не пользуется симпатіей, и сыщикъ—лицо нетерпимое въ немъ; отъ него всѣ отворачиваются, его избѣгаютъ, какъ соглядатая, какъ Іуду-предателя... Совершенно напрасно!—говоритъ со скорбью г. И. Т.—Сыщикъ страшенъ только для преступниковъ; для честныхъ гражданъ—это вѣрный другъ, это неподкупный стражъ, охрана ихъ домашняго очага, спокойствія цѣлой семьи»... Существованіе названной анонимной корреспонденціи и ея объемъ наглядно показываютъ, что въ обществѣ очень многіе смотрятъ на сыщиковъ такъ именно, какъ желаетъ г. И. Т.

Опоэтизированіе сыскной профессіи и идеализація сыщиковъ, какъ неусыпно-добродѣтельныхъ друзей человѣчества, не разъ были предметомъ вдохновеннаго краснорѣчія на газетныхъ страницахъ въ послѣднее, по преимуществу, сыскное время. И отчего-бы не плѣниться отрадной картиной, что надъ вашимъ благомъ и безопасностію, надъ «вашимъ домашнимъ очагомъ и спокойствіемъ вашей семьи» неусыпно бдитъ незримый ангелъ-хранитель, въ образѣ «неподкупнаго стража»—сыщика, «страшнаго только для преступниковъ»? Чего-бы лучше; но остановка лишь затѣмъ, что для внѣдренія въ васъ такой безмятежной, теплой вѣры въ сыскную часть, непремѣнно нужно, чтобы «истинный сыщикъ, какъ говоритъ тотъ-же г. И. Т., былъ высокой честности человѣкъ, неспособный поддаться соблазну, представляющемуся ему чуть не на каждомъ шагу».

Въ этомъ лишь и остановка, что люди «высокой честности», по какому-то нелѣпому предразсудку, не идутъ въ сыщики, и въ то время, какъ «для занятія должности прокурора или судебнаго слѣдователя установленъ извѣстный цензъ, для поступленія въ чины сыскной полиціи—никакого ценза не полагается», съ сожалѣніемъ замѣчаетъ г. И. Т. Въ какой степени вѣроятно, чтобы установленіе ценза, равнаго съ цензомъ для прокуроровъ, могло привлечь въ ряды сыщиковъ просвѣщенныхъ джентльменовъ «высокой честности»—разбирать не будемъ, такъ какъ предметъ этотъ относится уже къ области канцелярскихъ мечтаній; для насъ достаточно знать только,

что самъ г. И. Т., столь идеализирующій сыскную часть, вовсе не доволенъ ни умственнымъ, ни нравственнымъ уровнемъ существующихъ сыщиковъ и признаетъ справедливость раздающихся противъ нихъ «нареканій». Свѣтлый образъ ангела-хранителя, такимъ образомъ, самъ собою испаряется въ нашемъ представленіи.

И то сказать, профессія сыщика настолько трудна и сложна, работа его на столько «черна», неопрятна и требуетъ такой вышколенной игры притворства, лукавства, подхалимства и на все готоваго предательства, что тутъ съ ангельскими добродѣтелями и пріемами шагу ступить-бы нельзя. Нужно помнить, при этомъ, что для того, чтобы добраться до настоящаго преступника, сыскная полиція часто вынуждается налагать свою руку на множество совершенно невинныхъ лицъ, и вѣдь надобно, чтобы тутъ ни предъ кѣмъ и не предъ чѣмъ не дрогнула искусившаяся въ «задержаніи» рука... Дѣло это тяжелое и ужь никакъ не ангельское!

Процедура розысковъ, всегда требующая, разумѣется, извѣстной находчивости, остроумія и изобрѣтательности отъ сыщиковъ, производится однакожъ по разъ выработанной системѣ, построенной на практикѣ сыскнаго дѣла. Главнымъ основаніемъ этой системы служитъ изученіе міра преступниковъ, къ чему и служатъ всѣ эти алфавитные списки и фотографическіе альбомы сыскной полиціи, которая знаетъ или, по крайней мѣрѣ, должна знать всѣхъ «подозрительныхъ лицъ» въ городѣ, т. е. рецидивистовъ, не разъ судившихся за преступленія, людей неопредѣленныхъ занятій или занятій темныхъ, болѣе или менѣе опасныхъ бродягъ и т. под. Когда обнаруживается какое нибудь преступленіе и начинается розыскъ скрывшихся виновныхъ, то сыскная полиція прежде всего ищетъ ихъ слѣды въ этомъ отпѣтомъ мірѣ своихъ близкихъ знакомыхъ и часто безошибочно. Здѣсь у нея всегда есть свои друзья, агенты и пособники, а нерѣдко и agents provocateurs, какъ это не однажды было обнаруживаемо и на судѣ, къ ея великому скандалу.

Основной принципъ сыскнаго дѣла—цѣль оправдываетъ средства; поэтому сыщикъ, вдохновленный благой цѣлью—раскрытія преступленія и преступниковъ, не стѣсняется въ выборѣ средствъ для этого. «Однимъ изъ сильныхъ нареканій,—говоритъ г. И. Т.,—чаще всего раздающихся въ обществѣ—это пристрастные допросы, чинимые подсудимымъ и прикосновеннымъ къ дѣлу лицамъ чинами сыскной полиціи. Эти пристрастные допросы, къ несчастью, подтверждающіеся

во время судебнаго слѣдствія въ окружномъ судѣ, иногда до основанія расшатываютъ стройное зданіе обвиненія»... Кромѣ допросовъ «съ пристрастіемъ», въ формѣ разнаго рода легкихъ моральныхъ и физическихъ истязаній, пускаются въ ходъ соблазны, подкупы и всяческія искушенія. Напр., во время знаменитаго процесса объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ, подсудимая Дарья Соколова показала на судѣ, что вымогавшій отъ нея сознаніе сыщикъ—полицейскій офицеръ—послѣ всяческихъ угрозъ и искушеній, дошелъ наконецъ до такого самоотверженія, что сталъ изъясняться ей въ любви и клялся, что женится на ней, если только она сознается.

Мастеръ по сыскной части, выслѣживая подозрѣваемое въ преступленіи лицо, старается обыкновенно изучить его привычки, слабости и страсти, и потомъ поддѣлаться подъ нихъ. Съ пьяницей онъ начнетъ пьянствовать, съ развратникомъ развратничать, съ шулеромъ заведетъ игру, съ фальшивымъ монетчикомъ самъ прикинется знатокомъ и любителемъ фальшивыхъ денегъ, съ воромъ сговорится по душѣ, какъ свой братъ, и пойдетъ даже съ нимъ на промыселъ. Въ этомъ комедіанствѣ главная сила сыщика, и тутъ идутъ въ дѣло и переодѣванье, и фальшивые волосы, и фальшивыя имена и сочиненіе всевозможныхъ небылицъ въ лицахъ. Для характеристики «находчивости» сыщиковъ, г. И. Т. разсказываетъ одинъ интересный, хотя и «заурядный» случай изъ ихъ практики. Мы приведемъ здѣсь этотъ случай, такъ какъ онъ, кромѣ «находчивости» сыщиковъ, наглядно рисуетъ самую процедуру ихъ ремесла, чего нѣтъ, къ сожалѣнію, въ утилизируемыхъ нами оффиціальныхъ полицейскихъ отчетахъ, гдѣ просто разсказаны только результаты наиболѣе ловкихъ розысковъ чиновъ сыскнаго отдѣленія.

Разъ, зимнимъ утромъ, былъ усмотрѣнъ на одной изъ петербургскихъ площадей трупъ человѣка, по виду чернорабочаго, съ явными признаками насильственной смерти. Убитый оказался безъ паспорта, никому неизвѣстной личностью и—всякіе слѣды преступленія были утеряны. Съ него сняли фотографическую карточку и веденіе слѣдствія о его смерти передали въ сыскную полицію, которая поручила его одному изъ своихъ чиновниковъ. «Задумался сыщикъ надъ задачей. Просматривая чуть ли не въ десятый разъ акты осмотровъ полицейскаго и медицинскаго, онъ остановился на послѣднемъ. Въ медицинскомъ осмотрѣ вниманіе сыщика обратило на себя содержимое въ желудкѣ убитаго. Содержимое это—обыкновенный

картофель. Въ актѣ было сказано: «непереварившійся картофель». Отсюда въ умѣ сыщика проходитъ слѣдующій рядъ соображеній: убитый ѣлъ картофель, ѣлъ онъ его незадолго до убійства. Трупъ найденъ въ 7 часовъ утра. По мнѣнію врачей, видѣвшихъ состояніе трупа, нанесеніе смертельныхъ ранъ предшествовало не болѣе, какъ за одинъ часъ, въ 6 часовъ; стало быть картофель онъ ѣлъ раньше, а, можетъ быть, и наканунѣ вечеромъ. За разъясненіемъ этихъ вопросовъ, сыщикъ обратился къ врачу, производившему вскрытіе трупа. Врачъ объяснилъ ему, что остатки картофеля свидѣтельствовали, что убитый ѣлъ не жареный картофель, а похлебку изъ него, что закусывалъ онъ не съ вечера, ибо тогда пища успѣла бы перевариться, а очевидно не болѣе, какъ за часъ до убійства. Стало быть, въ 5 часовъ утра. У сыщика уже были въ рукахъ драгоцѣнныя нити. Оставалось только узнать, гдѣ именно послѣдній разъ закусывалъ убитый. Мѣстами такими очевидно могли служить разныя харчевни, постоялые дворы и съѣстныя лавки, гдѣ бѣдному рабочему люду подаютъ завтракъ передъ работой. Для этой цѣли сыщикъ пріобрѣлъ себѣ костюмъ чернорабочаго и рано на зорькѣ сталъ бродить возлѣ того мѣста, гдѣ поднятъ трупъ, отъискивая такую харчевню, «гдѣ бы ему, идя на работу, часовъ въ 5 утра, можно было похлебать горячихъ щей или картофельной похлебки. Не сразу попадаетъ онъ на искомое».

Наконецъ ему удается найти такую харчевню, но ихъ оказывается не одна, а нѣсколько однородныхъ. Сыщикъ начинаетъ чередовать свои посѣщенія утреннихъ завтраковъ, вездѣ «разъискивая своего товарища земляка, съ которымъ они вмѣстѣ пришли въ городъ на работы и который ушелъ разъ въ одно утро, да ужь больше и не возвращался»; при этомъ характерно описывалъ портретъ своего земляка, изучивъ наизусть фотографическую карточку покойнаго. Въ одномъ мѣстѣ завсегдатаи заведенія сказали, что точно былъ одинъ мужичекъ, похожій по примѣтамъ, захаживалъ по утрамъ закусывать, и точно вотъ съ тѣхъ поръ и «сюда глазъ не кажетъ, да только тотъ иначе прозывался». За болѣе подробными свѣдѣніями совѣтовали обратиться къ Ванькѣ Майдану, «своему пріятелю», обѣщали даже указать на него, когда придетъ въ заведеніе. «Двѣ недѣли путешествовалъ нашъ сыщикъ, одѣтый чуть не въ рубище, ѣлъ отвратительную картофельную похлебку, якшался и братался со всякимъ людомъ и къ концу этого срока

уже держалъ въ своихъ рукахъ преступника... Подобныхъ примѣровъ не одинъ, ихъ цѣлая масса въ сыскной практикѣ нашихъ доморощенныхъ Лекоковъ».

Что «подобныхъ примѣровъ» находчивости сыщиковъ дѣйствительно масса—этому можно повѣрить, судя уже по цифрамъ дѣятельности сыскнаго отдѣленія по раскрытію преступленій. Правда, эти цифры теряются, по своей сравнительной ничтожности, въ сугробахъ бумажнаго дѣлопроизводства отдѣленія, но однакожъ и онѣ имѣютъ свою цѣну и свой интересъ для насъ, въ изученіи статистики уголовщины, совершаемой въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, узнаёмъ, что, въ теченіе обозрѣваемаго девятилѣтія, сыскной полиціей производилось «по особымъ порученіямъ» розысковъ, среднимъ счетомъ, въ годъ—2056, изъ которыхъ «оканчивалось съ успѣхомъ»—1037, или около половины только, что̀, разумѣется, не даетъ права назвать «успѣхи» сыскной полиціи особенно блестящими. Путемъ успѣшныхъ розысковъ было открываемо ея чинами спеціально, по среднему выводу, въ годъ:

Убійствъ	2*)
Кражъ	268
Поддѣлокъ документовъ и денежныхъ знаковъ	2

При этомъ задерживалось:

Убійцъ	6
Воровъ	389
Дѣлателей фальшивыхъ документовъ .	4
Бродягъ и лицъ, «укрывшихся, безъ прописки»	2023

Эти цифры выражаютъ собою весь объемъ активнаго, исполнительнаго участія сыскной полиціи въ общей суммѣ полицейской дѣятельности въ столицѣ, по предупрежденію и пресѣченію преступленій. Въ нашу задачу не входитъ критика этой дѣятельности, но

*) На самомъ дѣлѣ больше 2, потому что въ теченіи 9-ти лѣтъ было открыто 23 убійцы, слѣд. по 2,5 ежегодно.

не можемъ не отмѣтить, кстати, разъ указаннаго нами факта, что бо́льшая часть полицейскихъ «задержаній», т. е. арестовъ, падаетъ не на явныхъ преступниковъ, даже не на подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ, а на лицъ, провинившихся лишь противъ разнородныхъ паспортныхъ правилъ. Какъ въ общей статистической вѣдомости объ арестахъ, производимыхъ наружной полиціей, преобладаютъ этой категоріи мнимые «преступники», такъ и въ статистикѣ «задержаній» сыскной полиціи они-же составляютъ огромное большинство, судя по вышеприведеннымъ цифрамъ. Что касается послѣдней, то въ ней именно подавляющее число арестовъ падало не на «бродягъ» даже, а просто—на «лицъ, укрывшихся безъ прописки», то есть, стало быть, такихъ лицъ, которыя, еслибы прежде чѣмъ «укрыться», соблюли «прописку», то и задержанію не подверглись бы.

Эти легкомысленные нарушители требованій «прописки» и тому подобныхъ паспортныхъ правилъ составляютъ самый тяжеловѣсный балластъ въ судебно-полицейской статистикѣ Петербурга, вообще увеличивая безъ нужды до громадной цифры и безъ того большую «подать преступленію». Мы въ этомъ сейчасъ лишній разъ убѣдимся, разсмотрѣвъ, для полноты картины судимости столичнаго населенія, обширную область пресѣченныхъ полиціей закононарушеній не уголовнаго характера. Это тѣ нарушенія различныхъ требованій, правилъ и постановленій по благоустройству, благочинію и пр., о которыхъ полиція составляетъ протоколы и чинитъ взысканія либо административнымъ порядкомъ, по собственному усмотрѣнію, либо чрезъ судебныя учрежденія. Протоколовъ такихъ составлялось полиціей ежегодно 19,759, въ томъ числѣ по уголовнымъ преступленіямъ 6,164, о которыхъ было говорено раньше и которые здѣсь у насъ не идутъ въ счетъ. За изъятіемъ сихъ послѣднихъ, изъ 13,595 протоколовъ было составлено «за нарушеніе правилъ»:

Общественнаго спокойствія и благочинія	3402
Санитарныхъ	992
Паспортныхъ	3649
Адреснаго сбора	782
Адреснаго стола	644

Питейныхъ	85
За сопротивленіе законнымъ требованіямъ полиціи	831
За оскорбленіе чиновъ полиціи . . .	513

Какъ видно изъ перваго-же обзора этой таблички, наибольшее число протоколовъ составлялось за нарушеніе именно паспортныхъ правилъ. Отнеся къ нимъ также нарушенія правилъ адреснаго сбора и адреснаго стола, какъ имѣющія непосредственную близость съ паспортнымъ дѣломъ, получимъ—5075 протоколовъ (или до 40% общаго ихъ числа), падающихъ на случаи такой преступности, совершенно мнимой, которая сама собой пресѣклась бы съ отмѣной нынѣшней тягостной и устарѣлой паспортной системы. Въ настоящее-же время, по всѣмъ этимъ, отмѣчаемымъ полицейскими протоколами, нарушеніямъ паспортныхъ правилъ чинятся взысканія.

Вообще, полиція ежегодно передавала за обозрѣваемый періодъ судебному вѣдомству, для дальнѣйшаго движенія, 16,968 протоколовъ, въ томъ числѣ — 2114 судебнымъ слѣдователямъ и 14,854 мировымъ судьямъ, то есть, слишкомъ 80% общаго числа (19,759) протоколовъ, составлявшихся ею по разнымъ случаямъ. Конечно, въ число переданныхъ судебному вѣдомству полицейскихъ протоколовъ вошли прежде всего тѣ изъ нихъ, которые составлялись по уголовнымъ преступленіямъ, а затѣмъ значительнѣйшая часть, если не всѣ, по нарушеніямъ разныхъ правилъ. Здѣсь кстати будетъ отмѣтить одно не лишенное важности и довольно характеристическое указаніе.

Выше, приводя общій сводъ статистики судимости столичнаго населенія, мы констатировали, что у столичныхъ мировыхъ судей ежегодно разбирается, кромѣ гражданскихъ исковъ, до 25,000 уголовныхъ дѣлъ. Мы не знаемъ содержанія этихъ дѣлъ и ихъ классификаціи, но изъ статистики полицейскихъ протоколовъ и вѣдомости объ ихъ движеніи можемъ заключить, что большая половина этихъ дѣлъ возбуждается у мировыхъ судей именно полиціей. Такъ оно, конечно, и должно быть по логикѣ вещей; но, зная амбиціозность и претенціозность нашей полиціи, ея наклонность къ произволу, зная, наконецъ, что значительная часть ея обвинительныхъ протоколовъ составляется по мнимымъ преступленіямъ (каковы, напр., нарушенія паспортныхъ правилъ), мы не можемъ не прійти

къ заключенію, что у насъ пропасть народа попадаетъ подъ судъ изъ за пустяковъ и, будучи внесенной въ судебно-полицейскую статистику, ложится напраснымъ и ненужнымъ бременемъ на совѣсть столичнаго населенія, искуственно сгущая тѣни его дурнаго поведенія.

Намъ остается, въ заключеніе этого очерка, представить еще наглядную картину территоріальнаго распредѣленія преступниковъ и преступленій по частямъ города. Для изслѣдованія этой интересной и, надѣемся, назидательной стороны занимающаго насъ предмета мы воспользовались статистическими таблицами за шесть лѣтъ (1869 по 1874 г.). Въ нашъ счетъ вошли одни уголовныя, важныя преступленія и ихъ виновники, т е. убійства, кражи, поджоги и т. д. Въ результатѣ получилась такая цифровая картина:

Части.	Преступленій.	Преступниковъ.	Одинъ преступникъ на число жителей.
Спасская	691	1657	52
Московская . . .	318	2021	44
Казанская. . . .	298	435	116
Александро Невская	276	422	82
Рождественская. .	194	429	108
Васильевская . .	188	486	136
Литейная. . . .	170	209	367
Коломенская . .	158	365	117
Нарвская. . . .	155	625	83
Петербургская . .	142	325	131
Выборгская . . .	140	269	120
Адмиралтейская. .	119	142	295

Если хотите, табличкой этой можно въ извѣстной степени руководствоваться для опредѣленія степени безопасности жизни и имущества въ той или другой части города; но, тѣмъ не менѣе, было-бы рискованно дѣлать на этомъ основаніи рѣшительные выводы о степени нравственности жителей каждой отдѣльно взятой части, по проценту совершаемыхъ въ ея районѣ преступленій и числу задерживаемыхъ преступниковъ. Послѣдніе въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ могли совершить преступленіе, зайдя изъ другой части, гдѣ они

имѣли постоянное мѣстожительство. Впрочемъ, совпаденіе нѣкоторыхъ цифръ съ сложившейся, общеизвѣстной репутаціей данныхъ частей города позволяетъ сдѣлать на этотъ счетъ нѣсколько опредѣленныхъ заключеній. Напр., бросающіяся въ глаза, по абсолютной и относительной многочисленности преступниковъ и преступленій, Спасская и Московская части и въ дѣйствительности не пользуются доброй славой со стороны своей нравственности, благодаря разнымъ специфическимъ условіямъ: центральности положенія, сосредоточенію массы торгово-промышленныхъ, а также публичныхъ заведеній— кабаковъ, трактировъ и пр., скученности и подвижности населенія и преобладанія въ немъ жителей низшихъ, недостаточныхъ классовъ, рядомъ съ неблагонадежными подонками общества, и т. д. Все это можетъ естественно вліять на увеличеніе преступленій. Отсюда также понятнымъ становится, что Адмиралтейская и Литейная части, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточиваются сливки столичнаго населенія, по положенію, умственному развитію и по степени обладанія земными благами, являются въ нашей табличкѣ самыми благонравными сравнительно.

Затѣмъ, мы переходимъ къ болѣе подробному, иллюстрированному живыми фактами, обзору каждой категоріи преступленій въ частности.

II.

Убійства случайныя и непреднамѣренныя.

Мы указали въ предшествовавшемъ очеркѣ на тотъ прискорбный фактъ, что число убійствъ въ Петербургѣ за обозрѣваемый періодъ значительно увеличилось, сравнительно съ прежнимъ временемъ, какъ это свидѣтельствуютъ цифры. Мы затрудняемся объяснить этотъ фактъ и его причины, какъ, съ другой стороны, было бы рискованно принять его за мѣрило нравственности всего населенія. Здѣсь возможны только одни гадательныя предположенія, тѣмъ болѣе,

что цифры убійствъ у насъ, если разсматривать ихъ по годамъ, подвержены весьма рѣзкимъ колебаніямъ, вопреки теоріи Кетле, который утверждаетъ, что «убійства ежегодно совершаются почти въ одномъ и томъ же числѣ» и даже «орудія, которыми онѣ совершаются, употреблены бываютъ въ однѣхъ и тѣхъ же пропорціяхъ»... Правда, Кетле вывелъ такое заключеніе изъ изученія уголовной статистики цѣлой многомилліонной страны. Для Петербурга, по крайней мѣрѣ, этотъ законъ не можетъ быть примѣнимъ, такъ какъ число убійствъ въ немъ, въ теченіе изучаемаго нами десятилѣтія, было весьма далеко отъ постоянства, то уменьшаясь, то увеличиваясь въ томъ или иномъ году на половину и даже болѣе. Всего нагляднѣе можно видѣть это изъ нижеприводимой сводки числа убійствъ по годамъ. Было совершено убійствъ въ Петербургѣ:

Въ 1868	году	5
» 1869	»	11
» 1870	»	16
» 1871	»	14
» 1872	»	13
» 1873	»	18
» 1874	»	18
» 1875	»	8
» 1876	»	13
» 1877	»	16
		13

Въ дополненіе и поясненіе этихъ цифръ, можемъ указать еще на территоріальное распредѣленіе убійствъ по частямъ города. Оказывается опять таки, въ подтвержденіе дурной славы Спасской части, что она болѣе другихъ погрѣшаетъ этого рода преступленіями. Въ теченіе 9-ти лѣтъ, въ ней было совершено 17 убійствъ; затѣмъ, совершено было убійствъ за тотъ же періодъ: въ Литейной и Рождественской частяхъ по 13, въ Московской—11, въ Васильевской—10; въ остальныхъ менѣе 10-ти въ каждой, менѣе же всего въ Александро-Невской, именно 5.

Безъ сомнѣнія, существуетъ какая-то необъяснимая, стихійная логика, таящаяся въ ненормальныхъ условіяхъ современной соціальной жизни, которая управляетъ этими цифрами убійствъ, то возвышая

ихъ, то понижая съ такой, повидимому, прихотливостью; но для анализа тутъ нѣтъ никакой опорной точки. Почему, напр., въ 1873 и 1874 гг. число убійствъ было въ Петербургѣ совершенно одинаковое и выразило собою maximum этого рода преступленій за все десятилѣтіе, и почему, вслѣдъ затѣмъ, въ 1875 г. число это упало вдругъ до minimum'a—объяснить мы не имѣемъ возможности, оставаясь на строгой почвѣ точнаго изученія данныхъ явленій. Быть можетъ, впрочемъ, нѣкоторый свѣтъ на эту темную и самую печальную аномалію общественнаго союза прольетъ ближайшее знакомство съ самой, такъ сказать, натурой убійствъ, съ ихъ непосредственными поводами и причинами, чѣмъ мы и намѣрены здѣсь заняться.

Анализируя убійства, какъ одно изъ проявленій нарушенной въ своемъ нормальномъ равновѣсіи человѣческой воли, Кетле замѣтилъ что они «менѣе всего могутъ подлежать предусмотрительности», такъ какъ совершаются обыкновенно «непреднамѣренно и при обстоятельствахъ, повидимому, самыхъ случайныхъ». Дѣйствительно, изученіе убійствъ, совершавшихся въ Петербургѣ за обозрѣваемый, періодъ, привело насъ къ убѣжденію, что значительная, если не большая часть ихъ были сдѣланы безъ преднамѣреннаго умысла, безъ заранѣе составленнаго плана, а какъ то вдругъ, по случайному стеченію обстоятельствъ, роковымъ образомъ подѣйстовавшихъ на возбужденіе спящаго звѣря въ человѣкѣ. Если бы нужно было найти слово, опредѣляющее характеръ господствующей у насъ формы этого рода преступленій, то мы сказали бы, что у насъ преобладаютъ инстинктивныя убійства совершенно зоологическаго свойства. Тутъ дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ, внезапно просыпается въ человѣкѣ примитивный хищникъ-звѣрь и овладѣваетъ, почти безъ борьбы, слабою волей, не тронутой нравственною культурою. Статистика подтверждаетъ это тѣмъ, что большинство убійцъ оказываются людьми темными, крайне неразвитыми въ умственномъ отношеніи и вдобавокъ испорченными городской жизнью.

По сословію, большинство убійцъ—крестьяне, выходцы изъ деревни; менѣе же всѣхъ классовъ выдѣляетъ изъ своей среды высшій интеллигентный классъ, особенно убійцъ, руководимыхъ корыстной цѣлью. Вообще, культурность и образованіе, съ ихъ гуманизирующимъ, смягчающимъ нравы вліяніемъ, краснорѣчиво оправдываются статистикой убійствъ, въ которыхъ, поэтому, изобличаются преимущественно натуры

грубыя, съ разнузданной волей, крайне невѣжественныя и, конечно, испорченныя нравственно. Въ большинствѣ случаевъ, это—тупоголовые дикари, развращенные городомъ.

Существуетъ, какъ извѣстно, мнѣніе, что убійство вообще есть продуктъ особаго психологическаго разстройства, если не хроническаго, то временнаго, преходящаго, и что, во всякомъ случаѣ, въ самый моментъ убійства, совершающій его субъектъ находится въ пароксизмѣ извѣстнаго умственнаго затемнѣнія. Теорія эта очень спорная, и хотя ее подтверждаютъ многіе факты уголовной хроники, но еще болѣе имѣется фактовъ, по крайней мѣрѣ, въ нашей судебной хроникѣ, свидѣтельствующихъ что убійства часто являются результатомъ совершенно хладнокровнаго, наивнаго, примитивнаго звѣрства, сродни тому, которое свойственно какому нибудь дикому людоѣду. Психическое разстройство мыслимо только въ субъектахъ болѣе или менѣе культурныхъ. Дикари, сколько извѣстно, съ ума не сходятъ.

Есть другое, на этотъ счетъ, мнѣніе, что въ каждомъ человѣкѣ таится доля кровожаднаго звѣрства, свойственнаго хищнымъ животнымъ, которая можетъ быть совершенно заглушена въ индивидуумахъ цивилизованныхъ, нравственно воспитанныхъ и поставленныхъ въ счастливыя жизненныя условія, и — наоборотъ — можетъ пріобрѣтать роль господствующаго стимула въ натурахъ грубыхъ и примитивныхъ, именуемыхъ на языкѣ поэтовъ «дѣтьми природы». Такое «дитя природы», очень покладистое обыкновенно въ вопросахъ совѣсти, эгоистичное и склонное къ насиліямъ, легко дѣлается звѣремъ, безтрепетно поднимающимъ руку на жизнь ближняго, при всякомъ такомъ положеніи, гдѣ инстинктъ самосохраненія въ немъ не находитъ себѣ полнаго и законнаго удовлетворенія. Конечно, первымъ побудительнымъ толчкомъ здѣсь являются голодъ, нужда, какъ и у всякаго звѣря, который очень добръ и ласковъ въ состояніи сытости, и отваживается на кровопійство только изъ-за побужденій аппетита. Такимъ образомъ, и среди убійцъ мы встрѣтимъ въ огромномъ большинствѣ представителей самой низшей, некультурной среды, притомъ—людей, вырванныхъ изъ своей родной сферы, брошенныхъ на городскую улицу, испорченныхъ ея развратомъ, угнетенныхъ нуждою и голодомъ. Это, въ большинствѣ, уличные пролетаріи, темные жильцы грязныхъ

трущобъ, рецидивисты, искусившіеся въ разнаго рода хищничествахъ и преступленіяхъ.

Впрочемъ, основываясь на нашемъ матеріалѣ, мы можемъ утвердительно сказать, что такъ называемыхъ закоренѣлыхъ, профессіональныхъ убійцъ — разбойниковъ классическаго типа, въ Петербургѣ не водится. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ ни одного такого примѣра. Очень рѣдко встрѣчаются даже рецидивисты по убійству, что́, конечно, слѣдуетъ объяснить отчасти бдительностью полицейско-прокурорскаго надзора, карающей и пресѣкающей руки котораго не избѣгаетъ почти ни одинъ убійца въ настоящее время.

Исходя изъ вышесказаннаго, слѣдуетъ, при изученіи убійствъ, различать ихъ прежде всего въ отношеніи психическомъ: непреднамѣренныя отъ преднамѣренныхъ, совершаемыхъ съ заранѣе обдуманнымъ умысломъ. Различіе это признается также криминалистами; оно послужитъ ключемъ и для насъ въ группировкѣ нашего матеріала.

Непреднамѣренныя убійства, въ свою очередь, существенно различаются по ихъ, если можно такъ выразиться, температурѣ. Одни изъ этой категоріи убійствъ совершаются хладнокровно и по разсчету, хотя бы и по внезапно созрѣвшему рѣшенію; другія являются результатомъ страстнаго порыва и затемнѣнія разсудка, подъ сильнымъ вліяніемъ какого нибудь аффекта. Послѣдняго рода убійства происходятъ при различныхъ враждебныхъ столкновеніяхъ во время ссоръ и дракъ, столь нерѣдкихъ между нашими простолюдинами, особенно, когда они бываютъ подъ хмѣлькомъ. Опьяненіе, возбуждающее буйныя и свирѣпыя наклонности, играетъ здѣсь большую роль. По крайней мѣрѣ, значительнѣйшая часть этихъ случайныхъ убійствъ совершается въ нетрезвомъ состояніи, «подъ пьяную руку», какъ говорится. А такъ какъ въ простонародномъ быту самое «веселое» время — большіе, годовые праздники, которые вслѣдствіе этого являются и самымъ буйнымъ, драчливымъ временемъ, то и самыя убійства разсматриваемой категоріи совершаются преимущественно въ праздничные дни. Можно съ достовѣрностью сказать, что почти третья часть убійствъ и покушеній на убійство, совершаемыхъ въ Петербургѣ, выпадаетъ на такіе праздники, какъ Пасха, Рождество Хр., и пр.

Форма этихъ праздничныхъ убійствъ крайне несложная и всегда почти одна и та же. Знакомые между собою люди, часто прія-

тели, за минуту еще дружелюбно опоражнивавшіе стаканчики, затѣваютъ спьяна и изъ-за пустяка, конечно, горячую между собою ссору; ссора переходитъ въ ожесточенную, остервенѣлую драку, во время которой, на несчастье, кому нибудь изъ соратниковъ попадаетъ подъ руку смертоносное орудіе: ножъ, стамеска, молотокъ, топоръ, кочерга, простое полѣно, и — уголовное преступленіе готово, часто со смертельнымъ исходомъ для изувѣченнаго и совершенно неожиданно для самого убійцы. Случаевъ такихъ пропасть и они всѣмъ извѣстны. Нѣсколько разнообразятся они развѣ такими только грандіозными, по размѣру, бойнями, какая произошла въ 1875 году въ одной густо-населенной квартирѣ «съ углами» и, какъ слѣдуетъ тому быть, въ праздникъ—въ день зимняго Николы, столь чтимаго на святой Руси. Мы останавливаемся на этомъ случаѣ, такъ какъ онъ лучше другихъ характеризуетъ разительную, страшную припадочность убійствъ данной группы.

Въ описываемой квартирѣ, содержимой семейнымъ крестьяниномъ, мирно проживало по угламъ нѣсколько человѣкъ—людей трудящихся, рабочихъ и мелкихъ промышленниковъ, въ томъ числѣ нѣкоторые съ женами и дѣтьми. Въ день происшествія, вечеромъ, двое изъ жильцовъ, Бѣляевъ и Игнатьевъ, пришли домой вмѣстѣ, оба выпившіе, но безъ всякихъ признаковъ вражды между собою. Кутили они вмѣстѣ и, по показаніямъ свидѣтелей, никогда не ссорились, а «жили между собою союзно». Придя домой, Бѣляевъ сталъ ко всѣмъ привязываться, браниться и шумѣть. Нравъ у него ужь такой былъ: «когда трезвъ, какъ показали о немъ свидѣтели, то очень смирный, хорошій человѣкъ, но когда выпьетъ, то сильно буянитъ». На этотъ разъ одна изъ сосѣдокъ—жена крестьянина Гаврилова—стала его унимать и просить, чтобы онъ далъ покой другимъ жильцамъ, въ числѣ которыхъ, нужно замѣтить, тоже были сильно выпившіе по случаю праздника. Просьба Гавриловой показалась, почему-то, обидной женѣ Бѣляева и она затѣяла съ нею ссору, а потомъ драку; Игнатьевъ, видно, человѣкъ миролюбивый, бросился ихъ разнимать; на Игнатьева кинулся Бѣляевъ... Началась свалка, къ которой присоединилось еще нѣсколько заинтересованныхъ лицъ, свалка тѣмъ болѣе ужасная и нелѣпая, что происходила въ темнотѣ, такъ какъ бойцы вначалѣ ея потушили нечаянно огонь. Нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ этомъ турнирѣ показали, что они чувствовали, что ихъ «били многіе, но кто и за что—они не знаютъ»...

Наконецъ, кто-то догадался выскочить на улицу и закричать «караулъ»! Когда явилась полиція и освѣтила мѣсто побоища, то нашла нѣсколько раненыхъ и одного наповалъ убитаго. Убитымъ оказался Игнатьевъ, котораго въ свалкѣ зарѣзалъ ножемъ его другъ и собутыльникъ Бѣляевъ—зарѣзалъ, какъ говорится, за здорово живешь, «въ безпамятствѣ отъ сильнаго пьянства», какъ онъ самъ показалъ на судѣ... Безпамятство и безсмысленность отличаютъ всѣ подобнаго рода смертоубійства, нерѣдко иллюстрирующія наше «народное» веселье.

Такою-же дикою страстностью и горячечной температурой характеризуются и многія убійства, завершающія собою семейныя драмы и, вообще, раздоры между представителями двухъ половъ, когда матримоніальный союзъ между ними заострится ненавистью. Въ убійствахъ этой категоріи тоже изобличаются больше всего лица низшаго класса, преимущественно мужчины, тогда какъ жертвами оказываются всего чаще женщины, въ обращеніи съ которыми русскіе простые люди, въ качествѣ супруговъ, далеко не отличаются рыцарствомъ, какъ извѣстно. Убійства здѣсь и являются чаще всего результатомъ жестокаго, безчеловѣчнаго отношенія мужей къ женамъ, но есть немало и такихъ, которыя совершаются, какъ говорится, «въ сердцахъ», въ порывѣ слѣпаго гнѣва и самодурства, или, наконецъ, такихъ, которыя носятъ романическій оттѣнокъ несчастливой или обманутой любви, ревности и т. под. Говоря объ убійствахъ и покушеніяхъ на убійство этой категоріи, мы разумѣемъ драматическія развязки половыхъ отношеній, какъ брачныхъ, такъ и внѣбрачныхъ, формальное различіе между которыми въ данномъ случаѣ, разумѣется, несущественно.

Поразительны бываютъ примѣры убійства и покушенія на убійство «въ сердцахъ», по внезапному наитію и изъ за пустяковъ,— почти исключительно женъ мужьями и несравненно рѣже обратно. Примѣровъ такихъ немало, но вотъ наиболѣе рѣзкіе. Какъ и слѣдуетъ быть, чаще всего совершаются они въ нетрезвомъ видѣ.

Въ одинъ изъ пасхальныхъ дней, крестьянинъ-мастеровой, сидя на подоконникѣ у открытаго окна и разговаривая съ своей «душенькой», заспорилъ съ нею, а, спустя минуту, схватилъ ее въ охапку и выбросилъ изъ окна на дворъ. Дѣло происходило въ четвертомъ этажѣ и—несчастная расшиблась до смерти. Въ одной изъ трущобъ «Вяземской лавры», нѣкій блудный сынъ статскаго совѣтника интимно

сблизился съ нищенкой, женой бомбардира, который часто ругалъ ее и выгонялъ вонъ за пьянство и распутство. Сынъ статскаго совѣтника, молодой человѣкъ, восемь лѣтъ находился въ любовной связи съ этой трущобной Мессалиной, имѣвшей, нужно замѣтить, слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, слѣдовательно, почти старухой. Въ одинъ прекрасный вечеръ, они сошлись на ночлегѣ, оба въ нетрезвомъ видѣ, и миролюбиво улеглись спать вмѣстѣ въ темной каморкѣ. Раннимъ утромъ, героиню этого клоачнаго романа нашли мертвой «съ петлею изъ обрывка тряпки на шеѣ», а героя—преспокойно спавшимъ на нарахъ. Онъ съ перваго же слова повинился въ убійствѣ, но заявилъ, что о причинѣ послѣдняго «скажетъ только на судѣ». Какая тутъ могла быть тайна—осталось въ неизвѣстности.

По всѣмъ вѣроятіямъ, въ подобныхъ случаяхъ, вслѣдствіе свирѣпаго пьянства, при соотвѣтственныхъ условіяхъ, находитъ на извѣстныхъ субъектовъ какая-то кровавая галлюцинація, подъ наитіемъ которой, надо полагать, точно также одинъ мѣщанинъ-торговецъ, придя домой выпивши, ни съ того ни съ сего принялся тузить и истязать свою жену, и до тѣхъ поръ тиранствовалъ, пока не вышибъ изъ нея духъ здоровенными кулаками. Изъ того же класса, и уже въ совершенно трезвомъ умѣ и твердой памяти, мужъ, человѣкъ сравнительно достаточный, при учитываніи жены въ домашнихъ издержкахъ, заподозриваетъ ее въ растратѣ четырехъ копѣекъ. Изъ-за этого начинается между ними ссора, кончающаяся тѣмъ, что мужъ «въ сердцахъ» схватываетъ бутыль отъ водки и изо всей силы разбиваетъ ее объ голову жены... Несчастная падаетъ замертво, обливаясь кровью, и, если остается въ живыхъ, отдѣлываясь только увѣчьемъ, то ужь это по счастливой случайности... Вотъ другой извергъ мучительно умерщвляетъ подругу своей жизни и мать своихъ дѣтей, вслѣдствіе «отсутствія средствъ къ существованію», какъ показали свидѣтели. Самъ-же онъ оправдывался «сильнымъ пьянствомъ» и происшедшимъ оттого «безпамятствомъ». Это былъ фельдшеръ по профессіи, но безъ мѣста, «суровый брюнетъ» лѣтъ 28-ми, подверженный какому-то необъяснимому хроническому бѣшенству и звѣрству. Онъ билъ свою жертву «въ теченіе недѣли: хваталъ за косы и съ размаха ударялъ головою объ полъ и объ стѣну, билъ кулаками, каблуками сапоговъ, душилъ за горло», пока, наконецъ, она не отдала Богу душу. Со-

вершенно въ однородномъ убійствѣ жены, путемъ свирѣпаго тиранства, обвинялся также одинъ молодой штабсъ-капитанъ, человѣкъ, повидимому, образованный, несчастная жена котораго была хорошо воспитанная женщина изъ порядочнаго семейства. Убилъ онъ ее изъза странной мести: когда онъ, вслѣдствіе запоя, заболѣлъ бѣлой горячкой, то жена свезла его въ госпиталь, чѣмъ обнаружила его порокъ... Этого-то онъ и не могъ простить женѣ и сталъ ее мучить, приговаривая: «Ты меня дозволила свезти въ госпиталь, теперь я тебя свезу: я имѣю право, я твой мужъ!» Въ результатѣ, свирѣпый штабсъ-капитанъ превзошелъ даже свою угрозу, ибо «свезъ» жену, минуя госпиталь, прямо на кладбище. Послѣднія два убійства могутъ назваться уже систематическими, происшедшими отъ закоренѣлой лютой жестокости мужей съ женами.

Не смотря на холодъ сѣвера и преобладаніе лимфатичности въ темпераментѣ петербуржцевъ, у насъ довольно нерѣдки, такъ называемыя, романическія убійства и кровавыя семейныя драмы изъза мести и ревности, вслѣдствіе неудовлетвореннаго половаго чувства, а также ради желанія отдѣлаться отъ опостылѣвшей брачной половины. Такія убійства и драмы совершаются уже больше въ культурной средѣ и съ тѣмъ отличіемъ, что въ то время, какъ простолюдины въ данномъ положеніи расправляются всего чаще ножемъ или отравой, убійцы культурные прибѣгаютъ почти исключительно къ огнестрѣльному оружію, всего предпочтительнѣе—къ револьверу. Изъ всѣхъ случаевъ этой категоріи убійствъ, за разсматриваемый періодъ, намъ извѣстны только два, гдѣ герои изъ культурной среды прибѣгали къ рѣжущимъ орудіямъ—охотничій ножъ, бритва. У простолюдиновъ же, обыкновенно, въ такихъ трагическихъ случаяхъ является въ рукахъ убійцы либо сапожный, либо кухонный ножъ. Необходимо также упомянуть, что жертвами покушеній здѣсь бываютъ нерѣдко не сами предметы страсти, но тѣ лица, которымъ оказано предпочтеніе передъ покусителями; а вотъ, однажды, нѣкій архитекторъ, огорченный измѣной бѣжавшей отъ него жены, разрядилъ шестиствольный револьверъ на ней и на тещѣ, по счастью, не причинивъ имъ смерти. Нужно полагать, что отчаянный архитекторъ вымещалъ на тещѣ причину разстройства своего семейнаго счастья, и—случаи такой мести нерѣдки.

Къ чести прекраснаго пола, его представительницы несравненно рѣже мужчинъ покушаются на убійства, если же покушаются, то

почти исключительно изъ-за романическихъ побужденій, всего чаще за любовный обманъ, за измѣну и вслѣдствіе ревности. Замѣчательно, однако, что героинями такихъ драмъ бываютъ по преимуществу любовницы, а не законныя, обманутыя и покинутыя жены. Вотъ одна интеллигентная женщина — писательница — покушается зарѣзать бритвой свою соперницу въ правахъ на привязанность легкомысленнаго актера. Вотъ другая, изъ рядовъ вѣтряныхъ сильфидъ Лѣтняго сада, завязавъ легкую, временнообязанную интрижку съ веселымъ бонвиваномъ, кончаетъ тѣмъ, что, изъ ревности и страха быть брошенной имъ, всаживаетъ ему пулю въ лобъ. Вотъ, наконецъ, третья — жертва дѣвическаго легковѣрія и неопытности — спустя нѣсколько лѣтъ послѣ своего паденія и уже ставъ любимой женой другаго, вымещаетъ свой позоръ кровавымъ разсчетомъ съ соблазнителемъ...

Изъ убійствъ, совершаемыхъ ради грабежа, — самыхъ многочисленныхъ, сравнительно, — точно также очень многія дѣлаются непреднамѣренно, безъ заранѣе обдуманнаго умысла, а по случайному стеченію обстоятельствъ, обусловливающихъ искушеніе легкостью и удобствомъ достиженія преступной цѣли. Въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ, мысль объ убійствѣ приходитъ неожиданно, схватываетъ убійцу, такъ сказать, врасплохъ, падая на душу какимъ-то неотразимо-страстнымъ кровавымъ наитіемъ. Вслѣдствіе этого, очень часто у преступника хватаетъ духу лишь на то, чтобы покончить съ жертвой, а куда ее потомъ дѣвать, какъ скрыть слѣды преступленія и воспользоваться его плодами, — на это у него, не оказывается ни энергіи, ни сообразительности. Вообще, большинство убійствъ носятъ у насъ характеръ какой-то поразительной, не то ребяческой, не то идіотической «простоты», отличаются крайней бѣдностью замысла, отсутствіемъ демоническаго элемента, въ классическомъ вкусѣ, и неумѣньемъ скрыть за собою кровавый слѣдъ. Эта черта давно подмѣчена и нашими криминалистами.

«Характеръ простоты, — говоритъ по этому поводу одинъ изъ нихъ, — господствуетъ въ преступленіяхъ, гдѣ льется кровь, совершается грабежъ, гдѣ обдумываютъ преступные планы и приводятъ ихъ въ исполненіе нѣсколько личностей. Все это творится чуть не среди бѣла дня, чуть не посреди народа; люди почти незнакомые другъ съ другомъ идутъ на убійство также легко, такъ

же мало задумываясь, какъ будто идутъ они на такое дѣло, исходъ котораго не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на чью бы то ни было участь. Не ищите въ ихъ поступкахъ тонкаго маскированія, дьявольской махинаціи, хитрыхъ разсчетовъ... Каждая случайность можетъ выдать головой соучастниковъ, но имъ какъ будто до этого нѣтъ дѣла, какъ будто не предъ ними лежитъ перспектива каторжной жизни... Въ исторіи этихъ преступленій каждая преграда можетъ спасти человѣческую жизнь, каждый внѣшній толчекъ можетъ сгубить человѣческую жизнь... Эти странные преступники являются какъ бы послушными исполнителями заранѣе составленнаго и произнесеннаго приговора, безучастными къ самому факту исполненія, настолько, что кровь человѣческая не оставляетъ въ ихъ воспоминаніяхъ никакого слѣда. Этой странной, поражающей простотой исчерпывается почти весь драматизмъ нашихъ самыхъ страшныхъ, самыхъ потрясающихъ преступленій; но въ этой простотѣ гораздо болѣе дѣйствительнаго драматизма чѣмъ въ тѣхъ «таинственныхъ» преступленіяхъ, гдѣ интрига идетъ подземными ходами, гдѣ она созрѣваетъ и приводится въ исполненіе, окруженная всѣми аттрибутами, дѣйствующими на воображеніе».

Таковы, въ большинствѣ случаевъ, наши криминальныя дѣянія, но указанныя черты особенно разительно бросаются въ глаза въ непреднамѣренныхъ убійствахъ съ цѣлью грабежа. Насколько внезапно зарождается иногда въ головѣ преступника мысль объ убійствѣ, подъ вліяніемъ корыстолюбиваго соблазна, въ какой степени легко и быстро мысль здѣсь переходитъ въ дѣло, которое исполняется, притомъ, совершенно очертя голову,—примѣровъ имѣется множество въ нашемъ матеріалѣ. Мы остановимся на наиболѣе рельефныхъ изъ нихъ.

Какъ-то разъ, лѣтней ночью, въ 1867 году, трое пріятелей-крестьянъ, связанныхъ между собою товариществомъ по бродяжничеству и воровскому промыслу, пробирались тайкомъ на дачу Мятлева по Петергофскому шоссе, съ цѣлью совокупными силами ее обокрасть. Дойдя до стоговъ сѣна вблизи дачи, двое изъ нихъ, по уговору, остановились, усѣвшись на сѣнѣ, а третій отправился на рекогносцировку для осмотра мѣста дѣйствія. Конечно, для этого потребовалось немного времени, но когда ушедшій возвратился, то ему представилась такая картина: одинъ товарищъ, весь въ крови, лежалъ мертвымъ, а другой преспокойно снималъ съ него часы и

другія вещи... Оказалось— «своя своихъ не познаша» и, главное, внезапно, безъ всякаго предварительнаго умысла. Убійца, просто, моментально соблазнился грошовыми часами товарища и воспользовался удобнымъ случаемъ присвоить ихъ посредствомъ безжалостнаго смертоубійства. Вся операція, отъ начала замысла до ея послѣдняго акта, была исполнена въ нѣсколько минутъ.

Другой аналогичный примѣръ. Двое братьевъ-крестьянъ, молодыхъ парней, съ деньжонками въ карманѣ, «гуляли» на масляницѣ и, между прочимъ, катались «на чухнѣ». Дорогой, въ глухомъ переулкѣ, имъ внезапно вспадаетъ на умъ шальная мысль присвоить сани и лошаденку чухонца. Какъ на грѣхъ, въ саняхъ имъ подвертывается подъ руку желѣзный молотокъ, принадлежавшій запасливому чухонцу, и—спустя мгновенье, послѣдній лежалъ среди улицы безъ дыханія, съ раздробленной головой, а веселые ребята мчались, какъ ни въ чемъ не бывало, теперь уже въ собственномъ экипажѣ. Такъ, съ санями, въ тотъ же день ихъ и накрыли на гульбѣ въ одномъ публичномъ домѣ... Неизвѣстно, не успѣли-ли они, или не съумѣли сбыть ограбленную собственность своей жертвы и, такимъ образомъ, воспользоваться плодомъ преступленія, или же, просто, имъ хотѣлось покататься не на чужой а на своей лошадкѣ? Въ этихъ ужасныхъ преступленіяхъ возможны самые неправдоподобные, по легкомыслію и наивности, намѣренія и рѣшенія.

Весьма нерѣдко въ этого рода убійствахъ имѣютъ мѣсто какое-то звѣриное коварство и темное, холодное предательство. Подгулявшій мастеровой встрѣчается ночью въ публичномъ домѣ съ двумя незнакомыми молодцами, которые мгновенно дружатся съ нимъ, начинаютъ вмѣстѣ пить и «гулять»; потомъ, предлагаютъ ему отправиться вмѣстѣ въ другое, болѣе веселое мѣсто. Мастеровой спьяна совершенно ввѣряется своимъ новымъ друзьямъ, не подозрѣвая, что у нихъ, безъ уговора, мгновенно созрѣлъ уже планъ убить его и ограбить. Повели они его чрезъ спустынный Семеновскій плацъ, на рединѣ котораго одинъ изъ пріятелей схватилъ несчастнаго за горло, а другой накинулъ ему на шею кушакъ и затянулъ мертвой петлей. Работа была сдѣлана скоро и чисто, хотя вся добыча состояла изъ нѣсколькихъ рублей, да на болѣе значительную—убійцы и не разсчитывали.

Гораздо болѣе цѣннымъ пріобрѣтеніемъ соблазнился какъ-то одинъ

отставной губернскій секретарь, совершившій ради этого столь же коварное и еще болѣе безчеловѣчное убійство. Это была личность довольно странная и болѣзненная. Онъ страдалъ запоемъ, которымъ испортилъ себѣ карьеру, и незадолго до убійства ушелъ было въ монастырь, «чтобы тамъ облегчить свое положеніе и найти нравственный покой», но ошибся въ выборѣ, вслѣдствіе чего возвратился въ міръ и, пріѣхавъ въ Петербургъ, открылъ на Васильевскомъ островѣ табачную лавченку, которая давала ничтожный доходъ. Въ лавченку ходилъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ—воспитанникъ жившей неподалеку зажиточной вдовы потомственнаго почетнаго гражданина, которая, какъ видно, не очень старалась о его воспитаніи. Однажды мальчикъ, явясь въ лавку, пожелалъ купить у ея хозяина видѣнный имъ прежде револьверъ. Губернскій секретарь отвѣтилъ, что эту вещь онъ не продаетъ и что она стоитъ 50 рублей. Маленькій покупатель возразилъ, что онъ можетъ заплатить и больше, въ доказательство чего, съ дѣтскимъ бахвальствомъ, показалъ пачку денегъ. Какъ потомъ оказалось, ихъ у него было до 450 руб., которые онъ тайкомъ утащилъ у своей воспитательницы. При видѣ денегъ, у нуждавшагося въ нихъ губернскаго секретаря мгновенно загорается желаніе овладѣть ими, но какъ это сдѣлать?—Конечно, лучше всего обманомъ и предательствомъ, потому что много-ли нужно хитрости, чтобъ провести ребенка? Главное, какъ-бы не выпустить его изъ рукъ и не дать воспользоваться легкой добычей другому... Губернскій секретарь принимаетъ на себя роль ментора и пріятеля маленькаго вора: ѣдетъ съ нимъ въ гостинный дворъ, гдѣ пріобрѣтается желанный револьверъ, потомъ ведетъ его въ пассажъ, въ музей Гаснера, оттуда въ одну, другую кондитерскую, наконецъ, въ кабакъ и уже поздно вечеромъ привозитъ обратно въ свою лавку, не успѣвъ, какъ предполагалъ, вытащить «въ тѣснотѣ» вожделѣнную пачку изъ кармана у мальчика. Теперь у него созрѣлъ другой, болѣе рѣшительный планъ. Подъ какимъ-то предлогомъ онъ заманилъ свою жертву въ сарай, гдѣ потребовалъ отдать ему деньги. Мальчикъ отказалъ; тогда губернскій секретарь схватилъ его, зажалъ ему горло и вмѣстѣ съ нимъ упалъ, а «что было дальше—подсудимый рѣшительно ничего не помнитъ»... Было-же тутъ что-то ужасное, судя потому, что на другой день полиція нашла въ сараѣ, въ ящикѣ трупъ мальчика, изрубленный въ куски, какъ говядина.

Вообще, въ большинствѣ убійствъ разсматриваемой группы побудительнымъ поводомъ для убійцы является довѣрчивость и безпечность жертвы, ничѣмъ не оградившей себя отъ возможности покушенія на ея жизнь и не питавшей ни малѣйшаго подозрѣнія къ злоумышленнику. Въ этомъ именно и заключается возбуждающій жалость, односторонній драматизмъ подобныхъ преступленій. Во многихъ случаяхъ жертвы платятся жизнью, благодаря своему гостепріимству, за свой хлѣбъ-соль, за пріютъ, оказанный убійцѣ, который всего чаще—«землякъ», пріятель или даже родичъ пострадавшаго. Въ теченіе обозрѣваемаго періода было убито, напр., нѣсколько дворниковъ, сидѣльцевъ въ кабакахъ и портерныхъ—ихъ земляками, закадычными друзьями или родичами, скитавшимися безъ мѣста и, поэтому, ночевавшими у убитыхъ, оказавшихъ имъ радушное гостепріимство. Всѣ эти преступленія были поразительно сходны между собою, по ихъ побужденіямъ и формѣ. Въ числѣ ихъ виновниковъ была и одна женщина—кухарка безъ мѣста, нашедшая пріютъ у своей пріятельницы, такой же кухарки, одиноко жившей въ квартирѣ своихъ «господъ», отлучившихся на тотъ разъ изъ столицы. Три ночи провела гостья у гостепріимной пріятельницы и, вдругъ, на третью ночь, проснувшись, она почувствовала внезапно неодолимое желаніе убить послѣднюю и воспользоваться ея грошовымъ имуществомъ, что и привела въ исполненіе безъ дальнихъ околичностей.

Мы здѣсь говоримъ о группѣ убійствъ непреднамѣренныхъ, но, какъ увидимъ ниже, самыя сложныя, долго и обдуманно подготовляемыя убійства точно такъ же предпринимаются, имѣя въ основѣ, главнымъ образомъ, довѣрчивость и безпечность жертвы, простирающіяся иногда до невыразимаго, почти дѣтскаго простосердечія, которое невольно васъ трогаетъ... Тронуло оно какъ-то и одного убійцу, не настолько, однако-жъ, чтобы онъ отказался отъ своего душегубнаго намѣренія. Это былъ финляндскій уроженецъ, подмастерье въ магазинѣ золотыхъ дѣлъ,—молодой, распутный парень, рѣшившійся ограбить хозяйскій магазинъ, когда въ немъ, по закрытіи торговли, ночью, оставался одинъ лишь ученикъ—четырнадцатилѣтній мальчикъ. Этого-то мальчика, какъ помѣху, нужно было устранить... Преступникъ, войдя въ мастерскую, «увидѣлъ молотокъ и задумался». Потомъ взялъ его, подошелъ сзади къ мальчику, читавшему спокойно газету у огня, занесъ молотокъ надъ

его головой и... опять «задумался».—«Мнѣ, сознавался онъ потомъ, стало жаль мальчика и рука невольно опустилась...» Такимъ образомъ, нѣсколько разъ опускалась рука у убійцы но, наконецъ,—первый ударъ сдѣланъ, за нимъ послѣдовалъ другой и уже такой, что молотокъ завязъ въ мозгу мальчика... Убійца и послѣ этого испыталъ еще жалость и, чтобъ не видѣть лица жертвы, накрылъ ей голову одѣяломъ...

Не велика и безплодна нравственная борьба, испытанная вышеописаннымъ убійцей, но, къ ужасу за человѣка, даже и такой борьбы мы не встрѣчаемъ въ поведеніи большинства убійцъ, ни до преступленія, ни въ моментъ его ни послѣ. Казалось-бы, судя по-человѣчески, что простосердечная довѣрчивость жертвы, ея дружелюбное, гостепріимное отношеніе къ убійцѣ должны бы оказывать сдерживающее на него дѣйствіе, вліять миротворно на его совѣсть и падать самымъ тяжелымъ на нее укоромъ. Ничуть не бывало! Напротивъ, герои преступленій, при данныхъ условіяхъ, платя зломъ за сдѣланное имъ добро, поражаютъ обыкновенно своей безчувственностью, цинизмомъ и полнымъ отсутствіемъ внутренней борьбы между совѣстью и корыстью, между чувствомъ жалости и кровожадностью. Страшно заглянуть въ эти души, не колеблемыя нравственной борьбою въ рѣшимости на кровавое дѣло; страшно заглянуть потому, что тутъ нѣтъ и признаковъ человѣчности, а царитъ одна лишь ужасная пустота, мрачная, глухая и безчувственная! Удержать занесенную надъ жертвой смертоносную руку можетъ здѣсь одно только темное, трусливое чувство страха и сознаніе неудачи задуманнаго плана, чѣмъ и объясняется нерѣдко нападающее на убійцу, въ рѣшительный моментъ, колебаніе и—отсюда спасеніе жизни подвергающихся покушенію. Но этимъ же объясняются и тѣ несчастные случаи, гдѣ убійство является печальнымъ и неожиданнымъ сюрпризомъ для самого убійцы, который, подъ вліяніемъ безотчетнаго страха и второпяхъ, не соблюлъ извѣстной мѣры—лишній разъ ударилъ или слишкомъ тѣсно затянулъ петлю и т. п. Самымъ разительнымъ примѣромъ такого невольнаго пересола было извѣстное, надѣлавшее въ свое время большаго шума, убійство австрійскаго военнаго агента, князя Аренберга.

Убійцы имѣли намѣреніе только «оглушить» князя, по ихъ выраженію, на время грабежа. Оглушить его—они, дѣйствительно, оглушили во время борьбы, но, потомъ, когда онъ впалъ въ обморокъ, они,

въ предупрежденіе, чтобы онъ не очнулся и не закричалъ въ моментъ грабежа, завязали ему ротъ платкомъ и спутали поясами руки и ноги. Когда, уже послѣ поимки, имъ объявили, что они задушили князя до смерти, то они выразили искреннее сожалѣніе передъ этой прискорбной нечаянностью, вовсе не входившей въ ихъ разсчеты. Нужно замѣтить, что въ моментъ самаго преступленія одинъ изъ убійцъ, въ торопливости и страхѣ, чуть было не задушилъ, «по нечаянности», своего товарища... Точно такимъ же образомъ, однажды, трое молодцевъ, ворвавшись среди бѣлаго дня въ жилье одного водовоза, съ цѣлью грабежа, сговорились «подержать за горло» жену его на это время, чтобъ она не помѣшала имъ своимъ крикомъ, безъ намѣренія ее убить... Однако-жь, предосторожность эта была исполнена такъ рѣшительно, что несчастная, послѣ того, какъ одинъ изъ грабителей «подержалъ ее за горло», и не пикнула больше.

Слѣдуетъ замѣтить,—на что̀ указываютъ психіатры и криминалисты, изучившіе процессъ убійства,—что во многихъ случаяхъ у убійцы, колеблющагося и нерѣшительнаго до минуты нападенія, мгновенно просыпается свирѣпость и звѣрская энергія послѣ перваго удара, послѣ того, какъ онъ увидитъ кровь. Кровь жертвы имѣетъ въ себѣ, въ данномъ случаѣ, что-то опьяняющее, какъ будто ея теплыя брызги ослѣпляютъ и глаза и совѣсть убійцы. Есть тутъ какая-то невидимая, неуловимая внутренняя грань, родъ душевной сдержки, сорвавшись съ которой, человѣкъ окончательно разнуздывается и уже безъ оглядки, съ слѣпой страстностью стремится, по инерціи, дойти до крайняго предѣла совершаемаго зла, утонуть въ крови. Вслѣдствіе этого, нерѣдко вы встрѣтите въ лицѣ безжалостно-жестокихъ, кровожадныхъ убійцъ—людей очень смирныхъ, кроткихъ, незлобивыхъ и не рѣшительныхъ въ обыкновенномъ психическомъ состояніи. Составилось мнѣніе, что убійцами могутъ быть только люди энергическіе, твердаго и рѣшительнаго характера. Это—далеко не общее правило. Напротивъ: въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ, къ убійству приводятъ именно слабохарактерность, малодушіе и нравственная дряблость человѣка, поставленнаго въ роковыя условія, которымъ онъ безъ борьбы покоряется. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о большинствѣ «подручныхъ» соучастниковъ убійствъ, обагряющихъ свои руки въ крови, подъ вліяніемъ чужой воли, изъ подражанія, а нерѣдко—просто—по прика-

занію коновода. Но есть случаи, гдѣ слабость характера является благодарной почвой для самостоятельно-предпринимаемаго преступленія, потому только, что слабый, нравственно дрянной человѣкъ не въ силахъ распутать оцѣпившую его сѣть роковыхъ обстоятельствъ и, вслѣдствіе именно слабости, выбираетъ самый короткій для этого путь, хотя бы онъ былъ и кровавый.

Изучая механическій процессъ убійствъ, мы встрѣчаемся чаще всего съ вышеуказаннымъ ожесточеніемъ, мгновенно овладѣвающимъ убійцей въ моментъ самаго преступленія. Очень рѣдко убійца ограничивается однимъ, хотя бы и на вѣрнякъ смертельнымъ ударомъ, наносимымъ жертвѣ; еще болѣе рѣдки случаи, чтобы, послѣ нанесенія перваго удара, страшная картина его смертоноснаго результата—жалкій, безпомощный и страдающій видъ жертвы, возбуждающій жалость, останавливалъ убійцу и побуждалъ бросить начатое ужасное дѣло. Безъ сомнѣнія, въ эту минуту имъ овладѣваетъ ужасъ, западающій въ большей или меньшей степени въ душу самаго холоднаго, закоренѣлаго злодѣя; но этотъ-то ужасъ, по странному противорѣчію человѣческаго психозиса, и дѣйствуетъ тутъ болѣе всего возбуждающимъ образомъ. Овладѣваетъ слѣпое желаніе прогнать его, покончить съ нимъ скорѣе, потому что уже нѣтъ возврата, потому что уже страшное дѣло начато... И вотъ, въ пароксизмѣ этого мрачнаго душевнаго состоянія, убійца начинаетъ сыпать удары на бездыханную жертву, хотя бы и сознавая, что она уже не встанетъ и не помѣшаетъ грабежу. Нанесеніе лишнихъ ударовъ, безъ нужды для цѣли убійства, составляетъ самое обычное явленіе въ этого рода преступленіяхъ. На трупы иныхъ жертвъ страшно бываетъ взглянуть—до того они изувѣчены и покрыты жесточайшими ранами.

Для полноты характеристики собственно непреднамѣренныхъ случайныхъ убійствъ съ цѣлью грабежа, укажемъ еще на слѣдующія ихъ особенности. Въ большинствѣ ихъ, прежде всего, бросается въ глаза поразительное ничтожество цѣли, въ смыслѣ матеріальномъ. Дорогой цѣной жизни человѣческой покупается здѣсь очень часто совершенно грошовая добыча, и—что́ всего ужаснѣе—убійца заранѣе знаетъ, что стоимость ей грошъ. Въ вышеприведенныхъ случаяхъ читатели видѣли, что убійства совершаются изъ-за какихъ нибудь дрянненькихъ серебряныхъ часиковъ, изъ-за нѣ-

скольких труженических грошей загулявшаго мастероваго. Затѣмъ, намъ извѣстны случаи, гдѣ убійцы руководились соблазномъ снять съ убитой жертвы новую чуйку, пиджакъ, и ничего болѣе. Кухарка, о которой мы упоминали выше, убила свою пріятельницу между прочимъ, изъ желанія смѣнить свою грязную, рваную рубаху—на исправную и чистую. Едва покончивъ съ жертвой, она идетъ къ комоду, беретъ подмѣченную ранѣе, соблазнившую ее рубаху, и тотчасъ-же надѣваетъ ее. Уходя, она захватываетъ и остальныя рубахи жертвы, вмѣстѣ съ попавшими ей подъ руку салфетками, и всю эту добычу сбываетъ за нѣсколько рублей...

Невольно ужасаешься этой страшной дешевизнѣ жизни человѣческой съ точки зрѣнія описываемыхъ убійцъ, рѣшающихся покушаться на нее изъ-за столь жалкой и ничтожной корысти! Но насколько-же, значитъ, русскій простолюдинъ, говоря вообще, не избалованъ на этотъ счетъ, насколько низки его потребности и самое представленіе о цѣнности, о деньгахъ! Нужна долгая школа непроходимой бѣдности и страшной нищеты, чтобы въ соблазнѣ легкаго пріобрѣтенія нѣсколькихъ рублей — находить достаточно вѣскую цѣль для покушенія на смертоубійство... Впрочемъ, вотъ одинъ отставной мелкій чиновникъ,—человѣкъ, повидимому, культурный и нѣсколько образованный, — точно также, въ одну глухую ночь, задушилъ своего пріятеля и сосѣда по комнатамъ въ «шамбръ-гарни», изъ-за поношенной, дрянной енотовой шубы, исключительно ради веселой эротической экскурсіи въ домъ терпимости, тотчасъ-же имъ и совершенной послѣ убійства.

Нужно замѣтить, что подобная увеселительная цѣль составляетъ господствующій побудительный мотивъ въ большинствѣ внезапныхъ, непреднамѣренныхъ убійствъ съ корыстной цѣлью. Истомленный голодомъ и нуждою убійца, но, конечно, субъектъ развратный и познавшій цѣну лакомой городской «гульбы», ради вкушенія послѣдней, ради минутнаго грубаго чувственнаго наслажденія, безъ оглядки, безъ размышленія о послѣдствіяхъ, рѣшается на тяжкое преступленіе. Что будетъ послѣ, укроется или нѣтъ слѣдъ его злодѣянія,—ему, въ данную минуту, нѣтъ заботы; въ мозгу у него засѣла одна цѣль, одно желаніе—пріобрѣсть, во что бы ни стало, въ свое распоряженіе нѣсколько рублей, достаточныхъ для того, чтобы «погулять» хоть денекъ, хоть часокъ, на свободѣ и въ

свое полное удовольствіе. Полиція, сказать мимоходомъ, давно подмѣтила преобладаніе этого чудовищнаго, по легкомыслію, мотива въ большинствѣ заурядныхъ убійствъ и грабежей въ столицѣ. Поэтому, при обнаруженіи убійствъ такого рода, она прежде всего бросается искать ихъ виновниковъ въ разныхъ кабакахъ, трактирахъ и публичныхъ домахъ, пользующихся извѣстной популярностью въ средѣ подонковъ столичнаго населенія. Поиски эти всегда почти кончаются полнымъ успѣхомъ. Разсчетъ полиціи въ этихъ случаяхъ большею частію безошибочный: убійца данной категоріи, который тоже отлично знаетъ, гдѣ именно станутъ его искать и въ какой степени посѣщаемыя имъ мѣста опасны для него,—тѣмъ не менѣе никакъ не можетъ устоять предъ искушеніемъ воспользоваться безотлагательно плодами своего преступленія для дешевой пьяной «гульбы», ради которой онъ и омочилъ руки свои въ крови.

III.

Убійства по разсчету.

Передъ нами сейчасъ прошелъ рядъ убійцъ, которые пачкаютъ свои руки въ крови по внезапному наитію—либо съпьяна и «въ сердцахъ», либо изъ тупаго безогляднаго звѣрства, раззадореннаго примитивнымъ хищническимъ инстинктомъ... Они страшны и отвратительны, но это — не герои кровавыхъ драмъ и уголовныхъ романовъ, столь интересующихъ любителей острыхъ и сильныхъ ощущеній! Здѣсь мы познакомимся съ убійствами *преднамѣренными*, обдуманными заранѣе и сложными по плану, героями которыхъ являются личности болѣе или менѣе развитыя, во всякомъ случаѣ—не глупыя, способныя къ комбинированію и разсчетамъ, иногда очень тонкимъ, всегда коварныя и, конечно, испорченныя нравственно, развращенныя и искусившіяся въ подлости и преступности.

Встрѣчаются, впрочемъ, среди этой группы душегубовъ и «честные убійцы», какъ опредѣлилъ ихъ еще Шекспиръ. Такимъ «честнымъ убійцей» былъ, напр., Отелло, типичныя разновидности котораго встрѣчаются подчасъ и среди флегматичныхъ петербуржцевъ, подъ нашимъ холоднымъ, отнюдь не «итальянскимъ» небомъ. Къ категоріи «честныхъ убійцъ», т. е. такихъ, которые приходятъ къ страшному преступленію путемъ роковаго стеченія обстоятельствъ, или вслѣдствіе укоренившагося общественнаго предразсудка, либо—глубокой, мрачной страсти, а также фанатизма, могутъ быть отнесены: герои и героини несчастливыхъ романовъ, обманутые мужья и жоны, жертвы оскорбленія и всяческаго насилія, рыцари дуэлей и т. п. Смягчающими вину обстоятельствами въ подобныхъ убійствахъ являются: во-первыхъ, отсутствіе личной корысти и низменныхъ хищническихъ цѣлей, во-вторыхъ, кажущееся благородство побужденій, вытекающихъ изъ чувства личнаго достоинства, высокаго пониманія требованій долга и чести, а, въ третьихъ,—что самое главное,—извѣстная степень рыцарства (напр., въ дуэляхъ, гдѣ соблюдается условіе боя на равныхъ шансахъ относительно его исхода) и полная готовность преступника вынести все бремя нравственной и юридической отвѣтственности за свое дѣло, безъ покушеній трусливо ускользнуть отъ нея. «Честный убійца» уже потому честенъ, что, окрававивъ руки, онъ не прячетъ ихъ, не спѣшитъ замыть, а честно и открыто несетъ ихъ предъ лицо правосудія. Наконецъ, въ подобнаго рода убійствахъ изобличаются часто люди, по натурѣ и образу жизни, хорошіе, дѣйствительно честные, благороднаго характера, которыхъ, разумѣется, нельзя смѣшивать съ вульгарными злодѣями по ремеслу и по хищническому разсчету. Мы, впрочемъ, остановимся сперва на этихъ послѣднихъ.

Открывающаяся передъ нами портретная галлерея запачканныхъ человѣческой кровью героевъ уголовныхъ процессовъ—чрезвычайно разнообразна, какъ въ бытовомъ, такъ и въ соціальномъ отношеніяхъ. Кого здѣсь только нѣтъ?—И блестящіе денди высшаго круга, и худородные, полунищіе плебеи изъ среды столичнаго уличнаго и трущобнаго пролетаріата, и изящныя, нѣжныя свѣтскія дамы съ розовыми атласными пальчиками, и разухабистыя «городскія» кухарки, и кафе-шантанныя сирены, и люди культурные, и развра-

щенные дикари, и сытые и голодные... Словомъ, цѣлая соціально-антропологическая выставка—пестрая, какъ вообще пестро современное городское населеніе! Каждый почти классъ выдѣлилъ здѣсь своихъ представителей. Зато всѣ они сошлись въ общности стремленій и цѣлей, дружно объединились преслѣдованіемъ одной и той же темной идеи преступленія. У всѣхъ убійцъ этой группы преобладаетъ въ натурѣ и поведеніи грубый, разнузданный эгоизмъ, ни предъ чѣмъ не останавливающійся для удовлетворенія своекорыстныхъ, алчныхъ вожделѣній. Такимъ образомъ, не останавливаются они и передъ убійствомъ, когда открывается возможность этимъ кровавымъ путемъ овладѣть извѣстной добычей. Мы говоримъ именно объ убійствахъ, совершаемыхъ съ цѣлью грабежа, которыя вообще преобладаютъ численно надъ всякими того-же рода преступленіями, замышляемыми по инымъ побужденіямъ и для иныхъ цѣлей.

Обыкновенно, первоначальнымъ мотивомъ кроваваго замысла является въ подобныхъ случаяхъ предположеніе, что у такого-то лица, извѣстнаго преступнику, есть деньги и цѣнныя вещи, которыми можно, посредствомъ убійства, воспользоваться съ большей или меньшей легкостью. Это, такъ сказать, классическій поводъ, наталкивающій покладистую волю на страшное дѣло. По крайней мѣрѣ, въ большинствѣ этого рода преступленій, особенно у преступниковъ низшей, малоразвитой среды, съ подобнаго повода начинается искушеніе, тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ болѣе представляется шансовъ успѣшно достигнуть цѣли и скрыть за собой слѣды. Чаще всего случается такъ, что убійца заранѣе хорошо знаетъ, куда и къ кому онъ идетъ, зачѣмъ идетъ и при какихъ обстоятельствахъ ему придется дѣйствовать. У него все приведено въ извѣстность, обдумано и разсчитано, иногда послѣ долгаго, тщательнаго изученія характера жертвы, ея привычекъ, средствъ, связей, ея обстановки, жилья и проч.

Этимъ-то и отличаются кореннымъ образомъ преднамѣренныя убійства отъ случайныхъ, внезапно, съ экспромта совершаемыхъ. Отсюда первымъ и почти непреложнымъ условіемъ бываетъ предварительное, болѣе или менѣе близкое знакомство между убійцей и жертвой. Обыкновенно оказывается, что убійца состоялъ прежде или-же состоитъ въ самый моментъ преступленія въ тѣхъ или иныхъ—дѣловыхъ-ли, родственныхъ, или просто пріятельскихъ

отношеніяхъ съ жертвой. Весьма часто, въ рядахъ данной группы преступниковъ оказываются лица, служащія или служившія незадолго до убійства у своихъ жертвъ въ разнаго рода должностяхъ, преимущественно-же—домашніе слуги, всегда хорошо знающіе средства, обстановку и привычки своихъ «господъ». Полиція давно сдѣлала такое-же наблюденіе, и поэтому постоянно, при разъисканіи оставшихся неизвѣстными и укрывшихся виновниковъ убійствъ съ грабежемъ, прежде всего заподозриваетъ прислугу пострадавшихъ, не всегда впопадъ, разумѣется, такъ что часто подвергаются аресту и волокитѣ люди совершенно невинные; но ужь безъ этого нельзя въ процедурѣ русскаго слѣдствія, особенно въ прежнее время не отличавшагося проницательностью и осторожностью обвиненій. Укажемъ на наиболѣе выдающіеся факты, имѣвшіе мѣсто въ обозрѣваемомъ періодѣ, въ которыхъ данное подозрѣніе оправдывалось.

Надѣлавшее столько шуму, достопамятное убійство въ Гусевомъ переулкѣ можетъ служить самымъ типичнымъ и яркимъ подтвержденіемъ сейчасъ констатированнаго наблюденія. Было дознано, что Дарья Соколова не только служила прежде и была «своимъ человѣкомъ» въ домѣ погибшаго, вмѣстѣ со своими домашними, капитана Ашмаренкова, но даже состояла съ послѣднимъ въ интимной связи, поскольку она могла быть тѣсной и прочной между хозяиномъ-бариномъ и «мужичкой»-кухаркой. Было подозрѣніе, что у Дарьи находились соучастники, которые собственно покончили съ жертвами, безъ ея прямаго содѣйствія, и которыхъ она только предварительно впустила въ домъ. Подробность весьма возможная и обычная въ подобныхъ преступленіяхъ.

Дѣйствительно, во многихъ случаяхъ прислуга, въ особенности женская, покушаясь на жизнь и имущество своихъ бывшихъ или настоящихъ «господъ», заручается предварительно дѣятельнымъ соучастіемъ своихъ пріятелей или родственниковъ и часто играетъ въ преступленіи роль только посредника, проводника и попустителя. Въ этомъ родѣ было совершено въ 1872 году убійство мѣщанки Ермоловой, «гостившей» въ домѣ купца Маятникова, причемъ домъ былъ ограбленъ и подожженъ. Послѣ долгихъ розысковъ, виновные были обнаружены, въ лицѣ бывшей кухарки Маятникова, чухонки Пульманъ, и ея друга, сапожнаго подмастерья Эриксона. Оказалось

на слѣдствіи, что Пульманъ задумала преступленіе, а Эриксонъ его исполнилъ подъ ея руководствомъ и по ея указаніямъ.

Совершенно аналогичное покушеніе на убійство и ограбленіе одной зажиточной купеческой дочери было совершено въ 1873 г. въ ея собственной квартирѣ на Васильевскомъ островѣ. Въ одно прекрасное утро, къ этой особѣ явился неизвѣстный прилично одѣтый молодой человѣкъ и вручилъ ей лично письмо, будто-бы отъ знакомаго. Когда купеческая дочь, ничего дурнаго не подозрѣвая, распечатала письмо и начала его читать, мнимый посланецъ внезапно выхватилъ изъ подъ полы молотокъ и сталъ имъ сыпать удары по головѣ хозяйки. Она подняла крикъ и—этимъ спаслась отъ смерти. Напуганный убійца отказался отъ своего замысла, бросилъ молотокъ и бѣжалъ. Призванная на мѣсто покушенія полиція сейчасъ-же, какъ значилось въ ея отчетѣ, «пришла къ мысли, что преступникъ, если не самъ былъ знакомъ со средствами, домашнею обстановкою и привычками пострадавшей, то не иначе могъ получить о нихъ свѣдѣнія, какъ отъ лица, близко знакомаго съ этими обстоятельствами». Первымъ дѣломъ, розыски были направлены къ приведенію въ извѣстность такихъ лицъ. Особенное вниманіе полиціи остановила на себѣ бывшая служанка жертвы, по имени Пелагея, которая незадолго передъ тѣмъ отказалась отъ мѣста безъ видимой причины, но однако-жъ не переставала посѣщать ее. На ея слѣдъ и бросились сыщики, безошибочно на этотъ разъ угадавъ скрытый механизмъ происшедшаго покушенія. Дѣйствительно, когда послѣ долгихъ поисковъ была найдена означенная Пелагея,—нити преступленія тотчасъ очутились въ рукахъ полиціи. Оказалось, что Пелагея, проживая на квартирѣ своей пріятельницы, подѣлилась съ нею и съ ея любовникомъ свѣдѣніями о своей бывшей хозяйкѣ, и они, на этомъ основаніи, сообща задумали убить ее и ограбить. Самое исполненіе этого плана взялъ на себя названный любовникъ единолично, какъ мужчина, соучастницы-же его и подстрекательницы сидѣли дома и ждали успѣшнаго окончанія задуманнаго дѣла.

Такая роль женской домашней прислуги въ разсматриваемыхъ преступленіяхъ, а еще чаще въ кражахъ и ограбленіяхъ квартиръ, какъ увидимъ впослѣдствіи, представляетъ одну изъ самыхъ характеристическихъ подробностей въ петербургской уголовной хроникѣ. Многія изъ убійствъ и, въ особенности, изъ кражъ замышляются и пред-

принимаются именно такъ, какъ показываетъ вышепредставленный случай, т. е. благодаря ознакомленію преступниковъ съ обстановкою и средствами жертвъ чрезъ бывшихъ ихъ служанокъ и подстрекательству этихъ послѣднихъ, а, случается, и непосредственному участію ихъ въ преступленіи.

По этой части вырабатываются даже, изъ среды петербургскихъ кухарокъ и горничныхъ, нерѣдко хорошо извѣстныя полиціи спеціалистки, которыя дѣлаютъ опыты систематизировать въ постоянный промыселъ подобную подготовку и обработку преступленій. Состоя въ близкихъ сношеніяхъ съ наторѣвшими мастерами взломовъ, грабежей и похищеній, остающимися всегда на заднемъ планѣ, эти мнимыя «куфарки» и горничныя нанимаются въ дома, изучаютъ нравы и привычки хозяевъ и домашнихъ, собираютъ справки объ ихъ достаткахъ, высматриваютъ, гдѣ что лежитъ, преимущественно-же, все то, что̀ плохо лежитъ, и если эта воровская рекогносцировка обѣщаетъ возможность успѣшнаго ограбленія, онѣ подготовляютъ удобный моментъ для дѣйствія своихъ, заранѣе подговоренныхъ и ими-же руководимыхъ, соучастниковъ. Сами онѣ въ этихъ случаяхъ остаются нерѣдко въ сторонѣ; но чаще принимаютъ непосредственное участіе въ хищнической операціи и тотчасъ-же скрываются. Предусмотрительныя и опытныя по этой части преступницы нерѣдко, для того чтобы скрыть за собой всякій слѣдъ по совершеніи преступленія, запасаются фальшивыми паспортами. Поступая на мѣста, онѣ вручаютъ паспорты хозяевамъ, которые обыкновенно задерживаютъ ихъ у себя, послѣ помѣтки въ полиціи, въ видѣ нѣкоторой гарантіи. При такомъ условіи, подлинный паспортъ въ рукахъ обворованныхъ и пострадавшихъ могъ-бы послужить надежнымъ ключемъ для открытія провинившейся и бѣжавшей кухарки; ну, а фальшивый не только не выдастъ, но еще запутаетъ отъисниваніе слѣдовъ.

Нужно замѣтить, что поскольку въ разсматриваемой группѣ убійствъ домашняя прислуга оказывается въ роляхъ активныхъ, постольку-же, въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ, ея представители несутъ и страдательныя роли жертвъ. Объясняется это тѣмъ, что въ лицѣ домашней прислуги преступники очень часто встрѣчаютъ главную, а иногда и единственную помѣху для совершенія задуманной кражи въ «господской» квартирѣ. Есть немало случаевъ, гдѣ, вмѣстѣ

съ «господами», которые обречены на смерть убійцами, соблазненными ихъ имуществомъ, расплачивалась жизнью и ихъ прислуга ради того только, чтобы устранить, въ ея лицѣ, свидѣтелей преступленія. Такъ именно было въ нѣсколькихъ убійствахъ, особенно сильно волновавшихъ за обозрѣваемый періодъ столичное общество, убійствахъ, поражавшихъ своей кровавостью и числомъ жертвъ (напр., въ Гусевомъ переулкѣ, въ Саперномъ — рукою извѣстнаго Ландсберга, и уже въ наши дни, на Пескахъ, гдѣ героемъ явился околодочный надзиратель). Во всѣхъ этихъ, хорошо памятныхъ случаяхъ были убиты, вмѣстѣ съ «господами», и служанки. Бываетъ, что это происходитъ случайно и непредвидѣнно для самого убійцы, который вообще, идя на преступленіе, не знаетъ заранѣе числа жертвъ.

Самый обдуманный и тщательно выполненный злодѣйскій разсчетъ часто оказывается невѣрнымъ, благодаря какому-нибудь, иногда совершенно пустому обстоятельству. Разсчитавъ, наприм., полную изолированность намѣченной жертвы и покончивъ съ нею, убійца неожиданно, на мѣстѣ сейчасъ только совершеннаго преступленія, сталкивается съ другимъ лицомъ, могущимъ стать его обличителемъ или, просто, помѣхой всему дѣлу. У искусившагося уже въ пролитіи крови и находящагося въ ея чаду преступника мгновенно созрѣваетъ рѣшимость на новое убійство, которое онъ тутъ-же, не задумываясь, и совершаетъ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ замѣтить, что и въ преднамѣренныхъ, съ заранѣе обдуманнымъ умысломъ совершаемыхъ преступленіяхъ данной группы весьма нерѣдко проливается кровь и сверхъ смѣты, если можно такъ выразиться, по внезапному рѣшенію и непредвидѣнному стеченію обстоятельствъ. Конечно, смѣлый и сообразительный убійца всегда имѣетъ это въ виду, и—жертвой больше, жертвой меньше, для него уже не составляетъ разсчета и причины колебаній, по пословицѣ «семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ».

Какъ вообще въ статистикѣ убійствъ, такъ и въ той группѣ ихъ, на которой мы здѣсь остановились, преступники, въ огромномъ большинствѣ, простолюдины и преимущественно—разный мелкій служилый людъ, чаще-же всего домашняя прислуга. Равнымъ образомъ, и жертвы убійствъ оказываются въ значительнѣйшемъ числѣ представителями той же среды. Объясняется это тѣмъ, что

во всѣхъ почти случаяхъ самая мысль объ убійствѣ зарождается на почвѣ близкихъ и долгихъ отношеній между убійцей и жертвой, нерѣдко закадычныхъ друзей и даже родичей, интимно связанныхъ продолжительнымъ общеніемъ. Самая темная, отталкивающая сторона въ этого рода преступленіяхъ—измѣна, предательство, замаскированныя коварствомъ. А эта черта характеризуетъ всѣ почти убійства данной категоріи. Убійца пользуется довѣріемъ и расположеніемъ къ нему жертвы, на достатокъ которой разгорѣлись у него глаза. Ясно, что подобная близость, обусловливающая полное знаніе имущественныхъ средствъ жертвы и способовъ ихъ храненія, знаніе, служащее соблазномъ и возбудительнымъ стимуломъ къ преступленію, можетъ существовать только между лицами равнаго общественнаго положенія, принадлежащими къ одной и той-же средѣ по классу и роду занятій.

По этой-то причинѣ, въ массѣ убійствъ, совершаемыхъ въ жильяхъ съ грабительской цѣлью, жертвами являются преимущественно маленькіе люди, изъ мелкаго промысловаго и служилаго класса: сидѣльцы и хозяева мелочныхъ лавочекъ, портерныхъ и кабаковъ, ремесленники, дворники, сторожа, кухарки и проч. А убійцами оказываются всегда ихъ товарищи, «земляки», пріятели, нерѣдко родственники, и очень часто — бывшіе сослуживцы, либо батраки.

Въ 1870 г., въ одно зимнее утро, на углу Графскаго и Троицкаго переулковъ, слѣдовательно, на бойкомъ мѣстѣ, были найдены въ питейномъ заведеніи зарѣзанными его сидѣлецъ, молодой парень, и «подручный» мальчикъ. Послѣдній, впрочемъ, оказался недорѣзаннымъ и разсказалъ о той ужасной сценѣ, которая разъигралась въ этомъ кабачкѣ ночью, въ темнотѣ. Наканунѣ, вечеромъ, къ нимъ зашелъ пріятель и землякъ убитаго сидѣльца, шлявшійся безъ дѣла крестьянинъ, часто ихъ навѣщавшій. На этотъ разъ онъ остался ночевать. Вдругъ, ночью, уснувшій было мальчикъ пробуждается, почувствовавъ, что его кто-то рѣжетъ по шеѣ. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ передъ собой гостя, съ ножемъ въ рукахъ, вскочилъ и поднялъ крикъ. На крикъ этотъ мгновенно всталъ сидѣлецъ, но въ ту-же минуту получилъ смертельный ударъ по шеѣ и повалился, не пикнувъ. Убійца принялся за мальчика. Вооруженный ножемъ, онъ снимаетъ еще съ висѣв-

шихъ въ заведеніи стѣнныхъ часовъ тяжелую свинцовую гирю, и въ двѣ руки, съ лихорадочной торопливостью, начинаетъ сыпать удары на несчастнаго. Мальчикъ оказался и живучимъ и находчивымъ. Сообразивъ, что защититься онъ не можетъ и его криковъ никто не услышитъ, онъ моментально прикинулся мертвымъ и такъ удачно, что ввелъ въ заблужденіе убійцу и не выдалъ себя даже тогда, когда тотъ снималъ съ него платье. Расправившись съ жертвами, убійца ограбилъ ихъ грошовый гардеробъ, взялъ изъ выручки деньги и скрылся... недалеко и не надолго, впрочемъ: спустя дня два, полиція накрыла его въ одномъ изъ кабаковъ, расположенныхъ на зимней дорогѣ между Петербургомъ и Кронштадтомъ. Оказалось, что преступленіе было давно имъ задумано и совершилъ онъ его по заранѣе предначертанному плану. Можетъ быть, ему удалось-бы даже скрыть свой слѣдъ, еслибы онъ не былъ введенъ въ обманъ сообразительнымъ мальчикомъ.

Разсказанный сейчасъ случай можетъ служить типомъ подобнаго рода убійствъ. Совершенно такимъ-же порядкомъ, при тѣхъ-же условіяхъ и мотивахъ, въ Петербургѣ, въ разное время, было умерщвлено и ограблено нѣсколько дворниковъ, сидѣльцевъ, мелкихъ промышленниковъ и т. под. люда. Варіанты ограничиваются только подробностями, иногда, впрочемъ, весьма своеобразными и любопытными. Такъ, въ 1867 г. случилось въ портерной убійство прикащика и мальчика, совершенно аналогичное съ вышеописаннымъ по замыслу и поведенію преступника, но исполненное орудіемъ, къ которому человѣчество въ мирное время давно уже не прибѣгаетъ для самоистребленія: это былъ старый, ржавый и тупой солдатскій тесакъ, заранѣе купленный убійцей на рынкѣ у старьевщика. Тесакъ, впрочемъ, исправно сослужилъ службу, но когда изуродованныя имъ жертвы лежали уже бездыханными, убійца, неожиданно для себя, испугался своихъ окровавленныхъ рукъ и, ничего не взявъ, опрометью бѣжалъ.

Что касается орудій убійства, то намъ извѣстенъ еще болѣе поразительный случай—убійства голыми руками, да еще слабыми, женскими. Этимъ первобытнымъ способомъ расправилась какъ-то со своей пріятельницей одна кухарка безъ мѣста. Пріятельница тоже была кухарка, но при мѣстѣ. Ночуя у нея, убійца, задумавъ ее ограбить, напала на нее, когда та спала, и стала душить за

горло. Началась борьба, во время которой обѣ женщины свалились съ кровати на полъ, но убійца до тѣхъ поръ не выпускала изъ рукъ горла жертвы, пока та не перестала дышать. Въ заключеніе, «для вѣрности», кровожадная баба стала тузить несчастную кулаками и топтать ногами... Въ противоположность этому факту, есть случаи, гдѣ убійцы прибѣгаютъ къ нѣсколькимъ орудіямъ и производятъ сложную операцію во время «работы». Такъ, одинъ, отправляясь на дѣло, запасся ножемъ, желѣзнымъ болтомъ и петлей; въ дѣло, впрочемъ, были пущены только болтъ и петля, да и то неудачно...

Мы уже знаемъ, въ какой степени легкомысленны, наивны и ничтожны бываютъ нерѣдко поводы къ пролитію крови въ непреднамѣренныхъ, внезапныхъ убійствахъ. Къ ужасу за человѣка, оказывается что и въ убійствахъ зрѣло обдуманныхъ, взлелѣянныхъ, такъ сказать, въ душѣ преступника, поводы эти бываютъ иногда столь-же ничтожны, нелѣпы и безсмысленны. Вотъ примѣры.

Нѣкто, иностранный человѣкъ, Николай Даніэль, безпріютный бѣднякъ, выйдя изъ больницы и не имѣя пропитанія, «выдумалъ», по его выраженію, убійство и совершилъ его съ единственной цѣлью— попасть на обезпеченные казенные хлѣба. Въ 1869 г. крестьянинъ Родіоновъ, 23 лѣтъ, служившій «кухоннымъ мужикомъ» (должность—особенно часто встрѣчающаяся въ составѣ убійцъ: «кухонные мужики» убили, между прочимъ, и князя Аренсберга, о чемъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ), въ клубѣ общества «Пальма», покусился на жизнь швейцара этого клуба, о которомъ былъ слухъ, что у него водятся деньжонки. Можетъ быть, Родіоновъ и не соблазнился-бы этимъ, да съ нимъ случилась бѣда: за нѣсколько дней до покушенія, ему отказали отъ мѣста; онъ собрался ѣхать домой въ деревню, но имѣлъ глупость изъ имѣвшихся у него всего на всего десяти рублей—на девять купить у какого-то пройдохи «золотыхъ», оказавшихся, по справкѣ, ничего не стоющими мѣдными жетонами. Что тутъ дѣлать? — И денегъ пропащихъ жаль, и ѣхать въ деревню не на что... Ломая голову надъ исходомъ изъ труднаго положенія, Родіоновъ вспомнилъ о знакомомъ швейцарѣ и рѣшилъ его убить и ограбить. На себя одного онъ однакожъ не положился и подговорилъ къ соучастію въ преступленіи пріятеля — тоже «кухоннаго мужика»; но и съ помощью пріятеля

исполнить задуманное преступленіе ему не удалось. Какъ-то, въ семидесятыхъ годахъ, былъ задушенъ и ограбленъ у себя на квартирѣ одинъ изъ прикащиковъ Громовской биржи. По слѣдствію оказалось, что въ убійствѣ участвовало нѣсколько человѣкъ, изъ рабочихъ той-же биржи, и что они рѣшились на преступленіе, главнымъ образомъ, изъ мести къ покойному за то, что онъ ихъ разсчиталъ, т. е. отказалъ имъ отъ службы.

Говоря о поводахъ, дѣйствующихъ подстрекательнымъ образомъ на податливую волю преступниковъ, слѣдуетъ упомянуть объ одной группѣ убійствъ, совершаемыхъ съ цѣлью грабежа, гдѣ поводъ къ этому даютъ отчасти сами жертвы своимъ исключительнымъ образомъ жизни. Въ каждомъ околодкѣ всегда найдется субъектъ, ведущій одинокую, уединенную жизнь анахорета въ четырехъ стѣнахъ своего жилища и, въ большинствѣ случаевъ, по образу Гарпагона или Плюшкина. Это—чаще всего—старики, озлобленные на свѣтъ, сухіе и мнительные, скопившіе капиталецъ и трясущіеся надъ нимъ, какъ надъ единственнымъ для нихъ въ жизни сокровищемъ и утѣшеніемъ. Живутъ они совершенно изолированно, часто даже безъ прислуги, живутъ въ глуши, скупо, неряшливо и ни съ кѣмъ не знаются. Однакожъ любознательный околодокъ ихъ хорошо знаетъ и указываетъ на нихъ пальцами, какъ на чудаковъ. Во всѣхъ окрестныхъ мелочныхъ лавочкахъ, въ кабакахъ и портерныхъ, мѣстные вѣстовщики и «кумушки» чешутъ на ихъ счетъ болтливые языки и перемываютъ имъ косточки. Составляется о нихъ, такимъ образомъ, молва и всегда въ этой молвѣ существеннымъ содержаніемъ служитъ сказаніе, что у этихъ «скупердяевъ» деньги лежатъ въ сундукахъ — большія деньги! «На ловца и звѣрь бѣжитъ»... Соблазнительная молва эта наскакиваетъ на какого нибудь мѣстнаго или захожаго проходимца и лодыря, и производитъ на него подстрекающее впечатлѣніе. Двѣ, три справки, нѣсколько усилій мысли, недолгая борьба съ покладистой совѣстью, и—замыселъ на убійство готовъ!

Въ 1871 г., въ одномъ изъ пригородовъ Петербурга жило, въ собственномъ деревянномъ домѣ, очень странное купеческое семейство, состоявшее изъ старика-дяди и его двухъ племянницъ— пожилыхъ дѣвицъ. Старикъ торговалъ безотлучно цѣлый день въ собственной мелочной лавочкѣ, довольно далеко отстоявшей отъ

дома; племянницы-же оставались дома и никуда не выходили. Жили онѣ совершенно аскетками и почти дикарками. Питались только хлѣбомъ и чаемъ, которые приносилъ имъ дядя два раза въ день — утромъ и вечеромъ; одежды никакой не носили, а ходили въ однѣхъ рубашкахъ и бо́льшую часть времени проводили въ постеляхъ, ровно ничего не дѣлая. Неряшество ихъ было ужасное: немытыя, нечесанныя, въ грязныхъ, истлѣвшихъ отъ долгой носки рубашкахъ, поѣдаемыя миріадами паразитовъ, кишавшихъ на нихъ самихъ и въ ихъ отвратительныхъ логовищахъ, эти идіотки представляли собой какихъ-то чудовищъ. Въ домѣ онѣ жили однѣ съ дядей и, кромѣ его, да сосѣдки — жены столяра, носившей имъ воду, никогда никого не видали и ни съ кѣмъ не сообщались; но, разумѣется, въ околодкѣ о нихъ знали и толковали на всякіе лады объ ихъ затворничествѣ и странномъ образѣ жизни. Сложилось сказаніе, что у чудачекъ есть капиталъ... Онъ у нихъ дѣйствительно былъ, въ нѣсколько сотъ полуимперіаловъ и въ кучѣ старой серебряной монеты. Въ храненіи этого сокровища, котораго, конечно, никто сторонній не видѣлъ, и заключалась вся цѣль, вся сладость жизни диковинныхъ дѣвицъ. Онѣ были очень подозрительны и осторожны,—всегда сидѣли взаперти, подъ замками, и проникнуть къ нимъ кому нибудь стороннему не было возможности обыкновеннымъ путемъ. На несчастье дѣвицъ, нашелся человѣкъ (какой всегда въ этихъ случаяхъ находится), на котораго снизошло дьявольское навожденіе, внушившее ему идею перехитрить ихъ и овладѣть ихъ предполагаемыми сокровищами. Это былъ мѣстный трактирщикъ, вѣроятно, наслушавшійся въ своемъ заведеніи разныхъ диковинныхъ розсказней про загадочныхъ сестрицъ и, подъ ихъ впечатлѣніемъ, искусившійся мыслью совершить преступленіе. Впрочемъ трактирщикъ былъ по этой части только теоретикъ или, какъ говорится, «артистъ въ душѣ», но—не на дѣлѣ. Съ творческимъ увлеченіемъ, тщательно и остроумно составилъ онъ и обдумалъ злодѣйскій планъ, да на приведеніе его въ исполненіе не хватало храбрости и руки не подымались... Оставить втунѣ такой перлъ созданія — врагъ рода человѣческаго, безъ сомнѣнія, допустить не могъ. По его-ли стараніямъ, или въ силу инстинктивнаго психологическаго подбора, руководящаго отношеніями людей и, отчасти, предусмотрѣннаго пословицей—«рыбакъ рыбака видитъ издалека»,

случай свелъ и сблизилъ изобрѣтательнаго трактирщика съ подходящимъ, какъ нельзя болѣе, исполнителемъ его плана. Это былъ одинъ изъ гостей его заведенія, забревшій невѣдомо откуда и невѣдомо зачѣмъ, темный субъектъ съ весьма подозрительнымъ прошлымъ, но съ твердыми надежными руками, навыкшими во взломахъ, грабежахъ и кражахъ. «Рыбаки» по духу очень скоро снюхались...

— Вотъ кого хорошо было-бы обработать! — сказалъ трактирщикъ-артистъ, разумѣя дѣвицъ-аскетокъ, и повѣрилъ гостю свой давно задуманный планъ.

Гость такъ сразу за него и ухватился, какъ за находку. Осталось неразъясненнымъ, на какихъ условіяхъ взаимной выгоды состоялся здѣсь уговоръ между подстрекателемъ — авторомъ плана преступленія—и исполнителемъ послѣдняго? Когда преступленіе уже совершилось, то добычей воспользовался одинъ лишь исполнитель— это было достовѣрно, и только когда его поймали, онъ указалъ на нравственное участіе въ этомъ дѣлѣ трактирщика. Могло, конечно статься, что между ними былъ уговоръ подѣлиться добычей, и что потомъ убійца заблагоразсудилъ обмануть своего наставника и подстрекателя; но легко могло быть также, что трактирщикъ научалъ своего сговорчиваго гостя на преступленіе безкорыстно, просто— изъ любви къ искусству, просто потому что ему хотѣлось, изъ чисто артистическаго въ своемъ родѣ желанія, видѣть свой планъ— плодъ своего остроумія, своего воровскаго творчества—приведеннымъ въ исполненіе, воплощеннымъ въ «художественный» образъ... Въ темныхъ тайникахъ сердца человѣческаго, когда оно развращено и живетъ одними себялюбивыми, грубыми, плотоядными инстинктами, возможны самыя причудливыя, почти невѣроятныя, по своему звѣрству и каннибальству, желанія, прихоти и страсти. Исторія дала намъ столько примѣровъ въ этомъ вкусѣ, а изученіе современнаго міра преступленій, хотя-бы и не «историческихъ», убѣждаетъ, что художественная, напр., кровожадность, художественная страсть къ преступленію для преступленія, какъ страсть къ вину, къ игрѣ и пр., встрѣчаются не въ однихъ только величественныхъ Неронахъ, но и въ простѣйшихъ смертныхъ, среди мутныхъ подонковъ новѣйшаго общества.

Такъ или иначе, но планъ трактирщика былъ исполненъ. Его

factotum пробрался чрезъ огородъ, перелѣзая заборы и ползя, какъ кошка, по крышамъ смежныхъ построекъ, къ дому затворницъ-сестеръ, выставилъ раму въ одномъ изъ его оконъ и, войдя въ домъ, задушилъ несчастныхъ двумя поясами. Убійство онъ совершилъ 23-го февраля, а 26-го его уже задержала полиція въ Петербургѣ, въ лавкѣ одного мѣнялы, гдѣ онъ продавалъ похищенные червонцы...

Однородныхъ случаевъ, гдѣ соблазномъ для преступниковъ служатъ одиночество и уединенная жизнь разныхъ нелюдимовъ, составившихъ о себѣ, помимо воли, молву, какъ о капиталистахъ, можно бы привести много изъ нашего матеріала. По такимъ поводамъ былъ убитъ въ 1873 г., въ своей кельѣ, старикъ-іеромонахъ Александроневской лавры, однимъ изъ лаврскихъ служителей, оказавшимся большимъ пройдохой. У старца божьяго водились деньги и цѣнныя вещи, на которыя позарился преступникъ и совершилъ убійство, пользуясь уединенностью кельи іеромонаха и условіями монастырскаго отшельническаго житія. Въ 1874 г., въ глухой Зелениной улицѣ, среди бѣлаго дня, нашли изувѣченной, плавающей въ крови одну пожилую вдову—домовладѣлицу, а имущество ея разграбленнымъ. Вдова жила одна, какъ перстъ, и желала продать свой домъ. Явился покупатель, прилично одѣтый молодой человѣкъ, осмотрѣлъ подъ руководствомъ хозяйки домъ, службы и огородъ; остался очень доволенъ осмотромъ и, уже уходя, спросилъ бумажки и чернилъ, чтобы сдѣлать замѣтки; но едва хозяйка повернулась, чтобы исполнить его просьбу, мнимый покупатель сталъ «темяшить» ее по головѣ и по спинѣ желѣзнымъ ломомъ. Старуха упала замертво; убійца, думая, что покончилъ съ нею, взломалъ всѣ ящики въ комодахъ и столахъ, и, выбравъ изъ нихъ что̀ пришлось ему по вкусу, скрылся. Потомъ, когда старуха ожила и преступникъ былъ пойманъ, оказалось, что онъ давно уже прицѣливался къ ней и готовился налетѣть, избравъ сосѣднюю портерную лавку операціоннымъ пунктомъ для рекогносцировокъ и собиранія свѣдѣній. Случается, что убійства подобныхъ нелюдимовъ остаются очень долго необнаруженными и сами преступники, пользуясь этимъ, успѣваютъ ускользнуть. Такимъ образомъ, въ 1876 г., не были отысканы убійцы одного старика-нѣмца, одиноко жившаго въ отдѣльной квартиркѣ, въ Казанской улицѣ, и торговавшаго, выписываемыми имъ изъ-за границы, разными инструментами для

ювелирнаго мастерства. Въ одно прекрасное утро, его случайно нашли въ квартирѣ мертвымъ, съ туго затянутой на шеѣ петлей, а его деньги и цѣнныя вещи похищенными. Не утомляя читателя перечнемъ остальныхъ, подобныхъ же случаевъ данной группы, напомнимъ лишь, вѣроятно, у всѣхъ свѣжее въ памяти, необычайно-свирѣпое двойное убійство, совершонное блистательнымъ свѣтскимъ кавалеромъ Ландсбергомъ, точно также воспользовавшимся одиночествомъ и уединенной жизнью своей жертвы. Впрочемъ, это преступленіе хронологически не входитъ въ нашу рамку, ограничиваемую лишь 1877-мъ годомъ. Но въ нашемъ матеріалѣ, по данной группѣ убійствъ, имѣется фактъ, характеристическія подробности котораго заслуживаютъ особаго вниманія.

Въ 1869 г. полиція «получила свѣдѣнія, что двое неизвѣстныхъ людей, по имени Митрофанъ и Сергѣй, намѣрены убить и ограбить отставнаго титулярнаго совѣтника», одиноко жившаго въ домѣ Оржевскаго, на углу Литейной и Симеоновской улицъ, и слывшаго за человѣка зажиточнаго. Митрофанъ и Сергѣй свѣдали объ этомъ потому, что одинъ изъ нихъ, незадолго передъ тѣмъ, служилъ дворникомъ въ помянутомъ домѣ. Преступленіе, дѣйствительно задуманное, было предупреждено и пресѣчено, что̀ такъ рѣдко удается нашей полиціи, но, спрашивается, какъ и откуда она могла проникнуть въ злоумышленныя намѣренія Митрофана и Сергѣя? Обреченный на смерть титулярный совѣтникъ, не подозрѣвавшій даже существованія готовыхъ налетѣть на него лиходѣевъ, былъ тутъ не при чемъ; сами злоумышленники не стали же предварительно исповѣдываться полиціи въ своихъ намѣреніяхъ... Вѣдь убійство,—казалось бы,—такое страшное дѣло и такъ велика за него кара, что человѣку въ нормальномъ состояніи даже самому себѣ ужасно въ немъ сознаться, а если оно еще задумывается, то, конечно, должно задумываться въ величайшей, непроницаемой тайнѣ... Такъ казалось бы! Между тѣмъ, передъ нами фактъ, что эту величайшую, страшную тайну какихъ-то Митрофана и Сергѣя узнаётъ въ точности и даже заблаговременно полиція... Какъ могло это статься? Передъ нами, читатель, одна весьма любопытная и вовсе нерѣдкая черта разсматриваемаго порядка нравственныхъ уродствъ, вполнѣ подтверждающая вышесказанное замѣчаніе о присутствіи своеобразной художественности въ преступленіи.

Типъ Хлестакова, встрѣчающійся во всевозможныхъ общественныхъ слояхъ и положеніяхъ, весьма нерѣдокъ и среди отъявленныхъ преступниковъ. Есть, положительно, убійцы—Хлестаковы, и непремѣнно кто нибудь изъ упомянутыхъ Митрофана и Сергѣя, если не оба вкупѣ, принадлежалъ къ этому общечеловѣческому типу. Разумѣется, нужно предположить величайшее нравственное паденіе и озвѣреніе человѣка, чтобы онъ сталъ съ безумнымъ легкомысліемъ тщеславиться, рисоваться и хвастать, какъ удалью, какъ мастерствомъ, задуманнымъ или совершоннымъ уже убійствомъ; но подобная омерзительная хлестаковщина въ этомъ темномъ мірѣ существуетъ безспорно... Эти Митрофанъ и Сергѣй, несомнѣнно изъ хвастовства и спьяна, выболтали свою тайну гдѣ нибудь въ трактирѣ, въ веселой компаніи, и были подслушаны случайно подвернувшимся сыщикомъ; но легко могло статься, что они чисто по хлестаковски лгали на себя изъ тщеславія, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, у нихъ не хватило бы духу и злодѣйской твердости привести въ исполненіе свой страшный замыселъ... Тѣмъ отвратительнѣе, конечно, этотъ видъ художественнаго предвкушенія убійства, на которое нѣтъ силы и храбрости пойти, этотъ хлестаковскій блудъ преступленія!

Митрофанъ и Сергѣй хвастали убійствомъ, котораго еще не совершили, а вотъ одинъ добрый молодецъ какъ-то разъ выдалъ и себя и товарищей, расхваставшись, ни съ того ни съ сего, участіемъ въ убійствѣ поконченномъ... Примѣръ, повторяемъ, не единственный! Другой убійца, бывшій петербургскій городовой, какъ-то лѣтней ночью, на Петергофскомъ шоссе ухлопалъ булыжникомъ своего случайнаго спутника — стараго отставнаго солдата, соблазнившись его грошами. Обнаружить слѣды преступника было очень трудно, но онъ самъ, изъ своеобразнаго бахвальства, проговорился. Спустя нѣсколько дней послѣ убійства, очутился онъ въ Новомъ Петергофѣ, на станціи желѣзной дороги, и, будучи подъ хмѣлькомъ, началъ шумѣть. Мѣстный жандармъ принялся его унимать. Собралась, по обыкновенію, толпа и вдругъ буянъ, съ бухты-барахты, громко и заносчиво, словно совершая подвигъ, заявилъ жандарму:

— Да ты знаешь ли, кто я? — Я — преступникъ!.. Ты меня задержи... Я убилъ человѣка на 14-й верстѣ Петергофскаго шоссе... Вотъ кто я!

Жандармъ и присоединившійся къ нему городовой приняли, конечно, эту похвальбу за пьяный бредъ; но буянъ стоялъ на своемъ; когда-же его стали разспрашивать, онъ осадилъ полиціантовъ такимъ высокомѣрнымъ возраженіемъ:

— Вы кто такіе?—Нижніе чины! Ваше дѣло задержать меня, но не допрашивать: допрашивать будетъ судебный слѣдователь!

Признаніе это вполнѣ потомъ подтвердилось.

Не можемъ разстаться съ вышеописанными Митрофаномъ и Сергѣемъ, чтобы не отмѣтить еще одной интересной детали. Полиція прослѣдила за ними до того момента, когда они уже изготовились идти на задуманное преступленіе. Въ самой подготовкѣ у нихъ сказалась хлестаковская художественность, которая ихъ же и предала. Сошлись они ночью въ Александровскомъ паркѣ, куда заходить имъ не было никакой надобности для цѣли преступленія въ практическомъ отношеніи; но — темная ночь, лѣсная чаща, шумъ вѣтра въ верхушкахъ деревьевъ, глухое мѣсто,—все это вѣдь входитъ въ программу разбойничьяго романтизма. Слѣдуя той же программѣ, Митрофанъ и Сергѣй измѣнили свою внѣшность: загримировались и нацѣпили на себя накладныя бороды; не забыли, конечно, и о вооруженіи, въ выборѣ котораго опять таки проявилась у нихъ художественность. Убійца-практикъ, чуждый романтизма, хватаетъ первое попавшееся подъ руку оружіе, лишь бы оно было надежно и цѣлесообразно. Митрофанъ и Сергѣй покупаютъ на послѣдніе гроши красивые кинжалы—оружіе благородное и столько разъ воспѣтое въ «жестокихъ» романсахъ, ставшихъ достояніемъ улицы... Очевидно, это — артисты, «играющіе» въ разбойниковъ, какъ играютъ въ нихъ иногда дѣти, подъ обаяніемъ художественныхъ сторонъ разбойничьяго ремесла. Правда, въ данномъ случаѣ, эта игра могла кончиться трагической развязкой, но развѣ мало примѣровъ въ исторіи человѣческаго безумія диллетантскаго пролитія потоковъ крови ради художественной игры и сценическихъ эффектовъ?

Слѣдуетъ впрочемъ сказать, что такого сорта романтизмъ и театральность вовсе не въ русскихъ нравахъ и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ иллюстрируютъ собой убійства и иныя преступныя дѣянія нашихъ Ринальдо-Ринальдини и Картушей. Убійства у насъ, какъ было уже замѣчено, чрезвычайно просты и незамысловаты въ

огромномъ большинствѣ случаевъ. Въ нихъ поражаютъ: бѣдность злодѣйской изобрѣтательности, безхитростность замысла и полное почти отсутствіе того демонизма въ интригѣ, всегда крайне несложной, которымъ отличаются разбойничьи подвиги классическаго типа. Изъ массы фактовъ, находящихся въ нашемъ матеріалѣ, мы можемъ выбрать очень немного такихъ, которые заключали бы въ себѣ сколько нибудь сложную драматическую интригу. Ниже разсказанный случай, наиболѣе подходящій къ жанру уголовныхъ драмъ, во вкусѣ французскихъ романистовъ, — едва-ли не единственный за обозрѣваемый періодъ въ петербургской криминальной хроникѣ, по рубрикѣ убійствъ ради грабежа. Онъ интересенъ еще и потому, что завязка его началась въ домѣ покойнаго Некрасова и героинею его является личность, близко стоявшая къ поэту, въ качествѣ его домашней прислуги.

Въ 1877 г., лѣтомъ, за нѣсколько сотъ верстъ отъ Петербурга по варшавской желѣзной дорогѣ, близь станціи Новоселье, въ лѣсу былъ найденъ изувѣченный трупъ нестарой еще женщины, съ явными признаками насильственной смерти и ограбленія. Покойница оказалась совершенно неизвѣстной личностью какъ для мѣстной полиціи, такъ и для окрестныхъ поселянъ, въ томъ числѣ и для жителей Новоселья. Казалось, будто она съ луны свалилась на территорію Порховскаго уѣзда, къ великому скандалу и смущенію порховскихъ блюстителей. Въ виду такой загадочности событія, псковская прокуратура обратилась за содѣйствіемъ къ столичной сыскной полиціи, которая и командировала немедленно на мѣсто происшествія искуснаго и опытнаго агента. Послѣдній, однако, на первыхъ порахъ тоже сталъ въ тупикъ. Изъ осмотра трупа онъ сдѣлалъ одно только вѣрное заключеніе, что покойница была петербургская жительница; но какъ она попала въ лѣсную глушь Порховскаго уѣзда, кто ее завезъ туда и для какой цѣли, кто, наконецъ, наложилъ на нее руки, — долго оставалось неразъяснимой тайной. Было очевидно, что она пріѣхала по желѣзной дорогѣ на станцію Новоселье и отсюда отправилась дальше; но куда и съ кѣмъ — нельзя было добиться отъ мѣстныхъ жителей. Особенно настойчиво приставалъ агентъ съ разспросами къ хозяину и прислугѣ находящагося при станціи трактира, такъ какъ здѣсь обыкновенно происходило rendez-vous всѣхъ пріѣзжающихъ. Потомъ оказа-

лось, что трактирщикъ и его домашніе очень хорошо запримѣтили петербургскую гостью и знали, съ кѣмъ она уѣхала со станціи; но, по присущему русскимъ людямъ страху къ слѣдствію и суду, наотрѣзъ отказались дать какія нибудь свѣдѣнія, отговариваясь классической фигурой умолчанія: «знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ!» Только благодаря случайности, агентъ напалъ на прямые слѣды преступниковъ. Одна сосѣдняя помѣщица, узнавъ объ убійствѣ и его обстоятельствахъ, доброхотно сообщила полиціи, что она, бывъ на станціи Новоселье въ день убійства, видѣла лично, какъ такіе-то, извѣстные ей, крестьяне (она назвала имена), раннимъ утромъ увозили куда-то пріѣхавшихъ съ поѣздомъ трехъ женщинъ по-городски одѣтыхъ. Этимъ показаніемъ цѣлый уголъ завѣсы надъ кровавой тайной былъ приподнятъ,—и полиція вскорѣ открыла ее всю, путемъ очень сложныхъ розысковъ, за которыми слѣдить дальше намъ нѣтъ надобности.

Убитая оказалась жертвою очень замысловатой и даже довольно тонкой интриги, особенно, если взять во вниманіе малоразвитость и некультурность дѣйствующихъ лицъ. Жила у Некрасова въ кухаркахъ смирная, добронравная и бережливая чухонка, Марья Эсаіасовна Линдфорсъ, которую для краткости обрусили, назвавъ по просту Ильинишной. Извѣстно, что творецъ поэмы: «Кому на Руси жить хорошо?» — любилъ самъ хорошо жить и вкусно кушать. Слѣдовательно, Ильинишна была, вѣроятно, отличной стряпухой; но, видно, въ дѣлахъ житейскихъ была простовата и большой смекалкой не обладала, какъ всѣ почти петербургскія чухонки. Въ Петербургѣ искусныя и исправныя кухарки дорого цѣнятся. Ильинишна, надо полагать, жила всегда на «хорошихъ мѣстахъ», съ точки зрѣнія кухарочныхъ выгодъ и прибылей, и скопила порядочныя средства: у нея были и цѣнныя вещи, и деньги въ такомъ размѣрѣ, что она могла давать въ долгъ по сту рублей. Женщина уже зрѣлыхъ лѣтъ, одинокая, состоявшая на положеніи дѣвицы, Ильинишна была не прочь отъ узъ Гименея и, вообще, имѣла сердце теплое и общительное. Случай свелъ ее съ одной дѣвушкой, Настасьей, служившей въ кухмистерской, въ томъ же домѣ г. Краевскаго, гдѣ всегда и до конца дней жилъ Некрасовъ. Ильинишна очень сблизилась съ Настасьей и переманила ее къ Некрасову на должность судомойки. Теперь подруги были неразлучны,

и простодушная Ильинишна беззавѣтно ввѣрилась Настасьѣ. У Настасьи были здѣсь родные—старшая сестра, Ульяна, и ея мужъ, оба фабричные, которые тоже познакомились съ Ильинишной. Неизвѣстно, кто первый изъ нихъ набрелъ на мысль воспользоваться достояніемъ зажиточной чухонки, но обработывали они эту мысль всѣ вмѣстѣ, дѣятельнѣе-же всѣхъ — Настасья. По всѣмъ вѣроятіямъ, они сразу остановились на убійствѣ, какъ на вѣрномъ средствѣ для достиженія намѣченной цѣли; но какъ это сдѣлать половчѣе?—Тутъ начинается комедія, очень ловко разъигранная и основанная на тонкомъ изученіи характера жертвы. Какъ старая дѣва, Ильинишна была склонна къ сантиментальности и жаждала выйти замужъ по любви. Этой ея слабой стрункой и пользуются злоумышленники. Настасья вспоминаетъ, какъ-бы невзначай, что у нея на родинѣ, въ Порховскомъ уѣздѣ, есть пріятель, нѣкій волостной старшина — красавецъ, богачъ, ангелъ доброты, притомъ холостой, и, будучи «образованнымъ человѣкомъ», желаетъ жениться, но не на деревенщинѣ, а на приличной городской дамѣ:— вотъ-бы женихъ Ильинишнѣ!.. Ильинишна развѣсила уши и поддалась соблазнительной мечтѣ стать супругой эдакого идеала. Настасья куетъ желѣзо, пока горячо,—и положительно берется сосватать подругѣ блистательнаго старосту. По адресу его, немедленно написано въ такомъ смыслѣ подзадоривающее письмо, въ которомъ Ильинишна представлена во всей красѣ своихъ прелестей и добродѣтелей. Отвѣтъ не заставляетъ себя долго ждать:—староста въ восторгѣ отъ невѣсты и выражаетъ полную готовность отдать ей сердце. Начинается любовная переписка, совершенно отуманивающая чувствительную чухонку. Наконецъ влюбленный староста, горя страстнымъ нетерпѣніемъ, зоветъ Ильинишну въ свой «чертогъ златой», для заключенія брачнаго союза... Дѣва побѣждена и, пренебрегая «хорошимъ мѣстомъ» у Некрасова, выгодами городской жизни, а—что всего важнѣе—неизвѣстностью будущаго и незнакомствомъ съ женихомъ, бросаетъ Петербургъ, беретъ съ собою всѣ пожитки и мчится, очертя голову, по желѣзной дорогѣ, въ сопровожденіи коварныхъ подругъ и свахъ, Настасьи и Ульяны. Въ Новосельѣ встрѣчаетъ ихъ съ лошадьми мужъ Ульянинъ, раньше уѣхавшій изъ Петербурга, чтобы подготовить развязку этой трагикомедіи. Ильинишна полная сантиментальныхъ мечтаній о близкой

романической встрѣчѣ съ плѣнившимъ ея сердце старостой, садится въ телѣгу со своими друзьями и ѣдетъ, ничего не подозрѣвая. Путь былъ не долгій. Спустя не болѣе получаса послѣ отъѣзда, несчастная уже лежала съ раздробленнымъ черепомъ въ лѣсу, бездыханная и ограбленная... По показанію Настасьи, убійство совершили ея сестра и мужъ послѣдней; но если сама Настасья и оставалась здѣсь безучастной, то въ подготовкѣ преступленія ей принадлежала главная роль. Говорить-ли, что никакого жениха старосты тутъ не было и ни откуда никакихъ писемъ, съ изъявленіемъ любви, Ильинишнѣ не присылалось:—все это былъ плодъ изобрѣтательной фантазіи Настасьи и ея родныхъ, а что касается писемъ отъ мнимаго старосты, то, за безграмотствомъ всѣхъ участниковъ этой интриги, ихъ сочинялъ, по просьбѣ Настасьи и совершенно платонически, ея «знакомый», молодой человѣкъ—ученикъ консерваторіи...

Не знаемъ, оффиціальная статистика, быть можетъ, зачислила послѣднее убійство въ уголовную лѣтопись Псковской губерніи; но безъ сомнѣнія, оно всецѣло принадлежитъ Петербургу, какъ въ немъ посѣянный и въ немъ же созрѣвшій плодъ. Кстати сказать, такой случай, гдѣ задуманное въ Петербургѣ и петербургскимъ жителемъ исполненное убійство разрѣшается внѣ столицы, и иногда на значительномъ разстояніи,—не единственный.

Подобнымъ образомъ было совершено, напр., въ Харьковѣ знаменитое убійство доктора Ковальчукова. Бываетъ еще и такъ, что убійство, совершонное въ Петербургѣ, и самая жертва его обнаруживаются за сотни верстъ въ сторонѣ отъ мѣста дѣйствія. Впрочемъ, за обозрѣваемый нами періодъ былъ всего лишь одинъ такой случай—съ достопамятнымъ фонъ-Зономъ, убитымъ въ Петербургѣ и очутившимся въ чемоданѣ, въ Москвѣ, въ качествѣ товарнаго груза «большой скорости». Хотя послѣднее убійство хорошо всѣмъ памятно, но мы не можемъ пройти мимо него, не давъ ему надлежащаго мѣста въ производимой нами группировкѣ. Во-первыхъ, въ немъ много аналогичнаго съ сейчасъ описаннымъ относительно повода, которымъ пользуются преступники. И тамъ, и здѣсь жертвы ловятся на удочку любовнаго чувства, и подъ этимъ увлеченіемъ ввѣряются убійцамъ, коварно эксплуатирующимъ въ нихъ слабую струнку. Разница только въ томъ, что у простоватой Ильинишны

любовное влеченіе къ невѣдомому старостѣ было благонравно-сантиментальное и мечтательное, какъ у иной институтки. Фонъ-Зонъ же былъ старый, неразборчивый развратникъ, «завсегдатай» клубовъ, танцъ-классовъ и грязныхъ лупонаръ. Онъ далъ завлечь себя въ разбойничій притонъ Максима Иванова изъ-за минутной сластолюбивой вспышки къ сговорчивой, легкаго поведенія, танцклассной сиренѣ, пресловутой «Сашкѣ». Безъ сомнѣнія, въ разборъ качествъ даннаго чувства, въ томъ или другомъ изъ нашихъ героевъ, здѣсь нѣтъ надобности входить. Мы отмѣчаемъ только такіе факты, гдѣ помянутое любовное чувство было эксплуатировано убійцами для завлеченія жертвъ своихъ въ западню. Кромѣ вышеприведенныхъ двухъ случаевъ подобнаго сорта, другихъ, равной достовѣрности, мы не знаемъ въ хроникѣ петербургскихъ убійствъ за обозрѣваемый періодъ. Зато, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, любовнымъ жаромъ столичныхъ Донъ-Жуановъ весьма дѣятельно и часто пользуются петербургскіе воры, мошенники и плуты обоего пола и иногда очень высокихъ положеній.

Во-вторыхъ, убійство фонъ-Зона весьма характеристично по способу сокрытія слѣдовъ преступленія. Во всякомъ убійствѣ прямой и главной уликой является, естественно, самый трупъ жертвы. Библейское выраженіе, что пролитая «кровь вопіетъ къ небу» о мести, имѣетъ чисто юридическій и вполнѣ точный смыслъ. Поэтому убійца, озабочиваемый мыслью укрыться отъ законной мести за свое страшное дѣло, принимаетъ въ разсчетъ и вопросъ о возможности или невозможности скрыть пролитую кровь, устранить самый объектъ совершоннаго преступленія; но, при нынѣшнихъ условіяхъ городской жизни, надъ вопросомъ этимъ долго останавливаться не приходится, потому что онъ, въ большинствѣ случаевъ, неразрѣшимъ практически. Почти всѣ убійства, совершаемыя въ городахъ, дѣлаются въ жилыхъ помѣщеніяхъ, нерѣдко въ огромныхъ, густо населенныхъ домахъ, гдѣ нѣтъ возможности спрятать или устранить трупъ человѣка такимъ образомъ, чтобы этого никто не замѣтилъ. Вслѣдствіе этого, убійцы чаще всего и не пытаются дѣлать это; по крайней мѣрѣ, въ уголовной хроникѣ Петербурга рѣдки случаи такихъ попытокъ. Намъ извѣстны два, три факта, въ которыхъ убійцы, пользуясь уединенностью и изолированностью жилищъ своихъ жертвъ гдѣ нибудь на дачѣ, на краю

города, дѣлали поджоги съ цѣлью уничтожить слѣды преступленія и самые трупы убитыхъ. Затѣмъ, что касается механическихъ способовъ сокрытія и уничтоженія труповъ, то они всегда имѣютъ мѣсто при дѣтоубійствахъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ матери лишаютъ жизни своихъ младенцевъ при разрѣшеніи отъ бремени, съ цѣлью скрыть свое материнство. Сокрытіе-же труповъ взрослыхъ людей и устраненіе ихъ съ мѣста преступленія, подобно тому, какъ это было сдѣлано съ трупомъ фонъ-Зона, повторяются очень рѣдко. Оригинальная посылка трупа фонъ-Зона въ чемоданѣ, въ видѣ желѣзнодорожной клади, была вынуждена тѣмъ обстоятельствомъ, что убійство совершилось въ квартирѣ самихъ преступниковъ, и имъ необходимо было куда нибудь дѣвать мертвое тѣло своей жертвы, такъ какъ инымъ путемъ отдѣлаться отъ него не представлялось возможности. Намъ извѣстенъ еще одинъ только аналогичный случай такого путешествія трупа, подъ видомъ товарнаго тюка.

Въ 1877 г., какъ-то въ сумерки, неизвѣстный человѣкъ нанялъ ломоваго извощика свезти на желѣзную дорогу кладь, которую тутъ-же передалъ ему, и, когда извощикъ тронулся въ путь, сѣлъ сзади роспусковъ, но дорогой незамѣтно исчезъ. Извощикъ заблагоразсудилъ тогда отвезти порученный ему «товаръ» на хозяйскую квартиру и спряталъ его въ погребѣ, можетъ быть, въ тайномъ намѣреніи воспользоваться находкой; но одинъ изъ его товарищей случайно ее обнаружилъ. Это былъ большой, тяжелый, завернутый въ рогожи и обвязанный веревками, тюкъ. Заключавшійся въ немъ «товаръ», по вскрытіи, оказался трупомъ молодой красивой женщины въ щегольскомъ дезабилье, съ проломленнымъ черепомъ на правомъ вискѣ... Убійца или убійцы въ данномъ случаѣ показали себя мастерами своего дѣла; не взирая на всѣ усилія полиціи, слѣдъ ихъ пропалъ окончательно и преступленіе это такъ и осталось неразъясненнымъ. Было обнаружено только, что убитая—кронштадтская мѣщанка, отличавшаяся легкимъ поведеніемъ.

Сокрытіе трупа жертвы зрѣлаго возраста въ предѣлахъ самаго зданія, въ которомъ совершено убійство, имѣло мѣсто за обозрѣваемый періодъ, сколько помнимъ, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Такъ, въ описанномъ нами уже ранѣе убійствѣ чиновникомъ мальчика на Васильевскомъ островѣ, убійца пытался скрыть преступленіе, изрубивъ въ куски трупъ своей жертвы и спрятавъ ихъ въ ящикъ въ

сараѣ. Въ 1871 г., въ Средней Подъяческой улицѣ, случайно былъ обнаруженъ на чердакѣ одного дома изувѣченный трупъ старика-нѣмца, втиснутый и запертый на замокъ въ сундукъ. Старикъ пролежалъ въ сундукѣ слишкомъ двадцать дней, пока догадались его найти. Убійство его имѣетъ нѣсколько общихъ чертъ съ убійствомъ фонъ-Зона. Какъ и сей послѣдній, старикъ былъ умерщвленъ въ чужой квартирѣ, гдѣ онъ былъ гостемъ и, кажется, сталъ жертвой такого-же старческаго сластолюбія. Расправились съ нимъ родственники — родной племянникъ, жена и дочь брата; послѣднія пріѣхали aus Reval промышлять развратомъ. Квартира принадлежала этимъ женщинамъ и, кромѣ нихъ, въ ней проживали проститутки. Старикъ былъ у нихъ очень частымъ гостемъ и находился съ старшей хозяйкой въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, что домовые дворники считали его мужемъ ея. Впрочемъ, отношенія ихъ остались невыясненными и, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ были только родственныя. Убійство-же было сдѣлано ради грабежа. Наконецъ, въ заключеніе этой категоріи фактовъ, упомянемъ еще объ одномъ крайне загадочномъ случаѣ, гдѣ трупъ «неизвѣстнаго человѣка», насильственно лишеннаго жизни, очутился какимъ-то непостижимымъ образомъ подъ крышей купола одной столичной церкви. Трупъ оказался очень залежавшимся и унесъ съ собой въ могилу тайну этого трагическаго «происшествія».

Убійцы всѣхъ временъ и всѣхъ странъ давно знали предательскую, но для нихъ дорогую цѣну водяной стихіи, какъ лучшаго средства для смытія слѣдовъ пролитой крови и сокрытія самого объекта преступленія. Сбросить трупъ въ воду, похоронить въ ея пучинахъ—что̀ можетъ быть соблазнительнѣе, надежнѣе и легче въ интересѣ убійцы, озабоченнаго уничтоженіемъ слѣдовъ своего преступленія?—Къ удивленію, наша судебно-полицейская хроника за данный періодъ не представляетъ ни одного случая подобной операціи, хотя, казалось-бы, въ Петербургѣ, столь обильномъ рѣками и каналами, злодѣйская идея пользоваться ими для цѣлей убійства должна-бы чаще, чѣмъ гдѣ нибудь, осѣнять преступныя головы. Есть, однако-жъ, одно обстоятельство, которое косвеннымъ путемъ возбуждаетъ сильное подозрѣніе, что такъ бываетъ и на самомъ дѣлѣ, да только остается невѣдомой и недоступной тайной для блюстительскаго ока и для слѣдовательской догадливости. Кто не

читалъ очень часто встрѣчающихся въ газетахъ, въ сезонъ навигаціи, извѣщеній о «всплытіи сильно предавшихся гнилости тѣлъ» разныхъ «неизвѣстныхъ» мужчинъ и женщинъ?—Какъ они попали въ невскія пучины, долго-ли лежали на ихъ тинистомъ днѣ,—всегда остается неразъясненнымъ вопросомъ, который обыкновенно передается на волю Божію. Между тѣмъ, въ Петербургѣ ежегодно всплываетъ такихъ невѣдомыхъ тѣлъ, среднимъ счетомъ, до семидесяти... Это—очень внушительная цифра! Конечно, въ цифру эту входятъ вольные и невольные утопленники, но всѣ-ли эти семьдесятъ жертвъ, поглощаемыхъ коварной Невою, точно сказочнымъ Змѣемъ Горыничемъ, поплатились жизнью по своей волѣ (напр., самоубійцы), по неосторожности, по несчастной случайности?.. Чудится невольно, что славная рѣка-Нева схоронила навсегда въ своихъ глубокихъ хлябяхъ много лихихъ дѣлъ, много кровавыхъ преступленій...

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что въ дѣлѣ сокрытія преступленій и даже убійствъ, русскіе злодѣи отличаются общей русскому національному характеру чертой—безпечностью и беззаботностью, иногда поразительными. Казалось бы, убійство, по самой натурѣ своей, требуетъ глубокой тайны въ интересахъ самого преступника; но мы видѣли уже, какъ иногда легкомысленно, даже съ бравадой, пренебрегается это условіе иными головорѣзами хлестаковскаго типа. Та же черта ребяческой безпечности и легкомыслія проявляется часто въ формахъ сообщничества и соучастничества въ убійствѣ. Есть не мало фактовъ, гдѣ поражаешься легкостью и нравственной уступчивостью, съ которыми люди, еще вчера и не помышлявшіе о преступленіи, сегодня даютъ себя уговорить, чуть не по первому приглашенію, идти на кровавое дѣло. Отсюда, нерѣдко бываетъ, что пойманный участникъ преступленія, при всемъ чистосердечіи своего сознанія, не умѣетъ назвать толково своихъ товарищей, знаетъ ихъ лишь по именамъ или даже вовсе не знаетъ, кто они. Въ убійствахъ, совершаемыхъ въ нѣсколько рукъ, особенно уличнаго и трущобнаго пролетаріата, зауряд случается, что между соучастниками находятся люди, совершенно между собою незнакомые, въ первый разъ встрѣтившіеся на порогѣ къ страшному преступленію, и—ничего: это ихъ нисколько не безпокоитъ и не затрудняетъ! Разумѣется, при такомъ условіи, тайна «артельныхъ»

убійствъ немедленно всегда обнаруживается и сами «артельщики» въ кратчайшее время попадаются въ руки полиціи. Правда, «артельныя» убійства случаются въ Петербургѣ рѣдко,—всего чаще убійца идетъ на жертву одинъ на одного, рѣже—вдвоемъ.

Безпечность и несообразительность петербургскаго зауряднаго убійцы, изъ простолюдиновъ, сказывается также въ практикуемыхъ имъ способахъ укрывательства, по совершеніи преступленія. Мы говорили уже, что тутъ часто нѣтъ и попытки къ укрывательству. Большинство этого сорта убійцъ, немедленно послѣ преступленія, открыто предается кутежу и разгулу, съ нелѣпой фанфаронской расточительностью тратя награбленныя деньги и вещи, и тѣмъ уже выдавая себя головою. Вообще осторожные и обстоятельные преступники, имѣющіе «домъ» не въ Петербургѣ, а гдѣ-нибудь въ провинціи, въ деревнѣ, распоряжаются иначе. Окровавивъ руки и прикарманивъ добычу, они тотчасъ же бросаются вонъ изъ столицы —домой, въ деревню, въ наивной увѣренности, что тамъ-то они и спрячутся отъ правосудія; но обыкновенно попадаютъ въ руки полиціи, какъ куръ во щи. Петербургскіе слѣдователи и сыщики отлично подмѣтили эту повадку деревенскаго гостя въ столицѣ, если съ нимъ здѣсь грѣхъ приключится.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ одномъ, къ сожалѣнію, весьма нерѣдко повторяющемся видѣ убійства, вызываемомъ неблагопріятными моральными и матеріальными условіями городской жизни. Это—дѣтоубійство, въ которомъ почти исключительно изобличаются молодыя женщины низшаго класса, ставшія матерями внѣ законнаго брака, въ дѣвичествѣ. Побужденіемъ къ убійству является здѣсь обыкновенно женскій стыдъ, страхъ безчестья и укоровъ со стороны родни. Начинается дѣло съ сокрытія самой беременности и съ попытокъ умертвить плодъ еще во чревѣ; когда-же это не удается и несчастный, заранѣе проклятый матерью, младенецъ является на свѣтъ живымъ—первый вздохъ его дѣлается и послѣднимъ. Много-ли нужно усилій, чтобъ задушить его? Впрочемъ, такъ-таки прямо задушить, сознательно и буквально,—рѣшаются очень немногія дѣтоубійцы-матери. По крайней мѣрѣ, судъ очень часто въ подобныхъ дѣлахъ затрудняется нелицепріятно опредѣлить степень вмѣняемости насильственной смерти ребенка. Нерѣдко бываетъ, что сама мать дѣйствительно не знаетъ—живой

или мертвый родился ея младенецъ? Но виновность здѣсь заключается въ намѣреніи отдѣлаться отъ плода во что-бы ни стало. Наиболѣе практикуемый для этого способъ—нужно правду сказать—ужасенъ. Знаете-ли, что изобличителями дѣтоубійствъ въ Петербургѣ являются преимущественно такъ-называемые «золотари»? Очищая резервуары домовыхъ нечистотъ, они находятъ въ нихъ иногда болѣе или менѣе разложившіеся младенческіе трупики, и—это случается, къ сожалѣнію, вовсе не рѣдко, говоря сравнительно. Оно и понятно: для сокрытія трупа младенца въ тѣснотѣ городскихъ обиталищъ—нельзя придумать болѣе легкаго и удобнаго способа. А дѣлается это иногда вотъ какимъ способомъ, о чемъ стало извѣстно на судѣ при разборѣ одного дѣла о дѣтоубійствѣ.

Крестьянская дѣвушка,—по профессіи служанка,—соблазненная какимъ-то ловеласомъ, имѣла несчастье забеременѣть. Почувствовавъ приближеніе родовъ, она отправилась въ отхожее мѣсто и тамъ разрѣшилась... Новорожденный прямо изъ материнской утробы упалъ въ смрадную, омерзительную клоаку, при очисткѣ которой его потомъ и нашли. Менѣе рѣшительныя и болѣе брезгливыя женщины, въ подобномъ злоключеніи, прибѣгаютъ къ тайному подкидыванію труповъ своихъ младенцевъ или оставленію ихъ гдѣ-нибудь въ скрытомъ мѣстѣ на произволъ судьбы. Нѣкоторыя-же, робкія, неопытныя, подавленныя своимъ несчастьемъ и своей виновностью, совершенно теряются въ такихъ случаяхъ и не знаютъ, куда дѣвать мертвый плодъ своего грѣхопаденія. Изъ фактовъ въ этомъ родѣ, имѣющихся въ нашемъ матеріалѣ, разскажемъ одинъ—наиболѣе характеристическій и, если хотите, наиболѣе трагическій, имѣвшій мѣсто въ 1874 году.

Какъ-то, въ нѣкоторомъ «пансіонѣ благородныхъ дѣвицъ» одна изъ старшихъ воспитанницъ, пятнадцатилѣтняя дѣвушка—дочь помѣщика екатеринославской губерніи, вскорѣ по пріѣздѣ съ каникулъ изъ родительскаго дома, стала недомогать, сама не зная чѣмъ и по какой причинѣ. Былъ призванъ врачъ, который сталъ лѣчить ее отъ «прекращенія регулъ»; но не прошло и недѣли, какъ природа жестоко посмѣялась надъ мудрымъ эскулапомъ: у больной обнаружились несомнѣнные признаки беременности. Можно представить себѣ ужасъ содержательницы пансіона при этомъ скандалезномъ открытіи, а что касается ея гнѣва, добродѣтельнаго негодо-

ванія и праведной жестокости по отношенію къ согрѣшившей воспитанницѣ, то всю ихъ мѣру даже и представить себѣ невозможно. Прежде всего бѣдняжка, яко заблудшая овечка, была отлучена отъ общества товарокъ и сослана на поселеніе въ кухню, и была бы сослана еще дальше, еслибъ въ распоряженіи «мадамы» имѣлись болѣе отдаленныя мѣста. По крайней мѣрѣ, «мадамъ» дѣятельно стала искать для преступницы такихъ мѣстъ, потому что у послѣдней, къ несчастью, не было въ Петербургѣ ни родныхъ, ни близкихъ знакомыхъ, на руки которыхъ можно было бы ее сдать. Негодующая «мадамъ» сгоряча скачетъ къ оберъ-полицiймейстеру и, изобразивъ ему весь трагизмъ своего положенія, ходатайствуетъ объ избавленіи ея заведенія отъ позора и ея виновницы... «Происшествіе» было слишкомъ деликатнаго свойства и настолько экстраординарное, что полиція не нашлась, какъ ей поступить. Событія, между тѣмъ, не ждали. Неизвѣстно, преждевременно ли, или въ самую пору, естественнымъ-ли путемъ, или искусственно и, можетъ быть, при содѣйствіи какой-нибудь сердобольной судомойки, несчастная дѣвушка, убитая и потрясенная, сама не знавшая о своемъ состояніи, разрѣшилась отъ бремени. Точно также осталось неизвѣстнымъ, живымъ или мертвымъ родился младенецъ; достовѣрно только, что юница-мать хотѣла его скрыть и, съ этой цѣлью, спрятала сначала въ своей постели подъ подушку, а потомъ въ сундукъ, не вынося, впрочемъ, изъ кухни. Скрыть то, о чемъ зналъ уже весь домъ, зналъ даже г. оберъ-полицiймейстеръ, могло прійти въ голову только совершенно наивному, притомъ, до смерти напуганному и обезумѣвшему отъ горя и страха ребенку. Началось формальное слѣдствіе о дѣтоубійствѣ и — «преступница» очутилась въ тюрьмѣ. Открылось, что она жертва неслыханнаго, отвратительнаго сластолюбія роднаго отца, воспользовавшагося ея невинностью во время каникулъ. Открылось, что этотъ безстыдный звѣрь въ человѣческомъ образѣ точно также преслѣдовалъ своими кровосмѣсительными исканіями и старшую дочь; но она, будучи взрослой, опытной дѣвушкой, скрылась изъ родительскаго дома и тѣмъ избѣжала разставленныхъ «папашею» сѣтей, въ которыя попала младшая дочь — дѣвушка совершенно наивная, почти дитя... Прокуратура адресовалась къ этому папашѣ-кровосмѣсителю; но дѣло какъ-то замялось.

Другіе виды дѣтоубійства, по какимъ-нибудь инымъ поводамъ, къ чести петербургскаго населенія, случаются у насъ очень рѣдко. Памятны только: одна мать, пытавшаяся, съ отчаянья, отравить своихъ четверыхъ ребятъ за невозможностью давать имъ пропитаніе, и одна злая мачиха, покушавшаяся убить свою шестилѣтнюю падчерицу, вышвырнувъ ее изъ окна съ четвертаго этажа на мостовую. Въ послѣднемъ случаѣ преступницей руководила сознательная, свирѣпая ненависть къ несчастному ребенку; но, повторяемъ, такіе случаи весьма рѣдки.

Есть указанія, что въ Петербургѣ весьма практикуется, хотя и очень рѣдко обнаруживается и карается, неуловимый для правосудія, тайный видъ дѣтоубійства посредствомъ вытравленія плода. Къ этому роду дѣтоубійства прибѣгаютъ женщины культурнаго класса, нерѣдко изъ аристократическихъ верхушекъ общества, и не однѣ только, согрѣшившія и дорожащія репутаціей весталокъ, дѣвицы, но, случается, и замужнія дамы, почему либо не желающія быть матерями. Къ услугамъ этихъ барынекъ несомнѣнно существуютъ особые спеціалисты изъ дамскихъ врачей и акушерокъ, совершающіе вытравленіе плода по всѣмъ правиламъ искусства. Практика у нихъ должно быть не малая, въ виду того, что, при современномъ поврежденіи нравовъ, свѣтская женщина очень любитъ наслажденія, очень склонна къ грѣхопаденію, но не любитъ и боится бремени материнства. На избавленіе себя отъ дѣтей, путемъ вытравленія плода, женщина этого сорта, ея любовники, подчасъ мужья и пособники-спеціалисты смотрятъ очень легко и не считаютъ этого большимъ грѣхомъ. Есть, вѣдь, даже и умныя книжки, которыя оправдываютъ эту операцію съ точки зрѣнія житейской и философской.

IV.

Честные убійцы.

Со времени введенія у насъ суда присяжныхъ, многіе изъ представителей разсматриваемой здѣсь криминальной группы не только въ мнѣніи своей среды, но и по приговору суда нерѣдко оказываются «честными убійцами», т. е. получаютъ полное оправданіе, къ злорадному соблазну ретроградныхъ противниковъ судебной реформы 1864 г. и, порой, къ немалому смущенію ея друзей. Оно какъ-то, въ самомъ дѣлѣ, странно, если смотрѣть на дѣло безотносительно и не вдаваясь въ смягчающія вину обстоятельства: — несомнѣнно-изобличенный убійца, насильственно отнявшій у ближняго драгоцѣннѣйшій даръ — жизнь, и тѣмъ нарушившій самые святые божескіе и человѣческіе законы, и—вдругъ—невиновенъ!.. Разъ. существуетъ на свѣтѣ нелицепріятно-карающая Ѳемида, это противорѣчіе звучитъ слишкомъ рѣзко; чувствуется здѣсь какая-то вопіющая нелогичность и фальшь. Вѣдь какъ ни изворачивайтесь въ діалектическихъ и юриспрудентскихъ тонкостяхъ, а на основаніи здраваго смысла необходимо признать, въ виду цѣлаго ряда оправданій явныхъ убійцъ, что логика современной жизни вовсе не исключаетъ de facto убійства, какъ неизбѣжнаго, а слѣдовательно,—естественнаго и законосообразнаго исхода изъ извѣстныхъ положеній и отношеній. Оказывается притомъ, что эта грубая логика такъ еще сильна и такъ убѣдительна, что передъ нею вынуждены пасовать и законъ и общественная совѣсть, въ лицѣ присяжныхъ.

Нелѣпо и недобросовѣстно обвиняемый, якобы, въ послабленіи,—судъ присяжныхъ оказалъ въ этомъ случаѣ большую услугу познанію того глубокаго мрака и той примитивной эгоистической дикости, которые еще царятъ въ современныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, господствуя надъ альтруистическими побужденіями, не взирая на хваленую гуманность и просвѣщенность нашего вѣка. Суду-

же, какъ живому органу, руководящемуся внутреннимъ убѣжденіемъ и разумомъ живыхъ людей, а не мертвой буквой писаннаго закона, мы обязаны, въ данномъ случаѣ, и выясненіемъ той фальши, которая вытекаетъ изъ непримиримаго противорѣчія между практикой жизни и ея теоріей, искусственно ей навязанной въ формѣ этой самой мертвой буквы. Впрочемъ, оно такъ и должно быть, чтобы теорія шла впереди жизни и освѣщала ей путь; но, пожалуй, въ этомъ случаѣ она ужь слишкомъ занеслась впередъ... Нѣтъ спора, прекрасно, что законъ безусловно высказывается противъ убійства; но горько то, что у жизни есть случаи, гдѣ она не хочетъ признавать этого требованія и, неотразимой силой собственной логики, отвергая примѣнимость теоріи, заставляетъ законъ молчать, заставляетъ признавать, говоря философскимъ терминомъ, мыслимость убійства въ сферѣ человѣческихъ отношеній.

Исходя изъ этого положенія, мы остановимся прежде всего на такихъ случаяхъ «честныхъ убійствъ», гдѣ оно особенно ярко выражается, гдѣ логика жизненныхъ условій приводитъ къ неотразимому убѣжденію въ неизбѣжности кроваваго дѣла и, слѣдовательно, къ его оправданію. На первомъ планѣ должны стоять здѣсь, конечно, дуэли, которыя, не смотря на ихъ допотопную дикость и вопіющую несправедливость, если не безсмыслицу, пользуются полнымъ правомъ гражданства въ наиболѣе культурныхъ слояхъ общества. По существующимъ, глубоко вкоренившимся понятіямъ на этотъ счетъ, безчестно—не убить ближняго на дуэли, а отказаться отъ убійства, конечно, съ рискомъ самому быть убитымъ. Вслѣдствіе этого, дуэлисты-убійцы не только не встрѣчаютъ ни малѣйшаго упрека со стороны общественной совѣсти, но имъ почти аплодируютъ, какъ героямъ, и предразсудокъ этотъ еще такъ силенъ и такъ распространенъ, что ему должно было сдѣлать уступку само уголовное законодательство, карающее, какъ извѣстно, за убійство на поединкахъ весьма снисходительно. То же законодательство вынуждено было признать и полную невмѣняемость убійства на дуэли для нѣкоторыхъ, очень рѣдкихъ и, разумѣется, исключительныхъ случаевъ.

Человѣческія отношенія до такой степени еще проникнуты зоологическимъ, звѣринымъ элементомъ, что дѣйствительно бываютъ такіе трагическіе случаи, изъ которыхъ нѣтъ другаго исхода, какъ

бой на смерть, какъ кровавая развязка. Случаи эти относятся къ разнообразнымъ видамъ поруганія и оскорбленія личной и семейной чести, настолько тяжкимъ и непоправимымъ рукою законнаго правосудія, что даже человѣкъ разсудительный, принципіально отвергающій дуэль, идетъ на нее по холодному разсчету. Вотъ какимъ образомъ одинъ изъ извѣстныхъ и компетентныхъ юристовъ нашихъ аргументируетъ мыслимость поединка для извѣстныхъ случаевъ: «Цивилизація внушаетъ человѣку: самъ себя не защищай, я гарантирую тебѣ всевозможныя блага, только богатѣй, учись и старайся быть какъ можно ловче, старайся только не забѣгать въ область уголовнаго права. Обычай-же поединка является среди цивилизаціи, какъ символъ того, что человѣкъ *можетъ* и *долженъ* въ извѣстныхъ случаяхъ жертвовать самымъ дорогимъ своимъ благомъ — жизнью — за вещи, которыя, съ матеріалистической точки зрѣнія, не имѣютъ значенія и смысла: за вѣру, родину и *честь*. Вотъ почему обычаемъ этимъ нельзя поступиться».

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что у насъ большинство дуэлей происходитъ по ничтожнымъ поводамъ, а нерѣдко изъ-за совершенныхъ пустяковъ, что, однако, не мѣшаетъ имъ разрѣшаться часто какъ нельзя болѣе серьезными членовредительствами и даже убійствами наповалъ. Приведемъ нѣсколько характеристическихъ случаевъ. Какъ-то вскорѣ послѣ войны, въ общей залѣ одного столичнаго ресторана сидѣлъ за столомъ со своимъ знакомымъ молодой офицеръ легкой гвардейской кавалеріи. У офицера красовался на груди георгіевскій крестикъ, привлекшій на себя вниманіе какого-то подвыпившаго статскаго господина.

— Удивляюсь, — сказалъ этотъ господинъ громко и со смѣхомъ въ глаза офицеру, — какъ можно было получить Георгія въ такомъ-то полку (онъ назвалъ полкъ офицера), который, сколько извѣстно, нигдѣ храбростью не отличился и никакихъ побѣдъ не одержалъ?

Молодой человѣкъ вспыхнулъ и счелъ долгомъ вступиться за «честь своего полка», за «честь мундира». На требованіе взять назадъ оскорбительный отзывъ, статскій господинъ отвѣтилъ новымъ оскорбленіемъ; тогда офицеръ сдѣлалъ вызовъ, который и былъ принятъ. И вотъ люди, въ первый разъ въ жизни встрѣтившіеся между собою, совершенно чужіе другъ другу и, до этого трактир-

наго столкновенія, не подозрѣвавшіе даже существованія одинъ другаго, сошлись на смертельный бой... Бой у нихъ былъ, дѣйствительно, смертельный. Они избрали американскую дуэль, состоящую въ томъ, что противники одновременно выдергиваютъ изъ сжатой руки секунданта концы носоваго платка; кому достанется конецъ съ узелкомъ, тотъ собственноручно тутъ-же всаживаетъ себѣ пулю въ лобъ. Узелокъ достался офицеру...

Здѣсь поводъ, съ военно-рыцарской точки зрѣнія, былъ такъ или иначе серьезенъ, особенно по сравненію съ большинствомъ дуэлей, происходящихъ изъ-за такихъ, напр., вздоровъ. Однажды въ «кабинетикѣ» фруктоваго магазина пресловутаго Одинцова завтракала веселая компанія, состоявшая изъ представителей jeunesse dorée. На такихъ завтракахъ обыкновенно ѣдятъ немного, но выпивка производится богатырская. Подъ ея-то вліяніемъ, одинъ изъ собесѣдниковъ, разыгравшись, высыпалъ другому собесѣднику-пріятелю солонку соли на голову; въ отвѣтъ на это, послѣдній схватилъ лежавшую передъ нимъ на тарелкѣ селедку и смазалъ ею шутника по физіономіи... Шаловливое состязаніе между ними на этотъ разъ дальше не пошло, но, спустя дня два, оно закончилось въ окрестностяхъ столицы двумя пистолетными выстрѣлами, изъ которыхъ однимъ былъ смертельно раненъ шутникъ, сдѣлавшій неподходящее употребленіе изъ соли.

Другой аналогичный случай. Въ шикарномъ ресторанѣ собрался отобѣдать кружокъ друзей, все изъ той-же «золотой молодежи»... Ѣли, конечно, исправно, но еще исправнѣе пили. Когда вино вошло въ свои права, одинъ изъ собесѣдниковъ напомнилъ другому случившееся съ нимъ передъ тѣмъ непріятное происшествіе, какъ его за пьяное, неприличное поведеніе вытолкали изъ одного аристократическаго игорнаго дома. Собесѣдникъ, напомнившій объ этомъ скандалѣ, сталъ попрекать героя послѣдняго въ трусости: какъ-де онъ, понеся такое оскорбленіе, не вызвалъ хозяина игорнаго притона на дуэль? Тотъ категорически отрицалъ самый фактъ такого оскорбленія (фактъ, дѣйствительно случившійся, какъ выяснилось потомъ на судѣ)... Заспорили... Слово за слово, разгорячившіеся собесѣдники пустили другъ въ друга стаканами, наполненными виномъ, обмѣнялись нѣсколькими толчками и пощечинами, на весь ресторанъ ругаясь площадною бранью... Скандалъ вышелъ слишкомъ грязный, чтобы его

можно было затушевать. Смыть такую грязь невозможно, но у «порядочныхъ людей» въ подобныхъ случаяхъ есть вѣрное средство обмануть и себя и «своихъ». Средство это—дуэль, глупый предразсудокъ, но очень удобный для «порядочныхъ людей», потому что, посредствомъ его, можно погашать самые запутанные и неопрятные счеты. Какъ это ни странно, но дуэль очищаетъ въ глазахъ извѣстнаго слоя общества любаго, принадлежащаго къ нему, негодяя, а въ особенности, когда пуля-дура его оцарапаетъ. На этотъ разъ, впрочемъ, царапина, понесенная однимъ изъ противниковъ на дуэли, оказалась настолько тяжкою, что онъ Богу душу отдалъ.

Приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно для характеристики большинства этого сорта «честныхъ убійствъ». Дальше—пришлось бы только повторяться. И причины большей части дуэлей, и герои этихъ послѣднихъ — одни и тѣ-же. Какъ можете судить, рыцарскаго здѣсь очень немного и еще меньше простаго человѣческаго смысла. Это — просто трактирные скандалы, возникающіе подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, въ неряшлевой обстановкѣ, по крайне неблаговиднымъ и глупымъ поводамъ, отнюдь не аттестующимъ ихъ героевъ со стороны культурности и благовоспитанности. Совершенно такіе-же скандалы, столкновенія и драки можно наблюдать и въ средѣ какихъ нибудь, выражаясь трактирнымъ терминомъ, «завсегдатаевъ» Дюссо и Дорота, и въ кругу худородныхъ «хамовъ»—посѣтителей портерныхъ и кабаковъ; но, право, трудно сказать, кто «благороднѣе» и разсудительнѣе кончаетъ въ такихъ случаяхъ:—«хамы»-ли, которые «за тычкомъ не гонятся» и, подравшись спьяна, на другой день предаютъ обыкновенно эту непріятность забвенію, или описываемые здѣсь рыцари изъ среды «золотой молодежи», которые, унизившись въ пьяномъ видѣ до взаимнаго обмѣна пощечинами и бранью, считаютъ своимъ «священнымъ долгомъ» заключить такое столкновеніе добровольнымъ бреттёрскимъ убійствомъ уже въ трезвомъ умѣ и въ твердой памяти?...

Между тѣмъ, таковъ именно характеръ и такова завязка большинства совершающихся у насъ дуэлей, которыя притомъ практикуются почти исключительно въ узкомъ, обособленномъ міркѣ праздной, прожигающей жизнь, молодежи, причисляющей себя къ «слив-

камъ общества». Дуэли между людьми солидными и серьезными происходятъ у насъ очень рѣдко. За обозрѣваемый періодъ, въ Петербургѣ одна только дуэль обратила на себя общее вниманіе, какъ по своимъ поводамъ, непохожимъ на обычныя «недоразумѣнія» скандалезно-трактирнаго свойства, такъ и по качеству участниковъ въ ней — людей «съ образованіемъ, даже съ высшимъ образованіемъ», какъ выразился о нихъ прокуроръ, солидныхъ и благонравныхъ представителей интеллигентно-литературнаго слоя, а не какихъ нибудь свѣтскихъ хлыщей или посѣтителей игорныхъ домовъ.

Мы говоримъ о надѣлавшей въ свое время много шуму дуэли сотрудниковъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей«, литераторовъ Утина и Жохова, трагически кончившейся для послѣдняго изъ нихъ. Поводъ для этой дуэли, весьма сложный и запутанный, не вполнѣ выяснился на судѣ. Кровавой развязкѣ предшествовалъ рядъ взаимныхъ уколовъ самолюбія, шепотъ какихъ-то неблаговидныхъ сплетенъ и пересудовъ. Не обошлось и безъ романической прикосновенности къ интригѣ женщины, которая вообще присутствуетъ весьма часто, въ той или другой роли, въ убійствахъ разсматриваемой категоріи. Въ интригѣ, предшествовавшей дуэли Жохова съ Утинымъ, участіе женщины было косвенное и только подразумѣвалось прозорливцами, сочинившими такого свойства сплетню, что распутать ее уже нельзя было иначе, какъ на барьерѣ. Г. Утинъ велъ дѣло одного замѣшаннаго въ политическомъ преступленіи лица, съ молодой женой котораго Жоховъ былъ близокъ. Желая, будто-бы, жениться на этой особѣ, Жоховъ сталъ, путемъ софизмовъ, уговаривать г. Утина повести такъ дѣло своего кліента, чтобы послѣдній былъ признанъ кругомъ виноватымъ... Было-ли точно такое коварное подущеніе—слѣдствіемъ не разъяснено, но оно сдѣлалось сказкой дня въ кругу знакомыхъ Утина и Жохова, и постепенно разрослось въ отвратительную «сплетню, не имѣющую человѣческаго смысла», какъ выразился, фигурировавшій въ качествѣ свидѣтеля въ этомъ дѣлѣ, г. Суворинъ. Однако подобныя сплетни, не имѣющія смысла, тѣмъ и ужасны, что онѣ, не поддаваясь опроверженію ни логикой, ни судомъ, пятнаютъ человѣка и бьютъ его по самому чувствительному мѣсту. Для человѣка, уважающаго себя, дорожащаго своей честью и общественнымъ о себѣ мнѣніемъ, сдѣ-

латься жертвой клеветы, что будто-бы онъ, изъ личныхъ, себялюбивыхъ видовъ, желалъ погубить ближняго, да еще такимъ гнуснымъ, предательскимъ образомъ,—позоръ и пытка, избавиться отъ которыхъ нѣтъ другаго способа, кромѣ дуэли! Жоховъ и прибѣгъ къ этому способу... Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, описываемая дуэль выдвигается изъ ряда обыкновенныхъ и служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу мысли выше цитированнаго юриста, что въ современной жизни складываются иногда такія роковыя для человѣка условія, предъ которыми невозможно «поступиться» обычаемъ поединка.

Особенно сговорчива общественная совѣсть по отношенію къ такимъ дуэлямъ, которыя возникаютъ изъ-за чести семьи и женщины. Такія рыцарскія дуэли происходятъ и въ наше совсѣмъ не рыцарское время, выгодно выдѣляясь, къ чести современниковъ, изъ ряда кровавыхъ столкновеній «благородныхъ» людей, предающихся буйству въ нетрезвомъ видѣ. Есть люди очень щепетильные на этомъ пунктѣ. Такъ, однажды за холостымъ ужиномъ, въ дружеской компаніи, одинъ разочарованный въ прекрасномъ полѣ свѣтскій молодой человѣкъ высказалъ нѣсколько желчныхъ и язвительныхъ замѣчаній о женщинахъ вообще. Сидѣвшему тутъ-же, другому молодому человѣку, гвардейскому офицеру, показалась обидной эта выходка противъ женщинъ, тѣмъ болѣе, что въ словахъ собесѣдника онъ заподозрилъ «скрытое намѣреніе намекнуть на близкую ему особу». Этого было достаточно для вызова, — и дуэль состоялась крайне несчастливо для рыцаря-юноши, не взирая на старанія полиціи предупредить ее.

Въ 1873 году, большую сенсацію произвело въ Петербургѣ дѣло, возникшее по поводу дуэли между пресловутымъ американскимъ подданнымъ Шандоромъ и барономъ Шлиппенбахомъ. Столкновеніе произошло тоже изъ-за чести женщины, причемъ рыцаремъ явился американскій подданный, и рыцаремъ тѣмъ болѣе благороднымъ, что вступился онъ здѣсь за сестру. Началась эта исторія съ весьма обыкновеннаго въ Петербургѣ уличнаго приключенія,—потому-то она и характеристична. Мистеръ Шандоръ прогуливался въ полдень со своей молоденькой сестрою, миссъ Шандоръ. На Большой Морской прелестная миссъ обратила на себя вниманіе двухъ фланировавшихъ, послѣ приличнаго завтрака у Пивато, молодыхъ ще-

голей аристократическаго происхожденія: барона Шлиппенбаха и его товарища по училищу правовѣдѣнія, г. Кубе. Почитатели красоты, молодые люди, стали строить глазки и улыбаться юной американкѣ, незамѣтно для ея брата. Хотя и оскорбленная этой ловеласовской наглостью, она промолчала; но, спустя нѣсколько минутъ, уже на Конюшенной улицѣ, когда мистеръ Шандоръ по пути забѣжалъ во фруктовый магазинъ, оставивъ сестру на извощикѣ, передъ нею вновь очутились тѣже благородные молодые люди, очевидно, преслѣдовавшіе ее по пятамъ съ настойчивостью, достойной лучшаго употребленія. На этотъ разъ они, преимущественно же Кубе, выражали свое восхищеніе предъ красотой миссъ Шандоръ уже несравненно развязнѣе: смотрѣли на нее, не спуская глазъ и смѣясь, дѣлали восклицанія «какая хорошенькая!» и, наконецъ, Кубе взялся за шляпу, чтобы раскланяться съ ней, но былъ удержанъ барономъ, который сказалъ ему: «Не тронь! Это сестра американца Шандора, а американцы, ты знаешь, любятъ боксировать»... Баронъ Шлиппенбахъ оказался вполнѣ компетентнымъ и прозорливымъ знатокомъ американскихъ обычаевъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать со своимъ товарищемъ и десяти шаговъ, какъ мистеръ Шандоръ, видѣвшій всю сцену ихъ уличнаго куртизанства передъ его сестрою, бѣшено наскочилъ на нихъ и, со словами: «Я васъ научу, какъ оскорблять на улицѣ женщинъ!», принялся тормошить за шиворотъ г. Кубе. За товарища заступился Шлиппенбахъ и ударилъ Шандора тростью, а вслѣдъ за симъ моментально испыталъ на собственной физіономіи горячее примѣненіе американскаго бокса. Послѣдствіемъ этой драки предполагалась дуэль между Шандоромъ и Шлиппенбахомъ (Кубе намѣревался сдѣлать вызовъ потомъ), но она не состоялась, потому что секундантъ Шандора, его родственникъ и тоже американскій подданный, заблагоразсудилъ предупредить полицію, которая и арестовала противниковъ на мѣстѣ, назначенномъ для боя.

Судя по этой развязкѣ, можно предположить, что американцы, демократы pur sang, уважая боксъ, не долюбливаютъ дуэли, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ. Также дуэль не пользуется популярностью и въ нашихъ среднихъ сословіяхъ, напр., въ купечествѣ, но однако-жъ и въ этой средѣ иногда практикуется. Намъ извѣстенъ, за обозрѣваемый періодъ, одинъ случай дуэли между

двумя петербургскими купцами, состоявшейся по всей формѣ, на пистолетахъ и съ кровопролитіемъ. Стрѣлялись изъ-за оскорбленія семейной чести. На какомъ-то большомъ имянинномъ обѣдѣ одинъ изъ противниковъ рѣзко отозвался о семействѣ другаго, а тотъ на утро прислалъ къ нему секундантовъ... Любители этнологическихъ сближеній могутъ усмотрѣть въ этомъ фактѣ преемственный обломокъ архаической родовой мести, очень рѣдкой въ культурныхъ обществахъ. Зато месть за женщину, за ея честь,—рыцарская съ виду, но въ корнѣ совершенно зоологическая и эгоистическая,—явленія нерѣдкія въ наши дни, какъ мы видѣли. Она является побудительнымъ мотивомъ не только во многихъ дуэляхъ, но и въ цѣлой группѣ убійствъ, характеризующихъ такъ называемыя «семейныя драмы».

Убійство соперника въ правахъ обладанія любимой женщиной, похитителя этихъ правъ или только покушающагося на ихъ похищеніе,—преступленіе классическое и повсемѣстно распространенное, безъ различія климатовъ, расъ, состояній, сословій и степеней культурности. Такія убійства всегда привлекаютъ всеобщее вниманіе, вѣчно сохраняя какой-то жгучій драматическій интересъ, который можетъ имѣть только сильнѣйшее проявленіе интимнѣйшей человѣческой страсти, каждому близкой и понятной.

Подобный интересъ возбудило, между прочимъ, громкое и кровавое дѣло Непениныхъ, разбиравшееся въ 1874 году. Заключалось оно въ томъ, что мужъ и жена Непенины, ворвавшись въ квартиру Чихачева, напали на него вооруженной рукою, послѣдствіемъ чего была его смерть. Самая катастрофа произошла въ концѣ 1873 года и ей предшествовала цѣлая, весьма сложная семейная драма, начавшаяся внѣ Петербурга — въ новоржевскомъ уѣздѣ. Всѣ дѣйствующія лица въ ней принадлежали къ интеллигентной и достаточной общественной средѣ. Всѣ они помѣщики и земскіе дѣятели съ высшимъ образованіемъ; героиня—воспитанница аристократическаго Смольнаго института. Послѣднее обстоятельство важно здѣсь еще въ томъ отношеніи, что институтское воспитаніе героини оказало большое вліяніе на ея образъ дѣйствій и на всю ея плачевную судьбу. Это была типичная институтка, по неопытности, наивности, легкомыслію и безхарактерности. «Она задавала иногда такіе вопросы,—говорила о ней на судѣ ея родственница,—

какіе предлагаетъ маленькій ребенокъ, такъ что я считала ее совершенно неопытною и ничего не понимающею». При этой невинности и наивности, героиня отличалась и институтской чувствительностью, нѣжностью и голубиной кротостью. Она была, по показанію ея мужа, «самая прекрасная и любящая, преданная жена», и онъ считалъ ее совершенно невинной и чистой до роковаго признанія съ ея стороны, которое его «ужасно поразило» и послужило завязкой драмы.

Въ одно несчастное утро, молодая женщина, послѣ шестилѣтней спокойной и благополучной супружеской жизни, призналась мужу, что до брака, въ дѣвичествѣ, у нея была непродолжительная, но очень интимная связь съ помѣщикомъ Чихачевымъ, фигурировавшимъ на ея свадьбѣ въ качествѣ посаженаго отца. Признаніе это произвело на Непенина тѣмъ болѣе потрясающее дѣйствіе, что онъ былъ человѣкъ крайне самолюбивый, раздражительный, строптивый, колкій на языкъ и дерзкій на руку. По его словамъ, жена, признавшись, разсказала ему о своемъ грѣхопаденіи такъ, что онъ принявъ, во вниманіе «ея натуру и всю обстановку» печальнаго факта, пришелъ къ заключенію и «твердо вѣрилъ» тому, что «все это вышло по ея неопытности, незнанію, противъ ея воли и желанія». Словомъ, въ Чихачевѣ онъ увидѣлъ коварнаго и безчестнаго соблазнителя своей жены, который, по ея собственному выраженію, «какъ воришка, вкрался въ домъ, притворился жалкимъ, возбудилъ въ дѣвушкѣ жалость къ себѣ» и похитилъ ея драгоцѣнный даръ, путемъ «нравственнаго и физическаго насилія». Не смотря, однако, на увѣренность, что «все это такъ и было», какъ разсказала жена, Непенинъ, который «вообще — по его словамъ — не умѣлъ сначала справиться» съ непріятнымъ и неожиданнымъ открытіемъ, возъимѣлъ «сомнѣніе относительно многихъ обстоятельствъ» и, желая разъяснить ихъ, потребовалъ очной ставки жены съ Чихачевымъ въ своемъ присутствіи. На самомъ дѣлѣ, кромѣ разъясненія сомнѣній, имъ руководило понятное чувство мщенія, желаніе такъ или иначе смыть неожиданно обнаруженное пятно на своемъ брачномъ ложѣ, принеся конечно, въ жертву виновника этого пятна. Это именно чувство служило побудительнымъ стимуломъ всего дальнѣйшаго поведенія Непенина и привело его, подъ конецъ, къ убійству.

Щекотливыя объясненія произошли въ высшей степени экстравагантнымъ образомъ и при весьма странной обстановкѣ, отдающей таинственностью и романичностью какой-нибудь средневѣковой уголовной драмы. Непенины настигли Чихачева въ одной деревнѣ, гдѣ онъ гостилъ у своего пріятеля, зазвали его, подъ благовиднымъ предлогомъ, въ грязный деревенскій постоялый дворъ и, заперевъ на ключъ двери комнаты, въ которой они остановились, подвергли его чему-то въ родѣ инквизиторскаго суда. Роль судьи игралъ Непенинъ, обвинителя — жена его, а подсудимаго — Чихачевъ. Непенина, въ видѣ обвинительнаго акта, разсказала всю исторію ея связи съ подсудимымъ въ такомъ видѣ, что онъ одинъ являлся кругомъ виноватымъ, какъ соблазнитель. Правда онъ отрицалъ фактъ насилія и «не безусловно принималъ на себя отвѣтственность», но, вообще, мало противорѣчилъ разсказу Непениной. Онъ былъ ошеломленъ неожиданностью всей этой сцены, до крайности смущенъ признаніями Непениной и, полагая, что она вынуждена къ нимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что мужу ея стала извѣстна ихъ связь изъ чьихъ нибудь вторыхъ рукъ, воздержался разсказывать всю истину, чтобы не вооружить Непенина окончательно противъ жены. Онъ щадилъ ее — по крайней мѣрѣ, самъ онъ говорилъ это потомъ другимъ, — и въ своемъ письмѣ къ Непениной писалъ, что «ничего не высказалъ во время объясненія, съ тѣмъ, чтобы оградить ее отъ обвиненія и взвалить все на себя». Чихачевъ не зналъ вовсе ни побужденій Непениной, ни предшествовавшихъ объясненію обстоятельствъ. Когда обвинительный актъ былъ произнесенъ, молодая женщина сказала:

— Вы помните, господинъ Чихачевъ, что нѣкогда обѣщали пожертвовать мнѣ жизнью. Въ настоящее время, я нуждаюсь въ ней и требую, чтобы вы здѣсь же и сейчасъ лишили себя жизни... Я дала слово мужу, что убью васъ, если вы сами себя не убьете. Выбирайте, — вамъ дается пять минутъ на размышленіе!

При этомъ, подсудимому были указаны и лежавшія на столѣ орудія казни: ножъ и револьверъ. Молва потомъ добавила и стаканъ съ ядомъ.

Хотя Непенины на судѣ утверждали, что вся эта мелодраматическая сцена имѣла характеръ шутки, но, судя по слѣдующимъ фактамъ, Богъ вѣсть, чѣмъ бы кончилась эта шутка, еслибы,

благодаря случайному приходу стороннихъ людей, Чихачевъ не выскользнулъ изъ разставленной ему западни. Несомнѣнно одно, что Непенинъ, а подъ его вліяніемъ и жена настоятельно добивались смерти Чихачева—и на иномъ разсчетѣ не мирились. Такъ понялъ ихъ намѣреніе и Чихачевъ, страшно перетрусившій послѣ описаннаго свиданія и начавшій боязливо уклоняться отъ встрѣчи съ оскорбленными супругами, не взирая на ихъ вызовы возобновить «объясненія» и отказавшись принять дуэль, предложенную Непенинымъ. Съ своей стороны, Непенины съ этого момента поставили цѣлью всей своей жизни добиться разсчета съ Чихачевымъ: они начинаютъ гоняться за нимъ, преслѣдуютъ его, ищутъ повсюду, и въ уѣздѣ, и въ Петербургѣ, даже заграницей; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ погони, настигаютъ и, съ первой же встрѣчи, кончаютъ съ нимъ. Очевидно, въ этомъ для нихъ заключался вопросъ жизни и чести. Непенинъ говорилъ, что все это время онъ переживалъ нравственную пытку, былъ самъ не свой, въ теченіе полугода спалъ не болѣе четырехъ часовъ въ сутки. Терзаясь самъ, онъ въ то же время мучилъ и жену, срывая на ней свое сердце. Изъ ея дневника судъ узналъ, что мужъ преслѣдовалъ ее укорами, ругалъ площадными словами, унижалъ при другихъ, даже билъ чѣмъ попало, билъ до крови, таскалъ за волосы, кусалъ и разъ чуть не откусилъ ей носъ,—и все это нерѣдко вслѣдъ за порывами супружеской любви и нѣжности...

«Ахъ! — восклицаетъ несчастная женщина въ одномъ мѣстѣ своего дневника: — сколько разъ я упрекала себя за сорвавшіяся слова! Зачѣмъ я ему говорила? Лучше бы унести это въ могилу... Не мучилась бы я такъ, да и онъ не мучился бы... Я плохо понимаю, къ чему и изъ-за чего онъ такъ волнуется? Все можно было бы устроить тише и лучше, а эта горячность не приведетъ къ хорошему. Я дала ему клятву, что исполню все, но развѣ я понимала что?...»

Непенинъ былъ не такой человѣкъ, чтобы «устроить тише и лучше» выходъ изъ этой семейной драмы. Ни забыть, ни простить онъ не умѣлъ, и по темпераменту и въ силу исповѣдуемаго имъ предразсудка; жена въ его глазахъ могла очиститься и оправдаться только мщеніемъ своему соблазнителю, въ чемъ и принесла ему клятву, а пока мщеніе не наступило — онъ мучилъ ее и мучился

самъ. Вотъ почему, въ первую минуту послѣ катастрофы, когда стало извѣстно, что Чихачевъ убитъ, Непенина—эта кроткая, сентиментальная и нѣжная институтка, съ какой-то странной гордостью и злорадствомъ, точно она исполнила священный долгъ и подвигъ, сказала черезъ дверь арестованному мужу, во всеуслышаніе:

— Коля, слышишь: я его убила!

Она, по внушенію мужа и подъ его гнетомъ, до того прониклась мыслью о необходимости «убить его» для спасенія своей чести и сохраненія супружеской любви, что приписала себѣ убійство, вовсе не совершивъ его. Чихачевъ былъ убитъ не ею, а ея мужемъ. Придя къ нему вооруженные, онъ — ножемъ, а она револьверомъ, Непенины потребовали «объясненій». Чихачевъ, вмѣсто словесныхъ объясненій, вручилъ Непенинымъ письмо и просилъ ихъ оставить его. Непенинъ вызвалъ его на дуэль и, получивъ отказъ, разразился пощечиной. Между ними началась драка, во время которой Непенинъ нанесъ Чихачеву смертельныя раны въ грудь. Во время свалки, Непенина сдѣлала два выстрѣла изъ револьвера, никому не причинившіе вреда и, очевидно, произведенные зря, въ смятеніи, слабой, неумѣлой женской рукою, хотя виновницѣ ихъ и казалось, что она стрѣляла въ своего соблазнителя.

За что же, если разобрать по существу, эти люди испортили себѣ жизнь и отняли ее у своего ближняго? Вопросъ этотъ невольно возникаетъ при знакомствѣ съ этой странной, но очень типичной драмой. Вѣдь ясно,—какъ сознавала это и сама героиня,— что никакой драмы тутъ не было-бы и всѣ участники ея преблагополучно прожили бы свой вѣкъ, еслибы не «сорвавшіяся слова» признанія Непениной,—сорвавшіяся, во всякомъ случаѣ, слишкомъ поздно и несвоевременно! Ее спрашивали, почему она не созналась Непенину въ грѣшкѣ своего дѣвичества до замужества?.. Почему?—На то она и была дѣвица институтской выправки, воспитанная въ понятіяхъ ложнаго стыда и фальшиво-унизительной мѣрки достоинства женщины... Но тогда, зачѣмъ же она созналась потомъ, спустя шесть лѣтъ послѣ свадьбы, когда, повидимому, представлялась возможность «унести тайну свою въ могилу?» Непенина и ея мужъ объяснили этотъ шагъ угрызеніями совѣсти. Можетъ быть, угрызенія и были, но побужденіемъ къ признанію послужило то обстоятельство, что жена Чихачева, начавъ ревновать мужа

къ Непениной, стала «говорить всѣмъ, что она безчестная и гадкая...» Сплетня росла и Непенина, боясь, чтобы мужъ не узналъ истины изъ чужихъ устъ, рѣшилась предупредить недобрую молву чистосердечнымъ раскаяніемъ. Слѣдствіе однако показало, что раскаяніе было не совсѣмъ чистосердечное.

Непенина выставила себя жертвой «физическаго и нравственнаго насилія» коварнаго соблазнителя Чихачева, а, по показанію нѣкоторыхъ свидѣтелей, выходило такъ, что соблазнилъ не Чихачевъ, а его соблазнили. Впрочемъ, талантливый прокуроръ (г. Кони) совершенно вѣрно констатировалъ тотъ фактъ, что тутъ были «обыкновенныя отношенія, которымъ не предшествовало ни насилія, ни обмана, ни обольщенія», ни съ чьей стороны, а устроилась интрижка полюбовно. Чихачевъ хотя былъ поклонникъ женщинъ и «любезный кавалеръ», по оцѣнкѣ одной свидѣтельницы, но не былъ сердцеѣдомъ, и — человѣкъ мягкій, нерѣшительный и робкій — не представлялся способнымъ къ насилію противъ кого бы то ни было. Въ пору описываемаго романа, онъ изображалъ собой интереснаго молодаго человѣка съ несчастной судьбою, такъ какъ его бросила тогда любимая жена; Непенина — тогда еще дѣвица Дьяконова — была милой и свѣжей, съ незанятымъ сердечкомъ, институткой, только что пріѣхавшей изъ Смольнаго. Встрѣтились они въ деревнѣ, въ домѣ родныхъ героини, и сблизились. Онъ пріобрѣлъ ея расположеніе повѣстью о своемъ горѣ и своемъ разбитомъ сердцѣ. Отъ женскаго состраданія до женской любви одинъ шагъ, и — вотъ, спустя нѣкоторое время, въ одну прекрасную ночь, герой, по приглашенію героини, очутился въ ея комнатѣ... Романъ, словомъ, самый обыкновенный. Безъ сомнѣнія Чихачевъ заслуживалъ суроваго осужденія за то, что онъ, будучи 35-ти лѣтнимъ мужчиной, позволилъ себѣ зайти слишкомъ далеко въ интимности съ неопытной дѣвушкой, зная напередъ, что не можетъ сдѣлаться ея мужемъ; но разъ грѣхъ случился и героиня вышла замужъ за другаго, — какимъ образомъ онъ могъ бы его поправить передъ своей совѣстью, въ глазахъ «жертвы» и ея мужа? Смертью, дуэлью; но, вѣдь, онѣ, по логикѣ вещей, не могли уничтожить факта, не могли возвратить невозвратимое прошлое. Единственный выходъ оставался: соблюсти приличія и сохранить случившійся грѣхъ въ непроницаемой тайнѣ; но тайна была нарушена «неизвѣстно кѣмъ»,

какъ утверждалъ Чихачевъ, хотя, кажется, онъ былъ, прямо или косвенно, первой причиной дурной молвы о несчастной молодой женщинѣ. Вскорѣ, благодаря странному и скандалезному образу дѣйствій самихъ Непениныхъ, ихъ семейная драма стала притчей всего уѣзда... Тутъ ужь, дѣйствительно, ничего больше не оставалось для сдѣлки со «свѣтомъ», для отраженія его жестокаго стоустаго суда, какъ покончить дѣло дуэлью, и въ данномъ случаѣ оно, вѣроятно, такъ бы и кончилось, еслибы Чихачевъ имѣлъ мужество принять вызовъ Непенина.

Такъ или иначе, но нѣтъ данныхъ утверждать, что Непенинъ шелъ къ Чихачеву съ намѣреніемъ не на дуэль звать, а просто убить его при какихъ бы то ни было условіяхъ.

Такой, въ большей или меньшей степени оправдательной, оговорки нельзя сдѣлать по другому аналогичному убійству, совершившемуся въ Петербургѣ, спустя мѣсяцъ послѣ убійства Чихачева, въ ресторанѣ Палкина, на углу Невскаго и Литейной. Здѣсь тоже играла роль ревность, хотя очень ужь грубая, и вся эта драма, равно какъ и герои ея, значительно ниже сортомъ и носятъ отпечатокъ вульгарности. Начать съ того, что мѣстомъ ея дѣйствія служатъ трактиры и рестораны, ея дѣйствующія лица — представители той городской культурной черни, которая не отличается особенной чистотой нравовъ, и все дѣйствіе драмы происходитъ среди трактирнаго времяпровожденія, въ затхлой атмосферѣ, отдающей кухней и кабакомъ.

Въ одномъ низкопробномъ ресторанчикѣ, на Владимірской, служила въ качествѣ «буфетчицы» молодая дѣвица, холмская мѣщанка, по описанію судебнаго отчета, «весьма живая особа, съ бойкими глазами, держащаяся непринужденно и развязно», которая сама заявила на судѣ, что «за нею въ ресторанѣ всѣ до одного человѣка ухаживали, а одинъ казакъ—такъ даже сватался серьезно». Словомъ, особа эта стояла вполнѣ на высотѣ своего призванія— призванія «буфетчицы», отъ которой трактирная практика требуетъ именно такихъ чарующихъ способностей сирены, не слишкомъ строгой и не очень стыдливой. Поэтому-то, профессія «буфетчицъ» на очень дурномъ счету у моралистовъ, какъ одна изъ разновидностей замаскированной проституціи, и это мнѣніе не лишено основанія. .

Будучи предметомъ такого сугубаго ухаживанія «всѣхъ до одного человѣка» изъ гостей ресторана, героиня наша, конечно, не могла пребыть непреклонной весталкой. Кромѣ того, въ самомъ выборѣ героя для своего романа, ей очень трудно было прочно установиться: едва она успѣвала сдѣлать этотъ выборъ и отдать сердце свое одному, предпочтенному предъ остальными «завсегдатаями» ресторана, интересному мужчинѣ, какъ являлся другой, новый ухаживатель, еще болѣе интересный... Что тутъ дѣлать?— Представительницы описываемаго мірка, всѣ эти первобытныя мѣщаночки и крестьяночки, не далѣе, какъ со вчерашняго дня ставшія городскими эмансипированными дамами съ непринужденными манерами, совершенно невинныя въ познаніи какихъ-нибудь «тлетворныхъ нигилистическихъ» теорій по женскому вопросу,—«своимъ умомъ» доходятъ до разрѣшенія подобныхъ затрудненій, чрезвычайно просто и безобидно, на практической почвѣ «свободной любви».

Мы застаемъ нашу героиню какъ разъ въ тотъ патетическій моментъ, когда она такимъ именно способомъ легко и беззаботно, сокрушала свой маленькій «подводный камень» (и кажется, далеко уже не первый разъ). Передъ этимъ, она отдала свое сердце нѣкоему отставному подпоручику, молодому человѣку съ «пылкимъ и строптивымъ характеромъ», хотя, повидимому, свой пылъ подпоручикъ почерпалъ главнымъ образомъ у буфета, питая серьезную наклонность къ спиртнымъ напиткамъ. Романъ его съ интересной буфетчицей длился не болѣе двухъ, трехъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ короткость между ними дошла до того, что пылкій подпоручикъ сталъ давать волю рукамъ, поколачивая владычицу своего сердца и, по собственному сознанію, «обращаясь съ нею какъ нельзя хуже» изъ ревности, за то, что она позволяла «постороннимъ лицамъ вольное съ собою обращеніе». Естественно что буфетчица, исповѣдуя культъ «свободной любви», не могла ни отказаться отъ дальнѣйшихъ побѣдъ и соблазна быть побѣждаемой другими интересными гостями ресторана, ни дать себя поработить деспотическому подпоручику, въ чемъ она, пожалуй, имѣла за собою всѣ права, какъ сейчасъ увидимъ.

Такъ или иначе, но къ концу романа героиня его рѣшительно отдаетъ предпочтеніе другому молодому человѣку—гостиннодворскому

сидѣльцу, который, по ея собственнымъ словамъ, приглянулся ей, какъ «очень высокаго роста, здоровый и сильный мужчина», а, при всемъ томъ, какъ очень любезный кавалеръ. Сперва между ними происходитъ та устарѣлая, во-вкусѣ сантиментальныхъ романовъ, платоническая канитель, выражающаяся, напр., въ чувствительныхъ посланіяхъ и стишкахъ, взятыхъ изъ «пѣсенниковъ», въ обмѣнѣ локоновъ волосъ и т. д., которая еще не утратила своей свѣжести и прелести для гостинодворскихъ Вертеровъ и Донъ-Жуановъ, и ихъ «предметовъ». Затѣмъ, пользуясь отлучкой въ Москву свирѣпаго подпоручика, влюбленные совершаютъ двѣ-три, неизбѣжныя въ подобныхъ романахъ, амурно-увеселительныя поѣздки въ «Красный Кабачекъ» и «Самаркандъ». До сихъ поръ, это—самая обыкновенная исторія, не заключающая въ себѣ никакихъ элементовъ драмы; но, сверхъ ожиданія, подпоручикъ принялъ очень близко къ сердцу, когда, по его возвращеніи, буфетчица прямодушно заявила ему, что романъ ихъ конченъ и сердце ея принадлежитъ другому. Сначала онъ принялъ это, повидимому, спокойно,— тѣмъ болѣе, что съ соперникомъ своимъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и даже предлагалъ ему какъ-то раньше взять буфетчицу «на содержаніе»; но, затѣмъ, въ припадкахъ подпитія, сперва поколотилъ «измѣнщицу», потомъ послалъ, со злости, обличающее ее въ распутствѣ письмо роднымъ ея въ Холмъ; сталъ грозить, что если она не станетъ жить съ нимъ, то онъ постарается навязать ей изъ полиціи позорный «желтый» билетъ, а наконецъ, послѣ основательной попойки у Палкина съ эксъ-любовницей и ея новымъ обладателемъ, съ бухты-барахты убилъ послѣдняго наповалъ изъ револьвера, при выходѣ на улицу.

Не знаемъ, въ какой степени убійство это можно отнести къ «честнымъ», но, во всякомъ случаѣ, оно—пьяное убійство, какимъ, въ свое оправданіе, старался выставить его на судѣ и самъ преступникъ. Что касается побужденій ревности и страсти, то онъ категорически отрицалъ ихъ въ себѣ, съ полнѣйшимъ презрѣніемъ относясь и къ самой героинѣ этой драмы. Онъ самъ, какъ мы видѣли, сознался, что третировалъ ее «какъ нельзя хуже», и это потому, что «не могъ ее уважать»; по его словамъ, онъ даже и не любилъ ея вовсе, такъ какъ «любить можно,—сказалъ онъ на судѣ,—только ту женщину, которую уважаешь». Это подтвердила

отчасти и сама буфетчица, кромѣ разсказа о дурномъ съ нею обращеніи подпоручика, еще тѣмъ, что онъ самъ выражалъ намѣреніе прервать съ нею связь. «Тогда, — показала она на судѣ, въ оправданіе своей измѣны, — не желая подвергнуться такому непріятному для меня поступку съ его стороны и считая это для себя стыдомъ, я сама рѣшила оставить его». Если это было такъ, тогда, спрашивается, изъ-за чего-же пылкій подпоручикъ неистовствовалъ и, въ заключеніе, смертоносно разрядилъ свой револьверъ на пріятелѣ? На судѣ онъ утверждалъ, что «самъ не знаетъ, какъ это случилось», — не знаетъ, какъ онъ его вынулъ и какъ взвелъ курокъ, не знаетъ и какъ бацнулъ въ затылокъ собутыльника. Все это произошло, будто-бы, въ безчувственно-пьяномъ состояніи. Могло статься, что это было такъ, и что преступникомъ, дѣйствительно, не двигала страсть ревности и непризнанной любви; но могло статься также, что убійство онъ совершилъ въ припадкѣ того безсмысленнаго, пьянаго самодурства, отличающаго низменныя, неразвитыя натуры съ раздраженнымъ самолюбіемъ, которымъ руководятся многіе убійцы разсматриваемой категоріи.

Вообще, съ точки зрѣнія моральной квалификаціи, — такъ называемыхъ романическихъ убійцъ, т. е. совершающихъ преступленіе изъ побужденій, характеризующихъ нарушенныя половыя отношенія, можно распредѣлить на двѣ группы: людей сильныхъ, съ страстными, огненными натурами, умѣющихъ глубоко любить и безпощадно ненавидѣть, и мелкихъ, злыхъ, нерѣдко болѣзненныхъ натуришекъ, ничтожныхъ по харахтеру, часто совершенно холодныхъ, но до крайности самолюбивыхъ, деспотическихъ и, отсюда, жестокихъ надъ тѣми, кѣмъ онѣ владѣютъ во имя того или другаго права подчиненія, будь это право писанное, обычное или просто сердечное, нравственное. Для ничтожнаго самолюбиваго существа всегда очень дорого формальное право власти надъ другимъ, которое оно ревниво охраняетъ и постоянно злоупотребляетъ имъ, ради чувства наслажденія, въ гордомъ сознаніи своей силы, своего — «ндраву моему не препятствуй». Оттого-то люди подобнаго закала никогда не прощаютъ протеста ихъ деспотизму и, тѣмъ менѣе, освобожденія изъ подъ ихъ власти, опирается-ли она на правѣ, или на свободномъ договорѣ, имѣющемъ мѣсто, напр., въ дѣлахъ внѣбрачной любви. Нужно замѣтить — и это нетрудно понять, —

что въ рядахъ романическихъ убійцъ послѣдняго типа преобладаютъ особы прекраснаго пола, но есть и мужчины, преимущественно изъ низшей, неразвитой среды, гдѣ, вообще, столько жестокихъ семейныхъ деспотовъ и тирановъ по отношенію къ женщинѣ.

Такимъ образомъ, многія семейныя и любовныя драмы, объясняемыя обыкновенно ревностью неудовлетворенной страстью, на самомъ дѣлѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, имѣютъ своимъ источникомъ совсѣмъ иное, сложное чувство, въ сущности не заключающее въ себѣ ничего романическаго, какъ это мы сейчасъ увидимъ на живыхъ примѣрахъ.

Затѣмъ что касается вопроса: почему одинъ ревнивецъ или мститель за свое нарушенное матримоніальное право покушается на жизнь самого оспариваемаго предмета своей любви или своего права, другой на жизнь соперника и похитителя этого права, а третій убиваетъ и отчужденную «половину» свою и ея узурпатора, то вопросъ этотъ, находящій себѣ объясненіе чисто въ субъективныхъ особенностяхъ того или другаго убійцы и въ частныхъ условіяхъ его жизни, не имѣетъ для насъ большой важности. Потому не имѣетъ важности, что во всѣхъ вышеуказанныхъ трехъ случаяхъ человѣкомъ управляетъ, въ сущности, одно и то же чувство, и самый психическій процессъ, приводящій его къ преступленію, во всѣхъ трехъ случаяхъ однороденъ. По логикѣ половаго инстинкта и по смыслу естественнаго моногамическаго права, поддерживаемаго и кое-какими новѣйшими моралистами (въ родѣ Дюма сына и пресловутыхъ «калужскихъ обманутыхъ мужей»), для личности, обманутой въ любви, одинаково виновны и измѣнившій предметъ любви и его соблазнитель; отсюда, они равно должны понести кару, и если кара эта — смерть, то оба должны быть убиты. Такъ и поступаютъ крутые нравомъ, сильные и страстные ревнивцы, какіе, впрочемъ, рѣдко встрѣчаются нынѣ въ культурныхъ слояхъ общества. Въ нашемъ матеріалѣ имѣется только одинъ такой случай, героемъ котораго явилась притомъ вовсе не культурная личность. Это былъ солдатъ, городовой, человѣкъ атлетической силы и кипучаго темперамента. Была у него любовница-кухарка, служившая у одного холостяка-доктора. Заподозривъ ихъ въ любовной связи, онъ пришелъ какъ-то на квартиру доктора и, безъ дальнихъ разговоровъ, зарѣзалъ обоихъ, и кухарку

и ея барина, сапожнымъ ножемъ. Совершивъ это двойное убійство въ ослѣпленіи страсти, онъ впалъ въ такое звѣрское изступленіе, что потребовалась цѣлая вооруженная команда, чтобы арестовать его.

Во всѣхъ другихъ, происшедшихъ въ Петербургѣ за обозрѣваемый періодъ, случаяхъ романическихъ убійствъ и покушеній на убійства, платились жизнью кто нибудь одинъ—либо измѣнившій предметъ любви, либо его соблазнитель, и гораздо чаще первый, чѣмъ послѣдній, благодаря, конечно, той разницѣ въ близости отношеній, предшествующей ихъ разрыву, которая лежитъ въ этихъ случаяхъ между обманутымъ и обманувшимъ, съ одной стороны, и между первымъ изъ нихъ и обольстителемъ—съ другой. И оно понятно, въ особенности по отношенію къ женщинѣ: въ примитивномъ быту, гдѣ женщина — рабыня и затворница, въ случаѣ ея грѣхопаденія или измѣны, отвѣтственность за это естественно должна падать, главнымъ образомъ, на ея «умыкателя»; но тамъ, гдѣ она пользуется уже извѣстной свободой и правами самостоятельной личности, ея паденіе, какъ актъ ея личной воли и выбора, логически вмѣняется въ вину ей одной и въ глазахъ мужа и въ глазахъ общества.

Но то, что логично въ теоріи, не всегда поддается объясненію здравымъ смысломъ въ житейской практикѣ. Убійства женъ мужьями «изъ ревности», по шаблонному опредѣленію, всего чаще совершаются въ средѣ городскаго простонародья и, въ большинствѣ случаевъ, являются результатомъ вовсе не пламенной любви, заостренной мщеніемъ за измѣну, а дикаго самодурства и тираническаго отношенія къ женѣ, возбужденныхъ протестомъ и отыскивающихъ въ свирѣпомъ насиліи возмездія своихъ попранныхъ «священныхъ» правъ власти, своего звѣринаго эгоизма. Эти маленькіе Отелло, въ «спинжакахъ» и чуйкахъ, изъ среды полуобразованной городской черни, обыкновенно—дрянные, мелкіе злецы, нерѣдко пьянчужки, забитыя и потерянныя личности, неспособныя ни на какой рѣшительный шагъ. Ничтожества и парія, передъ всѣми унижающіеся, терпѣливо сносящіе отъ всѣхъ и обиды и тычки, они—въ своей семьѣ, по отношенію къ своимъ женамъ,—являются настоящими калифами-деспотами, свирѣпствующими съ несокрушимымъ сознаніемъ божественности своихъ державныхъ супружескихъ правъ.

Отсюда, совершенно понятно, что когда несчастная жена сдѣлаетъ попытку освободиться тѣмъ или инымъ путемъ изъ-подъ безсмысленной, лютой тираніи подобнаго,—чаще всего пьянаго, вдобавокъ,—животнаго, то животное, оскорбленное въ чувствѣ исповѣдуемаго имъ рабовладѣльческаго абсолютизма, считаетъ себя въ полномъ правѣ, мало того—считаетъ своей священной обязанностью казнить ее, какъ мятежницу, нарушившую долгъ матримоніальнаго вѣрноподданства. Всѣ почти, въ этомъ родѣ и въ этой средѣ, убійства и истязанія женъ мужьями носятъ именно характеръ казней, совершаемыхъ съ невозмутимой совѣстью и съ твердымъ убѣжденіемъ въ ихъ справедливости. Сошлемся на одинъ изъ наиболѣе рельефныхъ случаевъ данной группы убійствъ.

Въ 1876 году, въ одинъ изъ грязноватыхъ, населенныхъ рабочимъ людомъ, домовъ Калашниковской пристани взошелъ пьяненькій, жидкій, плохо одѣтый, нестарый еще мужичекъ, съ перваго взгляда производившій впечатлѣніе спившагося съ кругу городскаго забулдыги. Онъ явился въ гости къ своей женѣ, молодой, красивой женщинѣ, уже съ полгода жившей врознь отъ мужа, съ ребенкомъ и матерью. Отъ мужа она ушла, послѣ шестилѣтней супружеской жизни, вслѣдствіе его безпутства, пьянства и жестокаго съ нею обращенія, наконецъ, потому, что онъ завелъ любовницу, а жену «по-міру пустилъ». Занимался онъ такимъ нелѣпымъ для взрослаго, здороваго мужчины промысломъ, какъ продажа спичекъ, и все, что выторговывалъ, пропивалъ. Жена,—по разсказу ея матери,—«стала жаловаться, что ей приходится руки на себя наложить. Придетъ, бывало, ко мнѣ съ ребенкомъ, горько заплачетъ: «что мнѣ, говоритъ, маменька, дѣлать? Вѣдь онъ ни днемъ, ни ночью покою мнѣ не даетъ». И правда, онъ все, бывало, бунтуетъ, выбиваетъ окна, ломаетъ двери и дерется; всегда, почитай, пьяный и, между прочимъ, на сторонѣ путаться сталъ»... Мучилась, мучилась бѣдная женщина и наконецъ потеряла терпѣніе; кто-то надоумилъ ее обратиться въ III-е Отдѣленіе за исходатайствованіемъ отдѣльнаго паспорта. Паспортъ ей выдали и она свободно вздохнула, уйдя отъ мужа и поселившись съ матерью. Пропитаніе себѣ она стала добывать работой на табачной фабрикѣ. По всеобщему отзыву сосѣдей, это была прекрасная женщина—веселая, добродушная, честная, работящая и цѣломудренная. Такъ прожила она

мѣсяцевъ шесть, въ теченіе которыхъ мужъ навѣстилъ ее раза два, три. Явившись въ описываемый разъ, онъ заявилъ, что пришелъ проститься, собираясь ѣхать въ деревню, и выразилъ желаніе остаться ночевать. Затѣмъ, спустя не болѣе четверти часа послѣ прихода, оставшись съ женой глазъ на глазъ, внезапно, безъ всякаго повода, пырнулъ ее въ грудь заранѣе купленнымъ ножемъ и—положилъ на мѣстѣ. Когда его арестовали, онъ, по показанію свидѣтелей, съ полнымъ равнодушіемъ, «грубо» сказалъ, какъ бы похваляясь: «я зарѣзалъ!» На судѣ, стараясь оправдаться, онъ сплелъ цѣлую небылицу относительно невѣрности жены, очернилъ ея память, выдумалъ какого-то небывалаго мужчину, съ которымъ онъ будто бы засталъ ее, и наконецъ сослался на то, что онъ-де «былъ сильно выпимши...» Защита извѣстная, которой подобные преступники выучиваются въ острогахъ.

Не удивительно, что связанныя неразрывными брачными узами съ такими безпутными деспотами, энергическія молодыя женщины, изъ простолюдинокъ, пытаются иногда отдѣлаться отъ нихъ убійствомъ. Мужеубійцы, какъ извѣстно, вовсе нерѣдкое явленіе въ русскомъ семейномъ быту низшихъ классовъ. Чаще всего онѣ прибѣгаютъ къ отравѣ, какъ къ орудію наиболѣе удобному для слабыхъ женскихъ рукъ, хотя попадаются и мужья-отравители (За обозрѣваемый періодъ, въ Петербургѣ былъ случай отравленія постылой жены мужемъ, сенатскимъ швейцаромъ, и его любовницей). Большею частью, однако, попытки отравить мужей не удаются возненавидѣвшимъ ихъ женамъ. Не удалось это и одной, сравнительно-образованной, получившей воспитаніе въ сиротскомъ пріютѣ, молодой женщинѣ, имѣвшей несчастье, по неопытности, выйти замужъ за простаго, грубаго фабричнаго рабочаго, съ которымъ у нея ничего не было общаго.

— Тяжело мнѣ съ нимъ было жить,—печаловалась она предъ судомъ.—Онъ ужасно дрался со мною, постоянно ворчалъ. Живя при матери и въ пріютѣ, я не слыхала дурнаго слова, а тутъ, кромѣ «сволочи», другаго имени отъ мужа мнѣ не было... Онъ былъ человѣкъ серьезный, а я веселаго характера; мнѣ хотѣлось читать что нибудь веселое, пойти погулять, а онъ запрещалъ это дѣлать... Впослѣдствіи я стала его ненавидѣть и уже года полтора, какъ пришла мнѣ въ голову мысль его отравить.

Мысль эту поддерживалъ въ ней ея любовникъ, молодой, развитой крестьянинъ, плѣнившій героиню этой драмы, между прочимъ, своими цвѣтистыми любовными письмами, найденными у подсудимой при слѣдствіи, въ числѣ семидесяти. Не стерпѣвъ супружескаго гнета, молодая женщина ушла отъ мужа, а, затѣмъ, чтобы начисто отъ него отдѣлаться, позвала его разъ на прогулку, во время которой поднесла ему купоросной кислоты въ водкѣ, но тотъ, разумѣется, открылъ отраву и сдѣлалъ доносъ на жену, не смотря на то, что сперва простилъ ее.

Въ культурной средѣ, гдѣ установились болѣе или менѣе рыцарскія понятія и рыцарскія отношенія къ женщинѣ, въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно, операцію «устраненія» мѣшающаго и постылаго мужа беретъ на себя не сама жена, а ея любовникъ, какъ это показалъ, напримѣръ, громкій и всѣмъ памятный процессъ объ убійствѣ доктора Ковальчукова. Извѣстно, что въ этомъ дѣлѣ любовникъ-кавалеръ простеръ рыцарское отношеніе къ дамѣ своего сердца до такого самоотверженія, что весь грѣхъ принялъ на одного себя, съ преувеличеннымъ жаромъ старавшись доказать полное отсутствіе соучастія въ его преступленіи г-жи Ковальчуковой.

Впрочемъ, благодаря современному развитію женской эмансипаціи и самостоятельности женской личности, стали все чаще появляться въ культурныхъ слояхъ рѣшительныя дамы, которыя, не прибѣгая ни къ чьей помощи, сами, съ оружіемъ въ рукахъ, находятъ мужество постоять за себя, за свои права, и покарать нарушителей этихъ правъ. За обозрѣваемый періодъ, въ Петербургѣ случилось нѣсколько убійствъ и покушеній на убійства любовниковъ ихъ любовницами, изъ которыхъ иныя, принадлежа къ сиренамъ полусвѣта, вовсе не могли похвалиться цѣломудріемъ весталокъ и вѣрностью Пенелопы. Это были тѣ именно капризные, задорно-самолюбивые и нравственно-испорченные самодуры въ юпкахъ, о которыхъ мы говорили выше. Случилось за тотъ же періодъ и такое дѣло, гдѣ одна интеллигентная женщина, писательница съ довольно извѣстнымъ именемъ, пробовала перерѣзать горло бритвой своей соперницѣ по обладанію сердцемъ одного плѣнительнаго, четырнадцати вершковъ ростомъ, цвѣтущаго мужчины, актера—по профессіи и младенца— по уму и образованію.

Мы очень много удѣлили мѣста изслѣдованію и описанію ро-

маническихъ убійствъ, какъ ихъ принято называть. Иначе это и не могло быть, во-первыхъ, потому, что мы въ этомъ случаѣ подчинялись нашему матеріалу; во-вторыхъ, потому, что убійства эти представляютъ наибольшій интересъ при изученіи современныхъ характеровъ и нравовъ; а, въ-третьихъ, наконецъ, потому, что они въ группѣ «честныхъ убійствъ», по принятому нами термину, занимаютъ господствующее мѣсто.

Намъ остается дополнить нашу картину двумя, тремя фактами такихъ рѣдкихъ убійствъ данной категоріи, въ которыхъ побудительнымъ мотивомъ для преступниковъ служили чувства инаго порядка. Такихъ случаевъ мы припоминаемъ, именно, три: 1) убійство коллежскимъ секретаремъ Августовскимъ своей служанки, крестьянской дѣвушки, изъ-за подозрѣнія въ доносѣ. Господинъ этотъ, весьма припорченной репутаціи, преслѣдуемый уже юстиціей, имѣлъ свои основанія укрываться и жить въ Петербургѣ инкогнито. Инкогнито это было обнаружено по доносу, какъ подозрѣвалъ Августовскій, его служанки, за что онъ, въ мстительномъ порывѣ, и отправилъ ее на тотъ свѣтъ; 2) покушеніе на убійство однимъ юнкеромъ Михайловскаго артиллерійскаго училища другаго за обвиненіе въ разныхъ неблаговидныхъ поступкахъ и, между прочимъ, въ шпіонствѣ, причемъ покушавшійся на убійство товарища пытался и съ самимъ собою покончить; и 3) покушеніе одного француза на жизнь соотечественника и компаньона по содержанію парикмахерской «Альфредъ», вслѣдствіе того, что они «ужиться между собой не могли» и постоянно грызлись.

V.

Воры.

Мы вступаемъ въ чрезвычайно широкую область правонарушеній, разбивающуюся юридически на множество частныхъ подраздѣленій, и границы которой, въ сущности, не могутъ быть точно опредѣлены. Каждому извѣстно изъ повседневныхъ личныхъ наблюденій, что въ современной житейской практикѣ, характеризующейся ожесточенной борьбою за существованіе и экономической эксплоатацiей слабаго сильнымъ, есть очень много такихъ дѣяній, которыя, будучи терпимыми либо не предусмотрѣнными закономъ, тѣмъ не менѣе носятъ всѣ качественные признаки безправнаго посягательства на благосостояніе ближняго.

Передъ судомъ развитаго нравственнаго чувства всякое чужеядство, всякое хищническое присвоеніе плодовъ чужаго труда и пота есть воровство и грабительство; но, понятно, что, исходя изъ такого строгаго критеріума, пришлось-бы совершенно потеряться въ подборѣ явленій человѣческой преступности и привлечь къ отвѣтственности предъ лицо общественной совѣсти столько обвиняемыхъ, сколько существуетъ на свѣтѣ людей, живущихъ не правдой, а кривдой... Посчитайте всѣхъ ихъ — умъ вскружится! Такая слишкомъ пространная инкриминація не можетъ входить въ нашу задачу. Въ различеніи виновныхъ, въ данномъ отношеніи, мы вынуждены остановиться на той нравственно зыбкой грани, которая лаконически намѣчена народной мудростью въ двухъ словахъ: «не пойманъ— не воръ»! Здѣсь мы будемъ имѣть дѣло только съ пойманными ворами, заранѣе признавая, что они составляютъ, безъ сомнѣнія, очень незначительный процентъ въ массѣ воровъ непойманныхъ, подвизающихся на различныхъ легальныхъ поприщахъ, иногда въ роляхъ видныхъ и почетныхъ дѣятелей, не всегда даже сознавая свою преступность передъ народомъ и обществомъ. Въ сущности, разница между тѣми и другими заключается лишь въ формѣ и ме-

ханизмѣ самаго воровства или хищничества: есть такія на этотъ счетъ удобныя формы, обставленныя всевозможной законностью и утвержденныя на обычаѣ, на интеллектуальной темнотѣ массы, предъ зрѣлищемъ которыхъ юстиція слѣпа и нѣма, и самое общество преспокойно съ ними мирится; затѣмъ, въ жертву «торжествующему правосудію» предоставляются только такія формы присвоенія чужой собственности, гдѣ право и законъ нарушаются слишкомъ примитивно и открыто, безъ соблюденія престижа легальности и безъ посредства того или другаго вида хищнической индустріи, столь изобрѣтательной въ наше просвѣщенное время.

Еще Шекспиръ подмѣтилъ это противорѣчіе человѣческой морали, сдѣлавъ юмористическое сравненіе воровъ съ недобросовѣстными лѣкарями. «Воры,—говоритъ онъ,—кричатъ намъ: кошелекъ или жизнь! а лѣкаря отнимаютъ у насъ и кошелекъ и жизнь»! Но при этомъ, въ результатѣ оказывается, что въ то время, какъ воры рискуютъ попасть въ петлю карающей Ѳемиды, воры-лѣкаря пользуются полнѣйшей безнаказанностью. Вообще человѣческая справедливость въ этомъ пунктѣ крайне близорука и условна. Съ ея точки зрѣнія, любитель чужой собственности, непосредственно таскающій кошельки изъ кармановъ ближнихъ—это безспорно воръ, котораго жрецы правосудія безъ колебанія хватаютъ за воротникъ и тащатъ къ суду; но тотъ-же любитель, хотя-бы несравненно больше опоражнивающій чужіе карманы, посредствомъ напр. шарлатанства, шуллерства, коммерческаго обмана и тому подобныхъ «художествъ»,— это въ большинствѣ случаевъ вполнѣ правоспособный гражданинъ, гордо носящій голову и безнаказанно производящій свои операціи среди бѣлаго дня, на глазахъ недремлющихъ охранителей законности.

Проступки противъ чужой собственности, отвѣчающіе понятію воровства въ общепринятомъ смыслѣ,—въ уголовномъ законодательствѣ раздѣляются на нѣсколько казуистическихъ группъ, существенныхъ лишь въ процессуальномъ, но отнюдь не въ нравственномъ отношеніи. Группы эти слѣдующія, какъ онѣ обозначены въ нашемъ уголовномъ кодексѣ: «самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ и поврежденіе онаго», собственно «кража», «мошенничество», «обманъ», «присвоеніе чужаго имущества» или его «растрата». Опускаемъ такія еще обособленныя группы проступковъ,

какъ, напр., «похищеніе и поврежденіе чужаго лѣса», переносъ съ корыстною цѣлью земельной межи и проч.

Примѣняясь отчасти къ этой классификаціи, а также къ нашему матеріалу, мы подраздѣлимъ петербургскихъ «пойманныхъ» нарушителей правъ чужой собственности на три группы: 1) воровъ; 2) мошенниковъ и обманщиковъ, и 3) расточителей чужаго имущества, состоящихъ преимущественно изъ довѣренныхъ опустошителей казенныхъ, общественныхъ и частныхъ кассъ, чему мы видѣли за послѣднее время такое множество соблазнительныхъ примѣровъ.

Здѣсь мы остановимся собственно на ворахъ, какъ понимаются они въ техническомъ смыслѣ слова. Это, большею частью, мелкіе хищники, представители наименѣе развитаго класса общества, присваивающіе чужую собственность элементарными и несложными способами— тѣми самыми, на которые хватаетъ ума и смѣтливости у любаго вороватаго животнаго: незамѣтно, тайкомъ подкрасться къ добычѣ, стянуть ее, при посредствѣ нехитрой механики, и унесть, стараясь скрыть за собой слѣды. Вотъ вся немудрящая программа дѣйствій простаго, непосредственнаго вора! Впрочемъ, какъ увидимъ, и эта первобытная форма хищенія имѣетъ свою даже весьма обширную культуру, развѣтвляется на множество спеціальныхъ отраслей и требуетъ часто хитрости, остроумія и находчивости, особенно въ дѣлѣ «укрывательства», столь затруднительнаго при нынѣшнемъ развитіи полицейской бдительности и, поэтому, очень рѣдко достигаемаго даже искусными, опытными ворами. Совершить кражу— дѣло сравнительно легкое, но скрыть ея слѣды и безнаказанно воспользоваться ея плодами — составляетъ, какъ это само собой понятно, главнѣйшую и труднѣйшую задачу въ воровскомъ промыслѣ.

Воровство въ Петербургѣ имѣетъ свою статистику. Полиція ведетъ счетъ кражамъ, но счетъ этотъ, конечно, далеко не можетъ считаться полнымъ, такъ какъ въ полицейскую статистику заносятся только тѣ проступки этого рода, которые обнаружены самою полиціей или доведены до ея свѣдѣнія лицами пострадавшими. Остается еще масса случаевъ воровства, ускользающихъ отъ полицейскаго вѣдѣнія, гдѣ пострадавшіе либо мирятся съ похищеніемъ ихъ добра и не преслѣдуютъ похитителей, во избѣжаніе непріятныхъ хлопотъ, либо непосредственно ищутъ возмездія у мировыхъ судей, когда воръ налицо, либо, наконецъ, самоуправно, домашними мѣрами раз-

дѣлываются съ похитителемъ на мѣстѣ преступленія, что̀ составляетъ весьма распространенный обычай у нашихъ простолюдиновъ. Вотъ достовѣрныя цифры кражъ, приведенныхъ въ извѣстность полиціей и занесенныхъ въ полицейскую статистику. Приводимъ ихъ въ сводкѣ за десятилѣтіе.

Годы.	Число кражъ.
1868	2,027.
1869	2,308.
1870	2,246.
1871	2,818.
1872	3,481.
1873	3,276.
1874	2,581.
1875	3,060.
1876	2,911.
1877	3,047.
	2,775,5.

Оказывается такимъ образомъ, что за разсматриваемый періодъ въ Петербургѣ совершалось ежедневно, среднимъ счетомъ, около восьми кражъ, а, по отношенію къ общей цифрѣ населенія столицы,—одна кража приходилась, приблизительно, на 242 жителей. Трудно заключить на этомъ основаніи—много или мало воруютъ въ Петербургѣ, но, кажется, воруютъ умѣренно, сравнительно, напр. съ Парижемъ.

Извѣстный Дю-Канъ, къ книгѣ котораго мы уже не разъ обращались для сравнительныхъ выводовъ, записалъ, что въ Парижѣ въ 1868 г. было совершено 8,668 кражъ, что̀ составляло, по числу населенія, одну кражу на 224 ж. слишкомъ. Дю-Канъ, кромѣ того, приводитъ и цифру самихъ воровъ: ихъ было замѣчено полиціей въ Парижѣ за означенный годъ 8,698. Наша полицейская статистика, къ сожалѣнію, не ведетъ счета ворамъ, ограничиваясь лишь исчисленіемъ случаевъ кражъ; но число первыхъ мы можемъ приблизительно обозначить, на основаніи довольно сложнаго аналогическаго вычисленія.

Въ своемъ мѣстѣ мы высчитали, что въ Петербургѣ, по даннымъ полицейской статистики, на каждое криминальное «происшествіе» приходится среднимъ счетомъ около трехъ (2,7) «подозрѣваемыхъ» и обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Отсюда, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе предположить, что вышеприведенную среднюю годичную цифру кражъ въ Петербургѣ (2,775) воровъ должно приходиться приблизительно около 7,500 ч. Слѣдовательно, въ то время, какъ въ Парижѣ одинъ воръ выдѣляется изъ 224 жит., у насъ—одинъ изъ 90 съ небольшимъ, то есть, значитъ, что въ Петербургѣ воровъ, сравнительно, въ два съ половиною раза больше, чѣмъ въ Парижѣ. Эта параллель была-бы до крайности обидна для доброй репутаціи Петербурга, еслибы сдѣланное нами проблематическое вычисленіе петербургскихъ воровъ было основано на точныхъ данныхъ и отличалось достовѣрностью. Выведенная параллель можетъ быть принята лишь, какъ догадка, и принята съ тѣмъ большей осторожностью, что изъ сравненія числа кражъ въ Парижѣ и Петербургѣ получается выводъ уже въ пользу послѣдняго, а именно: имѣя въ виду, что въ Парижѣ приходится одна кража на 224 жит., а въ Петербургѣ — 1 на 242, находимъ, что въ первомъ совершается ихъ больше слишкомъ на 8%, или, другими словами, на каждую тысячу жителей въ нашей столицѣ—4,3 кражи, а въ столицѣ Франціи—4,4.

Наша полицейская статистика, кажется, еще и потому не ведетъ счета ворамъ, подлежащимъ вѣдѣнію полиціи, что послѣдняя сама очень плохо знаетъ ихъ численность и далеко не по всѣмъ обнаруживаемымъ кражамъ обнаруживаетъ и виновныхъ въ нихъ. Значительная часть «розысковъ» по кражамъ ведется безуспѣшно, какъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ 1867 г. изъ 1,826 кражъ виновные были обнаружены только по 1,018 случаямъ, въ 1868 г. изъ 2,027 кражъ разысканы виновные лишь по 1,335 случаямъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія этого рода за остальные годы почему-то не приведены въ полицейскихъ отчетахъ, конечно, не вслѣдствіе внезапнаго прекращенія самихъ случаевъ безуспѣшныхъ розысковъ, хотя расторопность и бдительность полиціи могли, безъ сомнѣнія, прогрессировать и совершенствоваться годъ отъ году.

Изъ приведенной выше таблички общаго числа кражъ за деся-

тилѣтіе видно, что годичная цифра ихъ не испытываетъ слишкомъ рѣзкихъ колебаній, хотя нельзя не замѣтить, что она находится въ тѣсной зависимости отъ уровня общаго благосостоянія массы столичнаго населенія, преимущественно низшихъ его слоевъ. Напримѣръ, въ табличкѣ нашей очень рѣзко выдѣлился, по количеству кражъ, сравнительно съ нормой, 1872-й годъ. Повышеніе это имѣло свою причину. Въ означенномъ году, какъ засвидѣтельствовалъ полицейскій отчетъ, произошли «исключительные» случаи, способствовавшіе развитію покушеній на чужую собственность. Вслѣдствіе прекращенія производства на нѣкоторыхъ большихъ заводахъ въ Петербургѣ, болѣе 3,000 рабочихъ внезапно остались безъ работы, а, слѣдовательно, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Изъ такой массы голодныхъ людей, естественно, должно было выдѣлиться немало субъектовъ слабой воли и покладистой совѣсти, оказавшихся способными «въ минуту жизни трудную» на хищническое присвоеніе чужой собственности. За изъятіемъ-же такихъ чрезвычайныхъ случаевъ, годичное количество кражъ болѣе или менѣе постоянно,—выражая собой какъ-бы извѣстную дань существующему ненормальному порядку, обусловленному присутствіемъ въ массѣ населенія цѣлаго класса бездомныхъ, полуголодныхъ и нравственно-испорченныхъ голяковъ, которые, въ борьбѣ за свое жалкое существованіе, прибѣгаютъ къ воровству.

Должно однако замѣтить, что профессіональныхъ воровъ, правильно и организованно занимающихся кражей, какъ установившимся промысломъ, въ Петербургѣ очень немного. Столь прославленный, вошедшій въ притчу петербургскій «мазурикъ» и большинство сказаній о его воровскихъ подвигахъ принадлежатъ больше къ области легендъ и анекдотовъ. Такой характеръ носитъ, между прочимъ, очень популярная книжка: «Похожденія мазурика», составляющая любимое чтеніе аматеровъ романическихъ «тайнъ», но въ которой очень мало жизненной правды, и большая часть разсказанныхъ въ ней «похожденій»—старые анекдоты, очевидно, не русскаго происхожденія. Какъ во всемъ, такъ и въ этомъ случаѣ, сильно сказалось у насъ вліяніе запада. Ходячее представленіе петербургскаго «мазурика», какъ воровскаго типа, сложилось у насъ преимущественно по образу и подобію парижскихъ и лондонскихъ Рокамболей и Картушей, какъ они описаны, не безъ прикрасъ, въ

романахъ Сю, Дюма, Понсонъ-дю-Терайля, Ксавье де-Монтепена и др. Конечно, петербургскій «мазурикъ» не миѳъ—онъ безспорно существуетъ и, самъ по себѣ, представляетъ очень интересный типъ, но въ типѣ этомъ нѣтъ и признаковъ того монте-кристовскаго демонизма, того внѣшняго лоска и ухарства и той художественности въ натурѣ и въ профессіи, которыми надѣлены разукрашенные беллетристической фантазіей романическіе рыцари карманной выгрузки.

Петербургскій воръ по ремеслу — въ большинствѣ жалкій парій, промышляющій по мелочамъ и при случаѣ. Крайне скудный изобрѣтательностью и индустріальной техникой, онъ, чаще всего воруетъ только то, что «плохо лежитъ» у него на пути, что набѣжитъ ему подъ руку. Есть цѣлый рядъ отраслей воровскаго промысла, основанныхъ на такомъ нехитромъ разсчетѣ,—самомъ, впрочемъ, вѣрномъ и наименѣе рискованномъ, благодаря господствующей въ русскихъ нравахъ безпечности. Значительнѣйшая часть кражъ въ Петербургѣ обязаны своимъ происхожденіемъ именно безпечности, ротозѣйству и недостатку присмотра за имуществомъ самихъ обывателей. На это не разъ обращала вниманіе и полиція, истощаясь въ краснорѣчивыхъ внушеніяхъ обывателямъ большей бдительности въ охраненіи своего имущества. Всего болѣе грѣшна въ этомъ отношеніи столичная домашняя прислуга, которая, помимо того, что очень мало заинтересована въ сбереженіи «господскаго» добра, не воспитана въ требованіяхъ точнаго порядка городскаго, культурнаго домохозяйства, а, комплектуясь въ большинствѣ изъ питомцевъ деревни, привыкла къ ея патріархальной безпечности и простотѣ. Напримѣръ, въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ, прислуга наша положительно не въ состояніи усвоить себѣ постояннаго употребленія замковъ, какъ необходимаго условія въ городской домашней жизни, ради безопасности. Прислуга знаетъ объ этомъ, но только въ теоріи; привычки къ употребленію замковъ она въ себѣ не выработала и, поэтому, сплошь и рядомъ забываетъ примѣнять ее во-время и къ мѣсту, чѣмъ воришки и пользуются.

Правдивость мудрой пословицы: «не клади плохо — не вводи вора въ грѣхъ!» оправдывается на каждомъ шагу въ практикѣ петербургскаго воровскаго хищничества. Можно даже съ достовѣрностью сказать, что множество воровъ только потому и сдѣлались ворами, что случай натолкнулъ ихъ на соблазнъ легко воспользо-

ваться «плохо лежащей» чужой собственностью. Впрочемъ, жертвами такого грѣховнаго искушенія дѣлаются у насъ не только какіе нибудь бѣдняки-простолюдины, но и люди достаточные, развитые, солидные, «степеней извѣстныхъ»—иногда очень даже «извѣстныхъ». Нельзя потаить грѣха: вороватость очень распространенный порокъ въ нашемъ обществѣ сверху до низу, какъ это не разъ съ грустью признавали многіе компетентные наблюдатели. По этой причинѣ сложилось у насъ и такое обидное для человѣческаго достоинства мнѣніе, что въ Россіи только и дѣлаютъ, что крадутъ, какъ выразился Карамзинъ, и что люди честные у насъ, въ большинствѣ, потому только не воры, что имъ не представлялось случая украсть...

Что касается собственно нашихъ героевъ, мелкихъ петербургскихъ воровъ, то въ данномъ отношеніи ихъ можно раздѣлить на три категоріи:—во-первыхъ, воровъ-систематиковъ, обдуманно и съ разсчетомъ, по заранѣе составленному плану, оперирующихъ или около намѣченной, опредѣленной добычи, или въ цѣломъ рядѣ экскурсій съ извѣстной задачей; во-вторыхъ, воровъ—искателей удобныхъ оказій для кражи, отправляющихся на промыселъ безъ опредѣленнаго плана, на удачу; въ третьихъ, наконецъ, воровъ непреднамѣренныхъ и случайныхъ, которые идутъ на преступленіе по внезапному рѣшенію, вслѣдствіе неожиданно представившагося имъ соблазна: это—воры минуты, какими могутъ дѣлаться иногда люди, вовсе не нуждающіеся и никогда прежде не кравшіе. Есть еще особая и довольно многочисленная категорія воровъ по страсти, граничащей съ своеобразной болѣзненной маніей и которой бываютъ подвержены даже лица, принадлежащія къ наиболѣе образованному и зажиточному классу общества. Страсть эта чаще всего встрѣчается въ представительницахъ прекраснаго пола, какъ свидѣтельствуютъ наблюденія. Нынче такихъ субъектовъ называютъ психопатами.

Что касается умственнаго развитія и соціально-экономическаго быта петербургскихъ воровъ, то, конечно, огромное большинство ихъ принадлежитъ къ наименѣе образованному, недостаточному слою населенія, и, по сословіямъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ крестьянъ, мѣщанъ и разночинцевъ, хотя въ послѣднее время немало попадается тутъ и изъ привилегированнаго класса, а, по матеріальному положенію, само собой разумѣется, они—плоть отъ

плоти городскаго уличнаго пролетаріата. Вопросъ о томъ, изъ какого общественнаго слоя и при какихъ условіяхъ образуются всякіе нарушители общаго и частнаго «правоваго порядка», въ смыслѣ гражданскомъ, достаточно былъ разъясненъ нами при изслѣдованіи причинъ и свойствъ, такъ называемой, «classe dangereuse».

Принято еще классифицировать дѣятелей воровскаго промысла по техническимъ спеціальностямъ, на которыя развѣтвляется воровская практика. Мы выше замѣтили, что практика эта несомнѣнно имѣетъ свою культуру и выработала извѣстную школу, извѣстные пріемы, какъ и всякое другое ремесло; но строго разграниченныхъ спеціальностей и систематически-организованнаго раздѣленія труда тутъ быть не можетъ, по крайней мѣрѣ, у насъ, вслѣдствіе отсутствія какой-нибудь опредѣленной организаціи въ средѣ самихъ воровъ.

Все это зависитъ отъ общаго уровня цивилизованности даннаго населенія; на западѣ, гдѣ этотъ уровень высокъ, гдѣ въ массѣ распространены знанія и идеи общественнаго устройства, тамъ и воры несравненно искуснѣе и интеллигентнѣе, чѣмъ у насъ, среди темной, неразвитой массы нашего городскаго плебса. Парижскій или лондонскій воръ учится своей профессіи и, понимая цѣну корпоративной солидарности и раздѣленія труда, додумывается и до правильной организаціи воровскихъ ассоціацій и до обособленія воровскихъ спеціальностей, ради усовершенствованія мастерства въ работѣ... Ничего такого у насъ, слава Богу, еще нѣтъ, и—въ этомъ, если угодно, наше преимущество передъ западомъ, которымъ мы обязаны невѣжеству нашихъ низшихъ городскихъ классовъ.

Мы, впрочемъ, не отрицаемъ, что и у насъ есть профессіональные воры-спеціалисты, какъ бываютъ иногда и сплоченныя воедино, соединенными силами промышляющія, воровскія шайки и артели; но все это частныя, случайныя явленія, а не продукты школы и системы. Повторяемъ, ловкій, шлифованный «мазурикъ», сочинитель и исполнитель остроумныхъ, смѣлыхъ и сложныхъ воровскихъ ше-дёвровъ, попадается у насъ очень рѣдко и еще рѣже въ томъ эффектномъ антуражѣ, какой придаютъ ему иные, съ пылкимъ воображеніемъ, нравоописатели. Для всего этого нужна извѣстная талантливость, помимо школы. Что и воры могутъ быть талантливые, какъ бываютъ талантливы писатели, художники и т. д.,— этого, конечно, никто оспаривать не станетъ; но если и въ ле-

гальныхъ профессіяхъ таланты встрѣчаются рѣдко, то еще рѣже, разумѣется, являются они среди стоящихъ внѣ закона отверженцевъ, посвятившихъ свои силы и способности преступленію. Мы, впрочемъ, постараемся отмѣтить здѣсь наиболѣе замѣчательныхъ въ данномъ отношеніи воровъ за обозрѣваемый періодъ, слѣдуя выше сдѣланной группировкѣ нашихъ героевъ по роду и степени ихъ приспособленія къ воровской практикѣ; но прежде—еще одно необходимое поясненіе.

Очень интересна и важна психологическая сторона воровства вообще, какъ одного изъ явленій осмысленной человѣческой дѣятельности. Воръ долженъ быть наблюдательнымъ психологомъ, помимо того, что онъ долженъ отлично знать самого себя и умѣть владѣть своими душевными движеніями. Въ сущности, вся тактика и стратегія воровства основаны на изученіи не только обстановки, обычаевъ, сноровокъ и слабостей данной среды и намѣченнаго для жертвы субъекта, но и духовной натуры человѣка, ея психическихъ аффектовъ и феноменовъ, общихъ для всѣхъ людей въ извѣстныхъ условіяхъ. Напр., уличный карманщикъ въ большинствѣ случаевъ пользуется отвлеченіемъ вниманія жертвы какимъ нибудь внѣшнимъ, поразившимъ или заинтересовавшимъ ее зрѣлищемъ; но вѣдь для того, чтобъ удачно уловить моментъ наибольшей напряженности этого душевнаго настроенія жертвы, карманщикъ необходимо долженъ умѣть быстро и мѣтко опредѣлять мимическіе рефлексы, характеризующіе то или другое психическое состояніе. И такихъ случаевъ множество, гдѣ вору необходимо тонкое психологическое чутье, чтобы не попасться. Безъ сомнѣнія, самый ловкій воръ предпочтетъ избѣжать этого искушенія, если только есть возможность обобрать жертву тайкомъ отъ нея, не испытывая надъ ней психопатическихъ экспериментовъ; но въ густо-населенномъ городѣ это не всегда удается, и вору часто приходится искуственно изолировать добычу отъ глазъ ея владѣльца, путемъ разныхъ уловокъ, основанныхъ весьма нерѣдко на психологіи.

Впрочемъ, какъ мы уже упоминали, большинство петербургскихъ воровъ не пускаются въ изобрѣтательность по этой части, а просто ищутъ удобнаго случая стащить что̀ попадется подъ руку, бродятъ безъ опредѣленной цѣли, въ мечтательномъ чаяніи—«авось на ловца звѣрь набѣжитъ». Разумѣется, поиски свои они производятъ не

гдѣ и какъ попало, а въ извѣстной степени приспособляются, съ одной стороны, къ своимъ способностямъ и силамъ, а съ другой—къ мѣстнымъ бытовымъ, хозяйственнымъ и инымъ условіямъ, въ которыхъ живетъ данное населеніе. Какъ во всякомъ городѣ, въ Петербургѣ кражи бываютъ, главнымъ образомъ, двухъ родовъ: изъ жилыхъ и нежилыхъ помѣщеній, и — уличныя, наружныя, изъ разныхъ хранилищъ, отъ кармановъ до товарныхъ лотковъ включительно. Самое большое число кражъ и самыя значительныя изъ нихъ совершаются изъ жилыхъ квартиръ; несравненно рѣже изъ магазиновъ, лавокъ и всякихъ торговыхъ заведеній, посредствомъ взломовъ и иной воровской механики.

Кражи изъ квартиръ—въ Петербургѣ заурядное, повседневное явленіе, обязанное прежде всего безпечности самихъ квартирохозяевъ и ихъ прислуги, о чемъ мы уже говорили. Каждый день по многоэтажнымъ петербургскимъ домамъ, преимущественно по чернымъ лѣстницамъ, шляется много подозрительныхъ личностей,—подъ разными сомнительными предлогами и подъ видомъ разныхъ загадочныхъ занятій,—которыя явно ищутъ оказіи заглянуть мимоходомъ въ отпертыя, плохо оберегаемыя квартиры и похозяйничать въ нихъ на скорую руку. Выдаютъ они себя за нищихъ, богомольцевъ, собирателей лептъ «на Божіи храмы», тряпичниковъ, торговцевъ какой-нибудь разносной грошовой дрянью, и т. д. Бываетъ, что они дѣйствительно таковы по профессіи, какъ себя называютъ; но что у большинства изъ нихъ очень чешутся руки къ воровской поживѣ мимоходомъ—такъ это не подлежитъ сомнѣнію. Есть между ними нарочито-пытливые субъекты, усвоившіе привычку каждую встрѣчную дверь пощупать и попробовать—не отперта-ли? Другіе питаютъ особенное влеченіе къ чердакамъ, зная, что они служатъ въ Петербургѣ сушильнями для бѣлья, которое и исчезаетъ изъ этихъ помѣщеній чрезвычайно часто, благодаря чердачнымъ ворамъ. Наконецъ, есть искатели поживы, которые сторожатъ любой удобный случай и иногда ловятъ его съ замѣчательной находчивостью.

Одна домовитая хозяйка, стоя на лѣстницѣ передъ дверью своей квартиры, уговаривалась съ приглашеннымъ ею мѣдникомъ починить и полудить кухонную посуду; сговорились и назначили день и часъ, когда мѣдникъ явится за посудой. За часъ до назначеннаго срока, явился подмастерье мѣдника съ телѣжкой: «хозяинъ-де прислалъ, по-

жалуйте посуду по уговору!» Выдали, ни въ чемъ не сомнѣваясь. На грѣхъ, сосѣдняя квартирохозяйка выглянула на лѣстницу въ ту минуту, когда подмастерье выносилъ посуду—«Ты, любезный, не отъ мѣдника-ли?»—спрашиваетъ.—«Точно такъ!»—отвѣчаетъ тотъ.—«Голубчикъ, возьми, пожалуйста, и отъ меня лудить посуду на такомъ-же уговорѣ, какъ съ сосѣдкой!»—«Пожалуйте»!... Послѣ бѣглыхъ справокъ съ первой заказчицей: надежный-ли мѣдникъ? не очень-ли дорогъ? и пр., сосѣдка спокойно разсталась со своей посудой. Подмастерье нагрузилъ телѣжку и съѣхалъ со двора... Вдругъ, черезъ часъ, является самъ мѣдникъ—хозяинъ за тою-же посудой. Оказалось, что онъ никакого подмастерья за нею не присылалъ... Бѣдныя хозяйки заахали, хватились вора, но—гдѣ-жъ его найдешь? Мистификація объяснилась просто: во время переговоровъ о посудѣ на лѣстницѣ случился скиталецъ-воръ, который, подслушавъ ихъ и смекнувъ, что тутъ представляется оказія одурачить и попользоваться,—мастерски исполнилъ и то и другое.

Настоящіе профессіональные спеціалисты по обкрадыванію квартиръ дѣйствуютъ уже не на угадъ, а съ разсчетомъ, и подходятъ къ дверямъ не съ пустыми руками. На первомъ планѣ стоятъ здѣсь грабители тѣхъ квартиръ, которыхъ хозяева и прислуга находятся въ отлучкѣ, за городомъ. Это—«сезонные», можно сказать, воры, практикующіе обкрадываніе квартиръ преимущественно лѣтомъ, во время переселенія культурныхъ петербуржцевъ на дачи. Воры этого сорта, вооруженные отмычками, долотами и ломами, завоевываютъ безлюдныя квартиры, какъ крѣпости, и производятъ въ нихъ нерѣдко генеральное опустошеніе. Замки и запоры для нихъ ни по чемъ: одинъ промышленникъ изъ этой категоріи отличился тѣмъ, что съ полнымъ успѣхомъ взломалъ девять дверныхъ замковъ въ завоеванной квартирѣ, не считая замковъ мебельныхъ. Что касается размѣра опустошенія, то оно бываетъ ужасно. Въ нашемъ матеріалѣ есть случай, гдѣ изъ одной большой квартиры, во время отлучки хозяевъ на дачу, было украдено все имущество, въ томъ числѣ одной мебели на 4,000 рублей... Правда, случай этотъ—феноменальный, но хроника лѣтнихъ кражъ въ Петербургѣ изобилуетъ фактами очень крупныхъ по цѣнности квартирныхъ опустошеній.

Затѣмъ, идутъ особые спеціалисты, съ болѣе умѣренными воровскими вожделѣніями, довольствующіеся ограбленіемъ квартирныхъ

дверей, лѣстницъ и подъѣздовъ: они срываютъ обивку съ дверей и ящики для писемъ, отвинчиваютъ ручки у замковъ и имянныя мѣдныя таблички, уносятъ половики, ковры и проч. Чаще всего это люди свѣдущіе въ слесарномъ ремеслѣ и, — богъ вѣсть, — въ какой степени они искусны въ слесарномъ творчествѣ, но по части отвинчиванія замковъ попадаются между ними истинные мастера. Одинъ изъ нихъ какъ-то изловчился въ одномъ только домѣ, за одинъ походъ, отвинтить тридцать девять замковъ. Другой отличился не только искусствомъ въ своей спеціальности, но и изумительной смѣлостью: войдя въ присутственное время въ одинъ храмъ высшаго правосудія, биткомъ набитый его чиновными жрецами и стражами, герой нашъ спокойно и увѣренно принялся отвинчивать отъ дверей замки и класть ихъ въ свой мѣшокъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь? стали его спрашивать сторожа.

— Вишь, — отвѣчаетъ, — замки отвинчиваю... Что тутъ спрашивать?

— Да кто тебя прислалъ?

— Тотъ, кому было надобно... Вѣстимо, хозяинъ — слесарь!

Сторожа успокоились; шустрый малый продолжалъ свое дѣло и успѣлъ уже отвинтить семь замковъ, намѣреваясь очевидно прибрать всѣ, сколько ихъ найдется въ храмѣ Ѳемиды; но, по счастью, явился экзекуторъ, въ вѣдѣніи котораго состояли замки, и изобличилъ въ самозванномъ слесарѣ наглаго вора.

Наконецъ, есть еще одна многочисленная группа квартирныхъ воровъ, дѣйствующихъ смѣло и открыто по разъ заведенной общеизвѣстной методѣ, которая, не взирая на свою избитость и частую повторяемость, оказывается, однако, почти постоянно удачной. Воръ — непремѣнно съ виду человѣкъ приличный, изрядно одѣтый, а еще лучше, щеголь, — увѣренной рукой звонитъ въ квартиру съ параднаго входа, является, выдумавъ какой-нибудь благовидный предлогъ, объясняющій его появленіе, вступаетъ въ переговоры съ прислугой или съ хозяевами, отвлекаетъ ихъ зачѣмъ-нибудь во внутренніе аппартаменты (всего чаще за бумагой и карандашемъ, чтобъ написать записку) и, пользуясь ихъ отлучкой, цапаетъ, что поцѣннѣе попадется ему подъ руку, и мгновенно улетучивается... Вотъ вся механика едва-ли не самой господствующей формы воровства въ Петербургѣ! По крайней мѣрѣ, въ нашемъ матеріалѣ

имѣется множество такихъ случаевъ; приведемъ наиболѣе замѣчательные изъ нихъ.

Передъ нами, для перваго знакомства съ портретной галлереей петербургскихъ воровъ, заранѣе обѣщанный нами — «мазурикъ» высшаго полета, аристократъ среди собратій по ремеслу, ловкій, даровитый, чуть ли не салонный кавалеръ и, во всякомъ случаѣ, артистъ своего дѣла. Вотъ его похожденія вполнѣ достовѣрныя.

Лѣтомъ 1868 г. вся столичная полиція была поднята на ноги по случаю чрезвычайно дерзкаго воровства, обнаруженнаго въ Стрѣльнинскомъ дворцѣ великаго князя Константина Николаевича, въ квартирѣ княгини Голицыной. Незадолго передъ тѣмъ, въ одно прекрасное іюльское утро, къ княгинѣ явился весьма прилично одѣтый, съ изящными манерами, элегантный молодой человѣкъ, съ просьбой о пособіи. Княгиня отнеслась къ нему очень предупредительно и какъ она сама, такъ и вся дворцовая прислуга настолько расположились въ пользу «приличнаго» юноши, что и не замѣтили, какъ онъ, уходя, стянулъ дорогой дамскій нессесеръ... Воровство у такого лица и въ такомъ мѣстѣ являлось фактомъ экстраординарнымъ, и поднятая на ноги полиція очень скоро разъискала вора. Онъ оказался отставнымъ юнкеромъ Ясинскимъ, давно уже выслѣживаемымъ полиціей за свои прежнія «художества», счастливо сходившія ему съ рукъ, благодаря его дерзости и ловкости. Онъ спеціализировалъ кражи въ «богатыхъ квартирахъ» у знатныхъ людей, и производилъ ихъ нерѣдко «въ присутствіи» хозяевъ и ихъ прислуги. Такъ, въ томъ же году онъ сдѣлалъ «визиты»—въ этомъ родѣ—графу Платеру, князю Грузинскому и нѣкоторымъ другимъ сановнымъ и богатымъ особамъ. Онъ являлся къ нимъ, то въ видѣ гостя, то по порученіямъ, то за справками, то, будто, по ошибкѣ, и каждый разъ уносилъ съ собою что-нибудь «въ знакъ памяти». Къ гр. Платеру онъ явился, напр., съ вопросомъ—не получалъ-ли онъ изъ Варшавы письма отъ какого-то Неймана, и, услышавъ отрицательный отвѣтъ, расшаркался, вышелъ въ переднюю, надѣлъ на себя преспокойно, въ присутствіи и съ помощью слуги, богатую графскую шубу, вмѣсто своего пальтишка, и—былъ таковъ! Въ другой барскій домъ онъ взошелъ въ качествѣ гостя, замѣтивъ съ улицы, что хозяева сидятъ на балконѣ. Развязно войдя, какъ «свой человѣкъ», онъ отправился

безъ доклада въ покои и, достигнувъ третьей комнаты, оказавшейся будуаромъ хозяйки, забралъ съ туалета разныя цѣнныя и золотыя вещи и вышелъ изъ дому безпрепятственно и какъ ни въ чемъ не бывало... Всѣ эти похожденія показываютъ, конечно, удивительную смѣлость и ловкость описываемаго вора; но нельзя не подивиться и беззаботности прислуги въ данныхъ случаяхъ. Впрочемъ, и сами хозяева оказываются нерѣдко въ такой-же степени довѣрчивыми и безпечными, какъ покажетъ нижеприводимый фактъ.

Въ 1869 г., осенью, къ одному богатому домовладѣльцу на Черной рѣчкѣ пріѣхали днемъ трое господъ, безъ сомнѣнія, «приличнаго вида», подъ предлогомъ найма помѣщенія для танцовальныхъ вечеровъ. Домовладѣлецъ, натурально, очень обрадовался такимъ гостямъ, которые съ своей стороны постарались всячески обольстить его. Любезные гости осмотрѣли помѣщеніе, сговорились о цѣнѣ и уѣхали. Очарованный ими хозяинъ возвращается въ свой кабинетъ и только теперь замѣчаетъ въ немъ маленькій безпорядокъ: замки у комода и письменнаго стола взломаны, ящики выдвинуты и опорожнены. Хватился онъ пропажи, и оказалось, что мнимые наниматели унесли съ собою на 9 т. руб. цѣнныхъ бумагъ и денегъ. Кража была совершена самымъ простымъ и, можно сказать, глупымъ способомъ. Воры, очевидно, были знакомы съ домашней обстановкой хозяина, и въ то время, какъ двое изъ нихъ занимали его разговорами и осматривали помѣщеніе для «танцовальныхъ вечеровъ», третій проникъ въ хозяйскій кабинетъ и произвелъ въ немъ опустошеніе. Вся кража была основана на неправдоподобномъ почти разсчетѣ, что домовладѣлецъ настолько будетъ простъ, что, имѣя дѣло съ совершенно неизвѣстными ему людьми, не обратитъ вниманія, какъ одинъ изъ нихъ затеряется у него въ квартирѣ... Разсчетъ однако-жъ блистательно оправдался!

Нужно замѣтить, что случаи, подобные описанному, гдѣ воры среди бѣлаго дня обираютъ квартиры, въ присутствіи хозяевъ и прислуги, цѣлою шайкой,—бываютъ рѣдко. И понятно: появленіе вдругъ нѣсколькихъ неизвѣстныхъ человѣкъ, хотя бы подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ, должно возбудить подозрѣніе въ самыхъ невозмутимо-довѣрчивыхъ квартирохозяевахъ. Намъ извѣстна, однако, парочка молодыхъ людей, капитанскаго сына и мѣщанина, которые,

дѣйствуя совмѣстно, успѣли совершить въ одну зиму девятнадцать кражъ въ квартирахъ вышеописаннымъ способомъ, и только на двадцатой были пойманы. Они смѣло звонили въ незнакомыя квартиры, и пока одинъ изъ нихъ отвлекалъ прислугу и хозяевъ изъ передней подъ-какимъ-нибудь предлогомъ, другой навыкшей рукою очищалъ вѣшалки. Были и еще такія же пары; между прочимъ, одна изъ нихъ состояла изъ мастера и подмастерья — «форточника», гибкаго тринадцатилѣтняго малыша, который, съ помощью руководителя, влѣзалъ въ оконныя форточки квартиръ, въ отсутствіи ихъ хозяевъ, и кралъ, что попадалось подъ руку, передавая добычу мастеру, стоявшему на-сторожѣ. Мимоходомъ сказать, промыселъ «форточниковъ» — очень старый — нынѣ рѣдко практикуется: надо полагать, современныя форточки стали плотнѣе запираться... Въ большинствѣ-же случаевъ, квартирные или комнатные воры данной категоріи предпочитаютъ дѣйствовать въ одиночку, въ противоположность уличнымъ ворамъ, которые всего чаще работаютъ въ компаніи, ради собственнаго удобства.

Главнымъ предметомъ хищенія квартирныхъ воровъ служитъ верхнее носильное платье, оставляемое обыкновенно въ переднихъ, и такъ какъ самое цѣнное платье этого рода — зимнее, теплое, состоящее преимущественно изъ мѣховъ, то и самый промыселъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, развивается, главнѣе всего, въ холодное осеннее и зимнее время. По этой причинѣ, сами промышленники этого сорта называются на воровскомъ жаргонѣ «шубниками». Дѣйствительно, кто слѣдитъ за петербургскимъ «дневникомъ приключеній», тотъ знаетъ, что кража шубъ изъ переднихъ — повседневный почти фактъ зимою. Впрочемъ, воры этого сорта ни чѣмъ не брезгаютъ и пользуются каждой оказіей или сами придумываютъ ее, иногда не безъ остроумія.

Напримѣръ, одинъ отставной губернскій секретарь изобрѣлъ такую спеціальность: онъ являлся къ прославившимся благотворительностью сановнымъ лицамъ, вручалъ швейцару или лакею просительное письмо и просилъ доложить; а пока тѣ докладывали, онъ бралъ съ вѣшалки платье, надѣвалъ его на себя и — скрывался. Другой, не приведенный въ извѣстность хищникъ, имѣвшій видъ пожилаго солиднаго отца семейства, въ формѣ отставнаго военнаго, эксплуатировалъ съ неменьшимъ остроуміемъ иска-

тельницъ интеллигентнаго женскаго труда. По вызовамъ чрезъ газеты, онъ являлся къ гувернанткамъ и учительницамъ, объявлявшимъ о предложенiи своихъ услугъ, и, уходя, изловчался стянуть что-нибудь изъ ихъ скудныхъ пожитковъ. Приходилъ онъ, конечно, подъ предлогомъ найма адресатокъ для воспитанiя своихъ дѣтей. Дѣйствовалъ онъ иногда совершенно по военному, налетомъ, не затрудняя себя даже продѣлыванiемъ заученной комедiи. Разъ, явившись по адресу одной гувернантки, жившей въ домѣ родныхъ, онъ вошелъ въ залу, не снимая пальто, и въ ту самую минуту, когда, по докладу прислуги, гувернантка пришла изъ внутреннихъ комнатъ, отецъ семейства направился къ дверямъ.

— Куда-же вы?—удивилась она.

— Я забылъ разсчитаться съ извощикомъ, — спокойно отвѣтилъ незнакомецъ.

— Позвольте послать прислугу...

— Покорно благодарю. Извощика я взялъ безъ уговора, «по часамъ»; не знаю еще, что онъ спроситъ, а мнѣ съ вами нужно переговорить пространно и обстоятельно.

Гувернантка ждетъ пространныхъ переговоровъ, ждетъ пять минутъ, десять,—отецъ семейства не является. Справились у подъѣзда—его и слѣдъ простылъ; стали тогда осматривать квартиру и не досчитались шелковаго зонтика, дамскаго шалеваго платка и еще кое-какой мелочи.

Смѣлые, увѣренные въ себѣ и умные воры данной категорiи очень хорошо понимаютъ, что для ихъ операцiй самое доступное и благодарное поле не въ маленькихъ, малолюдныхъ квартирахъ, а въ большихъ, переполненныхъ челядью и гостями, богатыхъ домахъ, гдѣ, притомъ, менѣе всего ихъ ожидаютъ встрѣтить, не допуская, чтобы въ комъ-нибудь хватило дерзости на кражу въ такой обстановкѣ. Секретъ этотъ,—основанный на простомъ, въ сущности, соображенiи, — постигалъ уже знакомый намъ элегантный юноша Ясинскiй; постигла его также вполнѣ и одна интересная дама—замѣчательная въ своемъ родѣ воровка.—Нечего и говорить, что на практику при этихъ условiяхъ способными оказываются только рѣдкiе, исключительные экземпляры воровскаго класса. Это—«мазурики» высшаго полета, обладающiе не только извѣстной талантливостью, смѣлостью и ловкостью, но и блестящей внѣшностью,

щегольскимъ костюмомъ, салонной выправкой и апломбомъ «порядочности» во всѣхъ отношеніяхъ.

Всѣми этими качествами вполнѣ обладала одна изъ «золотыхъ ручекъ», двадцатилѣтняя красавица Ольга Разамасцева, по званію—дочь придворнаго служителя. Не смотря на раннюю молодость, она уже много испытала, много пережила, посидѣла и на скамьѣ подсудимыхъ, отсидѣлась и за рѣшеткой въ тюрьмѣ, и пользовалась у полиціи упроченной репутаціей «дерзкой комнатной воровки». Воровала она съ разборчивостью, на пустякахъ не пачкала «золотыхъ ручекъ» и дѣлала свои хищническія экскурсіи исключительно въ чертогахъ сильныхъ міра сего, куда она проникла смѣло и открыто, благодаря своей выгодной внѣшности и, быть можетъ, путемъ романическихъ обольщеній, усыплявшихъ бдительность тѣхъ, кого нужно было усыпить.

Въ 1874 г., зимою, надѣлала большаго шума въ Петербургѣ неслыханно-дерзкая кража драгоцѣнной цѣпи ордена св. Андрея Первозваннаго у военнаго министра (позднѣе—графа) Милютина, изъ его квартиры. Не взирая на усиленныя старанія полиціи, ни самая цѣпь, ни ея похититель не были розысканы по горячимъ слѣдамъ, да и самые слѣды, неизвѣданные полиціей вначалѣ, стали затериваться. Вдругъ, спустя года три, уже въ 1877 г., полицейская бдительность подверглась новому, сильнѣйшему еще искушенію и посрамленію. Дѣло было вотъ въ чемъ, какъ изложено оно въ печатномъ оффиціальномъ отчетѣ: «Около 4 часовъ пополудни, 1-го марта, однимъ изъ камеръ-лакеевъ дворца его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича было замѣчено исчезновеніе изъ кабинета и уборной его высочества пяти карманныхъ часовъ и золотаго кольца. По сопоставленіи времени, когда великій князь видѣлъ одни изъ этихъ часовъ, со временемъ обнаруженія кражи, оказалось, что таковая могла быть совершена между 3 и 4 часами пополудни, когда его высочество безотлучно находился въ кабинетѣ и, между прочимъ, съ полчаса почивалъ. Приступивъ къ дознанію, сыскная полиція встрѣтила полное отсутствіе данныхъ, могущихъ навести на слѣдъ виновнаго»...

Прежде всего, подозрѣніе пало, конечно, на прислугу, такъ какъ трудно было допустить самую мысль, чтобы кто-нибудь сторонній могъ безъ ея вѣдома и опроса войти во дворецъ и тѣмъ менѣе проникнуть

въ кабинетъ великаго князя; но подозрѣніе это не оправдалось, и прислуга, за всѣмъ тѣмъ, не могла дать никакихъ поясненій и указаній. Полиція бросилась искать слѣдовъ кражи у ростовщиковъ и скупщиковъ драгоцѣнностей. Поиски эти увѣнчались успѣхомъ: украденныя вещи были найдены, но до похитителя ихъ пришлось добираться путемъ очень сложныхъ сыскныхъ комбинацій, портретныхъ сличеній, дознаній и догадокъ. Воръ оказался на рѣдкость искуснымъ не только въ процессѣ кражи, но и въ укрывательствѣ... По справкѣ, описанное воровство совершила Ольга Разамасцева, причемъ было обнаружено, что и похищеніе орденской цѣпи у военнаго министра — дѣло ея рукъ, какъ и цѣлый рядъ однородныхъ кражъ въ другихъ богатыхъ домахъ. На слѣдствіи она созналась и показала, что въ великокняжескій дворецъ она входила безпрепятственно и не разъ, «подъ предлогомъ отысканія одного изъ сослуживцевъ ея умершаго отца», а на самомъ дѣлѣ—съ воровской цѣлью. Вначалѣ, «войдя какъ-то совершенно случайно въ уборную его высочества, она, по ея словамъ, такъ была поражена обстановкою, что безсознательно отказалась отъ приведенія преступнаго намѣренія въ исполненіе; когда-же она рѣшилась вторично проникнуть съ тою-же цѣлью во дворецъ, ей не представилось болѣе тѣхъ затрудненій, которыя встрѣтились въ первый разъ»...

Поскольку домашняя прислуга, благодаря своей безпечности и простоватости, оказывается косвенной причиной во многихъ случаяхъ квартирныхъ кражъ, постольку-же является она часто и прямо виновной въ этихъ кражахъ. Случаи обкрадыванія «господъ» ихъ слугами, преимущественно-же служанками — въ Петербургѣ самое обыкновенное дѣло. Среди испорченной и въ большинствѣ деморализованной столичной прислуги, вороватые субъекты попадаются сплошь и рядомъ; но, кромѣ случайныхъ воровъ, въ этомъ классѣ встрѣчаются нерѣдко заправскіе, профессіональные специалисты хищенія, которые только маскируются званіемъ прислуги и нанимаются на «мѣста» съ преднамѣреннымъ воровскимъ замысломъ. Обычный методъ этой спеціальности таковъ, какъ покажетъ слѣдующій выдающійся фактъ.

Въ 1872 г. полиціи удалось поймать давно уже намѣченную ею, но постоянно избѣгавшую преслѣдованій воровку, которая практиковала подъ видомъ кухарки. Она нанималась на

«мѣста», вручая хозяевамъ фальшивый паспортъ и, потомъ, спустя немного времени, обкрадывала ихъ въ удобную минуту и скрывалась. Удавалось это ей тѣмъ легче, что она вездѣ успѣвала расположить всѣхъ въ свою пользу. Это была, своего рода, сирена: «весьма красивой и симпатичной наружности (по полицейской характеристикѣ), кроткая и застѣнчивая на видъ, одѣтая въ обыкновенное деревенское платье». Она, дѣйствительно, была крестьянка новгородской губерніи. Скрывалась она отъ преслѣдованій полиціи тѣмъ, что, послѣ каждой кражи, уѣзжала изъ Петербурга и самыя похищенныя вещи сбывала внѣ столицы. Такимъ способомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, она обворовала болѣе сорока квартиръ. Дѣйствовала-ли эта замѣчательная воровка одна, или въ компаніи, намъ неизвѣстно. Весьма нерѣдко случается, что такія мнимыя кухарки являются только орудіемъ и помощницами настоящихъ мастеровъ или цѣлой даже шайки, высылающей ихъ какъ-бы на рекогносцировку. Кухарка или горничная, нанимаясь для этой цѣли въ домъ, изучаетъ его, присматривается, куда прячутся деньги и цѣнныя вещи, подмѣчаетъ привычки хозяевъ и время ихъ отлучекъ, а затѣмъ уже, по ея указаніямъ, являются компаньоны и соединенными силами опустошаютъ квартиру. Впрочемъ, большинство женщинъ-воровокъ изъ прислуги довольствуются кражами по мелочамъ и исподоволь, чтобы не быть замѣченными. Напр., были случаи, что горничныя-воровки такимъ способомъ обкрадывали гардеробъ своихъ барынь, потихоньку и полегоньку таская ленточки, кружевца, платочки, воротнички и постепенно доходя до дѣлежа съ барыней ея платьями и цѣлыми штуками матерій, отрѣзывая отъ нихъ по нѣскольку аршинъ; но попадаются изрѣдка среди воровокъ этой категоріи и очень серьезныя хищницы на значительныя суммы. Произошелъ такой, притомъ, очень романическій случай въ 1868 г.

У жены церемоніймейстера двора его императорскаго величества Дурасова, въ одно майское утро была обнаружена пропажа изъ шкатулки брилліантовъ, цѣнностью на 70,000 рублей. Слѣдовъ пропажи не было никакихъ и, заявляя о ней полиціи, гг. Дурасовы ни на кого изъ своей прислуги не заявили подозрѣнія. Менѣе всего могли они подозрѣвать въ этомъ горничную г-жи Дурасовой, дѣвушку Полину, съ дѣтства «облагодѣтельствованную» ими, по ея собственному выраженію, хорошо воспитанную, благонравную и,

повидимому, глубоко преданную своей госпожѣ. Между тѣмъ, «стараніемъ полиціи» обнаружилось, что кражу совершила именно Полина... Бѣдняжку попутала страстная любовь и стыдъ — въ дѣвичествѣ стать матерью! Эти-то чувства сдѣлали ее слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ ея «предмета», вора уже по призванію, притомъ субъекта крайне безсердечнаго и распутнаго, какихъ немало вырабатываетъ у насъ лакейская среда. За нѣсколько мѣсяцевъ до описываемаго событія, Полина влюбилась въ лакея г. Дурасова, молодаго человѣка, и вошла съ нимъ въ интимныя сношенія, результатомъ которыхъ явилась у ней беременность... Результатъ этотъ ужасно смутилъ дѣвушку и, во избѣжаніе позора для своей дѣвической чести, она принялась настаивать, чтобы ея возлюбленный женился на ней. Послѣдній, какъ истый ловеласъ, сперва отшучивался и отговаривался, а потомъ поставилъ условіемъ своей женитьбы, чтобы Полина украла у гг. Дурасовыхъ деньги или драгоцѣнныя вещи, не менѣе, какъ на тысячу рублей, «для обезпеченія ихъ будущей супружеской жизни». Та сначала оттолкнула эту мысль съ отвращеніемъ; но, не смотря на ея мольбы, убѣжденія и увѣренія въ невозможности рѣшиться на такое преступленіе, къ тому-же, въ домѣ гдѣ она облагодѣтельствована—соблазнитель стоялъ на своемъ и, угрожая не только отказаться отъ женитьбы, но и прервать дальнѣйшее близкое знакомство, довелъ наконецъ несчастную до согласія исполнить его подлое требованіе... Какъ-то разъ во время обѣда господъ Полина похитила въ будуарѣ г-жи Дурасовой ея бриллiанты и отнесла ихъ потомъ своему любовнику, а тотъ распорядился заложить ихъ въ ссудной казнѣ за 2,500 рублей, гдѣ они и были найдены полиціей, изобличившей и самихъ похитителей.

Какъ мы уже замѣтили ранѣе, въ большинствѣ домашнихъ кражъ, совершаемыхъ прислугою, фигурируютъ, въ роли дѣйствующихъ лицъ, служанки, что̀ объясняется весьма просто огромнымъ преобладаніемъ женскаго пола надъ мужскимъ въ составѣ столичной домовой прислуги. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить мимоходомъ, что въ то время, какъ въ другихъ родахъ уголовныхъ преступленій женщина вообще изобличается значительно рѣже мужчины,— въ слабости къ воровству и въ рѣшимости на его исполненіе нѣжный полъ не уступаетъ грубому, а, быть можетъ, даже превосходитъ его въ количественномъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, въ Петер-

бургѣ, во всѣхъ почти родахъ кражъ, женщины попадаются не рѣже мужчинъ. Но кончимъ однако нашъ обзоръ домашнихъ, квартирныхъ кражъ.

Говоря о квартирныхъ ворахъ изъ числа домашней прислуги, нельзя обойти дворниковъ, нерѣдко изобличающихся если не въ прямомъ, то въ косвенномъ участіи въ обкрадываніи квартиръ, главнымъ образомъ, въ отсутствіи квартирохозяевъ. Нужно сказать, что для вороватаго дворника тутъ большой соблазнъ: вѣдь онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, охранительная и довѣренная власть въ домѣ, и, пользуясь прерогативами этой власти, можетъ безпрепятственно взломать замки и разграбить охраняемое имущество. Такіе случаи не могутъ назваться слишкомъ рѣдкими, а такъ какъ бывалый петербургскій дворникъ—человѣкъ предусмотрительный и свѣдущій по уголовной слѣдственной части, то, проворовашись, онъ для сокрытія слѣдовъ преступленія поднимается иногда на хитрости очень рѣшительнаго свойства. Какъ-то въ домѣ одной богатой вдовы тайнаго совѣтника, въ Малой Московской улицѣ, случился пожаръ и—очень страннымъ образомъ: загорѣлось въ нежиломъ, закрытомъ помѣщеніи, именно въ кладовой, гдѣ хранились мѣховыя и многія другія цѣнныя хозяйскія вещи. Кладовая сгорѣла, но у полиціи зародилось сомнѣніе относительно причины пожара. Слѣдствіе повело къ любопытнымъ открытіямъ: въ гардеробѣ жены старшаго дворника и его родственницы, а также любовницы младшаго дворника оказались роскошнѣйшія шубки, ротонды, бархатныя мантильи и пр., которыя вдова тайнаго совѣтника признала своими, именно изъ числа хранившихся и, повидимому, сгорѣвшихъ отъ несчастнаго случая въ кладовой... Въ концѣ концовъ, было дознано, что дворники обобрали хозяйскую кладовую и потомъ подожгли ее, чтобы сжечь, такъ сказать, концы преступленія.

Соблазняются нерѣдко воровствомъ въ домахъ и квартирахъ разнаго рода ремесленники по части домоустройства: маляры, печники, обойщики и всего чаще полотеры, пользующіеся очень частымъ доступомъ во всѣ комнаты жилья; но есть болѣе интересная и замѣчательная категорія домашнихъ воровъ. Это—воры-родственники, иногда очень близкіе къ обкрадываемымъ лицамъ. Съ грустью должно сказать, что подобнаго сорта воры далеко не рѣдкое въ Петербургѣ явленіе и, притомъ, встрѣчающееся преимущественно въ

высшемъ культурномъ слоѣ. Мы заключаемъ такъ по значительному числу имѣющихся въ нашемъ матеріалѣ случаевъ данной категоріи, доведенныхъ до свѣдѣнія полиціи и суда; но нетрудно понять, что еще гораздо большая часть случаевъ не оглашается, оставаясь семейными тайнами, во избѣжаніе позора для фамиліи и находя возмездіе въ домашнихъ репрессаліяхъ родственнаго суда. Нужно еще удивляться, что такъ много фактовъ этого рода дѣлаются достояніемъ гласности, что̀ по совокупности не можетъ говорить въ пользу процвѣтанія у насъ семейнаго союза. Сошлемся однако на примѣры, наиболѣе выдающіеся.

Въ 1872 г., въ квартирѣ одного генералъ-лейтенанта, жившаго по Крюкову каналу въ домѣ Погребова, были обнаружены въ разное время кражи денегъ на значительную сумму. Генералъ сначала не зналъ на кого подумать, но наконецъ заподозрилъ часто гостившаго у него племянника, молодаго человѣка, блестящаго лейбъ-гусарскаго юнкера. Посвященная въ это подозрѣніе, сыскная полиція стала негласно слѣдить за юношей и «пришла къ положительному заключенію, что кража совершена имъ», въ чемъ онъ самъ, когда его накрыли и уличили, чистосердечно повинился.

Годъ спустя, аналогичную кражу совершилъ другой свѣтскій молодой человѣкъ у своего дяди-чиновника, завѣдывавшаго дѣлами княгини Барятинской. Проживая въ домѣ дяди, онъ какъ-то вытащилъ изъ шкатулки принадлежавшія княгинѣ 12 т. рублей, скрылся и пустился на широкую ногу жуировать, въ компаніи съ своимъ другомъ, лихимъ штабсъ-капитаномъ. Полиція бросилась по ихъ слѣдамъ въ веселыя заведенія, гдѣ наши герои «обнаруживали особую щедрость»; но когда настигли ихъ, гдѣ-то ужь во Владимірской губерніи, то изъ 12-ти тысячъ третья часть была уже растрачена.

Въ описанныхъ случаяхъ хищники-родственники, по крайней мѣрѣ, лакомились крупными кушами, стоющими, на воровской глазомѣръ, риска попасть въ тюрьму; а вотъ одинъ юный баринъ, сынъ полковника, угодилъ въ нее по обвиненію отца въ кражѣ трехъ родительскихъ рубашекъ, проданныхъ на рынкѣ за 60 коп. Печальную исторію о себѣ и о своихъ отношеніяхъ къ отцу разсказалъ на судѣ этотъ несчастный! Отецъ его, домовладѣлецъ,

живя съ какою-то женщиной и вмѣстѣ съ нею предаваясь запою, поселилъ сына на чердакѣ, не пускалъ къ себѣ на глаза, и для пропитанія открылъ ему кредитъ въ мелочной лавкѣ на 20 коп. въ сутки...

Практика петербургскаго мирового суда свидѣтельствуетъ, что и нѣжныя сердечныя отношенія двухъ половъ нерѣдко отравляются взаимными обвиненіями въ кражахъ. У одного добраго нѣмца, ювелира по ремеслу, жила, «совсѣмъ какъ-бы жена», соотечественница, «недурненькая собой блондинка», по аттестаціи репортерскаго отчета. Онъ былъ въ лѣтахъ, она—молодая; тѣмъ нѣжнѣе относился онъ къ ней и, въ знакъ своего благоволенія, «предоставилъ ей право надѣвать на себя всѣ драгоцѣнныя вещи, какія находились въ его магазинѣ». Она пользовалась этимъ правомъ такъ широко, что носила по 15-ти колецъ на пальцахъ заразъ, и даже на кухнѣ стряпала въ брилліантовыхъ браслетахъ; но, съ теченіемъ времени, одно это право перестало ее удовлетворять, а между тѣмъ ея экономный другъ не хотѣлъ объ этомъ догадаться... Что-жъ было съ нимъ дѣлать? Нѣмочка надула губки, поссорилась со скупцомъ и бѣжала отъ него, не забывъ захватить и всѣ предоставленныя ей для ношенія бездѣлушки. Нѣмецъ, потерявъ и любовь и золото, сначала умолялъ бѣглянку возвратиться въ его объятія, а когда она неожиданно вышла замужъ, вчинилъ искъ, обвиняя ее въ кражѣ.

Гораздо ординарнѣе и прозаичнѣе многочисленные иски мужей на жонъ и жонъ на мужей въ похищеніяхъ. Подобные иски, вчинаемые обыкновенно на развалинахъ семейнаго очага, чаще всего бываютъ среди бѣдняковъ, людей пожилыхъ и раздраженныхъ лютой нуждою. Бѣдность—плохой цементъ для сердечныхъ союзовъ... Дико и странно звучатъ эти желчныя жалобы и безпощадныя обвиненія «подругъ жизни» и «возлюбленныхъ супруговъ», вызывающія обыкновенно веселый смѣхъ въ судейской публикѣ и въ самихъ судьяхъ! И въ самомъ дѣлѣ, не смѣшенъ-ли, напр., этотъ старикъ-чиновникъ, обвиняющій жену въ кражѣ у него пальто, стоимостью въ 5 руб.. и упорно требующій отъ судьи лишенія ея всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ Сибирь,—главнымъ образомъ, для того, что тогда онъ вправѣ будетъ просить о разводѣ?.. Таковы почти всѣ супружескія инкриминаціи въ кражахъ, разнообра-

зящія практику мировыхъ судовъ и, по существу, относящіяся къ другому порядку нравственныхъ явленій, внѣ рамки настоящаго этюда.

Значительную группу въ области кражъ изъ помѣщеній въ постройкахъ составляютъ случаи обкрадыванія магазиновъ, лавокъ, конторъ, складовъ и пр. Кражи этого рода совершаются частью самими служащими въ названныхъ заведеніяхъ, а частію сторонними ворами, мастерами взломовъ. Можетъ быть, не слишкомъ явное, подъ благовидными масками, безнаказанное обкрадываніе выручекъ и инвентарей въ лавкахъ, магазинахъ и разныхъ промышленно-торговыхъ заведеніяхъ сидѣльцами, прикащиками, конторщиками и всякими «подручными»—составляетъ самый распространенный и обширнѣйшій видъ воровства; но мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ такими формами данной преступности, которыя приводятся въ извѣстность и регламентируются въ предѣлахъ юридическаго понятія о воровствѣ. Наживающійся обкрадываніемъ хозяина, будь то частное лицо или казна (или общество), остается внѣ этихъ предѣловъ, пока не «пойманъ», а «пойманными» обыкновенно оказываются слишкомъ нетерпѣливые, легкомысленные и, въ сущности, неразсчетливые хапуги, которые скандалезно рвутъ «кушъ» и трусливо улепетываютъ, для того чтобы всенародно прослыть ворами. Пріемы ихъ и средства очень просты и однообразны, разница бываетъ только въ размѣрахъ кражъ, хотя кражи эти почти всегда крупныя; предметомъ ихъ служатъ преимущественно деньги и драгоцѣнности. Передъ нами проходитъ длинный рядъ проворовавшихся казначеевъ, кассировъ, банковскихъ счетчиковъ и артельщиковъ, прикащиковъ «на вѣрѣ», ювелирныхъ подмастерьевъ и т. д.

Крупныя кражи со взломомъ изъ магазиновъ и лавокъ, преимущественно такихъ, которыя заключаютъ въ себѣ драгоцѣнности (часы, серебряныя, золотыя и ювелирныя вещи, дорогія матеріи и пр.), производятся обыкновенно полосой, какъ-бы по повѣтрію. Такъ, въ теченіе описываемаго нами періода, такихъ полосъ было нѣсколько, что̀ объяснялось появленіемъ цѣлой шайки смѣлыхъ воровъ, искусныхъ во взломахъ. Взламывались иногда не только замки, но и каменныя стѣны. Особенно замѣчательно было, по дерзости и размѣру похищенія, ограбленіе на Невскомъ проспектѣ богатаго часоваго магазина, изъ котораго воры утащили нѣсколько

сотъ золотыхъ и серебряныхъ карманныхъ часовъ съ принадлежностями. Замѣчателенъ былъ также, въ 1873 г., случай кражи со взломомъ изъ артиллерійскаго музея, въ одномъ изъ зданій Петропавловской крѣпости, цѣлой коллекціи историческихъ орденовъ.

Что касается кражъ изъ магазиновъ и лавокъ сторонними лицами, то большею частью онѣ производятся на глазахъ сидѣльцевъ, при посредствѣ извѣстныхъ уловокъ, основанныхъ на обманѣ и частію на оптическомъ обманѣ. Существуетъ на этотъ счетъ два способа. Первый состоитъ въ томъ, что въ магазинъ являются, съ апломбомъ богачей, «прилично одѣтые» господа или госпожи, закупаютъ на значительную сумму цѣнныхъ товаровъ и, неразсчитываясь, приказываютъ прислать покупку къ нимъ на-домъ; когда же покупка является по адресу, ловкіе воры принимаютъ ее и, оставивъ посланца дожидаться ихъ, скрываются изъ квартиры по черной лѣстницѣ. Весною 1877 г. одинъ искусный мастеръ сихъ дѣлъ обокралъ такимъ способомъ болѣе десяти магазиновъ, въ которыхъ онъ закупалъ товаръ отъ имени извѣстныхъ въ столицѣ богатыхъ комерсантовъ: Санъ-Галли, Гамбса, Кенига, Крона и др. Мастеръ этотъ былъ не единственный въ своемъ родѣ за обозрѣваемый періодъ. Другой способъ, менѣе сложный, но болѣе рискованный, практикуется преимущественно женщинами-воровками въ магазинахъ модъ и въ ювелирныхъ лавкахъ. Въ одиночку, но чаще вдвоемъ и иногда цѣлой компаніей, воры этой категоріи являются въ магазины, подъ видомъ очень разборчивыхъ покупателей, роются въ товарахъ, заставляя сидѣльцевъ таскать ихъ на прилавокъ цѣлыми кучами, и неощутительно припрятываютъ подъ полы и по карманамъ все, что́ имъ приглянется, пользуясь производимой ими-же суматохой. Обыкновенно тутъ происходитъ раздѣленіе труда: въ то время, какъ одни члены ассоціаціи играютъ роль привередливыхъ покупателей и отвлекаютъ вниманіе торговцевъ, другіе, представляя собою безучастныхъ спутниковъ первыхъ, работаютъ руками и набиваютъ карманы. Воровство этого рода особенно бойко практикуется въ горячіе моменты торговли, когда магазины бываютъ биткомъ набиты покупателями. Мы здѣсь переходимъ въ особый, весьма разнообразный и богатый приключеніями міръ городскихъ, наружныхъ, если ихъ можно такъ назвать, воровъ—«карманниковъ» и престидижитаторовъ всякаго сорта.

VI.

Грабители и карманники.

Выставивъ въ заголовкѣ настоящаго нашего этюда: «грабители и карманники», мы должны однако предварить, что этими терминами далеко не очерчиваются вполнѣ всѣ разновидности той воровской группы, которую мы намѣрены здѣсь разсмотрѣть. Термины эти только родовые или, точнѣе сказать, заголовочные; для общаго же опредѣленія разнообразныхъ видовъ хищничества, составляющаго предметъ предлагаемаго изслѣдованія, мы не находимъ въ нашемъ лексиконѣ достаточно характеристическаго и точнаго техническаго слова. Намѣтимъ, впрочемъ, отличительныя свойства данной группы преступленій. Въ предшествовавшей главѣ нашихъ очерковъ мы описали воровъ, совершающихъ кражи преимущественно въ домахъ — какъ въ жилищахъ, такъ и въ разныхъ помѣщеніяхъ, назначенныхъ для храненія имущества, или въ отсутствіи собственниковъ (либо ихъ прислуги), или вслѣдствіе ихъ недосмотра и оплошности, или, наконецъ, путемъ обмана. Здѣсь же мы будемъ имѣть дѣло главнымъ образомъ съ ворами, непосредственно оперирующими надъ жертвами своего хищенія, обирающими ихъ, такъ сказать, живьемъ, съ тѣла, голыми руками: съ «карманниками» и разными, болѣе или менѣе замаскированными грабителями, носящими, какъ увидимъ, многія спеціальныя названія на воровскомъ жаргонѣ. Конечно, разница между разграниченными здѣсь группами воровъ чисто техническая, по способамъ самой воровской практики.

Криминалисты дѣлаютъ, какъ извѣстно, весьма существенное различіе между воромъ и грабителемъ; на практикѣ же, кажется, въ отношеніи техническомъ, большой разницы нѣтъ между карманникомъ, напр., и грабителемъ, въ точномъ смыслѣ слова. Обыкновенно «карманная выгрузка» такъ близко граничитъ съ «деннымъ грабежомъ», что карманный воръ, по большей части, въ каждую горячую минуту своего ремесла можетъ, смотря по обстоятельствамъ,

оказаться по всѣмъ признакамъ и явнымъ грабителемъ. Напр., на существующихъ въ Петербургѣ игрушечныхъ ярмаркахъ, предшествующихъ Пасхѣ и Рождеству Христову, когда стекаются десятки тысячъ народа къ гостинному двору и происходитъ давка, вообще весьма способствующая «карманной выгрузкѣ», нерѣдко юркіе «карманники», безъ хлопотъ, вырываютъ изъ рукъ у дамъ ихъ саквояжики и, пользуясь толкотней, если можно такъ выразиться, разсиропливаются въ толпѣ безъ всякихъ слѣдовъ, словно хлопокъ снѣга въ водѣ. Подобное же «отначиванье», по воровскому выраженію, ручныхъ сумокъ и свертковъ, и исключительно почти у слабыхъ, беззащитныхъ женщинъ, «карманники» производятъ и во всякихъ другихъ многолюдныхъ, тѣсныхъ собраніяхъ подъ открытымъ небомъ, а также при всякой удобной оказіи, хотя бы и съ глазу на глазъ, особенно «подъ вечеръ осени ненастной», способствующей укрывательству. Этого рода смѣлымъ хищничествомъ, по вдохновенію, занимаются преимущественно несовершеннолѣтніе воры—малыши, шустрые, ловкіе и мастера «задавать лататы», т. е., убѣгать съ быстротою, по воровскому термину. Спрашивается же: что такое, по качеству «дѣянія», этотъ родъ хищничества—кража или грабежъ?—Безъ сомнѣнія грабежъ.

Каждый почти «карманникъ» и уличный воръ, не вдаваясь въ юридическія тонкости, готовъ во всякую минуту, смотря по обстоятельствамъ, и пограбить въявь и стащить что придется подъ руку, украдкой. На людныхъ улицахъ, среди бѣлаго дня, онъ помышляетъ — неощутительно, тайкомъ запустить руку во встрѣчный карманъ оплошнаго прохожаго; въ глухомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь въ пустынномъ паркѣ или безлюдномъ закоулкѣ, поздней порою, онъ уже воодушевляется болѣе рѣшительными намѣреніями и не прочь открыто налетѣть на одинокаго прохожаго, если надѣется съ нимъ справиться, снять съ него силой платье, сорвать часы, опорожнить карманы. По всѣмъ вѣроятіямъ, такія превращенія изъ робкаго, пугливаго «карманника» въ смѣлаго грабителя, смотря по мѣсту, времени и обстоятельствамъ, переиспытываются всѣми заправскими уличными ворами. Вслѣдствіе этого, на уличномъ языкѣ въ Петербургѣ, ихъ, безъ различія спеціальностей промысла, называютъ общимъ наименованіемъ «мазуриковъ».

По самой уже техникѣ своей, грабежъ не требуетъ ни осо-

бенно сложнаго и хитраго замысла, ни особенной профессіальной подготовки: достаточно обладать нѣкоторой физической силой, смѣлостью и рѣшительностью, и умѣть выбирать удобныя для операцій время и мѣсто. Признаки систематичности и специализаціи этого промысла, правда, встрѣчаются, но рѣдко. Систематическихъ грабителей, дѣйствующихъ по извѣстной, разъ выработанной методѣ и съ извѣстной, опредѣленной цѣлью, мы встрѣчаемъ немного въ рядахъ петербургскихъ «мазуриковъ».

Мы здѣсь говоримъ собственно объ уличныхъ грабителяхъ. Между прочимъ, въ первой половинѣ обозрѣваемаго нами періода, въ столицѣ весьма славился одинъ видъ спеціальнаго грабежа, нынѣ почти совершенно исчезнувшій. Заключался онъ въ срываніи цѣнныхъ мѣховыхъ шапокъ и производился обыкновенно зимою, въ ночную пору. Это было своего рода удалое наѣздничество. Грабители разъѣзжали по городу на «лихачахъ», какъ называются въ Петербургѣ лучшіе извощики, выѣзжающіе на кровныхъ, быстроногихъ рысакахъ. Катаясь по улицамъ, грабитель высматривалъ цѣнныя шапки на проѣзжающихъ обывателяхъ, ловко, мимоѣздомъ, срывалъ ихъ съ головъ, и—каждый разъ «лихачъ», пуская своего рысака во всю прыть, благополучно увозилъ своего сѣдока отъ преслѣдованія. Безъ сомнѣнія, сами возницы въ этихъ случаяхъ очень хорошо знали, кого и для чего они возятъ, и являлись прямыми соучастниками этого шапочнаго хищенія. Вообще, нужно замѣтить, что въ числѣ изобличающихся въ Петербургѣ, уличныхъ грабителей легковые извощики занимаютъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ. Вѣроятно, между ними бывали мастера по ремеслу, систематически обиравшіе своихъ сѣдоковъ при всякой удобной оказіи. Въ нашемъ матеріалѣ немало есть случаевъ, гдѣ извощики, провозя своихъ сѣдоковъ чрезъ глухія мѣстности, срывали верхнее платье и очищали ихъ карманы, а потомъ, сбросивъ несчастныхъ изъ своихъ экипажей, скрывались и, конечно, большею частью безслѣдно. Нерѣдко также встрѣчаются между извощиками охотники утащить оставляемыя сѣдоками въ ихъ экипажахъ вещи, а также открыто пограбить своихъ пассажировъ, обрѣтающихся въ сильномъ опьяненіи. Попадаются, наконецъ, среди извощиковъ наглецы, которые, привезя пассажира къ дому, во время разсчета, изловчаются вырвать изъ его рукъ кошелекъ и —

ускакать... Ускакать, впрочемъ, такимъ отчаяннымъ ухарямъ рѣдко удается.

Поскольку петербургскіе извощики — «ваньки» выдѣляютъ изъ своей среды героевъ грабежа, постольку же они сами дѣлаются нерѣдко жертвами послѣдняго. Въ семидесятыхъ годахъ была обнаружена и предана суду цѣлая шайка молодцовъ, спеціально занимавшихся ограбленіемъ извощиковъ по такой системѣ: осенней порой, по двое и по трое, они нанимали извощика куда-нибудь на далекую окраину города (на острова, въ Новую Деревню, въ Екатерингофъ и т. п.), садились, ѣхали и, выбравъ поуединеннѣе мѣстечко на пути, останавливали бѣднаго возницу и требовали отъ него «кошелекъ или жизнь». Угрозою убить они заставляли своихъ жертвъ выворачивать карманы; иногда же дѣйствовали силой, въ случаѣ сопротивленія, причемъ зажимали ротъ жертвѣ, не давая ей, какъ говорится, пикнуть и позвать на помощь. Пожива, конечно, была всегда грошовая — много-ли капиталовъ у «ваньки»? Поэтому, предпріимчивая ассоціація, набивъ руку въ своемъ дѣлѣ, возъимѣла мысль расширить операціи: она стала совершать свои увеселительныя прогулки in's Grüne въ полномъ составѣ, на двухъ и трехъ извощикахъ сразу, которыхъ и грабила; но, кажется, на одномъ изъ первыхъ же опытовъ въ такомъ размѣрѣ en grand добры-молодцы попались. Случайныя въ этомъ вкусѣ попытки обобрать извощиковъ, со стороны сѣдоковъ, тоже бываютъ нерѣдко, и иногда разрѣшаются даже такими крупными «дѣлами», каково извѣстное, надѣлавшее шуму, дѣло Островлевой и ея компаніона. Впрочемъ, покушенія на насильственное присвоеніе извощичьихъ экипажей съ лошадьми, какъ это обнаружено въ дѣлѣ Островлевой, сравнительно рѣдки, потому что сопряжены съ большими затрудненіями по части укрывательства. Въ нашемъ матеріалѣ очень мало такихъ случаевъ, а въ извѣстныхъ намъ — грабители чаще всего дѣйствовали такъ: нанявъ извощика, заводили съ нимъ пріятельскую бесѣду, по пути останавливались у кабачковъ, подчивали его и, наподчивавъ до опьяненія, сталкивали съ пролетокъ, а сами улепетывали съ экипажемъ и лошадью. Былъ разъ случай, что такимъ способомъ у опоеннаго пивомъ съ дурманомъ ломоваго извощика угнали лошадь съ роспусками и съ находящейся на роспускахъ дорогой товарной кладью.

Какъ во всякомъ большомъ городѣ, въ Петербургѣ есть мѣстности, пользующіяся дурной славой въ томъ смыслѣ, что въ нихъ «пошаливаютъ», конечно, въ поздніе часы дня. Слава эта упрочилась, между прочимъ, за пустынными и обширными плацами, каковы Семеновскій, Преображенскій, Царицынъ и др., а также за дачными окраинами въ весеннее и осеннее время, когда онѣ очень мало населены. Весьма оживленно — и можетъ быть, болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, — «пошаливаютъ», безъ различія сезоновъ, въ Александровскомъ паркѣ, на Петербургской сторонѣ, служившемъ въ описываемое нами время любимымъ пристанищемъ, особенно въ лѣтнюю пору, карманниковъ и грабителей, пріобрѣвшихъ даже особенное мѣстное названіе шестерокъ. Дѣло въ томъ, что паркъ этотъ болѣе другихъ посѣщается петербургскимъ простонародьемъ, особенно въ праздничные дни, слѣдовательно, для карманниковъ тутъ есть около кого походить. Грабежи здѣсь совершались нерѣдко среди бѣлаго дня, не говоря уже о кражахъ.

Въ этихъ-то и имъ подобныхъ мѣстностяхъ ютятся обыкновенно грабители по ремеслу, терпѣливо выжидая въ «часъ вечерней мглы» запоздалыхъ и неосторожныхъ прохожихъ. Ремесло ихъ самое несложное и стереотипное: налетѣть, сорвать и разбѣжаться. Нѣкоторымъ варіантомъ служатъ здѣсь развѣ только побои и степень ихъ жестокости, которыми грабители нерѣдко разсчитываются съ жертвами, въ случаѣ ихъ сопротивленія, а также съ цѣлью «оглушить» ихъ. Но въ Петербургѣ не особенно большая рѣдкость — грабежи и на самыхъ людныхъ бойкихъ улицахъ, о чемъ мы уже говорили. Кромѣ грабящихъ, такъ сказать, по случаю, подъ вліяніемъ минутнаго соблазна и при удобной обстановкѣ, среди этого сорта смѣлыхъ уличныхъ грабителей встрѣчаются и спеціалисты въ своемъ родѣ, дѣйствующіе по извѣстному плану. Такими спеціалистами могутъ быть названы, между прочимъ, нерѣдкіе индивидуумы, играющіе роль людей, очень интересующихся и дорожащихъ временемъ.

— Позвольте узнать, который часъ? — любезно и озабоченно обращаются они къ избранному для эксперимента прохожему. Тотъ, руководимый добрымъ желаніемъ исполнить просьбу, ничего не подозрѣвая, разстегиваетъ верхнее платье и вынимаетъ карманные часы, но въ тоже мгновеніе набюдающій время господинъ съ сп-

лой выхватываетъ часы у прохожаго,—если съ цѣпочкой, то тѣмъ лучше,—и обращается въ поспѣшное бѣгство. Случалось, что такой наглый грабежъ вѣнчался полнымъ успѣхомъ. Впрочемъ, у насъ есть подъ рукою факты еще болѣе поразительной, въ этомъ родѣ, наглости.

Разъ какъ-то вечеромъ, въ одной изъ людныхъ улицъ Спасской части, глазамъ стороннихъ прохожихъ представилась нечасто встрѣчающаяся картина: четверо какихъ-то легкихъ на руку, расторопныхъ молодцовъ ухаживали за неизвѣстнымъ, «прилично одѣтымъ мужчиной», находившимся въ сильномъ опьяненіи; въ одну минуту они безпрепятственно превратили его изъ «прилично одѣтаго» въ неприлично обнаженнаго мужчину, снявъ съ него все, до рубашки... Къ счастью, за этой оригинальной бытовой картиной слѣдилъ «стражъ благочинія» и, давъ ей созрѣть до форменнаго «дѣянія», задержалъ грабителей. Въ иной разъ—и не единственный—грабители, вдвоемъ или втроемъ, встрѣтивъ на улицѣ подходящую для обработки личность (какого-нибудь пьяненькаго или женщину, а не то ребенка), безъ церемоніи брали ее подъ руки, уводили въ первый встрѣчный дворъ и тамъ невозбранно снимали съ нея всю одежду, случалось — даже обувь, а затѣмъ преспокойно расходились. Бывали и такіе, напр., почти невѣроятные казусы: встрѣчаютъ на улицѣ охотники до грабежа совершенно незнакомаго имъ обывателя. «Поѣдемъ съ нами гулять!» приглашали они его съ перваго слова. — «Поѣдемъ»! соглашался обыватель, «ничто же сумняся». Его сажали на извощика, везли непосредственно на Семеновскій плацъ, высаживали, обирали до нитки и отпускали на всѣ четыре стороны... «Погуляли», значитъ!

Большинство грабежей такого рода производятся не преднамѣренно, а совершенно случайно, экспромтомъ, по внезапно набѣжавшему на покладистую волю искушенію. Поэтому, нерѣдко въ грабежѣ изобличаются личности, никогда прежде этимъ «художествомъ» не занимавшіяся и заниматься не помышлявшія. Легко понять также, что открытый уличный грабежъ, представляющій собой слишкомъ ужь примитивную, грубую форму присвоенія чужой собственности, практикуется хищниками изъ наименѣе интеллигентной, темной среды низшаго простонароднаго класса. Само собой разумѣется, что изобличаются въ немъ преимущественно мужчины, но встрѣ-

чаются и женщины-грабительницы, всего чаще изъ среды уличныхъ «милыхъ, но погибшихъ созданій», а также, къ удивленію, и дѣти, какъ это мы увидимъ нѣсколько ниже.

Воры-«карманники», носящіе въ Петербургѣ общее названіе «мазуриковъ», составляютъ едва-ли не самый многочисленный слой въ массѣ неблагонадежныхъ элементовъ столичнаго населенія. Быть можетъ, поэтому, а также по самымъ свойствамъ своего ремесла, они представляютъ начатки нѣкоторой организаціи, выработали извѣстную технику, развѣтвляющуюся на нѣсколько упроченныхъ спеціальностей, и создали даже свой языкъ, съ цѣлымъ лексикономъ чисто-воровскихъ терминовъ, не лишенныхъ часто остроумія и замысловатости.

На этомъ языкѣ самое воровство называется не своимъ именемъ, а — торговлей. Отправляясь на промыселъ, воры петербургскіе говорятъ: «идемъ торговать»; при этомъ самихъ себя величаютъ торговцами, купцами, а самый предметъ своей «торговли» именуютъ темнымъ товаромъ. Отсюда и воровская пословица: «что ни увидитъ — все купитъ, а ежели увидитъ что дешевое (т. е., плохо лежащее), то ночей не спитъ». Когда «купцы» сговариваются «торговать» сообща, компаніей, — это значитъ они склеиваются, стабуниваются; въ такомъ случаѣ предводители и заправители компанейскаго предпріятія, обыкновенно опытные, заслуженные воры титулуются мазами, а ихъ подручные пособники — затырщиками, обязанность которыхъ состоитъ главнымъ образомъ въ принятіи, передачѣ и сокрытіи добычи. Въ моментъ дѣйствія, разныя случайности заранѣе предусмотрѣны и обозначены особыми терминами и лозунгами. Самая непріятная, конечно, случайность для господъ «купцовъ» — появленіе полиціи не во время и не кстати, о чемъ они и оповѣщаютъ другъ друга выразительнымъ предостереженіемъ: стрема! (берегись!), по возвѣщеніи котораго стараются задать лататы, ухрясть (убѣжать), чтобы не влопаться, не попасть въ каменный мѣшокъ (острогъ) и не сгорѣть — не пойти подъ судъ. Сами полицейскіе у воровъ обозначены цѣлымъ рядомъ терминовъ-синонимовъ: фараоны, пауки, каплюжники, чертова рота, двадцать шесть и т. д. — это городовые и вообще, чины наружной полиціи; михлютки — жандармы, клюй,

фига, фискалъ — сыщикъ, мухорта — сторонній свидѣтель дѣянія, и пр. Въ употребленіи тѣхъ или другихъ терминовъ существуетъ тоже своего рода мода; къ тому-жъ, когда какой-нибудь терминъ слишкомъ распространится и станетъ понятнымъ для многихъ, воры, по разсчету, спѣшатъ замѣнить его новымъ. Такъ, напр., лозунгъ — «стрема!» замѣняется нерѣдко восклицаніемъ: мокро!, или-же просто: «двадцать шесть», такъ какъ послѣдній терминъ — синонимъ полицейскихъ — сразу обозначаетъ, что надо беречься и кого именно беречься.

Самихъ себя воры распредѣляютъ, смотря по родамъ промысла, на нѣсколько категорій, съ своеобразными корпоративными названіями, каковы, напримѣръ:

Ѳомушники—отъ ѳомки (желѣзный ломъ), опытные предприниматели отважныхъ набѣговъ со взломомъ на квартиры и лавки, въ которыхъ, въ случаѣ удачи, они разживаются теплухами—шубами, окороками—мѣхами, шельмами—шинелями и, вообще, верхнимъ платьемъ, камлюхами—шапками, голубями—бѣльемъ (если съ чердаковъ), финагами—бумажными деньгами и т. д.

Ширмошники—отъ ширмы (карманъ, который называется также шкертикомъ), собственно карманники, очищающіе верхи, т. е. верхнее платье на прохожихъ, выначивая или срубая ихъ карманы. Въ свою очередь они дѣлятся на нѣсколько категорій, по роду своихъ занятій: одни изъ нихъ просто «запускаютъ грабли (руки) въ шкертики» верхняго платья, другіе, поискуснѣе, сдираютъ кожу, т. е., вынимаютъ или вырѣзываютъ бумажники, третьи мнутъ бока, что̀ можно понимать и въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ нерѣдко карманники искусственно устраиваютъ давку, «мнутъ бока», и въ это время очищаютъ карманы; но, кромѣ этого, на воровскомъ языкѣ «мять бока» означаетъ также добывать часы—выуживать ихъ, если удастся, стащить съ цѣпочкой, или стричь, отрѣзывая отъ цѣпи, и т. д. Вытаскиваемые «ширмошниками» кошельки называются шмелями, сумки и свертки — шишками, бумажники — кожей либо лопатами и боковнями, карманные часы—канарейками, банами, боками и т. п., золотыя—рыжими, серебряныя—скуржовыми, цѣпочки—паутиной, перевязью, арканомъ (шейныя), кольца—обручами, табакерки и серебряные портсигары—лаханками, и т. д.

Жулики—мелкіе, недостаточно еще усовершенствованные воришки младшихъ возрастовъ («жуликомъ» называется также ножикъ).

Банюшники, ворующіе въ баняхъ чужое платье или ловко, обманомъ, подмѣнивающіе свои лохмотья на исправную одежду какого нибудь ротозѣя.

Плашкетики — воры-малыши, промышляющіе подъ видомъ нищихъ. Прилипнувъ къ прохожему съ жалобной мольбою о «милостинкѣ», юркій «плашкетикъ» зорко окидываетъ глазами его карманы и, уловивъ минуту, запускаетъ въ нихъ руку, потомъ передаетъ добычу тутъ же вертящемуся для этой цѣли «затырщику», а самъ продолжаетъ слезливо клянчить. Впрочемъ, такая передача практикуется во всѣхъ отрасляхъ «карманной выгрузки» и — это называется на воровскомъ жаргонѣ «перетырить товаръ» (отсюда — «затырщики»).

Обыкновенно, всякаго сорта карманники промышляютъ компаніей, втроемъ или вчетверомъ — иногда больше, иногда меньше; изъ нихъ самый опытный мазъ «работаетъ», остальные ему помогаютъ — одни тѣмъ, что окружаютъ жертву и «мнутъ ей бока», какъ-бы ненарочно, другіе принимаютъ добычу и «перетыриваютъ» ее. Послѣдніе, кромѣ названія «затырщиковъ», именуются также шатунами, причемъ, ради удобства въ сокрытіи добычи, наряжаются такъ называемыми мышеловками — широкими плащами, если, конечно, у компаніи имѣются на то средства и она ведетъ дѣло солидно, на широкую ногу, съ культурными пріемами.

Воры и воровки, промышляющіе главнымъ образомъ около представительницъ прекраснаго пола, вытаскивающія изъ ихъ кармановъ кошельки, часы, срывающіе браслеты, серьги и т. под., стали называться въ послѣднее время довольно удачно легкой кавалеріей.

Точно также въ недавнее время воровской жаргонъ измыслилъ, сообразно новѣйшимъ усовершенствованіямъ въ воровскомъ искусствѣ, золотыя ручки (существуетъ также золотая рота — терминъ давній), червонныхъ валетовъ, стрекачей и т. под. «Золотыми ручками» называются искусныя воровки и мошенницы, а «червонными валетами» — соотвѣтствующаго достоинства мошенники и плуты на все готовые.

Стрекачи (а также «шестерки») дѣйствуютъ главнымъ обра-

зомъ на гуляньяхъ (одно время они весьма излюбили Лѣтній садъ), въ людныхъ мѣстахъ, гдѣ они нарочно, съ умысломъ, производятъ переполохъ и давку, во время которой и чистятъ карманы. Бываетъ, что одинъ изъ «стрекачей» затѣваетъ скандалъ или ввязывается въ ссору, а не то и въ драку съ какимъ нибудь встрѣчнымъ «франтомъ» (бариномъ) и собираетъ толпу ротозѣевъ, которую обработываютъ его товарищи. Случается и такъ, что цѣлью этой тактики служитъ самъ «франтъ». Одинъ изъ воровъ мимоходомъ грубо толкнетъ его, наступитъ ему на ногу, вообще, какъ нибудь оскорбитъ, притворяясь при этомъ чаще всего пьянымъ. «Франтъ» не стерпитъ и дастъ сдачи либо начнетъ ругаться; вору это только и нужно: слово за слово, онъ непремѣнно сцѣпится съ «франтомъ», а въ то время, какъ происходитъ свалка, другіе воры, стоявшіе на-сторожѣ, наскакиваютъ и очищаютъ карманы у жертвы, иногда подъ предлогомъ возстановить благочиніе, разнять подравшихся. Въ этомъ случаѣ они играютъ роль случайныхъ, стороннихъ прохожихъ, и когда является на мѣсто дѣйствія полиція (по обыкновенію: «par malhereux hasard, trop tard, trop tard!»), — отъ нихъ уже и слѣдъ простылъ: остается только главный виновникъ сцены, нерѣдко прикидывающійся оскорбленной невинностью и вопіющій о защитѣ и справедливости. Какъ и кто произвелъ грабежъ — онъ «знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ», самъ онъ въ «выначиваніи» не участвовалъ и взять съ него нечего. Подобныя комедіи устраиваются обыкновенно гдѣ нибудь въ глуши и въ сторонкѣ отъ блюстительскаго надзора, но, кромѣ того, они заурядны въ трущобныхъ трактирахъ, напр., на Сѣнной площади, гдѣ такимъ способомъ «завсегдатаи-воры» нерѣдко обираютъ стороннихъ гостей среди бѣлаго дня, жестоко, при этомъ, ихъ колотятъ и, вдобавокъ, выпроваживаютъ вонъ — «на выносъ» — или «спускаютъ съ лѣстницы».

Въ послѣднее время, въ Петербургѣ очень было развился — не новый, впрочемъ, — видъ карманнаго воровства, заключающійся въ томъ, что ловкій и смѣлый промышленникъ незамѣтно цѣпляется сзади открытыхъ экипажей, пролетокъ или саней, во время ихъ движенія, и тихонько очищаетъ карманы проѣзжающихъ обывателей, въ особенности-же, обывательницъ, не мало способствовавшихъ, правду сказать, процвѣтанію этого рода хищничества, край-

ней, до смѣшнаго доходящей несообразностью, въ размѣщеніи кармановъ на своемъ платьѣ, согласно моднымъ картинкамъ. Промыселъ этотъ — преимущественно ночной и занимаются имъ главнымъ образомъ воришки-мальчики, называясь, по своей спеціальности, **рессорщиками**. Дѣйствуютъ они тоже, большею частью, совмѣстно съ **шатунами**, которые въ моментъ операціи бѣгутъ слѣдомъ за прицѣпившимися къ экипажамъ «рессорщиками». Если случится «рессорщику», какъ говорятъ воры, «влопаться», то у него всегда готово оправданіе, ставшее стереотипнымъ и очень естественное въ устахъ невиннаго, игриваго отрока: онъ — просто, шалунъ, съ наклонностью къ рѣзвости, и въ данномъ случаѣ вся вина его въ томъ только и состоитъ, что онъ хотѣлъ-де даромъ и контрабандно «прокатиться».

Почти въ такой-же степени процвѣтаетъ въ Петербургѣ, нѣсколько сходное съ вышеописаннымъ, карманное воровство въ конножелѣзныхъ каретахъ. Дѣло дошло до того, что на нѣкоторыхъ, особенно бойкихъ линіяхъ, правленія конножелѣзныхъ дорогъ сочли за благо вывѣсить въ каждой каретѣ выразительный, къ свѣдѣнію публики, анонсъ: «Остерегайтесь карманныхъ воровъ!» Этого рода «карманной выгрузкой» занимаются уже опытные, высшей школы, воры, имѣющіе, по большей части, вполнѣ «приличный видъ» культурныхъ джентльменовъ. Эксперименты свои они производятъ не безъ остроумія и съ большимъ проворствомъ рукъ. Нѣкоторые изъ нихъ играютъ роль утонченно-галантныхъ кавалеровъ по отношенію къ дамамъ: они ловко и обязательно помогаютъ имъ выходить и входить въ вагоны. Тронутая такой рыцарской любезностью, дама разсыпается въ благодарностяхъ, и мысли не допуская, что элегантный кавалеръ успѣлъ уже самъ себя вознаградить за трудъ, вытащивъ изъ ея кармана кошелекъ. Другіе-же держатся совсѣмъ противоположной тактики: они заявляютъ себя грубіянами, неумѣющими вѣжливо обращаться съ особами прекраснаго пола. Они ловятъ тѣ минуты, когда дамы спѣшатъ сѣсть въ карету, и, показывая видъ, что они тоже торопятся занять свободное мѣсто, безцеремонно оттираютъ и отталкиваютъ бѣдныхъ пассажирокъ для того, чтобы при этой оказіи опростать ихъ карманы, что имъ нерѣдко и удается. Наконецъ, нѣкоторые изъ этого рода артистовъ пускаютъ въ ходъ еще такой пріемъ. Стоя на платформѣ вагона или

при входѣ въ него, они вѣжливо обращаются къ тому или другому курящему пассажиру съ просьбой дать имъ закурить папироску, а въ то время, когда происходитъ закуриваніе, другой воръ, чаще всего мальчикъ, снимаетъ съ пассажира часы или запускаетъ руку въ его карманъ. Обыкновенно-же воры конно-желѣзныхъ каретъ работаютъ въ тѣ моменты, когда пассажиры толпятся, занятые мыслью поскорѣе сойти изъ кареты или войти въ нее. Карманники, тоже показывая видъ людей озабоченныхъ и торопящихся, усиливаютъ искуственно давку и суматоху, толкаются, возбуждаютъ неудовольствіе и, подъ шумокъ, дѣятельно шарятъ по встрѣчнымъ карманамъ. Извѣстны случаи очень наглыхъ и весьма значительныхъ кражъ въ каретахъ конно-желѣзныхъ дорогъ. Разъ, у одного генерала—пожилаго человѣка — воры вытащили въ конно-желѣзной каретѣ бумажникъ съ восемью тысячами рублей; когда его превосходительство хватился пропавшаго бумажника—отъ воровъ и слѣдъ простылъ. Съ бѣднымъ старикомъ тутъ-же сдѣлался апоплексическій ударъ... Въ сокрытіи покражи воры этого сорта—большіе мастера. Какъ-то, у одного барина, во время закуриванія папироски, вытащили очень дорогіе часы съ цѣпью. Баринъ тотчасъ-же хватился пропажи и, вмѣстѣ съ городовымъ, бросился за убѣгавшими на ихъ глазахъ двумя воришками. Они ихъ нагнали и задержали, но часовъ уже не нашли: карманники на бѣгу успѣли «перетырить» ихъ въ надежныя руки.

Подобный-же промыселъ, съ нѣкоторыми лишь видоизмѣненіями, существуетъ также, и очень прочно, на столичныхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ, не говоря уже о спеціальномъ желѣзнодорожномъ воровствѣ, имѣющемъ такую широкую практику и такое огромное распространеніе по всей сѣти россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Вѣроятно, каждому петербуржцу приходилось замѣчать на столичныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, особенно николаевской и варшавской, въ часы прихода и отхода поѣздовъ, значительное число личностей, всюду озабоченно шныряющихъ и не внушающихъ къ себѣ довѣрія, которыя никуда не собираются уѣзжать и, вообще, никакого отношенія къ пассажирамъ не имѣютъ. Всего болѣе является такихъ сомнительныхъ личностей и наибольшую суетливость онѣ обнаруживаютъ къ приходу пассажирскихъ поѣздовъ. Все это народъ, ищущій случая такъ или иначе поживиться отъ пассажировъ, преиму-

щественно-же — провинціаловъ, впервые пріѣзжающихъ въ столицу, которыхъ тертый, бывалый петербуржецъ умѣетъ отличать съ перваго взгляда. Едва такой пассажиръ вышелъ изъ вагона, какъ его тотчасъ-же окружаютъ этого сорта искатели наживы съ обязательнымъ предложеніемъ всевозможныхъ услугъ и добрыхъ совѣтовъ; одни предлагаютъ удобныя и дешевыя квартиры, другіе вызываются сослужить службу чичероне, третьи выражаютъ готовность помочь получить багажъ и отправить его, нанять извощиковъ и т. д. Конечно, многіе изъ этихъ предупредительныхъ знакомцевъ — дѣйствительные комиссіонеры, занимающіеся тѣми именно услугами, которыя ими предлагаются; но тутъ всегда найдется немало промышленниковъ, которые, подъ видомъ комиссіонерства, преслѣдуютъ исключительно воровскія и мошенническія цѣли. Тактика ихъ разсчитана на неопытность, простоватость и ротозѣйство пассажира-провинціала, который весьма не рѣдко и платится, для перваго знакомства со столицей, болѣе или менѣе чувствительной данью петербургскимъ карманникамъ. Извѣстны многочисленные случаи пропажи у пассажировъ на станціяхъ багажныхъ вещей, кошельковъ и часовъ, отрѣзыванія у нихъ дорожныхъ сумокъ и пр. Нужно и то сказать, что простодушіе и довѣрчивость пріѣзжихъ провинціаловъ бываютъ иногда изумительны, почти невѣроятны, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго, напр., факта.

По Николаевской дорогѣ пріѣхалъ какъ-то въ Петербургъ богатый провинціальный купецъ по тяжебнымъ дѣламъ въ одномъ изъ министерствъ. Пріѣхалъ онъ въ столицу въ первый разъ и не имѣлъ тутъ ни души знакомыхъ. На станціи къ нему съумѣлъ подбиться какой-то обязательный и любезный незнакомецъ, по виду — чиновникъ-дѣлецъ. Простодушный купецъ чрезвычайно ему обрадовался и разсказалъ всѣ свои дѣла, заботы и затрудненія. Незнакомецъ предупредительно вызвался руководить его и оказать помощь, выдавая себя за человѣка знающаго и вліятельнаго ходока, имѣющаго руку въ томъ самомъ министерствѣ, съ которымъ купецъ ведетъ дѣла. Купецъ совершенно ему ввѣрился и сейчасъ-же, по пріѣздѣ, помѣстившись въ гостинницѣ, отдалъ себя въ полное распоряженіе самозванному ходатаю. Тотъ везетъ его въ одно вѣдомство, помѣщающееся въ огромномъ зданіи, одинъ видъ котораго повергъ провинціала въ благоговѣйную оторопь. Входятъ; незнакомецъ снимаетъ съ себя жидкое пальтецо, а

съ купца богатую соболью шубу, и вручаетъ ихъ сторожу, давая понять, что въ этомъ дѣлѣ нужна здѣсь рука и протекція. Затѣмъ начинается странствованіе по безконечнымъ корридорамъ вѣдомства; наконецъ, у однѣхъ дверей ходатай оставляетъ купца, приказывая ему ждать себя, пока онъ пойдетъ «докладывать» и хлопотать о его дѣлѣ. Ждетъ купецъ полчаса, ждетъ часъ... На него обратили вниманіе: что̀ за человѣкъ и зачѣмъ здѣсь торчитъ?—Объясняетъ... Пошли искать ходатая, но его нигдѣ не оказалось, да ни къ кому онъ здѣсь и не обращался. Непріятно озадаченный купецъ возвращается въ переднюю и тамъ находитъ разгадку разыгранной надъ нимъ мистификаціи: вмѣсто его пышной шубы сторожъ ему подалъ жалкую хламиду исчезнувшаго съ шубой случайнаго благопріятеля.

Кромѣ заѣзжихъ безхитростныхъ провинціаловъ, жертвами хищничества и карманнаго воровства на желѣзнодорожныхъ станціяхъ весьма нерѣдко дѣлаются и бывалые петербуржцы, особенно во время большихъ стеченій публики, по случаю, напр., гуляній въ загородныхъ окрестностяхъ, богомолья и пр. Какъ не разъ было замѣчено, время отъ времени появляется шайка карманниковъ, спеціально работающихъ на какой-нибудь изъ наиболѣе оживленныхъ въ извѣстный сезонъ желѣзныхъ дорогъ (каковы, напр., лѣтомъ царскосельская, финляндская и др.) и заявляющихъ о своемъ существованіи цѣлой серіей карманныхъ кражъ въ публикѣ. Подобное-же воровство практикуется па петербургскихъ пароходныхъ пристаняхъ: въ сущности, какъ тамъ, такъ и здѣсь, оно постоянное; особенное-же вниманіе обращается на него только тогда, когда воры или отличатся очень крупной кражей, или-же слишкомъ расширятъ и усилятъ свою дѣятельность, что̀ случается, обыкновенно, вслѣдствіе появленія среди нихъ выдающагося артиста своего дѣла и организатора.

Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, виновницей одной изъ цвѣтущихъ эпохъ карманнаго воровства на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ оказалась нѣкая элегантная дама еврейскаго происхожденія, обладавшая «золотыми ручками» и не имѣвшая среди своей братіи соперниковъ въ искусствѣ отрѣзыванія саквояжей и вытаскиванія бумажниковъ. Она была основательницей цѣлой школы «карманной выгрузки», организовала правильную шайку карманниковъ, дѣйствовавшихъ подъ ея руко-

водствомъ, по ея инструкціямъ и указаніямъ. Сама она лично выходила на «работу» только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда предвидѣлась значительная добыча и самая операція требовала тонкости, изящества и чистоты отдѣлки. Въ эту-то именно эпоху, не считая множества мелкихъ кражъ на желѣзныхъ дорогахъ, совершено было нѣсколько и очень значительныхъ. Напримѣръ, у одного благочестиваго купца, во время проѣзда его съ богомолья въ Колпинѣ въ Петербургъ, въ вагонѣ, когда онъ чуть-чуть вздремнулъ, члены ассоціаціи вышеупомянутой «золотой ручки» вырѣзали, вмѣстѣ съ карманомъ, бумажникъ, вмѣщавшій въ себѣ тридцать тысячъ денегъ и цѣнныхъ бумагъ. Къ слову замѣтимъ, что столь популярное въ Петербургѣ поклоненіе колпинскому чудотворному образу св. Николы, 9-го мая, когда происходитъ передвиженіе по желѣзной дорогѣ многихъ тысячъ народа, среди котораго есть всегда множество субъектовъ, елейно-настроенныхъ по праздничному, постоянно ознаменовывается массой карманныхъ кражъ. Для петербургскихъ карманниковъ это богомолье — настоящая и всегда обильная жатва.

Въ 1875 году, по поводу одного весьма значительнаго воровства на желѣзной дорогѣ, также была выслѣжена полиціей цѣлая шайка желѣзнодорожныхъ карманниковъ, состоявшая изъ евреевъ, которые вообще, нужно сказать, составляютъ ощутительный процентъ въ средѣ петербургскихъ, всякаго рода, воровъ и мошенниковъ. На красносельской станціи Балтійской дороги, у артельщика правленія этой дороги, въ вагонѣ, была похищена сумка съ 48,000 рублей кредитными билетами. Такая крупная кража побудила полицію произвести усиленные розыски, результатомъ которыхъ было открытіе виновниковъ похищенія, а при нихъ—похищенныхъ денегъ, однако-жъ не всѣхъ, а безъ двадцати тысячъ руб., безслѣдно пропавшихъ. Виновными оказались три еврея и одна еврейка (жена главы ассоціаціи), которые спеціально эксплуатировали посвоему петергофскую и красносельскую вѣтви балтійской дороги, имѣя свою главную квартиру въ Лиговѣ, гдѣ одинъ изъ членовъ ассоціаціи содержалъ близь желѣзнодорожной станціи, для виду, харчевню, на самомъ дѣлѣ служившую и притономъ и операціоннымъ базисомъ для дѣйствій шайки.

Замѣчательно, что полицейскій отчетъ, говоря объ этой воровской

шайкѣ, упоминаетъ вскользь, что члены ея и ихъ «преступныя дѣйствія на желѣзныхъ дорогахъ» были «уже извѣстны полиціи» и ранѣе совершенія вышеописанной значительной кражи. Очевидно, составителю отчета и въ голову не приходилъ естественный, хотя и нѣсколько щекотливый для полицейской славы, вопросъ, а именно: если полиціи были извѣстны данные воры и ихъ «преступныя дѣйствія», то, спрашивается, отчего-же полиція не «пресѣкла» ихъ и не предупредила заблаговременно дальнѣйшее развитіе этой противузаконной дѣятельности? Это не единственная въ своемъ родѣ странность, объяснить которую мы не умѣемъ. Достовѣрно одно, что полиціи, дѣйствительно, часто бываютъ хорошо извѣстны выдающіеся профессіональные воры, съ которыми полицейскіе сыщики находятся нерѣдко въ интимнѣйшихъ отношеніяхъ и даже пользуются ихъ услугами при розыскахъ, въ интересахъ нарушенныхъ правъ собственности, о чемъ ходитъ немало юмористическихъ анекдотовъ... Кромѣ того, полиція всегда хорошо знаетъ и имѣетъ подъ своимъ, особенно бдительнымъ, но, какъ оказывается, безрезультатнымъ надзоромъ и всѣ находящіеся въ городѣ воровскіе притоны. Такъ, не очень давно, центральный органъ столичной наружной полиціи, къ общему свѣдѣнію, оффиціально указалъ на пресловутый трактиръ «Малинникъ», какъ «на притонъ воровъ, бродягъ, дезертировъ и распутныхъ женщинъ», каковой, вслѣдствіе того, и приказано было закрыть, хотя существованіе этого «притона» и качество его гостей прекрасно были извѣстны полиціи и прежде. Мораль этого явленія, въ сущности, та, что одной полицейской дѣятельностью, какъ бы она ни была ретива и неусыпна, общественныя язвы излѣчивать нельзя.

Мы не входимъ въ область желѣзнодорожныхъ хищеній, совершаемыхъ въ пассажирскихъ, багажныхъ и товарныхъ вагонахъ во время движенія поѣздовъ, такъ какъ онѣ совершаются за чертой Петербурга и, слѣдовательно, находятся внѣ рамокъ нашихъ наблюденій. Замѣтимъ только, что воровская добыча, производимая по линіямъ, примыкающимъ къ Петербургу, укрывается и реализируется большею частью здѣсь, но объ этомъ мы скажемъ особо, когда коснемся сбыта краденаго вообще.

Заговоривъ о кражахъ, совершаемыхъ въ толпѣ, при стеченіи публики, мы затрудняемся въ точности обозначить всѣ случаи и

спеціальности воровской практики, примѣняющейся къ этимъ условіямъ. Ихъ множество и многіе изъ нихъ не поддаются классификаціи. Есть, напр., воры театральные, отыскивающіе оказій поживиться въ театрахъ на счетъ зрителей, стекающихся на спектакли, другіе избираютъ полемъ своихъ дѣйствій лѣтнія увеселительныя мѣста — сады и кафе-шантаны, гдѣ въ особенности подстерегаютъ подгулявшихъ бонвивановъ, третьи проникаютъ въ клубы и концертныя залы, подъ видомъ интеллигентныхъ любителей изящныхъ искусствъ, и съ большимъ нерѣдко изяществомъ опоражниваютъ карманы, въ чемъ какъ-то наглядно убѣдился одинъ популярный въ Петербургѣ думскій дѣлецъ и ораторъ, у котораго на одномъ «благотворительномъ» концертѣ вытащили портмоне, съ нѣсколькими стами рублей, и онъ этого даже и не замѣтилъ; четвертые, подъ маской святошъ, забираются въ церкви во время торжественныхъ богослуженій и промышляютъ около дѣйствительныхъ богомольцевъ въ наиболѣе патетическіе моменты ихъ молитвеннаго настроенія. Извѣстно, что напр. торжественная встрѣча Свѣтлаго Христова Воскресенія въ Петербургѣ постоянно сопровождается множествомъ кощунственныхъ карманныхъ кражъ въ храмахъ Божіихъ. Такая же оживленная «карманная выгрузка» идетъ на большихъ крестныхъ ходахъ, на кладбищахъ въ поминальные дни и проч.

Повторяемъ, очень трудно вычислить всѣ оказіи, способствующія дѣятельности нашихъ героевъ и служащія для нея удобной, благодарной почвой. Ловкій, находчивый воръ данной группы пользуется всякимъ стеченіемъ публики, ловитъ налету каждый удобный случай. Хроника петербургскаго воровства богата фактами въ этомъ родѣ, нерѣдко весьма оригинальными и частію комическими. Напримѣръ, во время парадныхъ похоронъ городскаго головы Погребова, пять человѣкъ думскихъ гласныхъ, снявъ свои пальто, поручили ихъ сторожу, который, спустя нѣсколько минутъ, былъ зачѣмъ-то вызванъ изъ передней. На ту пору случился здѣсь какой-то приличнаго вида господинъ во фракѣ, обязательно предложившій сторожу поберечь платье, пока тотъ вернется; но когда сторожъ вернулся—ни господина, ни платья гг. муниципаловъ уже не оказалось. Это наглое воровство было совершено, какъ сообщали репортеры, «въ присутствіи массы публики, полицейскихъ чиновниковъ и жандармовъ». Въ какой степени петербургскіе карманники

бываютъ смѣлы и находчивы, можно судить еще по слѣдующему случаю.

Въ одной изъ такъ называемыхъ «кухмистерскихъ» справлялась богатая купеческая свадьба. «Чертогъ сіялъ», балъ былъ въ полномъ разгарѣ, и въ это время одна изъ танцовавшихъ дѣвицъ, послѣ особенно-оживленнаго тура вальса, была крайне непріятно поражена внезапной пропажей бывшихъ на ней золотыхъ медальона и часовъ съ такими-же шейными цѣпями. Пропажа была серьезная и ее стали искать въ залѣ на паркетѣ, полагая, что дѣвица во время танца уронила свои драгоцѣнности; но какой-то проницательный гость догадался спросить:

— Да вы съ кѣмъ это, сударыня, такъ бойко вальсъ-то сейчасъ танцовали?

— Не знаю, отвѣчала дѣвица. — Какой-то незнакомый мнѣ, но очень приличный молодой человѣкъ... Въ залѣ я его не вижу теперь.

Бросились искать «приличнаго молодаго человѣка» и — какъ разъ въ пору: онъ уже надѣвалъ въ передней свое пальтишко, собираясь оставить веселый, гостепріимный чертогъ и, быть можетъ, не безъ сожалѣнія. Его остановили, потерпѣвшая дѣвица признала въ немъ своего кавалера, но зато никто изъ хозяевъ и распорядителей свадьбы не призналъ въ немъ своего гостя и, вообще, онъ оказался здѣсь незваннымъ и непрошеннымъ незнакомцемъ. Его безъ церемоніи обыскали и нашли при немъ и часы и медальонъ, которые, какъ оказалось, «приличный молодой человѣкъ» успѣлъ снять со своей дамы въ вихрѣ увлекательнаго вальса. Потомъ, на судѣ, покаявшись, танцоръ этотъ объяснилъ свое дѣяніе такъ:

— Шелъ я по улицѣ мимо кухмистерской... Вижу: освѣщено, большой съѣздъ; спрашиваю — что такое? — говорятъ: свадьба... Дай, думаю, зайду, потанцую; кстати я и во фракѣ былъ... Зашелъ, сталъ веселиться, а тутъ бѣсъ попуталъ...

Что такіе незванные, беззаботнаго нрава, гости нерѣдко принимаютъ дѣятельное участіе въ купеческихъ свадебныхъ пиршествахъ — фактъ довольно обыкновенный въ Петербургѣ; но, кажется, описанный здѣсь танцоръ вовсе не случайно, по внезапному вдохновенію, какъ онъ показывалъ на судѣ, зашелъ незваннымъ на балъ. По справкѣ, онъ оказался бывалымъ опытнымъ воромъ-реце-

дивистомъ, не разъ судившимся за кражи, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, не впервые утилизировалъ танцовальное искусство для воровскихъ цѣлей на купеческихъ свадьбахъ и иныхъ веселыхъ собраніяхъ. Вотъ вамъ еще одна своеобразная спеціальность по части «сдиранія кожи» и «запусканія граблей въ шкертики», весьма ловко и остроумно придуманная и примѣненная къ даннымъ условіямъ и обстановкѣ! Безъ сомнѣнія, этотъ «очень приличный молодой человѣкъ» обладалъ всѣми качествами свѣтскаго кавалера: и выгодной внѣшностью, и щегольскимъ костюмомъ, и элегантными манерами и, за всѣмъ тѣмъ, мастерски, съ увлеченіемъ танцовалъ. Все это составляло какъ-бы оборотный его капиталъ, дававшій ему возможность подкупать въ свою пользу неопытныхъ и впечатлительныхъ дѣвицъ, плѣнять ихъ и очаровывать, а затѣмъ, подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, брать съ нихъ дань.

Подобная эксплуатація романическихъ впечатлѣній и куртизанскихъ чувствъ имѣетъ обширную и разнообразную практику въ петербургскомъ воровскомъ мірѣ. Дѣло только въ томъ, что — какъ это и слѣдуетъ по естественному порядку вещей,—миссію обольщенія и плѣненія въ большинствѣ случаевъ исполняютъ здѣсь представительницы прекраснаго пола. Роль подобнаго рода коварныхъ сиренъ разыгрываютъ, конечно, не ангелы чистоты и невинности, а почти исключительно падшія созданія. Бываетъ, впрочемъ, хотя рѣдко, что ихъ роль, ради грабежа, принимаютъ на себя, посредствомъ замысловатаго маскарада, и мужчины. Разъ былъ такой, вѣроятно, не единственный въ этомъ родѣ, траги-комическій казусъ.

Во время масляницы возвращался съ попойки позднимъ вечеромъ одинъ женолюбивый купецъ и, встрѣтивъ на Гороховой улицѣ статную даму подъ вуалью, сталъ къ ней, какъ говорится, приставать. Красавица оказалась уступчивой и—вскорѣ оба очутились уже на извощикѣ, по направленію къ Семеновскому полку. Близь вокзала Царскосельской желѣзной дороги незнакомка велѣла извощику остановиться и объяснила купцу, что черезъ Семеновскій плацъ имъ надо пройти пѣшкомъ до ея дома.

Купца, не взирая на хмѣль, требованіе это немножко озадачило, но—увлеченіе прекрасной дамой побѣдило въ немъ сомнѣніе. Пошли по Семеновскому плацу. Идя подъ руку со своей дамою, купецъ не утерпѣлъ и поцѣловалъ ее... Но тутъ случилось

нѣчто необычайное: незнакомка съ такой силой ударила неосторожнаго ловеласа по головѣ, что онъ упалъ какъ снопъ, а вслѣдъ затѣмъ бросилась очищать его карманы, вытащила кошелекъ, сняла дорогіе часы... Когда-же купецъ сталъ кричать, незнакомка начала безпощадно тузить его кулаками. На крикъ явилась помощь, въ лицѣ двухъ мимо-проходившихъ казаковъ. Незнакомка пустилась бѣжать, но была поймана и приведена въ участокъ, гдѣ, по ближайшемъ обозрѣніи, оказалась переодѣтымъ въ женское платье 22-лѣтнимъ, дюжимъ мѣщаниномъ—опытнымъ воромъ.

Распутство, промыселъ тѣломъ—такіе ужасные пороки, что погрязшія въ нихъ личности большею частью деморализуются въ конецъ и дѣлаются податливыми на всякій иной грѣхъ, на всякое преступленіе. По этой причинѣ, въ составѣ петербургскихъ воровъ, профессіональныя, въ особенности уличныя и бродячія проститутки занимаютъ очень видное мѣсто, и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Большинство этихъ несчастныхъ питаютъ неодолимую наклонность къ грабежу и воровству, и всегда готовы, при каждомъ удобномъ случаѣ, обобрать «гостя», особенно пьянаго; но, кромѣ того, многія изъ нихъ—закоренѣлыя воровки по ремеслу, такъ что самый развратъ служитъ для нихъ въ сущности не цѣлью, а средствомъ, не промысломъ, а подспорьемъ для хищническаго чужеядства. Слѣдуетъ замѣтить, что такія спеціалистки часто «работаютъ» не на самихъ себя и не по своей иниціативѣ, а по принужденію и подъ руководствомъ своихъ «хозяевъ» и «хозяекъ», стоящихъ обыкновенно за кулисами и, незамѣтно для жертвы, управляющихъ пружинами и рычагами практикуемой въ такихъ случаяхъ воровской механики. Здѣсь ворующія проститутки являются лишь послушнымъ орудіемъ злой, хищнической воли закабалившихъ ихъ омерзительныхъ паразитовъ, которые при этомъ пользуются, конечно, львиной долей добычи, если не всею цѣликомъ. Существованіе этого возмутительнаго явленія хорошо всѣмъ извѣстно, по множеству фактовъ, и не разъ было засвидѣтельствовано на судѣ.

Изъ различныхъ видовъ разсматриваемаго воровства, особенно развился и процвѣлъ въ концѣ описываемаго нами періода слѣдующій—и, опять таки, сказать мимоходомъ, благодаря главнымъ образомъ изобрѣтательности еврейскаго индустріальнаго генія! Обыкновенно, играющія роль лукавыхъ сиренъ, проститутки завле-

кали на улицахъ, въ садахъ, на гуляньяхъ, гдѣ придется, подходящихъ для жертвы мужчинъ; стараясь какъ можно больше воспламенить ихъ любовнымъ жаромъ, приглашали затѣмъ ихъ къ себѣ на квартиры, т. е. въ стереотипныя «комнаты съ небелью отъ жильцовъ», гдѣ и разыгрывали съ ними, съ искусственной аффектаціей, «любви сладчайшей пантомимъ», не теряя золотаго времени. А въ то время, когда происходилъ «пантомимъ», обыкновенно—за ширмой или за драпировкой, въ его наиболѣе патетическій моментъ, по условному, замаскированному сигналу самой сирены, въ родѣ, напр., кашля, неслышно, въ темнотѣ, точно по волшебству, разверзалась стѣна или просто отворялась, казавшаяся на глухо запертой, дверь изъ сосѣднихъ аппартаментовъ; въ комнату проскользала безъ шороха какая-то таинственная тѣнь или просовывались чьи-то длинныя, проворныя руки, которыя быстро схватывали брошенное на стулъ платье «гостя», моментально очищали въ немъ карманы, клали его потомъ на прежнее мѣсто и исчезали:—комната принимала видъ полнѣйшей неприкосновенности, словно въ ней имѣлъ мѣсто какой-то искусный спиритическій сеансъ. По крайней мѣрѣ, «гость», въ большинствѣ случаевъ, ничего не замѣчалъ какъ въ пылу разыгрывавшагося «пантомима», такъ и послѣ него, когда онъ приходилъ въ себя и, ничего не подозрѣвая, разставался съ очаровавшей его сиреной. Изъ множества извѣстныхъ случаевъ этого рода воровства, обобранные гости, въ большинствѣ, освѣдомлялись о произведенномъ у нихъ похищеніи только по уходѣ изъ воровскаго притона, спустя нѣсколько часовъ и иногда на другой день, когда имъ приходило въ голову произвести основательную повѣрку своихъ бумажниковъ.

Дѣло въ томъ, что описываемая «карманная выгрузка», основанная на обманѣ чувствъ, производилась (да и понынѣ вѣроятно производится) съ извѣстной разсчетливостью и осторожностью. Таинственныя руки, опрастывая бумажники, самые бумажники, обыкновенно, оставляли въ карманахъ; при этомъ, если въ нихъ оказывалась значительная сумма, то похищалась только часть ея, разумѣется, всего чаще—львиная, и съ такой, разсчитанной на обманъ зрѣнія, разборчивостью, чтобы «гость», при бѣгломъ взглядѣ на свой бумажникъ, не замѣтилъ въ немъ убыли. Напр., если въ бумажникѣ помѣщалось нѣсколько пачекъ различнаго достоин-

ства ассигнацій и цѣнныхъ бумагъ, то таинственныя руки распредѣляли хищеніе по всѣмъ пачкамъ, ни одной изъ нихъ не захватывая цѣликомъ. Наиболѣе опытные, травленые воры этого сорта предпочтительнѣе всего крали, если находили въ бумажникѣ «гостя», процентныя бумаги значительной цѣнности, не трогая вовсе размѣнныхъ карманныхъ денегъ, въ томъ основательномъ разсчетѣ, что убыль послѣднихъ тотчасъ-же можетъ быть замѣчена, тогда какъ о пропажѣ первыхъ, составляющихъ неразмѣнный запасъ, неприкосновенно хранящійся въ укромномъ отдѣленіи бумажника, легко не догадаться на первыхъ порахъ. Такимъ-же образомъ, если у гостя находились часы, то таинственныя руки довольствовались только тѣмъ, что отцѣпляли цѣнные брелоки отъ цѣпочки; но случалось, правда, что часы съ цѣпями похищались и безраздѣльно, такъ какъ «по чести» подѣлиться подобнымъ предметомъ физически невозможно... Какъ-же тутъ быть?—Задумываться и колебаться тутъ приходилось тѣмъ менѣе мастерамъ сихъ дѣлъ, что дѣла сіи, при данныхъ условіяхъ, «въ огромномъ большинствѣ случаевъ, — какъ вѣрно было замѣчено по поводу цѣлой серіи такихъ дѣлъ прокурорскимъ надзоромъ,—обезпечены почти полной безнаказанностью преступленія. Рискъ для преступниковъ сводится здѣсь до minimum'а, прежде всего потому, что, уже не говоря о людяхъ семейныхъ или съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, но и вообще каждый, ничѣмъ несвязанный, порядочный человѣкъ врядъ-ли рѣшится, безъ крайней необходимости, заявлять о себѣ, какъ о потерпѣвшемъ, заявлять въ тоже время, что онъ—посѣтитель грязныхъ притоновъ разврата. Надо, чтобы кража довела потерпѣвшаго до крайности, отразилась на немъ очень чувствительно, чтобы онъ рѣшился предать ее гласности».

Такъ характеризовалъ нравственную подкладку этой воровской спеціальности прокурорскій надзоръ и, конечно, характеризовалъ вполнѣ правильно! Безъ сомнѣнія, огромное большинство потерпѣвшихъ отъ подобныхъ воровъ вовсе не обжаловывали и не искали своихъ пропажъ, боясь огласки и, слѣдовательно, скандала для себя, тѣмъ болѣе непріятнаго, если они точно были люди семейные или «съ виднымъ общественнымъ положеніемъ». Вѣдь, жаловаться и вопіять о карѣ виновныхъ, въ положеніи подобныхъ шаловливыхъ господъ, значитъ тоже самое, что предавать гласности свое

собственное срамное поведеніе, ставить себя къ позорному столбу, на судъ и смѣхъ всего общества.

Зная испорченность современныхъ нравовъ, которой — увы! — весьма причастны и люди «порядочные» вообще, и люди семейные, а равно и люди «съ виднымъ общественнымъ положеніемъ» въ частности, слѣдуетъ думать, что множество кражъ въ этомъ жанрѣ навсегда остались, по указанной причинѣ, неприведенными въ извѣстность и вполнѣ безнаказанными. Объ этомъ заявлено было и на судѣ, отчасти въ свидѣтельскихъ показаніяхъ «свѣдущихъ людей», не разъ удостовѣрявшихъ, какъ выразился одинъ изъ нихъ, что «обокраденные гости чаще всего стыдятся заявлять полиціи о происшедшемъ съ ними и оставляютъ дѣло *такъ*»... Нѣкоторые только изъ этихъ стыдливыхъ жертвъ, вовлеченныхъ въ бѣду собственной грѣховностью, не доводя дѣла до огласки, но и не желая помириться съ произведеннымъ надъ ними ограбленіемъ, обращаются въ секретную полицію, представителямъ которой,—какъ показали двое изъ нихъ на судѣ,—приводилось «производить розыски по многимъ такого рода кражамъ» въ различныхъ спеціальныхъ по этой части притонахъ, а въ какой степени успѣшно—невѣдомо.

Вслѣдствіе этихъ-то деликатныхъ условій и причинъ, такъ дальновидно предусмотрѣнныхъ и съ такой ловкостью утилизированныхъ артистами описываемой воровской группы, практика ихъ одно время въ Петербургѣ чрезвычайно расширилась, дошла до крайне наглыхъ формъ и сдѣлалась даже, какъ-бы, одной изъ «злобъ дня» въ инвентарѣ общественныхъ интересовъ. Многія изъ «дѣяній» этого сорта стали выплывать наружу, возникъ цѣлый рядъ скандалезнѣйшихъ процессовъ, такъ какъ, по мѣрѣ увеличенія числа потерпѣвшихъ, среди нихъ естественно должны были найтись люди, которые, пренебрегая малодушнымъ стыдомъ, мужественно рѣшались, «по долгу гражданина» и въ желаніи «помочь государству въ борьбѣ съ преступленіями»,—какъ велерѣчиво выразился одинъ изъ нихъ, присяжный повѣренный по профессіи,—возбуждать формальное преслѣдованіе воровъ и доводить дѣло до суда и свѣдѣнія общества. «Долгъ гражданина»—самъ по себѣ; но кромѣ того, эти самоотверженные герои очень ужь безжалостно, на крупныя суммы были обираемы, чтобы пребыть въ стыдливомъ молчаніи и не возопіять всенародно къ правосудію!

Мы, конечно, не будемъ останавливаться здѣсь на многочисленныхъ процессахъ по дѣламъ этого сорта, съ ихъ эпизодическими подробностями, — констатируемъ только изъ ихъ совокупности общія данныя, въ главныхъ чертахъ характеризующія разсматриваемую отрасль воровскаго промысла. Практиковалось это воровство, избравшее своимъ орудіемъ и почвой проституцію, не иначе, какъ шайками, и такихъ шаекъ, съ правильной и очень прочной организаціей, было обнаружено въ Петербургѣ одновременно нѣсколько— обнаружено было, безъ сомнѣнія, далеко не все ихъ наличное число. Основателями ихъ и членами являлись почти исключительно представители израильскаго племени, въ большинствѣ, конечно, женщины-проститутки, но каждая шайка имѣла, кромѣ того, своего мужчину-паразита, иногда нѣсколькихъ, игравшихъ роль, частію, помощниковъ, «друзей дома», а частію—организаторовъ и хозяевъ-руководителей. Народъ—все прожженый, искусившійся во всякихъ плутняхъ и хищничествахъ, по-жидовски—наглый, безстыдный и отвратительно-деморализованный до мозга костей... Христіанки, русскія, очень рѣдко встрѣчались въ этихъ, еврейскаго изобрѣтенія, притонахъ, по-еврейски организованныхъ и еврейчиками комплектованныхъ. и если встрѣчались, то въ страдательной роли закабаленныхъ, забитыхъ, жалкихъ жертвъ, служившихъ слѣпымъ, несмысленнымъ орудіемъ жидовской механики и эксплуатаціи, часто не зная о цѣляхъ этой механики и не принимая никакого участія въ дѣлежѣ добычи. Одна изъ нихъ, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, заявила на судѣ, что когда ее завлекли въ притонъ, она «была невинною», ничего э т о г о не знала и не понимала.

Дѣйствія шайки и распредѣленіе въ ней ролей совершались обыкновенно такимъ порядкомъ. Спектакль происходилъ вечеромъ. Проститутки, исполнявшія роль «первыхъ любовницъ» или сиренъ (одна и не болѣе трехъ), выходили, принарядившись, «гулять», продѣлывали сцены обольщенія со впечатлительными Ратмирами Невскаго проспекта и увлекали ихъ въ свой «чертогъ златой», въ качествѣ желанныхъ «гостей». Это былъ прологъ спектакля. Дѣйствіе происходило въ «чертогѣ», какъ уже было нами описано. До поднятія-же занавѣса, здѣсь происходила такая декоративная и бутафорская подготовка: петли въ таинственной двери смазывались саломъ, чтобы при отпираніи не издавали никакого звука; для

большей таинственности, дверь маскировалась иногда живописными картинками въ рамахъ или заставлялась шкафомъ безъ задней стѣнки, такъ что роковая тѣнь входила въ комнату черезъ шкафъ; въ дверяхъ имѣлись незамѣтныя снаружи телефонныя и зрительныя дырочки, сквозь которыя режиссеръ слѣдилъ за ходомъ спектакля и своевременно подавалъ реплики; затѣмъ происходила, соотвѣтствующая дѣйствію и его цѣли, разстановка мебели. Въ моментъ появленія гостя, остававшіяся за кулисами дѣйствующія лица, «хозяйка» или «хозяинъ» съ наперсниками, затаивали дыханіе, снимали съ себя обувь, ходили на цыпочкахъ и терпѣливо ждали, наготовѣ, времени для своего выхода на сцену, въ роляхъ таинственныхъ тѣней и престидигитаторовъ. Бывали случаи, что «гость» дурно исполнялъ свою роль «драматическаго любовника», оказываясь слишкомъ сдержаннымъ въ чувствахъ и крайне осторожнымъ, такъ что портилъ весь планъ спектакля. Тогда, случалось, его поправляли, заставляя уснуть или посредствомъ одуряющаго зелья въ питьѣ, или,—какъ есть большое вѣроятіе думать,—дѣйствіемъ хлороформа. Такимъ именно чудеснымъ способомъ былъ усыпленъ одинъ молодой пріѣзжій купчикъ—самъ еврей по происхожденію,—обнаружившій чрезмѣрную осторожность, ничего не пившій, не разстававшійся со своимъ сюртукомъ, въ карманѣ котораго помѣщался бумажникъ, и, тѣмъ не менѣе, жестоко обобранный во время сна. Съ уходомъ «гостя», въ спектаклѣ слѣдовалъ антрактъ, во время котораго «дѣлились ризы» его, т. е. «гостя». Потомъ наступалъ обыкновенно эпилогъ (иногда и безъ него обходилось): «гость», свѣдавъ о своемъ злосчастіи, возвращался истымъ трагическимъ героемъ и разливался рѣкой жалобъ, упрековъ, угрозъ и требованій возвратить его достояніе. «Злодѣи», въ отвѣтъ на это, разыгрывали роли удивленныхъ, ничего невѣдающихъ, ничего незнающихъ «простаковъ», нерѣдко съ оттѣнкомъ комизма и ироніи. У одного военнаго врача вытащили изъ бумажника болѣе двухъ тысячъ рублей.

— Что вы? Богъ съ вами! Развѣ у вашего брата, военнаго человѣка, бываютъ такія деньги? Ха-ха-ха... Кого-жъ хотите вы одурачить? саркастически отвѣтила ему «хозяйка» притона, собственноручно его ограбившая за часъ передъ тѣмъ.

Этотъ трагическій герой, въ образѣ военнаго эскулапа, довелъ эпилогъ спектакля до полицейскаго протокола и обыска (всегда

безплоднаго въ этихъ случаяхъ), произведеннаго впрочемъ мѣстнымъ околодочнымъ надзирателемъ, почему-то, «крайне поверхностно и неохотно», какъ заявилъ на судѣ потерпѣвшій. Вообще, во всѣхъ почти случаяхъ, похищавшіяся въ описанныхъ притонахъ деньги пропадали безслѣдно, а деньги бывали не маленькія: у одного «гостя» выкрали слишкомъ 4,000 рублей, у другаго болѣе трехъ тысячъ и т. д. О кражахъ по нѣскольку сотъ или десятковъ рублей и говорить не стоитъ: ихъ было множество... Промыселъ существовалъ прочно и шайки работали по цѣлымъ годамъ безнаказанно.

Собственно промыселъ обкрадыванія и ограбленія «гостей» въ притонахъ разврата существовалъ всегда, но въ томъ усовершенствованномъ, систематизированномъ видѣ, какъ описано выше, онъ процвѣлъ только въ 70-хъ годахъ, благодаря дѣятельному участію въ немъ представителей изобрѣтательнаго еврейскаго племени. До той поры, въ этомъ дѣлѣ царила примитивная простота и случайность, и работа шла больше по мелочамъ. Въ этомъ отношеніи славился, между прочимъ, хорошо извѣстный въ Петербургѣ громадный домъ генерала Максимовича на Невскомъ, издавна служившій однимъ изъ главныхъ центровъ поселенія уличныхъ проститутокъ, которыя тутъ частенько «пошаливали» и отъ которыхъ многіе «гости» уходили — кто безъ кошелька, кто безъ часовъ и т. д. Были нерѣдко случаи, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ домахъ, что проститутки, зазвавъ «гостя» къ себѣ, срывали съ него на темныхъ лѣстницахъ часы и успѣвали убѣжать и скрыться. Другія поступали нѣсколько сложнѣе и дипломатичнѣе.

Въ нашемъ матеріалѣ имѣется нѣсколько судебныхъ разбирательствъ такихъ однородныхъ случаевъ: нѣкоторыя изъ этихъ «погибшихъ созданій» усваивали себѣ привычку, «занимаясь», по ихъ выраженію, съ «гостемъ», выпрашивать у него какую-нибудь дорогую вещицу, напр., кольцо, булавку, цѣпочку и пр., для того только, чтобы примѣрить ее къ себѣ или, какъ выразилась одна подсудимая, «пофорсить» въ ней передъ товарками. Обыкновенно гость, въ упоеніи чувствъ, снисходилъ къ такой невинной, на первый взглядъ, прихоти и отдавалъ вещицу; но когда, по окончаніи краткосрочнаго романа, онъ требовалъ вещь обратно, то ему отвѣчали отказомъ на томъ основаніи, что онъ-де ее подарилъ

изъ любезности. Болѣе ловкія въ этой мистификаціи артистки успѣвали такъ подстроить дѣло, что у нихъ потомъ, когда доходило до суда, оказывались и достовѣрные свидѣтели дарственной передачи, вслѣдствіе чего, случалось, онѣ выходили чистыми изъ суда и «подарокъ» при нихъ оставался.

Въ этомъ и другихъ, подобныхъ же «художествахъ» проститутки-воровки дѣйствуютъ обыкновенно въ розницу и по случаю. Разъ только, именно въ 1877 г., была обнаружена въ домѣ Максимовича серьезная попытка воровской организаціи, имѣющей въ предметѣ эксплуатацію грѣховнаго женолюбія. Здѣсь было открыто цѣлое общество, систематически грабившее и обкрадывавшее заманиваемыхъ съ улицы «гостей» и, потомъ, выталкивавшее ихъ безъ церемоніи, въ случаѣ же особенно горячаго протеста, спускавшее ихъ съ лѣстницы. Сообщество состояло изъ нѣсколькихъ проститутокъ и двухъ благородныхъ молодыхъ мужчинъ—сына тайнаго совѣтника и сына полковника. До суда, почему-то, дѣянія этой шайки не дошли. Нельзя не упомянуть, наконецъ, что сами проститутки нерѣдко бываютъ обкрадываемы принимаемыми ими у себя на дому случайными «гостями», между которыми находятся негодяи, не брезгающіе поживиться жалкимъ ихъ достаткомъ. Въ хроникѣ столичнаго мироваго суда немало встрѣчается дѣлъ о такихъ, большею частью грошевыхъ кражахъ, совершаемыхъ по одному и тому же плану: «гость», во время визита, изловчается прикарманить какую-нибудь вещицу поцѣннѣе—часы, браслетикъ, колечко и т. под.,—которую и уноситъ съ собою, если только хозяйка не спохватится во время и не накроетъ вора на мѣстѣ преступленія.

Намъ остается закончить знакомство съ этимъ пестрымъ, безконечно разнообразнымъ и полнымъ эпизодическихъ уголковъ міромъ человѣческаго хищничества, чужеядства и подлости—бѣглымъ упоминаніемъ еще о нѣсколькихъ, болѣе или менѣе законченныхъ и спеціализировавшихся отраслей воровской практики.

Въ Петербургѣ существуетъ цѣлая группа воровскихъ спеціальностей, имѣющихъ своимъ предметомъ похищеніе цѣнностей, такъ сказать, наружныхъ, помѣщающихся не въ закрытыхъ хранилищахъ, а подъ открытымъ небомъ. Такимъ образомъ, есть, напр., спеціалисты по обкрадыванію кладбищъ. Воръ проникаетъ на кладбище и снимаетъ съ наиболѣе богатыхъ памятниковъ металлическіе кресты,

доски и разныя украшенія. Одинъ изъ такихъ воровъ сознался на судѣ, что ему удавалось за одинъ походъ отвинчивать по 30-ти мѣдныхъ надгробныхъ досокъ. Говорятъ, бывали и такіе хищники, которые отрывали изъ могилъ свѣже-погребенныхъ богатыхъ покойниковъ и грабили съ нихъ платье и драгоцѣнности, а самые гробы обдирали; но за описываемый нами періодъ не было обнаружено ни одного такого случая. Время отъ времени появляются охотники попользоваться благотворительными лептами изъ сборныхъ кружекъ, выставляемыхъ на улицахъ. Такихъ воровъ было поймано за нашъ періодъ немало. Особенно отличился одинъ изъ нихъ. Это былъ нѣкій канцеляристъ, служившій, въ разгаръ нашего славянолюбія, въ славянскомъ благотворительномъ комитетѣ. Разъ пришелъ въ комитетъ какой-то незнакомецъ съ корзинкой въ рукахъ, якобы за справкой. На лицо находились канцеляристъ и сторожъ. Занявшись выдачей справки, канцеляристъ услалъ сторожа куда-то подальше за папиросами, а въ его отсутствіе угораздился, съ помощью незнакомца, подмѣнить стоявшую въ пріемной комитета кружку, обремененную лептами, другою, схожею по внѣшности, но внутри наполненную битыми черепками. Подмѣнъ этотъ былъ сдѣланъ такъ искусно, что члены «кружечной коммиссіи» догадались о ней только спустя нѣсколько дней.

Жестокому расхищенію подвергается городское общественное имущество. Находятся мастера, выламывающіе металлическія рѣшетки изъ различныхъ оградъ, отвинчивающіе желѣзные болты на цѣпныхъ мостахъ, уносящіе уличныя скамейки и пр. Былъ однажды случай кражи уличныхъ фонарей прямо со столбовъ, заразъ чуть не съ цѣлой улицы. Однородные съ этими воры производятъ нерѣдко ограбленіе вагоновъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, главнымъ образомъ металлическихъ ихъ частей; другіе похищаютъ съ извощицьихъ экипажей подушки для сидѣнья, санныя полости, отвинчиваютъ гайки, снимаютъ упряжь съ лошадей. Какъ-то въ одномъ трактирѣ, промышлявшемъ, между прочимъ, нагрѣваніемъ приносимыхъ утюговъ, которыхъ скоплялось иногда нѣсколько десятковъ, была поймана воровка этой утвари, въ теченіе долгаго времени ежедневно таскавшая по одному лишь утюгу. Всѣ эти любители чужаго добра дѣйствуютъ на сушѣ, но въ Петербургѣ есть еще спеціалисты воровства на водахъ, такъ называемые, рѣчные пираты. Промыселъ этотъ прочно

организованъ и ведется широко, мастерски и смѣло. Пираты разъѣзжаютъ по ночамъ на лодкахъ около нагруженныхъ судовъ и похищаютъ съ нихъ кули, ящики съ товаромъ и всякую кладь. Есть между ними исключительно дровяные воры, крадущіе дрова съ барокъ, зимою же они обворовываютъ дровяные дворы и — одинъ дровяникъ жаловался на судѣ, что у него, случалось, въ одинъ день пропадало по пяти саженъ дровъ.

Похищаются въ Петербургѣ не только неодушевленные, но и одушевленные предметы. Хорошо извѣстенъ любителямъ собакъ очень ловко и остроумно практикуемый промыселъ воровъ-собачниковъ. Промышленники эти ловятъ на улицахъ цѣнныхъ собакъ, припрятываютъ ихъ, и потомъ — либо продаютъ охотникамъ, либо возвращаютъ, по газетнымъ объявленіямъ, владѣльцамъ «за приличное вознагражденіе». Объявленія о пропавшихъ собакахъ печатаются ежедневно въ газетахъ; воры-собачники ихъ пристально читаютъ и, если за доставку какого-нибудь «сбѣжавшаго» барбоса, вознагражденіе назначено на ихъ вкусъ дѣйствительно «приличное», барбосъ доставляется немедленно своему хозяину. Подобно этимъ ворамъ, играющимъ роль скромныхъ и чувствительныхъ любителей собакъ, есть такіе же мнимые любители музыки, берущіе на прокатъ фортепьяно и рояли, и непосредственно «сплавляющіе» ихъ на рынокъ по сходнымъ цѣнамъ.

Изъ одушевленныхъ предметовъ въ Петербургѣ не слишкомъ рѣдко воруются также малолѣтнія дѣти. Въ нашемъ матеріалѣ есть нѣсколько такихъ случаевъ. Разъ одна дама, пріѣхавъ на Пески въ коляскѣ, прямо на улицѣ подхватила трехлѣтняго, гулявшаго съ братишкой, мальчика и умчалась съ нимъ невѣдомо куда. Сыскная полиція выслѣдила однако это похищеніе. Оказался цѣлый романъ: дама была «содержанкой» одного чадолюбиваго прелюбодѣя и дорожила связью съ нимъ. Связь была старая и отъ нея имѣлся ребенокъ, котораго мать, безъ спроса отца, отдала въ воспитательный домъ. Отецъ, узнавъ объ этомъ, не давалъ ей житья, настоятельно требуя возврата ребенка, котораго возвратить въ подлинности не было уже возможности. Долго легкомысленная мать отговаривалась, сказывая, что ребенокъ въ деревнѣ, въ хорошихъ рукахъ, на воспитаніи; наконецъ, когда «содержатель» очень круто повернулъ дѣло, она, чтобы отвязаться, рѣшилась украсть перваго

попавшагося, подходящаго младенца и выдать его за своего. Вообще, въ такого рода похищеніяхъ дѣтей, подкладка всегда болѣе или менѣе романическая, хотя ее и не всегда удается обнаружить полицейскимъ агентамъ. Такой таинственностью осталось покрыто, между прочимъ, похищеніе ребенка въ 1876 г. у одной бѣдной женщины въ Прачешномъ переулкѣ.

Какъ припомнитъ читатель, въ предшествовавшемъ очеркѣ мы упомянули вскользь объ одномъ весьма распространенномъ и разнообразномъ видѣ карманнаго воровства, заключающемся въ хищническихъ набѣгахъ на магазины, лавки и иныя торговопромышленныя заведенія, гдѣ, при помощи нѣкотораго обмана и проворства рукъ, воры уносятъ, что̀ попадается подъ руки изъ товаровъ и иныхъ цѣнностей. Промысломъ этимъ, какъ мы сказали, занимаются преимущественно женщины, всегда прилично одѣтыя и, на видъ, принадлежащія къ порядочному обществу. Съ грустью должно сказать, что большинство такихъ воровокъ въ магазинахъ не только по виду, но и на самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ порядочному и зажиточному классу. Профессіональныя промышленницы между ними, сравнительно, составляютъ меньшинство. Чѣмъ же это объяснить? Легкомысліемъ, ненасытной страстью къ нарядамъ, моральной испорченностью и, наконецъ, болѣзненной маніей... Золя, въ своемъ превосходномъ романѣ «Le bonheur des dames», указалъ на это странное и весьма распространенное явленіе, въ живыхъ краскахъ очертивъ типъ барыни-воровки по страсти и тотъ внутренній процессъ, который приводитъ ее къ рѣшимости пятнать свои нѣжныя ручки грубой кражей. Поговорите откровенно съ купцами и сидѣльцами гостиннодворскихъ модныхъ лавокъ, и они вамъ скажутъ, что такія барыни-воровки не составляютъ рѣдкости и у насъ, а многимъ изъ сидѣльцевъ, вѣроятно, приходилось не разъ лично участвовать въ деликатномъ изобличеніи подобныхъ особъ въ кражахъ, недостаточно ловко выполненныхъ. Намъ извѣстенъ такой, между прочимъ, фактъ. Одна, съ громкимъ именемъ, богатая дама сдѣлала привычку въ каждомъ почти магазинѣ, который она посѣщала, красть что̀ бы ни пришлось. Ея родные, зная за ней эту слабость—родъ болѣзненной страсти, заранѣе предупреждали хозяевъ магазиновъ, посѣщаемыхъ барыней, чтобы они не дѣлали скандала, а только доставляли потомъ счетъ всего, что̀ было у

нихъ украдено, по которому тотчасъ же выплачивались деньги. Барыня пріѣзжала, производила кражи и, довольная ихъ успѣхомъ, возвращалась домой, не подозрѣвая, что вороватость ея ни для кого не тайна и съ родственной заботливостью предусмотрѣна, во избѣжаніе непріятностей.

Однородной страстью, но уже съ оттѣнкомъ художественности и любви къ просвѣщенію, можно объяснить весьма распространенное въ Петербургѣ книгокрадство, которое въ иныхъ случаяхъ является настоящимъ вандальствомъ. До чего это воровство популярно—можно судить уже изъ того обстоятельства, очень дурно рекомендующаго столичныхъ любителей просвѣщенія, что въ публичныхъ библіотекахъ для чтенія даже каталоги несокрушимо привинчены къ столамъ и пюпитрамъ, подобно тому, какъ до изобрѣтенія книгопечатанія охранялись оковами и цѣпями дорогія рукописныя книги. Тѣ-же библіотеки безпрерывно обкрадываются по мелочамъ, такъ сказать, раздробительно: есть библіофилы, которые берутъ и «зачитываютъ» рѣдкія и дорогія изданія, стоимость которыхъ далеко превосходитъ цифру внесеннаго залога; есть читатели, которые безжалостно портятъ книги, вырывая изъ нихъ понравившіяся имъ страницы или картинки (отъ нихъ особенно страдаетъ императорская библіотека); даже продукты текущей прессы—нумера газетъ, тетрадки иллюстрацій и еженедѣльныхъ журналовъ—требуютъ самаго тщательнаго охраненія въ публичныхъ кабинетахъ для чтенія, въ гостинницахъ и ресторанахъ отъ многочисленныхъ, нечистыхъ на руку охотниковъ до чтенія, всегда готовыхъ прикарманить эти грошовые листки.

Почему-то, господствуетъ предразсудокъ, что кража книги— не есть кража, какъ преступленіе. Многіе книгокрады и въ самомъ дѣлѣ не вмѣняемы по этой причинѣ; но это едва-ли можно сказать о тѣхъ солидныхъ эрудистахъ-систематикахъ по этой части, типичнымъ представителемъ которыхъ явился нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ великому скандалу всей ученой Германіи, пресловутый докторъ философіи Пихлеръ. Какъ извѣстно, этотъ многоученый мужъ, пользуясь довѣріемъ управленія императорской публичной библіотеки, замыслилъ систематически и съ тонкой ученой разборчивостью опустошить эту библіотеку, вынося изъ нея каждый день въ своихъ бездонныхъ библіофильскихъ карманахъ по нѣскольку дорогихъ изданій. По счастью, его накрыли, но неизвѣстно — во

время-ли? Въ квартирѣ Пихлера были найдены цѣлые, заготовленные къ отправкѣ въ любезное отечество, ящики украденныхъ изъ библіотеки книгъ; но на послѣдовавшемъ затѣмъ скандалезномъ процессѣ не было выяснено — первый-ли это былъ транспортъ съ добычей философа-вора?

Существуетъ еще одинъ видъ книгокрадства, ничего не имѣющій общаго съ любовью къ просвѣщенію. Этого рода воровство произведеній словесности практикуется въ книжныхъ лавкахъ и складахъ, частію въ типографіяхъ и въ конторахъ газетъ и журналовъ, —производится любителями легкой наживы, большею частью изъ люда, обращающагося около заготовленія, выпуска въ свѣтъ и сбыта этихъ произведеній. Воровство это больше домашнее, очень сложное и разбивается на множество отраслей, развитіе и процвѣтаніе которыхъ, впрочемъ, не лишено отраднаго значенія, ибо свидѣтельствуетъ о процвѣтаніи и ростѣ самой словесности. Въ настоящее время воровство это, во всякомъ случаѣ послужившее къ распространенію просвѣщенія, кажется, находится въ упадкѣ и это—наглянѣйшее доказательство упадка самой словесности. Въ описываемое нами время было возбуждено немало процессовъ на судѣ о кражѣ книгъ и иныхъ произведеній печати, а что кражи эти бываютъ значительны, разнообразны и замысловато-неуловимы, — хорошо знаютъ книгопродавцы, издатели и редакторы. Знаютъ это также хорошо нѣкоторые рыночные букинисты и книжные старьевщики, изъ которыхъ иные составили себѣ даже весьма упроченную репутацію завѣдомыхъ скупщиковъ и укрывателей краденаго книжнаго «товара». Часто случаются такія оказіи, что цѣнная книга, стоющая, положимъ, рубль въ книжномъ магазинѣ, «съ нашимъ удовольствіемъ» предлагается за двугривенный на рынкѣ и въ кіоскахъ букинистовъ. Такая оказія приключилась, между прочимъ, съ извѣстнымъ капитальнымъ «Энциклопедическимъ Словаремъ» профессора Березина, который, произведя, вслѣдствіе этого, повѣрку своего склада, нашелъ, какъ онъ намъ лично сообщалъ, что у него было выкрадено домашнимъ образомъ на 8 т. руб. экземпляровъ названнаго словаря... Такія большія книжныя покражи не составляютъ особенной рѣдкости, — конечно, въ эпохи большаго или меньшаго процвѣтанія словесности, а не въ такія глухія времена, когда по зачахлому саду словесности хоть шаромъ покати!

Нельзя скрыть того печальнаго факта, имѣющаго почти общее значеніе чего-то неизбѣжнаго и повсемѣстнаго, что, подобно книжному, едва-ли не каждое производство, — ремесленное, фабричное, по предмету услугъ и пр., — порождаетъ, въ средѣ занимающихся имъ наемниковъ, рабочихъ и распорядителей, домашнихъ воровъ, пріумножающихъ свой заработокъ кражами матеріаловъ и продуктовъ своего мастерства насчетъ хозяевъ-заказчиковъ. Сколько извѣстно, воруютъ вездѣ — на фабрикахъ, на заводахъ, въ торговыхъ заведеніяхъ всякаго рода, воруютъ во всякомъ частномъ предпріятіи, но еще больше воруютъ тамъ, гдѣ пахнетъ казеннымъ или общественнымъ «пирогомъ». Никакіе контроли и надзоры, никакіе замки и затворы не въ состояніи положить предѣлъ этому повальному всепроникающему воровству! Извѣстны многочисленные случаи кражъ (мы не говоримъ здѣсь о «растратахъ») изъ банковъ, казначействъ и кассъ, изъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и монетнаго двора, гдѣ контроль и надзоръ доведены до послѣдней степени совершенства и бдительности. Что-жъ говорить о такихъ учрежденіяхъ и заведеніяхъ, которыя не столь ограждены отъ воровскихъ покушеній? Впрочемъ, мы коснулись здѣсь слишкомъ общей и обширной нравственной язвы, для обозрѣнія которой рамки настоящаго очерка слишкомъ тѣсны.

Обратимся къ вопросу о сбытѣ краденаго вообще, которымъ мы обѣщали заняться особо. Начать съ того, что воровской промыселъ, какъ и всякій другой, складывается изъ двухъ, существенно различныхъ, но взаимно необходимыхъ, органически связанныхъ частей промысловой дѣятельности, на основаніи общаго экономическаго закона: производства и сбыта или, по отношенію собственно къ воровству, добычи цѣнностей и ихъ денежной реализаціи въ пользу добывателя. Добычу производитъ воръ, но чтобы извлечь изъ нея корысть, ему нужно ее укрыть, передать и сбыть въ надежныя руки. Тутъ къ его услугамъ является, какъ посредникъ, сбытчикъ, который, въ сущности, по самымъ условіямъ воровскаго промысла, не только посредникъ въ этомъ дѣлѣ, но компаньонъ и главный пайщикъ по размѣру дивиденда. Это предусмотрѣно и закономъ, не гладящимъ по головкѣ за сокрытіе и сбытъ краденаго; но только законъ тутъ очень рѣдко оказываетъ свое дѣйствіе. Роли здѣсь такъ распредѣлены, что на долю вора выпадаетъ весь рискъ

по предпріятію и ничтожная часть выгоды отъ добычи; сбытчикъ-же не несетъ почти никакого риска, а въ дѣлежѣ воровской добычи его доля—огромная. Воръ по ремеслу — чернорабочій парій, сбытчикъ—«хозяинъ», аристократъ, и, какъ чужеядецъ-эксплуататоръ, несравнимъ, такъ какъ работающій на него карманникъ весь у него въ рукахъ и дѣваться ему некуда. Никто никогда не слышалъ, чтобы описываемой категоріи воръ разбогатѣлъ на воровствѣ, а сбытчики, безъ изъятія, наживаютъ отъ воровства состоянія.

Гдѣ-же они? — спроситъ читатель. Пальцемъ указать на нихъ мы, конечно, не можемъ; но сдѣлайте какъ-нибудь раннимъ утромъ, на зарѣ, особенно въ воскресные дни, прогулку по «толкучкамъ». Здѣсь вы увидите массу какихъ-то темныхъ, жалкихъ, оборванныхъ и очень подозрительныхъ личностей съ одной стороны, а съ другой — бойкихъ, наглыхъ, краснощекихъ комерсантовъ, съ здоровенными глотками и острымъ, какъ бритва, языкомъ, продающихъ и покупающихъ всякую-всячину. Это, такъ называемые, «маклаки»; на нихъ стоитъ вся «толкучка», они-же, если не всѣ, то нѣкоторые несомнѣнно являются первыми, непосредственными агентами сбыта «темнаго товара», такъ сказать, авангардомъ сбытчиковъ. Такими-же чернорабочими агентами этого дѣла являются неказистые на видъ тряпичники, рыскающіе по дворамъ, съ объемистыми мѣшками за спиною.

«Хозяева» и воротилы сбыта краденаго рѣдко имѣютъ непосредственныя сношенія съ ворами. Они стоятъ въ сторонкѣ, за кулисами, храня постный, внушающій довѣріе, видъ честныхъ, почтенныхъ и благочестивыхъ купцовъ. Въ рынкахъ и иныхъ мѣстахъ есть лавчонки совершенно химерическаго содержанія и характера,—до того товаръ ихъ ничтоженъ и ни на что не нуженъ, и до того торговля въ нихъ призрачная и мнимая. Непостижимо, какъ онѣ существуютъ! Непостижимо для того, кто не знаетъ, что это только декорація, дешевое представленіе «для близира» и отвода глазъ. Настоящая-же торговля хозяевъ этихъ курьезныхъ лавокъ не видна для глазъ, хотя сами они весьма ощутительно и толстѣютъ, и жирѣютъ, и богатѣютъ и благоденствуютъ отъ нея. Торговля эта — покупка, переработка и сбытъ «темнаго товара». Тамъ, за кулисами, идетъ живая, кипучая дѣятельность. Дѣло, какъ говорится, горитъ въ проворныхъ, искусныхъ и опытныхъ рукахъ! Въ ходъ пускаются и механика, и химія, и

металлургія и чуть не всѣ прикладныя знанія, до которыхъ русскій человѣкъ, когда нужно, «своимъ умомъ доходитъ». Каждая краденая вещь, попавъ въ эту переработку, моментально дѣлается неузнаваемой во множествѣ хитроумныхъ видоизмѣненій и поддѣлокъ. Металлическія вещи, золотыя и серебряныя, обращаются въ безформенные слитки, мѣха распарываются и перекрашиваются, платье перекраивается и т. д. Нѣтъ предмета, достаточно громоздкаго, который-бы не разложился въ этой воровской лабораторіи и не исчезъ въ ней безслѣдно. Были случаи поразительныхъ пропажъ: разъ исчезло безъ слѣда нѣсколько сотъ пудовъ казеннаго желѣза, въ другой — пропало до 150 пуд. желѣзныхъ цѣпей съ туэрныхъ пароходовъ, въ третій — нѣсколько десятковъ бочекъ масла, украденнаго съ судна, точно провалились въ преисподнюю; въ четвертый—на нѣсколько тысячъ мѣховъ, привезенныхъ изъ за-границы и подмѣненныхъ рогожами въ ящикахъ на желѣзной дорогѣ, разсыпались прахомъ по рыночнымъ трущобамъ... Всѣхъ такихъ феноменальныхъ хищеній невозможно перечислить—ихъ было множество, и они-то, конечно, составляютъ главную доходную статью укрывателей-сбытчиковъ, которые и являются поэтому главными агентами и пайщиками во всѣхъ капитальныхъ и столь многочисленныхъ кражахъ товаровъ на желѣзныхъ дорогахъ, на судахъ и пристаняхъ, въ складахъ и т. п., не говоря уже о мелкихъ карманныхъ кражахъ. Не смотря однако-жъ на это, сбытчики (напр., въ лицѣ содержателей артелей тряпичниковъ, пользующихся весьма дурной славой), хотя и состоятъ обыкновенно «подъ сомнѣніемъ» у полиціи, но попадаются очень рѣдко и преблагополучно ведутъ свои операціи по цѣлымъ годамъ, наживаясь и богатѣя. На самомъ-же дѣлѣ, они-то и есть главные герои того темнаго міра, уголокъ завѣсы надъ которымъ мы старались приподнять!

VII.

Обманъ, мошенничество и растрата.

Въ общей картинѣ хищничества, обманъ, мошенничество и злонамѣренная растрата чужаго имущества представляютъ уже высшую ступень, съ точки зрѣнія воровской индустріи. Для обработки этихъ дѣлъ нуженъ умъ болѣе утонченный, болѣе способный къ комбинированію идей и къ изобрѣтательности, чѣмъ тотъ, какимъ можетъ обходиться простой грабитель и карманникъ. Зато здѣсь самыя дѣла и ихъ герои представляются уже намъ въ гораздо большемъ разнообразіи, широтѣ и блескѣ. «Дѣла» попадаются грандіозныя, милліонныя, герои обмановъ, растратъ и мошенничествъ — все больше люди культурные въ извѣстной степени, нерѣдко даже съ высшимъ образованіемъ, съ блестящимъ общественнымъ положеніемъ, перваго сорта интеллигенты, представители сливокъ общества.

Какъ-бы тамъ ни было, но обманъ и мошенничество — безспорно продукты цивилизаціи, и давно замѣчено, что они тѣмъ утонченнѣе, сложнѣе и изысканнѣе, чѣмъ цивилизованнѣе самое общество. Оно и вполнѣ естественно. Гдѣ высока цивилизація, тамъ и средства для охраны частнаго и общественнаго достоянія доведены до высшаго совершенства; слѣдовательно, чтобы успѣшно бороться съ ними, мошеннику необходимо стоять на одномъ съ ними уровнѣ въ своей техникѣ, постоянно изощряться въ изобрѣтеніи новыхъ, столь-же усовершенствованныхъ способовъ обмана и надувательства. Съ другой стороны, сама цивилизація открываетъ безчестнымъ людямъ почву для ихъ операцій, подстрекаетъ и даетъ имъ въ руки множество усовершенствованныхъ орудій для беззаконнаго хищничества. Цивилизація, въ этомъ отношеніи, что солнце, которое одинаково оживотворяетъ своими благодѣтельными лучами и помойную яму и дѣвственную ниву, даетъ жизнь и пшеницѣ и чертополоху, грѣетъ и благородную тварь и пресмыкающагося гада.

Но какимъ образомъ въ ряды расточителей, плутовъ и мошен-

никовъ попадаютъ нерѣдко, какъ на это обращено вниманіе литературой, люди развитые, образованные, получившіе гуманитарное воспитаніе и предназначенные служить проводниками добра и истины? Къ сожалѣнію, въ послѣднее время не осталось, кажется, ни одного класса, ни одной профессіи и сферы, даже самыхъ высокихъ и привилегированныхъ, изъ которыхъ не выдѣлялись-бы явные, клейменные обманщики, мошенники, мздоимцы и расточители казеннаго, общественнаго и частнаго достоянія. Чиновники всякихъ ранговъ, включительно до самыхъ крупныхъ, родовые аристократы, «излюбленные» граждане — общественные дѣятели, представители юстиціи, педагоги, купцы, даже патентованные ученые, профессора и литераторы, даже государственные мужи... Всѣ, всѣ имѣли случай, и неразъ, видѣть своихъ представителей на скамьѣ подсудимыхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ спискѣ «падшихъ ангеловъ» и низверженныхъ олимпійцевъ, съ которыми юстиція расправляется келейнымъ образомъ, во избѣжаніе соблазнительнаго скандала!

Новаго и спеціально принадлежащаго именно нашему времени въ печальномъ явленіи этомъ, конечно, ничего нѣтъ. Какъ физическіе, такъ и нравственные уроды рождаются во всякія времена, и ни въ какую эпоху въ нихъ не бываетъ недостатка; но несомнѣнно также, что въ иной моментъ ихъ является больше, въ иной— меньше, смотря по тому, въ какой степени условія, благопріятныя для развитія здоровой жизни, преобладаютъ надъ неблагопріятными, разрушительными. Съ этой точки зрѣнія, можетъ быть, наше время и слѣдуетъ признать однимъ изъ тѣхъ критическихъ, мрачныхъ моментовъ, когда злокачественные соки общественнаго организма разыгрываются и, забравъ силу, разрѣшаются порожденіемъ уродливыхъ нравственныхъ аномалій, въ количествѣ нѣсколько большемъ и въ качествѣ болѣе остромъ, сравнительно съ цвѣтущими эпохами общественной жизни.

Такими патологическими моментами характеризуются обыкновенно застой и регрессъ въ жизни общества. Приниженіе и косность мысли, упадокъ или мертвенность высшихъ идеаловъ, съуженіе и исчезновеніе широкихъ духовныхъ задачъ и интересовъ, разбродъ и реакція,—все это создаетъ ту глухую, затхлую атмосферу, въ которой замираютъ и чахнутъ здоровые, благородные инстинкты, и выгуливаются и разнуздываются дурные, эгоистическіе и чужеяд-

ные. Въ короткихъ словахъ сказать: когда падаетъ спросъ на гражданскую честность и понижается самый ея уровень — въ обществѣ парализуется естественнымъ порядкомъ и стремленіе отвѣчать этому спросу. Тѣ самые съ покладистой совѣстью индивидуумы, которые въ иное, болѣе взыскательное на этотъ счетъ время, не посмѣли-бы переступать требованій строгой общественной морали, въ боязни недремлющаго общественнаго суда, теперь, когда и эта мораль, и этотъ судъ парализованы, беззастѣнчиво выпускаютъ свои хищническіе клыки и когти, и алчно накидываются на добычу... На опустѣломъ горизонтѣ общественной жизни выступаетъ, въ апетитныхъ контурахъ, жирный, необъятный пирогъ наживы и всяческаго чревоугодія:—внѣ его ничего нѣтъ ни привлекательнаго, ни обязательнаго, ни призывнаго, и вотъ все хищное, эгоистическое и жадное къ матеріальному благу разнузданной оравой выбѣгаетъ изъ своихъ норъ на авансцену, и—глазу зрителя представляется одна, почти сплошная картина какого-то чудовищнаго, отвратительнаго кормленія спущеннаго съ цѣпей звѣрья!

Такъ или иначе, но несомнѣнно, что въ наши дни правоописателю, а также прокурорскому надзору приходится очень часто, при обозрѣніи и обсужденіи явленій общественной нравственности, встрѣчать въ рядахъ ея криминальныхъ нарушителей—людей, принадлежащихъ и по соціальному положенію, и по степени образованія къ самымъ избраннымъ слоямъ общества, при чемъ грѣхопаденіе ихъ менѣе всего является результатомъ нужды и бѣдности, признаваемыхъ обыкновенно классическимъ побужденіемъ для преступныхъ дѣяній. Какъ на особенно разительные въ этомъ отношеніи факты можемъ указать на достопамятные интендантскіе и банковскіе процессы, на процессъ «черной банды», на громкое и знаменитое дѣло, такъ называемыхъ, «червонныхъ валетовъ». Въ дѣлѣ этомъ было 48 человѣкъ подсудимыхъ и между ними — 36 изъ привилегированныхъ сословій, въ томъ числѣ нѣсколько лицъ съ довольно громкими именами. Вообще, можно сказать почти утвердительно, что, въ большинствѣ, героями сколько нибудь крупныхъ выдающихся мошенничествъ и обмановъ являются представители привилегированныхъ, культурныхъ классовъ.

Классифицировать всѣ, практикуемые въ Петербургѣ, роды и виды мошенничества, обмана и растраты очень трудно уже по той причинѣ,

что и въ этой области, какъ во всякой другой, есть свои «быстрые умомъ Невтоны», которые постоянно изобрѣтаютъ новые способы и ходы для болѣе легкаго и вѣрнаго надувательства. Но есть, впрочемъ, нѣсколько весьма упроченныхъ, окончательно сформировавшихся и распространенныхъ видовъ плутовства, которые вошли въ рутину и поддаются кое-какому обобщенію.

Предупреждаемъ, что мы здѣсь, какъ и прежде, не будемъ касаться тѣхъ формъ разсматриваемой язвы, которыя являются подъ маской законности, вошли въ обычай и безнаказанно практикуются, напр., въ нашей промышленности и торговлѣ. Какъ извѣстно, наша торговля, въ значительной долѣ, вертится на традиціонномъ завѣтѣ: «не надуешь—не продашь», составляющемъ одинъ изъ перловъ «народной мудрости». Въ Петербургѣ есть цѣлые рынки, куда покупатель отправляется съ такимъ-же пугливымъ предубѣжденіемъ, какъ еслибъ шелъ въ разбойничій притонъ, полагая, что его тамъ непремѣнно постараются «по коммерчески», среди бѣлаго дня, обмануть и обобрать. Предубѣжденіе, къ сожалѣнію, не безосновательное, потому что дѣйствительно торговый обманъ и торговое мошенничество—въ нравахъ большинства нашихъ комерсантовъ и даже не считаются ими порокомъ: напротивъ, хорошенько «окласть» покупателя, по характерному рыночному выраженію, «слупить» съ него лишнее и надуть на качествѣ, мѣрѣ и вѣсѣ товара, считается въ этой невѣжественной средѣ завиднымъ мастерствомъ, молодечествомъ, плодомъ комерческаго таланта, ума и дѣловитости. Съ этимъ освоилась и публика, вслѣдствіе чего въ судебной практикѣ нашей очень рѣдко встрѣчаются дѣла о торговомъ мошенничествѣ и торговомъ обманѣ, которыхъ и мы коснемся здѣсь лишь настолько, насколько они дѣлаются достояніемъ криминальной хроники.

Благодаря значительно повысившемуся въ послѣднее время въ Петербургѣ санитарному надзору, столичный судъ дѣятельно преслѣдуетъ и караетъ комерсантовъ, допускающихъ обманъ, мошенничество и фальсификацію въ продажѣ съѣстныхъ продуктовъ. Преступленія этого рода образуютъ одну изъ наиболѣе обширныхъ группъ въ разсматриваемой нами отрасли петербургскаго беззаконія. Преступленія эти, впрочемъ, весьма однообразны съ технической стороны: продажа завѣдомо порченныхъ и гнилыхъ продуктовъ всякаго рода, разныя вредныя подмѣси къ тѣмъ или другимъ снѣдямъ,

подделки ихъ и проч. Къ счастью, практикуемыя въ этихъ случаяхъ механика и химія доморощеннаго, самодѣльнаго изобрѣтенія—слишкомъ еще грубы и примитивны у насъ, благодаря «простотѣ» русскаго торгаша, чтобы могли обмануть сколько-нибудь опытный глазъ.

Есть, однако, нѣкоторые виды обмана въ съѣстной торговлѣ, которые трудно поддаются изобличенію. Напримѣръ, только очень недавно санитарная полиція приняла мѣры къ пресѣченію одного, искони и широко практиковавшагося обмана въ нашей мясной торговлѣ, который для потребителей оставался почти неуловимымъ. Это—искусственное надуваніе клѣтчатки въ тушахъ битыхъ телятъ, барановъ и пр., для того, чтобы ихъ тощимъ тѣлесамъ придать видъ откормленной сытости и ожирѣнія. Равнымъ образомъ, потребителямъ очень трудно открывать обманъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ предлагается, вмѣсто зарѣзанной, дохлая убоина. Между тѣмъ, есть основанія думать, что въ Петербургѣ такая злокачественная убоина сбывается постоянно и не въ малыхъ размѣрахъ, особенно въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда гдѣ-нибудь по близости свирѣпствуетъ скотскій падежъ. Однажды, въ 1876 г., одинъ изъ членовъ петербургской санитарной коммиссіи накрылъ въ Удѣльной станціи, по пути въ столицу, огромный обозъ въ пятьдесятъ возовъ, съ телятиной, которая, по осмотрѣ, оказалась на двѣ трети дохлой. Произведенное по этому поводу разслѣдованіе повело къ интересному открытію, что наша добрая сосѣдка Финляндія давно уже ведетъ правильно организованный сбытъ дохлыхъ телятъ на петербургскіе рынки, преимущественно-же въ таинственныя колбасныя заведенія. «Какъ только у финляндца,—по показанію свѣдущихъ людей,—околѣетъ теленокъ, такъ онъ сейчасъ зарываетъ его въ снѣгъ или кладетъ въ ледникъ и хранитъ» до прихода скупщика—спеціалиста по этой части и, по обыкновенію, бойкаго, оборотливаго русачка. Не останавливаясь на мелкихъ, обыденныхъ фактахъ этого рода обмана, упомянемъ еще о надѣлавшемъ въ свое время большаго шуму открытіи тайной утилизаціи собачьяго мяса для начинки колбасъ. «Честный» нѣмецъ Геймерле, занимаясь по профессіи истребленіемъ бродячихъ собакъ, устроилъ для нихъ бойню и сбывалъ ихъ мясо въ колбасныя заведенія, на потребу любителей сосисокъ. Промыселъ былъ организованъ широко и основательно, но процвѣтанію его положила предѣлъ санитарная полиція.

Нельзя также не упомянуть о распространенной въ Петербургѣ, разнообразной фальсификаціи «благородныхъ напитковъ», т. е., виноградныхъ винъ. Не говоря уже объ усвоенныхъ комерціей и не считающихся предосудительными поддѣлкахъ и превращеніяхъ напитковъ, въ погребахъ даже самыхъ громкихъ, патентованныхъ фирмъ, въ Петербургѣ нерѣдки факты положительно вредной фальсификаціи виноградныхъ винъ и грубаго обмана въ ихъ названіяхъ (маркахъ), въ цѣнѣ и въ обозначеніи фирмъ. Извѣстны процессы, возбужденные пользующимися популярностью виноторговцами противъ мошенниковъ, поддѣлывавшихъ ихъ ярлыки и печати, точка въ точку, и продававшихъ подъ этими ярлыками самодѣльную дрянь. Такіе процессы возбуждали, между прочимъ, братья Елисѣевы, а однажды знаменитая французская фирма Редереръ нарочно присылала своего повѣреннаго преслѣдовать чрезвычайно распространившуюся у насъ поддѣлку шампанскаго вина этой фирмы. Это фальшивое шампанское, продававшееся потребителями за настоящее, пріобрѣло даже особое названіе—«картофельнаго» и, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ выдѣлывалось остроумными винодѣлами изъ картофельнаго сока. Въ описываемый нами періодъ процвѣталъ еще слѣдующій, очень характеристическій по этой части обманъ, плохо рекомендующій, признаться, и самихъ потребителей, становившихся жертвою этого обмана: какіе-то темные промышленники распространяли въ городѣ молву, что у нихъ имѣется будто-бы краденое придворное дорогое вино, которое можно «заказать» по такому-то адресу и получить якобы весьма дешево, но подъ секретомъ. На эту удочку очень многіе попадались и, смакуя доставшееся такимъ нечистымъ путемъ какое нибудь «картофельное» шампанское, наивно воображали, что пьютъ вино отъ императорскаго стола.

Весьма распространилась также и приняла широкіе размѣры въ послѣднее время фабрикація фальшиваго, вреднаго для здоровья чая, поддѣлываемаго грубыми способами изъ спитаго чая и разной травы, преимущественно же изъ чернобыльника. Этотъ, такъ называемый, «капорскій» или «Иванъ-чай»—продуктъ нашей самобытной изобрѣтательности—фабрикуется главнымъ образомъ въ Петербургѣ и отсюда распространяется по всей Россіи въ значительномъ количествѣ, судя по частымъ фактамъ обнаруженія этого злоупотребленія въ размѣрахъ иногда ужасающихъ. Бывали слу-

чаи, что полиція за одинъ разъ конфисковала сотни пудовъ этаго самодѣльнаго зелья.

Въ Петербургѣ, какъ во всякомъ большомъ городѣ, очень много разнаго рода искателей работы, службы, денегъ, сбыта своей собственности, выгоднаго помѣщенія своихъ капиталовъ и проч. Людей такихъ множество, и вотъ къ ихъ услугамъ и на ихъ спросъ городская предпріимчивость создала и развила въ обширныхъ размѣрахъ особую профессію — коммиссіонерство, заключающееся въ маклерскомъ посредничествѣ, въ устройствѣ сдѣлокъ между всякаго рода требованіями и предложеніями. Петербургскіе коммиссіонеры, говоря вообще, не пользуются особенно лестной славой, быть можетъ, отчасти потому, что подъ ихъ маской и званіемъ часто подвизаются завѣдомые надувалы и мошенники. Случаи обмана и плутовства, подъ видомъ и посредствомъ коммиссіонерства, составляютъ одну изъ наиболѣе обширныхъ группъ данной категоріи преступленій. Даже настоящія, такъ называемыя, коммиссіонерскія конторы, не имѣющія въ виду завѣдомаго обмана, тѣмъ не менѣе служатъ для него отличной почвой и способствуютъ его процвѣтанію, независимо отъ воли и желанія своихъ агентовъ. Всего чаще платится здѣсь недостаточный трудовой людъ, жадно отыскивающій работы и службы, чѣмъ и пользуются любители чужой собственности.

Наиболѣе частый и банальный, но, къ удивленію, всегда почти оказывающійся успѣшнымъ, способъ обмана по этой части заключается въ выманиваніи денегъ у искателей занятій, подъ видомъ-ли залоговъ, или въ формѣ коммиссіоннаго гонорара, либо взятки. Въ газетахъ нерѣдко можно читать заманчивыя объявленія въ такомъ смыслѣ, что нѣкто, желая получить выгодное мѣсто, предлагаетъ за доставленіе онаго такое-то вознагражденіе. Если такой откровенный подкупъ сдѣлался даже достояніемъ печатной гласности, то нечего и говорить, что за ея предѣлами, въ обыденной жизни, онъ составляетъ самое заурядное явленіе. Что дѣлать? — Русскій человѣкъ такъ уже воспитанъ, что считаетъ немыслимымъ добиться чего-бы то ни было безъ взятки и подкупа! Вотъ этихъ-то сговорчивыхъ простаковъ и ловятъ мнимые коммиссіонеры и сомнительные патроны, якобы располагающіе желанными мѣстами.

Встрѣчается «нечаянно» одинъ пришлый простодушный мужичокъ съ какимъ-то оборотливымъ столичнымъ выжигой, съ мѣщанскимъ обличьемъ.

— Такъ и такъ, — разсказываетъ мужичокъ, — мѣста ищу, да найти никакъ не удается...

Выжига навостриваетъ уши, говоритъ, что мѣсто найти можно, но за это нужно заплатить. Мужичокъ не прочь и заплатить: деньги у него есть. Слово за слово, уговорились, что мужичокъ получитъ мѣсто на конно-желѣзной дорогѣ чрезъ ея агента, съ которымъ выжига берется его свести. Свиданіе состоялось въ трактирчикѣ: товарищъ мнимаго коммиссіонера съ успѣхомъ разыгралъ роль велемощнаго агента, раздавателя хорошихъ «мѣстовъ». «Обошли» мужичка кругомъ! По «приказанію» сводчика, далъ онъ фальшивому агенту взятку, сто рублей, а тотъ снабдилъ его адресомъ и «приказалъ» ждать извѣщенія объ опредѣленіи его на службу. Ждетъ мужичекъ день, другой, третій, — желанное извѣщеніе не приходитъ. Сомнѣніе его взяло: пошелъ онъ справляться въ конножелѣзную контору, гдѣ и убѣдился вполнѣ, что сталъ жертвой подлѣйшаго обмана.

Мы разсказали случай, одинъ изъ многихъ, для характеристики этой весьма распространенной формы мошенничества, практикуемой главнымъ образомъ надъ наивными и довѣрчивыми сынами деревни, являющимися въ Петербургъ на заработки. Съ болѣе цивилизованными и изощренными опытомъ искателями занятій, та-же форма мошенничества нѣсколько усложняется, и самые хищники здѣсь — уже артисты высшей школы, оперирующіе главнымъ образомъ около залоговъ своихъ кліентовъ.

Въ Петербургѣ очень многія частныя службы обусловлены внесеніемъ залоговъ отъ поступающихъ на нихъ. Сплошь и рядомъ въ газетныхъ объявленіяхъ публикуется, что такіе-то бухгалтеры, конторщики, управители домовъ, продавцы-прикащики и проч. ищутъ мѣстъ и предлагаютъ за себя въ такой-то суммѣ залоги. Рядомъ, тутъ-же, идутъ объявленія, вызывающія желающихъ получить мѣста, но не иначе, какъ съ представленіемъ залоговъ. Эти-то залоги, скопленные, по большей части, изъ трудовыхъ грошей, вводятъ въ великое заблужденіе петербургскихъ аферистовъ и «червонныхъ валетовъ»! Операція обдѣлывается очень просто и иногда en masse, въ обширныхъ размѣрахъ. Не разъ были изобличаемы серьезныя попытки система-

тически организовать этотъ дневной грабежъ на коммерческихъ началахъ, при участіи цѣлой мошеннической компаніи.

Лѣтъ пять тому назадъ, такая компанія, имѣвшая во главѣ нѣсколькихъ блистательныхъ джентльменовъ, занимавшихъ великолѣпныя жилища и обладавшихъ тайной внушать къ себѣ полное довѣріе, начисто обобрала множество бѣднаго люда по такому рецепту. Она заманивала въ свои чертоги, чрезъ коммиссіонеровъ и по газетнымъ объявленіямъ, искателей службы съ залогами; огорошивала ихъ престижемъ капитала и дѣловитости, являя собою какое-то фантастическое коммерческое учрежденіе—«Муниципальный подрядчикъ», съ милліонными фондами и обширными планами, съ громкими металлическими титулами на дверяхъ, съ печатными бланками фирмы на англійской бумагѣ, словомъ, со всей бутафорской обстановкой большаго серьезнаго предпріятія, разсчитанной на обманъ зрѣнія. Искатели службы благоговѣйно входили въ этотъ благоустроенный разбойничій притонъ, умилялись ласковымъ пріемомъ и тароватыми обѣщаніями, и, осчастливленные принятіемъ на службу «Муниципальнаго подрядчика» (ужь одно это замысловатое названіе кому не вскружило бы голову!), вытаскивали изъ кармановъ трепетными руками свои кровные залоги и довѣрчиво вручали ихъ предпріимчивымъ джентльменамъ. Конечно, долго продѣлывать «Муниципальный подрядчикъ» не могъ свою миссію: обобравъ сколько можно было залогодателей, онъ въ одно прекрасное утро безслѣдно исчезъ со всѣми своими учредителями, агентами и коммиссіонерами... Правду сказать, по существу, немногимъ разнится отъ дѣйствій описаннаго «Муниципальнаго подрядчика» и финансовая дѣятельность инаго полномочнаго акціонернаго банка, управляемаго по рыковской системѣ.

На нехитрой операціи съ залогами служащихъ основываются иногда и настоящія коммерческія фирмы и предпріятія, на которыхъ, въ концѣ концовъ, оправдывается пословица, что недобромъ добытое достояніе въ прокъ нейдетъ. Такимъ образомъ, одинъ аферистъ съ пустымъ карманомъ, на залоги принятыхъ имъ на службу кассировъ и конторщиковъ, сдѣлался основателемъ банкирской конторы, что̀ дало ему счастливую возможность, по нѣкоторомъ времени, объявить себя банкротомъ на двѣсти съ чѣмъ-то тысячъ.

Такой великолѣпный оборотъ будетъ почище, пожалуй, и компанейской карманной выгрузки «Муниципальнаго подрядчика»!

Мы останавливаемся только на крупныхъ, характеристическихъ фактахъ, а потому не приводимъ массы случаевъ однороднаго и мелкаго выуживанія залоговъ вышеописаннымъ способомъ. Перейдемъ къ другому, хотя не особенно часто практикуемому, но весьма интересному виду обмана, опять таки, въ большинствѣ случаевъ, при посредствѣ неизбѣжныхъ коммиссіонеровъ. Въ число разнообразныхъ функцій петербургскаго коммиссіонерства входитъ также и сватовство, — устройство счастливыхъ браковъ. Такимъ-то способомъ нѣкій коммиссіонеръ взялся найти для одного молодаго карьериста-чиновника выгодную партію и вскорѣ свелъ его съ какой-то интересной вдовушкой, выдаваемой за богатую полтавскую помѣщицу. Романъ съ перваго-же шагу пошелъ какъ по маслу, подъ благословеніемъ и руководствомъ коммисіонера. Для убѣжденія молодаго человѣка въ подлинности богатства вдовушки, ему показывались счеты по имѣнію, письма управляющаго и т. под. «документы». Убѣжденный и влюбленный карьеристъ дѣлаетъ предложеніе, получаетъ согласіе и горитъ нетерпѣніемъ сочетаться поскорѣе законнымъ бракомъ. Невѣста готова отвѣчать его страстнымъ желаніямъ, но — вотъ горе: управляющій ея имѣніемъ медлитъ почему-то высылкой доходовъ, а безъ денегъ какъ же изготовиться къ свадьбѣ? Пылкій женихъ спѣшитъ устранить это препятствіе, одолживъ невѣстѣ нѣсколько сотъ рублей, что̀, по замыслу автора этого романа, и «требовалось доказать». Не далѣе, какъ на другой день, и невѣста, оказавшаяся, по справкѣ, бродячей феей Невскаго проспекта, и сватъ-коммиссіонеръ улетучились съ горизонта очарованнаго молодаго человѣка. Въ другихъ случаяхъ подобнаго обмана, обираніе жениховъ, охочихъ до богатыхъ невѣстъ, производится всякими способами до тѣхъ поръ, пока они не потеряютъ наконецъ терпѣнія; тогда невѣста надуетъ губки, свадьба оттягивается со дня на день, а потомъ и окончательно разстраивается подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. Такихъ комедій было разыграно немало за описываемый нами періодъ, причемъ роли богатыхъ невѣстъ исполняли иногда замужнія женщины, случалось, жены самихъ коммиссіонеровъ-сватовъ.

Въ описанныхъ случаяхъ, жертвами являлись женихи, но бы-

ваетъ и такъ, что платятся за свою матримоніальную пассію и невѣсты. Нѣкій ослѣпительный баронъ свелъ знакомство, при посредствѣ коммиссіонера, съ одной хорошенькой и состоятельной дамой, искавшей приличной партіи. Стороны сошлись очень близко и вскорѣ, въ результатѣ этого сближенія, въ шкатулкѣ дамы очутился вексель барона, въ 10 т. руб., данный «въ обезпеченіе обѣщанія жениться» по востребованію. Не смотря, однако, на это «обезпеченіе», баронъ сталъ охладѣвать, и въ одинъ прекрасный вечеръ, объявивъ дамѣ, что онъ женится на другой, просилъ возвратить ему вексель. Вексель былъ возвращенъ, да еще, по наущенію барона, съ бланкомъ дамы, въ исполненіе якобы нотаріальныхъ правилъ, для удостовѣренія, что деньги по немъ уплачены... Каковъ-же, можете судить, былъ сюрпризъ для легковѣрной и несвѣдущей въ вексельномъ правѣ дамы, когда, спустя немного, съ нея формальнымъ образомъ послѣдовало взысканіе 10 т. по фатальному векселю!?

Встрѣчаются негодяи, которые не только оберутъ и опозорятъ довѣрившуюся имъ женщину, но еще и нагло насмѣются надъ ней. Въ хроникѣ мироваго суда находимъ такую сцену, не единственную въ своемъ родѣ. Предъ лицо судьи выходятъ: смущенная въ слезахъ, истица—молоденькая горничная въ интересномъ положеніи и—отвѣтчикъ—«генеральскій человѣкъ», т. е., лакей, франтъ съ наглой миной неуязвимаго сердцеѣда. Прикинувшись влюбленнымъ женихомъ, онъ соблазнилъ бѣдняжку, выманилъ у нея всѣ сбереженія, что-то около ста рублей, а потомъ, когда она стала требовать исполненія обѣщанія жениться, объявилъ, что онъ женатъ, и отказался возвратить деньги. Онъ отказывается возвратить ихъ и теперь на судѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что его жертва «сама-де баловала», вѣшалась на шею и дарила деньги ему «за любовь»... Для вящей защиты этого ливрейнаго Альфонса, выскакиваетъ «изъ публики» его жена и начинаетъ убѣждать судью въ невиновности ея мужа.

— Въ него уже ихъ штукъ восемь влюблялось,—съ гордостью хвастаетъ она, — и у всѣхъ онъ деньги забиралъ... Отчего-же не брать, коли сами одолжаютъ? Ништо имъ, дурамъ!

Удивительная рацея эта до того ошеломила судью, что онъ только и нашелся крикнуть во все горло: «Вонъ!»

Обращаемся къ мошенническому маклерству по кредитной части, нерѣдко являющемуся широко организованной системой, утилизируемой цѣлою шайкой ловкихъ мошенниковъ. Коммиссіонеры, участвующіе въ этой организаціи, играютъ роль ищеекъ и посредниковъ. Они отыскиваютъ,—по газетнымъ объявленіямъ и чрезъ знакомыхъ, — состоятельныхъ людей, желающихъ на время призанять деньжонокъ подъ тѣ или другія обезпеченія. Годятся для ихъ обработки и такіе господа, которые, прогорая, нуждаются въ деньгахъ до-зарѣзу, очень сговорчивы и готовы на всякія условія, лишь-бы добыть какъ-нибудь копѣйку. Это—всего чаще кутящіе и разоряющіеся представители блестящей «золотой молодежи», которая вообще доставляетъ изъ своей среды наибольшій контингентъ жертвъ для ростовщиковъ, дисконтёровъ и коммиссіонеровъ, орудующихъ займами.

Доставать деньги въ долгъ — задача трудная, поэтому, для нуждающагося въ нихъ, коммиссіонеръ, явившійся съ предложеніемъ своихъ услугъ,—дорогой гость, благодѣтель. По весьма понятнымъ побужденіямъ, человѣкъ въ подобномъ затруднительномъ положеніи, ища спасенія, становится очень довѣрчивымъ, до ослѣпленія. На этомъ-то психическомъ состояніи жертвы и вертится главнымъ образомъ мошенническая ея обработка. Коммиссіонеръ приноситъ радостную вѣсть, что онъ можетъ достать деньги на такихъ-то условіяхъ, которыя, конечно, охотно принимаются. Съ этого начинается комедія, мастерски, по обыкновенію, разыгрываемая всей шайкой. Роли въ ней распредѣлены такимъ образомъ: одни дѣйствующія лица изображаютъ коммиссіонеровъ, другіе — капиталистовъ, третьи—ихъ управителей и повѣренныхъ, четвертые—поручителей и бланконадписателей... Для каждой роли — сообразная декоративная и бутафорская обстановка. Мнимый капиталистъ или капиталистка—личности полированныя, съ великосвѣтской выправкой, съ апломбомъ барства и аристократизма—являются хозяевами богатыхъ, роскошно убранныхъ жилищъ, въ престижѣ завиднаго капитала. Повѣренные ихъ—скромные, строгаго вида дѣльцы, проницательные и осторожные Улиссы неподкупной честности — по внѣшности, заслуженные чиновники или вообще люди благородные, изъ категоріи тѣхъ примѣрныхъ служакъ, что̀ вѣчно ходятъ пѣшкомъ въ стоптанныхъ калошахъ и носятъ потертыя шинельки съ

собачьими воротниками, да вдругъ, смотришь, и благопріобрѣтутъ на имя жены домикъ тысячъ въ триста. Попавшая въ передѣлку жертва, видя себя въ обществѣ такихъ почтенныхъ людей, окончательно утрачиваетъ чувство самосохраненія, до тѣхъ поръ, пока ее не обчистятъ.

Обчистка производится различными способами, смотря по обстоятельствамъ. Вотъ главные изъ этихъ способовъ, какъ указываетъ классификація находящихся у насъ матеріаловъ: коммиссіонеръ, познакомивъ жертву съ капиталистомъ для нагляднаго удостовѣренія въ его существованіи, передаетъ ее съ рукъ на руки повѣренному сего послѣдняго. Мнимый повѣренный начинаетъ ломаться, выказывая недовѣріе, и неощутительно даетъ понять кліенту, что онъ готовъ согласить своего довѣрителя-капиталиста на заемъ денегъ подъ условіемъ взятки. Взятка, конечно, дается; въ то же время коммиссіонеръ получаетъ свой гонораръ и затѣмъ немедленно занавѣсъ падаетъ: вся шайка проваливается какъ-бы сквозь землю, и несчастный мечтатель только тутъ убѣждается, что его безсовѣстно одурачили. По этому способу было, между прочимъ, обобрано, и на довольно значительныя суммы, нѣсколько заѣзжихъ помѣщиковъ, искавшихъ денегъ подъ вторыя закладныя на свои оскудѣвшія имѣнія. Бываютъ тутъ и варіанты.

Какъ-то разъ одинъ алчный до наживы домовладѣлецъ поручилъ коммиссіонеру обманнымъ образомъ продать свой участокъ земли на Петербургской сторонѣ вдвое противъ его стоимости, при посредствѣ подкупа архитектора. Коммиссіонеръ вскорѣ нашелъ искомаго покупателя, вполнѣ довѣрившагося архитектору и, съ его словъ, согласившагося дать требуемую сумму. Сдѣлка была заключена, съ условіемъ, что архитекторъ получитъ взятку въ 3 т. руб., каковую домовладѣлецъ съ удовольствіемъ выплатилъ, когда запродажа была совершена и покупатель внесъ задатокъ въ тысячу руб. Одновременно и коммиссіонеръ получилъ свой гонораръ, а черезъ нѣсколько дней домовладѣлецъ съ грустью убѣдился, что онъ имѣлъ дѣло съ шайкой мошенниковъ, очень ловко сыгравшихъ роли коммиссіонера, архитектора и ротозѣя-покупателя, и дружно обработавшихъ свою жертву. Иногда въ мошенничествѣ этого сорта дѣйствуетъ одинъ лишь коммиссіонеръ и ограничивается только тѣмъ, что сорветъ

съ довѣрчиваго кліента малую толику, въ счетъ якобы коммиссіоннаго гонорара, и скроется.

Другой изъ описываемыхъ способовъ, весьма часто повторявшійся въ послѣднее время, состоитъ въ заключеніи фиктивныхъ займовъ по векселямъ. Вамъ, напр., нужды деньги, но у васъ нѣтъ ни кредита, ни обезпеченія. Является коммиссіонеръ и берется устроить вамъ кредитъ въ томъ или другомъ банкѣ. Происходитъ та-же комедія, съ тою-же обстановкой и съ тѣми-же ролями. Вы пишете вексель, на которомъ мнимый капиталистъ согласенъ поставить свой поручительскій бланкъ; но въ рѣшительный моментъ комедіи онъ заявляетъ, что поручительство его стоитъ столько-то на наличныя деньги. Вы вносите требуемый гонораръ, а заемъ, о которомъ вы мечтали, само собой разумѣется, остается несбывшейся мечтой, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Послѣдній способъ пускался въ ходъ главнымъ образомъ противъ людей, сильно задолжавшихъ, и дѣла которыхъ висятъ, какъ говорится, на волоскѣ. Коммиссіонеры шайки сами наводили справки въ банкахъ о такого сорта кандидатахъ въ банкроты, нуждающихся въ кредитѣ для оправданія своихъ просроченныхъ векселей, и сами являлись къ нимъ, въ видѣ спасителей, съ предложеніемъ своихъ услугъ. Третій способъ заключается въ фабрикаціи подложныхъ векселей руками самихъ жертвъ мошеннической эксплуатаціи, вслѣдствіе чего онѣ дѣлаются прямыми участниками преступленія. Способъ этотъ практикуется преимущественно съ запутавшимися свѣтскими людьми— сынками богатыхъ и знатныхъ родителей, доведенными осадой кредиторовъ до того положенія, въ которомъ они, по выраженію одного изъ нихъ, готовы, ради временнаго избавленія отъ нужды, подмахнуть даже смертный приговоръ себѣ.

Описываемый, по истинѣ, адскій способъ носитъ всѣ признаки грабежа, основанъ на нагломъ шантажѣ и заключается въ слѣдующемъ. Замотавшагося представителя jeunesse dorée, въ его лихорадочныхъ поискахъ за деньгами, встрѣчаютъ особые, хорошо изучившіе данную среду, коммиссіонеры, которые сводятъ его съ такъ называемыми дисконтерами—самымъ алчнымъ и грабительскимъ видомъ ростовщика. Есть особые дисконтеры, которые исключительно оперируютъ около раззоряющейся свѣтской молодежи, при посредствѣ

коммиссіонеровъ, состоящихъ съ ними въ компаніи, а еще чаще находящихся у нихъ въ кабалѣ.

Дѣло въ томъ, что въ роль коммисссіонеровъ этого сорта нерѣдко попадаютъ, болѣе или менѣе вынужденно, уже окончательно раззорившіеся, захудалые и оскандализованные представители той-же гулящей свѣтской молодежи. Обыкновенно дисконтеръ, имѣя въ своей шкатулкѣ денежныя обязательства этихъ прогорѣвшихъ фатовъ, держитъ ихъ въ постоянномъ страхѣ взысканія, подчиняетъ ихъ своей волѣ и заставляетъ на себя работать въ роли коммиссіонеровъ-сводней, къ чему они бываютъ наиболѣе способны по своимъ старымъ связямъ съ золотой молодежью, по умѣнью обращаться съ нею и по компетентности своихъ свѣдѣній о матеріальномъ и общественномъ положеніи каждаго изъ ея представителей. Когда сводничество сдѣлано, дисконтеръ, самъ-ли, или чрезъ своего factotum'а напрямикъ объявляетъ жертвѣ, что онъ согласенъ дать деньги, но не иначе, какъ подъ вексель съ бланками на немъ—или родителей должника, а не то какого нибудь знатнаго состоятельнаго лица. Разумѣется, въ большинствѣ случаевъ такое требованіе оказывается невыполнимымъ, что заранѣе извѣстно и самому дисконтеру. Тогда, болѣе или менѣе деликатно, векселедателю дается понять, что сдѣлка можетъ состояться, если онъ собственноручно совершитъ на векселѣ маленькій подлогъ: либо напишетъ его отъ имени отца, матери или сторонняго лица, либо подмахнетъ ихъ бланки на немъ. Молодые кутилы, готовые изъ за денегъ подписывать хотя-бы смертные себѣ приговоры, легко даютъ уговорить себя на такое нехитрое «сочинительство», въ томъ разсчетѣ, что родители, напр., не захотятъ-же обличать ихъ въ подлогѣ и сажать на скамью подсудимыхъ. На этомъ-же шантажническомъ разсчетѣ основываютъ свою операцію и дисконтеры, тѣмъ болѣе, что фальшивый вексель въ ихъ рукахъ является страшнымъ орудіемъ противъ самого векселедателя и даетъ возможность всячески его жать, опутывать и эксплуатировать, подъ ежеминутнымъ страхомъ изобличенія въ подлогѣ. Нечего и говорить, что въ подобныхъ сдѣлкахъ дисконтеры обусловливаютъ себѣ огромную, чисто грабительскую выгоду. Векселя пишутся обыкновенно на сумму въ нѣсколько разъ, даже въ нѣсколько десятковъ разъ, свыше дѣйствительно данной въ заемъ суммы. Затѣмъ, когда срокъ векселя ис-

текаетъ и должникъ оказывается неисправнымъ, съ него берутъ, за отсрочку, въ такую-же нерѣдко сумму, другіе, уже совершенно безденежные векселя.

Такимъ образомъ, у одного блестящаго гвардейскаго офицера одна дисконтерша за неплатежъ по подложному векселю на 6,000 руб., изъ которыхъ ему досталось нѣсколько сотъ рублей, взяла еще два безденежныхъ и также подложныхъ векселя въ 20,000 рублей. Другой, въ конецъ замотавшійся, бывшій штабсъ-капитанъ гвардіи, оказавшійся несостоятельнымъ должникомъ на сумму въ 960,000 рублей, чистосердечно признался на судѣ, что на самомъ дѣлѣ онъ взялъ у своихъ кредиторовъ-дисконтеровъ не болѣе 10,000 руб. Извѣстенъ намъ также одинъ почтенный, съ громкимъ именемъ генералъ, который, избавляя своего юнаго сына, кавалергардскаго корнета, отъ сѣтей дисконтеровъ, платилъ имъ, по собственному его показанію на судѣ, отъ десяти до пятнадцати процентовъ номинальной суммы за сыновніе векселя, и дисконтеры считали себя вполнѣ удовлетворенными.

Указанная нами здѣсь криминальная форма кредита вошла въ систему и, какъ свидѣтельствуетъ судебная хроника, находитъ себѣ благодарную почву въ рядахъ столичныхъ проматывающихся бонвивановъ, хотя и не всегда успѣшно. Одинъ посѣдѣлый въ грабительской лихвѣ дисконтеръ, имѣвшій дѣло съ свѣтской молодежью, прямо и откровенно признавался своимъ кліентамъ, что «въ наше время, когда»... имъ не стоитъ давать деньги подъ настоящіе векселя, хотя-бы двойные или тройные, а можно давать развѣ подъ одни фальшивые, писанные ими-же подъ руку «papa», «maman», «дяденекъ» и «тетенекъ» или же «добрыхъ знакомыхъ» съ отвѣтственнымъ именемъ. Этотъ безпардонный мошенникъ и лихоимецъ долженъ былъ, вѣроятно, впослѣдствіи убѣдиться, что въ наше время, когда у именитыхъ, но пооскудѣвшихъ «папенекъ» денежка узнала счетъ и когда родовая амбиція и родственныя узы значительно поослабли, фальшивые векселя начинающихъ карьеру «сынковъ» тоже не всегда стоютъ чего нибудь, не смотря на всю ихъ шантажническую злокозненность, угрожающую чести фамиліи. Передъ нами лежитъ цѣлая куча процессовъ о подложныхъ векселяхъ описанной фабрикаціи, возбужденныхъ вслѣдствіе несбывшихся ожиданій дисконтеровъ и ихъ вольныхъ или невольныхъ сообщниковъ-жертвъ.

разсчитывавшихъ на сговорчивость родителей и друзей послѣднихъ, ради избѣжанія скандала и позора для фамиліи и сословія.

И какія все громкія имена, какія элегантныя, блестящія фигуры проходятъ передъ нашими глазами! Вотъ князь изъ потомковъ Рюрика, съ славнымъ именемъ,—авторъ цѣлой серіи подложныхъ векселей, жертва дурнаго воспитанія, легкомыслія и порока, за что и вынужденъ былъ, по лишеніи своего титула и всѣхъ правъ, отправиться путешествовать въ мѣста отдаленныя. Вотъ прекрасная 26-ти лѣтняя графиня, «въ минуту жизни трудную», за сто рублей подмахиваетъ вексель въ тысячу отъ имени своего друга-капиталиста, подъ диктовку еврея-коммиссіонера, работающаго на хищнаго дисконтера. Вотъ спившійся съ кругу и опустившійся свѣтскій левъ, сынъ знатнаго и богатаго родителя, направо и налѣво раздаетъ съ пьяныхъ глазъ окружающимъ его хищникамъ векселя, съ подложными бланками родителя, не зная имъ счета и часто не получая за нихъ ни копѣйки. Далѣе выступаетъ цѣлое «сообщество» молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ самыхъ аристократическихъ полковъ, добывавшихъ деньги на поддержаніе своего блистательнаго престижа, на «француженокъ» и рысаковъ, на карты и кутежи, посредствомъ товарищеской, на взаимной порукѣ основанной, поддѣлкѣ на своихъ векселяхъ подписей родственниковъ и пріятелей, и оправдывавшихся потомъ на судѣ тѣмъ, что они, «служа въ полкахъ, гдѣ офицеры—люди богатые и ведутъ роскошную жизнь, вынуждены были вести такую-же жизнь и, не имѣя для того средствъ, дѣлать долги, сходиться съ ростовщиками и подчиняться ихъ жидовскимъ требованіямъ»... Вотъ почти мальчикъ, 18-ти лѣтній лицеистъ—сынъ богача-банкира, вслѣдствіе «безхарактерности и разсѣянной жизни» успѣвшій такъ замотаться, что родитель вынужденъ былъ «пропечатать» о немъ въ газетахъ въ томъ смыслѣ, что отказывается платить его долги. Между тѣмъ, у юноши была зазноба—очаровательная, пользовавщаяся въ свое время громкой извѣстностью, камелія «Катя Чижикъ». «Катя» давала балъ; для ея юнаго поклонника, какъ онъ разсказывалъ потомъ на судѣ, «быть или не быть на этомъ балѣ было вопросомъ жизни или смерти». Для благополучнаго разрѣшенія этого роковаго вопроса нужны были деньги, а для пріобрѣтенія ихъ—ничего не оставалось, какъ обратиться къ коммиссіонеру, составившему себѣ лестную репутацію,

что онъ «запутываетъ молодыхъ людей». И точно: коммиссіонеръ свезъ пылкаго молодаго человѣка къ дисконтеру, гдѣ въ одинъ сеансъ совершилось «запутываніе» по всей формѣ. Юноша далъ вексель отъ имени отца въ 8 т. за 700 руб., а потомъ, когда истекъ срокъ, еще другой «маленькій» въ 2 т. руб., также подложный, и совсѣмъ уже безденежный, въ видѣ награды за отсрочку въ десять дней... Такимъ образомъ, «вопросъ жизни или смерти» разрѣшился удачно: нашъ несовершеннолѣтній Гамлетикъ попалъ на балъ къ «Катѣ», гдѣ расшвырялъ и прокутилъ почти всю ссуду, а вслѣдъ затѣмъ, чуть не прямо съ бала, отправился на скамью подсудимыхъ, такъ какъ родители «не захотѣли вѣрить, чтобы ихъ сынъ могъ составлять подложные векселя».

Все это—въ большей или меньшей степени заслуживающіе снисхожденія молодые повѣсы, дошедшіе до преступленія вслѣдствіе легкомыслія, «безхарактерности и разсѣянной жизни», но попадаются въ этой блестящей, съ виду, средѣ и самостоятельные, травленые мошенники, фабрикующіе всякаго рода подложные документы, не обращаясь за уроками къ дисконтерамъ, а еще иногда и этихъ профессоровъ научая уму-разуму. Мы говоримъ о крупныхъ, вполнѣ сформировавшихся «червонныхъ валетахъ» хорошаго тона, виднаго общественнаго положенія и благороднаго, нерѣдко аристократическаго происхожденія. Немало такихъ прошло передъ нашими глазами за обозрѣваемый періодъ и многіе изъ нихъ неизгладимо запечатлѣли свои славныя имена въ лѣтописяхъ нашего суда!

Вотъ наиболѣе видные изъ нихъ и, по размѣру хищеній, произведенныхъ съ помощью подлоговъ, наиболѣе незабвенные:— братья Мясниковы, представители откупщицкой и золотопромышленной аристократіи, обвинявшіеся въ подлогѣ духовнаго завѣщанія и иныхъ, сопряженныхъ съ этимъ рискованнымъ актомъ, преступныхъ дѣяніяхъ; бывшій блестящій присяжный повѣренный, свѣтскій щеголь и талантливый дѣлецъ Бильбасовъ, судившійся за цѣлую серію подлоговъ и мошенничествъ; семейство Зарудныхъ и извѣстный, хотя и не съ очень лестной стороны, «литераторъ» и издатель Илья Арсеньевъ, многократно засѣдавшіе на скамьѣ подсудимыхъ по взаимнымъ обвиненіямъ, подкрѣпленнымъ цѣлой серіей исковъ со стороны обманутыхъ ими простаковъ; генеральша Хомутова и ея

интимный factotum Боргезани, обманомъ выманившіе, якобы на храненіе, у одной простодушной россіянки нѣсколько десятковъ тысячъ рублей; князь Долгоруковъ, графъ Апраксинъ, князь Вяземскій, графиня Менгденъ, баронесса Розенъ (пресловутая игуменья—мать Митрофанія) и иные представители родовой знати, изобличенные и осужденные за разнообразныя дѣянія, называемыя обманомъ, подлогомъ и мошенничествомъ; знаменитые въ своемъ родѣ самозванцы— шушинскій мѣщанинъ, «именовавшійся княземъ Гокчайскимъ», и кантонистъ Линевъ, присвоившій себѣ разные громкіе титулы, званія, мундиры и ордена: первый—«восточный человѣкъ», армянинъ; второй—еврей, выкрестъ, съумѣвшій изъ принятія православія сдѣлать весьма прибыльный гешефтъ и втереться въ милость къ одной видной и знатной барынѣ,—оба достойные соперники по массѣ произведенныхъ ими остроумныхъ надувательствъ и плутней (Линевъ, напр., даже съ полицейскихъ чиновъ бралъ дань, мастерски улавливая ихъ въ свои мошенническія сѣти); прелестная юная вдовушка Сѣдкова и нотаріусъ Лысенковъ съ компаніей, дружно сфабриковавшіе подложное духовное завѣщаніе умершаго мужа Сѣдковой, для чего находчивая вдовушка выдавала уже бездыханный трупъ милаго супруга за живаго человѣка и прикладывала ему ко лбу компрессы; шустрый еврейчикъ Ковнеръ, «талантливый» сотрудникъ «Голоса», необыкновенно талантливо поддѣлавшій ордеръ учетно-ссуднаго банка на 168 т. руб. и преблагополучно стянувшій эту сумму при посредствѣ родственника; очаровательная свѣтская сирена Гулакъ-Артемовская, обыгравшая въ дурачки своего нѣжнаго поклонника на десятки тысячъ, а потомъ, по мѣрѣ разроставшагося въ ней хищническаго аппетита, расширившая свои финансовыя операціи фабрикаціей фальшивыхъ векселей и иныхъ «цѣнныхъ» документовъ; юный прапорщикъ Панинъ, аристократическаго рода и воспитанія, смастерившій, съ помощью цѣлой свиты мошенниковъ, духовное завѣщаніе отъ имени вдовы тайнаго совѣтника Жадовской, на сумму въ 1.700,000 руб.

Мы здѣсь упомянули только о наиболѣе памятныхъ, притомъ однородныхъ дѣлахъ и ихъ герояхъ, блистательное общество которыхъ значительно пополняется производителями растратъ государственныхъ и общественныхъ капиталовъ. Дѣятели послѣдней категоріи являются, такъ сказать, «премьерами» на театрѣ хищенія,

и по своему видному общественному положенію и по размѣру совершенныхъ ими «присвоеній» и растратъ. Впрочемъ, тутъ встрѣчаются преступники всѣхъ положеній, вѣдомствъ, профессій и всякаго масштаба — отъ мелкихъ расточителей до милліонныхъ хапугъ, какъ бы задавшихся мыслью, оправдать свидѣтельство поэта-сатирика, что нашему времени довлѣютъ—

Кражи, такъ ужь кражи чуть не милліардами!

Ограничимся бѣглымъ обзоромъ растратъ казеннаго и общественнаго достоянія,—и то наиболѣе характеристическихъ и крупныхъ.

Какъ извѣстно, посягательство на казенный и общественный рубль искони было въ нашихъ нравахъ, а въ послѣднее время сдѣлалось какъ-бы эпидемической болѣзнью вѣка. Не смотря на многочисленность всякихъ коллегій и на массу всякихъ средствъ, предназначенныхъ охранять помянутый рубль,—ничто, кажется, менѣе не обезпечено у насъ отъ хищенія и ничто, на самомъ дѣлѣ, такъ безгранично не расхищается. Объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что очень часто хищники находятъ прямыхъ или косвенныхъ пособниковъ въ средѣ самихъ коллегій.

Было обращено вниманіе на то, что въ извѣстныхъ случаяхъ огромныхъ кражъ—деньги большею частію куда-то безслѣдно исчезали и сами воры оставались безъ гроша. Секретъ тутъ заключался вотъ въ чемъ. Безусловно выполнить воровство одному невозможно; слѣдовательно, часть денегъ идетъ тѣмъ презрѣннымъ піявкамъ, которыя помогаютъ главному герою кражи облегчать чужіе сундуки; часть идетъ прихлебателямъ, которые вьются около капиталиста, не спрашивая откуда у него деньги; остальное идетъ на пиры, банкеты, картежную игру, да на милыхъ, но погибшихъ созданій.

Такъ именно растратили украденные милліоны, напр., Бритневъ, Юханцевъ и др.

Въ самомъ дѣлѣ, мыслимо-ли было-бы Юханцеву совершить свою колоссальную растрату, еслибы онъ не встрѣчалъ поблажки, частью преднамѣренной, частью происходившей отъ халатности и «простоты» (которая, по пословицѣ, хуже воровства) охранителей общественнаго достоянія?—Вѣдь, онъ на виду у всего города, съ кичливостью и помпой, совершалъ безумныя траты въ то время,

какъ было извѣстно, что у него, кромѣ жалованья, нѣтъ состоянія! Напомнимъ одинъ эпизодъ изъ гомерическихъ дѣяній этого знаменитѣйшаго и рельефнѣйшаго представителя обозрѣваемой нами здѣсь группы хищниковъ.

Въ 1874 г. въ Петербургъ пріѣхала извѣстная, скандалезной славы, всесвѣтная авантюристка баронесса Каула—элегантная въ то время красавица съ рыжими волосами. Она обратила на себя сразу общее вниманіе и ея благосклонности стали искать всѣ петербургскіе галантерейные львы, а въ ихъ числѣ и Юханцевъ. Онъ тогда блисталъ, какъ краса и гордость «золотой молодежи», ослѣпляя своимъ камеръ-юнкерскимъ мундиромъ и сарданапальскими пиршествами, на счетъ средствъ «общества взаимнаго поземельнаго кредита».

Юханцевъ, падкій до женщинъ, познакомился съ баронессою Каула, которая, узнавъ о тратахъ бывшаго камеръ-юнкера, недолго думая, сдѣлала съ него починъ пѣнкоснимательства и начала свою карьеру первоклассной петербургской кокотки. Связь Юханцева съ баронессою предолжалась около года. Всѣ завидовали Юханцеву. Въ теченіе этого короткаго времени баронесса-куртизанка обошлась Юханцеву.....то бишь—«обществу вз. поз. кр». въ триста тысячъ рублей! Въ сущности пустяки въ сравненіи съ $2^1/_2$ милліонами!

Юханцевъ, влюбившись по уши въ ловкую авантюристку, сразу окружилъ ее княжеской роскошью. Въ одномъ «англійскомъ магазинѣ» было куплено для нея брилліантовъ на 120,000 рублей. Любовница нынѣшняго красноярскаго ссыльнаго тратила по пяти и болѣе тысячъ рублей въ мѣсяцъ. Юханцевъ, имѣвъ хорошія связи, привлекалъ въ гостинную своей дорогой дамы сердца вліятельныхъ особъ высшаго общества, между которыми были также и нѣкоторые сѣдовласые титулованные директоры «общества вз. кредита» Всѣ эти сановные сластолюбцы были очарованы радушіемъ хозяина, прельщены его роскошнымъ гостепріимствомъ, таяли и млѣли передъ красотою баронессы Каула, завидовали подчиненному имъ кассиру и—неужели ни одному изъ нихъ не закралось въ голову сомнѣніе объ источникахъ сего послѣдняго?

Но въ особенности рельефно проступило потворство правленій въ совершившихся за обозрѣваемый періодъ расхищеніяхъ «С.-петербургскаго общества взаимнаго кредита», кронштадтскаго городскаго

банка, петербургскаго городскаго кредитнаго общества и пр. Какъ извѣстно, въ этихъ случаяхъ правленія попали подъ судъ.

Во всѣхъ этихъ и иныхъ аналогичныхъ случаяхъ растрата совершалась по одному и тому-же въ основныхъ чертахъ способу. Кассиръ, пользуясь довѣріемъ, ротозѣеватостью и лѣнью директоровъ, начиналъ помаленьку таскать находящіяся въ его распоряженіи деньги и цѣнныя бумаги. Во всякомъ дѣлѣ труденъ первый шагъ. Такъ и здѣсь: искусившись хищеніемъ разъ, согрѣшившій кассиръ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все большую развязность и рѣшительность. Растрата росла, а наконецъ совершающій ее терялъ въ ней счетъ и неощутительно доходилъ до милліоновъ по мѣрѣ того, какъ видѣлъ, что возврата нѣтъ и заполнить уронъ въ кассѣ онъ уже не можетъ. О чемъ-же задумываться? — «Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ!»

Само собою разумѣется, что растраты этого рода непремѣнно сопровождались подлогами и обманами, въ видахъ сокрытія преступленія возможно подолѣе. Для этой-же цѣли, хищники-кассиры накладывали руки на такіе капиталы, которые въ кассѣ лежатъ либо на храненіи, либо составляютъ ея фонды и запасы, слѣдовательно, рѣдко спрашиваются и повѣряются. Всего лакомѣе въ этомъ случаѣ вклады, какими и пользовались преимущественно Юханцевъ, Бритневъ, Ниша и др. Вклады и фонды таяли отъ прикосновенія ихъ проворныхъ рукъ неощутительно на поверхностный взглядъ довѣрчивыхъ контролеровъ и ревизоровъ. Пачки и пакеты съ цѣнными бумагами сохраняли внѣшній видъ неприкосновенности, что достигалось довольно незамысловатой механикой: — замѣной цѣнностей простой бумагой, взломомъ печатей и ихъ возстановленіемъ, послѣ опустошенія пакетовъ, отрѣзываніемъ купоновъ, и т. д. Пускались въ ходъ также фальшивые ордеры для полученія денегъ изъ запасовъ обкрадываемаго учрежденія, хранившихся въ государственномъ банкѣ. Кассовая отчетность составлялась обманнымъ образомъ, изображала все въ благополучномъ состояніи и блистала достовѣрными цифрами, маскировавшими мерзость запустѣнія... И этотъ бухгалтерскій миражъ иногда по цѣлымъ годамъ ослѣплялъ правленія и ревизоровъ!

Не взирая на громоздкую сложность счетной и канцелярской процедуры учрежденій, ворочающихъ капиталами, были случаи ихъ обмана и обкрадыванія совершенно безхитростнымъ способомъ не

только «домашними», но и сторонними ворами. Такъ, нѣкто Войцеховскій въ 1876 г. умудрился получить по подложному отношенію правленія поти-тифлиской желѣзной дороги 55 т. руб. изъ петербургскаго международнаго комерческаго банка. Его поймали и — вотъ что показалъ онъ на слѣдствіи:

— Когда я, — говорилъ онъ чистосердечно, — служилъ въ правленіи поти-тифлиской желѣзной дороги, мнѣ нерѣдко приходилось переписывать отношенія правленія въ международный комерческій банкъ о выдачѣ денегъ, за полученіемъ которыхъ отправлялся обыкновенно кассиръ правленія; мнѣ также было извѣстно, что правленію поти-тифлиской желѣзной дороги былъ открытъ банкомъ неограниченный кредитъ. 14-го іюня я дѣйствительно, получилъ 20,000 рублей, предъявивъ отношеніе, составленное отъ имени правленія поти-тифлиской желѣзной дороги; въ этомъ отношеніи я назвалъ себя дѣлопроизводителемъ правленія дороги, Гумовскимъ, и, получивъ деньги, росписался тою же фамиліей.

Ранѣе этого, именно въ мартѣ и апрѣлѣ 1876 года, Войцеховскій также являлся въ банкъ съ подобными же отношеніями и получилъ, называясь дѣлопроизводителемъ правленія дороги Гумовскимъ, сначала 15,000 р., а потомъ 20,000 р. Всѣ эти отношенія и находившіяся на нихъ подписи служащихъ въ означенномъ правленіи были составлены и сдѣланы имъ; бланки отношеній и печать правленія были имъ выкрадены ранѣе, чего никто не замѣтилъ. Неосторожность международнаго банка была въ этомъ случаѣ тѣмъ удивительнѣе, что никакого Гумовскаго въ правленіи поти-тифлиской дороги не было и, по существовавшимъ въ немъ порядкамъ, дѣлопроизводитель и не могъ явиться за полученіемъ денегъ.

Также точно, но еще на большую сумму (слишкомъ двѣсти тысячъ), совершилъ похищеніе прославившійся въ свое время Ковнеръ, увѣковѣчившій себя впослѣдствіи душевной перепиской съ Достоевскимъ.

Не лучше, къ сожалѣнію, огражденъ у насъ отъ расхищенія «домашними» ворами и казенный рубль. За данный періодъ было нѣсколько случаевъ растратъ въ петербургскихъ казенныхъ казначействахъ разныхъ вѣдомствъ, въ государственномъ банкѣ, въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и т. д.

Упомянемъ о наиболѣе достопамятныхъ въ этомъ родѣ случаяхъ. Въ началѣ 70-хъ г. была обнаружена растрата слишкомъ на 500 т.

руб. въ департаментѣ герольдіи, въ чемъ обвинялся казначей послѣдняго. Въ 1876 г. судились кассиры петербургскаго губернскаго казначейства за растрату казенныхъ денегъ въ количествѣ около 200 т., посредствомъ выдачи процентовъ по вымышленнымъ выкупнымъ свидѣтельствамъ. Около того-же времени проворовался и казначей петербургскаго сиротскаго суда на 40 т. р., потому между прочимъ, что за его кассовыми операціями «никто не слѣдилъ», какъ обнаружилось на судѣ... Все это, впрочемъ, были мелочи, сравнительно съ тѣмъ грандіознымъ казнокрадствомъ, которое обнаружилось позднѣе, и то—далеко не полно, напр., въ процессѣ о растратѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ особенности же, въ цѣломъ рядѣ позорныхъ дѣлъ объ интендантскихъ хищеніяхъ во время послѣдней русско-турецкой войны, но эти факты хронологически находятся уже внѣ нашей рамки.

За симъ, мы остановимся на томъ, особенно процвѣтающемъ нынѣ, видѣ мошенничества, который пріобрѣлъ не очень давно общее названіе шантажа. Словечко это, взятое съ французскаго, — новенькое у насъ: лѣтъ десять не болѣе, какъ оно вошло въ употребленіе, но зато такъ прочно акклиматизовалось, какъ еслибъ водвореніе его на правахъ гражданства въ русскомъ языкѣ совершилось уже цѣлыя столѣтія. И, можетъ быть, очень немного найдется у насъ взятыхъ изчужа иностранныхъ словъ, смыслъ которыхъ былъ-бы въ такой степени общедоступенъ и популяренъ, какъ смыслъ слова «шантажъ». Впрочемъ, это вполнѣ естественно: самое понятіе, выражаемое этимъ словечкомъ, давно уже было у насъ усвоено, не доставало ему только надлежащаго ярлыка. Подобно мольеровскому мѣщанину, не подозрѣвавшему, что онъ говорилъ всю жизнь прозой, многіе изъ нашихъ героевъ точно также, совершая издавна дѣянія шантажнаго свойства, долго не знали, что они совершаютъ именно шантажъ.

Какъ преступленіе, какъ одно изъ явленій общественной безнравственности, шантажъ, разумѣется, существовалъ у насъ давно, быть можетъ, со временъ Шемяки и даже ранѣе. Въ наши дни онъ только усложнился, болѣе широко развился и обогатился новыми развѣтвленіями, благодаря цивилизаціи и изобрѣтательности человѣческаго генія. По тѣмъ-же причинамъ естественнаго подбора, раздѣленія труда и прогресса, онъ сталъ спеціализироваться по от-

раслямъ. Въ настоящее время процвѣтаютъ у насъ разнообразнѣйшія формы шантажа. Есть шантажъ подъяческій, адвокатскій, полицейскій, есть—литературный, артистическій, комерческій, любовный, товарищескій, и проч. Является онъ подъ разными масками и съ цѣлымъ арсеналомъ предательскаго оружія, направленнаго противъ гражданской чести, противъ добраго имени, противъ личной нравственной репутаціи, противъ семьи, противъ разныхъ учрежденій, общественныхъ положеній, связей и т. д. Въ большинствѣ случаевъ бороться съ нимъ трудно, почти невозможно, не рискуя позоромъ и скандаломъ. Свилъ онъ себѣ гнѣздо очень прочное и далеко распустилъ свою паутину, благодаря, вопервыхъ, отличающей рускихъ интеллигентныхъ людей безхарактерности и трусости. а, во-вторыхъ, присущей имъ-же, въ большинствѣ, порочности и падкости къ легкой, нечистой наживѣ, къ разврату, честолюбію. шарлатанству въ дѣлѣ составленія себѣ извѣстности и славы на разныхъ поприщахъ.

Можно-бы сказать, что сколько существуетъ въ нравахъ современнаго общества грѣховъ (по катехизису, однихъ «смертныхъ» считается семь, но, можетъ быть, при новой редакціи, ихъ оказалось-бы несравненно больше), столько-же изобрѣтено нынѣ и видовъ шантажа, который, подобно шакалу, бродящему по слѣдамъ хищнаго, сильнаго звѣря, чтобы живиться плодами его свирѣпости и кровожадности, ходитъ предательской тѣнью за порочной и преступной волей, настигаетъ ее въ моменты покушеній и зазорныхъ дѣйствій, и требуетъ дѣлежа добычи или куртажа за потворство и молчаніе... Въ этихъ случаяхъ шантажъ страшенъ и неотразимъ; но онъ часто бываетъ не менѣе страшенъ, во всеоружіи облыжныхъ обличеній и обвиненій клеветническаго свойства. Клевета, вѣдь, ужасное оружіе, и—петербургскіе шантажисты разнаго рода отлично знаютъ его цѣну и съ успѣхомъ пускаютъ его въ ходъ при всякой удобной оказіи.

Общіе качественные признаки шантажа заключаются въ корыстномъ вымогательствѣ, подъ угрозой причиненія матеріальнаго или нравственнаго вреда лицу, сдѣлавшемуся жертвой этого адскаго вида мошенничества. Невозможно уловить и сгруппировать всѣ проявленія и всѣ оттѣнки практикуемаго въ Петербургѣ шантажа; по-

пробуемъ намѣтить, по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе и наиболѣе характеристическіе изъ нихъ.

Изъ всѣхъ видовъ шантажа, безъ сомнѣнія, самый древній на Руси и искони распространенный — шантажъ сутяжническій, въ сферѣ юстиціи. Съ учрежденіемъ новаго гласнаго суда и размноженіемъ просвѣщенныхъ «прелюбодѣевъ мысли», онъ только утончился и усовершенствовался. Всякій русскій человѣкъ, тѣмъ болѣе простой, боится суда пуще огня: этимъ, главнымъ образомъ, и пользуются сутяги-шантажисты. Они измышляютъ иски и дѣла, иногда совершенно эфемерные, нелѣпые, которые въ ихъ рукахъ хотя и никогда не могутъ быть выигранными, тѣмъ не менѣе оказываются нерѣдко той благодарной наковальней, на которой рожь обухомъ вымолачивается. Пристаетъ къ вамъ этакій наглый, безпардонный сутяга, уполномоченный довѣрителемъ — такимъ же негодяемъ, какъ онъ самъ, съ угрозой вчинить противъ васъ искъ гражданскій, а не то и уголовный. Вы видите, что искъ дутый и что судъ его, конечно, не признаетъ; но кому же охота тягаться, ходить по судамъ, видѣть свое имя въ судебныхъ отчетахъ, въ печати, оскандализованнымъ, если не опозореннымъ? И вотъ, чтобы избѣжать непріятностей, потерь и скандала, вы, скрѣпя сердце, откупаетесь отъ прилипшей къ вамъ піявицы. Бываютъ и такіе адвокаты-шантажисты, которые успѣваютъ стричь обѣ стороны — и истца и отвѣтчика. Адвокатъ ведетъ дѣло истца и въ тоже время заключаетъ тайную сдѣлку съ отвѣтчикомъ, на условіи: за извѣстный кушъ нарочно проиграть искъ, къ чему адвокатская практика выработала сотни благовиднѣйшихъ предлоговъ и способовъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что сами адвокаты нерѣдко дѣлаются жертвами шантажа, подводимаго ихъ кліентами, оставшимися по чему-нибудь недовольными ими. Въ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ немало возбуждалось дисциплинарныхъ разслѣдованій по жалобамъ на адвокатовъ, оказывавшимся по справкѣ злонамѣренными вымыслами и клеветами.

Въ послѣднее смутное время процвѣлъ и развился еще одинъ видъ шантажа, орудіемъ котораго является ложный доносъ въ политической неблагонадежности. За описываемый нами періодъ немало было процессовъ въ мировомъ судѣ, возбужденныхъ по жалобамъ жертвъ облыжныхъ доносовъ и наушничествъ, пуска-

емыхъ въ ходъ шантажистами изъ мести, изъ корыстныхъ видовъ или изъ платонической дрянной страстишки къ сплетничеству, а не то и изъ «патріотизма», своеобразно понятаго и съ такой задней мыслью, чтобы получить отъ отечества признательность, въ видѣ какихъ-нибудь вещественныхъ знаковъ, имѣющихъ свою цѣну и свою пріятность. Особенно памятенъ изъ этой категоріи шантажистовъ одинъ бездѣльникъ, который, начавъ ухаживать за молодой, одинокой женщиной и не, добившись, какъ выражался Базаровъ, «толку» въ своихъ любострастныхъ исканіяхъ, изъ гнусной мести донесъ на нее, обвиняя въ политической неблагонадежности и, разумѣется, причинилъ ей массу непріятностей.

Вообще, любовное чувство по преимуществу составляетъ наиболѣе благодарную почву для разнообразнаго шантажа. Шантажъ здѣсь является, къ тому-жъ, въ самыхъ отвратительныхъ своихъ формахъ. На первомъ планѣ фигурируетъ тутъ гнуснѣйшее порожденіе нашего развращеннаго времени, которое французы назвали нарицательнымъ именемъ «Альфонсъ». «Альфонсъ» въ Петербургѣ въ настоящее время — явленіе весьма распространенное въ средѣ прогорѣвшихъ свѣтскихъ шалопаевъ, надѣленныхъ отъ природы извѣстными благодарными «статьями», высоко цѣнимыми разными выхоленными Мессалинами, въ обладаніи которыхъ имѣется въ изобиліи презрѣнный металлъ. «Альфонсы», пріобрѣвъ благосклонность этихъ барынь, эксплуатируютъ ихъ нерѣдко, съ помощью шантажа, самымъ безпощаднымъ образомъ. Какъ ни порочна Мессалина этого сорта, но она хочетъ и имѣетъ свои основанія сохранить за собой репутацію порядочной, добродѣтельной женщины. Она принадлежитъ къ строгому въ своемъ формальномъ судѣ «свѣту»; затѣмъ, она — жена человѣка «съ положеніемъ, она — мать... Все это «Альфонсъ» принимаетъ въ соображеніе и дѣлаетъ своей ставкой въ той романической игрѣ, которую ведетъ съ распутной Мессалиной. — «Извольте платить, madame, за скромность этого очаровательнаго молодаго человѣка или»... У «Альфонса» цѣлый арсеналъ орудій для успѣшнаго шантажа и онъ не стѣсняется грозить имъ открыто въ случаѣ несговорчивости своей жертвы. Онъ можетъ открыть глаза рогатому супругу, при посредствѣ анонимнаго письмеца; онъ можетъ опорочить бѣдную Мессалину во мнѣніи ея знакомыхъ; захочетъ почувствительнѣе сразить — устроитъ, съ помощью друзей, сканда-

лёзнѣйшее обличеніе ее на мѣстѣ преступленія въ какомъ-нибудь модномъ ресторанѣ съ уединенными кабинетами; мало этого — онъ «пропечатаетъ» о ея грѣхопаденіи въ газетѣ (водятся у насъ и газеты подобнаго сорта!) съ такими ядовитыми намеками и прозрачными инипіалами, что позоръ несчастной Мессалины сдѣлается достояніемъ всего города и репутацію ея станутъ перемывать сотни праздныхъ, алчныхъ до сплетни языковъ.

Шантажъ, имѣющій своимъ предметомъ эротическое чувство, нерѣдко направляется и на мужчинъ, склонныхъ къ любострастію. Давно извѣстенъ одинъ классическій способъ уловленія жениховъ, практикуемый обыкновенно чадолюбивыми родителями, въ такомъ родѣ, что увлекшагося молодаго человѣка накрываютъ въ горячую минуту его «любовнаго пантомима» съ дѣвственной дщерью, и, подъ страхомъ судебнаго преслѣдованія за соблазнъ и «растлѣніе», понуждаютъ вступить въ законный бракъ. Однородный способъ практикуется въ порочномъ Петербургѣ и нѣкоторыми мужьями женъ-проститутокъ. Эти прошлецы, утратившіе всякое чувство нравственнаго стыда, нарочно и завѣдомо пускаютъ своихъ женъ въ оборотъ и, когда имъ удается заманить какого-нибудь «гостя», накрываютъ его и, разыгрывая роль негодующихъ и оскорбленныхъ въ своихъ чувствахъ и правахъ супруговъ, грозятъ скандаломъ и преслѣдованіемъ по суду за прелюбодѣяніе. Вся эта комедія — шантажъ, имѣющій цѣлью вытянуть отъ жертвы нѣсколько рублей.

Лѣтъ семь тому назадъ былъ обнаруженъ, и едва-ли не впервые доведенъ до суда, одинъ неслыханный прежде видъ шантажа, утилизированный цѣлой шайкой недорослей, въ томъ числѣ отроковъ по возрасту, но, по испорченности, едва-ли не превосходившихъ тѣхъ старыхъ развратниковъ, которые ловились на ихъ удочку. Почвой для этого шантажа служилъ «содомскій» грѣхъ, до котораго, какъ оказывается, среди петербуржцевъ интеллигентнаго класса немало есть охотниковъ. Ихъ-то и эксплуатировала описываемая шайка, которая, по мѣрѣ развитія своей дѣятельности, разлакомившись на ней, стала уже «сочинять» обвиненія въ соучастіи съ нею въ страшномъ грѣхѣ неповинныхъ лицъ, вслѣдствіе чего и угодила, наконецъ, въ полномъ составѣ на скамью подсудимыхъ. На судѣ обнаружилось, что эти юные негодяи съумѣли очень ловко опутать нѣсколькихъ чиновныхъ лицъ и, подъ страхомъ доноса, пугая ихъ

какими-то бланками сыскной полиціи и выдавая себя за ея агентовъ, вытягивали у несчастныхъ десятки рублей; на ихъ счетъ ужинали съ шампанскимъ, дѣлали заказы въ магазинахъ и наконецъ, просто обкрадывали ихъ и грабили. У одного, напр., сняли съ плечъ пальто, у другаго часы... Требованіямъ предпріимчивыхъ юношей не было границъ: они преслѣдовали свои жертвы дома, на улицѣ, въ пассажѣ, даже въ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ тѣ служили. Кончилось тѣмъ, что нѣкоторыя жертвы, не взирая на страхъ отвратительнаго скандала, потеряли наконецъ терпѣніе и предали своихъ преслѣдователей въ руки власти.

Съ недавняго времени въ Петербургѣ стали встрѣчаться опыты еще одного вида шантажа, давно уже процвѣтающаго за границей, особенно-же въ Англіи, какъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, извѣстный Максъ-Орель. Какого качества и въ чемъ заключается этотъ видъ шантажа, читатель легко пойметъ изъ слѣдующаго факта.

Разъ какъ-то одинъ почтенный семейный человѣкъ ѣхалъ по Петергофской желѣзной дорогѣ. Назовемъ его литерой N. Въ вагонѣ онъ случайно занялъ мѣсто по сосѣдству съ молодой, очень хорошенькою дѣвушкою и двумя прилично одѣтыми мужчинами, повидимому незнакомыми съ этою послѣднею. Между N и его сосѣдкою завязался разговоръ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Ничего не подозрѣвая, N разсказывалъ своей спутницѣ о заграничныхъ лѣтнихъ увеселеніяхъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно дѣвушка, обращаясь къ нему, воскликнула: «Милостивый государь, вы меня оскорбляете, я этого не потерплю»; N въ недоумѣніи спросилъ: «Чѣмъ же, я рѣшительно не понимаю!» Въ отвѣтъ на это героиня, обращаясь къ двумъ, находившимся тутъ же мужчинамъ, сказала: «Вотъ они слышали тѣ оскорбительныя предложенія, которыя вы дѣлали мнѣ; я потребую по пріѣздѣ въ Петербургъ составленія протокола. Подобныхъ наглецовъ надо учить». Начались объясненія, во время которыхъ два упомянутые джентльмена, подтверждая не существовавшее оскорбленіе, совѣтовали покончить дѣло міромъ. Въ результатѣ N, понявшій, что онъ сдѣлался жертвою шантажистовъ, во избѣжаніе скандала, волею-неволею долженъ былъ поплатиться 25 рублями.

Добавимъ, что шантажъ этотъ практикуется преимущественно въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ во время пути.

Здѣсь намъ въ пору перейти къ одному изъ самыхъ вредоносныхъ и позорнѣйшихъ видовъ современнаго шантажа — къ шантажу литературному... Да, къ великому стыду русскаго печатнаго слова и къ великому смущенію его честныхъ жрецовъ, у насъ литературный шантажъ не только существуетъ, но и процвѣтаетъ очень пышно: онъ вполнѣ акклиматизировался, всесторонне развился и прочно свилъ себѣ гнѣзда во многихъ періодическихъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію, нельзя скрыть—у насъ есть спеціально, можно сказать, шантажническіе органы, шантажемъ повитые и вскормленные, и на шантажѣ соорудившіе свой успѣхъ и свою популярность. Но это такое большое и серьезное явленіе, что мы посвятимъ ему далѣе особый этюдъ.

VIII.

Нарушенія общественнаго порядка и личныя оскорбленія.

Остановимся прежде всего на цифрахъ обозрѣваемыхъ въ этой главѣ преступленій. Маленькая только необходимая оговорка. Подъ «нарушеніями общественнаго порядка» мы разумѣемъ здѣсь тѣ лишь мелкія преступленія противъ спокойствія, благочинія и разныхъ административныхъ правилъ, которыя вѣдаются наружной городской полиціей и большею частью дальше мирового судьи не идутъ. Сюда входятъ: буйства, ссоры и драки, сопротивленіе чинамъ полиціи и ихъ оскорбленіе, нарушеніе правилъ санитарныхъ, питейныхъ, внѣшняго благочинія, паспортныхъ, адреснаго стола и адреснаго сбора и т. д.

За данное десятилѣтіе (1868—1877 гг.) въ Петербургѣ, въ среднемъ годовомъ разсчетѣ, имѣло мѣсто слѣдующее число случаевъ:

Проступковъ противъ общественной тишины и благочинія	3.402
Сопротивленія законнымъ требованіямъ полиціи	831
Оскорбленія полицейскихъ чиновъ .	513
Несоблюденія правилъ санитарныхъ .	992
» » паспортныхъ .	3.649
» » адреснаго сбора	782
» » » стола	644
Всего . . .	10.898 случаевъ.

Какъ ни значительна на первый взглядъ выведенная цифра нарушеній общественной тишины и спокойствія, но она, безъ сомнѣнія, и въ десятой долѣ не обнимаетъ всѣхъ совершаемыхъ въ столицѣ ея обывателями публичныхъ непристойностей, буйствъ, дебоширствъ и скандаловъ, огромнѣйшая часть которыхъ либо сходитъ безнаказанно, либо улаживается приватнымъ порядкомъ, либо, наконецъ, помимо вѣдома полиціи, разбирается мировымъ судомъ по частнымъ жалобамъ потерпѣвшихъ *).

У насъ, особенно въ низшихъ слояхъ очень мало уважается до сихъ поръ личность человѣческая и ея достоинство, вслѣдствіе чего ея оскорбленіе словомъ и дѣйствіемъ—явленіе самое заурядное и у домашняго очага, и въ публичныхъ собраніяхъ и на улицѣ. Сдѣлайте прогулку по люднымъ, бойкимъ частямъ города—съ утра до ночи тамъ жестокая площадная ругань, какой не изобрѣталъ ни одинъ языкъ на земномъ шарѣ, кромѣ русскаго, виситъ въ воздухѣ и ходитъ въ немъ ходенемъ. Ссоры, драки и дебоширства разнообразятъ повседневно мирныя отношенія обывателей всѣхъ почти классовъ, и культурныхъ и некультурныхъ,—преимущественно

*) Въ практикѣ столичнаго мироваго суда дѣла этого рода составляютъ едва-ли не половину всего числа производимыхъ имъ разбирательствъ, какъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, взятымъ въ среднемъ разсчетѣ за 80-е годы. Разбиралось дѣлъ: по оскорбленію полиціи около 1.800, по дракамъ и буйствамъ—свыше 10.000, по оскорбленіямъ словомъ, угрозамъ и насиліямъ—8.500, по нарушенію общественнаго порядка и безопасности 4.000 и т. д. (Въ эти цифры вошли и дѣла, возбужденныя полиціей).

же послѣднихъ. Конечно, самый оживленный обмѣнъ оскорбленій, тычковъ и членовредительствъ происходитъ въ веселое праздничное время подъ вліяніемъ винныхъ паровъ.

Классифицировать этого рода дѣянія очень трудно, намъ остается только разгруппировать имѣющійся у насъ обширный матеріалъ по внѣшнимъ отличительнымъ признакамъ и привести только наиболѣе характеристическіе случаи безчинства, произвола, насилія и нарушенія общественной тишины.

Такимъ образомъ, мы разсмотримъ дѣянія этого рода: а) уличныя, б) въ публичныхъ заведеніяхъ, и в) въ частныхъ жилищахъ.

Уличныя драки, дебоширства и безчинства совершаются чаще всего простолюдинами въ праздничное время и—иногда принимаютъ размѣры огромныхъ побоищъ. Были случаи, что сталкивались изъ-за какого нибудь вздора цѣлыя, противоборствующія между собою, рабочія артели, большею частью заводскія и фабричныя, причемъ бывали не только раненые, но и убитые. Случаи болѣе серьезныхъ безпорядковъ со стороны рабочихъ, возбужденныхъ недовольствомъ на хозяевъ и на свое положеніе, всѣ на перечетѣ. Мы разумѣемъ, такъ называемыя, «стачки», которыя у насъ бываютъ рѣдко и разрѣшаются, обыкновенно, мирнымъ образомъ. Впрочемъ, этого порядка явленій мы здѣсь, вообще, не касаемся.

Публика наша, какъ извѣстно,—одна изъ самыхъ смирныхъ, терпѣливыхъ и безропотныхъ, однакожъ, и она изрѣдка проявляетъ довольно шумно и энергично протестъ слишкомъ ужь безцеремонному съ нею обращенію. За обозрѣваемый періодъ это бывало съ нею нѣсколько разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не удовлетворяли, почему либо, ея законныхъ требованій, напр., не исполняли въ увеселительныхъ заведеніяхъ обѣщанныхъ зрѣлищъ, отказывали въ средствахъ передвиженія и пр. Особенно памятенъ и характеристиченъ былъ безпорядокъ, учиненный въ 1877 г. на царскосельской желѣзной дорогѣ публикой, возвращавшейся ночью съ «музыки» въ Павловскѣ. Вслѣдствіе нераспорядительности желѣзнодорожной администраціи, масса публики не могла уѣхать, когда хотѣла, ее продержали на платформѣ болѣе часу, везли въ неосвѣщенныхъ вагонахъ и упорнымъ пренебреженіемъ ея жалобъ раздражили до того, что она перебила стекла на станціяхъ и въ

вагонахъ, попортила въ послѣднихъ мебель, шумѣла, бранила громогласно директоровъ дороги, поколотила нѣсколькихъ кондукторовъ.

Вообще же нужно сказать, что безчинства скопомъ бываютъ у насъ рѣдко, но за то бываютъ между ними оригинальныя, отчасти невинныя, искусственно отождествляемыя съ «безпорядкомъ» излишней, не по разуму, ревностью полиціи. Такъ, напр., въ первое время, по введеніи городской полиціи въ петербургскихъ пригородахъ, въ мировомъ судѣ возбуждено было нѣсколько преслѣдованій мѣстныхъ обывателей за то, что они очень шумно и людно справляютъ свадьбы. Обыкновенно, невѣсту провожаетъ въ баню и изъ бани цѣлый бабій хороводъ, конечно, навеселѣ. Къ хороводу примыкаютъ прохожіе; толпа ростетъ и улица дѣлается ареной народной сатурналіи. Таковъ стародавній обычай, немножко дикій, конечно, но ничего противуобщественнаго въ себѣ не заключающій. Полиція принялась ревностно его искоренять и, случалось, загоняла въ участки для составленія протоколовъ цѣлыя свадебныя процессіи, не исключая жениховъ и невѣстъ.

Къ такимъ же мнимымъ безпорядкамъ, ставшимъ объектомъ уголовнаго кодекса, благодаря придирчивости полиціи, слѣдуетъ отнести имѣющіеся въ нашемъ матеріалѣ случаи взысканія, напр., за пѣніе пѣсенъ на улицѣ, за устройство плясокъ подъ гармонику и проч. Разъ полиція обвинила трехъ студентокъ медицинской академіи за пѣніе пѣсенъ на улицѣ, въ компаніи съ другими молодыми людьми. Дѣло это разбиралось нѣсколько разъ и надѣлало много шуму. Шумъ былъ изъ пустяка. Оказалось, что обвиняемые пѣли «чинно и тихо», и тотчасъ же по приглашенію околодочнаго надзирателя замолчали. Судъ ихъ оправдалъ.

Менѣе былъ счастливъ другой меломанъ, прикащикъ виннаго погреба, крестьянинъ. На второй день Пасхи онъ вышелъ на улицу, веселъ и радостенъ, съ гармоникой въ рукахъ, и сталъ на ней наигрывать, но въ самомъ патетическомъ пунктѣ игры подбѣгаетъ городовой: — «Играть строго воспрещается!...» Прошелъ нѣсколько шаговъ, не стерпѣлъ — заигралъ, опять городовой, третій, четвертый... Малый изъ себя вышелъ и, въ досадѣ, изломалъ свой инструментъ на головѣ котораго-то изъ встрѣченныхъ стражей. На судѣ онъ наивно показалъ:

— Цѣлый годъ, какъ въ тюрьмѣ, сидишь въ погребѣ,—на праздникахъ насилу вырвался погулять, купилъ себѣ гармонію, да захотѣлъ ее, значитъ, испробовать на улицѣ, а городовой говоритъ—нельзя... Былъ я въ то время «хвативши» порядкомъ... Обидно мнѣ стало: потому что эту самую музыку ужасно какъ люблю и большой охотникъ на гармоньи поиграть.

За оскорбленіе полицейскаго чина судья приговорилъ любителя гармоніи къ тюрьмѣ.

Такихъ случаевъ много; они показываютъ, что пониманію простолюдина недоступно—почему нельзя играть на улицѣ?

Изъ обыденныхъ уличныхъ приключеній скандалезнаго свойства едва-ли не чаще всего встрѣчаются столкновенія и драки, изъ-за нескромныхъ, наглыхъ обращеній къ женщинамъ со стороны уличныхъ ловеласовъ. Здѣсь уже фигурируютъ въ отвѣтственныхъ роляхъ почти исключительно люди болѣе или менѣе культурные и очень рѣдко простолюдины. Къ стыду петербуржцевъ, женщина одна, безъ провожатаго, не можетъ почти сдѣлать шагу по улицѣ, особенно вечеромъ, въ бойкихъ, людныхъ мѣстностяхъ, чтобы не сдѣлаться предметомъ нахальнаго преслѣдованія и оскорбительныхъ предложеній со стороны встрѣчныхъ и поперечныхъ развратниковъ. Нерѣдко даже и провожатые, мужчины, не спасаютъ ее отъ такихъ непріятныхъ приключеній.

Однажды, вначалѣ 70-хъ гг., вечеромъ возвращалась домой изъ собранія въ педагогическомъ обществѣ, цѣлая компанія молодыхъ педагоговъ—двѣ дамы и трое мужчинъ. Дамы шли впереди и — вдругъ, на нихъ налетаютъ какіе-то прилично одѣтые сорванцы, начинаютъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, обнимать и цѣловать. Кавалеры, конечно, вступились и вышла безобразная потасовка. Въ пылу боя одна изъ пострадавшихъ педагогичекъ насѣла на сбитаго съ ногъ оскорбителя своего и оттаскала его за волосы. Явилась полиція, составленъ былъ протоколъ и—судебная хроника обогатилась весьма скандалезнымъ процессомъ. Въ лицѣ обвинявшихся ловеласовъ оказались молодые, закучивающіе чиновники.

Въ другомъ аналогичномъ случаѣ неосторожный любитель клубники былъ наказанъ болѣе оригинально, безъ посредства полиціи и суда. Встрѣтивъ на Невскомъ двухъ дамъ, онъ безъ церемоніи

предложилъ имъ ѣхать съ нимъ въ баню. Дамы позвали на выручку сопровождавшихъ ихъ сзади мужей. Одинъ изъ нихъ схватилъ франта за шиворотъ и сталъ звать городоваго, но франтъ сталъ умолять о пощадѣ, говоря, что онъ—чиновникъ и предпочитаетъ лучше быть побитымъ, чѣмъ скомпрометированнымъ по службѣ. Негодующій мужъ принялъ условіе, позвалъ «ваньку» и договорилъ его за двугривенный плюнуть въ физіономію франта, что и было исполнено къ общему удовольствію всѣхъ участниковъ этой сцены.

Иногда молодые культурные сластолюбцы въ эротическомъ экстазѣ доходятъ и до такихъ, напр., покушеній. Однажды изъ театра, послѣ спектакля, возвращались въ казенной каретѣ двѣ молоденькія балерины, и — вдругъ, на ихъ экипажъ, какъ на большой дорогѣ, напала шайка поклонниковъ, съ явнымъ намѣреніемъ полюбезничать съ ними. Только благодаря мужеству кучера и вовремя подоспѣвшей полиціи, покушеніе это не увѣнчалось успѣхомъ.

Рыцарское заступничество за оскорбляемыхъ на улицѣ женщинъ обходится иногда дорого. Волокиты, большею частью хмѣльные и въ состояніи неистовства, оказываютъ энергическій кулачный отпоръ рыцарямъ—случается, мужьямъ и родственникамъ, сопровождающимъ дамъ, подвергшихся преслѣдованію. Хотя рыцарство въ нравахъ не особенно у насъ процвѣтаетъ, но попадаются мужчины, которые считаютъ своимъ долгомъ вступиться за женщину, хотя-бы и не знакомую имъ, при видѣ ея оскорбленія. Какъ-то одинъ мѣщанинъ, увидѣвъ, что двое наглецовъ назойливо пристаютъ на улицѣ къ дамѣ, не взирая на ея просьбы оставить ее, обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ, но, въ отвѣтъ, получилъ жестокій ударъ по лицу, послѣ чего ловеласы бросились бѣжать. Мѣщанинъ пустился за ними, нагналъ на лѣстницѣ дома, въ который они скрылись, гдѣ одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и ранилъ въ ногу... Вышло цѣлое уголовное дѣло о покушеніи на убійство.

Нерѣдки случаи, что уличные Донъ-Жуаны, встрѣчая отпоръ своимъ исканіямъ со стороны преслѣдуемыхъ ими женщинъ, наносятъ имъ оскорбленія и побои. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ множества фактовъ въ этомъ родѣ.

Одинъ юный телеграфистъ, встрѣтивъ вечеромъ у Знаменья почтенную даму, началъ къ ней «приставать» и, когда она пригрозила ему городовымъ, бросился на нее съ кулаками, сбилъ съ ногъ, отколотилъ и прокусилъ ей палецъ. Встрѣчаетъ въ пассажѣ дѣвицу нѣкій приличнаго вида господинъ, шепчетъ ей на ухо соблазнительное предложеніе, получаетъ отказъ и—въ отместку хлопаетъ ее по физіономіи кулакомъ. Нѣкто, провизоръ, встрѣтился на Аничковомъ мосту съ двумя женщинами, изъ которыхъ у одной потребовалъ предъявить какой-то билетъ, а какъ она не исполнила этого требованія, то ударилъ ее колѣномъ, а, при дальнѣйшемъ слѣдованіи, ударилъ вначалѣ по уху, а затѣмъ кулакомъ по глазу, такъ что она подняла страшный крикъ, на который стала собираться публика. Явилась полиція, а дальше—извѣстная процедура. Идутъ по Невскому двое молодыхъ людей—непремѣнно «прилично одѣтыхъ», встрѣчаютъ молодую незнакомую имъ даму, заступаютъ ей дорогу, приглашаютъ идти съ собой. На отказъ— одинъ говоритъ другому:—«расправься съ нею своимъ судомъ!»,— и воздухъ оглашается звонкими оплеухами по нѣжнымъ щечкамъ. Визгъ, слезы, публика, полиція, протоколъ!

Кромѣ Невскаго проспекта—обычной арены для уличнаго куртизантства, оно процвѣтаетъ также въ скверахъ и садахъ, наиболѣе посѣщаемыхъ публикой. Особенно дурную славу пріобрѣлъ въ этомъ отношеніи скверъ около памятника Екатерины II, гдѣ въ описываемое время оказывались возможными такія, напр., сцены.

Одинъ молодой дворянинъ, придя въ этотъ скверъ, подсѣлъ къ почтенной матери семейства, скромно сидѣвшей на скамейкѣ въ ожиданіи своей дочери, и сталъ дѣлать ей неприличныя предложенія, приглашая къ себѣ; далѣе, не обращая вниманія на просьбы оставить ее въ покоѣ, дворянинъ ее обнялъ и положилъ свою голову ей на плечо; когда же она сопротивлялась, то нанесъ ей ударъ и тянулъ за тальму. По просьбѣ дамы, околодочный надзиратель пригласилъ наглеца въ участокъ, по дорогѣ куда тотъ сквернословилъ, ударилъ потерпѣвшую ногою и нѣсколько разъ плевалъ ей въ лицо.

Если этого сорта культурные дикари, въ трезвомъ умѣ и твердой памяти, позволяютъ себѣ такое возмутительное насиліе надъ порядочными женщинами, не дающими никакого повода третировать

ихъ en canaille, то, подъ пьяную руку, съ камеліями, чѣмъ-нибудь имъ не угодившими, они обращаются уже просто звѣрски. Беремъ на выдержку двѣ слѣдующія сценки.

Въ одинъ прекрасный вечеръ двое, такъ называемыхъ, «порядочныхъ» молодыхъ людей, одѣтыхъ по послѣдней модѣ, подъѣхали въ открытой коляскѣ, запряженной четверкою лошадей, къ загородному ресторану «Доротъ.» Одновременно съ ними къ ресторану подкатила другая коляска, въ которой эффектно полулежала элегантная «международная дама,» француженка. Молодые люди пригласили ее провести съ ними вечеръ. Она согласилась. Начался кутежъ, послѣ котораго компанія отправилась назадъ вмѣстѣ въ одной коляскѣ. Француженка дорогой почему-то раздумала дальше ѣхать съ кавалерами своими и просила ихъ отпустить ее у подъѣзда ея дома. Коляска остановилась; дама выскочила изъ коляски; оба кавалера за нею, начали силою тащить въ коляску, а, когда она оказала сопротивленіе, стали бить ее и терзать съ такимъ остервененіемъ, что несчастную едва смогли освободить изъ ихъ рукъ сбѣжавшіеся дворники и городовые.

Другая сцена, въ которой та же страдательная роль выпала на долю француженки той-же зазорной профессіи. Дѣло было на рождественскихъ праздникахъ... Но пусть о немъ разскажетъ сама потерпѣвшая.

— Я, — показывала она на судѣ чрезъ переводчика, — была знакома съ отцомъ и сыномъ N, и они оба ко мнѣ ѣздили на квартиру порознь. Съ отцомъ я иногда ѣздила въ «Озерки» и въ «Ливадію.» На второй день праздника пріѣзжаетъ ко мнѣ сынъ, Иванъ N, и предлагаетъ мнѣ ѣхать съ нимъ на тройкѣ кататься. Я согласилась. Только поѣхали мы, какъ, вдругъ, слышимъ—катитъ другая тройка позади насъ и кто-то кричитъ намъ: «стой, не то убью!». Смотрю—это старикъ N скачетъ. Я говорю Ивану: «надо скорѣе ѣхать, не то онъ подыметъ скандалъ на улицѣ». Въ это время старикъ нагналъ насъ, схватилъ изъ саней у себя бутылку съ шампанскимъ и бросилъ мнѣ прямо въ голову.... На поворотѣ сани наши опрокинулись и мы выпали въ снѣгъ. Старикъ выскочилъ изъ саней и началъ меня съ Иваномъ колотить, разбилъ мнѣ лицо въ кровь, вышибъ зубъ, оттаскалъ за волосы и — ужасно, какъ варварски обошелся....

Расправа эта имѣла своимъ источникомъ ревность отца къ сыну.... Любопытная картина нравовъ! Добавимъ, что герои ея— именитые, богатые купцы.

Передъ нами цѣлый рядъ фактовъ другой категоріи, свидѣтельствующихъ, что въ людской толпѣ существуютъ индивидуумы, которые краснорѣчиво оправдываютъ собою мнѣніе, что въ человѣкѣ сидитъ звѣрь. Разница только та, что въ индивидуумахъ добронравныхъ и благовоспитанныхъ звѣрь или убитъ, или сидитъ на цѣпи, тогда какъ въ безпорядочныхъ и разнузданныхъ онъ дико проявляется при первомъ поводѣ, а то и безъ всякаго повода.

Такими проявленіями звѣря можно считать обозрѣваемые здѣсь факты безчинствъ, насилій и дебоширствъ совершенно безпричинныхъ, а просто *такъ* — изъ какой-то своеобразной удали, ради шалости и игры, сродни кошачьей.

На случаяхъ безпричинной бранчивости, публичнаго сквернословія и, вообще, «оскорбленій на словахъ», по судебному термину, мы не будемъ и останавливаться. Они до того многочисленны, заурядны и общеизвѣстны, что здѣсь достаточно только обозначить заголовокъ этой нравственной язвы. Обратимся къ безчиннымъ дѣйствіямъ изъ самодурства.

Находятся бездѣльники, которые для своей забавы пугаютъ мирныхъ обывателей, наносятъ имъ вредъ и непріятность разными игривыми выходками, напр., бѣшеной ѣздою на рысакахъ, подбрасываніемъ петардъ подъ колеса экипажей, бросаніемъ камней въ окна, опрыскиваніемъ сѣрною кислотою дорогихъ костюмовъ на дамахъ, окачиваніемъ прохожихъ помоями и т. д. Разъ судили двухъ юныхъ прусскихъ подданныхъ за то, что они, гуляя по скверу, прыгали, какъ въ чехардѣ, черезъ бѣгавшихъ по скверу дѣтей и бодали головами побараньи женщинъ. Въ другой разъ судилась цѣлая компанія наборщиковъ, во время иллюминаціи пачкавшихъ, ради потѣхи, платье прохожихъ типографской краской. Сказать къ слову, особенно падки и изобрѣтательны на этого рода шалости рыночные «молодцы» въ часы досуга, котораго у нихъ всегда такъ много. Прогулка по рыночнымъ рядамъ для личностей невзрачныхъ, слабыхъ, плохо одѣтыхъ, въ особенности для женщинъ, въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ рискованна. Среди праздныхъ

«молодцовъ» всегда найдутся шутники, которые не упустятъ оказіи такъ или иначе позабавиться надъ беззащитными ближними.

Другіе шалуны болѣе задорнаго нрава ни съ того ни съ сего придираются къ встрѣчнымъ незнакомымъ имъ лицамъ, ругаютъ ихъ, а то и колотятъ за здорово живешь. Переѣзжаютъ черезъ Неву въ лодкѣ мирные обыватели, одинъ изъ нихъ везетъ съ собою свой новенькій портретъ, писанный масляными красками, и показываетъ его своимъ знакомымъ. Тѣ хвалятъ. Вдругъ, сидѣвшій тутъ-же совершенно сторонній «прилично одѣтый господинъ» изрекаетъ:

— Гадость!

— То есть, какъ это гадость? Что гадость?—спрашиваетъ портретовладѣлецъ.

— Да все гадость: и портретъ твой гадость, и самъ ты гадость!—поясняетъ незнакомецъ.

Слово за слово, пассажиры разругались, а когда лодка подъѣхала уже къ берегу и сидѣвшіе въ ней вышли на пристань, незнакомецъ, придя въ азартъ, размахнулся своимъ дождевымъ зонтикомъ и проткнулъ насквозь портретъ. Конечно, дѣло дошло до пространной тяжбы объ оскорбленіи, о потеряхъ и убыткахъ.

Идутъ по переулку двое гостинноднорскихъ приказчиковъ, встрѣчаютъ смирнаго прохожаго, одинъ изъ нихъ размахивается и хлопаетъ незнакомца по уху.

— Что вы съ ума сошли?—озадачился прохожій.

— А вотъ тебѣ съ ума сошли! — отвѣчаетъ молодецъ и тузитъ несчастнаго безъ пощады, за что про что — такъ вопросъ этотъ и остался неразъясненнымъ.

Другой, вотъ, любитель кулачной гимнастики, назвавшійся на судѣ «репортеромъ», въ подобной-же шалости (онъ поколотилъ на улицѣ безъ всякой причины торговку яицъ) оправдывался, покрайней мѣрѣ, «обманомъ зрѣнія».

Поссорились на улицѣ двое пріятелей, откуда ни возмись—выскакиваетъ бравый, воинственнаго вида мужчина и, не говоря ни слова, начинетъ чистить зубы обоимъ. Протоколъ. Судъ. Бравый мужчина оказывается отставнымъ офицеромъ и даетъ такое оправданіе:

—Я, г. судья, сидѣлъ дома и игралъ на роялѣ, окно было отворено; вдругъ слышу шумъ, драку, а какъ я, г. судья, прежде

служилъ въ военной службѣ и потому не могу удержаться, чтобы не прекратить безпорядокъ, то выскочилъ изъ за рояля, хватилъ одного—разъ, хватилъ другаго—два! и больше съ моей стороны ничего не было.

Все-же резонъ... Живъ, значитъ, щедринскій поручикъ Розnатовскій!

Гуляетъ въ Юсуповомъ саду мать съ маленькой дочкой, подбѣгаетъ къ нимъ собачка, дѣвочка погладила ее.

—А ви мой собакъ красть, я вамъ задамъ!—налетаетъ хозяинъ собачки, сѣдовласый, почтеннаго вида, нѣмецъ и отвѣшиваетъ ребенку такую пощечину, отъ которой тотъ падаетъ пластомъ, заливаясь кровью.

— Позвольте закурить!—вѣжливо обращается на улицѣ любитель папиросокъ къ двумъ курящимъ прохожимъ. Бацъ! бацъ!—отвѣчаютъ ему тѣ затрещинами безъ дальнѣйшихъ околичностей.

Дѣйствіе на марсовомъ полѣ во время народнаго гулянья; къ силомѣру подошолъ чиновникъ и спросилъ хозяина: «Сколько стоитъ ударить силомѣръ по башкѣ?»—«Двѣ копѣйки»,—сказалъ хозяинъ.»—«А тебя по рылу?»—«Пять копѣекъ».—Чиновникъ выкинулъ деньги и, широко замахнувшись, ударилъ разъ по башкѣ силомѣра и другой по лицу его хозяина.

Сцена эта имѣетъ характерную подробность. Когда хозяинъ силомѣра обидѣлся и обратился съ жалобой къ полиціи, то, по словамъ репортера, «публика, слышавшая условіе ударовъ, вступилась за чиновника, и онъ отправился гулять далѣе съ миромъ.» Таково пониманіе справедливости у кое-какой публики.

Вообще, публика наша относится чаще всего апатично, пассивно къ сценамъ насилія и безправія, ограничиваясь однимъ празднымъ, ротозѣеватымъ любопытствомъ, даже—въ лицѣ грубыхъ, неразвитыхъ индивидуумовъ—съ художественнымъ удовольствіемъ, какъ къ сценическому зрѣлищу. Черта эта краснорѣчиво сказалась, между прочимъ, въ слѣдующей вопіющей сценѣ, имѣвшей мѣсто лѣтомъ на вокзалѣ одной желѣзной дороги. Нужно замѣтить, что на вокзалѣ этомъ находится открытая цвѣточная лавка, въ которой и розыгралась описываемая сцена въ моментъ прихода поѣзда, на глазахъ многочисленной публики.

«За прилавкомъ стоитъ человѣкъ и вяжетъ большой букетъ

блѣдныхъ розъ,—такъ описывалъ это приключеніе очевидецъ. Возлѣ него стоитъ блестящій офицеръ. Человѣкъ, вяжущій букетъ, что-то такое бормочетъ. Это бормотанье, вѣроятно, скверно дѣйствуетъ на офицера, потому что онъ, отъ времени до времени, вскрикиваетъ зычнымъ голосомъ и затѣмъ могучею дланью, со всего размаха, закатываетъ увѣсистую пощечину работающему. Послѣдній, послѣ каждой пощечины, отмахивается, отряхивается и, замолкая на время, продолжаетъ вязанье букета. Какъ и подобаетъ, каждая новая пощечина производитъ притягательное дѣйствіе на любопытную публику. Образовывается немедленно компактная группа. — «Прошу васъ, господа, прошу васъ!»—обращается въ такія минуты офицеръ къ публикѣ съ жестомъ, выражающимъ предложеніе не останавливаться здѣсь далѣе. Послушная публика повинуется этимъ приглашеніямъ и нехотя расходится. Однѣ группы смѣняются другими, а загадочная сцена все продолжается. Блюстители порядка прохаживаются мирно на благородномъ разстояніи, шагахъ въ двадцати, искоса лишь слѣдя за «проишествіемъ».

«Что такое?»—изумляюсь и подхожу.

Оказалось, что офицеръ—женихъ, ему осталось всего сорокъ минутъ до вѣнца; за нѣсколько дней передъ этимъ онъ заказалъ цвѣточнику букетъ для невѣсты, а тотъ забылъ исполнить своевременно заказъ и—теперь расплачивался своими ланитами за неаккуратность.

Въ 1875 г. возбужденъ былъ цѣлый рядъ исковъ противъ двухъ богатыхъ молодыхъ людей съ громкими фамиліями, принадлежавшихъ къ jeunesse dorée, одного кандидата университета, другаго—гвардейскаго корнета. Иски всѣ были однородные. Молодые люди, связанные дружбой и собутыльничествомъ, катались по городу въ коляскѣ, задѣвали прохожихъ, нападали на нихъ, дрались и буйствовали—все изъ шаловливой удали. Ѣдутъ они, напр., лѣтней ночью черезъ троицкій мостъ и, встрѣтивъ двухъ чиновниковъ, кричатъ имъ: «Мазурики идутъ пѣшкомъ!» — «Молчать!» — отвѣчаетъ одинъ изъ чиновниковъ. Коляска останавливается, молодые денди выскакиваютъ и бросаются—одинъ съ палкой, другой съ обнаженной саблей—расправляться съ дерзкими прохожими. Въ другой разъ они на такомъ-же основаніи побили какого-то встрѣчнаго нѣмчика, а когда онъ ихъ нагналъ и сталъ звать въ участокъ,

они прикинулись испуганными, пригласили нѣмчика къ себѣ въ коляску, увезли въ александровскій паркъ и тамъ, повторивъ побои, выбросили несчастнаго и ускакали. Остальныя безобразія были въ томъ-же родѣ.

Послѣдній фактъ далеко не единственный въ хроникѣ увеселительныхъ похожденій культурной «золотой молодежи». Извѣстно, напр., что въ описываемое время вспрыски новыхъ мундирчиковъ окончившими курсъ юными питомцами Марса часто ознаменовывались всякими дебоширствами и шалостями, нарушавшими тишину и порядокъ... Отцы говорили:—молодежь веселится!

Грубость, произволъ и наклонность къ кулачной расправѣ отличаютъ у насъ даже и блюстителей, призванныхъ охранять благочиніе, порядокъ и личную безопасность обывателей. Памятны многократныя внушенія высшей столичной полицейской власти низшимъ чинамъ полиціи правилъ вѣжливаго обращенія съ жителями. Фактовъ, изобличающихъ нашихъ полисменовъ и дворниковъ въ невѣжливомъ обращеніи, множество. Хорошо извѣстно, напр., что побои—самая обыденная приправа почти каждаго «задержанія» и помѣщенія въ кутузку низшаго класса обывателей, находящихся въ подпитіи, шумныхъ и безпокойныхъ.

Правда, и чинамъ полиціи нерѣдко приходится быть жертвами оскорбленій, какъ словомъ, такъ и дѣйствіемъ. Матеріалъ нашъ до роскоши изобилуетъ этими прискорбными проявленіями буйства противъ власти. Всего обыкновеннѣе случаи оскорбленія чиновъ полиціи, при исполненіи ими обязанностей въ пресѣченіи и усмиреніи пьянаго безчинства. Затѣмъ, нерѣдко полицейскіе чины оскорбляются особами, очень высоко о себѣ мнящими. Нѣкій полковникъ учиняетъ на улицѣ скандалъ и, на приглашеніе городового идти въ участокъ, кричитъ: «Да, какъ ты смѣешь? Да знаешь-ли съ кѣмъ ты говоришь? Руки по швамъ!... Смирно!», и надѣляетъ оторопѣвшаго поліціанта пощечинами. Подобнаго рода случаевъ безчисленное множество. Иногда изобличаются въ оскорбленіи полиціи и представительницы прекраснаго пола, воображающія себя важными персонами. Однажды судилась въ окружномъ судѣ вдова камердинера высокопоставленнаго лица по обвиненію чуть не въ разгромѣ жандармской команды на вокзалѣ николаевской желѣзной дороги. Барыня буйствовала, бранила жандармовъ скверными словами, гро-

зила «выгнать ихъ со службы въ 24 часа», ѣхать съ жалобами къ министрамъ, къ шефу жандармовъ. На увѣщаніе сопровождавшаго ее кавалера, возразила громко: — «Да, вѣдь, мы въ Россіи, — съ этими полицейскими крючками все можно сдѣлать!»

Бываютъ и очень оригинальныя оскорбленія стражей благочинія при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Разъ одна ревельская уроженка, красавица лѣтъ 20-ти, призванная по какому-то дѣлу въ участокъ, молча подошла сзади къ сидѣвшему у стола за бумагами околодочному надзирателю, нѣжно обняла его за шею и поцѣловала въ щеку. Новый Іосифъ прекрасный, въ лицѣ полиціанта, сдѣлалъ красавицѣ замѣчаніе о неумѣстности ея любезностей и перешелъ въ другую комнату. Дѣвица не унялась: — снова подкралась къ околодочному и еще съ большею пылкостью напечатлѣла на его ланитахъ плохо адресованный поцѣлуй. Тогда цѣломудренный стражъ составилъ протоколъ и — ревельская уроженка попала подъ судъ за «оскорбленіе полиціи дѣйствіемъ...»

Должно сказать, что многія дѣла по оскорбленію чиновъ полиціи возбуждаются изъ-за пустяковъ, вслѣдствіе чрезмѣрной претенціозности, обидчивости и заносчиваго самомнѣнія самихъ полиціантовъ. Бываетъ еще, что судебное преслѣдованіе за оскорбленіе возбуждается полицейскими чинами и въ такихъ случаяхъ, когда они сами кругомъ виноваты въ происшедшемъ безпорядкѣ, сами и безчинствовали и рукамъ волю давали, но желаютъ очиститься и предупредить встрѣчную жалобу. Мировымъ судьямъ часто приходится оставлять полицейскіе иски этой категоріи безъ послѣдствій, за бездоказательностью.

Что касается группы данныхъ проступковъ, совершаемыхъ въ публичныхъ заведеніяхъ, то наибольшая ихъ часть приходится на питейные дома, трактиры, кафе-шантаны, танцклассы, клубы и, вообще, на такія мѣста, гдѣ, при большомъ стеченіи гостей, происходитъ оживленное потребленіе крѣпкихъ напитковъ.

Всѣ эти заведенія отождествляютъ собою понятіе кабака, который въ свою очередь служитъ въ нашемъ языкѣ синонимомъ разнузданности, дебоширства и всякаго безчинства. Когда говорятъ: «кабацкое веселье», «кабацкая публика», «кабацкіе нравы» и т. д., — въ представленіи вашемъ, безъ комментаріевъ, рисуются вполнѣ опредѣленныя черты и стороны общественнаго поведенія.

Строго говоря, разница между кабакомъ, въ прямомъ смыслѣ, и какимъ-нибудь клубомъ и вообще привиллегированнымъ публичнымъ заведеніемъ, въ данномъ отношеніи, вовсе не существенная. Безчинствуютъ и въ кабакахъ, безчинствуютъ и въ веселыхъ чертогахъ для «чистой» публики. Разница только въ положеніяхъ героевъ безчинствъ: въ кабакахъ подвизаются темные, неразвитые простолюдины, въ привиллегированныхъ чертогахъ—люди культурные и просвѣщенные въ большей или меньшей степени. Это покажутъ намъ сейчасъ факты, взятые на выдержку.

Одинъ князь, съ громкимъ именемъ и большимъ состояніемъ, какъ-то сдѣлалъ извѣстный циркъ Чинизелли постояннымъ поприщемъ для своихъ пьяныхъ шалостей и безумствъ. Во время представленій, онъ производилъ безпорядки, приставалъ къ публикѣ, громко смѣялся, бросалъ на арену свою шляпу, а когда просили его оставить циркъ, то кричалъ и ругался, почему и заключена была объ его непотребномъ поведеніи цѣлая серія полицейскихъ протоколовъ.

Однажды полиція привлекла къ суду элегантную парочку, кавалера и даму, которые, выходя изъ прикащичьяго клуба, не досчитались какой-то вещи и учинили ошеломляющій скандалъ, ворвались въ залу въ верхнемъ платьѣ, въ намѣреніи найти дежурнаго старшину, и, найдя, стали ругать его, плеваться и кричать:

— Это воровской клубъ! Это не общество, а бараны! Если не будетъ сдѣлано распоряженіе отыскать вещь, мы будемъ жаловаться градоначальнику!

Пришлось вывести ихъ mit Trompetten, при содѣйствіи воинской силы...

Въ томъ же клубѣ два члена въ веселомъ настроеніи остановились у дверей въ гостиннную и каждой мимопроходившей дамѣ отпускали сальности и, вообще, забавлялись громогласнымъ сквернословіемъ, пока ихъ не вывели.

Въ купеческомъ клубѣ на маскарадѣ, какой-то Отелло, заподозривъ въ одной маскѣ, прогуливавшейся съ кавалеромъ, свою жену, бросился съ ругательствами на романическую парочку и, съ крикомъ: «Какъ ты смѣешь интриговать мою жену!», ударилъ кавалера по лицу, а съ дамы сорвалъ маску... Оказалось, однакоже, что дама совсѣмъ не его жена.

Лѣтомъ, въ лѣсномъ клубѣ, на семейно-танцовальномъ вечерѣ одинъ, хорошо угостившійся, дворянинъ, танцуя, упалъ вмѣстѣ со своей дамой и возбудилъ тѣмъ громкій хохотъ близь сидѣвшихъ молодыхъ людей. Дворянинъ оскорбился ихъ хохотомъ, подошелъ къ нимъ съ вопросомъ: «что вы хохочете?», и когда они въ отвѣтъ расхохотались снова—онъ далъ каждому изъ нихъ по щелчку въ носъ. О послѣдствіяхъ умалчиваемъ.

Изъ массы клубскихъ ссоръ и взаимныхъ оскорбленій особенно выдвинулось и надѣлало шуму разбиравшееся на судѣ въ 1877 г. столкновеніе въ бывшемъ художественномъ клубѣ между однимъ извѣстнымъ писателемъ-драматургомъ и адвокатомъ. Адвокатъ, послѣ длиннаго ряда насмѣшекъ и злоязычныхъ выходокъ со стороны писателя, нанесъ послѣднему ударъ по щекѣ такой, что тотъ разрыдался, какъ ребенокъ. На судѣ, между прочимъ, одинъ изъ свидѣтелей, старшина клуба, удостовѣрилъ тотъ прискорбный фактъ, что «случаи оскорбленія дѣйствіемъ и раньше бывали въ клубѣ художниковъ,—личныя же ссоры между членами комитета и посѣтителями частенько-таки бывали...» Нужно помнить, что названный клубъ, по своему составу, считался ультра-интеллигентнымъ.

Разумѣется, самыя свирѣпыя и безчинныя столкновенія между представителями привиллегированныхъ классовъ происходятъ въ трактирахъ, ресторанахъ и публичныхъ домахъ. Есть по этой части особые удальцы-скандалисты, которые, по выраженію одного изъ нихъ, «любятъ позвонить и потѣшить свое сердце» дебошами и драками въ названныхъ заведеніяхъ. Среди нихъ встрѣчаются, къ удивленію, и чины судебнаго вѣдомства. Разъ въ газетахъ былъ изобличенъ одинъ судебный приставъ въ томъ, что, придя въ гостинницу на Невскомъ проспектѣ, пьянымъ, и, потребовавъ вина, началъ кричать, ругаться, приставать къ публикѣ и, наконецъ, ударилъ кулакомъ одного изъ посѣтителей по лицу, а затѣмъ всталъ передъ обиженнымъ посреди комнаты на колѣни и упрашивалъ ударить его обратно. На всѣ просьбы прислуги гостинницы оставить безобразить и идти домой, судебный приставъ не унимался, такъ что буфетчикъ вынужденъ былъ позвать дворника и городоваго, которые и отвели его въ участокъ.

Нѣкоторыя изъ увеселительныхъ заведеній въ столицѣ составили себѣ извѣстность преимущественныхъ вертеповъ всякихъ оргій,

скандаловъ и безобразій. Особенно прочной въ этомъ отношеніи славой пользуется, такъ называемый, танцъ-классъ Марцинкевича, или, по уличной кличкѣ, «Марцинки», гдѣ, какъ не безъ остроумія показалъ на судѣ одинъ изъ буйныхъ гостей этого заведенія, «тишины нарушить нельзя, ибо ея тамъ и не бываетъ, а постоянный шумъ и безпорядки и всякій дѣлаетъ, что ему вздумается...» Самъ хозяинъ «Марцинковъ» и ихъ прислуга, какъ было засвидѣтельствовано на судѣ, принимали дѣятельное участіе въ мѣстныхъ безпорядкахъ и потасовкахъ. Сказать къ слову, трактирная прислуга, вообще, отличается наклонностью къ самоуправству и буйству особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда опьянѣвшій гость окажется чѣмъ-нибудь не угоденъ ей. Были многочисленные случаи, что трактирная прислуга безпощадно колачивала, «спускала съ лѣстницъ» и обирала такихъ гостей.

Извѣстно, что танцъ-классы и кафе-шантаны представляютъ собою увеселительные притоны не только для пьянства, но и для разврата. Посѣтительницы ихъ—сплошь проститутки, ищущія здѣсь пріятныхъ романическихъ встрѣчъ и тароватыхъ поклонниковъ. Онѣ-же принимаютъ дѣятельное участіе и въ безчинствахъ, происходящихъ въ этихъ заведеніяхъ. Между этими милыми, но погибшими «завсегдательницами» танцъ-классовъ встрѣчаются отчаянныя забіяки. Для нагляднаго знакомства съ ними приводимъ одну сцену изъ множества другихъ, такихъ-же.

Дѣло происходило въ заведеніи «Орфеумъ». Три посѣтительницы-пріятельницы, двѣ противъ одной, поссорились изъ-за обладанія однимъ интереснымъ кавалеромъ. Ссора затихла, но, спустя немного, когда двѣ изъ нихъ прогуливались въ залѣ, третья подскочила къ нимъ и, широко размахнувшись, дала одной изъ пріятельницъ пощечину, сказавъ: «вотъ тебѣ цвѣтокъ!» Та отвѣтила на ударъ ударомъ и всѣ три женщины вцѣпились въ волоса другъ другу, совершая потасовку, которая кончилась приглашеніемъ подравшихся въ контору «Орфеума» и составленіемъ тамъ полицейскаго протокола.

Должно замѣтить вообще, что представительницы прекраснаго пола, въ особенности проститутки, не уступаютъ грубому полу въ проявленіи буйныхъ, строптивыхъ наклонностей. Практика столич-

наго мировaго суда очень богата дѣлами по нарушенію тишины и порядка женщинами.

Въ описываемое нами время особенно отличались нахальствомъ и задорностью ночныя сильфиды Невскаго проспекта. Многія изъ нихъ сами безъ церемоніи «приставали» къ прохожимъ мужчинамъ и часто, на отказъ отъ соблазнительнаго предложенія, разрѣшались бранью и насиліемъ. Идетъ по Невскому скромный семейный чиновникъ. Къ нему привязывается встрѣчная дѣвица съ предложеніемъ «проводить» ее. Онъ уклоняется и—въ отвѣтъ получаетъ нѣсколько ударовъ зонтикомъ, сопровождаемыхъ площадной бранью.

Подгулявшій молодой человѣкъ поздно ночью стучится въ запертую дверь ресторана, но ему не отпираютъ.

— Что, тебя, бѣдненькаго, не впустили? — съ участіемъ спрашиваютъ его мимопроходящія двѣ дамы.

— Развѣ я вамъ далъ поводъ говорить мнѣ «ты?» — возражаетъ молодой человѣкъ.

— Какъ ты смѣешь стоять передъ нами въ шляпѣ? Мы — великобританскія подданныя и можемъ за это объявить русскимъ войну! — и послѣ этого неожиданнаго ultimatum'a, великобританки сбили съ молодаго человѣка шляпу, нанесли ему удары по лицу, ругали всѣхъ русскихъ свиньями и «вели себя хуже извощиковъ,» по показанію свидѣтелей. Дорогой въ участокъ онѣ продолжали дебошъ и нанесли оскорбленія городовому.

Выходятъ ночью изъ трактира Палкина двое мужчинъ и — дѣлаются предметомъ нападенія цѣлой толпы развязныхъ вакханокъ Невскаго; онѣ окружили ихъ и стали тащить съ собою, съ крикомъ и смѣхомъ. Тѣ начали отбиваться, красавицы не отстаютъ и, видя безуспѣшность своей тактики, начинаютъ бить несговорчивыхъ кавалеровъ. Такими скандалезными сценами всю ночь напролетъ разнообразилась, бывало, шумная жизнь Невскаго проспекта.

А вотъ еще примѣръ, не единственный въ своемъ родѣ, женскаго ухарства скандалезнаго свойства, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Какъ-то, на масляницѣ каталась по улицамъ кавалькада всадниковъ, среди которыхъ привлекъ вниманіе прохожихъ и полиціи юный, отчаянный наѣздникъ, мчавшійся на своей лошади въ карьеръ и выдѣлывавшій въ это время различныя эволюціи, кото-

рыя сопровождались съ его стороны громкимъ гиканьемъ. Въ одномъ мѣстѣ наѣздникъ хотѣлъ перепрыгнуть черезъ барьеръ, но неудачно — упалъ и былъ задержанъ полиціей. Въ участкѣ, въ лицѣ лихаго наѣздника оказалась дѣвица, французская подданная, сомнительнаго поведенія.

«Буйство» и непристойную страстность въ гнѣвѣ, въ порывахъ обиды и ревности часто обнаруживаютъ и женщины, какъ говорится, порядочныя.

Проѣзжаютъ по одной улицѣ Песковъ мужчина и дама вмѣстѣ. Вдругъ на ихъ экипажъ кидается какая-то женщина и кричитъ благимъ матомъ: «Караулъ! держите мужа! Вотъ онъ, разбойникъ, вотъ тиранъ, разъѣзжаетъ съ дѣвками, а жену заставляетъ бѣгать за нимъ.» На ужасный крикъ сбѣгаются городовые и дворники и останавливаютъ экипажъ. Оказывается въ немъ сидятъ вовсе незнакомые бѣсновавшейся женщинѣ кавалеръ и дама. Можно представить изумленіе съ той и съ другой стороны!

Другой аналогичный случай. Идутъ по Невскому двѣ приличныя, хорошаго общества дамы. За ними въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдуетъ офицеръ, вовсе имъ незнакомый. Вдругъ проѣзжавшая мимо на извозчикѣ барыня, соскочивъ съ саней, набѣжала на офицера и, крикнувъ: «ты что за другими ухаживаешь!», схватила его за бортъ пальто и ударила, а потомъ бросилась къ дамамъ и осыпала ихъ бранью и позорными кличками. При составленіи протокола по этому случаю выяснилось, что буйная барыня, будучи «знакомой» съ офицеромъ, вообразила, что онъ «ухаживаетъ» за уличными прелестницами и воспылала ревностью.

Задоръ и сварливость въ характерѣ нѣкоторыхъ женщинъ. Какъ-то на судѣ одна служанка, обвинявшаяся въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ околодочному, пришедшему взыскивать съ нея адресный штрафъ, причемъ, выхватила изъ его рукъ бумаги, разорвала и сожгла въ печкѣ, съ апломбомъ показала въ свое оправданіе:

— Я, г. судья, всѣхъ мужчинъ бью и дома и на улицѣ! Нравъ у меня такой...

Другая, такого-же буйнаго темперамента, молодая женщина, отличившись драчливостью и будучи привлечена къ суду, разразилась цинической бранью на своихъ обвинителей, а, когда судья сдѣлалъ ей внушеніе, показала ему языкъ.

У одного мироваго судьи производился какъ-то безконечный рядъ тяжбъ по взаимнымъ обидамъ между акушеркой — матерью семейства и ея сосѣдкой, по квартирамъ, прусской подданной. Сосѣдки изъ-за чего-то не поладили и между ними началась неустанная бабья война. Акушерка, при содѣйствіи няньки своихъ дѣтей и сихъ послѣднихъ, преслѣдовала прусскую подданную всякими способами, подъ тѣмъ предлогомъ, что она—«женщина сомнительнаго поведенія.» Сидитъ, напр., сія послѣдняя въ своей квартирѣ у открытаго окна, передъ окнами прогуливается нянька акушерки и адресуетъ ей мимическіе знаки оскорбительнаго значенія. Нѣмка требуетъ удалиться отъ ея окна—ей грозятъ кулакомъ. Выходитъ акушерка, дѣлаетъ обидную гримасу въ сторону сосѣдки и замѣчаетъ:

— Неужели намъ смѣетъ кто запретить гулять и смотрѣть? на то есть глаза!—и съ этими словами нагибается и принимаетъ, какъ показали свидѣтели, «въ высшей степени неприличную позу».

Въ эту войну были втянуты и невинныя дѣти акушерки, которыя своими дерзостями довели прусскую подданную до того, что она какъ-то, внѣ себя, выскочила изъ своей квартиры, разбранила ихъ и отколотила.

Нѣкоторыя дамы своей сварливостью и строптивостью составили себѣ даже своеобразную славу. Такою славой въ описываемое время пользовалась г-жа Мессарошъ, интеллигентная дама, которая, имѣя множество гражданскихъ тяжбъ, судилась многократно за оскорбленія словами и дѣйствіемъ разныхъ должностныхъ лицъ при отправленіи ими обязанностей — мировыхъ судей, прокуроровъ, судебныхъ и полицейскихъ приставовъ, и т. д. Неугомонность этой своего рода психопатки заставила власти даже сомнѣваться — въ здравомъ-ли она умѣ?

Впрочемъ, эта черта раздражительной придирчивости, бранчливости и кляузничества—общая не только женщинамъ, но и мужчинамъ безпокойнаго темперамента, и составляла своего рода знаменіе описываемаго времени. Мировой судъ былъ загроможденъ массою вздорныхъ процессовъ, возбужденныхъ мелочными ссорами изъ-за выѣденнаго яйца, взаимными ябедами, обидами и оскорбленіями обывателей всякихъ классовъ—преимущественно-же культурныхъ невысокаго, впрочемъ, полета.

Здѣсь переходимъ къ категоріи разсматриваемыхъ явленій въ сферѣ домашней, частной жизни. Беремъ наиболѣе рельефные факты или ихъ обобщенія.

Въ судебной полицейской хроникѣ записано множество случаевъ ссоръ, дракъ и буйствъ, иногда съ нанесеніемъ ихъ участникамъ тяжкихъ увѣчій, а, случалось, и смерти, во время домашнихъ празднествъ и пиршествъ подъ пьяную, конечно, руку. Конечно, случаи эти всего чаще происходили въ низшей, полуобразованной средѣ, но бывали нерѣдко и въ интеллигентной.

Разъ на улицѣ, близъ Таврическаго сада, былъ найденъ мертвый изувѣченный, въ растерзанномъ видѣ, человѣкъ. Полицейскимъ слѣдствіемъ было дознано, что это — жертва имянинпаго радушія одного, жившаго по сосѣдству, отставнаго унтеръ-офицера. Гость съ хозяиномъ о чемъ-то заспорилъ, ссора перешла въ драку, въ которой приняли участіе сыновья хозяина; несчастный былъ дополусмерти избитъ и выброшенъ изъ дому на улицу, гдѣ и отдалъ Богу душу.

Какъ-то поздно ночью явился въ участокъ весь въ крови, съ разбитой головой, молодой человѣкъ съ жалобой на побои и насилія, причиненныя ему артистами балетной труппы. По справкѣ оказалось, что молодой человѣкъ былъ въ гостяхъ у одной дамы, былъ сильно пьянъ, повздорилъ съ хозяйкой и уже въ передней, уходя, далъ ей пощечину. За хозяйку заступились два, находившихся въ числѣ гостей, артиста и — отработали его такъ артистически, что онъ еле живой вырвался.

Празднуются хозяйскія имянины въ одномъ богатомъ купеческомъ домѣ. Человѣкъ 60 гостей. Весь вечеръ шло разливанное море. Сѣли за ужинъ, во время котораго гости начали забавляться киданіемъ шариковъ, но вскорѣ забава эта приняла видъ какой-то канонады: посыпались въ кого попало огурцы, раки, различные соленья и гарниры. Дамскія платья пятнались жиромъ безъ всякаго сожалѣнія, пятнались ушибами и физіономіи гостей. Начались жалобы, ссоры. Обратились къ хозяину—имянинникy, тотъ отвѣтилъ:

— Эка важность! Гости веселятся—хозяинамъ честь.

Вдругъ одинъ гость-офицеръ скрутилъ двѣ салфетки, швырнулъ ихъ въ горящую лампу и потушилъ огонь. Смятеніе приняло такіе размѣры, что на шумъ его явилась полиція и—веселыя имянины кончились цѣлой серіей дѣлъ у мироваго судьи.

У другаго именитаго купца празднуются дома крестины. Послѣ обѣда съ обильными возліяніями, хозяинъ зоветъ акушерку—молодую дѣвушку, и приказываетъ ей взять тарелку и кланяться гостямъ, а они станутъ класть ей ленты. Дѣвушка отказалась отъ исполненія этого унизительнаго обычая, не взирая на настойчивый приказъ хозяина. Купецъ вскочилъ, ударилъ кулакомъ по столу и крикнулъ на перепугавшуюся акушерку:

— Слышь, бабка, не перечь! Не то худо будетъ!

Гости начали, было, унимать хозяина, но онъ въ дикомъ, пьяномъ изступленіи схватилъ со стола графинъ съ водкой и, со словами: «Вотъ-же тебѣ, стерва проклятая!», бросилъ ей въ голову и чуть не убилъ. Бѣдная дѣвушка, съ разсѣченной головою, упала, обливаясь кровью... Интересно оправданіе на судѣ героя этого праздничнаго насилія:

— Былъ я, г. судья, не въ себя отъ радости по случаю рожденія сына и объ ейной-же пользѣ хлопоталъ (т. е., о пользѣ акушерки):—велѣлъ ей ходить съ тарелкой по гостямъ. Вѣдь она, по крайности, красненькихъ пять-шесть собрала-бы, если-бъ меня послушалась, а она, фря эдакая, ломалась: «не хочу!»

И помимо семейныхъ торжествъ, гдѣ льется вино и раздражаются дурныя страсти, въ буднишнихъ сношеніяхъ въ трезвомъ состояніи, ссоры и драки между людьми взаимно близкими и знакомыми, даже между родными—явленіе заурядное.

Разъ въ одной фруктовой лавкѣ на Большой Итальянской улицѣ раздалось три выстрѣла, привлекшіе вниманіе прохожихъ и полиціи. При появленіи послѣдней, лавка представляла видъ погрома: опрокинутые тюки, битыя стекла и посуда, разбросанные товары и, посрединѣ, на полу двое мущинъ—одинъ сверху, другой снизу, въ ожесточенной между собою борьбѣ. Розняли, освѣдомились—что, какъ и почему? Оказались родные братья; разодрались изъ-за шести рублей. Ихъ требовалъ младшій братъ у старшаго — хозяина лавки, но, не получивъ, сдѣлалъ три выстрѣла изъ револьвера, разгромилъ лавку и напалъ на брата.

Хозяева компаніоны одного элегантнаго магазина на Б. Морской, французы, долго не ладили между собою и старались другъ друга выжить. Съ этой цѣлью одинъ изъ нихъ, при содѣйствіи прикащиковъ, устроилъ въ жилой при магазинѣ комнатѣ концертъ,

называемый кошачьимъ. Компаніонъ вбѣгаетъ, требуетъ прекратить музыку, но встрѣчаетъ энергическій отпоръ въ сотоварищѣ, который, схвативъ его за горло, оттрепалъ и чуть не задушилъ.

Въ концѣ описываемаго нами періода пріобрѣла было скандалезную, можно сказать, всероссійскую извѣстность странная, безконечная ссора нѣкоего барона Клейста съ нѣкоимъ чиновникомъ Маховымъ. Эти люди положительно не давали спокойно жить другъ другу (особенно задоренъ былъ баронъ), втеченіе долгаго времени нанося взаимно всякія обиды, оскорбленія и побои, преслѣдуя одинъ другаго доносами, ябедами и нескончаемыми исками въ судѣ. Это былъ новый характерный варіантъ гоголевской ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Нельзя не упомянуть также о другой достопамятной того времени ссорѣ и дракѣ между извѣстными адвокатомъ и писателемъ-уланомъ, изъ за жены послѣдняго. Даже адвокаты съ адвокатами да еще въ самомъ храмѣ Ѳемиды, случалось, размѣнивались и бранью и оплеухами...

Интеллигентные, даже ученые люди оказываются иногда также грубыми и самоуправными, какъ и первобытные «сыны природы». Въ 1875 году очень соблазнительную сенсацію произвелъ искъ одной рижской гражданки къ бывшему ея доброму знакомому, профессору духовной академіи, обвинившей его въ томъ, что онъ, повздоривъ съ ней изъ-за какихъ-то денегъ, вышелъ изъ себя, «харкнулъ» ей въ лицо и надавалъ тычковъ.

Около того-же времени другой профессоръ-филологъ обвинялся на судѣ служанкой въ нанесеніи ей оскорбленій словомъ и дѣломъ; нѣкій тайный совѣтникъ изобличался въ побояхъ, причиненныхъ почталіону, и т. д.

Приноситъ мировому судьѣ, при жалобѣ, одна вдова-чиновница клокъ своихъ волосъ. Она живетъ въ «углахъ», не поладила съ двумя сосѣдями-мущинами, недовольными тѣмъ, что она «колобродитъ», которые избили ее за это до полусмерти. «Одинъ билъ столько, покуда не усталъ, а другой таскалъ за косу такъ, что я, показала несчастная,—черезъ три дня только очнулась, и когда начала чесаться, то вычесала большущій клокъ волосъ».

Еще чаще и зауряднѣе сцены подобнаго насилія надъ женщиной въ низшей простонародной средѣ. Ночью въ знаменитомъ домѣ

Вяземскаго прохожіе услышали стоны и крики изъ мусорнаго ящика. Оказалось, что въ ящикѣ лежала живущая въ этомъ домѣ финляндская уроженка. На спросъ она объяснила, что ее выбросилъ изъ окна третьяго этажа живущій въ одной съ нею комнатѣ «Степка», изъ мести за то, что она отказалась вступить съ нимъ въ любовную связь. Несчастная, ударившись при паденіи о мусорный ящикъ, переломила себѣ обѣ ноги и чрезъ нѣсколько дней умерла.

Жалуются двѣ женщины—одна, квартирная хозяйка, на жильца, другая на сосѣда по комнатамъ, мѣщанина. Будучи въ возбужденномъ состояніи, этотъ субъектъ выскочилъ голый изъ своей комнаты, срамословилъ, бранилъ обѣихъ женщинъ и нанесъ имъ побои.

Нерѣдко бываетъ, впрочемъ, что женщины переносятъ побои и оскорбленія отъ представительницъ своего же пола.

Изъ оконъ квартиры въ одномъ домѣ раздается страшный крикъ, взывающій о помощи. На крикъ сбѣгаются дворники и застаютъ въ квартирѣ такую сцену: квартирохозяйка съ помощью половой щетки заколотила подъ кровать жилицу и бьетъ ее, какъ собаку. Высвободили несчастную; слѣдствіе и судъ. И истица и отвѣтчица оказались нѣмки, послѣдняя приревновала первую къ «одному господину» и—по своему расправилась съ соперницей.

Между квартирохозяевами и ихъ жильцами очень часты ссоры, только не часто—изъ за романическихъ страстей, какъ въ вышеописанномъ случаѣ. У одного, пользовавшагося извѣстностью въ столицѣ, протодіакона снимали въ квартирѣ комнату мужъ и жена. На масляной жилецъ явился домой поздно навеселѣ и обезпокоилъ семейство и гостей о. протодіакона. И вотъ, по уходѣ гостей, хозяинъ съ дѣтьми ворвался въ комнату жильца, когда тотъ съ женою уже спалъ, схватилъ за шиворотъ и ударилъ объ стѣну, а затѣмъ дѣти бросились на него, таскали и били, причемъ, о. протодіаконъ приговаривалъ: «Я тебя въ тюрьмѣ сгною, выбросьте его за окно!», и только, можетъ быть благодаря слезамъ жены, съ нимъ этого не сдѣлали.

Жалуется судьѣ мастеровой на своихъ квартирныхъ хозяевъ, жену и мужа, что они, на его претензію о томъ, что у нихъ плохая ѣда,—жестоко его избили. Жалуется одна княжна-дѣвица

зрѣлыхъ лѣтъ на свою квартирную хозяйку, дряхлую старуху, за то, что та ругала ее и попрекала тѣмъ, что у княжны «монахъ три ночи ночевалъ» тогда, какъ, по увѣренію послѣдней, монаху этому было 70 лѣтъ и онъ, просто,—«старый знакомый ея родителей». Жалуется другая дѣвица тоже на квартирную хозяйку за то, что та, вдругъ, почему-то вздумала среди ночи гнать ее изъ квартиры и, встрѣтивъ отказъ, стала драться...

Весьма обыкновенны такія-же острыя отношенія между домовладѣльцами и квартирантами, между «господами» и прислугой, между хозяевами-нанимателями и служащими, между заказчиками и ремесленниками.

Нѣкоторыя ссоры и драки оригинальны по своимъ поводамъ Было нѣсколько скандалезныхъ случаевъ нанесенія побоевъ публично подчиненными своимъ начальникамъ. Дѣйствовала тутъ всегда личная месть, озлобленіе за болѣе или менѣе реальныя обиды и преслѣдованія и желаніе испортить начальнику карьеру. Разъ это сдѣлалъ одинъ канцеляристъ своему ближайшему начальнику въ министерствѣ юстиціи. На судѣ онъ объяснилъ свой поступокъ тѣмъ, что начальникъ «постоянно притѣснялъ его, убавлялъ жалованье противъ другихъ чиновниковъ и, наконецъ, лишилъ его награды, которую получили сослуживцы его къ Пасхѣ; подобныя притѣсненія чувствительно отозвались на матеріальныхъ средствахъ подсудимаго, имѣющаго жену и четверыхъ дѣтей, а такъ какъ виновникъ этого былъ начальникъ, то подсудимый рѣшился дать ему почувствовать»...

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ тотъ-же мотивъ: нанесть ударъ не для причиненія физической боли, а именно — «дать почувствовать» только униженіе, позоръ.

IX

Святотатства, поджоги, изнасилованія и поддѣлка денегъ.

Въ десятилѣтней сложности въ Петербургѣ за данный промежутокъ времени ежегодно происходило:

Святотатствъ.	8.
Поджоговъ	9.
Поддѣлокъ денегъ и ихъ распространенія.	23.
Изнасилованія женщинъ	12.

Здѣсь исчислены только тѣ случаи означенныхъ преступленій, которые были настигнуты полиціей, приведены въ извѣстность ея протоколами и ею-же переданы суду. Но извѣстно, что по нѣкоторымъ изъ этого рода преступленій сами жертвы ихъ, помимо полиціи, вчиняютъ преслѣдованія виновныхъ въ судѣ:—число такихъ случаевъ не сосчитано.

Святотатство принадлежитъ къ наиболѣе рѣдкимъ преступленіямъ; по крайней мѣрѣ, очень рѣдко дѣлается оно объектомъ воздѣйствія полиціи и суда. Отсюда происходитъ, вѣроятно, и крайняя неравномѣрность его статистической регистраціи, указывающая на совершенную случайность его обнаруживанія блюстительскимъ надзоромъ. Такъ, оказывается, что въ то время, какъ въ иные годы за обозрѣваемый періодъ случаевъ святотатства бывало 4 или 5, а, напр., въ 1877 г. всего 1,—въ 1869 г. полицейская статистика насчитала ихъ 17 и въ 1871 г.—22. Цитируемый офиціальный отчетъ не даетъ никакихъ объясненій такого, сравнительно, необычайнаго возростанія даннаго преступленія за означенные два года. Не можемъ даже сказать, что именно разумѣла въ данномъ случаѣ полицейская статистика подъ «святотатствомъ»—вообще-ли оскорбленія святыни богохульственнымъ словомъ и дѣломъ, или-же одно-лишь ограбленіе и обкрадываніе храмовъ и ихъ принадлежностей? Можно только догадываться, что здѣсь констатиро-

ваны попреимуществу случаи послѣдней категоріи преступленія, изъ коихъ чаще всего встрѣчаются въ столицѣ взломы и опустошенія церковныхъ кружекъ, большею частью наружныхъ. Памятно одно только чрезвычайное, сопровождавшееся убійствомъ, покушеніе на ограбленіе столь чтимой въ Петербургѣ часовни Спасителя въ домикѣ Петра В. Преступникъ поздней зимней ночью ворвался въ домикъ, убилъ сторожа и похитилъ что могъ. Что касается собственно богохульства и кощунства, то преступленія этого рода совершенно почти не встрѣчаются въ современной уголовной хроникѣ не потому, конечно, чтобы они не случались въ дѣйствительности, а — просто, вслѣдствіе распространенія въ наши дни религіозной терпимости и отчасти религіознаго индиферентизма. Въ практикѣ полиціи и суда нынѣ довольно часты преслѣдованія сектантовъ за отступничество отъ правой вѣры, за ересь, но, хотя въ Петербургѣ и много сектантовъ, однако-жь, дѣлъ въ этомъ родѣ мы не припомнимъ. Только во время памятнаго плотицынскаго дѣла петербургскіе скопцы, по профессіи большею частью мѣнялы, испытали довольно сильную передрягу, со стороны полиціи, въ мѣрѣ своей прикосновенности къ дѣяніямъ моршанскаго корабля. На нихъ тогда именно охотился и пресловутый Мироновичъ, какъ это выяснилось въ знаменитомъ дѣлѣ объ убійствѣ Сарры Беккеръ.

Съ начала 70-хъ гг. въ Петербургѣ стала сильно развиваться великосвѣтская религіозная ересь, основаніе которой положили пресловутые салонные апостолы, лордъ Редстокъ и полковникъ Пашковъ. Сперва на распространеніе этого страннаго сектантства, на молитвенныя «бдѣнія» его прозелитовъ и на дѣятельность его апостоловъ власти смотрѣли снисходительно и только въ послѣднее время былъ положенъ предѣлъ публичнымъ манифестаціямъ этого духовнаго «соблазна» да, кажется, и сами элегантные еретики поохладѣли въ своемъ наивно-сентиментальномъ «стремленіи къ Христу». Впрочемъ, язва эта отнюдь не уголовная и, строго говоря, выходитъ изъ рамки настоящаго очерка.

Поджоги въ Петербургѣ совершаются главнымъ образомъ самими владѣльцами поджигаемыхъ имуществъ или ихъ клевретами съ корыстной цѣлью. Поджигается имущество застрахованное — такое, которое, по стоимости, въ моментъ поджога значительно ниже суммы страховой преміи. Для этого имущество предварительно

обезцѣнивается владѣльцемъ, или растрачивается, или-же, путемъ обмана и сдѣлки, оцѣнивается въ моментъ застрахованія въ непомѣрно высокую сумму, сравнительно съ дѣйствительной его стоимостью.

Преступленіе это попреимуществу городское, сравнительно — новое, возникшее со времени развитія и распространенія страхованія, въ которомъ люди находчивые, дурной воли, обрѣли источникъ быстрой и легкой наживы. Соблазнъ здѣсь для нихъ великъ, такъ какъ злоумышленный, хорошо и осмотрительно подготовленный поджогъ очень трудно изобличить, и—безъ сомнѣнія, въ большинствѣ случаевъ онъ вѣнчается полнымъ успѣхомъ, остается нераскрытымъ и безнаказаннымъ. Страшна здѣсь только одна нравственная отвѣтственность—не передъ обираемымъ страховымъ обществомъ, а передъ сосѣдями, ни въ чемъ не повинными передъ поджигателемъ, которымъ онъ вовсе не хотѣлъ-бы и не имѣетъ поводовъ причинить зло, но которые, тѣмъ не менѣе, должны сдѣлаться жертвами его преступленія, должны пострадать и раззориться ни за что ни про что. А это почти неизбѣжно въ большинствѣ случаевъ при скученности городскихъ построекъ и при петербургскомъ распредѣленіи отдѣльныхъ жилищъ — помногу въ одномъ и томъ-же домѣ, такъ что каждый хозяинъ квартиры-ли, магазина или инаго торгово-промышленнаго заведенія со всѣхъ сторонъ тѣсно окруженъ сосѣдями.

Говоря сравнительно, въ Петербургѣ совершается немного поджоговъ, по крайней мѣрѣ — немного ихъ изобличается и приводится въ извѣстность полицейскимъ слѣдствіемъ. По полицейскимъ свѣдѣніямъ, цифра ихъ даже какъ будто-бы уменьшается. А именно: случаевъ поджоговъ было

въ	1869	году	22
»	1870	»	13
»	1871	»	3
»	1872	»	7
»	1873	»	8
»	1874	»	6
»	1875	»	8
»	1876	»	11
»	1877	»	5

Повторяемъ, однако, что значительнѣйшая часть случаевъ этого рода преступленія, по всѣмъ вѣроятіямъ, остается въ неизвѣстности и не попадаетъ въ уголовно-полицейскую статистику.

Чаще всего искушаются на поджоги промышленники и торговцы, хозяева различныхъ лавокъ, ремесленныхъ и иныхъ заведеній,—конечно, неудачные, запутавшіеся и проторговавшіеся. Изыскивая способы поправить разстроенныя дѣла и не находя ихъ, они наталкиваются на мысль о поджогѣ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что агентура столичныхъ страховыхъ обществъ очень строга, добросовѣстна и осторожна въ оцѣнкахъ страхуемыхъ имуществъ, въ большинствѣ случаевъ. Провести ее или согласить на обманъ мудрено. Поэтому поджигатели, сдѣлавъ застраховку по существу, безъ фальши, предварительно распродаютъ или тайно перемѣщаютъ большую часть своего имущества, оставляя изъ него въ жертву огня пустяки. На этомъ-то нѣкоторые изъ нихъ и ловятся!

Ловятся также они нерѣдко на самой механикѣ поджога, не умѣя подготовить и совершить ее достаточно искусно и успѣшно. Такъ какъ, въ большинствѣ, поджигатели—люди темные, не образованные, представители «черной сотни», то употребляемые ими для этаго преступленія способы примитивны и грубы. Это—классическія стружки, лучина и пакля, для горючести сдобренныя керосиномъ, саломъ или дегтемъ. Рѣдко попадаются искусники, болѣе свѣдущіе въ пиротехникѣ и прибѣгающіе къ болѣе усовершенствованнымъ ея орудіямъ и составамъ. Разъ только изобличенъ былъ въ 70-хъ гг. въ утилизаціи для данной цѣли такихъ усовершенствованныхъ горючихъ матеріаловъ одинъ молодой нѣмецъ,—хозяинъ магазина разныхъ игрушекъ и бездѣлушекъ на Вознесенскомъ проспектѣ. Онъ устроилъ въ своемъ магазинѣ цѣлую остроумную систему быстро воспламеняющихся огней изъ пироксилиновыхъ нитокъ, петардъ и тому подобныхъ веществъ, приспособилъ свѣчку такимъ способомъ, чтобы черезъ извѣстное время она зажгла всю эту адскую машину, и, въ ожиданіи эфектнаго результата своего замысла, взялъ тройку, пригласилъ дамъ и ускакалъ веселиться въ «Красный кабачекъ». Замыселъ, однако, не удался: огонь былъ во время замѣченъ, прискакали пожарные и нашли еще явные признаки преступнаго покушенія. Бѣдный нѣмецъ попалъ подъ

судъ, былъ осужденъ на каторгу и, послѣ приговора, въ корридорѣ суда закололся наповалъ перочиннымъ ножикомъ.

Обыкновенно поджоги мастерятся гораздо безхитростнѣе и наивнѣе. Какъ во всѣхъ русскихъ уголовныхъ дѣяніяхъ, и здѣсь преобладаетъ наша патріархальная простота. Беремъ одинъ примѣръ изъ множества однородныхъ,

Въ 1875 г. въ окружномъ судѣ судился отставной унтеръ-офицеръ, хозяинъ кожевеннаго завода на Лиговкѣ, за злоумышленное его сожженіе, а при этомъ и чужаго деревяннаго дома, въ которомъ заводъ помѣщался. Заводъ былъ застрахованъ въ мартѣ слишкомъ въ 5 т., а въ апрѣлѣ сгорѣлъ. Главнымъ пунктомъ обвиненія послужили предварительные, неудававшіеся опыты унтеръ-офицера совершить поджогъ,—опыты, изумительные по простодушію и наглости. Напримѣръ, унтеръ-офицеръ разослалъ своихъ рабочихъ и свою прислугу «гулять», а, когда они возвратились, по его разсчету, преждевременно, сталъ усиленно уговаривать не идти домой.

— Мы, однакожь, его не послушали, — показывалъ одинъ свидѣтель рабочій.—Приходимъ въ мастерскую и вотъ что видимъ:— на полу двѣ небольшія корзинки изъ-подъ ягодъ съ лучинами снизу и доской сверху, обмазанныя сплошь свѣжимъ дегтемъ; на доскѣ стоятъ два разожжонные огарка въ полдюйма или больше, причомъ, огонь одного изъ нихъ приходится подъ кранъ бочки съ дегтемъ; недалеко оттуда приставлена къ печкѣ обмазанная дегтемъ доска; затѣмъ, у другой стѣны еще корзинка, обмазанная дегтемъ съ небольшою дощечкой, на которой также горитъ огарокъ, и близь того мѣста стоитъ большая половая доска, обмазанная дегтемъ. Мы потушили огарки и—такимъ родомъ Богъ помиловалъ на тотъ разъ отъ несчастья...

Говорятъ, потомъ, хозяину, а онъ преравнодушно отвѣчаетъ:

— Кто-жь-бы это шутить вздумалъ?—и никакого безпокойства, что отъ такой шутки нетолько заводъ, но цѣлый кварталъ выгорѣть можетъ. Когда, наконецъ, опытъ удался, унтеръ-офицеръ не съумѣлъ даже придумать сколько нибудь правдоподобнаго объясненія — почему произошелъ пожаръ, какъ не съумѣлъ также скрыть «оказательство» того факта, что пожаръ былъ для него очень выгоденъ.

На судѣ обнаружилось, между прочимъ, что этотъ заводчикъ уже не впервые поправляется и извлекаетъ доходъ изъ пожара. За годъ передъ тѣмъ онъ содержалъ портерную, которая сгорѣла не вѣсть отчего и ея хозяинъ получилъ страховой преміи около двухъ тысячъ. Нѣсколько раньше такимъ-же родомъ у него сгорѣла табачная лавочка и—тоже съ прибылью. Весьма похоже было на то, что самый кожевенный заводъ—очень плохо и мало производившій—основанъ былъ на такомъ-же разсчетѣ: пойдетъ—хорошо, а нѣтъ—«красный пѣтушекъ» выручитъ!

Это уже систематикъ, поджигатель, такъ сказать, по призванію и по ремеслу, и—конечно, не единственный въ своемъ родѣ. Нѣсколько позднѣе въ Петербургѣ была обнаружена и привлечена къ суду цѣлая шайка лиходѣевъ, которая пыталась вести поджоги систематически на началахъ правильно организованнаго промысла. Обыкновенно одно изъ принадлежавшихъ къ шайкѣ лицъ нанимало въ какомъ-либо домѣ квартиру, обставляло ее мебелью и страховало въ нѣсколько разъ дороже дѣйствительной стоимости обстановки. Въ тоже время рядомъ съ нимъ помѣщался другой квартирантъ, не страховавшій своего имущества, который и совершалъ поджоги съ такимъ разсчетомъ, чтобы огонь переходилъ на сосѣднее застрахованное помѣщеніе. Такіе поджоги шайка практиковала въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Петербургѣ, и полиція съ большимъ трудомъ выслѣдила ея преступныя дѣйствія. Шайка состояла изъ многихъ лицъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ женщинъ,—людей, съ виду, приличныхъ, культурныхъ.

Поджогъ съ корыстной цѣлью—такое казалось-бы, грубое, презрѣнное и «черное» дѣло, на которое могутъ идти только жалкіе, ничтожные, грошевые люди. Однако-жь, въ лѣтописи петербургской уголовщины за обозрѣваемый періодъ грандіознымъ и монструознымъ пятномъ стоитъ знаменитый поджогъ «фейгинской» мельницы, въ чемъ обвинялся и былъ обвиненъ именитый, отличенный всякими почестями комерціи совѣтникъ, милліонеръ, «сорокъ лѣтъ жившій подъ однимъ нумеромъ», старикъ убѣленный сѣдинами, родоначальникъ безчисленнаго множества дѣтей, внуковъ и правнуковъ... Безъ сомнѣнія, эта типическая фигура и ея глубоко-поучительный процессъ хорошо еще всѣмъ памятны, чтобы была надобность возстановлять ихъ здѣсь.

Отмѣтимъ только, что тутъ поджогомъ достигалась очень сложная мошенническая цѣль, направленная противъ интересовъ казны въ зависимости съ подрядами по довольствію войскъ. Добыча страховой преміи играла тутъ послѣднюю роль.

Скажемъ, наконецъ, что поджоги совершаются также изъ мести или ради сокрытія преступленія, напр., воровства, убійства и пр. Столь обычные въ нашей деревнѣ поджоги изъ мести, въ Петербургѣ случаются очень рѣдко; чаще бываютъ въ нашей столицѣ покушенія на поджогъ ради сокрытія преступленія. Разъ дворники одного дома, разграбивъ тайно кладовую домовладѣлицы, произвели въ ней пожаръ, чтобы скрыть грабежъ, но попались. Такіе-же опыты дѣлались нѣкоторыми убійцами въ намѣреніи отвести глаза полиціи и вмѣнить гибель своихъ жертвъ несчастью отъ случайнаго, якобы, пожара.

Обращаемся къ уголовному матеріалу по фабрикаціи и сбыту фальшивыхъ денегъ и цѣнныхъ бумагъ. Интересна статистика этого рода преступленій. Ихъ совершилось въ Петербургѣ:

Въ	1869	году	. . 64
»	1870	»	. . 30
»	1871	»	. . 31
»	1872	»	. . 17
»	1873	»	. . 28
»	1874	»	. . 9
»	1875	»	. . 5
»	1876	«	. . 3
»	1877	»	. . 11

Цифры эти указываютъ, что преступленія данной категоріи постепенно уменьшаются, но можно-ли этому вѣрить?—Повседневные факты убѣждаютъ, что зло это, не взирая на всевозможныя мѣропріятія, не убываетъ, если не увеличивается. Нагляднымъ доказательствомъ этого служатъ, между прочимъ, произведенные финансовымъ вѣдомствомъ опыты совершеннаго изъятія изъ обращенія нѣкоторыхъ денежныхъ знаковъ (напр., пятидесятирублевыхъ ассигнацій) и частой замѣны однихъ другими, болѣе замысловатыми и

менѣе поддающимися фальсификаціи (напр., двадцатипятирублевыхъ ассигнацій). Это дѣлалось, разумѣется, въ предотвращеніе сильнаго распространенія поддѣльныхъ бумажекъ данныхъ категорій. Отчасти этими-же соображеніями была вызвана и всеобщая перемѣна ассигнацій въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

И тѣмъ не менѣе, фальшивыя ассигнаціи самыхъ тонкихъ и хитроумнѣйшихъ рисунковъ и образцовъ попадаются сплошь и рядомъ, и вводятъ въ заблужденіе даже знатоковъ. Теперь уже извѣстно, что наиболѣе обширныя и искусныя поддѣлки русскихъ ассигнацій производятся заграницей, главнымъ образомъ въ Лондонѣ, откуда издѣлія эти привозятся въ Россію и здѣсь сбываются особыми агентами. У насъ, доморощенныя поддѣлки фабрикуются преимущественно подъ Москвою въ Богородскомъ уѣздѣ. Особенно славились этимъ въ описываемое время знаменитыя Гуслицы. Фальшивыя ассигнаціи русскаго дѣла грубы, топорны и могутъ обмануть развѣ только темнаго крестьянина.

На лакомый товаръ этотъ много есть охотниковъ, и молва складываетъ сказанія про случаи счастливаго и огромнаго обогащенія фальшивыми деньгами. Даже имена счастливцевъ называютъ и пальцами на нихъ показываютъ, а разъ одинъ легкомысленный журналистъ тиснулъ въ газетѣ одно изъ такихъ указаній, въ формѣ прозрачнаго намека, за что и высидѣлъ въ тюрьмѣ четыре мѣсяца, по обвиненію въ диффамаціи.

Дѣло это темное, но есть факты достовѣрные, указывающіе на возможность опытовъ обогащенія этимъ путемъ en grand не какими нибудь жалкими представителями подонковъ, а людьми видными, съ положеніемъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ была изобличена цѣлая компанія, и въ ея числѣ одинъ профессоръ, въ поддѣлкѣ и сбытѣ фальшивыхъ билетовъ внутренняго съ выигрышами займа. Одновременно сильно скандализировано было интеллигентное общество знаменитымъ харьковскимъ дѣломъ по фабрикаціи фальшивыхъ серій государственнаго казначейства, въ чемъ обвинялось нѣсколько помѣщиковъ, свѣтскихъ, образованныхъ людей—представителей провинціальной аристократіи. Въ 1871 г. сыскная полиція накрыла шайку сбытчиковъ купоновъ отъ билетовъ внутренняго съ выигрышами займа и этихъ купоновъ былъ арестованъ цѣлый чемоданъ. Позднѣе, въ Петербургѣ составился кружокъ, изъ столичнаго адвоката, сѣдо-

власаго авантюриста—поляка и его сына, нѣсколькихъ элегантныхъ дамъ и коммиссіонера-еврея, который заказалъ заграницей и вывезъ на нѣсколько сотъ тысячъ фальшивыхъ облигацій рязанско-тамбовской желѣзной дороги и успѣшно началъ ихъ сбывать, но операція эта была раскрыта. Наконецъ, уже въ концѣ 70-хъ гг. всплыла наружу остроумная продѣлка съ временными свидѣтельствами облигацій Восточнаго займа, совершенная благороднымъ семействомъ Висленевыхъ. Они во множествѣ скупали эти свидѣтельства, оплоченныя первыми взносами, и печатали на нихъ фальшивыя клейма о платежѣ сполна, въ подражаніе тому, какъ дѣлалъ это государственный банкъ, а потомъ сбывали ихъ, получая разницу между первымъ взносомъ и полной цѣной, въ нѣсколько десятковъ рублей на каждую сторублевую облигацію.

Таковы были наиболѣе крупныя операціи въ области этого криминальнаго искусства. Обыкновенные, мелкіе опыты легкой наживы этимъ путемъ заключаются, главнымъ образомъ, въ сбытѣ фальшивыхъ ассигнацій. Случаи поддѣлки таковыхъ въ Петербургѣ очень рѣдки; это—товаръ большею частью привозный. Сбытъ производится обыкновенно по одной и той же несложной и нехитрой системѣ. Беремъ реальный случай.

Нѣкто, отставной солдатъ, еврей, зашелъ какъ-то въ одну портерную лавку, гдѣ за потребованную имъ бутылку пива расплатился десяти-рублевою бумажкой. Получивъ сдачу, онъ отправился въ сосѣдній ренсковый погребъ и взялъ тамъ бутылку вина, за которую тоже расплатился десятирублевой бумажкой, но прикащикъ погреба началъ внимательно разсматривать данную ему десятирублевую депозитку. Видя, что прикащикъ слишкомъ уже глубоко анализируетъ достоинство ассигнаціи, еврей хотѣлъ уже взять обратно свою десятирублевку и уйти, но въ это время въ погребъ вошелъ прикащикъ пертерной лавки съ городовымъ и указалъ на него, какъ на человѣка, сбывающаго фальшивыя ассигнаціи. Полиція арестовала еврея и, при обыскѣ его квартиры, нашла нѣсколько отдѣльно связанныхъ пачекъ, въ которыхъ находилось по 9 руб. съ копѣйками въ каждой. Этой оригинальной аккуратностью счетоводства сбытчикъ выдалъ себя, хотя самихъ фальшивыхъ ассигнацій, кромѣ двухъ, на которыхъ онъ поймался, у него не было найдено. Очевидно, онъ

былъ только агентомъ болѣе крупнаго промышленника, оставшагося, впрочемъ, не открытымъ.

Таковъ, обыкновенно, способъ сбыта, основывающійся на обманѣ. Успѣхъ сбыта зависитъ, разумѣется, отъ степени искусства подделки, съ одной стороны, и съ другой — отъ умѣнья сбытчика выбирать наиболѣе подходящихъ для обмана индивидуумовъ, темныхъ и простоватыхъ.

Встрѣчаются, хотя значительно рѣже, попытки сбыта оптомъ, цѣлыми партіями фальшивыхъ ассигнацій, до которыхъ всегда находятся охотники среди неразборчивыхъ любителей быстраго обогащенія. Кромѣ того, подъ видомъ такого сорта сбыта нерѣдко практиковался одинъ своеобразный обманъ, заключавшійся въ фальсификаціи самихъ поддѣльныхъ ассигнацій. Мнимый сбытчикъ сихъ послѣднихъ соблазнялъ охотника до этого товара, продавалъ ему такую-то партію на такихъ-то условіяхъ, обставлялъ сдѣлку таинственностью и совершалъ ее на скорую руку гдѣ-нибудь за угломъ или въ какой-нибудь трущобѣ:—вручалъ покупателю условленное количество новенькихъ ассигнацій одного какого нибудь образца, сложенныхъ пачками, получалъ плату чистыми деньгами и улетучивался. Покупатель, затѣмъ, дѣлалъ очень непріятное для себя открытіе:—пачки оказывались состоящими изъ простой оберточной бумаги, только для декораціи и обмана обложенныя сверху и снизу, по одному листику, дѣйствительными ассигнаціями и, ктому-жъ, вовсе не-фальшивыми. Случаевъ такого мошенничества было много.

Нельзя не упомянуть здѣсь еще объ одномъ довольно распространенномъ видѣ фальсификаціи, близко соприкасающемся съ поддѣлкою денегъ. Это—наложеніе фальшивыхъ клеймъ на мнимыя золотыя и серебрянныя вещи или-же на такія, металлъ которыхъ значительно ниже пробы. Промышляютъ этою поддѣлкой всего чаще ювелирные мастера.

Преступленіе, называемое изнасилованіемъ женщинъ, въ буквальномъ смыслѣ, казалось-бы, скорѣе всякаго другаго должно исчезнуть изъ нравовъ современнаго цивилизованнаго города. Само по себѣ, совершенно первобытное, зоологическое, по своему разбойничьему характеру и звѣрскимъ мотивамъ, оно не имѣетъ своего, такъ сказать, raison d'être тамъ, гдѣ половыя отношенія не только

ничѣмъ не стѣснены, но даже черезъ чуръ свободны, гдѣ мужская физическая потребность половыхъ наслажденій находитъ себѣ такое избыточное, разнообразное на всякій вкусъ и общедоступное предложеніе въ столь широко развившейся въ наши дни городской проституціи.

Наконецъ, при нынѣшнихъ бытовыхъ условіяхъ домашней жизни въ городахъ, оно просто, неудобно во многихъ отношеніяхъ. Грубое физическое насиліе давно замѣнили въ этого рода деликатныхъ дѣлахъ обольщеніе, обманъ и, главнѣе всего, золото, чарами и блескомъ котораго какую женщину нельзя соблазнить?

Тѣмъ не менѣе, дикое, въ прямомъ смыслѣ, изнасилованіе женщинъ существуетъ и въ наши дни, даже въ такомъ высокоцивилизованномъ, гуманномъ городѣ, какъ Лондонъ, судя по недавнимъ скандалезнымъ разоблаченіямъ англійской «Pall-Mall Gazette». Существуетъ оно и у насъ и, вѣроятно, въ нерѣдкихъ случаяхъ, судя потому, что преступленіе это, наименѣе поддающееся, по свойству и условіямъ своимъ, охранительному воздѣйствію полиціи и суда, тѣмъ не менѣе занимаетъ постоянное и довольно видное мѣсто въ петербургской уголовной статистикѣ. Такъ, случаевъ изнасилованія женщинъ въ Петербургѣ было:

Въ	1869	году	12
»	1870	»	13
»	1871	»	10
»	1872	»	10
»	1873	»	28
»	1874	»	19
»	1875	»	9
»	1876	»	6
»	1877	»	6

Не знаемъ, чѣмъ объяснить необычайное увеличеніе цифры этого рода преступленій въ 1874 и въ особенности въ 1873 г.? По всѣмъ вѣроятіямъ, это была случайность, но не по отношенію къ дѣйствительному числу самихъ фактовъ, а значитъ лишь, что въ означенные годы полиціи удалось, почему либо, большее число накрыть ихъ.

Въ изнасилованіи чаще всего изобличаются люди болѣе или менѣе культурные, горожане, а не полудикіе «сыны природы». Въ примитивномъ быту изнасилованіе женщинъ является актомъ звѣриной, необузданной половой энергіи, стихійной, полнокровной страсти, — въ современномъ-же городскомъ обществѣ оно есть порожденіе разврата, изысканнаго, пресыщеннаго сластолюбія и паталогическаго извращенія половаго инстинкта, нуждающагося въ искуственномъ возбужденіи. Поэтому-то, и какъ обнаружили разоблаченія вышеназванной англійской газеты, очень часто жертвами насилія въ городахъ дѣлаются нынче не столько совершеннолѣтнія женщины, сколько нѣжныя отроковицы и даже дѣти.

Французскій статистикъ Соке, занимавшійся изслѣдованіемъ этого вопроса въ большомъ масштабѣ, замѣтилъ, что, вообще, число изнасилованій взрослыхъ женщинъ въ послѣднее время сравнительно уменьшается, тогда какъ одновременно изнасилованіе дѣтей въ ужасающей степени возростаетъ. Такъ, съ 1836 по 1880 г. изнасилованіе дѣтей количественно увеличилось въ пять разъ!

Поразительное и глубоко печальное явленіе это объясняется, именно, не стихійной напряженной силою половаго инстинкта, а его извращеніемъ и болѣзненностью, происходящими отъ аномалій и уродствъ въ современномъ соціальномъ строѣ и въ условіяхъ городской жизни.

Личности, покушающіяся на это преступленіе, большею частью — люди нездоровые, истощенные и испорченные развратомъ, а нерѣдко и психически ненормальные. Это, вообще, категорія тѣхъ распутныхъ сластолюбцевъ, чрезвычайно въ наши дни размножающихся, которые ищутъ противуестественнаго удовлетворенія половаго инстинкта. Среди нихъ, рядомъ съ аматерами растлѣнія малолѣтнихъ дѣвочекъ, по совершенно аналогичнымъ мотивамъ, образуются педерасты, скотоложцы и онанисты.

Всѣ эти разновидности существуютъ въ Петербургѣ, но только, конечно, рѣдко приводятся въ извѣстность полиціей нравовъ. Такъ, напр., факты скотоложства обозначены въ полицейской статистикѣ ничтожными цифрами, какъ рѣдкія исключенія. Въ судѣ-же за обозрѣваемый періодъ разсматривался одинъ только — правда — весьма замѣчательный случай этого преступленія.

Въ 1868 г. въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ судился одинъ рядовой, біографія котораго была такова:

Поступивъ на службу въ 1855 г., онъ въ 1861 г. за скотоложство прогнанъ былъ сквозь строй черезъ сто человѣкъ одинъ разъ; въ 1862 г., за побѣгъ изъ караула, наказанъ шпицрутинами тоже одинъ разъ черезъ сто человѣкъ; въ 1863 году за вторичное скотоложство въ пьяномъ видѣ его сослали на пять лѣтъ въ арестантскія роты, откуда онъ вышелъ въ 1868 г. и былъ опредѣленъ вновь на дѣйствительную службу въ свой полкъ, квартировавшій въ Кронштадтѣ. Но и цѣлый рядъ такихъ тяжкихъ наказаній его, однако, не исправилъ: онъ опять убѣжалъ, опять былъ пойманъ на скотоложствѣ и уже въ тюрьмѣ пытался кастрировать себя выбитымъ изъ окна стекломъ... Очевидно, субъектъ былъ психически ненормальный.

Объ этомъ мимоходомъ.

Что касается изнасилованія женщинъ въ нашей столицѣ, то наибольшее число случаевъ этого преступленія, обнаруженныхъ полиціей, разумѣется, всего чаще по жалобамъ потерпѣвшихъ, совершается надъ бѣдными, одинокими дѣвушками изъ низшихъ слоевъ населенія, завлеченными плѣнившимися ихъ свѣжестью и красотой ловеласами — самими-ли непосредственно, или-же при содѣйствіи спеціальныхъ сводней. Неопытная, молоденькая дѣвушка завлекается, путемъ обольщенія и обмана, въ западню и дѣлается жертвой насилія. Виновникъ послѣдняго и его пособники обставляютъ преступленіе такъ осмотрительно, что въ большинствѣ случаевъ оно сходитъ имъ безнаказанно, тѣмъ болѣе, что̀ сама опозоренная дѣвушка чаще всего, во избѣжаніе огласки, тягостной полицейско-судейской волокиты, изъ стыдливости и сознанія, что потеряннаго сокровища не воротишь, волей-неволей примиряется со своимъ безчестіемъ... Къ такому рѣшенію усиленно приводитъ ее, конечно, и самъ соблазнитель съ компаніей подарками, деньгами, ласками и льстивыми обѣщаніями.

Бываютъ, однако, случаи, что насильники дѣйствуютъ совершенно поразбойничьи, съ безоглядной наглостью. Вотъ не единственный въ этомъ родѣ примѣръ.

Жило въ Коломнѣ семейство отставного унтера, кормившееся отъ портерной лавки, въ которой торговала съ отцомъ старшая

дочь Вѣра, замѣчательно красивая дѣвушка, у которой вскорѣ среди посѣтителей нашлись пламенные поклонники. Сначало все обстояло благополучно, но вдругъ семью постигло несчастье: мать умерла, отецъ былъ убитъ горемъ, въ портерной лавкѣ осталась одна Вѣра. Изъ числа ухаживателей двое (одинъ военный) начали настойчиво приставать къ дѣвушкѣ ѣхать съ ними кататься. Долго отказывала Вѣра, наконецъ, не подозрѣвая ничего дурнаго, дала свое согласіе и компанія послѣ запора лавки, въ 11 час., поѣхала на тройкѣ. Несмотря на упорное сопротивленіе Вѣры, они очутились въ «Самаркандѣ» и лишь на другой день измятая и обезчещенная дѣвушка вернулась домой.

Случай этотъ имѣлъ мѣсто вначалѣ 70-хъ гг.

X.

Дѣти-преступники.

Есть благодушные, наивные, не то — слишкомъ уже лукавые филантропы, которые не нарадуются существованію у насъ въ Петербургѣ такого, напр., высоко-гуманннаго, высоко-воспитательнаго, наиблагодѣтельнѣйшаго учрежденія, какъ исправительная колонія для малолѣтнихъ преступниковъ. Если о чемъ сожалѣютъ они, въ данномъ случаѣ, то развѣ только о томъ, что у насъ-де, къ великому огорченію филантропическихъ душъ, такихъ благотворительныхъ заведеній еще очень, очень мало... Сладкіе, сердобольные человѣколюбцы, они желали-бы въ своихъ благотворительныхъ мечтаніяхъ, чтобы подобныя учрежденія во множествѣ были насаждены по всему лицу земли русской, чтобы во всѣхъ градахъ и весяхъ, повсемѣстно, среди садовъ, цвѣтниковъ и золотистыхъ нивъ, въ живописныхъ мѣстоположеніяхъ всячески процвѣло столь благодѣтельное, исправительное тюремное заключеніе для этихъ милыхъ, но безвременно погибшихъ или испорченныхъ отроковъ! Вотъ, тогда-

бы наступило полное торжество для филантропіи и на землѣ водворился-бы желанный рай!

Филантропія у насъ, въ особенности тюремная, преимущественно носитъ такой, именно, кисло-сладкій, отдающій фарисействомъ характеръ, вдохновляется столь сомнительными, съ точки зрѣнія истиннаго человѣколюбія, идеалами. Она во многомъ напоминаетъ тѣхъ, съ извращеннымъ благочестіемъ, барынь-ханжей, которыя весьма холодны и равнодушны къ человѣку, вообще, но необыкновенно чувствительны и жалостливы къ блаженненькимъ, къ уродцамъ и ко всякаго сорта «каликамъ-перехожимъ». Филантропія точно также любитъ только окончательно падшихъ, неизлечимо искалѣченныхъ физически и нравственно, и, такъ сказать, патентованныхъ убогихъ и нищихъ, совершенно равнодушно, съ вознесенными горѣ взорами, проходя, въ тоже время, мимо «невидимыхъ міру слезъ», мимо невысказанныхъ страданій, мимо всѣхъ тѣхъ, кто еще не палъ, а борется, не утративъ пока чутья и человѣческаго достоинства.

Прекрасное дѣло, безспорно, благотворить убогимъ, калѣкамъ и преступникамъ; но намъ кажется, филантропія дѣлала-бы несравненно еще лучшее, несравненно болѣе отвѣчающее задачамъ человѣколюбія дѣло, еслибы она не брезгала человѣкомъ еще не павшимъ, но готовымъ упасть, если-бы она побольше заботилась предупреждать нищету и паденіе, чѣмъ безплодно возиться съ ними, когда они уже стали совершившимся и, въ большинствѣ случаевъ, неисправимымъ фактомъ, на который, строго говоря, остается рукой махнуть.

Если взглянуть подъ этимъ угломъ и въ соображеніи съ нѣкоторыми сторонними обстоятельствами на колонію для малолѣтнихъ преступниковъ,—несомнѣнно хорошаго учрежденія, говоря безусловно,—то не представится-ли она нѣсколько страннымъ, во всякомъ случаѣ—крайне уединеннымъ явленіемъ, чѣмъ-то, въ родѣ сентиментальнаго каприза добродѣтели, можетъ быть, и вполнѣ искренней, но очень ужъ близорукой?

Въ самомъ дѣлѣ, какъ разобраться въ такихъ противорѣчіяхъ? Въ моментъ открытія названной колоніи, представляющей собою прекрасно, щедро-обставленную школу, въ Петербургѣ не было еще и мысли объ открытіи, гораздо позднѣе явившихся, общихъ го-

родскихъ училищъ для дѣтей—не преступниковъ, а что касается профессіональныхъ для нихъ школъ, то онѣ и по сію пору находятся въ области pium desiderium. Такимъ образомъ, въ то время, какъ филантропія истощалась въ облагодѣтельствованіи малолѣтнихъ преступниковъ дарами педагогической опеки, знанія и просвѣщенія, тысячи еще неиспорченныхъ дѣтей честныхъ, но бѣдныхъ семействъ были лишены этихъ благъ наотрѣзъ и филантропіи до нихъ никакого не было дѣла.

Логиченъ-ли и сообразенъ-ли съ гуманизмомъ тотъ, напр., повседневный фактъ, что филантропія безъ всякаго вниманія проходитъ мимо десятковъ и сотень рыскающихъ по городу голодныхъ, нищенствующихъ дѣтей, выброшенныхъ на улицу на жертву деморализаціи и болѣзни, и при этомъ сама какъ-бы стоитъ за уголкомъ, въ сторонѣ, съ фарисейски-постной миной дожидая, когда эти несчастные малолѣтки окончательно сформируются въ воровъ и преступниковъ, чтобы тогда только взять ихъ подъ свое теплое попеченіе? Мы уже не говоримъ о томъ, что наша филантропія до сихъ поръ ничего почти не дѣлала по отношенію къ маломальскому улучшенію и урегулированію большей частью горькой и тяжкой участи десятковъ тысячъ дѣтей-рабочихъ, закабаленныхъ въ ремесленныхъ мастерскихъ и на фабрикахъ. Только на дняхъ, можно сказать, филантропы наши спохватились наконецъ и учредили «общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ», дѣятельность котораго пока весьма ограничена.

Колонія для малолѣтнихъ преступниковъ и разныя исправительныя для нихъ тюремныя отдѣленія, которыми столь тщеславится филантропія, имѣютъ одно несомнѣнно краснорѣчивое и убѣдительное значеніе—значеніе вопіющей улики.

Да, это—неотразимая, страшно крикливая улика противъ того преступника, который называется обществомъ! Это—самое потрясающее «вещественное доказательство» глубокой общественной порчи, подрыва семьи и бѣдственнаго положенія массы!

Безъ сомнѣнія, изъ всѣхъ нравственныхъ аномалій и человѣческихъ уродствъ, порождаемыхъ современнымъ состояніемъ общественнаго союза, малолѣтній преступникъ — самое ужасное уродство и наиболѣе злокачественное болѣзненное явленіе!

У насъ до сихъ поръ никому не пришло въ голову сколько-

нибудь изслѣдовать это явленіе и хотябы просто сосчитать, въ точности, всѣхъ дѣтей, принадлежащихъ къ classe dangereuse даже въ предѣлахъ одного Петербурга, въ которомъ, однокожь, множество и статистиковъ, и человѣколюбцевъ разныхъ вѣдомствъ!

Это очень жаль, потому что статистикамъ тутъ было бы что̀ считать и пощеголять любопытными, назидательными выводами. По числу питомцевъ (весьма умѣренному, сравнительно) исправительной колоніи, никакъ нельзя судить объ общемъ количествѣ обрѣтающихся въ средѣ петербургскаго населенія дѣтей-преступниковъ. Филантропія не можетъ похвалиться даже тѣмъ, чтобы она всѣхъ такихъ грѣшныхъ дѣтей, дѣйствительно, брала подъ свое попеченіе.

Между тѣмъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ темнымъ міромъ петербургскихъ преступниковъ, какъ профессіональныхъ, сдѣлавшихъ преступленіе своимъ ремесломъ, такъ и случайныхъ, эпизодическихъ, бросается въ глаза весьма ощутительное присутствіе въ его средѣ малолѣтковъ. Даже въ такомъ ужасномъ, чрезвычайномъ преступленіи, какъ убійство, дѣти оказываются иногда виновными; нѣкоторые-же изъ этихъ маленькихъ извергов оказываются способными даже на отцеубійство, какъ это показалъ недавній фактъ въ Коломнѣ, гдѣ четырнадцатилѣтній сынъ убилъ топоромъ соннаго отца и потомъ оправдывалъ свое звѣрское преступленіе тѣмъ, что онъ хотѣлъ «воли», которой отецъ ему не давалъ.

Особенно много попадается дѣтей въ средѣ профессіональныхъ воровъ, которые занимаютъ, какъ извѣстно, первенствующую, по численности, рубрику въ уголовной статистикѣ По собраннымъ точнымъ свѣдѣніямъ о малолѣтнихъ преступникахъ, въ петербургскомъ тюремномъ замкѣ по 1875 г., оказывалосъ что огромное большинство ихъ попались за воровство; другіе роды преступленія составляли чрезвычайно рѣдкія исключенія и являлись положительно единичными. Закоренѣлое воровство, по профессіи, изъ нежеланія работать, составляло не болѣе 4%. 96% же воровства объяснялись не привычкой, не наклонностью къ воровству, а часто случайными обстоятельствами, и распредѣлялись такъ: а) 70%—воровство изъ нужды, съ пониманіемъ, однако, тяжести преступленія; б) 15%—воровство по наущенію другихъ или личному минутному увлеченію, безъ пониманія тяжести преступленія; в)

9°/о—«причастность» въ воровствѣ или вслѣдствіе обмана другихъ, или вслѣдствіе безсознательнаго, случайнаго присутствія во время воровства; г) наконецъ, около 20°/о насчитывалось невинно осужденныхъ—по «оговору» другихъ. Громадный процентъ воровства «изъ нужды» объяснялся бѣдностью родителей, произволомъ нанимателей относительно рабочихъ вообще и особенно малолѣтнихъ; но самой главной причиной было крайне бѣдственное положеніе дѣтей, отдаваемыхъ въ обученіе ремесламъ.

Завсѣмъ тѣмъ, изъ тѣхъ-же достовѣрнихъ свѣдѣній видно, что на мелкія кражи—отъ 10-ти и менѣе коп. до 10-ти рублей—приходится болѣе 80°/о; кражи крупныя—до 100 рублей и болѣе—представляютъ исключенія. Повторительные случаи преступленій (рецедивизмъ), за исключеніемъ указанныхъ выше 4°/о, объясняются или крайнею нуждой, или случайностью.

Кстати, укажемъ здѣсь также на составъ малолѣтнихъ преступниковъ по состоянію и сословіямъ. Здѣсь, рядомъ съ дѣтьми бѣдняковъ, находимъ дѣтей состоятельныхъ родителей; вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми—дѣтей дворянъ, духовенства, чиновниковъ, купцовъ; рядомъ съ совершенно безграмотными—лицъ, прошедшихъ первые классы среднеучебныхъ заведеній. Это показываетъ, что, при существующемъ порядкѣ вещей, ни состояніе, ни привиллегированность, ни даже извѣстная степень образованности не застраховываютъ дѣтей отъ преступленій. Словомъ, это—язва всесословная!

Одинъ изслѣдователь замѣтилъ, однако, судя по составу колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, что среди сихъ послѣднихъ ощутительно преобладаютъ питомцы воспитательнаго дома. Въ петербургской колоніи существуетъ для нихъ даже особый пріютъ, воздвигнутый и содержимый администраціей воспитательнаго дома,—такъ, значитъ, много у нея «порочныхъ» питомцевъ и такъ, значитъ, плохо даваемое этимъ домомъ воспитаніе!

Вотъ что, напримѣръ, говоритъ ревизіонная коммиссія колоніи, въ своемъ отчетѣ за 1883 годъ: «По наблюденію директора колоніи, раздѣляемому и ревизіонною коммисіею, питомцы воспитательнаго дома существенно и притомъ невыгодно отличаются, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, отъ дѣтей, поступающихъ по судебнымъ приговорамъ» (стр. 45 отчета).

Воровской промыселъ въ Петербургѣ въ значительной части

практикуется при помощи маленькихъ воришекъ, играющихъ роль подмастерьевъ, а нѣкоторыя его отрасли—исключительно дѣтскія, спеціально примѣненныя, вотъ, какъ въ учебномъ дѣлѣ, для «младшихъ возрастовъ». Тутъ тоже есть свой курсъ, свои классы, путемъ которыхъ обучающійся воровскому искусству отрокъ исподоволь, по мѣрѣ прилежанія и способностей, доходитъ до «аттестата зрѣлости», до почетнаго признанія въ его лицѣ вполнѣ сформировавшагося, свѣдущаго и на всѣ руки искуснаго «маза» (такъ называется на воровскомъ арго заправскій воръ-руководитель). Въ воровскихъ ассоціаціяхъ дѣти-воры исполняютъ большею частью обязанности «затырщиковъ», т. е., подручныхъ, миссія которыхъ состоитъ главнымъ образомъ въ передачѣ и сокрытіи краденой вещи. Въ то время, когда «мазъ» работаетъ, маленькіе «затырщики» шныряютъ около, готовые проворно подхватить добычу, шмыгнуть въ толпу и испариться. Но во многихъ случаяхъ и отрасляхъ воровскаго промысла, какъ мы сказали, малолѣтки, преимущественно мальчики, конечно, дѣйствуютъ самостоятельно, какъ мастера, а что касается разнообразной и столь распространенной «карманной выгрузки», то они тутъ едва ли не главные герои. Въ нашемъ матеріалѣ имѣются случаи правильной организаціи самостоятельныхъ воровскихъ шаекъ исключительно изъ малолѣтковъ.

Какъ-то въ концѣ семидесятыхъ годовъ отличилась цѣлымъ рядомъ наглыхъ грабежей шайка мальчиковъ—воровъ, подъ главенствомъ старшаго изъ нихъ и наиболѣе дерзкаго, семнадцатилѣтняго легковаго извощика Трошки. Трошка и другой парнишка-извощикъ возили по городу своихъ троихъ товарищей и занимались кражами съ возовъ и роспусковъ. Компанія умѣла, не навлекая на себя ни малѣйшаго подозрѣнія, высмотрѣть издали добычу, отвлечь извощика отъ воза и, пользуясь его ротозѣйствомъ, срѣзать веревку, поддерживающую тюки, быстро выхватить ближайшій тюкъ съ краю, стянуть его въ сани и удрать совершенно незамѣченными.

Извѣстны также случаи организаціи шаекъ малолѣтковъ для угона лошадей. Разъ судилась у мироваго судьи такая шайка, состоявшая изъ трехъ мальчиковъ, изъ коихъ старшему было 12 лѣтъ. Оказалось, что они дѣйствовали по наущенію какого то «дяди», который посылалъ ихъ заниматься «дѣломъ», т. е., во-

ровствомъ. Въ другомъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ 1876 г., 15-ти лѣтній мальчикъ, вовлеченный въ компанію какого-то взрослаго конокрада «цыгана», дошелъ путемъ этого ремесла до убійства. Вмѣстѣ со своимъ руководителемъ онъ угналъ лошадь съ санями какого-то крестьянина. Дѣло было на окраинѣ города. Крестьянинъ бросился догонять ихъ верхомъ на другой и—догналъ; началась свалка, во время которой конокрадъ-мальчуганъ, по требованію своего руководителя, «нисколько не раздумывая,» досталъ изъ кармана ножъ и нанесъ нѣсколько глубокихъ ранъ въ животъ преслѣдовавшему.

Вѣроятно, каждому приходилось видѣть на петербургскихъ улицахъ цѣпкихъ малышей, которые ухищряются присѣсть сзади проѣзжающихъ пролетокъ, на рессорахъ, незамѣтно для кучеровъ и пассажировъ. Вы думаете, это—невинные, рѣзвые шалуны, соблазненные возможностью даромъ «прокатиться». Между тѣмъ, шалуны эти преслѣдуютъ далеко не невинную цѣль: они неощутительно запускаютъ руку въ карманы зазѣвавшагося пассажира и, выудивъ изъ нихъ кошелекъ, платокъ носовой или что придется, слѣзаютъ и улетучиваются. Спеціалисты этого рода карманной выгрузки носятъ названіе на воровскомъ жаргонѣ «рессорщиковъ», и одно время ихъ столько размножилось и столько кармановъ, въ особенности дамскихъ, было ими опустошено, что на это было обращено особое вниманіе полиціи.

Еще чаще приходится каждому петербуржцу встрѣчать на улицахъ прилипающихъ къ каждому прохожему съ слезливымъ клянчаньемъ о «милостинкѣ» маленькихъ оборвышей. Думаете — имъ копѣечная милостинка нужна... Можетъ быть и не болѣе того во многихъ случаяхъ; но нерѣдки и такіе случаи, что подобный жалкій малютка предпочтетъ, вмѣсто полученія отъ васъ грошика, распорядиться всѣмъ вашимъ кошелькомъ, смѣло и ловко вытащеннымъ изъ кармана, чуть только вы не поостережетесь. Этотъ воришка, маскирующійся нищенствомъ, называется у воровъ, почему-то, «плашкетикомъ».

Секретное опорожниваніе недостаточно оберегаемыхъ кармановъ—еще такъ-сякъ, доступное для слабаго отроческаго возраста дѣйствіе; но открытый грабежъ, напримѣръ, кажется, дѣло совсѣмъ ужъ не дѣтское, а между тѣмъ, мальчики-грабители въ Петер-

бургѣ вовсе не составляютъ рѣдкости. Грабятъ они больше всего нѣжныхъ представительницъ прекраснаго пола, барынь, самый модный костюмъ которыхъ такъ хитро устроенъ, что не даетъ женщинѣ сдѣлать свободнаго шага и превращаетъ ее въ столь-же беззащитное и безсильное существо, какъ спеленатый ребенокъ. Маленькіе грабители вырываютъ у дамъ изъ рукъ сакъ-вояжи и узелки открыто на улицахъ, а всего предпочтительнѣе въ толпѣ, во время давки. Совершивъ грабежъ, они, конечно, задаютъ стрекача и стараются скрыться. Если-же за ними погонятся съ крикомъ: «держи! держи!», то они, нерѣдко, сами очень искусно, на бѣгу, принимаютъ роль преслѣдователей, отчаянно тычутъ руками впередъ себя, въ пространство, и громче всѣхъ кричатъ: «держи! держи!»

Не очень давно была открыта цѣлая шайка маленькихъ Картушей, спеціализировавшихъ такой видъ деннаго и очень наглаго грабежа.

Шайка эта, человѣкъ въ десять, разбившись на партіи, отправлялась въ ломбарды, гдѣ, внимательно слѣдя за операціями по выкупу изъ залога вещей, подстерегала неосторожныхъ посѣтителей и, опять-таки, посѣтительницъ по преимуществу, выхватывала изъ ихъ рукъ и кармановъ ордеры на полученіе выкупленныхъ вещей, а затѣмъ разбѣгалась. При этомъ соблюдалась такая тактика. Сидитъ, напримѣръ, съ ордеромъ въ рукахъ, дожидая очереди, одна почтенная, пожилая купчиха. Къ ней съ обѣихъ сторонъ присаживаются двое, лѣтъ десяти, одиннадцати, мальчугановъ съ самыми дѣтски-невинными физіономіями, не возбуждающими въ доброй купчихѣ ни малѣйшаго недовѣрія и опасенія... Вдругъ, одинъ изъ мальчугановъ срывается съ мѣста и поспѣшно уходитъ; одновременно, купчиха замѣчаетъ, что ордеръ выскользнулъ изъ ея рукъ. Бросается она за грабителемъ-крошкой, но гдѣ-жь его догнать? Впрочемъ, какой то видѣвшій эту сцену полковникъ сообщилъ купчихѣ, что секретъ весь не въ убѣжавшемъ, а въ оставшемся на мѣстѣ мальчикѣ. Схватили бѣдняжку, обыскали и, точно, похищенный ордеръ у него въ голенищѣ нашелся. Онъ затѣмъ тутъ и сидѣлъ, чтобы незамѣтно прятать или, по-воровски, «перетыривать» все то, что выудитъ его коллега.

Весьма распространена наклонность къ воровству среди мальчи-

ковъ, находящихся въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ въ «ученіи» и въ услуженіи. Здѣсь они, въ одиночку и компаніей, крадутъ хозяйскіе товары, матеріалы, деньги. Разъ судилось десять мальчиковъ-учениковъ извѣстнаго въ Петербургѣ обойно-мебельнаго магазина Лизере за то, что они систематически обворовывали хозяйскую кладовую съ матеріалами и опустошили ее на сумму въ 1000 р. Много разъ судились мальчики, служащіе при лавкахъ и изобличенные въ похищеніи товаровъ. Факты такіе сдѣлались заурядными.

Дѣти-преступники, по ремеслу, не уступая взрослымъ ворамъ въ смѣлости и искусствѣ, оказываются вполнѣ на высотѣ своего призванія и по части сокрытія слѣдовъ преступленія, запирательства, крючкотворства и изворотливости, при поимкѣ и на судѣ во время защиты. Ловятъ одного изъ нихъ на улицѣ съ сейчасъ только вытащеннымъ имъ изъ кармана прохожаго кошелькомъ.

— Ты стащилъ?

— И не думалъ... Мимо меня какой-то мальчикъ бѣжалъ и кинулъ... Я поднялъ, потому, вижу—находка!

Когда уже въ участкѣ сосчитали деньги въ кошелькѣ и ихъ оказалось тамъ немного, воришка спокойно, съ серьезнымъ видомъ, замѣтилъ:

— Жаль, что мало денегъ въ кошелькѣ: на мою долю за находку, по закону, самый пустякъ въ награду достанется!

Какую нужно было школу пройти этому четырнадцатилѣтнему карманнику, чтобы выучиться такъ лгать и изворачиваться, да еще со ссылками на законы!

Другаго такого же артиста ловятъ съ украденными часами, которые онъ выдаетъ за купленные имъ на рынкѣ, съ рукъ, у неизвѣстнаго человѣка.

— Что же вы за нихъ заплатили? полюбопытствовалъ судья.

— Двадцать рублей!

— Да, вѣдь, эти часы несравненно дороже стоятъ?

— Что же-съ?.. Я думаю, всякій желаетъ купить подешевле... Въ этомъ никакого проступка нѣтъ! развязно отвѣчалъ малолѣтній воръ, представлявщій собой ловкача и щеголя, съ претензіями уличнаго фата.

— А за что вы прежде судились? спрашиваетъ судья еще одного воришку-рецидивиста.

— Совсѣмъ безвинно, господинъ судья! слезливо отвѣчалъ онъ.

— За кражу?

— Безвинно, какъ есть, хоть передъ Богомъ поклясться.

— И вы сидѣли въ тюрьмѣ?

— Сидѣлъ... страдалъ понапрасну...

— Сколько же?

— Полтора мѣсяца.

— Ну, а если я васъ теперь опять посажу на полтора мѣсяца, вы тоже скажете, что понапрасну?

— Что-жъ, страдать, такъ страдать... Богъ взыщетъ!—со вздохомъ отозвался этотъ несовершеннолѣтній Тартюфъ.

Рецидивизмъ среди дѣтей-преступниковъ такое-же заурядное явленіе, какъ и среди взрослыхъ закоренѣлыхъ сыновъ порока и преступленія. Объ этомъ лучше всего знаютъ руководители исправительной колоніи, исправительное дѣйствіе которой на ея питомцевъ въ очень многихъ случаяхъ оказывается весьма проблематическимъ и, частію, явно призрачнымъ. Даже въ самыхъ стѣнахъ колоніи, на глазахъ ея педагоговъ-филантроповъ, «исправляемые» дѣти-преступники нерѣдко изобличаются въ рецидивизмѣ, да, къ тому-же, случается—въ очень тяжкомъ, совершаемомъ вдобавокъ компаніями.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, трое питомцевъ колоніи купно совершили въ мѣстной церкви взломъ храмовой кружки и бѣжали «во лѣса дремучіе», гдѣ и были пойманы съ кружечными деньгами, спустя нѣсколько дней. И тутъ эти малыши оказались травленными ворами: когда они увидѣли себя въ западнѣ, то бросили деньги въ канаву, чтобы при нихъ не нашли поличнаго, и на вопросъ о кражѣ отозвались заученнымъ острожнымъ терминомъ: «знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ!»

Попадаются примѣры многократнаго рецидивизма въ самомъ нѣжномъ, раннемъ возрастѣ. Въ одномъ пріютѣ для малолѣтнихъ дѣвочекъ, была обокрадена его начальница. Воровство, по справкѣ, совершила одна изъ питомицъ, 11-ти лѣтняя дѣвочка, которая, при этомъ, бѣжала изъ пріюта. Ее поймали и поставили предъ ясныя очи мироваго судьи, который, къ удивленію всей публики, констатировалъ, что маленькая преступница судится уже *третій* разъ за кражи и уже отбыла разъ заключе-

ніе въ тюрьмѣ. На частые примѣры рецидивизма среди дѣтей-преступниковъ указываетъ, между прочимъ, воспитатель малолѣтнихъ преступниковъ въ петербургскомъ тюремномъ замкѣ г. Гасабовъ. Былъ подъ его вѣдѣніемъ однажды питомецъ В., который безразлично относился къ своему положенію, хвалился ловкостью въ воровствѣ, отличался особеннымъ нахальствомъ и удальствомъ. Онъ былъ вполнѣ ученымъ воромъ. Занимаясь этимъ ремесломъ съ малыхъ лѣтъ, высидѣвъ шесть разъ въ исправительномъ заведеніи, онъ успѣлъ пройти такую школу, которая выработала изъ него человѣка практичнаго, смѣтливаго и ловкаго. Въ послѣднее время онъ воровалъ «на себя» и состоялъ артельщикомъ «форточниковъ». Наблюденія за В. показали, что онъ, сидя въ тюрьмѣ, вредно вліялъ на прочихъ дѣтей разсказами о своихъ подвигахъ въ воровствѣ. В. ничѣмъ особенно не интересовался; книги и бесѣды воспитателя никакого значенія для него не имѣли. О подвигахъ своихъ въ воровствѣ и мошенничествѣ В. не стѣснялся разсказывать. Такія личности, какъ В.—нерѣдкость между питомцами въ замкѣ, и ихъ вредное вліяніе на другихъ мальчиковъ чрезвычайно сильно, заключаетъ г. Гасабовъ. Оно въ такой степени сильно, что, по мнѣнію извѣстнаго тюрьмовѣда, г. Никитина, «какія бы ни были благія стремленія тюремныхъ дѣятелей, перевоспитаніе дѣтей собственно въ тюрьмахъ положительно немыслимо при нынѣшнемъ уставѣ». Это тѣмъ болѣе, что часто отбывшія срокъ заключенія дѣти выпускаются изъ тюрьмы на всѣ четыре стороны безъ всякаго попеченія объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Имъ ничего не остается, какъ снискивать пропитаніе воровствомъ. Вотъ какъ это дѣлается. Беремъ рельефный фактъ—одинъ изъ многихъ.

10-ти лѣтній мальчикъ сирота И., учившійся у жестяника, замѣтилъ какъ-то разъ плохо положенный рубль, утаилъ его и тутъ же попался. Случай этотъ привелъ И. на три мѣсяца въ бывшее исправительное заведеніе, при больницѣ св. Николая. По окончаніи срока пребыванія въ исправительномъ заведеніи, И. былъ выпущенъ оттуда на улицу въ одномъ сюртучкѣ, съ паспортомъ въ карманѣ, и безъ гроша денегъ. Въ день выпуска И. вмѣстѣ съ нимъ былъ выпущенъ оттуда же другой мальчикъ, лѣтъ 17-ти, К. У К. было 25 коп. денегъ.—«Куда ты пойдешь?» спросилъ К.—«Не знаю», отвѣтилъ И.—«Дуракъ; пойдемъ со мною, я тебя

научу воровать, у насъ и деньги будутъ. А теперь пойдемъ въ кабакъ — я тебя попотчую!..» И. послушался; оба они вошли въ кабакъ и выпили по два стаканчика водки. И. опьянѣлъ, а К., воспользовавшись тѣмъ, что прикащикъ отвернулся за чѣмъ-то въ сторону, стащилъ съ И. сюртукъ и паспортъ, и скрылся. И., очнувшись, расплакался и вышелъ на улицу. Какая-то проходившая мимо женщина спросила его, о чемъ онъ плачетъ? — «Да я паспортъ потерялъ», отвѣчалъ со слезами И. Женщина пожалѣла мальчика и подала ему милостыню. И., находясь еще близь питейнаго дома, вновь зашелъ туда и пропилъ подаяніе. Послѣ этого И. окончательно охмѣлѣлъ и, едва держась на ногахъ, вышелъ на улицу, гдѣ былъ взятъ городовымъ и доставленъ въ участокъ. И. оказался безпаспортнымъ и, какъ бродяга, былъ препровожденъ въ исправительное заведеніе, а оттуда въ тюрьму. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что отъ времени выпуска изъ исправительнаго заведенія до отведенія въ участокъ прошло только нѣсколько часовъ.

Есть дѣти-преступники совершенно, повидимому, неисправимые, отъ которыхъ даже родители отступаются.

Г. Гасабовъ разсказываетъ, что разъ подъ его вѣдѣніемъ былъ одинъ питомецъ, который семь разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и не ожидалъ когда-нибудь выйти изъ своего положенія. Мальчикъ этотъ, сынъ офицера, служащаго при полиціи, совершилъ когда-то какое-то воровство; отецъ нашелъ полезнымъ засадить ребенка въ тюрьму и отказаться отъ него навсегда. Каждый разъ, по выходѣ изъ тюрьмы, мальчикъ отправляется къ отцу, который его не принимаетъ. Что оставалось дѣлать мальчику неразвитому и ни къ чему не подготовленному? Онъ воровалъ и, къ удовольствію своему, попадался снова въ тюрьму.

Другаго двѣнадцатилѣтняго рецидивиста, трижды судившагося, сдали на поруки отцу, но послѣдній, спустя нѣсколько дней, является къ мировому судьѣ и разсказываетъ ему такую исторію.

— Вы, г-нъ судья, сдали мнѣ сынишку моего на поруки; я не хотѣлъ его брать, потому что мнѣ съ нимъ не совладать. Приведя его домой, я раздѣлъ донага, чтобы онъ не сбѣжалъ, а онъ все таки убѣжалъ.

— Какъ, нагой? удивился судья.

— Да, въ чемъ мать родила... Вы ужъ ослобоните меня отъ этого сорванца.

— Да, вѣдь, вамъ законъ предоставляетъ право принимать домашнія мѣры исправленія!—сталъ урезонивать судья огорченнаго родителя.

— Принималъ! — отвѣтилъ тотъ. — Еслибъ законъ предоставилъ мнѣ убить его, такъ, кажется, я бы сейчасъ убилъ.

— Ну, этого вы не можете сдѣлать.

— То-то, вотъ, и жаль, что не могу... Ужь больно онъ мнѣ насолилъ... Мать уморилъ; житья мнѣ не даетъ.

— Такъ вы не хотите взять къ себѣ сына, когда его розыщутъ?

— Ни за что не хочу!

— Но, вѣдь, его въ тюрьму посадятъ?

— Куда хотите, а мнѣ его не надо...

Хороши, конечно, и эти отцы, и можно представить себѣ, каковы должны быть, со стороны нравственной, семьи, изъ которыхъ выходятъ подобные малолѣтки - «злодѣи», уже въ десять лѣтъ оказывающіеся неисправимыми рецидивистами!

Вообще, въ городахъ и въ Петербургѣ, въ особенности, масса дѣтей, особенно въ низшихъ полуобразованныхъ классахъ, неощутительно, съ ранняго возраста деморализуется и развращается, глядя на старшихъ, заражаясь ихъ примѣромъ, живя нерѣдко въ самой омерзительной, до мозга костей испорченной средѣ. Объ этомъ, какъ-то, откровенно повѣдалъ на судѣ одинъ четырнадцатилѣтній мальчикъ, служившій при магазинѣ и укравшій у своего хозяина слишкомъ полтораста рублей въ одинъ пріемъ. Его нашли пьянаго въ грязномъ вертепѣ терпимости по Бассейной улицѣ и привели на судъ. Судья, между прочимъ, спросилъ его, не руководилъ-ли имъ кто-нибудь постарше?

— Меня никто не училъ—признавался подсудимый.—Мнѣ самому хотѣлось попробовать быть нѣсколько дней съ деньгами. Я видѣлъ, какъ другіе щеголяютъ въ хорошей одеждѣ, — мнѣ тоже захотѣлось имѣть хорошую одежду. Я читалъ у насъ въ мастерской каждый день афиши; мнѣ очень хотѣлось видѣть представленія въ циркѣ. Я все хотѣлъ накопить на это деньги, но мнѣ все не удавалось: на чай никто не давалъ. Вотъ я и пошелъ съ хозяйскими деньгами, куда мнѣ хотѣлось. А на Бассейную меня какая-то женщина завела. Я гулялъ по пассажу, она ко мнѣ пристала и говоритъ: «пойдемъ со мной»... И привела меня въ Бассейную.

Часть 3-я.

Картины нравовъ.

I.

Семейный разбродъ.

До сихъ поръ мы говорили о нарушеніяхъ «общественнаго договора» криминальнаго свойства—о преступленіяхъ; здѣсь же попробуемъ разобраться въ хаосѣ многообразныхъ нарушеній морали, почти вовсе ускользающихъ отъ блюстительнаго ока и законнаго корректива юридической власти.

Остановимся, прежде всего, на современномъ состояніи нашей семьи.

Быть можетъ ничто другое, какъ именно состояніе семьи, не представляетъ болѣе вѣрнаго, болѣе нагляднаго масштаба для измѣренія нравственнаго здоровья, а также, конечно, и нравственной болѣзненности данной среды, даннаго общества. И оно понятно:— семейный союзъ, въ той или иной формѣ, составляетъ основную ячейку, краеугольный камень союза общественнаго. Можно-бы, кажется, вывести правило, что тамъ, гдѣ плоха семья, тамъ плохо и общество, и—наоборотъ: здоровая, крѣпкая семья есть ручательство здоровья и всего общества. По крайней мѣрѣ, такое наблюденіе твердо установила исторія, свидѣтельствующая многократными примѣрами, что паденіе отживающихъ обществъ всегда сопровождалось разложеніемъ семьи. Слѣдуетъ, впрочемъ, различать паденіе отъ кризисовъ, отъ переходныхъ, всегда болѣзненныхъ эпохъ, когда общество, по существу здоровое, сбрасываетъ съ себя старыя соціальныя формы и вырабатываетъ новыя, болѣе совершенныя. Подобныя эпохи, захватывающія весь строй жизни,

тоже могутъ сопровождаться разрушеніемъ изветшалаго, примитивно-сооруженнаго семейнаго очага, но для того лишь, чтобы на его развалинахъ соорудить новый, болѣе отвѣчающій требованіямъ блага и свободы личности.

Говорятъ, что русское общество переживаетъ въ данный историческій моментъ такую именно эпоху. Можетъ быть... Во всякомъ случаѣ, за аргументъ этотъ охотно хватается каждый любящій родину наблюдатель, чтобы найти какое ни на есть оправданіе безотрадной картины того широкаго, повсемѣстнаго семейнаго разброда, который нерѣдко съ безстыдной разнузданностью, на скандалъ всей улицы, даетъ знать о себѣ повсюду—отъ курной избы патріархальнаго «мужика» до пышныхъ чертоговъ родовитаго, блистательнаго вельможи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что старыя скрѣпы семьи, державшіяся главнымъ образомъ на крутомъ подчиненіи женщины, у насъ подорваны и расшатаны не только въ интеллигентномъ обществѣ, но и въ крестьянской средѣ—въ деревнѣ. Женская «эмансипація» у насъ—вовсе не выдумка «либераловъ», а несомнѣнный реальный запросъ жизни, естественнымъ порядкомъ возникшій изъ общаго освободительнаго движенія преобразовательной эпохи. Потребность въ бо̀льшей свободѣ, въ бо̀льшей индивидуальной самостоятельности въ семьѣ, чувствуется живо не только интеллигентной барыней, но и простой деревенской бабой, и не подозрѣвающей о существованіи «женскаго вопроса». Потребность эта, не находя пока нормальнаго исхода, а—напротивъ—встрѣчая грубое противодѣйствіе, съ одной стороны, въ закоренѣломъ навыкѣ мужчины къ семейному деспотизму, къ порабощенію женщины, и съ другой, — въ отсталыхъ, суровыхъ и исключительныхъ законахъ о бракѣ, санкціонирующихъ мужской деспотизмъ,—ищетъ себѣ удовлетворенія въ произвольныхъ и часто порочныхъ нарушеніяхъ семейнаго начала и его святости. Неудовлетворенная потребность создаетъ протестъ, выражающійся въ такихъ случаяхъ дико, разнузданно и уродливо. Вотъ одна изъ существенныхъ причинъ современнаго упадка нашей семьи, говоря вообще.

Кромѣ этой и другихъ общихъ причинъ, Петербургъ соединилъ въ себѣ много чисто-мѣстныхъ, специфическихъ условій, неблагопріятныхъ и просто разрушительныхъ для развитія и процвѣтанія

семейственности. Можетъ быть, не найдется другаго города болѣе антисемейнаго, какъ наша сѣверная Пальмира—«краса полночныхъ странъ». Прежде всего, поражаетъ огромное, совершенно исключительное преобладаніе въ составѣ петербургскаго населенія числа холостыхъ и несостоящихъ въ брачныхъ парахъ индивидуумовъ надъ числомъ семейныхъ людей. По даннымъ переписи 1869 г., взятой въ основаніе нашего изслѣдованія, изъ общаго числа 538,041 чел. взрослаго населенія столицы, женатыхъ и замужнихъ значилось всего 226.270 челов., т. е., гораздо меньше половины. Отношеніе поразительное, небывалое, особенно въ Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, браки заключаются очень рано и гдѣ число браковъ, сравнительно съ другими европейскими странами, достигаетъ maximum'а. Но на самомъ дѣлѣ, по ближайшей справкѣ, оно оказывается еще безотраднѣе, еще менѣе говоритъ въ пользу петербургской нравственности.

Дѣло въ томъ, что почти половина номинально состоящихъ въ бракѣ петербуржцевъ обоего пола (преимущественно мужчинъ) въ дѣйствительности живутъ здѣсь одиночно, внѣ своихъ супружескихъ паръ. На самомъ дѣлѣ, брачныхъ паръ, живущихъ вмѣстѣ, семейно, въ Петербургѣ всего на все до 68,000, и—значитъ—общая цифра взрослыхъ холостыхъ обоего пола (считая въ томъ числѣ и супруговъ, живущихъ по холостецки) простирается въ нашей Пальмирѣ до 400,000. Другими словами: изъ пяти взрослыхъ человѣкъ обоего пола общаго числа населенія почти четыре холостыхъ или эмансипировавшихся отъ брачныхъ узъ.

Можетъ-ли, при такомъ необычайномъ до курьеза отношеніи, процвѣтать семейное начало? Могутъ-ли нравы въ такомъ на диво антисемейномъ городѣ отличаться чистотою и цѣломудріемъ?—Приведенныя цифры, убѣдительнѣе всякаго обвинительнаго акта, изобличаютъ Петербургъ въ крайне неблагонравномъ поведеніи и въ закоренѣломъ, систематически-отрицательномъ отношеніи къ семейному очагу, къ супружескому сожительству. Печальное наблюденіе это подкрѣпляютъ еще и другія цифры.

Такъ, оказывается, что нѣтъ города въ мірѣ, гдѣ-бы такъ мало приносилось жертвъ добронравному Гименею, т. е. заключалось законныхъ браковъ, какъ въ Петербургѣ. За пятилѣтній промежутокъ времени, съ 1867 по 1871 г., въ нашей столицѣ

среднимъ счетомъ въ годъ заключалось съ небольшимъ 4,000 браковъ (въ 1869 г.—4295) или 1 бракъ на 155 жителей. Между тѣмъ, одновременно, одинъ бракъ приходится въ Москвѣ на 137 жит., въ Одессѣ—на 107, въ Ригѣ—на 94, Берлинѣ—на 115, Вѣнѣ—на 114 и въ Парижѣ, не смотря на его дурную славу «современнаго Вавилона»,—на 109 жит. Такимъ образомъ выходитъ, что нѣтъ страны, нѣтъ города, гдѣ житель обнаруживалъ-бы менѣе матримоніальныхъ стремленій, менѣе охоты сооружать во славу добродѣтели семейные очаги, чѣмъ въ Петербургѣ!

Значитъ-ли это, что петербуржецъ такъ холоденъ къ искушеніямъ амура, такъ неприступенъ для порабощенія пылкой любовной страстью, и что подъ нашимъ сводомъ небесъ «зелено-блѣднымъ» такъ рѣдки сантиментальные романы? — Этого, кажется, нельзя сказать, судя по слѣдующему указанію, правда, косвенному, но очень краснорѣчивому и—опять таки—очень плохо рекомендующему петербургскую нравственность.

Статистика высчитала, что въ нашей столицѣ за описываемый промежутокъ времени ежегодно является на свѣтъ Божій до 5,000 незаконнорожденныхъ, или слишкомъ четвертая часть всего числа рожденій въ Петербургѣ (до 20 т.) или—1 незаконный на 3 законныхъ. Отношеніе тоже чрезвычайное, въ высшей степени зазорное, если принять во вниманіе, что, по свѣдѣніямъ «Военно-Статистическаго Сборника» (1871 г.), въ Европейской Россіи, въ среднемъ выводѣ, незаконныхъ рожденій приходилось всего 3,56 на 100 законныхъ. Въ Петербургѣ-же приходится слишкомъ 25 на 100! Петербургъ въ этомъ отношеніи далеко оставилъ за собою почти всѣ, пользующіеся наиболѣе дурной славой, города русскіе, какъ-то: Кіевъ, Ригу, Одессу, Тулу и др., гдѣ незаконныхъ рожденій приходится отъ 14 до 9 на сто законныхъ... Одна только—нужно отдать ей справедливость—«благочестивая», патріархальная Москва перещеголяла по этой части своего соперника. Въ ней, по статистическимъ свѣдѣніямъ, незаконнорожденныхъ приходится 41,9 на сто законныхъ, т. е. чуть не половина общей цифры рожденій... Даже Парижъ, съ такимъ апломбомъ противопоставляемый замоскворѣцкими патріотами добродѣтельной матушкѣ-бѣлокаменной, даже «развратный», «гнилой» Парижъ значительно отсталъ отъ матушки нашей въ этомъ пунктѣ: въ немъ незаконныхъ ребятъ только

33 на сто законныхъ! Это, между прочимъ, къ свѣдѣнію читателей, буде имъ понадобится на память справка—въ какой степени можно полагаться на хвалебный звонъ славянофильскихъ риторовъ о безпримѣрной, якобы, чистотѣ и безпорочности пресловутаго «сердца Россіи»?

Чѣмъ же объяснить, такъ рѣзко бьющій въ глаза, анти-семейный характеръ Петербурга?—Прежде всего тутъ, кажется, играетъ большую, чисто-стихійную роль крайне неравномѣрное распредѣленіе половъ столичнаго населенія—положительно безпримѣрное въ своемъ родѣ! Тогда какъ въ Европейской Россіи, въ общемъ составѣ населенія, число женщинъ нисколько не менѣе и даже нѣсколько болѣе числа мужчинъ,—въ Петербургѣ на 100 чел. муж. п. приходится только около 77 чел. ж. п., т. е., послѣднихъ почти на 25% менѣе. Такимъ образомъ, сама статистика обрекаетъ значительную часть петербургскаго мужскаго населенія на безбрачную жизнь. Если предположить, что въ одно прекрасное утро все наличное взрослое населеніе столицы условилось-бы совершенно упразднить безбрачное житіе и поголовно пережениться, то оказалось бы, что почти 100,000 мужчинъ не могли-бы физически исполнить этого обязательства, за отсутствіемъ для нихъ соотвѣтствующаго числа невѣстъ-женщинъ... Но и оставивъ въ сторонѣ такую фантастическую «реформу», нельзя же предположить, чтобы эти сто тысячъ мужчинъ, составляющихъ излишекъ противъ числа женщинъ, пребывали на этотъ счетъ въ томъ безпомощномъ траги-комическомъ положеніи, въ какомъ очутились однажды жители опереточнаго «Зеленаго острова». Разумѣется, они «безъ женщинъ не умираютъ»: любятъ и бываютъ любимы, имѣютъ свои романы, счастливые и несчастливые, заключаютъ интимные союзы, разрываютъ ихъ — все по порядку. Но если это такъ,—въ чемъ нельзя сомнѣваться,—то уже самый простой ариѳметическій разсчетъ приводитъ насъ къ открытію, чрезвычайно скандалезному для репутаціи столичнаго прекраснаго пола. Значитъ, эти сто тысячъ мужчинъ, тѣмъ или инымъ путемъ, чужеядно пользуются благосклонностью извѣстнаго числа женщинъ совмѣстно съ ихъ легальными обладателями; значитъ, извѣстный процентъ женщинъ, по неумолимымъ требованіямъ статистики, какъ бы призванъ дѣлить свои ласки между многими конкурентами для того, чтобы уравновѣсить настойчивый спросъ на жен-

скую любовь съ ея ограниченнымъ предложеніемъ. Это очевидно и неотразимо, съ точки зрѣнія и ариѳметики и общественной физіологіи.

Сто тысячъ искусителей женской добродѣтели, роковымъ образомъ поставленныхъ въ необходимость искать удовлетворенія чувства любви въ адюльтерѣ и развратѣ? — какой могучій, огромный прецедентъ для поврежденія нравовъ и колебанія основъ семейнаго очага! Но, на самомъ дѣлѣ, такихъ индивидуумовъ въ Петербургѣ несравненно больше, какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ: мы здѣсь опредѣлили только число тѣхъ изъ нихъ, которые, такъ сказать, статистически узаконены въ роли безсемейныхъ трутней въ нашемъ общественномъ ульѣ.

Другимъ важнымъ условіемъ развитія въ столицѣ холостецкаго безпутства и семейнаго разброда служитъ тотъ фактъ, что въ составѣ петербургскаго населенія постоянно находится огромное число индивидуумовъ, которые, хотя и считаются семейными номинально, но на самомъ дѣлѣ живутъ здѣсь внѣ брачныхъ паръ и, слѣдовательно, вынуждаются, по требованіямъ естества, такъ или иначе грѣшить и другихъ вводить въ грѣхъ. Особенно велико число такихъ разлученныхъ со своими половинами семьянъ въ низшихъ слояхъ столичнаго населенія. Извѣстно, что эти слои комплектуются главнымъ образомъ крестьянами—выходцами изъ деревень. Являются они въ Петербургъ на заработки одиночно, оставляя въ деревняхъ, «дòма», своихъ жонъ или мужей, свои семейства; живутъ здѣсь подолгу, иногда всю жизнь, только изрѣдка возвращаясь на короткій срокъ къ своимъ очагамъ «на побывку». Хотя нашъ крестьянинъ, въ примитивномъ состояніи, говоря вообще, довольно крѣпокъ семейному началу и, по натурѣ, не расположенъ къ разврату, хотя намъ не разъ случалось встрѣчать среди петербургскаго простонародья личностей замѣчательно строгихъ нравовъ, не поддающихся искушеніямъ городскаго разврата; но, разумѣется, о массѣ сказать этого нельзя, и нѣтъ сомнѣнія, что множество нашихъ пейзанъ, разлучившихся со своими половинами для столичнаго заработка и «вальготнаго» житья, сильно здѣсь деморализуются и безъ стѣсненія нарушаютъ седьмую заповѣдь Господню, тѣмъ болѣе, что прибывающая въ столицу деревенщина—народъ на подборъ молодой, здоровый, цвѣтъ населенія! Довольно знать, что въ массѣ петер-

бургскаго населенія молодежь составляетъ огромный, необычайный процентъ, а именно: въ возрастѣ отъ 15 до 30 лѣтъ въ столицѣ считается: мужчинъ болѣе 41% и женщинъ болѣе 31%. Мыслимо-ли, чтобы при такомъ преобладаніи молодежи, въ большинствѣ безсемейной и холостой, процвѣтали цѣломудріе и добродѣтель въ отношеніяхъ между полами?

Слѣдуетъ замѣтить къ слову, что этимъ именно обстоятельствомъ, т. е. многочисленностью въ столичномъ населеніи индивидуумовъ, состоящихъ въ бракѣ, но живущихъ внѣ супружескихъ паръ, объясняется отчасти крайне незначительная, сравнительно, цифра заключаемыхъ въ Петербургѣ законныхъ брачныхъ союзовъ.

Анти-семейный характеръ петербургскаго населенія выражается также въ томъ, что, не смотря на сравнительную незначительность числа женщинъ въ его составѣ, послѣднія, въ огромномъ большинствѣ,—тоже не состоятъ въ брачныхъ парахъ либо считаются дѣвицами. Такъ, изъ общаго числа 229,000 взрослыхъ женщинъ въ Петербургѣ—замужнихъ оказывается только около 90,000, т. е. съ небольшимъ 40%, да и изъ этой цифры нужно еще исключить крупную цифру такихъ жонъ, которыя живутъ порознь отъ мужей. Мы выше видѣли, что брачныхъ паръ, совмѣстно живущихъ, находится въ наличности въ Петербургѣ всего до 68,000; слѣдовательно, такое-же число должно быть и жонъ, состоящихъ при мужьяхъ, а стало быть холостыхъ женщинъ, считая въ томъ числѣ и живущихъ порознь отъ мужей, имѣется болѣе 160,000. Цифра назидательная и очень краснорѣчивая! Въ нее, между прочимъ, входятъ: дѣвицы—91,581; вдовы—44,613; разведенныя—112, и не обозначившія своего «семейнаго состоянія»—2,926.

Особенное вниманіе здѣсь обращаетъ на себя значительность числа вдовъ, и тѣмъ болѣе, что она вопіющимъ образомъ не сходится съ цифрою вдовцевъ. Послѣднихъ въ Петербургѣ считалось только 9,792, т. е. слишкомъ въ четыре съ половиною раза меньше, чѣмъ вдовъ. Хотя статистикой замѣчено, что смертность мужчинъ вообще нѣсколько больше смертности женщинъ, но далеко, однако же, не въ такой ужасающей степени, какъ это показывала-бы разница между числомъ вдовъ и вдовцовъ въ столицѣ, еслибы мы приняли ее безусловно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что огромное большинство обрѣтающихся въ Петербургѣ вдовъ овдовѣли не въ

немъ, а гдѣ нибудь въ провинціи, и прибыли сюда, уже овдовѣвши, что вполнѣ естественно. Для женщинъ, обреченныхъ на одиночество и эмансипировавшихся отъ брачныхъ узъ, Петербургъ можетъ считаться самымъ удобнымъ и самымъ заманчивымъ изъ всѣхъ русскихъ городовъ. Нигдѣ не соединено столько условій, благопріятствующихъ женщинѣ устроиться независимо и самостоятельно; нигдѣ не открытъ для нея въ такой степени просторъ для разнообразной дѣятельности, для заработковъ, для составленія профессіональной карьеры. Что-же касается такъ называемыхъ «лакомыхъ вдовъ», ищущихъ романическихъ приключеній, веселья и эпикурейскихъ наслажденій внѣ рамокъ строгой морали, то для нихъ ужь Петербургъ—земля обѣтованная, раздолье!

Весьма курьезна также цифра «разведенныхъ». Ихъ всего—112 («разведенныхъ» же мужчинъ всего 24)! Если бы кто не зналъ, въ какой степени шатки нынче семейныя основы и какъ легко современный интеллигентъ, особенно-же петербургскій, относится къ святости узъ Гименея, то могъ-бы подумать, на основаніи этихъ смѣхотворныхъ цифръ, что несчастливые браки и ихъ расторженіе супругами бываютъ въ Петербургѣ только какъ рѣдкое, чрезвычайное исключеніе. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности это не такъ, и скорѣе счастливые браки, согласныя семьи, могутъ считаться рѣдкими исключеніями.

Происходитъ это отъ различныхъ и весьма сложныхъ причинъ, не всегда поддающихся обобщенію. Прежде всего, важное значеніе здѣсь представляютъ разнообразные индивидуальные и общественные контрасты, имѣющіе мѣсто при заключеніи браковъ и обусловливающіе ихъ непрочность и неудачу. Тотъ здоровый, жизненный инстинктъ, которымъ въ естественномъ состояніи руководятся полы въ своемъ сближеніи и основаніи семьи, въ современномъ культурномъ обществѣ часто совершенно забывается и заглушается. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ названномъ обществѣ представители разныхъ половъ соединяются узами брака не по внутреннему взаимному влеченію, не «по любви», выражаясь избитымъ словомъ, которое, однако жъ, вполнѣ точно опредѣляетъ необходимую сущность брака и семьи, — а на основаніи стороннихъ соображеній, стремленій и разсчетовъ чисто-практическаго, разсудочно-житейскаго свойства. Въ то время, какъ въ интересахъ человѣческаго рода и

съ точки зрѣнія законовъ естества, достаточно сильная взаимная любовь двухъ особей различныхъ половъ вполнѣ отождествляетъ въ себѣ идею брака, дѣлаетъ его необходимымъ и законнымъ, — въ культурномъ бытѣ любовь подчиняется всякимъ, часто непреодолимымъ требованіямъ эгоистической морали и общественныхъ приличій, сословныхъ предразсудковъ и матеріальныхъ разсчетовъ. Всего-же чаще, въ практикѣ современныхъ браковъ, о любви, о страсти нѣтъ даже и вопроса,—менѣе-же всего спрашиваютъ о ней выходящихъ замужъ дѣвушекъ, сказать къ слову, крайне легкомысленныхъ на этотъ счетъ. Правда, насильственные браки нынче рѣдки даже въ низшихъ слояхъ общества, но зато множесто браковъ заключается совершенно внѣшнимъ, формальнымъ образомъ, въ надеждѣ на ихъ благополучное упроченіе послѣ вѣнца въ силу пословицы «стерпится—слюбится». Современный бракъ недаромъ называется «партіей», и когда говорятъ въ этомъ смыслѣ о «хорошей партіи», то тутъ обыкновенно подразумѣвается удачный подборъ личностей со стороны матеріальнаго и общественнаго положенія, въ отношеніи индивидуальныхъ качествъ, образованія, поведенія и т. д. Что-же касается взаимной любви, то она здѣсь на послѣднемъ планѣ, и отсутствіе ея отнюдь не портитъ представленія о «хорошей партіи» и менѣе всего способно ее разстроить. Въ Петербургѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь на Руси, женихи и невѣсты ищутъ «хорошихъ партій», очень мало помышляя о поэтическихъ романахъ во вкусѣ Ромео и Джюльеты. Это въ особенности нужно сказать о зажиточныхъ классахъ. Затѣмъ, какъ вездѣ, иниціатива выбора почти исключительно принадлежитъ одному мужчинѣ, тогда какъ женщина, особенно въ дѣвичествѣ, бо̀льшею частью играетъ здѣсь роль пассивную и отдается избравшему ее съ легкомысленнымъ равнодушіемъ, лишь-бы сдѣлать «партію». Обыкновенно дѣвицы въ этомъ важномъ житейскомъ дѣлѣ либо творятъ волю родителей, по своему усмотрѣнію избирающихъ для нихъ жениховъ, либо руководятся суетнымъ и неодолимымъ желаніемъ поскорѣе выйти замужъ и, изъ боязни остаться въ «старыхъ дѣвахъ», охотно отдаютъ руку, чуть не по первому предложенію, часто совершенно незнакомымъ имъ мужчинамъ, не справляясь съ запросами сердца и не заглядывая въ будущность. Вообще безразсудство и легкомысліе, преимущественно со стороны дѣвушекъ, характери-

зуютъ большинство заключаемыхъ у насъ браковъ и составляютъ ихъ главную подкладку. Часто люди связываютъ себя неразрывными узами Гименея съ такой легкостью и неосмотрительностью и съ такой поспѣшной сговорчивостью, которыя не допускаются въ другихъ несравненно менѣе важныхъ житейскихъ сдѣлкахъ. Всѣ указанныя здѣсь условія, разумѣется, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ непрочность браковъ и семейный разбродъ, такъ часто нынѣ встрѣчающійся.

Далѣе, весьма важную роль въ данномъ отношеніи играетъ крайнее неравенство возрастовъ въ брачащихся парахъ. Это неравенство составляетъ въ современномъ обществѣ самое заурядное, для всѣхъ примелькавшееся, явленіе. Благодаря различнымъ, вкоренившимся въ современной культурной жизни, бытовымъ аномаліямъ и нравственнымъ извращеніямъ, повелось такъ, что мужчины обыкновенно женятся очень поздно, а женщины, наоборотъ, выходятъ замужъ очень рано. Требованія современнаго образованія, достигшаго нынѣ такого высокаго уровня, что для полнаго его окончанія нужна чуть не цѣлая четверть всей человѣческой жизни; усложнившаяся борьба за существованіе, обусловливающая трудность составленія карьеръ и обезпеченныхъ общественныхъ положеній; невѣроятно возросшая дороговизна жизни, рядомъ съ осложненіемъ жизненныхъ потребностей и развитіемъ роскоши,—все это послужило къ тому, что мужчина, даже при удачѣ, успѣваетъ выбиться, какъ говорится, «въ люди», т. е. упрочить и обезпечить свое матеріальное положеніе путемъ долголѣтняго труда, только въ зрѣломъ возрастѣ, а нерѣдко лишь подъ старость. По внушеніямъ благоразумія и эгоизма, онъ считаетъ для себя возможнымъ обзавестись семьей только по достиженіи этой прочности положенія, тогда какъ женитьба въ ранней молодости, безъ соблюденія даннаго условія, по нынѣшнимъ понятіямъ, признается круглымъ безразсудствомъ, непростительной нелѣпостью. Мы говоримъ объ интеллигентномъ слоѣ городскаго населенія, и въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ еще одно объясненіе сравнительной незначительности заключаемыхъ въ Петербургѣ браковъ.

Но въ то время, какъ городская интеллигентная молодежь мужскаго пола всячески избѣгаетъ, по вышесказаннымъ причинамъ, налагать на себя супружескія узы, та же молодежь прекраснаго пола—совсѣмъ наоборотъ—въ большинствѣ рвется всѣми силами и всѣми

средствами женскаго ума, женской красоты и кокетства какъ можно ранѣе вступить въ бракъ, чтобы не перезрѣть и не опоздать составить «партію». И вотъ почему дѣвушки бо́льшею частью такъ неразборчивы по отношенію къ женихамъ, со стороны моральной, и такъ безоглядно отдаютъ чуть не по первому предложенію свою руку, но не свое сердце, которое, оставаясь безучастнымъ и холоднымъ къ «суженому» для семейной жизни, столь нерѣдко, вслѣдствіе этого, разцвѣтаетъ потомъ пылкой грѣховной любовью для адюльтера, для позора мужа и семьи, и для конечнаго семейнаго разброда! Сказать къ слову, въ этомъ явленіи кроется одна изъ главныхъ причинъ дурнаго состоянія современной семьи, и въ то же время здѣсь, на этой именно почвѣ, нужно искать корень глубокаго бытоваго неравенства между мужчиной и женщиной, фальшивости ихъ взаимныхъ отношеній и того эгоистическаго, унизительнаго воззрѣнія на нее мужчины, подъ угломъ котораго онъ видитъ въ ней игрушку, красивое ничтожество, внѣ брака, безъ опоры мужа не имѣющее ни личности, ни значенія.

Какъ ни безнравственно неравенство браковъ, но оно давно уже никого не возмущаетъ, потому что вошло въ обычай и всѣ къ нему приглядѣлись. Безнравственно оно потому, во-первыхъ, что основнымъ стимуломъ его служитъ эгоистическое сластолюбіе мужчины: самъ онъ уже пожившій и всего чаще прожившій свои силы и свою молодость въ безпутной холостой жизни, порочный, истощенный физически и отупѣвшій морально, вступая въ бракъ съ молоденькой, свѣжей, невинной дѣвушкой, руководится, конечно, очень грубыми инстинктами чувственности, самолюбивымъ желаніемъ сорвать цвѣтъ жизни, на который онъ, въ дѣйствительности, потерялъ уже право. Во-вторыхъ, неравные браки безнравственны потому, что въ основѣ ихъ нѣтъ и не можетъ быть главнаго условія, необходимаго для выполненія задачъ семейнаго союза — взаимной любви и одинаковости творческихъ силъ въ интересѣ плодородія браковъ, откуда естественно происходитъ нарушеніе супружеской вѣрности, развратъ. Впрочемъ, неравенство возрастовъ супруговъ и его отрицательныя, несчастливыя послѣдствія какъ для семьи, такъ и для общества,— весьма обстоятельно и много разъ обсуждались въ литературѣ, издавна составляя любимую тэму моралистовъ. Здѣсь мы только указываемъ на это антисемейное условіе, заслуживающее въ на-

шихъ глазахъ особеннаго вниманія, потому что оно болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, имѣетъ мѣсто въ Петербургѣ, какъ это покажутъ намъ точныя цифры.

Изучая статистику браковъ въ нашей столицѣ, по возрастамъ брачущихся, невольно поражаешься крайней въ этомъ отношеніи неравномѣрностью и, главное, постояннымъ господствомъ такой неравномѣрности. Такъ, оказывается, что въ общемъ числѣ женщинъ, вступающихъ въ бракъ въ Петербургѣ, — почти четыре пятыхъ принадлежатъ къ возрастамъ отъ 15 до 30 лѣтъ, тогда какъ изъ общаго числа вступающихъ въ бракъ мужчинъ только около половины женятся въ этихъ возрастахъ. Вотъ болѣе подробныя и точныя по этому предмету цифры.

Изъ вступившихъ въ бракъ на каждый возрастъ приходится:

	На 100 мужч.	На 100 женщ.
До 20 лѣтъ	3,4	28,0
Отъ 21 до 30 лѣтъ .	48,7	49,0
» 31 » 40 » .	34,7	18,8
» 41 » 50 » .	10,4	3,9
» 51 » 60 » .	2,6	0,3
» 61 » 80 » .	0,9	0,1

Въ табличкѣ этой особенно поражаетъ чрезвычайное преобладаніе надъ цифрою мужчинъ цифры женщинъ, вступающихъ въ бракъ въ возрастѣ ранней юности, т. е. до 20-ти лѣтъ. Какъ видно, цвѣтущіе юноши въ Петербургѣ женятся не чаще старцевъ, а именно: изъ ста мужчинъ до 20-ти лѣтъ вступаютъ въ бракъ 3,4%, а въ возрастѣ отъ 51 до 80 лѣтъ—почти столько же. Потомъ, что касается числа женщинъ, выходящихъ замужъ до 20-ти лѣтъ, то слѣдуетъ замѣтить, что, при распредѣленіи возрастовъ брачущихся по пятилѣтіямъ, оно займетъ самое выдающееся мѣсто.

Окажется, напр., что въ возрастѣ отъ 16 до 20-ти лѣтъ (беремъ закономъ установленный предѣльный терминъ зрѣлости для дѣвицъ) женщинъ вступаетъ въ бракъ значительно больше, чѣмъ въ возрастѣ отъ 20 до 25-ти лѣтъ, не говоря уже о болѣе позднихъ возрастахъ. Вообще, какъ давно замѣчено нашими статистиками, нигдѣ не существуетъ такой громадной разницы между лѣтами муж-

чинъ и женщинъ, вступающихъ въ бракъ въ возрастахъ до 20 и и послѣ 30-ти лѣтъ. Всего нагляднѣе обрисовывается эта характеристическая черта петербургскихъ браковъ по сравненію съ другими иностранными городами. Напр., въ то время, какъ у насъ въ возрастѣ до 20-ти лѣтъ вступаетъ въ бракъ мужчинъ 3,4% и женщинъ 28%,—въ Брюсселѣ въ томъ-же возрастѣ брачится мужчинъ 3,5%, женщинъ 13,7%; въ Вѣнѣ — женщинъ 5,8%; въ Женевѣ — мужчинъ 8,0% и женщинъ 8,5%. Другими словами: женщинъ, вступающихъ въ бракъ до 20 лѣтъ, въ Петербургѣ слишкомъ вдвое больше, чѣмъ въ Брюсселѣ, въ три съ половиною раза болѣе, чѣмъ въ Женевѣ, и въ пять съ половиною разъ болѣе, чѣмъ въ Вѣнѣ.

Принявъ-же во вниманіе, что въ этомъ раннемъ возрастѣ мужчинъ женится у насъ очень мало, что въ слѣдующемъ затѣмъ возрастѣ (отъ 21-го до 30-ти л.) брачущихся мужчинъ и женщинъ число почти равное, и что, наконецъ, въ зрѣлыхъ и старческихъ лѣтахъ число женящихся мужчинъ, составляющее почти половину общей суммы заключающихъ браки лицъ мужскаго пола, чуть не втрое превосходитъ число вступающихъ въ бракъ женщинъ тѣхъ-же зрѣлыхъ и старческихъ лѣтъ, — принявъ все это во вниманіе, мы должны уже, по наведенію, прійти къ тому выводу, что масса петербургской женской молодежи, едва вышедшей изъ отрочества, дѣлаетъ «партіи» съ искателями семейнаго счастья, бо́льшею частью изрядно подержанными и, по возрасту, годящимися для нихъ скорѣе въ отцы, чѣмъ въ мужья. Это подтверждаетъ и сравненіе валовыхъ цифръ возрастовъ брачущихся мужчинъ и женщинъ. Такъ, въ цвѣтущемъ возрастѣ — до 30-ти лѣтъ, вообще, вступаютъ въ бракъ изъ ста мужчинъ всего 52, а изъ ста женщинъ — 77; тогда какъ въ послѣдующихъ возрастахъ, начиная съ 31-го года, мужчинъ женится 48 изъ ста, а женщинъ выходитъ замужъ только 23 изъ ста, т. е. менѣе, чѣмъ половина противъ цифры мужчинъ. Ясное дѣло, что люди пожилые и старцы, соблазненные узами Гименея, въ большинствѣ случаевъ ищутъ и счастливо находятъ себѣ пары не среди равныхъ съ ними по возрасту женщинъ, а въ рядахъ юныхъ, дѣвственно-свѣжихъ представительницъ прекраснаго пола.

Всѣ эти цифровыя отношенія, не смотря на ихъ кажущуюся

сухость, весьма выразительны, въ смыслѣ указанія на общее состояніе семейнаго союза въ нашей столицѣ. Подъ цифрами скрываются здѣсь, какъ непреложный выводъ изъ ихъ соотношенія, всѣ тѣ семейные раздоры, разрывы и драмы, большая часть которыхъ остаются въ чертѣ семейныхъ очаговъ и недоступны для посторонняго глаза. Однако жъ кое-что выплываетъ и наружу, дѣлаясь достояніемъ молвы, въ особенности теперь, когда, рядомъ съ развитіемъ семейнаго разброда, большіе успѣхи сдѣлалъ цинизмъ, не стѣсняющійся никакими требованіями приличій и морали, хотя-бы только формальной. Ложно понятая и поспѣшно усвоенная эманципированность не только развязала руки людямъ испорченнымъ или легкомысленнымъ въ дѣлѣ разрушенія своихъ семейныхъ очаговъ, но и упразднила въ нихъ боязнь скандала и чувство стыда въ этомъ пунктѣ. Конечно, въ «доброе старое» время семейныя отношенія не были лучше нынѣшнихъ по существу, но тогда несомнѣнно болѣе уважалась, болѣе считалась обязательной святость брака и, ради семьи и ея интересовъ, люди болѣе способны были къ самопожертвованію и охотнѣе поступались эгоистическими стремленіями. Словомъ, семья была крѣпче, тогда какъ теперь семейныя и супружескія связи манкируются и разрываются съ полнѣйшей беззаботностью, а нерѣдко и съ наглымъ безстыдствомъ.

Нельзя, однако, не признать, что эманципація, въ смыслѣ развитія индивидуальной независимости личности, внесла и кое-что положительное въ матримоніальныя отношенія. Напримѣръ, въ настоящее время, какъ мы уже говорили выше, насильственные браки стали гораздо рѣже прежняго. Выиграла здѣсь преимущественно женщина, такъ какъ въ данномъ случаѣ она главнымъ образомъ являлась жертвой насилія и принужденія, чаще всего со стороны родителей, деспотически распоряжавшихся ея судьбою и выдававшихъ ее замужъ, противъ воли, по своимъ разсчетамъ. Подобные случаи нынѣ въ средѣ интеллигентной почти невозможны и, если еще встрѣчаются, то развѣ въ живущихъ по старинѣ, мало культурныхъ слояхъ купечества. Въ купечествѣ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, браки устраиваются по разсчету и въ бо́льшей зависимости отъ родителей жениховъ и невѣстъ, которые здѣсь не отличаются, впрочемъ, особенной разборчивостью, весьма нетребовательны насчетъ

романической любви и пассивно подчиняются выбору для нихъ «суженыхъ», по усмотрѣнію «тятенекъ» и «маменекъ». Тѣмъ не менѣе, и здѣсь проявляется иногда протестъ со стороны молодежи, хотя и очень своеобразно. Въ нашихъ матеріалахъ имѣется нѣсколько совершенно анекдотическихъ случаевъ, гдѣ купеческіе женихи, въ самый патетическій моментъ бракосочетанія, просто оказывались въ бѣгахъ и этимъ разстроивали свадьбы. Бывали и такіе казусы, что молодые, уже повѣнчавшись и справивъ свадьбу, убѣгали въ первую брачную ночь куда нибудь въ веселые притоны разврата или-же въ объятія своихъ «душенекъ», оставляя своихъ молодыхъ жонъ въ весьма обидномъ и конфузномъ одиночествѣ. Разъ произошла такая траги-комическая исторія.

Женился одинъ распутный, замотавшійся купчикъ, сынъ богатыхъ родителей, принудившихъ его къ браку, въ намѣреніи остепенить и поставить на путь истины. Въ купечествѣ до сихъ поръ смотрятъ на бракъ, какъ на исправительную мѣру для сбившихся со стези добродѣтели молодыхъ людей, по пословицѣ: «женится—перемѣнится». Герой нашего разсказа до свадьбы находился въ романической связи съ одной львицей полусвѣта, имѣвшей, вѣроятно, свои основанія дорожить этой связью; что-же касается купчика, то онъ пылалъ къ ней неугасимой страстью. Пользуясь этимъ и руководимая гетерическимъ сумасброднымъ капризомъ, львица согласилась не препятствовать свадьбѣ своего Энея, только подъ однимъ условіемъ, чтобы онъ отдалъ ей всецѣло свою первую брачную ночь. Гостиннодворскій Эней въ точности исполнилъ требованіе своей Дидоны, къ великому скандалу новобрачной, ея и своихъ родныхъ. Онъ убѣжалъ прямо съ брачнаго пира и только на третій день былъ найденъ огорченными родителями, сурово «поученъ» ими, т. е. попросту высѣченъ розгами, и возвращенъ своей молодой супругѣ на лоно счастливой семейной жизни, насколько она можетъ быть счастлива съ подобнымъ «саврасомъ».

А нужно замѣтить, что такого рода скандалезныя притязанія со стороны «предметовъ» вольной, грѣховной любви къ «жестокимъ измѣнникамъ» и соблазнителямъ въ моменты ихъ бракосочетанія съ другими «предметами», дочерями «честныхъ родителей», довольно нерѣдки въ Петербургѣ, особенно въ купечествѣ и въ послѣднее время. Почти ни одинъ матримоніальный сезонъ въ сто-

лицѣ не обходится безъ мелодраматическихъ сценъ такого, сдѣлавшагося стереотипнымъ, содержанія: въ торжественную минуту вѣнчанія въ церкви является изъ публики жертва измѣны женихъ, нерѣдко въ сопровожденіи благопріобрѣтеннаго отъ него потомства, публично изобличаетъ его въ сожительствѣ съ нею съ приплодомъ, свидѣтельствуетъ, что онъ далъ ей обѣщаніе жениться, и, въ силу этихъ уликъ, требуетъ отмѣны обряда бракосочетанія. Нѣкоторыя находчивыя жертвы этого сорта успѣваютъ такимъ путемъ расторгнуть готовый заключиться бракъ, но успѣваютъ-ли возвратить себѣ измѣнившихъ имъ возлюбленныхъ—конечно, очень сомнительно, да, кажется, не этого онѣ и добиваются, какъ показываетъ практика. Натуры пылкаго темперамента, съ драматическими наклонностями, довольствуются въ такихъ случаяхъ лишь чувствомъ удовлетворенной мести; болѣе-же разсудительныя и основательныя имѣютъ цѣлью благопріобрѣсть отъ «измѣнника» малую толику «дѣтишкамъ на молочишко», заставивъ его такъ или иначе откупиться отъ непріятной, постыдной помѣхи къ законному браку съ дѣвицею изъ «честнаго» семейства. Бόльшею частью, эти маленькія драмы такъ и устраиваются къ общему удовольствію. Говорятъ, впрочемъ, что тутъ бываютъ опыты и голаго шантажа съ корыстной цѣлью. Во всякомъ случаѣ, въ газетахъ какъ-то писали, что, въ виду частаго повторенія подобныхъ скандалезныхъ притязаній къ женихамъ, многіе изъ сихъ послѣднихъ «стали опасаться вѣнчанія въ приходскихъ общедоступныхъ церквахъ, предпочитая совершать эти церемоніи въ церквахъ домовыхъ, куда публика допускается къ обряду только лишь по билетамъ»...

Интересная черта нравовъ! Разумѣется, случаи шантажа возможны, но ужь, конечно, женихи, предусмотрительно заботящіеся о благополучномъ совершеніи своего бракосочетанія «при закрытыхъ дверяхъ», имѣютъ въ глубинѣ души основаніе бояться предъявленія имъ нелѣпой, безстыдной претензіи въ столь патетическій для нихъ моментъ. Такого сорта приключенія чуть-чуть приподымаютъ занавѣсъ надъ безбрежной областью царящаго въ петербургскомъ обществѣ многообразнаго прелюбодѣянія, давая лишь отдаленное понятіе о его свойствахъ и размѣрахъ. Беззаконное, внѣбрачное сожительство половъ—дѣло самое заурядное въ Петербургѣ, дѣло вошедшее въ обычай и въ такой мѣрѣ вкоренившееся, что съ нимъ

никто ужь не скрывается, никто его не стыдится. Эта любопытная область, впрочемъ, послужитъ содержаніемъ особаго нашего этюда; здѣсь-же мы только касаемся ея, поскольку это нужно для очерка семейнаго разброда, въ предѣлахъ собственно семейнаго очага.

Въ нашихъ понятіяхъ о бракѣ и его требованіяхъ много еще формальнаго и условнаго. Считается такъ, что, если мужчина и дѣвушка пошли добровольно подъ вѣнецъ, обмѣнялись кольцами и поцѣлуями, отпраздновали благополучно свадьбу, то—вотъ и все, что̀ нужно для того, чтобы союзъ ихъ вошелъ въ полную силу и признавался счастливымъ, святымъ и навѣки нерушимымъ. Но на самомъ дѣлѣ, какъ это показываетъ повседневный опытъ, браки, заключенные только формально, безъ внутренней связи между супругами, а тѣмъ болѣе, если который нибудь изъ нихъ или оба питаютъ одинъ къ другому антипатію, порождаемую неравенствомъ возрастовъ, несходствомъ темпераментовъ, характеровъ и привычекъ,—такіе браки, обыкновенно столь частые, оказываются въ большинствѣ случаевъ вполнѣ анти-семейными и, слѣдовательно, безнравственными. Священный обрядъ тутъ только профанируется, ибо онъ не можетъ связывать то, что̀ разъединено внутренно, не можетъ вложить любовь тамъ, гдѣ таятся вражда и холодъ. Къ сожалѣнію, какъ мы на это уже указывали, во множествѣ случаевъ, на это вовсе не обращается вниманія при заключеніи браковъ, такъ какъ самый смыслъ ихъ донельзя искаженъ разными сторонними эгоистическими соображеніями и разсчетами.

Нынче рѣдки браки по принужденію, рѣдко встрѣчаются драматическія сцены протеста со стороны влекомыхъ подъ вѣнецъ жертвъ родительскаго разсчета; наружно все устраивается гладко, согласно и прилично; но, чтобы судить о степени процвѣтанія семейнаго союза нужно справиться, многіе-ли изъ формально заключенныхъ и освященныхъ церковью браковъ выдерживаютъ искусъ послѣ вѣнца и не разрушаются? — Статистическихъ данныхъ на этотъ предметъ не существуетъ, если не считать приведенныхъ нами въ своемъ мѣстѣ смѣхотворныхъ, по своей неправдоподобной ничтожности, цифръ разведенныхъ мужей и жонъ. Зато наглядныя наблюденія, даже поверхностныя, даютъ въ такой степени ясный, въ отрицательномъ смыслѣ, и рѣшительный отвѣтъ на вышепоставленный вопросъ, что

тутъ самый благодушный оптимистъ придетъ къ очень безотраднымъ выводамъ относительно состоянія нашихъ семейныхъ нравовъ.

Незначительное количество формальныхъ разводовъ объясняется ихъ чрезвычайной трудностью и дороговизной, обусловленными законодательствомъ, которое у насъ, въ принципѣ, не допускаетъ расторжимости браковъ. Тѣ-же немногіе случаи, которые законъ признаётъ уважительными для развода, обставлены юридически требованіемъ такихъ позорныхъ для семьи и для личности условій, что очень немногіе супруги рѣшаются цѣною ихъ добыть себѣ свободу. Извѣстно, что главнымъ условіемъ для развода служитъ обличеніе на мѣстѣ дѣйствія—и не иначе—одного изъ супруговъ въ невѣрности. По крайней мѣрѣ, на этомъ основывается практика разводовъ въ большинствѣ случаевъ—практика очень грязная, опирающаяся на обманѣ и лжесвидѣтельствѣ. Тѣмъ не менѣе она такъ расширилась въ послѣднее время, что явились особые спеціалисты-адвокаты «по бракоразводнымъ дѣламъ», мастерски обработывающіе всю комедію нарушенія супружеской вѣрности, со всѣми бутафорскими аксессуарами и «вещественными доказательствами», при полномъ составѣ «достовѣрныхъ лжесвидѣтелей». Самое лжесвидѣтельство по этимъ щекотливымъ дѣламъ сформировалось въ самостоятельный промыселъ, посредствомъ котораго снискиваютъ себѣ пропитаніе разныя темныя личности.

Какъ обдѣлываются бракоразводныя дѣла — наглядно показалъ надѣлавшій въ свое время большаго шума въ Петербургѣ процессъ князя Г. съ женою. Процессъ этотъ происходилъ въ 1874 г. и былъ возбужденъ самимъ княземъ, собственно, не противъ жены, а противъ руководителей и лжесвидѣтелей, устроившихъ, въ ея интересѣ и по ея заказу, разводъ законнымъ порядкомъ, но совершенно наперекоръ волѣ мужа. Дѣло это, въ которомъ было замѣшано косвеннымъ образомъ, но очень невыгодно, нѣсколько аристократическихъ именъ изъ петербургскаго beau-monde'а—показало, что, подъ элегантнымъ лоскомъ титулованной свѣтскости этого міра, въ немъ кроется немало самой вульгарной нравственной грязи, что и подъ пышными фамильными гербами семейный очагъ также легко подвергается крушенію, какъ и на чердакахъ, если еще не легче. У князя и княгини Г. были отъ брака дѣти, но, не смотря на это, они уже около десяти лѣтъ не ладили между собою и

жили врознь. Князь показалъ на судѣ, что онъ «не могъ и не хотѣлъ жить съ женою», прозрачно намекнувъ на неблаговидность ея поведенія. Съ своей стороны, она жаловалась на то, что мужъ разорилъ ее. У нея имѣлись какія-то его денежныя обязательства и векселя, владѣя которыми, какъ оружіемъ, она и рѣшилась устроить подложный разводъ, въ увѣренности, что мужъ будетъ молчать, подъ страхомъ взысканія. Разводъ понадобился княгинѣ потому, что у нея завязался романъ съ какимъ-то итальянскимъ маркизомъ и она желала кончить этотъ романъ законнымъ бракомъ. На кличъ ея немедленно явились мастера «бракоразводныхъ дѣлъ» и, хорошо вознагражденные гонораромъ, устроили разводъ по всей формѣ. Нѣсколько самоотверженныхъ лжесвидѣтелей, никогда не видавшихъ даже въ лицо князя Г., какъ потомъ оказалось, съ легкой совѣстью присягнули, что собственными глазами видѣли его «въ дѣйствіи прелюбодѣянія», въ гостинницѣ «Москва», съ какою-то невѣдомою женщиною... Какъ характеристическую подробность, слѣдуетъ добавить, что до этого показанія княгиня не брезгала лично отыскивать улики невѣрности мужа, роясь своими аристократическими пальчиками въ его интимныхъ отношеніяхъ съ горничными, сестрами лакеевъ и женами швейцаровъ, но только поиски эти оказались безуспѣшными. Когда вся обстановка мнимаго прелюбодѣянія князя была подготовлена и оформлена, дѣло пошло въ консисторію, гдѣ оно, хорошо смазанное по обыкновенію для безостановочнаго хода, кончилось полнымъ расторженіемъ брака. Княгиня немедленно вышла замужъ за своего маркиза и отправилась справлять медовые мѣсяцы заграницу. Князь узналъ о разводѣ сюрпризомъ въ Ниццѣ и, когда ему стали извѣстны подробности дѣла, а также фальшивое изобличеніе его въ небываломъ грѣхопаденіи, онъ пришелъ въ негодованіе. Богъ знаетъ, въ какой степени искренно, но, такъ или иначе, протестъ свой онъ повелъ весьма энергически. Прежде всего, онъ не задумался утруждать своей жалобой покойнаго государя, лично представившись ему въ Эмсѣ и клятвенно увѣривъ его, «что тѣ основанія, которыя послужили къ расторженію брака,—безусловная ложь и клевета». Дѣло получило законный ходъ и разрѣшилось скандалезнымъ процессомъ, въ результатѣ котораго добродѣтель князя Г., стоявшаго на томъ, что онъ ни разу не нарушалъ супружеской вѣрности, восторже-

ствовала, а порокъ, въ лицѣ лжесвидѣтелей, понесъ заслуженную кару.

Результатъ, можетъ быть, и утѣшительный для личности истца, столь ревниваго къ репутаціи своего цѣломудрія, но трудно сказать— что̀ тутъ выиграло и что̀ могло выиграть нарушенное, и поруганное семейное начало? — Разстроенная семья не возстановилась, легкомысленная жена не возвратилась къ мужу, не возвратилась и мать къ брошеннымъ для какого-то маркиза несчастнымъ дѣтямъ. Общественный соблазнъ и фамильный позоръ — вотъ вся мораль подобныхъ процессовъ.

Не болѣе высокая мораль для общества получается и изъ той массы супружескихъ исковъ, возникающихъ на развалинахъ семейнаго очага, которыми преисполнено дѣлопроизводство мировыхъ судовъ и о которыхъ мы поговоримъ ниже.

II.

Семейныя драмы.

Формальные разводы между супругами у насъ чрезвычайно рѣдки, какъ мы сказали, во-первыхъ, потому что они очень хлопотливы, затруднительны и дорого стоютъ, а, во-вторыхъ, потому что, при нынѣшней покладистости нравовъ, бредущіе врознь супруги вовсе не нуждаются въ санкціонированіи своего разрыва. Дѣла о разводѣ возбуждаются обыкновенно людьми состоятельными и только въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ сторонъ имѣетъ надобность заключить новый церковный бракъ. Дѣла эти, чаще всего ничто иное, какъ торговыя сдѣлки, и процедура ихъ основана на куплѣ и продажѣ, не говоря уже о томъ, что самая практика ихъ юридическаго производства сплетается изъ лжесвидѣтельствъ и подтасовокъ. Обыкновенно, разводъ нуженъ кому нибудь одному изъ супруговъ, чаще всего женѣ, ради новой, пріят-

ной или выгодной «партіи», слѣдовательно, сторонѣ этой нужно сохранить за собой и право на вступленіе въ новый бракъ. Отсюда является необходимость склонить противную сторону, т. е. брошеннаго мужа, и къ согласію на разводъ и къ готовности принять на себя инкриминацію въ нарушеніи святости брачнаго союза. Требуется, стало быть, жертва, а современный обыватель менѣе всего чувствуетъ расположеніе къ безкорыстному самопожертвованію. Вотъ эта-то жертва, какъ равно и согласіе на разводъ, и покупаются обыкновенно ходячею размѣнною монетою. Въ скандалёзной хроникѣ Петербурга извѣстно не мало случаевъ покупки женъ этимъ именно путемъ у сговорчивыхъ мужей, для которыхъ, такимъ образомъ, разлученныя супруги на самомъ дѣлѣ оказывались вполнѣ дражайшими половинами... Были случаи, что въ этой торговлѣ жены шли цѣною въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей — разумѣется, когда покупателями ихъ являлись графы, сановники-банкократы и именитые комерціи-совѣтники, съ туго набитыми карманами, — тогда какъ въ низшей, менѣе зажиточной средѣ, въ подобныхъ-же случаяхъ, стоимость предмета купли и продажи могла спускаться до нѣсколько десятковъ и даже до нѣсколькихъ рублей, какъ имѣются тому примѣры.

Конечно, очень немногія изъ женъ, разрывающихъ брачные узы съ мужьями, такъ сказать, перваго призыва, находятъ потомъ такихъ пламенныхъ и тароватыхъ обожателей, которые покупали-бы право назвать ихъ «своими» столь дорогою цѣною, посредствомъ формальнаго развода и законнаго бракосочетанія. Обыкновенно дѣло обходится гораздо проще, безъ дальнихъ церемоній и хлопотъ. Обыкновенно, неполадившіе супруги, вмѣсто того, чтобы разводиться юридически, просто разъѣзжаются, и это такъ вошло въ практику и такъ часто повторяется, что глаголъ «разъѣзжаться» на петербургскомъ діалектѣ пріобрѣлъ упроченное, въ указанномъ смыслѣ, техническое значеніе. Законно разведшихся супруговъ въ столицѣ очень немного, зато «разъѣхавшихся»—безчисленное множество.

Въ большинствѣ случаевъ эманципировавшіеся отъ брачныхъ узъ супруги взаимно упраздняются другъ для друга безъ всякихъ слѣдовъ, безъ всякихъ даже воспоминаній о разрушенномъ семейномъ очагѣ, и беззаботно возобновляютъ холостецкую жизнь, со всѣми ея

прелестями и съ полной независимостью въ дѣлѣ романическихъ похожденій. Независимость эта простирается даже до того, что, напр. замужнія женщины, конечно, въ большинствѣ «разъѣхавшіяся» со своими мужьями, составляютъ весьма ощутительный процентъ въ группѣ профессіональныхъ, клейменныхъ проститутокъ (таковыхъ около 10% въ общей цифрѣ сосчитанныхъ петербургскихъ жертвъ общественнаго темперамента). Какое-же число «соломенныхъ вдовъ» и таковыхъ-же вдовцовъ вкушаютъ сладость беззаконной любви тайно, безъ контроля блюстительной полиціи нравовъ, — никто не считалъ, да и сосчитать было-бы мудрено... Умъ вскружится!

Значительно меньшее число такихъ случаевъ въ разсматриваемой области семейнаго разброда является тамъ, гдѣ свобода отъ супружескихъ обязательствъ и—всего главнѣе—отъ обязанности сожительства въ брачной парѣ окупается довольно чувствительно, въ особенности для мужа, тѣмъ болѣе, если онъ является иниціаторомъ семейнаго разрыва. Въ высшей культурной и зажиточной средѣ принято, что мужъ, «разъѣхавшись» съ женою, выдаетъ ей опредѣленную пожизненную пенсію. Дѣло улаживается полюбовно и прилично, безъ скандалёзнаго посредства недремлющаго закона, обязывающаго мужа содержать жену. Но, въ послѣднее время, въ практикѣ петербургскаго суда все чаще и чаще стали встрѣчаться процессы, вчинаемые по искамъ брошенныхъ жонъ къ легкомысленнымъ мужьямъ, съ требованіемъ отъ нихъ узаконеннаго содержанія. Фигурируютъ въ этихъ процессахъ больше всего представители мелкой, недостаточной разночинной среды, хотя изрѣдка встрѣчаются и люди состоятельные, именитые. Процессы этого рода весьма однообразны по своимъ мотивамъ и по своей сущности. Въ судъ является жена, нерѣдко обремененная дѣтьми, и проситъ обязать бросившаго ее, безпутнаго мужа, выплачивать ей такую-то сумму на содержаніе. Понятно, что когда у супруговъ дѣло доходитъ по этому щекотливому пункту до суда, то ужь тутъ они совершенно не церемонятся другъ съ другомъ. Обыкновенно, отвѣтчикъ-мужъ старается отклонить отъ себя обязанность платить женѣ на содержаніе или, по крайней мѣрѣ, возможно уменьшить сумму послѣдняго. Дѣла эти разбираются у мировыхъ судей, которые обыкновенно стараются привести стороны къ полюбовному соглашенію, являющемуся, конечно, въ подобныхъ тяжбахъ совершенно фиктивнымъ. Это можно видѣть

и изъ того, что въ большинствѣ такихъ процессовъ стеоретипное предложеніе судьи тяжущимся супругамъ возобновить сожительство встрѣчаетъ съ ихъ стороны категорическое отрицаніе. Остается опредѣлить размѣръ требуемаго содержанія, что̀ для судей всегда затруднительно, въ случаѣ спора по этому пункту между супругами. Судоговореніе обращается въ торгъ: жена запрашиваетъ, мужъ скупится и не уступаетъ, а судья вообще пытается согласить ихъ и, когда это не удается, утверждаетъ ту цифру, которая предложена мужемъ.

— Требую сто рублей въ мѣсяцъ! — заявляетъ, напр., въ одномъ подобномъ процессѣ злополучная жена, стараясь доказать основательность своего требованія.

— Состоянія у меня нѣтъ; получаю всего триста рублей доходу въ годъ,—завѣдомо лжетъ супругъ,—а потому могу предложить только пятнадцать рублей въ мѣсяцъ.

— Согласны? спрашиваетъ судья истицу.

— Что-жъ? отвѣчаетъ она, поразмысливъ вѣроятно, что съ такого благовѣрнаго «хоть шерсти клокъ» и то находка. — Пусть хоть что нибудь платитъ... Я согласна!

Бываетъ, впрочемъ, и очень часто, что тяжущіяся со своими мужьями жоны ограничиваютъ свои иски однимъ лишь требованіемъ выдачи имъ отдѣльнаго вида на жительство. Такіе иски весьма обыкновенны въ практикѣ петербургскаго суда. Извѣстно также, что многія бросившія своихъ мужей жоны обращаются съ ходатайствомъ о выдачѣ имъ такихъ видовъ къ спеціальнымъ органамъ административной власти и—небезуспѣшно, если могутъ подкрѣпить свое требованіе достаточными основаніями. Выдача вида на отдѣльное жительство, соотвѣтствующая тому, что̀ во французскомъ кодексѣ называется séparation des corps, есть, въ сущности, актъ развода de-facto, и такимъ образомъ сама предержащая власть, въ лицѣ суда и администраціи, разрѣшая на практикѣ эту форму разлученія супруговъ, явно высказывается противъ исключительности и устарѣлости дѣйствующаго на этотъ предметъ закона, не допускающаго свободнаго развода. Конечно, выдача жонамъ отдѣльнаго вида разрѣшается властью только по представленіи достаточно убѣдительныхъ для того доводовъ. Доводы эти довольно однообразны: или жестокое обращеніе мужей съ просительницами, или ихъ безпутное пове-

деніе, или-же, наконецъ, растрата имущества жены мужемъ. Всего чаще требованіе отдѣльнаго вида мотивируется жестокостью и буйствомъ супруга. А такъ какъ эти качества встрѣчаются преимущественно въ низшей, некультурной средѣ, то истицами отдѣльныхъ видовъ по этимъ поводамъ являются главнымъ образомъ простолюдинки. Впрочемъ, во многихъ случаяхъ истицы изъ этого класса обращаются къ суду просто за защитой отъ свирѣпости мужей, чтобы судъ ихъ «проучилъ», и довольствуются назначеніемъ имъ должной за жестокое обращеніе кары, не требуя отдѣльныхъ видовъ на жительство. Какъ уживаются подъ одной кровлей, послѣ такихъ тяжбъ, неполадившіе супруги — это ужь одинъ Богъ знаетъ!

Дѣла этого рода — весьма обычныя въ камерахъ столичныхъ мировыхъ судей—раскрываютъ мрачную, безобразную картину дикой часто безсмысленной тираніи, царящей въ семейныхъ отношеніяхъ низшей городской среды. Само собой разумѣется, страдательную роль — нерѣдко роль истой мученицы—несетъ здѣсь женщина.

Жалуется жена ремесленника, что мужъ безустанно бьетъ ее, пьянствуетъ, завелъ любовницу, тратя на нее весь заработокъ, а жену оставляя въ нуждѣ и голодѣ; намѣренъ продать свой домъ въ деревнѣ, въ конецъ разстроить хозяйство и пустить по міру семью... Свидѣтели показываютъ, какъ они живя по сосѣдству съ тяжущимися, изо дня въ день слышатъ происходящій въ ихъ квартирѣ шумъ, сопровождаемый рычаньемъ мужа: «зарѣжу! убью!», и воплями истязуемой жены.

«Нужно было видѣть слезы несчастной женщины на судѣ,—добавляетъ стенографъ, давшій отчетъ объ этомъ процессѣ, — чтобы вполнѣ понять ея незавидную долю, ея горькое положеніе».

Жалуется на жестокіе побои мужа крестьянка и, въ подтвержденіе своихъ словъ, представляетъ «вещественное доказательство»— клокъ волосъ, вырванныхъ изъ ея головы супружеской рукою.

— Экось! весело и беззаботно защищается мужъ.—Вѣдь, въ Петербургѣ волосъ много... Пущай она, господинъ судья, покажетъ плѣшину на головѣ, съ того самого мѣста, съ котораго я, будто-бы, вырвалъ у нея волосы... Не покажетъ!

Свидѣтели, однако, вполнѣ подтвердили слова истицы.

Жалуется жена мѣщанина на мужа за насиліе и требуетъ отдѣль-

наго вида на жительство, заявивъ, что она жить съ нимъ долѣе «ни подъ какимъ видомъ несогласна». Мужъ сознается, что, точно, билъ жену, но по-дѣлòмъ—за дурное поведеніе. Между тѣмъ, изъ хода дѣла обнаружилось, что онъ-же самъ развратилъ жену, заразилъ ее «секретною болѣзнью» и давалъ ей какія-то самодѣльныя лѣкарства, отъ которыхъ у нея «духъ захватывало» и которыми, быть можетъ, уморилъ-бы ее, еслибы добрые люди не надоумили ее отправиться въ Калинкинскую больницу.

Мы на удачу, для примѣра, взяли изъ нашего матеріала нѣсколько фактовъ, какихъ въ хроникѣ столичнаго суда—множество. Они повторяются чуть не каждый день и очень схожи между собою. Безъ сомнѣнія, значительная, если не бòльшая часть случаевъ супружеской тираніи не доводится до свѣдѣнія суда и остается въ четырехъ стѣнахъ семейныхъ очаговъ, такъ какъ многія и, конечно, лучшія женщины, изъ стыдливости и не желая «выносить соръ изъ избы», терпѣливо, молча, несутъ свою страдальческую долю. Зато не составляютъ большой рѣдкости въ уличной жизни столицы соблазнительно-скандалёзныя сцены публичной супружеской расправы въ такомъ, напр., родѣ.

Разъ, на углу Фонтанки и Апраксина переулка, уличная публика была свидѣтельницей возмутительной сцены. Разсвирѣпѣвшій мужъ, по виду торгашъ, устроилъ настоящую травлю за женой и дѣтьми. Травлѣ этой предшествовала, вѣроятно, домашняя бойня, отъ которой несчастная женщина, захвативъ двухъ малютокъ-дѣтей, бѣжала; мужъ за ней. Выбѣжавъ на улицу, преслѣдуемая по пятамъ мужемъ, она скрылась въ мелочную лавочку; тотъ ворвался и въ лавочку, изъ которой жена выскочила черезъ черный ходъ на дворъ и, видя, что погоня не отстаетъ, снова кинулась на улицу. Здѣсь супругъ-звѣрь настигъ ее и началъ съ ожесточеніемъ бить ее и дѣтей. Въ средѣ собравшейся толпы зѣвакъ нашлось нѣсколько сострадательныхъ людей, которые вступились за жертвы семейнаго насилія, но встрѣтили сильную оппозицію, аргументированную такимъ неотразимымъ доводомъ:

— Я—мужъ и, по закону, воленъ дѣлать съ женой и дѣтьми, чтò хочу!

Отвратительной сценѣ положила предѣлъ полиція.

Опять таки мы привели этотъ фактъ не потому, чтобы онъ былъ

исключительнымъ и чѣмъ-нибудь особенно выдающимся. Такіе факты заурядны, и кому не приводилось быть ихъ очевидцемъ? Вставили мы его здѣсь для полноты нашей картины, какъ одинъ изъ видовъ тираніи, свирѣпствующей въ нравахъ низшаго слоя. Гораздо любопытнѣе, что героями такихъ всенародныхъ дебоширствъ являются иногда представители и болѣе культурнаго класса.

Однажды предъ лицо мироваго судьи былъ привлеченъ нѣкій биржевой купецъ, носящій нѣмецкую фамилію, по обвиненію въ нанесеніи побоевъ женѣ и другимъ лицамъ, а также въ нарушеніи общественной тишины и спокойствія. Беременная жена этого господина, будучи побитой имъ, бѣжала изъ дому и укрылась въ Пассажѣ у знакомой акушерки, имѣя нужду въ ея врачебной помощи, вслѣдствіе понесенныхъ побоевъ. Купецъ бросился по ея слѣдамъ и сталъ ломиться въ квартиру акушерки, требуя выдачи своей жены. Акушерка и ея мать, поочередно, вступали съ нимъ въ переговоры черезъ форточку и обѣ получили нѣсколько ударовъ палкой по головѣ. Попыталась было объясниться съ нимъ и жена, но испытала ту же участь. Скандалъ вышелъ на весь Пассажъ и, само собой разумѣется, кончился церемоніальнымъ путешествіемъ въ участокъ, протоколомъ, процессомъ у мироваго судьи и двухнедѣльнымъ заключеніемъ въ тюрьму супруга-буяна.

Другой супругъ — чиновникъ, жившій врознь со своей женою, встрѣтивъ ее на Невскомъ среди бѣлаго дня, завелъ съ ней ссору изъ за единственнаго ихъ четырехлѣтняго сына, котораго онъ требовалъ возвратить ему. Отъ словесныхъ вразумленій чиновникъ перешелъ къ дѣйствію и началъ толкать жену... Опять всенародный скандалъ, полиція, протоколъ и такъ далѣе, включительно до нравоучительнаго отсиживанія въ «мѣстѣ злачномъ» за буйство и нарушеніе благочинія.

Отсидѣлся тамъ-же какъ-то и одинъ «редакторъ-издатель» по жалобѣ жены за то, что она, живя съ нимъ врознь, была имъ оскорблена и сбита кулакомъ съ ногъ въ клубѣ на ёлкѣ, куда она пріѣхала съ матерью и дѣтьми, повидимому, вопреки воли мужа и на зло ему. На предложеніе судьи простить мужа, оскорбленная дама возразила, что она это сдѣлала-бы, еслибы онъ не былъ «представителемъ прессы» и не въ общественномъ собраніи обидѣлъ ее.

Понесъ возмездіе въ мировомъ судѣ за жестокое обращеніе съ женою нѣкій Отелло изъ курляндскихъ нѣмцевъ, тоже представитель культурнаго класса. Самъ уже не молодой, онъ женился на восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ и сталъ ее безпощадно ревновать. Въ этихъ видахъ, ложась спать послѣ обѣда, онъ заставлялъ жену играть на фортепьяно втеченіе всего времени, пока онъ покоился. Истый аргусъ, онъ просыпался тотчасъ-же, какъ молодая женщина переставала играть. Такъ это разъ и случилось. Дѣло было лѣтомъ на дачѣ. Проснувшійся Отелло, не найдя жены за фортепьяно, бросился ее искать и, почему-то, прежде всего на сѣновалѣ, откуда и спугнулъ какого-то подозрительнаго молодаго человѣка. Открытіе это подняло въ немъ ревнивое чувство до крайней степени. Онъ не сомнѣвался болѣе, что жена его обманываетъ и, найдя ее въ саду одну, въ грустномъ раздумьѣ, подкрался сзади, стащилъ ее за волосы со скамьи на землю и началъ немилосердно колотить, приговаривая: «Donner-Wetter, du machst hier deine amour-gecheften» (чортъ возьми, ты здѣсь обдѣлываешь свои любовныя дѣлишки!). Остервененіе его дошло до того, что онъ началъ топтать свою несчастную жертву ногами, колотить ее имѣющейся въ его рукахъ палкою. Несчастная кричала до тѣхъ поръ, пока не выбилась изъ силъ. Сбѣжавшіеся на ея крикъ дворники едва успѣли унять разсвирѣпѣвшаго мужа и отнять изъ его рукъ молодую женщину.

Не менѣе скандалёзно и возмутительно наказалъ жену публично за измѣну другой обыватель, названный репортеромъ «господиномъ» и тоже принадлежавшій, повидимому, къ культурному классу. Сцена произошла днемъ передъ подъѣздомъ съ подозрительной вывѣской: «Семейныя бани». Изъ дверей этого подъѣзда вышла на улицу молодая, прилично одѣтая парочка, но едва она собралась сѣсть на извощика, какъ—откуда ни возьмись—подбѣгаетъ къ ней тоже «прилично одѣтый господинъ», стаскиваетъ съ пролетокъ прекрасную половину парочки и начинаетъ ее трепать въ обѣ руки, справа на лѣво. «Черезъ минуту, — игриво повѣствуетъ репортеръ-очевидецъ этой картинки,—однообразная (?) грязь улицы засверкала разнообразнѣйшей пестротой дамскаго туалета: лисья ротонда, исковерканная шляпка, куски лентъ и цвѣтовъ, — вотъ грустные трофеи, устлавшіе боевое поле разъяреннаго побѣдителя-супруга... Супруговъ

задержали полисмены и, усадивъ на двухъ извощиковъ, повезли въ участокъ при громкомъ хохотѣ и шиканьѣ огромной толпы». Интересно, что о соблазнителѣ несчастной, насладившемся адюльтеромъ, подъ выше изображенной и на этотъ разъ слишкомъ уже краснорѣчивой вывѣской, въ репортерскомъ разсказѣ нѣтъ ни слова. Онъ, очевидно, малодушно улизнулъ, подлѣйшимъ образомъ бросивъ на позоръ и истязаніе ту, которая отдала ему свое сердце и принесла въ жертву свое доброе имя. Характеристично и то, что оскорбленный супругъ удовольствовался, въ возмездіе своей обиды, расправой лишь со своей женой, а къ ея соблазнителю не предъявилъ, повидимому, никакой претензіи. Такова логика ходячей на этотъ счетъ морали: за грѣхопаденіе предается позору и отвѣтственности одна женщина, а участникъ ея грѣха и соблазнитель не только пользуется полной безнаказанностью, но еще пріобрѣтаетъ престижъ истиннаго кавалера и молодца. Въ нашемъ матеріалѣ имѣются факты, сколько поучительные, столько-же и отвратительные, гдѣ соблазнители чужихъ жонъ, мнимые или дѣйствительные, съ гордымъ видомъ хвастались въ глаза мужьямъ, что наставили имъ рога.

Сидитъ честная компанія за картами; двое изъ участниковъ игры заспорили и, слово за слово, дошли до такого азарта, что одинъ изъ нихъ, наклонный, какъ видно, къ пошлепкинскимъ обобщеніямъ, ругая противника, сталъ поносить и его жену, обозвалъ ее публичной женщиной и торжественно заявлялъ, что состоялъ съ нею въ интимной связи. Въ другомъ случаѣ, между двумя знакомцами вышелъ споръ изъ-за долга, и тоже при свидѣтеляхъ; должникъ заявилъ, что онъ не хочетъ принесть долга на домъ къ кредитору.

— Къ тебѣ ходить я не хочу, — сказалъ онъ, — съ женою твоею встрѣтишься, а мнѣ это непріятно...

Непріятно оказалось потому, что съ женою пріятеля онъ довольно ужь «возжался», и она ему наскучила, какъ любовница.

Въ обоихъ случаяхъ обиженныя мужья обжаловали свои обиды въ мировомъ судьѣ изъ-за того только, какъ они сами поясняли, «чтобы надъ ними не смѣялись товарищи», которые слышали это хвастливое поношеніе ихъ жонъ. Уже по этимъ фактамъ можно судить, каковъ уровень нравственныхъ понятій и каковы воззрѣнія на честь женщины и на святость брачнаго союза въ иной эманципирован-

ной средѣ петербургскаго мѣщанства. Здѣсь уже нарушеніе обѣта любви и супружеской вѣрности становится сюжетомъ не драмы, а скабрёзнаго фарса въ которомъ дѣйствующія лица съ хладнокровнымъ, безстрастнымъ цинизмомъ выворачиваютъ наружу грязь своихъ безнравственныхъ отношеній, не чувствуя ни стыда, ни даже эгоистическаго чувства ревности.

Въ заключеніе обзора фактовъ семейнаго разброда, происходящаго отъ жестокаго обращенія, нельзя не упомянуть, что бываютъ случаи,—конечно, рѣдкіе и исключительные,—гдѣ виновными являются не мужья, а жоны.

Въ нашихъ матеріалахъ есть нѣсколько процессовъ въ мировомъ судѣ по обвиненію мужьями женъ въ самоуправствѣ и насиліи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ буйныя супруги оказывались сильными, дебелыми, своенравными женщинами, тогда какъ мужья—малорослыми, тощими, слабодушными вахлаками, ничтожными и въ практической жизни, да еще подверженными слабости къ пьянству. Словомъ эти брачныя пары представляли собой разительный контрастъ. Одна изъ обвиняемыхъ дамъ била своего мужа, чиновника, систематически, била ежедневно и жестоко чѣмъ ни попало.

— Опоздаешь придти со службы немного—колотитъ,—жаловался мужъ на судѣ,—надымишь много въ комнатѣ трубкой—колотитъ; начнешь громко кашлять—опять взбучку задастъ... Я ужъ терпѣлъ, терпѣлъ, да наконецъ изъ терпѣнія вышелъ.

Обвиняемая оправдывалась тѣмъ, что ея мужъ «хуже всякой бабы» и «не бить его нельзя». Это ея твердое убѣжденіе, и — на увѣщаніе судьи болѣе кротко обращаться съ мужемъ, она отвѣтила:

— А тамъ посмотримъ — какъ заслужитъ? — Что заслужитъ, то и получитъ.

Другая крутонравная супруга повинилась, что она, точно, «держитъ мужа въ ежевыхъ рукавицахъ» и не только бьетъ его, но и подъ замокъ на хлѣбъ и на воду сажаетъ, но все это она дѣлаетъ и будетъ дѣлать въ неколебимомъ сознаніи своего священнаго права.

— Собственнаго-то мужа, — возразила она судьѣ, — да я не имѣю права учить, какъ хочу? Въ какихъ законахъ это прописано? И какая была бы я, безъ этого, законная мужу жена?..

Какъ-то, въ концѣ 60-хъ годовъ, въ Петербургѣ произвелъ большое удручающее впечатлѣніе одинъ процессъ, по обвиненію мужа — молодаго человѣка, офицера, принадлежавшаго къ интеллигентному классу—въ покушеніи на жизнь своей жены, выразившемся тѣмъ, что онъ у себя дома нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ нее изъ револьвера и ранилъ. Показанія обвиняемаго и свидѣтелей на судѣ раскрыли картину такой безжалостной, свирѣпой семейной тираніи со стороны потерпѣвшей жены, что судъ вынужденъ былъ дать снисхожденіе подсудимому. Нужно замѣтить, что бракъ этотъ былъ заключенъ по любви, съ романическими препятствіями. Она была невѣста состоятельная, а онъ былъ бѣденъ. Родители ея не соглашались на ихъ бракъ; тогда молодые люди бѣжали и тайно обвѣнчались. Прошло нѣсколько лѣтъ; родители жены умерли и ей досталось значительное состояніе, но—не впрокъ. Она начала, какъ говорится, «кутить»,—стала ѣздить въ клубы, въ маскарады, куртизанить съ молодыми людьми, кататься съ ними на тройкахъ къ цыганамъ, пристрастилась къ верховой ѣздѣ, къ вину и къ картамъ. Словомъ, барыня совсѣмъ свихнулась; но мужъ, человѣкъ смирнаго, уступчиваго, мягкаго нрава, притомъ находившійся въ матеріальной зависимости отъ жены, смотрѣлъ сквозь пальцы на ея невѣрность и безпутство, изрѣдка только дѣлая ей замѣчанія, которыя однако-жъ вели къ скандалезнымъ семейнымъ сценамъ. Не вынесъ онъ ея капризнаго деспотизма и жестокости, по отношенію какъ къ себѣ самому, такъ и къ дѣтямъ и прислугѣ. На несчастье, у нихъ были дѣти, съ которыми мать обращалась ужасно:—содержала ихъ чуть не на кухнѣ, выдавая всего 10 коп. въ день на ихъ пропитаніе, не пускала къ себѣ на глаза и всѣ ея материнскія заботы о нихъ выражались бранью, колотушками и истязаніями... Отецъ, со слезами на глазахъ, показалъ судьямъ клокъ волосъ, вырванныхъ изъ головы его дочки матерью. Жестокость послѣдней къ дѣтямъ доходила до такой степени, что зрѣлища ея не могла выносить служившая у нихъ прислуга и, изъ-за этого, сходила съ мѣста. Впрочемъ, самой прислугѣ жутко приходилось отъ своенравной и драчливой барыни, дававшей волю рукамъ ни за что, ни про что. Въ этомъ отношеніи, она не дѣлала исключенія и для мужа,—нерѣдко колачивала его и, вообще, держала въ черномъ тѣлѣ. Всего-же обиднѣе для него было ея презрительное, грубое съ нимъ обращеніе при

людяхъ. Когда у нихъ бывали гости, она помыкала имъ, какъ лакеемъ, ругала «скотомъ, подлецомъ, мерзавцемъ», швыряла ему въ физіономію карты, стаканы и что попадетъ подъ руку. Онъ «часто краснѣлъ» за жену,—по его словамъ на судѣ, — и страдалъ втайнѣ за ея паденіе, за ея безпутство и безчеловѣчность. Семью свою она ненавидѣла: «ни одинъ ребенокъ не родился у насъ, не бывъ проклятъ матерью», — говорилъ мужъ на судѣ. Дѣло въ томъ, что беременность мѣшала ей кататься верхомъ и пользоваться развлеченіями, во избѣжаніе чего она не разъ пробовала изгонять плодъ. Несчастный долго терпѣлъ этотъ адъ у себя въ домѣ; наконецъ, послѣ одной горячей сцены съ женою, схватилъ внѣ себя револьверъ и разрядилъ его по адресу благовѣрной, однако-жъ настолько счастливо или несчастливо, что только оцарапалъ ее. На судѣ-же онъ заявилъ, что и вовсе не имѣлъ намѣренія убить жену, а хотѣлъ ее только «попугать», такъ какъ не переставалъ горячо любить ее, любитъ и теперь.

Приведенные случаи показываютъ, что классическій типъ человѣко-ненавистной фуріи—Ксантиппы не перевелся и въ наши просвѣщенные дни въ нѣдрахъ культурнаго общества.

Семейные раздоры изъ-за имущественныхъ отношеній также обыденны, какъ и возникающіе вслѣдствіе взаимнаго охлажденія супруговъ, невѣрности котораго нибудь изъ нихъ, жестокаго обращенія и пр. Въ практикѣ столичныхъ мировыхъ судей сплошь и рядомъ встрѣчаются тяжбы между супругами, нерѣдко положительно изъ за грошей. Предметомъ тяжбы служатъ какія-нибудь тряпки, какія нибудь ничтожной стоимости вещи изъ домашней утвари, похищенныя или растраченныя кѣмъ-нибудь изъ тяжущихся сторонъ. Чаще всего въ дѣлахъ этихъ потерпѣвшей стороной оказывается жена, такъ какъ, обыкновенно, безпутные, опустившіеся мужья, исходя изъ своихъ неограниченныхъ супружескихъ правъ, относятся съ полной безцеремонностью къ имуществу своихъ жонъ и считаютъ себя вправѣ расхищать его. Судъ однако не всегда даетъ имъ въ этомъ поблажку, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ, взятыхъ нами для примѣра, фактовъ.

Разъ полиція задержала на улицѣ одного подозрительнаго оборванца, съ узломъ разныхъ вещей изъ женскаго гардероба. По справкѣ оказалось, что оборванецъ стащилъ эти вещи у своей

жены, въ ея отсутствіе, и былъ того мнѣнія, что онъ распорядился въ этомъ случаѣ по праву. Тѣмъ не менѣе, полиція составила протоколъ о кражѣ и привлекла задержаннаго къ суду, куда явилась поддерживать обвиненіе и жена подсудимаго, «чисто одѣтая, молодая женщина», заявившая при этомъ, что супругъ уже не въ первый разъ ее обкрадывалъ.

— Признаёте себя виновнымъ? спросилъ судья подсудимаго.

— Нѣтъ, господинъ судья!—отвѣчалъ тотъ.—Какое она мнѣ приданое принесла? продолжалъ онъ, указывая на жену. — Это были мои собственныя вещи, потому я ее кормилъ съ сыномъ...

— Когда это ты меня кормилъ? возражаетъ жена.

— Не теперь... Теперь она, господинъ судья, гуляетъ; гуляю и я...

— Не желаете-ли примириться?

— Я, господинъ судья, согласна отказаться обвинять его, если онъ дастъ мнѣ отдѣльный паспортъ.

— Давай два рубля: я ей сейчасъ, господинъ судья, предоставлю паспортъ—пусть только дастъ два рубля...

— Помириться не желаю (плачетъ); онъ вчера опять пьяный пришелъ, озорничалъ. Семь лѣтъ такъ мучитъ.

Судья, въ виду непримиренія сторонъ, приговорилъ мужа за кражу на три мѣсяца въ тюрьму.

— Можете представить — добавилъ судья, — поручителя до вступленія приговора въ законную силу.

— Поручителя не имѣю, отвѣтилъ подсудимый.—Можетъ быть, жена приметъ на поруки...

— Несогласна.

Раба Божія непосредственно изъ суда препроводили въ тюрьму.

Имущественные раздоры между супругами всего чаще возникаютъ, разумѣется, въ болѣе зажиточной средѣ и, обыкновенно, въ случаѣ имущественнаго неравенства супруговъ. Потерпѣвшей стороной здѣсь чаще всего являются жоны, принесшія приданое, изъ-за котораго преимущественно и возгорается споръ. Дѣло происходитъ такъ: мужъ, женясь изъ-за приданаго, начинаетъ обирать жену или проматывать ея состояніе и когда разоритъ ее до-тла, то въ большинствѣ случаевъ бросаетъ и ее и дѣтей на произволъ судьбы. Исторія весьма обыкновенная и вполнѣ естественная, когда бракъ заключается ко-

торой нибудь изъ сторонъ по холодному разсчету, исключительно изъ-за денегъ, а такихъ браковъ въ Петербургѣ множество.

Понятно, что большая часть этой категоріи семейныхъ междоусобицъ, происходящихъ въ болѣе культурной средѣ, не доходитъ до суда и до публичной скандалезной огласки, оставаясь въ тѣсномъ кругу родныхъ и знакомыхъ повздорившихъ супруговъ. Судебныхъ процессовъ въ этомъ родѣ въ нашемъ матеріалѣ немного, но зато есть между ними весьма характерные.

Одинъ статскій совѣтникъ, какъ-то въ началѣ семидесятыхъ годовъ, принесъ жалобу въ судъ на дворниковъ дома своей жены за самоуправство и непочтительное съ нимъ обращеніе. На судоговореніи выяснилось, что статскій совѣтникъ, на самомъ дѣлѣ, обиженъ не грубостью дворниковъ (оставшейся недоказанной), а тѣмъ, что, сочетавшись бракомъ не съ женою, а съ ея богатымъ домомъ, обманулся въ своихъ надеждахъ на его благопріобрѣтеніе. Жена, охотно отдавъ ему свое сердце, благоразумно попридержала домикъ въ своихъ рукахъ. Изъ-за этого пошелъ между ними семейный раздоръ, кончившійся тѣмъ, что въ одно прекрасное утро жена указала мужу дверь, но статскій совѣтникъ принадлежалъ къ категоріи людей весьма нецеремонныхъ и цѣпкихъ. Съ женой онъ разъѣхаться—разъѣхался, только разстаться съ облюбованнымъ домикомъ онъ былъ не въ состояніи и, на правахъ супруга, вооруженной рукою водворился въ одной изъ свободныхъ квартиръ женина дома. Огорченная домовладѣлица вынуждена была съ этимъ примириться и, можетъ быть, статскій совѣтникъ мирно и безвозмездно прожилъ-бы весь вѣкъ въ ея домѣ, еслибы у него самого не было тутъ инаго умысла. А умыселъ былъ тотъ, чтобы непрерывно поддерживать враждебныя отношенія съ женой, всячески ей досаждать и чѣмъ можно вымещать за свое неудовлетворенное корыстолюбіе. Бѣдная женщина вынуждена была, наконецъ, приказать прислугѣ не впускать къ ней буйнаго супруга. Случилось, что статскій совѣтникъ отлучился въ самарскую губернію и на это время жена его свободно вздохнула. Вдругъ однажды, раннимъ утромъ, когда она еще была въ постели, онъ нежданно-негаданно, возвратившись прямо съ желѣзной дороги, врывается къ ней въ спальню, хватаетъ за горло и начинаетъ душить—все это за то, какъ потомъ выяснилось, что осмѣлились-де въ его отсутствіе снять замокъ съ дверей его дровянаго сарая. О

какой нибудь пропажѣ статскій совѣтникъ не заявлялъ. На крикъ барыни сбѣжалась ея прислуга, явились дворники и совокупными убѣжденіями угомонили строптиваго барина, не тронувъ его однако пальцемъ. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, статскій совѣтникъ обратился съ кляузной жалобой въ судъ, играя роль оскорбленной невинности. На судѣ-же выяснилось, что господинъ этотъ какъ-бы поставилъ себѣ задачей портить существованіе своей женѣ не мытьемъ, такъ катаньемъ, изъ-за дрянныхъ побужденій корыстолюбиваго эгоиста, обманувшагося въ своемъ разсчетѣ.

Это не единственный примѣръ такой злой и придирчивой супружеской мстительности на развалинахъ семейнаго очага. Одинъ мужъ—старикъ, женившійся на молоденькой,—послѣ того какъ, измученная его ревностью и дурнымъ обращеніемъ, жена убѣжала отъ него, вчинилъ противъ нея изъ мести искъ о небывалой растратѣ его имущества. Другіе разочарованные супруги преслѣдуютъ своихъ женъ обвиненіями просто въ кражахъ или въ нарушеніи супружеской вѣрности, или даже въ политической неблагонадежности, руководясь единственно чувствомъ мелкой раздраженной мстительности. И бываетъ, что такой супругъ въ состояніи довести преслѣдуемую жену до отчаянія. Разъ къ прокурору явилась одна образованная свѣтская дама и съ рыданіями стала просить его избавить ее и дѣтей отъ мученій, причиняемыхъ мужемъ-негодяемъ. Оказалось, что онъ не только оскорблялъ ее, но и разорялъ, транжиря ея состояніе на кокотокъ и кутежи. Потерявъ всякое терпѣніе и желая избавиться разъ навсегда отъ мужа, молодая женщина ходатайствовала о разводѣ и, одновременно, о признаніи ея двухъ дѣтей незаконнорожденными... Ходатайство оригинальное и почти неправдоподобное, но—каковъ-же долженъ быть семейный адъ, каковы отношенія между супругами, если порядочная женщина и мать, ради избавленія себя и дѣтей отъ постылаго главы семьи, рѣшается на такое сильное средство, равно позорящее и ее и дѣтей, притомъ, совершенно незаслуженно?!

Аналогичная судьба постигла и другую состоятельную даму, имѣвшую неосторожность увлечься пустоголовой, распутной куклой петербургской салонно-трактирной выправки. Особа эта была эксъ-артистка; въ ранней молодости она сошлась съ однимъ богатымъ комерсантомъ, прижила съ нимъ трехъ дѣтей и, когда ея пріятеля род-

ные принудили жениться на другой, получила отъ него щедрое обезпеченіе въ 200 т. руб. Съ этимъ состояніемъ она пріѣхала въ Петербургъ и вскорѣ вышла замужъ по любви за молодаго столичнаго щеголя, ничего не имѣвшаго за душой, кромѣ долговъ. «Медовые мѣсяцы» продолжались недолго. Скоро обнаружилось, что мужъ смотрѣлъ на этотъ бракъ, какъ на жертву съ своей стороны; онъ прикрывалъ грѣхи молодости жены, онъ давалъ ей положеніе и имя. Взамѣнъ этихъ правъ и преимуществъ, онъ потребовалъ платы размѣнною монетою. Началось безконечное вытягиваніе денегъ изъ кошелька жены на мотовство и безпутство, съ чѣмъ онъ передъ нею и не скрывался, выказывая циническую безцеремонность и грубость. Ея возраженія, упреки и отказы въ деньгахъ онъ встрѣчалъ бранью, а потомъ перешелъ и къ побоямъ. Разъ дѣло дошло до того, что она должна была бѣжать отъ разсвирѣпѣвшаго супруга въ гостинницу, а когда онъ и тамъ ворвался къ ней—то искать защиты у стороннихъ людей. Несчастная женщина убѣдилась, что она связалась съ безсердечнымъ негодяемъ, не питавшемъ къ ней ни искры привязанности, и что если онъ до сихъ поръ не бросилъ ея, то только въ разсчетѣ обобрать до конца. Нужно было, пока не поздно, спасаться отъ милаго супруга. Она выхлопотала себѣ тайкомъ отдѣльный видъ на жительство у администраціи и, выбравъ время, когда мужъ гдѣ-то предавался разгулу, уѣхала съ дѣтьми изъ Петербурга подальше. Этотъ сюрпризъ, разстроившій всѣ планы брошеннаго мужа и сразу лишившій его возможности пользоваться деньгами жены, такъ его потрясъ, что онъ въ непродолжительномъ времени кончилъ самоубійствомъ.

Я уже указывалъ на то существенное въ данномъ вопросѣ обстоятельство, что въ матримоніальныхъ инстинктахъ петербуржцевъ огромную роль играетъ корыстолюбіе, нерѣдко — голое и совершенно беззастѣнчивое. Главнѣйшимъ образомъ это нужно сказать о мужчинахъ-женихахъ, такъ какъ прекрасная половина, въ лицѣ дѣвицъ-невѣстъ, отличается въ этомъ отношеніи больше легкомысліемъ и неодолимымъ желаніемъ поскорѣе выскочить замужъ. Конечно и дѣвицы мечтаютъ о выгодныхъ и богатыхъ женихахъ, и онѣ нынче выучились ариѳметикѣ, которая принимается ими въ соображеніе при выборѣ «партіи»; но въ то же время дѣвицы са-

михъ себя, лично, со стороны полезности и способности къ самостоятельному труду, цѣнятъ слишкомъ низко (да и не напрасно), чтобы полагаться лишь на свои прелести въ тиражѣ счастливыхъ браковъ. Обыкновенно, въ тиражъ этотъ не попадаетъ «бѣдная невѣста», горькая судьбина которой служила предметомъ столькихъ лирическихъ, романическихъ и драматическихъ соболѣзнованій въ беллетристикѣ. Наша культурная дѣвушка разсчитываетъ свои шансы на бракъ сообразно суммѣ приданаго, назначаемаго за нею папенькой и маменькой: на все остальное, что̀ въ ней есть — красота, молодость, образованіе — и она сама, и родители, и женихи смотрятъ, какъ на такую вещь, которая можетъ быть пріятна, можетъ скрасить бракъ только въ золотой цѣнной оправѣ, тогда какъ—наоборотъ—была-бы такая оправа, легко составить «партію» и безъ красоты, и безъ молодости и безъ иныхъ личныхъ достоинствъ.

Петербургъ, можно сказать, кишитъ женихами-искателями богатыхъ или состоятельныхъ невѣстъ, съ хорошимъ приданымъ. «Захудавшіе» или промотавшіеся представители «золотой молодежи»: чиновники, достигающіе зрѣлыхъ лѣтъ и «степеней извѣстныхъ», разные «дѣльцы» и аферисты, ищущіе капиталовъ для осуществленія своихъ предпріятій и промышленныхъ карьеръ,—вся эта пестрая холостежь, которой такъ много въ Петербургѣ, непремѣнно, въ своихъ надеждахъ и видахъ на будущее, разсчитываетъ на составленіе выгодныхъ «партій», ищетъ ихъ, сносится съ свахами, высматриваетъ богатыхъ невѣстъ и на перебой волочится за ними. Можетъ быть, не всѣмъ извѣстно, что подколесинскій способъ заочнаго сватанья черезъ сваху отнюдь не составляетъ анахронизма и въ наши дни въ средѣ петербургской «интеллигенціи», не говоря уже о купечествѣ, гдѣ большинство счастливыхъ браковъ устраивается свахами. Обыкновенно, корыстныя матримоніальныя вожделѣнія женихов-кавалеровъ изъ «благороднаго» сословія обращаются на купеческихъ дщерей, по традиціи, что у нихъ деньжищъ куры не клюютъ и что онѣ только о томъ и мечтаютъ, какъ-бы выйти замужъ за офицера, а въ худшемъ случаѣ, хоть-бы за штатскаго, только непремѣнно — «благороднаго», если же въ чинахъ и орденахъ — тѣмъ пріятнѣе. Традиція эта нынѣ значительно ослабѣла, однако-жъ не

настолько еще, чтобы устраиваемые на такомъ разсчетѣ браки составляли большую рѣдкость.

Само собой разумѣется, что когда основаніемъ брачнаго союза являются деньги, когда самое сватовство получаетъ характеръ своеобразной торговой сдѣлки вопросъ о семейномъ счастьѣ подвергается огромному риску. Это тѣмъ болѣе, что, по самой натурѣ вещей, мужчина, отыскивающій жену не по сердцу, а по капиталу, и вкладывающій въ брачный союзъ одни корыстолюбивыя вожделѣнія, не можетъ внушать довѣрія къ своему характеру и къ своимъ личнымъ нравственнымъ качествамъ. Съ точки зрѣнія морали, браки изъ-за приданаго унизительны для мужчины. Отвѣтственъ здѣсь именно мужчина, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ дѣвушка съ приданымъ, покупающая себѣ мужа, по молодости, неразвитости и безразсудству, играетъ совершенно пассивную роль, подчиняясь нерѣдко волѣ родителей и заведенному обычаю. Послѣдствія такихъ браковъ чаще всего плачевны и, преимущественно, для женщины. Выходя замужъ, по обыкновенію въ очень ранней молодости, она только послѣ брака начинаетъ прозрѣвать, начинаетъ жить сердцемъ, которое и остается большею частью безотвѣтнымъ въ своихъ запросахъ. Купленный мужъ—не можетъ быть любящимъ, чувствительнымъ мужемъ, и коль скоро онъ достигъ цѣли, получилъ въ руки плату за принесенную имъ жертву Гименею, то безцеремонно сбрасываетъ съ себя и ту маску наружной любезности по отношенію къ женѣ, которою старался обольстить ее до вѣнца. Конечно, молодая женщина, разочаровавшись въ супругѣ, находитъ обыкновенно утѣшителей на сторонѣ; но вѣдь такой исходъ — лишній ударъ семейному началу, которымъ мы такъ дорожимъ, лишнее оскорбленіе общественной нравственности!

Для провѣрки этихъ общихъ наблюденій въ данной области семейнаго разброда, мы познакомимъ читателей съ одной изъ подходящихъ семейныхъ драмъ, остающихся большею частію подъ спудомъ. Матеріаломъ намъ послужитъ одинъ забытый процессъ, т. е. собственно не самый процессъ, а раскрытыя имъ подробности несчастливаго супружества, заключеннаго именно изъ-за денегъ, изъ-за хорошаго приданаго.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, на Пескахъ жила уединенно одна почтенная старушка; при ней находилась внучка, только что

окончившая курсъ въ институтѣ, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, живая, бойкая, поинститутски легкомысленная, вѣтреная и жадная къ удовольствiямъ, къ веселому обществу, къ разсѣянной жизни. Понятно, что въ домѣ одинокой старухи-бабушки рѣзвушкѣ было скучно; между ними ничего не было общаго и обѣ онѣ, какъ бабушка, такъ и внучка, взаимно стѣсняли другъ друга и отравляли себѣ жизнь несогласiями и ссорами. Уйти изъ дому внучкѣ было некуда, такъ какъ она была круглая сирота, да и бабушка ее не пустила-бы, какъ несовершеннолѣтнюю, по праву и обязанности единственной ея опекунши. Между тѣмъ молодость и живость нрава брали свое. Дѣвушка стала искать развлеченiй, искать общества, помимо воли и безъ вѣдома бабушки, и — конечно — не всегда удачно. Старуха ворчала, ворчала, и—наконецъ, убѣдившись, что ей не уберечь внучки и не принудить ее сидѣть смиренно въ четырехъ стѣнахъ, рѣшила поторопиться выдать ее замужъ. За женихами остановки не было, такъ какъ у невѣсты имѣлось приданое, тысячъ около пятнадцати. Явился неизбѣжный офицеръ. Это былъ гвардейскiй штабсъ-капитанъ, человѣкъ хотя и не первой уже молодости, но видный, приличный и разсудительный. Явился онъ прямо въ качествѣ жениха, при посредствѣ свахи. Сватовство пошло быстро. И бабушка, старавшаяся сбыть съ рукъ внучку, и внучка, помышлявшая лишь о свободѣ, нашли жениха подходящимъ; съ своей стороны, и онъ счелъ невѣсту прiятной, а ея приданое достаточнымъ. Въ два, въ три свиданiя все дѣло было покончено и, не откладывая его въ долгiй ящикъ, была сыграна свадьба.

Долго-ли длился у нихъ медовый мѣсяцъ — неизвѣстно; несомнѣнно одно только, что на первыхъ порахъ молодая женщина привязалась къ мужу довольно горячо, какъ сейчасъ увидимъ; но съ его стороны никакого, кажется, чувства нѣжности къ женѣ не обнаруживалось, даже въ началѣ ихъ сожительства. Человѣкъ онъ былъ чуждый всякой сердечности и въ дѣлѣ женитьбы руководился однимъ голымъ разсчетомъ. Онъ уже давно искалъ «партiи», много разъ «женихался» черезъ свахъ, и въ тотъ моментъ, когда начинался его романъ съ нашей героиней, на примѣтѣ у него было нѣсколько невѣстъ, передъ которыми онъ равномѣрно и одновременно разыгрывалъ заученный «пантомимъ», подъ маской влюбленнаго, прицѣниваясь къ нимъ и провѣряя ихъ матерiальные рессурсы.

«Ты пишешь, что черезъ свахъ хочешь жениться,—обращается къ нему въ одномъ изъ своихъ писемъ мать его, по поводу его жениханья. — Я-бы тебѣ отсовѣтовала. Рѣдко бываютъ счастливы, которые такимъ путемъ женятся, и, главное, ты пишешь, что ни въ одну изъ невѣстъ не влюбленъ... Правда-ли, по крайней мѣрѣ, что̀ свахи говорятъ о приданомъ?»

Намъ извѣстно и другое материнское посланіе къ нашему герою, изъ котораго видно, что онъ успѣлъ убѣдить мать какъ въ томъ, что женитьба черезъ свахъ—вещь отнюдь не постыдная, такъ и въ томъ, что любви для брака не нужно—было-бы только за невѣстой приданое.—«Такъ какъ ты говоришь,—въ заключеніе пишетъ ему мать,—что тебѣ ни одна изъ этихъ особъ не нравится особенно, то мы порѣшили, что для тебя та невѣста лучшая, которая помоложе, если только она съ состояніемъ». Въ совѣтахъ онъ собственно не нуждался и, очевидно, писалъ матери о своемъ сватовствѣ потому, что вопросъ этотъ сильно его занималъ. Не смотря на свое офицерство, онъ не имѣлъ въ своемъ характерѣ ничего похожаго на беззаботность, шаловливость и легкомысліе, которыя обыкновенно приписываются офицерскому типу. Это былъ человѣкъ разсчетливый, ровный, сухой и систематикъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью жизни—разбогатѣть, и все приносилъ въ жертву этой цѣли. Въ то время, какъ у большинства товарищей его по полку никогда не было ни гроша, а если таковой заводился, то мгновенно испарялся изъ ихъ кармановъ, онъ умудрился накопить деньжонокъ и постоянно приращалъ ихъ, давая на проценты. По натурѣ, онъ былъ скопидомъ и ростовщикъ, и не только по натурѣ: женившись и прибравъ къ рукамъ приданое жены, онъ оставилъ полкъ и всецѣло занялся кредитными операціями, пустивъ свой капиталъ въ ростъ. Задавшись идеей разбогатѣть и помышляя только о деньгахъ, онъ у себя дома и по отношенію къ женѣ съ каждымъ днемъ обнаруживалъ все большее скаредство: велъ счетъ каждой копѣйкѣ, учитывалъ жену въ мелочахъ, придирался и дѣлалъ сцены изъ-за грошовыхъ тратъ, казавшихся ему лишними и разорительными... Довольно сказать, для характеристики его съ этой стороны, что онъ уже на смертномъ одрѣ, за два, за три часа до кончины, счелъ нужнымъ коснѣющей рукой записать въ своей приходо-расходной книжкѣ рубль, выданный кухаркѣ на обѣдъ.

Какова должна была быть жизнь молоденькой, едва разцвѣтшей, пылкой женщины съ такимъ человѣкомъ?—Объ этой жизни мы находимъ любопытныя и поучительныя свѣдѣнія въ дневникѣ нашей героини, который она вела въ замужествѣ, слѣдуя институтскому обычаю. Читатель, быть можетъ, замѣтитъ въ этихъ признаніяхъ нѣкоторую сантиментальную приподнятость тона и отчасти рисовку, но въ общемъ и по своей сущности они несомнѣнно правдивы, и въ такой степени, что подъ ними, намъ кажется, могли-бы подписаться очень многія несчастливыя въ супружеской жизни женщины—жертвы необдуманныхъ, скороспѣлыхъ браковъ чуть не съ первымъ встрѣчнымъ искателемъ выгодныхъ «партій». На этомъ-то основаніи мы и даемъ здѣсь мѣсто этому дневнику, какъ такому документу, который имѣетъ общее нравственное значеніе.

Описываемый бракъ состоялся въ 1868 году и уже въ концѣ этого года героиня наша писала въ своемъ дневникѣ:

«Горько, тяжело и больно, какъ никогда не было! Какъ обидно недовѣріе человѣка, котораго любишь (рѣчь идетъ о мужѣ). Съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, всѣ мои мысли обращены были къ нему, все было ему открыто... а онъ, напротивъ, все старается скрыть отъ меня... Богъ съ нимъ! Довѣріе есть необходимость для любящаго человѣка, а когда его нѣтъ, то какое-же счастье? Разумѣется, насильно милъ не будешь и я привыкла къ неудачамъ. Я думала, что на этотъ разъ судьба мнѣ улыбнется, а она и совсѣмъ отъ меня отвернулась. Какая можетъ быть жизнь, когда любимый человѣкъ отвѣчаетъ только насмѣшками, когда твои страданія и слезы не возбуждаютъ въ немъ никакого участія»...

Мы уже знаемъ, что герой этого романа, по его собственному сознанію передъ матерью, женился, не питая никакого «особеннаго» сердечнаго влеченія къ невѣстѣ; но безъ сомнѣнія, до свадьбы онъ притворялся передъ ней, чтобы завоевать ея сердце. Теперь достигнувъ цѣли и прикарманивъ ея приданое, онъ сбрасываетъ маску и уже не церемонится высказывать ей свое полное равнодушіе и презрѣніе... И такова близорукость человѣческой справедливости, что подобный грубый обманъ съ чисто-грабительской цѣлью не вмѣняется въ преступленіе, никого даже не возмущаетъ!

«Ты, мой дневникъ, меня не осмѣешь!—продолжаетъ свои признанія молодая женщина.—Что̀ такое сегодня было... Я именинница.

Ждала я этого дня и трепетала. Какъ-то онъ ко мнѣ отнесется? Началось прекрасно! Миша (т. е. мужъ) вышелъ такой довольный, разцѣловалъ меня, былъ любезенъ. Подарки его надолго останутся у меня въ памяти. Онъ подарилъ мнѣ часы; это — не купленная вещь, и тѣмъ для меня пріятно и дорого, что часы эти онъ сохранялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, дорожилъ ими и теперь для меня разстался съ ними. Даже удивительно! Потомъ мы отправились въ театръ и—все удовольстіе этого дня исчезло... Миша готовъ промѣнять меня на всякую дѣвчонку. Онъ дорожитъ воспоминаніями своей холостой жизни и тѣми женщинами, которыя его тогда занимали,—значитъ, онъ до сихъ поръ любитъ ихъ»...

«Вотъ и новый годъ,—читаемъ на выдержку слѣдующую страницу дневника: — всѣ радуются, каждый ждетъ чего нибудь, а я чего жду?—Ничего я не жду! Годъ этотъ будетъ для меня такимъ же... нѣтъ! онъ будетъ гораздо хуже, чѣмъ прошедшій. И горько мнѣ, и тяжело мнѣ! Какъ поплакать хочется, да и того нельзя: Миша войдетъ сейчасъ и закричитъ свою обычную фразу: «Ну, чего разревѣлась?...» И, кажется, чего-бы мнѣ нужно; кажется, самая счастливая на свѣтѣ. Не дай Богъ только, что̀ я выношу, никому на свѣтѣ. Все брань, упреки, оскорбленія и только исподтишка поплакать можно. Это хоть кого убьетъ; я сама чувствую, какъ мои силы убавляются:—мнѣ какъ будто десять лѣтъ на плечахъ прибавилось авось, Богъ приберетъ поскорѣе»...

Спустя годъ съ небольшимъ послѣ свадьбы, у молодой женщины родился ребенокъ, къ несчастью, скоро умершій. Повидимому, материнство повліяло на ея характеръ, остепенило ее и, быть можетъ, въ концѣ концовъ примирило-бы съ безотрадной супружеской жизнью, на которую она все еще продолжаетъ жаловаться въ своемъ дневникѣ.

«Завтра именины бабушки,—пишетъ она въ это время.—Какая она добрая, какъ заботится обо мнѣ. Вотъ, еслибы я, живши у нея, была такая, какъ теперь, какъ-бы цѣнили и любили меня, а то теперь, кажется, чего я не дѣлаю: цѣлый день хозяйничаю, шью до ночи, Лелю (сына) отъ головы до ногъ обшила, а все изо дня въ день брань и обиды... Хоть кого сломитъ... Видѣла-ли я когда ласковое слово, благодарность?—Нѣтъ никогда!»

Спустя мѣсяцъ, она доходитъ наконецъ до отчаянья.

«Нѣтъ, — пишетъ она, — онъ никакого не обращаетъ на меня вниманія, вовсе не заботится обо мнѣ... Въ 6 часовъ: Нѣтъ, онъ настолько еще великодушенъ что всѣмъ съ удовольствіемъ разсказываетъ, какимъ образомъ обошлись съ его женою... Нѣтъ ужь силъ больше, нѣтъ! Хоть-бы покончить съ собою... Проклятыя руки, боюсь, дрожатъ; промахнусь, тогда хуже. Тогда всѣ узнаютъ, какъ мнѣ жить, а я о томъ и забочусь—только никто-бы не зналъ, какъ со мной жестоко обращаются, какъ я мучусь! Самая обидная вещь на свѣтѣ — сожалѣніе. Я думаю, самое лучшее — утопиться; подумаютъ что я нечаянно упала, никто не будетъ знать, что̀ меня побудило утопиться... Вотъ и стихъ — онъ мнѣ очень нравится: изображена женщина, которая утопилась, вѣрно не отъ радости; покончила съ собой, когда силъ не хватило... Горя много на свѣтѣ, хотя и въ разныхъ видахъ, а все горе... Вотъ не ожидала, что онъ будетъ со мной такъ неделикатенъ:—знаетъ, что мнѣ нужно завтра ѣхать, знаетъ, что я не лягу, пока онъ не пріѣдетъ, а все таки до того увлекся болтовней съ молоденькой дѣвчонкой, которой пріятно имѣть около себя поклонника, что даже забылъ думать о женѣ».

Оказывается такимъ образомъ, что, въ довершеніе горькой участи, молодая женщина обречена была еще и на пытку ревности. Ея благовѣрный — черствый эгоистъ съ деспотическими наклонностями у себя дома, погрязшій въ скаредныхъ хлопотахъ изъ-за наживы, какъ видно, питалъ сластолюбивое влеченіе къ «дѣвчонкамъ» и не прочь былъ съ ними покуртизанить, если это недорого стоило. Подъ гнетомъ всѣхъ этихъ тягостныхъ условій, героиня наша все болѣе и болѣе укрѣпляется въ мысли о самоубійствѣ.

«Ахъ, какъ мнѣ тяжело!—записываетъ она свои страданія въ одной изъ позднѣйшихъ страницъ своего дневника.—Не дай Богъ никому этого испытать... А ужь сдѣлать развѣ такъ?... Убить себя не всегда сразу удается. Изъ воды, пожалуй, еще вытащатъ; ножемъ, пожалуй, не зарѣжешься; а развѣ, чтобъ развязать ему руки, объявить себя преступницей въ чемъ нибудь, стараться, чтобы меня куда нибудь дальше сослали—вотъ и конецъ: самой отдаться подъ судъ, а какъ онъ будетъ доволенъ! Будетъ сговорчивѣе; въ душѣ поблагодаритъ меня; женится на О., а впослѣдствіи забудетъ и о моемъ существованіи... Все таки удостоюсь когда нибудь благодар-

ности... Дальше такъ жить нельзя—силъ нѣтъ! А, впрочемъ, все таки попробую утопиться... Тутъ по Фонтанкѣ, пройдя катокъ, я видѣла удобный спускъ. Сыщу его... А все жаль Миши... Ужь разумѣется О. не будетъ любить его такъ, какъ я его любила... Нѣтъ, пора покончить. Скорѣе-бы только удалось, скорѣе!»

Переворачиваемъ еще нѣсколько страницъ дневника и читаемъ:

«6 часовъ утра. Онъ явился сумрачный, холодный, даже «здравствуй» не сказалъ, а сейчасъ придрался къ чему-то, чтобъ выругать... Видно, непріятно было возвращаться съ веселаго вечера домой, гдѣ передъ глазами эта вѣчная жена, которая ужъ давно надоѣла. Не будь она, умри она, провались куда нибудь,—вотъ-бы счастье: тогда можно было-бы жениться вторично, а то связаны руки... Господи, силъ моихъ нѣтъ! Вѣдь, кажется, я молодая, во мнѣ нѣтъ ничего отвратительнаго, я могу еще любить и быть любимой. За что-же это?»

Въ такомъ тонѣ и съ такимъ содержаніемъ дневникъ пишется въ теченіи двухъ лѣтъ, отъ начала брака, и обрывается катастрофой. Молодая женщина потеряла наконецъ терпѣніе и, дѣйствительно, въ одинъ прекрасный вечеръ, какъ писала, бросилась въ Фонтанку... Ее, правда, вытащили живую, и она отдѣлалась лишь испугомъ и нервной горячкой. Это дало поводъ заподозрить ее въ томъ, что она только играла роль самоубійцы: била на драматическій эффектъ, не имѣя серьезнаго намѣренія покончить съ собою. Такое предположеніе поддерживала и прокуратура... Можетъ быть, это и такъ отчасти, но во всякомъ случаѣ отъ хорошей жизни люди не бросаются въ воду, хотя-бы даже для примѣрнаго опыта — показать, что они хотятъ утопиться. Тѣмъ болѣе нужно сказать это о слабой женщинѣ, чувствительной, деликатной институткѣ, какова наша героиня. Чтобы продѣлать этотъ опытъ, хотя-бы ради лишь драматическаго эффекта, такой женщинѣ нужна рѣшимость отчаянія.

Такъ или иначе, но въ жизни молодой женщины описанная катастрофа имѣла довольно существенныя послѣдствія. Она перестаетъ вести дневникъ, не жалуется уже больше на мужа, не надоѣдаетъ ему упреками и слезами, а, напротивъ, какъ будто примиряется съ нимъ, прилаживается къ его интересамъ; начинаетъ принимать участіе въ его дѣлахъ и операціяхъ, не взирая на ихъ неопрятность. Словомъ, въ ней происходитъ переломъ. Вѣроятно, и мужъ и род-

ные заключили, что она «образумилась», бросила институтскія наивности и созрѣла въ солидную практическую женщину. Такъ оно и было, но только, когда честная, впечатлительная, съ неиспорченнымъ сердцемъ, женщина вступаетъ на путь такого благоразумія—моралисту остается махнуть на нее рукой. Такое благоразуміе дается цѣною очерствѣнія сердца, заглушенія всѣхъ благородныхъ порывовъ и упраздненія въ характерѣ той милой, трогательной невинности, которая такъ краситъ женщину. Изъ простодушной, покорной и смиренной дѣвственницы образуется лукавая, находчивая интригантка—мастерица морочить и мужа и окружающихъ, со всѣми ла̀дящая и о себѣ не забывающая. Такая «благоразумная» женщина ужь не заплачетъ, что ея мужъ увлекается «дѣвчонками», и съумѣетъ пособить себѣ, если онъ станетъ скупиться на ея издержки, ограничивать ея личный бюджетъ.

Такимъ именно родомъ образумилась и наша героиня, послѣ неудачнаго опыта утопиться въ мутныхъ волнахъ Фонтанки. Она, повидимому, вполнѣ ладитъ съ мужемъ, но въ то же время направо и налѣво кокетничаетъ съ молодыми людьми—пріятелями и кліентами мужа, а съ нѣкоторыми изъ нихъ доводитъ интимность чуть не до открытаго грѣхопаденія, веселится, пляшетъ въ клубахъ, выѣзжаетъ въ театры, словомъ, начинаетъ пользоваться жизнью безъ стѣсненій... Между тѣмъ мужъ заболѣваетъ скоротечной чахоткой. Еще недавно, когда она такъ глупо влюблена была въ него, она пришла-бы отъ этого въ отчаяніе, а теперь болѣзнь мужа нисколько ей не мѣшаетъ «срывать цвѣты наслажденія». Непріятно только, что болѣзнь такъ долго тянется — скорѣе-бы свезти постылаго на кладбище и избавиться отъ обузы. Ухаживая за больнымъ, молодая женщина жадно слѣдитъ за разрушительнымъ ходомъ болѣзни, мысленно торопитъ его, считаетъ часы и въ то же время изыскиваетъ способы, какъ-бы себя обезпечить со стороны наслѣдственныхъ правъ. О завѣщаніи больной не хочетъ и слышать; какъ всѣ чахоточные, онъ не допускаетъ мысли о близкой смерти, да при своемъ скаредствѣ и холодности къ женѣ, быть можетъ, и вовсе нерасположенъ дѣлать ее своей наслѣдницей. Но вотъ давно желанный часъ наступилъ... мужъ испустилъ духъ!.. Кончина его не вызываетъ въ ней ни вздоха, ни слезинки, да и некогда тутъ играть роль огорченной вдовы. Изъ подъ изголовья неостывшаго еще трупа, едва онъ за-

крылъ глаза, молодая женщина рѣшительной рукою выдернула ключи и дѣятельно занялась грабежемъ... Въ ту-же минуту она шлетъ экстренныя записки своимъ избраннымъ любовникамъ и, когда они являются на ея зовъ, стряпаетъ, съ ихъ помощью, подложное духовное завѣщаніе отъ имени умершаго мужа въ свою пользу. Проходитъ немного времени, и—мы видимъ нашу героиню въ судѣ, на скамьѣ подсудимыхъ, опозоренную, изобличенную въ развратѣ и порочности, обвиненную въ уголовныхъ преступленіяхъ... И это въ то время, когда ей едва исполнилось двадцать лѣтъ! Кто-бы могъ предсказать, видѣвъ эту невинную, наивную и чувствительную институточку до замужества, что она такъ быстро, пройдя школу супружества, сформируется въ такой законченный типъ на все готовой Мессалины?!

Мы нарочно остановились подолѣе на этомъ примѣрѣ испорченной женской жизни—испорченной безразсуднымъ и безнравственнымъ бракомъ, заключеннымъ, съ одной стороны, по легкомыслію, съ другой—по корыстолюбивому разсчету. Такихъ испорченныхъ жизней среди нашихъ женщинъ—множество, и повѣсть ихъ, въ главныхъ чертахъ, одна и та-же; только рѣдко дѣлается она достояніемъ нравоописательной литературы. Тѣмъ цѣннѣе, конечно, каждый случай, который даетъ возможность нравоописателю поглубже заглянуть въ этотъ уголокъ современной нашей жизни. Мы воспользовались этимъ случаемъ.

III.

Родители и дѣти.

Мы видѣли, что матримоніальныя отношенія петербуржцевъ, говоря вообще, оставляютъ желать очень многаго со стороны прочности и чистоты. Отсюда естественно заключить, уже по логикѣ вещей, что въ равной степени должны быть неудовлетворительны и отношенія родителей къ дѣтямъ, что семейный разбродъ между супругами отражается неблагопріятно на положеніи дѣтей, на ихъ

нравственности и, вообще, на воспитаніи. Развратная жена не можетъ быть доброй матерью и мужъ-негодяй — навѣрно и дурной отецъ. Наконецъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они, сами по себѣ, люди порядочные, но бракъ ихъ неудаченъ и разрѣшается раздоромъ, — положеніе дѣтей все таки незавидное и ихъ не можетъ не деморализовать происходящая между родителями распря.

То, что̀ въ данномъ случаѣ понимается само собой, по аналогіи, подтверждается множествомъ печальныхъ фактовъ и повседневныхъ наблюденій.

Прежде всего напрашиваются подъ перо нѣкоторыя общія отрицательныя черты, характеризующія петербургскій семейный бытъ и, въ частности, положеніе въ столицѣ дѣтскаго вопроса, если можно такъ выразиться. Въ своемъ мѣстѣ мы указывали на то, рѣзко бросающееся въ глаза, явленіе, что въ Петербургѣ заключается, сравнительно, очень мало браковъ и что одною изъ главныхъ причинъ этого служитъ эгоистическая боязнь молодыхъ людей передъ бременемъ, налагаемымъ семьею, одно содержаніе которой, при дороговизнѣ жизни, дѣйствительно, очень трудно. Изъ тѣхъ же побужденій и разсчетовъ, петербуржцы, состоящіе уже въ брачныхъ парахъ, боятся дѣтей, смотрятъ на плодовитость супружества, какъ на обузу и, просто, какъ на несчастье. И этому страху бываютъ причастны не только люди съ ограниченными средствами, приводимые въ смущеніе трудностью выкормить и воспитать кучу ребятъ, но и представители высшихъ зажиточныхъ классовъ. Дѣло въ томъ, что на днѣ этой безнравственной, въ сущности, и противоестественной боязни дѣтей, кромѣ матеріальной разсчетливости, лежатъ еще городская суетность и холодное себялюбіе.

Хорошо извѣстно, напр., съ какой безсердечной брезгливостью относятся многія свѣтскія женщины и къ материнству и къ своимъ дѣтямъ. Полагая, что онѣ созданы исключительно для «свѣта», для успѣховъ на его паркетѣ и для непрерывнаго, безмятежнаго пользованія всякими удовольствіями, женщины этой категоріи видятъ въ материнствѣ какую-то непріятную, нелѣпую случайность, становящуюся помѣхой въ ихъ истинномъ призваніи салонной сильфиды. Самая беременность для нихъ — жестокое несчастье, такъ глупо и уродливо безобразящее ихъ стройныя, изящныя формы. Натурально, онѣ отъ всего сердца желаютъ, чтобы эта несносная

mésaventure случалась съ ними какъ можно рѣже. Что касается дальнѣйшаго процесса материнства, когда уже ребенокъ явился на свѣтъ, то свѣтская женщина, обыкновенно, совсѣмъ его не знаетъ и щепетильно отстраняется отъ него до мелочей, ради соблюденія своего салоннаго престижа, своей свободы. Она никогда не станетъ кормить дитя своей грудью. Какъ можно! Это испортитъ изящную округленность ея бюста, истощитъ ее и причинитъ худобу... Выкормить его можетъ наемная кормилица, которой за это хорошо заплатятъ. Дальнѣйшее воспитаніе дѣтей поручается такимъ-же наемнымъ нянькамъ, боннамъ, гувернанткамъ, учителямъ, и этимъ обыкновенно ограничиваются родительскія заботы свѣтской дамы, которая нерѣдко даже не видитъ своихъ дѣтей по цѣлымъ днямъ.

На западѣ, напр., въ Парижѣ, вопросъ объ ограниченіи плодовитости браковъ, о произвольномъ, по желанію родителей, нормированіи числа дѣтей, практикуется уже въ настоящее время вполнѣ откровенно, даже на научной подкладкѣ, со ссылками на Мальтуса, какъ обыкновенное, вполнѣ законное дѣло въ практикѣ семейнаго благоустройства. Парижскій буржуа, вступая въ бракъ, заранѣе предрѣшаетъ—будутъ или не будутъ у него дѣти, и если будутъ, то сколько именно. Кажется, у насъ это искусство, порожденное порчей нравовъ, не привелось еще, — по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно примѣняется у нашихъ западныхъ «учителей». Зато у насъ родители, не поостерегшіеся произвести на свѣтъ лишнихъ дѣтей, которыя имъ въ тягость, которыхъ они не могутъ или не хотятъ воспитать, не стѣсняются отдѣлываться отъ нихъ безхитростнымъ, патріархальнымъ способомъ. Они просто на просто выбрасываютъ ихъ на улицу не только въ фигуральномъ, но и въ буквальномъ смыслѣ, въ теплой надеждѣ, что ихъ подберетъ и воспитаетъ общественная, либо частная благотворительность.

Въ Петербургѣ ежегодно подкидываются сотни грудныхъ ребятъ,— и это составляетъ уже такое заурядное явленіе, что на него никто и вниманія не обращаетъ. Въ послѣднее-же время стало также входить въ обычай откровенное, гласное, при посредствѣ газетъ, обращеніе со стороны родителей къ добрымъ людямъ—взять у нихъ дѣтей и тѣмъ спасти ихъ отъ этой тягостной, непосильной обузы.

Вотъ одно изъ многихъ такого рода печатныхъ обращеній къ филантропамъ, которое мы приводимъ здѣсь буквально:

«Родители, не имѣющіе пріюта и пропитанія, умоляютъ взять на воспитаніе любаго изъ ихъ дѣтей: двухъ мальчиковъ и дѣвочки. Спросить отставнаго унтеръ-офицера такого-то, тамъ-то».

Что касается подкидыванія дѣтей, то оно обыкновенно производится тайно и по одному и тому-же способу, основательно выработанному богатымъ опытомъ и вошедшему какъ-бы въ обычай. Младенецъ, задѣланный въ корзинку и снабженный, для свѣдѣнія тѣхъ, кто сжалится надъ нимъ и подберетъ его, пояснительной цыдулкой: крещенъ или не крещенъ, какъ зовутъ, сколько ему дней отъ рожденія и проч., съ присовокупленіемъ иногда стереотипной, чувствительной просьбы принять его на попеченіе,—приносится къ дверямъ добрыхъ людей, о чемъ они извѣщаются звонкомъ, вслѣдъ за которымъ подкидыватель поспѣшно улетучивается. Добрые люди выходятъ на звонокъ и, при видѣ загадочной корзинки на своемъ порогѣ, «неизвѣстно кѣмъ» оставленной, сразу смекаютъ въ чемъ дѣло. Случается, что добрые люди принимаютъ благосклонно этотъ живой даръ и усыновляютъ несчастнаго подкидыша, а случается, что не оправдываютъ разсчета невѣдомыхъ родильницъ и сдаютъ подброшенныхъ имъ ребятъ полиціи, которая препровождаетъ ихъ въ Воспитательный Домъ.

По сложившейся на этотъ счетъ традиціи, подкидышъ навлекаетъ на мужчину, къ дверямъ котораго онъ подкинутъ, нѣкоторое гривуазное подозрѣніе въ неблагонравіи, въ нарушеніи господней заповѣди, воспрещающей прелюбодѣяніе. Людямъ думается, что въ такихъ случаяхъ происходитъ просто погашеніе счета натурой: человѣкъ согрѣшилъ — ввелъ въ соблазнъ какую-нибудь дѣвственницу, сдѣлалъ ее матерью и безжалостно бросилъ на произволъ судьбы; вотъ теперь плодъ его грѣховности и препровожденъ по принадлежности:—получи, милый другъ, и роспишись! На самомъ дѣлѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ ничего подобнаго не бываетъ. Чаще всего добрымъ людямъ, которымъ подкидываютъ ребятъ, здѣсь просто—въ чужомъ пиру похмѣлье, и они нерѣдко совершенно искренно не могутъ сказать, даже приблизительно, отъ кого именно эта благодать подослана къ нимъ, въ твердой вѣрѣ на ихъ человѣколюбіе? — Конечно, подкидывающіе знаютъ, кому

они вручаютъ своихъ малютокъ, но при этомъ принимаются въ соображеніе условія, вовсе не относящіяся къ самому факту появленія на свѣтъ этихъ несчастныхъ. Подкидываютъ такимъ людямъ, которые имѣютъ достатокъ и, будучи женатыми, не имѣютъ дѣтей, которые, наконецъ, пользуются репутаціей сердобольныхъ человѣколюбцевъ. Понятно, что мать, какъ бы она ни была испорчена, рѣшившись бросить своего ребенка, все таки настолько позаботится о немъ, чтобы подкинуть его къ хорошимъ людямъ, на милосердіе которыхъ можно положиться.

Что въ этихъ случаяхъ обыватели, которымъ подкидываютъ дѣтей, вовсе непричастны, по большей части, грѣху рожденія послѣднихъ, можно заключить еще изъ того обстоятельства, что въ числѣ подкидышей часто бываютъ законнорожденные младенцы отъ живущихъ въ любви и мирѣ супружескихъ паръ. Да, въ средѣ петербургской голи и бѣдноты подобные факты вовсе не рѣдкость! Извѣстно также, что и въ контингентѣ питомцевъ Воспитательнаго Дома законнорожденныя дѣти отъ живыхъ супруговъ составляютъ значительный процентъ. И не всегда эти несчастныя дѣти выбрасываются изъ наиболѣе бѣдныхъ семействъ, какъ можно было-бы думать. Часто такимъ способомъ снимаютъ съ себя бремя родительскихъ заботъ люди, не впавшіе въ крайность, а просто — легкомысленные и распутные, ведущіе безпорядочную и беззаботную жизнь той культурной, суетной и безнравственной городской сволочи, которая составляетъ значительную часть нашей уличной, трактирной и кафе-шантанной «публики». Отдаваясь удовлетворенію грубыхъ эгоистическихъ инстинктовъ, жадно гоняясь за удовольствіями и развлеченіями, и усвоивъ пошлый циническій скептицизмъ по отношенію къ нравственнымъ обязанностямъ, эти «столичные люди» обоего пола, въ случаѣ, если капризная судьба спариваетъ ихъ брачными узами, законными или незаконными, берутъ отъ нея только наслажденіе, вовсе и не помышляя объ основаніи семьи. Это — трутни, чувственные и безпардонные, которые живутъ только сегодняшнимъ днемъ: они такіе-же ненадежные родители, какъ и супруги. Ни во что не ставя святость брака, готовые во всякую данную минуту «разъѣхаться» безъ сожалѣнія и раскаянія, они смотрятъ на дѣтей, — если глупая судьба, на несчастье, посылаетъ ихъ, — какъ на фактъ, совершенно несообразный и вовсе не вхо-

дящій въ ихъ разсчеты. Кормить ихъ и воспитывать—на то есть, слава Богу, добрые люди на свѣтѣ! Есть, наконецъ, Воспитательный Домъ! Хорошо еще, если непринужденность отношеній къ дѣтямъ не заходитъ далѣе этихъ рѣшеній, не обращается въ завѣдомое преступленіе. Къ сожалѣнію, дѣтоубійство не составляетъ большой рѣдкости въ современной уголовной хроникѣ Петербурга; ощущаются также выразительные намеки и на распространенность другаго однороднаго преступленія—вытравленія и уничтоженія плода въ зародышѣ, въ материнской утробѣ; оно только рѣдко дѣлается достояніемъ суда, такъ какъ трудно уловимо для блюстительнаго ока охранителей общественной нравственности. На западѣ статистикой замѣчено, что число преступленій противъ новорожденныхъ сильно увеличивается въ послѣднее время. Вѣроятно, увеличивается ихъ число и у насъ, особенно въ столицахъ.

Вообще, дѣтскій вопросъ у насъ обострился до крайности, вопіетъ о себѣ на каждомъ шагу и стоитъ открытымъ, безъ надежды на скорое, сколько нибудь удовлетворительное, разрѣшеніе. Только вслѣдствіе притупленной впечатлительности, мы рѣдко замѣчаемъ—какая огромная масса заброшенныхъ и несчастныхъ сиротъ въ столицѣ! Нужно сказать, что филантропія, со стороны формальной, сдѣлала немало для помощи этимъ жалкимъ существамъ. У насъ имѣется огромный Воспитательный Домъ, гдѣ находятъ попеченіе тысячи подкидышей; но, какъ извѣстно, судя, напр., по чрезмѣрной смертности среди питомцевъ этого Дома и по ихъ незавидной судьбѣ, попеченіе это оставляетъ еще многаго желать. Имѣются у насъ, кромѣ того, разныя «попечительства» о дѣтяхъ, пріюты—«ясли», цѣлыя сотни школъ; но, какъ не значительна и не разнообразна общественная благотворительность въ этомъ отношеніи, все таки остаются еще многія тысячи дѣтей совершенно безпомощныхъ, лишенныхъ родительскаго и всякаго инаго любовнаго попеченія объ ихъ здоровьѣ, объ ихъ нравственномъ и умственномъ воспитаніи, даже объ элементарныхъ человѣческихъ правахъ.

Особенно тяжела и часто возмутительна судьба цѣлыхъ десятковъ тысячъ малолѣтковъ, томящихся въ затхлыхъ подвалахъ и на чердакахъ ремесленныхъ заведеній, подъ грубой, безжалостно-суровой ферулой хозяевъ этихъ заведеній, для которыхъ они — не болѣе, какъ рабочія, вьючныя животныя. Эти дѣти рекрутируются

обыкновенно въ деревняхъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, вырываются и, большею частью, уже безвозвратно изъ-подъ роднаго крова, изъ подъ теплаго крыла матери, и непосредственно попадаютъ въ тяжкую кабалу, въ полное рабство, со всѣми унизительными и деморализующими послѣдствіями такого состоянія. Хозяева-ремесленники, въ большинствѣ, люди неразвитые, грубые, часто жестокіе и еще чаще порочные. Самая возможность поручать ихъ попеченію, отдавать имъ дѣтей на полную волю, цѣлыми десятками, безъ всякаго почти надъ ними контроля, безъ всякой проверки ихъ нравственнаго ценза, — современемъ, лѣтъ черезъ пто, будетъ отнесена къ остаткамъ маловѣроятнаго патріархальнаго равнодушія общества къ личности и ея человѣческимъ правамъ, т. е., къ краеугольному пункту разумнаго бытія каждаго общества.

Только въ наши дни законодатель и общество стали обращать нѣкоторое вниманіе на злосчастную судьбу рабочихъ-малолѣтковъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ и на фабрикахъ. Кое-что для нихъ уже сдѣлано, но слишкомъ поверхностно и пальятивно, чтобы улучшить и видоизмѣнить ихъ бытъ, сообразно требованіямъ гуманизма и интересамъ общества. Этому доброму почину предшествовалъ длинный рядъ разоблаченій, въ печати и на судѣ, возмутительныхъ фактовъ рабовладѣльческой эксплоатаціи малолѣтнихъ рабочихъ хозяевами, рядомъ съ жестокимъ попраніемъ ихъ личныхъ правъ. Принимая дѣтей «въ науку», хозяева-мастера руководятся исключительно однимъ корыстолюбіемъ. За трудъ дѣтей-учениковъ они ничего не платятъ и, желая извлечь изъ нихъ какъ можно больше выгоды для себя, стараются, съ одной стороны, возможно удешевить для себя ихъ содержаніе, а съ другой — усилить до послѣдней степени ихъ рабочую производительность. Вслѣдствіе этого, ремесленные ученики содержатся отвратительно во всѣхъ отношеніяхъ, и это — почти общее явленіе, рѣдко имѣющее счастливыя исключенія, а, затѣмъ, они всегда непосильно обременены работой и круглый день, безъ отдыха, безъ срока, надрываютъ свои нѣжныя силенки.

Кому въ Петербургѣ не приводилось встрѣчать на улицѣ этихъ злосчастныхъ дѣтей, уже по одной внѣшности имѣющихъ видъ какихъ-то маленькихъ каторжниковъ, какихъ-то отверженцевъ, заклей-

менныхъ общественнымъ презрительнымъ равнодушіемъ! Поарестантски обстриженныя, грязныя, съ истощенными личиками, вялыя и неуклюжія, точно они — не дѣти съ отличающей этотъ возрастъ рѣзвостью, одѣтыя въ грубое, давно немытое бѣлье, въ рваныхъ, подбитыхъ вѣтромъ, пестрядинныхъ халатахъ тюремнаго покроя, босыя или въ дырявыхъ опоркахъ,—бредутъ эти жалкія существа по улицамъ, неизбѣжно съ какой нибудь тяжелой, непосильной ношей, такъ какъ только для посылокъ и переносокъ, взамѣнъ ломовыхъ лошадей, они и выпускаются своими хозяевами изъ мастерскихъ катакомбъ на бѣлый свѣтъ. Намъ лично не разъ приводилось видѣть, гдѣ и какъ живутъ эти наши бѣлые негритёнки. Обыкновенно, особыхъ помѣщеній хозяева-ремесленники не отводятъ, собственно для жилища, своимъ рабочимъ и ученикамъ. Мастерская служитъ имъ и столовой и дортуаромъ; въ ней они безвыходно пребываютъ цѣлыя сутки — и работаютъ, и отдыхаютъ и спятъ среди всякой нечисти, въ тѣснотѣ, духотѣ и смрадѣ. Ни кроватей, ни постелей они не имѣютъ, а спятъ, гдѣ придется,—на верстакахъ, на полу, въ повалку, и—много, много—если для подстилки находятся въ ихъ распоряженіи какіе нибудь жалкіе, грязные тюфяки; большею-же частью, постель ихъ составляетъ носильное платье.

Еще безотраднѣе положеніе рабочихъ малолѣтковъ въ духовно-нравственномъ отношеніи. Ужасно уже то, что они въ самомъ нѣжномъ возрастѣ лишены родительской опеки, ласки матери, благотворнаго вліянія родной семьи, отъ которой нерѣдко отрываются навсегда. Это — въ большинствѣ — деревенскія, крестьянскія дѣти, цѣлыми толпами приносимыя въ жертву современному промышленному городскому Молоху, не менѣе жестокому и истребительному, чѣмъ его языческій первообразъ. Лишенныя вліянія семьи, дѣти эти сразу попадаютъ въ городскую рабочую, испорченную въ значительной части, среду и быстро деморализуются, такъ какъ никто и не думаетъ позаботиться объ ихъ нравственномъ воспитаніи и образованіи. Пройдя ремесленную «науку», внушаемую хозяйскими колотушками и руганью, проникшись дурными наклонностями и грубыми, нерѣдко порочными вкусами окружающей среды, потерявъ здоровье или надорвавъ его въ отвратительной обстановкѣ, эти «сыны народа» выростаютъ въ поколѣніе хилыхъ, безвременно-

изможденныхъ, апатичныхъ, морально-изуродованныхъ голышей пролетаріевъ, любителей трактирной «прохлады» — часто неисправимыхъ пьянчужекъ, которые собирательно именуются «мастеровщищиной» — титуломъ далеко не лестнымъ въ трезвыхъ и строгихъ устахъ патріархальной русской деревни, что однако не мѣшаетъ ей жертвовать тысячами своихъ дѣтей.

У крестьянъ, отдающихъ своихъ дѣтей въ городъ, въ «мальчики», въ «науку», — тотъ разсчетъ, что они этимъ путемъ выйдутъ и сами «въ люди» и семью поддержатъ. Особенно льстятся крестьяне отдавать своихъ дѣтей въ торговыя заведенія, въ магазины и лавки, такъ какъ на этомъ поприщѣ всего скорѣе и надежнѣе можно разжиться и разбогатѣть. Деревнѣ, конечно, извѣстно, что многіе «именитые» купцы, капиталисты-милліонщики, ворочающіе огромными дѣлами, не говоря уже о купцахъ средней руки, начинали свою карьеру въ жалкой роли «мальчиковъ». Родоначальники знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ купеческихъ домовъ въ столицѣ непремѣнно были въ свое время такими же «мальчиками»-учениками. Какъ они выходятъ «въ люди» и богатѣютъ — исторія извѣстная и отнюдь не славная въ большинствѣ случаевъ. Вотъ ея процедура вкратцѣ:

Поступивъ въ лавку, «мальчикъ» на первыхъ порахъ исполняетъ разную черную работу и бѣгаетъ на посылкахъ, а тѣмъ временемъ приглядывается къ практикѣ хозяина и прикащиковъ, какъ нужно обдѣлывать торговое дѣло. Въ этомъ и состоитъ вся «наука». Русская торговая практика очень рѣдко бываетъ чистой. Часто вся она зиждется на систематическомъ обманѣ, обмѣрѣ и обсчитываніи покупателей, и — такимъ способомъ составляются состоянія. Бойкій, смѣтливый «мальчикъ» быстро усвоиваетъ эту премудрость и уже въ отрочествѣ сформировывается въ отъявленнаго наглеца и плута, по профессіи. Ставъ прикащикомъ, онъ обыкновенно «обдѣлываетъ» уже не одного покупателя, но и хозяина, иногда такъ удачно, что чрезъ какихъ-нибудь десять, пятнадцать лѣтъ заводитъ свою самостоятельную торговлю, а тамъ — глядь! — въ «тысячники», либо въ «милліонщики» выскочилъ. Но, разумѣется, изъ тысячей «мальчиковъ», посвящаемыхъ комерціи, только немногіе счастливцы кончаютъ такъ блистательно, по крайней мѣрѣ, въ матеріальномъ отношеніи, тогда какъ, въ нравственно-общественномъ, народъ, конечно, ничего не выигрываетъ отъ пріумноженія

хищной стаи Разуваевыхъ и Деруновыхъ. Большинство-же «мальчиковъ» въ торговыхъ заведеніяхъ выростаютъ въ деморализованныхъ оболтусовъ, набравшихся городскаго «форсу», искусившихся въ кутежахъ и развратѣ, на который и идутъ у нихъ всѣ заработанныя и украденныя сбереженія. Крестьяне говорятъ о такихъ, что они «заболтались» въ столицѣ, и машутъ на нихъ рукою, какъ на пропащихъ. И дѣйствительно, это акклиматизовавшееся въ городской грязи деревенское юношество, оставаясь подеревенски темнымъ и невѣжественнымъ, но утративъ всѣ добрыя качества сельскаго патріархальнаго быта, окончательно пропадаетъ не только для своихъ семействъ и общинъ, но и для всего народа, для всего государства.

Вообще, если вглядѣться хорошенько въ задѣтое нами здѣсь глубоко-печальное явленіе, то мы должны признать, что нашъ городъ, въ особенности-же наша столица представляетъ собою въ данномъ отношеніи какой-то огромный, чудовищный агломератъ для послѣдовательнаго физическаго и нравственнаго вырожденія очень значительнаго процента населенія страны, притомъ лучшей его части—его цвѣта, такъ какъ городъ рекрутируетъ для себя отборнѣйшихъ представителей деревни. Объ этомъ не мѣшало-бы серьезно подумать, потому что указаннымъ путемъ происходитъ постепенное вырожденіе всей расы, всего народа; но вопросъ этотъ не входитъ въ рамку нашего изслѣдованія.

Возвратимся еще къ положенію малолѣтнихъ рабочихъ въ столицѣ, ради ближайшаго, нагляднаго ознакомленія съ ихъ горькой судьбой по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи достовѣрнымъ фактамъ. Множество такихъ фактовъ дала практика столичнаго мироваго суда за послѣднее время, хотя, по своей сущности, они довольно однообразны и сводятся къ двумъ категоріямъ правонарушеній — либо къ жестокости обращенія съ дѣтьми-учениками, либо къ дурному, антигигіеническому ихъ содержанію, обремененію чрезмѣрной работой и проч.

Содержаніе «мальчиковъ» въ ремесленныхъ заведеніяхъ бываетъ иногда до того невыносимо и омерзительно, что они сами заявляютъ жалобы полиціи и суду. Разъ къ градоначальнику явилась цѣлая гурьба учениковъ одного зажиточнаго столярнаго мастера съ жалобой на хозяина за то, что онъ лишаетъ ихъ самаго необходимаго для существованія. Было наряжено слѣдствіе, которое обнаружило

возмутительныя вещи. Дѣти жили въ тѣсной, смрадной мастерской, стѣны которой десятки лѣтъ не видѣли краски; полы въ ней никогда не мылись; ученики не имѣли ни кроватей, ни постелей; у нѣкоторыхъ были только грязные, затасканные тюфяки, употреблявшіеся очень мудренымъ способомъ, по пословицѣ: «голь на выдумки хитра».

— Для спанья тюфакъ имѣемъ, — показывалъ на судѣ одинъ изъ жалобщиковъ: — на тюфякѣ спимъ, тюфякомъ одѣваемся, тюфякъ и подъ голову кладемъ!

— Какъ это понимать? съ удивленіемъ спросилъ судья.

— Да такъ: ляжемъ на голый верстакъ, а тюфякомъ накроемся!

Оказалось, что у несчастныхъ не было никакой почти одежды. Въ мастерской они ходили въ одномъ бѣльѣ, да и то рваномъ и грязномъ, и всегда босые, такъ какъ у большинства вовсе не имѣлось сапогъ, а у кого они водились больше — по названію, «для славы».

— Сапоги у васъ есть? — спросилъ судья одного изъ учениковъ.

— Есть! Какъ не быть — только вотъ они каковы! — отвѣтилъ тотъ, показавъ ногу, обутую въ какое-то подобіе сапога и совсѣмъ безъ подошвы.

Хозяинъ отпускалъ сапоги, но безъ срока — на все время «науки», т. е. лѣтъ на пять, на семь. Вся верхняя одежда учениковъ ограничивалась нѣсколькими общими тиковыми, безъ подкладки халатами — и тоже безсрочной службы, — въ которыхъ они ходили и лѣто и зиму. Послѣдствіемъ такого легкаго гардероба было то, что дѣти постоянно простужались, а нѣкоторыя изъ нихъ нажили ревматизмъ. Хозяинъ кормилъ ихъ плохо, а случалось и вовсе не давалъ пищи, въ наказаніе провинившимся въ чемъ нибудь. Зато не было недостатка въ тукманкахъ и колотушкахъ, безъ которыхъ — какая-же была-бы «наука»?!

— Неужели все это было возможно? — спросилъ судья, въ заключеніе допроса, одного взрослаго подмастерья-свидѣтеля, очевидно потрясенный до глубины души раскрывшимся передъ нимъ адомъ.

— Съ нашимъ братомъ, господинъ судья, все возможно! — выразительно и характеристично отвѣтилъ тотъ.

Не менѣе характеристично въ этомъ дѣлѣ было и то, что хозяинъ вначалѣ, когда полиція дѣлала ему увѣщанія и, какъ говорится, «честью» потребовала улучшить содержаніе дѣтей, — не обратилъ на это никакого вниманія и ровно ничего не сдѣлалъ, почему его и потянули къ суду. На судѣ онъ держалъ себя вполнѣ угнетенной невинностью, притомъ съ трогательной искренностью. Когда онъ услышалъ, въ чемъ его обвиняютъ,—съ нимъ «сдѣлалось дурно»... Бѣдный, чуть не упалъ въ обморокъ, а потомъ все время выражалъ глубочайшее недоумѣніе, какъ еслибъ надъ нимъ играли какую-нибудь жестокую мистификацію.

— Все это Антошка намутилъ!—разводилъ онъ руками, разумѣя своего ученика Антошку, по злобѣ и коварству котораго, будто-бы, и стряслась надъ нимъ вся эта напасть, ровно ничѣмъ незаслуженная.

Всего ужаснѣе, что люди этого сорта, въ самомъ дѣлѣ, искренно убѣждены въ своей невиновности! Ихъ пониманію еще недоступны требованія человѣческаго, заботливаго обращенія съ работающими на нихъ «учениками» и нѣкотораго различенія ихъ отъ домашняго скота. Да, пожалуй, любой порядочный хозяинъ несравненно больше печется о своемъ рабочемъ скотѣ!

Приведенный фактъ—наиболѣе рельефный изъ массы однородныхъ случаевъ, на которыхъ останавливаться мы уже не будемъ. Обратимся къ примѣрамъ жестокаго обращенія съ рабочими малолѣтками, которое нерѣдко идетъ рука объ руку и съ дурнымъ ихъ содержаніемъ, какъ это уже само собой подразумѣвается.

Жестокое обращеніе выражается преимущественно въ разнообразныхъ видахъ битья, подъ предлогомъ наказанія и исправленія. Битье въ этой формѣ происходитъ повсемѣстно, и никакое воображеніе не въ состояніи было-бы обнять его безграничные размѣры; до оглашенія и суда доходятъ, конечно, только очень немногіе, исключительные случаи. Беззаконность и безнравственность насилія и битья далеко еще не поняты нашей массой, далеко еще не усвоены ея сознаніемъ. Если, умудренная вѣковою практикой, наша народная «самобытная» педагогія самое слово «учить» не иначе понимаетъ, какъ «драть», если еще такъ недавно на Руси «порка» составляла основу дисциплины и народнаго воспитанія, то невозможно и требовать, чтобы въ какія-нибудь двадцать лѣтъ, съ мо-

мента законодательной отмѣны тѣлеснаго наказанія, кореннымъ образомъ измѣнились воззрѣнія массы на это дѣло, чтобы въ ея представленіи сразу упразднилась идея о необходимости «дранья» и «порки». Можно было бы еще примириться, хоть сколько-нибудь съ этими домостроевскими воззрѣніями, еслибы битье ребятъ было «отеческое» и не превращалось нерѣдко въ жестокосердное «избіеніе младенцевъ». Въ практикѣ столичнаго мироваго суда встрѣчается множество фактовъ такого именно «избіенія» безжалостными мастерами-хозяевами. Пускаются въ ходъ не только розги, ремни и просто кулаки, но случается и все, что̀ подъ руку подвернется: молотки, полѣнья, желѣзные прутья, и проч. Не составляютъ большой рѣдкости факты неизлѣчимаго калѣчества несчастныхъ малолѣтковъ и истязанія ихъ, помимо битья, разными, изобрѣтенными человѣческой свирѣпостью, пытками и мученіями, передъ которыми простая форменная «порка» блѣднѣетъ и является чуть не благодѣяніемъ, какъ въ этомъ и убѣждены многіе хозяева-мастера.

— Ежели учениковъ не бить, такъ какая-же это будетъ «наука?» Съ ними сладу не будетъ... Теперича онъ не слушается, дурно дѣлаетъ, матеріалъ портитъ, балуется, — что̀-жъ, такъ ему за все, про все спускать? Послѣ этого держать ихъ невозможно! — тономъ искреннѣйшаго убѣжденія оправдывался на судѣ одинъ, обвиненный въ жестокости съ учениками, хозяинъ-мастеръ, и, безъ сомнѣнія, выражалъ здѣсь господствующій взглядъ среди своей братіи.

Въ необходимости битья, какъ чудеснаго и единственнаго орудія «науки», убѣждены бываютъ не только темные, невѣжественные мастера, но и люди высшаго интеллигентнаго класса, имѣющіе промышленныя заведенія. Такъ, однажды былъ привлеченъ къ суду «нашъ извѣстный любимецъ публики», артистъ-пѣвецъ, и понынѣ распространяющій свою громкую славу не только въ Россіи, но и за ея предѣлами, странствуя со своей пѣвческой капеллой и давая «народные», «русскіе» и «славянскіе» концерты, которыми не разъ восхищалась и столичная публика. Капеллу свою этотъ жрецъ Аполлона комплектуетъ дѣтьми-учениками на тѣхъ же патріархальныхъ основаніяхъ, какія практикуются у нашихъ ремесленниковъ. Онъ беретъ ихъ по контрактамъ съ родителями на нѣ-

сколько лѣтъ въ «науку», въ свое полное, безграничное распоряженіе. А какова его «наука» и какъ онъ ее преподаетъ—показалъ вышеупомянутый процессъ. Жаловался одинъ его ученикъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, за тяжкія побои, нанесенные ему учителемъ-артистомъ. Свидѣтельствовавшій его врачъ «нашелъ на всей его спинѣ и на бокахъ сине-багровыя, широкія полосы и опухшіе рубцы». Происхожденіе этихъ знаковъ объяснилось тѣмъ, что артистъ жестоко выпоролъ своего ученика кожанымъ поясомъ съ бляхами—принадлежностью одного изъ его живописныхъ «національныхъ» костюмовъ, въ которыхъ онъ обыкновенно фигурируетъ передъ публикой. А выпоролъ онъ его за ужасное преступленіе: во-первыхъ, мальчикъ безъ спроса отлучился къ матери и, во-вторыхъ, не пришелъ, по заведенному въ капеллѣ правилу, пожелать «добраго утра» своему хозяину-учителю.

Въ другой разъ на судѣ обвинялась одна интеллигентная дама, заблагоразсудившая открыть модный магазинъ со швейной мастерской, въ которой работали, большею частью, набранныя въ «науку» дѣвочки. Разъ барыня эта приказываетъ одной своей ученицѣ, уже шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, сходить и принести розги, не говоря для какой надобности. Дѣвушка исполнила приказаніе, полагая, что розги понадобились для наказанія маленькой ея товарки, Даши; но едва она возвратилась въ мастерскую, какъ, по манію хозяйки, на нее набросились нѣсколько мастерицъ и старшихъ ученицъ, повалили на полъ, насѣли на голову и на ноги, обнажили и безпощадно отодрали до крови ею-же принесенными и изготовленными розгами — подробность, живо рисующая чисто женскую, коварную злостность виновницы этой расправы. Несчастная не знала даже, за что ее сѣкутъ. Только послѣ порки формулировано было ея преступленіе, а именно: хозяйка заподозрила ее въ утайкѣ катушки нитокъ—ни болѣе, ни менѣе!.. При разборѣ на судѣ этого дѣла, не единственнаго въ своемъ родѣ, обнаружилась еще одна чрезвычайно характерная и любопытная подробность. При допросѣ исполнительницъ экзекуціи, товарокъ потерпѣвшей, нѣкоторыя изъ нихъ заявили, что ничего беззаконнаго и непозволительнаго не видѣли въ данномъ случаѣ, такъ какъ, по ихъ твердому убѣжденію, «хозяйка имѣетъ право сѣчь своихъ ученицъ». Защитникъ подсудимой, однако-жъ, не сослался на это «право», а ста-

рался доказать, на основаніи факта изготовленія розогъ самою потерпѣвшей, что «она сама пожелала быть высѣченной...» Сквозникъ-Дмухановскій, не менѣе остроумно оправдывавшійся по обвиненію его Пошлепкиной, какъ видно, не умеръ среди современныхъ адвокатовъ! Для насъ, впрочемъ, гораздо интереснѣе и поучительнѣе приведенное воззрѣніе ученицъ на границы и существо хозяйскаго «права», обусловливающаго, съ ихъ точки зрѣнія, законность порки... До такой степени еще крѣпки у насъ домостроевскія понятія, изъ чего можно заключить, какое страшное множество хозяйскихъ колотушекъ и сѣкуцій пріемлется рабочими малолѣтками не только безропотно, но даже съ признательностью, какъ душеспасительный актъ «науки».

Переходя къ отношеніямъ между родителями и дѣтьми, мы и здѣсь встрѣчаемся, какъ съ обыденнымъ явленіемъ, съ фактами равнодушія, безсердечія и жестокости. Дурныхъ родителей у насъ множество, даже въ культурномъ классѣ, среди образованныхъ людей, и за примѣрами не нужно далеко ходить — они у всѣхъ передъ глазами. Надѣемся, читатель повѣритъ намъ въ этомъ на слово. Педагоги, имѣющіе дѣло съ массою дѣтей различныхъ классовъ, хорошо знаютъ, до какой степени глубоко и неисправимо бываютъ испорчены многіе отроки, и испорчены именно родителями. Наука воспитанія у насъ въ младенчествѣ и совершенно пренебрегается большинствомъ родителей, у которыхъ дѣти растутъ, какъ молодыя поросли въ лѣсу, вкривь-ли, вкось-ли—кому какое дѣло? Отсутствіе всякой системы въ воспитаніи, безхарактерная неровность отношеній, баловство и уступчивость, или самодурство и произволъ, дурные примѣры и грубая невнимательность къ развитію впечатлительнаго дѣтскаго интеллекта, если не безсмысленное искаженіе его,—вотъ обычная нравственная сфера, въ которой растутъ у насъ тысячи дѣтей. Нужно удивляться, послѣ этого, не тому, что время отъ времени передъ обществомъ раскрываются факты поразительной моральной порчи дѣтей, но тому, что, не взирая на существующія почти сплошь скверныя условія дѣтской жизни и воспитанія, наши подростающія молодыя поколѣнія, говоря вообще, все таки отличаются симпатичными чертами въ образѣ мыслей и живымъ, горячимъ стремленіемъ къ добру и истинѣ.

Имѣя задачей отмѣчать только отрицательныя стороны нашего

быта въ предѣлахъ столицы, мы остановимся здѣсь, для ближайшаго ознакомленія съ областью дѣтской деморализаціи, на одномъ процессѣ, который надѣлалъ большаго шума въ Петербургѣ, изобилуя поразительными разоблаченіями въ указанномъ отношеніи. Мы не помнимъ другаго случая, гдѣ-бы дѣтская испорченная жизнь была публично, въ назиданіе общества, демонстрирована съ такою наготой и безпощадностью!

«Долженъ-ли я упрекнуть себя въ чемъ нибудь? — спрашиваетъ въ своемъ дневникѣ несчастный пятнадцатилѣтній герой этой печальной, чудовищно-странной дѣтской драмы. — Много-бы я сказалъ на этотъ вопросъ, — отвѣчаетъ онъ, — еслибы не боялся, что тетрадь моя попадетъ въ руки отцу, и онъ преждевременно узнаетъ тайны моей жизни съ 14-ти лѣтъ. Много перемѣнъ, много разочарованій, много дурныхъ качествъ появилось во мнѣ. Кровь моя съ этого возраста приведена въ движеніе, движеніе крови привело меня ко многимъ такимъ поступкамъ, что, при воспоминаніи ихъ, холодный потъ выступаетъ у меня на лбу... Мое сердце, не выдерживавшее прежде малѣйшихъ страданій ближнихъ, окаменѣло. Я сталъ атеистомъ, на половину—либераломъ. Дорого бы я далъ за обращеніе меня вновь въ христіанство; но это уже поздно и невозможно. Много такихъ взглядовъ получилъ я, что и врагу своему не желаю додуматься до этого: таковъ, напримѣръ, взглядъ на отношенія къ родителямъ и женщинамъ. Сколько возможно стараюсь не имѣть кумировъ, но кумиръ нашелся. Мой кумиръ—я самъ, себя я люблю, объ себѣ пѐкусь я такъ, какъ дай Богъ всякой матери заниматься своими дѣтьми».

«Меня кормятъ, одѣваютъ и проч., но все это мнѣ въ тягость... Свѣтло-ли мое будущее? Недовольный существующимъ порядкомъ вещей, недовольный типами человѣчества (?!), я наврядъ-ли найду человѣка, подходящаго подъ мой взглядъ, и придется проводить жизнь одному. А тяжела жизнь въ одиночествѣ; тяжело, когда тебя не понимаютъ, не цѣнятъ. Вся надежда на медицину и музыку. Съ помощью ихъ я могу прославиться. Но на это надо и геніальность, и шарлатанство, и долгую жизнь съ крѣпкимъ здоровьемъ. Не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ пары рукъ и головы, мнѣ придется въ трудахъ пробивать дорогу и дѣлать свою карьеру. Авось, однако, мнѣ въ этомъ помогутъ самолюбіе и настойчивость. — Во всякомъ случаѣ, не скоро доживу до времени, когда моя слава будетъ гремѣть».

Можно ли, не бывъ предвареннымъ, повѣрить, что авторомъ этихъ жестокихъ признаній былъ пятнадцатилѣтній мальчикъ? Какой романистъ отважился-бы вложить ихъ въ отроческія уста несовершеннолѣтняго героя? — У этого мальчика уже въ 14 лѣтъ заводятся какія-то постыдныя семейныя «тайны», которыя онъ боится повѣрить даже бумагѣ, какіе-то «поступки» — должно быть не шу-

точные, если у него, при одномъ объ нихъ воспоминаніи, «выступаетъ холодный потъ на лбу...» Въ четырнадцать лѣтъ его «кровь приведена уже въ движеніе»—какого рода движеніе, объ этомъ нетрудно догадаться, а на судѣ было категорически подтверждено, что онъ въ это время состоялъ уже въ любовной связи съ гувернанткой-француженкой, лѣтъ на пятнадцать его старше, и не съ ней одной, судя по обстоятельствамъ дѣла... Въ четырнадцать лѣтъ онъ уже разочарованъ во всѣхъ и во всемъ: не вѣритъ въ Бога, отрицаетъ христіанство—и безповоротно, не вѣритъ въ святость «отношеній къ родителямъ», смотритъ на женщинъ окомъ пресыщеннаго мизантропа и взглядъ его на всѣ эти отношенія до того безотраденъ, что онъ и врагу не пожелалъ-бы... Въ четырнадцать лѣтъ сердце его «окаменѣло», и если у него остался еще кумиръ, достойный любви и поклоненія, то это единственно онъ самъ... И все это по 14 — 15-му году отъ рожденія!!

Словомъ, этому подростку-философу въ такой степени уже «ничто человѣческое не чуждо», онъ до того всѣмъ пресытился и окислился, что рѣшительно нельзя было-бы представить—чего-же еще ждать ему отъ жизни впереди, въ чемъ искать ея радость и поэзію, которыми одушевляется мечтательная, счастливая юность? И что можетъ ждать общество отъ подобныхъ пятнадцатилѣтнихъ старцевъ, хилыхъ физически и нравственно, ничего и никого не любящихъ, ничему не вѣрящихъ и одушевленныхъ однимъ лишь эгоистическимъ поклоненіемъ своему «я»?

Въ данномъ случаѣ всѣ эти неутѣшительные выводы опираются не на одномъ лишь «дневникѣ» героя нашего, гдѣ онъ могъ, конечно, впасть и въ преувеличенія, и въ ошибочныя сужденія и, просто, въ риторическія прикрасы дурнаго вкуса. Къ сожалѣнію раскрывшаяся на судѣ дѣйствительность, среди которой жилъ и воспитывался этотъ мальчикъ, не только подтвердила его «дневникъ», но и значительно превзошла его содержаніе и краски своими отрицательными сторонами. Судъ здѣсь приподнялъ завѣсу надъ бытомъ, нравами и воспитаніемъ учащагося юношества зажиточнаго привилегированнаго класса—такъ называемой «соли земли», пользующейся особыми прерогативами и преимуществами. Отецъ нашего героя былъ состоятельный человѣкъ, полковникъ, занимавшій вид-

ное служебное мѣсто. И онъ и жена были образованные, свѣтскіе люди и ничего не жалѣли для того, чтобы сдѣлать своихъ дѣтей «умными» и приготовить ихъ для карьеры. Особеннымъ попеченіемъ ихъ и любовью пользовался старшій сынъ Коля, герой нашей драмы; но, въ результатѣ всѣхъ ихъ теплыхъ заботъ, вышло, что добрый по натурѣ, способный и умный мальчикъ былъ до мозга костей испорченъ еще въ отрочествѣ и погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ.

Коля, вмѣстѣ со своими сверстниками и товарищами,—такими-же, какъ онъ, «умными дѣтьми» благородныхъ родителей,—велъ жизнь веселую и непринужденную, на свободную ногу взрослаго бонвивана. Онъ игралъ въ карты на деньги, «по большой» и съ «большими», зачастую проигрывая такіе «куши», что папаша морщился, а мамаша дѣлала ему нѣжные выговоры. Съ француженкой гувернанткой, «другомъ» родительскаго дома, онъ велъ интимныя отношенія, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняясь, на соблазнъ всѣхъ стороннихъ очевидцевъ. Въ то же время онъ волочился и за другими барышнями, объяснялся имъ въ любви и добивался достаточно пылкаго отвѣта своимъ исканіямъ, заводилъ съ ними романическія интрижки, обмѣнивался любовными письмами... Коля часто сходился съ товарищами, тоже съ увеселительной цѣлью. «Умныя дѣти» (не забудьте: отроческаго возраста!) устраивали шумныя холостецкія вечеринки и пирушки, на которыхъ всѣ они пили вино и, если не всегда напивались до пьяна, «до положенія ризъ», зато всегда бывали «веселы безконечно...» Нерѣдко на эти пирушки Колю сопровождала его любезная «Маргашка», какъ онъ называлъ «друга дома» — француженку, имя которой было Маргарита (Жюжанъ). «Маргашка» въ такихъ случаяхъ, по показаніямъ свидѣтелей, держала себя съ «умными дѣтьми» совершенно вольно: позволяла имъ въ своемъ присутствіи снимать сюртуки и свободно съ ней обращаться, говорила съ ними на «ты», пила брудершафты, а наконецъ случались здѣсь и такія «непристойности», что свидѣтели даже постыдились разсказывать о нихъ на судѣ...

Не смотря, однако, на такую эпикурейскую, веселую жизнь, а, можетъ быть, благодаря именно ей, въ одно прекрасное утро Коля былъ неожиданно найденъ на своей постели мертвымъ. Ана-

томированіе удостовѣрило, что онъ скончался скоропостижно отъ отравленія смѣсью іодистаго калія съ морфіемъ. Подозрѣніе въ отравленіи злосчастнаго юноши пало на «друга дома», вѣтреную «Маргашку», въ томъ предположеніи, что она отправила Колю на тотъ свѣтъ изъ ревности. Изъ-за этого-то и началось уголовное дѣло, но, не взирая на всѣ усилія обвинительной власти, обвиненіе не подтвердилось—и подсудимая была обѣлена начисто. Взяло верхъ предположеніе, что юный герой драмы самъ съ собою покончилъ въ припадкѣ меланхоліи, и—на то весьма похоже, какъ можно заключить уже по тону глубокаго отчаянія, которымъ проникнутъ его «дневникъ». Да и чего-же ему — повторяемъ —оставалось ждать отъ жизни, послѣ всего, что̀ онъ успѣлъ уже взять у нея до пресыщенія въ такомъ раннемъ возрастѣ?

Притомъ-же, какъ извѣстно, самоубійство дѣтей, вслѣдствіе разочарованія и меланхоліи, къ несчастью, вовсе не составляетъ рѣдкаго явленія въ наши дни. Современныя дѣти интеллигентной среды, въ особенности-же столичныя дѣти, какъ-то ужасно шибко живутъ:—развиваются скороспѣло, быстро, безъ разбора, вкушаютъ всѣ плоды отъ «древа познанія добра и зла», въ особенности-же зла, нравственно растлѣваются въ окружающей ихъ, порочной, распутной городской средѣ, заражаясь въ то-же время ядомъ поверхностнаго скептицизма, такъ-что, при нѣкоторой нервности и впечатлительности натуры, при встрѣчѣ съ неудачами и непріятностями, юноша невольно, какъ говоритъ поэтъ, «теряетъ нить жизни», вмѣстѣ съ охотой тянуть ее. Опять таки, сообразивъ всѣ неблагопріятныя условія дѣтской судьбы и дѣтскаго быта, приходится удивляться не тому, что въ наши дни, время отъ времени, встрѣчаются печальные примѣры испорченной дѣтской жизни, а тому, что большинство юношества успѣваетъ, не взирая ни на что, сберечь свою свѣжесть, ясность духа и свои бодрыя силы для блага родины.

Выше мы намекнули на то, что, при обозрѣніи существующихъ отношеній родителей къ дѣтямъ, весьма нерѣдко случается видѣть не только равнодушное безсердечіе, но и жестокость. Жестокостью отличаются, конечно, всего чаще родители изъ низшей простонародной среды, гдѣ вообще господствуютъ грубость и черствость нравовъ, гдѣ самое понятіе отеческой власти отождествляется съ

семейнымъ деспотизмомъ, какъ необходимымъ цементомъ семьи и ручательствомъ ея добронравія. Несравненно поучительнѣе для насъ и возмутительнѣе, что и среди интеллигентныхъ родителей попадаются такіе свирѣпые деспоты, жестокость которыхъ переходитъ иногда всякія границы и вопіетъ къ общественной совѣсти о возмездіи и укрощеніи.

Вѣроятно, въ Петербургѣ многіе еще помнятъ происходившій лѣтъ десять тому назадъ соблазнительный процессъ, по обвиненію одного извѣстнаго богача-банкира (Кроненберга) въ истязаніи своей малолѣтней дочери. Обвиняемый былъ человѣкъ вполнѣ интеллигентный, съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, обращавшійся въ свѣтскомъ обществѣ—словомъ, европеецъ въ полномъ смыслѣ слова. И вотъ этотъ-то джентльменъ былъ изобличенъ въ самой безжалостной, варварской жестокости со своимъ ребенкомъ. Живя на дачѣ, онъ непрерывно билъ и升 дралъ несчастную дѣвочку съ такой яростью, что ея крики и стоны вынудили, наконецъ, полицію вмѣшаться въ дѣло. При освидѣтельствованіи маленькой мученицы, вся нижняя часть ея тѣльца оказалась сине-багроваго цвѣта, изборожденная рубцами съ кровавыми подтеками; такіе-же знаки (по врачебно-полицейскому протоколу), «тяжкихъ поврежденій, выходившихъ изъ ряда обыкновенныхъ домашнихъ исправленій», были найдены также на животѣ, на груди, на рукахъ и на лицѣ ребенка. Свидѣтели показали, что отецъ билъ нерѣдко свою дѣвочку кулаками по лицу, послѣдствіемъ чего являлось кровотеченіе изъ носа, синяки и опухоли. Обыкновенно-же истязаніе производилось розгами, которыя были представлены суду и о которыхъ сама потерпѣвшая съ дѣтской наивностью заявила судьямъ:

— Папа говорилъ,—сказала она,—что это самыя превосходныя розги, и когда «мамаша» (сторонняя ребенку, Дульцинея подсудимаго) просила папу отломить большой сучокъ отъ розги, то папа этого не сдѣлалъ и сказалъ, что сучокъ придаетъ розгѣ больше силы и что она оттого не выскользнетъ изъ рукъ...

На столѣ «вещественныхъ доказательствъ», дѣйствительно, лежало нѣчто вполнѣ превосходное въ своемъ родѣ. Это былъ пучокъ, связанный изъ девяти толстыхъ рябиновыхъ вѣтвей съ обтрепанными отъ употребленія концами, на который нервные люди смотрѣли съ содроганіемъ и который эксперты назвали не розгами,

а шпицрутенами. Жалость и негодованіе присутствовавшихъ на судѣ были тѣмъ сильнѣе, что пострадавшій ребенокъ, по общему отзыву, былъ добрый, тихій, ласковый, — и свирѣпый отецъ не могъ, въ оправданіе свое, представить никакихъ, сколько нибудь извиняющихъ данныхъ.

Въ этомъ процессѣ ощутительно намекалось на возможность если не прямаго содѣйствія, то косвеннаго поощренія жестокости отца къ своему дѣтищу со стороны его сожительницы, фигурировавшей на судѣ въ качествѣ свидѣтельницы. Предположеніе это въ данномъ случаѣ не разъяснилось; но что мачихи и любовницы отцовъ часто вліяютъ на дурное отношеніе послѣднихъ къ своимъ дѣтямъ — фактъ достовѣрный и нерѣдко повторяющійся. Бываетъ и такъ, что особы эти сами берутъ на себя трудъ истязать и мучить дѣтей своихъ мужей. По крайней мѣрѣ, предъ лицо петербургскаго суда не разъ привлекались такія «злыя мачихи», изъ которыхъ одна, напр., выкинувшая своего двухлѣтняго пасынка, «по нечаянности», изъ окна въ третьемъ этажѣ, послужила даже объектомъ для психопатическаго изслѣдованія покойнаго Достоевскаго и вызвала съ его стороны живѣйшее къ себѣ участіе, повліявшее потомъ на ея оправданіе.

IV.

Внѣзаконная любовь.

Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей нравственной патологіи современнаго европейскаго общества, итальянецъ Ламброзо указываетъ, между прочимъ, на тотъ характеристическій и печальный фактъ, что, съ распространеніемъ цивилизаціи, въ страшной прогрессіи увеличивается число «преступленій чувственности», какъ онъ называетъ разнообразные виды нарушенія установленныхъ моралью и общественнымъ договоромъ рамокъ половой любви.

Явленіе это—несомнѣнное и легко объяснимое, хотя, конечно, оно не можетъ быть поставлено въ вину цивилизаціи. Виновата тутъ не цивилизація, а скорѣе ея недостатокъ, кривизна и узкость путей ея распространенія, ея фальсификаціи и извращенія. Истинно цивилизованный европеецъ, конечно, безъ сравненія человѣчнѣе, чище и благороднѣе въ дѣлахъ любви своего первобытнаго предка, не тронутаго культурой. Жаль только, что такой всесторонне-гуманизированный европеецъ довольно еще рѣдокъ, особенно у насъ и особенно въ нашей столицѣ, нравы которой въ этомъ деликатномъ пунктѣ, даже на поверхностный взглядъ, представляютъ картину зазорную и безотрадную.

Мы это видѣли уже въ предшествовавшихъ нашихъ этюдахъ, при обзорѣ современнаго состоянія брака и семьи въ Петербургѣ, и—еще ранѣе, при знакомствѣ со статистикою столичной клейменой, такъ сказать, деморализаціи. Теперь мы, для дополненія этой области нашего изслѣдованія, приведемъ сколько-нибудь въ извѣстность проституціонныя отношенія, остающіяся внѣ полицейскаго контроля и охранительнаго воздѣйствія закона. Разумѣется, ни обнять вполнѣ эту пучину общественнаго, болѣе или менѣе замаскированнаго разврата, ни проникнуть во всѣ ея темныя извилины и подробности мы не можемъ, да это и немыслимо. Довольно, если намъ удастся намѣтить и уловить главныя характеристическія ея черты на живыхъ, наиболѣе выдающихся, достовѣрныхъ примѣрахъ.

Уже одно крайне ненормальное статистическое отношеніе половъ въ петербургскомъ населеніи, огромное преобладаніе въ его средѣ холостяковъ и очень малое, сравнительно, число семейно живущихъ супружествъ, на что̀ было указано нами въ своемъ мѣстѣ,—представляетъ очень выразительныя и вѣскія данныя какъ для приблизительнаго опредѣленія петербургской тайной проституціи, такъ и для объясненія ея широкаго развитія, очевиднаго и самому непроницательному моралисту. Ясно само по себѣ, что тамъ, гдѣ на сто женщинъ, въ среднемъ статистическомъ разсчетѣ, приходится почти сто двадцать пять мужчинъ, гдѣ изъ пяти взрослыхъ жителей—четыре холостыхъ или живущихъ не въ брачныхъ парахъ, гдѣ, наконецъ, такъ невелико, сравнительно, число заключаемыхъ законныхъ браковъ,—тамъ отношенія половъ en masse

не могутъ быть нормальны, законосоразмѣрны и нравственны, тѣмъ болѣе, что петербургское населеніе живетъ очень скученно и въ такихъ, созданныхъ городскимъ складомъ, неблагопріятныхъ условіяхъ, которыя прямо и всячески способствуютъ внѣбрачному сближенію половъ. Для всякихъ легкихъ любовныхъ интригъ и романическихъ приключеній, для дешеваго донъ-жуанства и обольщенія, въ Петербургѣ благодарной почвой служатъ и улица, и городскіе сады, и театры и клубы, а въ особенности кафе-шантаны и танцклассы, включительно до знаменитаго «Малинника», гдѣ въ чаду винныхъ паровъ торжествуетъ неряшливая любовь бездомныхъ, распутныхъ подонковъ столичнаго населенія.

Можно рѣшительно сказать, что большинство выше упомянутыхъ заведеній и мѣстъ въ Петербургѣ только и держатся, только и цвѣтутъ, что гетеризмомъ и проституціей — не столько явной, отмѣченной полицейскимъ надзоромъ, столько тайной, неклейменой и замаскированной—по крайней мѣрѣ, для недремлющаго ока этого надзора, слишкомъ политичнаго и благоразумнаго, чтобы не смотрѣть на грѣшки шаловливаго божка во многихъ случаяхъ сквозь пальцы... За всѣми вѣдь нарушеніями морали и закона не угонишься! Промышленный опытъ на этотъ счетъ въ такой степени богатъ и умудренъ, что очень многія столичныя заведенія для пріюта, угощенія и забавы устраиваются по такому именно плану и разсчету, чтобы предупредительно и гостепріимно служить удобными притонами запутавшимся въ любовныхъ сѣтяхъ парочкамъ. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ существуютъ «гостинницы для господъ пріѣзжающихъ», именующіяся такъ для прилику, а на самомъ дѣлѣ служащія исключительно пріютомъ для расхожаго, бездомнаго разврата, для счастливыхъ эпилоговъ скоропостижныхъ романовъ, начавшихся на «семейномъ вечерѣ» въ клубѣ, на спектаклѣ въ театрѣ, въ танцклассѣ, а то и просто на улицѣ. Существуетъ для той-же зазорной цѣли множество ресторановъ съ «отдѣльными кабинетами» болѣе или менѣе комфортабельными, уединеніе въ которыхъ окупается обязательной въ такихъ случаяхъ тратой на угощеніе. Такими спеціальными «кабинетами» щеголяютъ лучшіе, аристократичнѣйшіе рестораны на самыхъ видныхъ улицахъ. Въ томъ же иносказательномъ родѣ предлагаютъ гостепріимство во всякій часъ дня и ночи едва-ли не всѣ, существующія въ столицѣ, «семейныя»

померныя бани. Потомъ извѣстны особые, аристократическіе тайные притоны для романическихъ встрѣчъ и rendez-vous, доступные развратникамъ изъ «хорошаго» общества, располагающимъ достаточно шальными деньгами для удовлетворенія своихъ изысканныхъ вкусовъ. Кромѣ того, проникать въ эти притоны можно только по знакомству. Въ сущности, это тѣ-же дома терпимости, только — безпатентные и секретные; но предназначенные для шалуновъ высшаго сорта и роскошно, съ комфортомъ обставленные, они носятъ извѣстный престижъ «порядочности», приличія и бонтона, за которые, разумѣется, гостямъ и приходится расплачиваться очень дорого. Престижъ этотъ сообщаютъ имъ и поддерживаютъ сами ихъ хозяйки-сводни, чаще всего — элегантныя, свѣтскія пожилыя дамы «пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ», большею частью вдовы, и иногда съ громкими титулами и почтенными именами. Нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣтаютъ большую и прочную популярность въ скандалезной хроникѣ и имена ихъ дѣлаются достояніемъ общей молвы. Почему-то, этихъ барынь принято называть не по фамиліямъ, а по именамъ и отчествамъ: Амалія Ивановна, Шарлота Карловна, и т. д.; почему-то также онѣ — больше иностранки, нѣмки и «едва-ли» не жидовки. Нельзя не упомянуть еще и объ исполняющихъ роль такихъ-же сводней модисткахъ-француженкахъ, маскирующихъ свою миссію невиннымъ портняжнымъ искусствомъ.

О кругѣ знакомыхъ и практикѣ этихъ промышленницъ въ Петербургѣ разсказываются чудовищныя вещи, жестоко компрометирующія добрую славу столичной свѣтской дамы. Нѣкоторыя изъ нихъ составили себѣ славу какихъ-то волшебницъ, могущихъ предоставить за деньги, къ услугамъ заказчика, чуть не любую, по указанію, женщину, слывущую порядочной и добродѣтельной. Конечно, это — легенда; но вотъ фактъ, который намъ разсказалъ очевидецъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подкутившая компанія свѣтскихъ молодыхъ людей заѣхала къ какой-то въ этомъ родѣ Амаліи Ивановнѣ, практиковавшей сводничество при посредствѣ альбомовъ съ фотографическими портретами своихъ кліентокъ:—гость выбираетъ по своему вкусу портретъ, дѣлаетъ заказъ и — въ назначенный день и часъ оригиналъ достается ему въ обладаніе, благодаря услужливости сводни. Вотъ въ этихъ-то альбомахъ попадались, говорятъ, портреты такихъ особъ, которыхъ никто не смѣлъ-

бы и заподозрить въ грѣховности. Конечно, альбомы показывались по секрету хорошо знакомымъ, вѣрнымъ «заказчикамъ», которые, къ тому-жъ, въ состояніи были платить очень крупныя деньги Амаліи Ивановнѣ и ея кліенткамъ. При обозрѣніи одного изъ этихъ альбомовъ, какой-то гость изъ компаніи молодежи, заѣхавшей къ почтенной хозяйкѣ тайнаго притона, былъ смертельно пораженъ, неожиданно встрѣтивъ въ немъ портретъ — ни много, ни мало — какъ своей невѣсты, приличной свѣтской барышни изъ хорошаго семейства, которую онъ натурально считалъ ангеломъ чистоты и невинности. Молодой человѣкъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, но когда изъ распросовъ оказалось, что это, дѣйствительно, портретъ его невѣсты, тогда, подозрѣвая, что здѣсь кроется какой-нибудь подлогъ и обманъ, онъ потребовалъ, чтобы Амалія Ивановна свела его съ любимой имъ дѣвушкой. Сводня оказалась на высотѣ своего призванія:—съ ужасомъ и отчаяніемъ молодой человѣкъ встрѣтилъ въ назначенный часъ свою невѣсту, готовую продать свои ласки... Это такъ его потрясло, что онъ, спустя нѣсколько дней послѣ этого свиданія, всадилъ себѣ пулю въ лобъ.

Можетъ быть и тутъ что нибудь преувеличено и прикрашено; но несомнѣнно, что въ числѣ кліентокъ описываемыхъ бонтонныхъ сводней бываютъ далеко не однѣ завѣдомыя проститутки. При ихъ посредствѣ, несомнѣнно пошаливаютъ, либо по разнузданности темперамента, либо—что гораздо чаще—изъ разсчета, и «барыньки» изъ порядочной среды, носящія маски совершенной респектабельности. Да, изъ разсчета!—У насъ изысканные вкусы, мы хотимъ роскошно, по модѣ одѣваться, желаемъ имѣть ложу въ итальянской оперѣ и т. д., а между тѣмъ мужъ или родные не могутъ и не умѣютъ намъ этого доставить... Что-жъ?—Бѣдненькой дамочкѣ остается самой какъ нибудь промыслить средства на всѣ эти потребности, безъ удовлетворенія которыхъ и жить не стоитъ! Въ этомъ случаѣ знакомство съ Амаліей Ивановной и ея услуги—чистая находка.

Очень печально и мерзко это явленіе, но нельзя оспаривать — оно у насъ завелось.

Вообще, нужно сказать, что въ Петербургѣ тайная проституція, неизмѣримо и многократно превосходящая количественно явную и профессіональную, находитъ себѣ, какъ въ баснѣ, «и столъ и

домъ» подъ каждымъ «листкомъ». Но еслибы еще ея разгулъ только и ограничивался улицей и всѣми этими разнообразными лупунарами, скрывающимися подъ благовидными иносказаніями! Къ сожалѣнію развратъ часто гнѣздится о бокъ съ семейнымъ очагомъ, а то — и въ самыхъ его нѣдрахъ; его растлѣвающими сѣтями нерѣдко переплетены супружескія отношенія; онъ заражаетъ подростающее юношество, искушаемое съ раннихъ лѣтъ, и зауряд въ самомъ родительскомъ домѣ, соблазнительными и порочными примѣрами старшихъ; во множествѣ случаевъ онъ цементируетъ грязными связями нанимателей и служащихъ, а этихъ послѣднихъ — между собою вездѣ, гдѣ сталкиваются два пола. Извѣстно, что столичная домашняя прислуга глубоко и почти поголовно развращена. Женская, большею частью незамужняя молодежь, массами прибывающая изъ деревень и поступающая въ услуженіе къ петербургскимъ «господамъ» кухарками, горничными, прачками и пр., быстро и безповоротно вовлекается въ развратъ и всей окружающей обстановкой, и безчисленными, нецеремонными ловеласами, начиная съ «барина» и лакея, и кончая гвардейскимъ щеголемъ-солдатомъ, велемощнымъ дворникомъ и т. д. Развѣ закаленная въ цѣломудріи весталка устояла-бы противъ такого непрерывнаго и разнороднаго соблазна со всѣхъ сторонъ! Можно положительно сказать, поэтому, что огромнѣйшая часть женской прислуги въ Петербургѣ (въ сложности ея около 60 т.) сплошь проститутки, со стороны поведенія. Конечно, офиціальный надзоръ за общественными нравами ихъ игнорируетъ: проституціей онѣ не промышляютъ въ прямомъ смыслѣ, хотя въ нерѣдкихъ случаяхъ она, безъ сомнѣнія, даетъ имъ особый доходъ, помимо заработка. Бываютъ даже такія счастливицы между петербургскими кухарками, которыя своей податливостью въ этомъ пунктѣ составляютъ себѣ, далеко превосходящую ихъ скромное положеніе, карьеру, дѣлаются законными женами своихъ соблазнителей — «господъ» и выходятъ въ «барыни». Говорятъ, да объ этомъ не разъ и въ литературѣ писалось, что такъ благонравно кончаютъ грѣховныя связи съ своими кухарками преимущественно пожилые холостяки-чиновники и что такая счастливая доля достается чаще всего кухаркамъ-чухонкамъ. Зато еще достовѣрнѣе, что и ряды уличной, клейменой проституціи комплектуются въ значительной

части въ конецъ развращенными и отбившимися отъ дѣла служанками.

Такую-же податливую для соблазна, легко развращаемую ловеласами и, въ большинствѣ, порочную среду представляетъ многочисленный въ столицѣ классъ швеекъ, модистокъ и мастерицъ разныхъ женскихъ ремеслъ и рукодѣлій, обыкновенно оплачиваемыхъ крайне ничтожной заработной платою. Большинство этихъ милыхъ созданій разнообразятъ свои скучные рабочіе дни проституціей, находя въ ней и забаву и, такъ сказать, «приварокъ» къ своему скудному, черствому хлѣбу, если и совсѣмъ не бросаютъ иглы и мастерства для профессіональнаго разврата. Къ этой-же средѣ, по степени нравственности и по своему отношенію къ данному щекотливому пункту, можетъ быть причислена масса молодыхъ, болѣе или менѣе культурныхъ, одинокихъ и бѣдныхъ женщинъ, въ такомъ множествѣ предлагающихъ на страницахъ газетныхъ объявленій свои услуги, въ качествѣ конторщицъ, продавщицъ, экономокъ, компаньонокъ и т. д.

Нерѣдко услуги эти предлагаются въ весьма категорической формѣ, не оставляющей ни малѣйшаго сомнѣнія относительно дѣйствительной ихъ тенденціи. Практика выработала на этотъ предметъ особый условный языкъ. Кому не приходилось встрѣчаться въ газетныхъ объявленіяхъ со «вдовами» и «дѣвицами» или, просто, «молодыми особами», умѣющими «ходить за хозяйствомъ», которыя «ищутъ мѣста у одинокихъ или вдовцовъ» и, въ случаѣ выгодныхъ кондицій, «согласны даже и въ отъѣздъ?» Иногда эти «молодыя особы», для повышенія своей цѣны прибавляютъ въ своихъ рекламахъ, что онѣ—«особы благородныя», знаютъ языки и окончили курсъ наукъ. Наниматели у нихъ, разумѣется, являются. Между охотниками до романическихъ знакомствъ этимъ путемъ, попадаются очень ужъ проницательные и дальновидные господа, которые вычитываютъ въ подобнаго рода предложеніяхъ, со стороны молодыхъ интеллигентныхъ женщинъ, то, чего въ нихъ вовсе нѣтъ. Извѣстны многочисленные случаи, какъ на публикаціи о себѣ гувернантокъ, учительницъ, лектрисъ и т. п. честныхъ дѣвушекъ, дѣйствительно ищущихъ работы безъ всякихъ иносказаній, являлись съ апломбомъ развязные кавалеры, приглядывались, прицѣнивались и болѣе или менѣе откровенно сводили переговоры на почву, ни-

чего не имѣющую общаго съ наукою и педагогіей. Въ маленькихъ газетахъ не разъ изобличались такого сорта искусители, ошибавшіеся адресомъ. Болѣе рѣшительныхъ изъ нихъ, случалось, и къ суду тягали за «оскорбленіе чести женщины».

Не въ выгодномъ свѣтѣ представляются также и нравы петербургскаго фабричнаго, чернорабочаго люда въ данномъ отношеніи, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сталкиваются на работахъ оба пола. Какъ и большинство промышляющихъ въ Петербургѣ крестьянъ, фабричные — мужчины и женщины — состоятъ главнымъ образомъ изъ молодежи, либо совсѣмъ холостой, либо живущей не въ брачныхъ парахъ. Внѣзаконныя связи между полами чрезвычайно распространены въ этой средѣ, благодаря еще и тому, что нравы ея по городски разнузданы и на самый фактъ интимнаго сожительства парней съ дѣвушками въ ней установился весьма терпимый взглядъ. Сожительство происходитъ здѣсь открыто, его никто не стыдится и оно никого не смущаетъ. Оно какъ-бы укрѣплено и освящено обычаемъ, обставлено извѣстными, обязательными для всѣхъ, гарантіями и выработало даже свою особую терминологію. Дѣвушка, вошедшая въ связь съ парнемъ, называется его «душенькой», а онъ, по отношенію къ ней, не безъ юмора — «воздахторомъ» или, еще посмѣшнѣе, «хохалемъ». Связи, однако, здѣсь довольно крѣпкія и даже, сравнительно, цѣломудренныя. И «душенька» и ея «хохаль» отличаются взаимной вѣрностью и ужь не разбрасываются по сторонамъ, пока связь ихъ въ силѣ. И другіе парни, въ своихъ волокитствахъ, обходятъ спаренную уже дѣвушку, а еслибы который сталъ за ней припадать, то развѣ подъ страхомъ быть жестоко избитымъ ея обладателемъ съ помощью товарищей. Точно также парни одного околодка, завода или фабрики дружно и ревниво ограждаютъ всѣхъ, находящихся въ ихъ средѣ, дѣвушекъ отъ ухаживаній и искушеній стороннихъ волокитъ изъ другихъ околодковъ. Изъ-за этого выходятъ иногда свирѣпыя побоища. За всѣмъ тѣмъ, нужно замѣтить къ чести этой среды, что вольныя любовныя связи здѣсь вовсе не имѣютъ характера унизительной для женщины, оподляющей обѣ стороны, купли и продажи. На любовь идутъ обѣ стороны по чувству, свободно, безъ всякихъ корыстныхъ разсчетовъ. «Душенька» — отнюдь не «содержанка», а скорѣе товарищъ своего возлюбленнаго въ матеріальномъ и житейскомъ отношеніи. У нея свой заработокъ,

у него—свой: въ этомъ дѣлѣ они оба равноправны и независимы. Вступая въ связь, дѣвушка продолжаетъ работать на фабрикѣ и соціальное положеніе ея нисколько не измѣняется. Скорѣе случается, что не «душенька» пользуется матеріально отъ своего «воздахтора», а онъ отъ нея. По капризу женскаго сердца, полюбивъ негодяя, забулдыгу, пьяницу, она безропотно отдаетъ въ его полное распоряженіе не только свое сердце, но и кошелекъ. Такое паразитное пользованіе женской любовью со стороны сердцеѣдовъ-мужчинъ — вещь весьма обыкновенная въ низшемъ слоѣ столичнаго населенія; особенные мастера на это — солдатики, неизбѣжно фигурирующіе, въ качествѣ классическихъ «кумовьевъ», чуть не въ каждомъ кухонномъ романѣ. Это — истые Альфонсы петербургскихъ кухарокъ, задолго предупредившіе на практикѣ литературное гражданство у насъ этого моднаго нынѣ термина и представляемаго имъ понятія.

Въ этомъ пунктѣ прелюбодѣйство низшаго класса рѣзко различается отъ таковаго-же грѣха класса высшаго, культурнаго и зажиточнаго, — и не къ выгодѣ, какъ нравовъ этого послѣдняго, такъ и положенія въ немъ женщины, посвящающей себя культу Киприды. Въ противоположность «душенькѣ», созданной вольностью нравовъ въ простонародьѣ, интеллигентное любострастіе сформировало «содержанку». Типы однородные по происхожденію и по анти-семейственному значенію, но ничего не имѣющіе общаго въ отношеніи соціальномъ, а отчасти и въ нравственномъ.

Какъ мы сейчасъ видѣли, внѣзаконное сожительство не парализуетъ гражданской личности «душеньки», не отнимаетъ у нея рабочей матеріальной самостоятельности, превращая исключительно въ жертву и жрицу гетеризма, какъ это случается съ каждой почти «содержанкой». «Душенька» остается человѣкомъ, работницей, силой, умѣющей за себя постоять; любовная связь для нея—не культъ и не всепоглощающее дѣло, а—праздникъ, забава и отрада только въ часы досуга, въ видѣ рѣдкаго лакомства. Совсѣмъ другое дѣло— содержанка, въ той формѣ и въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ образовало этотъ зазорный типъ петербургское интеллигентно-эпикурейское распутство. Самое уже названіе здѣсь ясно опредѣляетъ подлость и безнравственность даннаго положенія. «Содержанка» — бранное слово, смертельно оскорбительное въ ушахъ каждой порядочной женщины, хотя нельзя мимоходомъ не замѣтить, не во гнѣвъ благо-

нравнымъ дамамъ, что положеніе многихъ и многихъ замужнихъ женщинъ весьма аналогично съ положеніемъ «содержанокъ»; но этого щекотливаго пункта мы здѣсь касаться не станемъ...

Сожительство съ «содержанкой» есть пародія и поддѣлка брака, потому что оно основывается на извѣстномъ договорѣ, который, конечно, у нотаріусовъ не скрѣпляется. Предметомъ договора служитъ благосклонность ангажируемой красавицы, взамѣнъ которой, глядя по ея красотѣ, изяществу, положенію и степени сговорчивости, другая договаривающаяся сторона принимаетъ на себя обязательство «содержать» ее въ той или другой суммѣ. Хотя, вслѣдствіе зависимаго положенія женщины, такое отношеніе лежитъ въ основѣ каждаго почти, самаго идиллическаго романа, приходящаго къ вожделѣнному концу, и только не обусловливается формально въ пылу любовныхъ діалоговъ и пылкихъ поцѣлуевъ, хотя, съ другой стороны, и въ области адюльтера, особенно при вовлеченіи въ грѣхопаденіе молодыхъ, пока неопытныхъ жертвъ, договора съ ними не заключается,—тѣмъ не менѣе, во всѣхъ случаяхъ, вопросъ о «содержаніи», съ первыхъ-же шаговъ «торжествующей любви», нахально и безстыдно встаетъ между влюбленными и неотступно требуетъ отъ героя своего разрѣшенія. Отсюда, въ большинствѣ внѣбрачныхъ романовъ пріобрѣсть любовницу значитъ—взять «содержанку». Это—sine qua non. Если при данныхъ условіяхъ даже право на пользованіе законною любовью мужчина долженъ непремѣнно купить, то сомнительное право на прелюбодѣяніе—и подавно. Мы говоримъ именно о культурной средѣ, гдѣ женщина чаще всего, и до сихъ поръ, спеціально и всецѣло подготовляется для одной только любви, подобно гаремной одалискѣ. Она умѣетъ только любить и возбуждать любовь какъ своими натуральными, такъ и благопріобрѣтенными отъ образцоваго воспитанія конфектными прелестями, салонными талантиками и костюмами. Внѣ этихъ отправленій, она—безсильное, ни къ чему неспособное и ничего не умѣющее ничтожество. Таковъ типъ «барышни» и «барыни», подъ который взапуски и не безъ искусства поддѣлываются выскакивающія въ «содержанки» худородныя и ширококостыя дщери улицы, еще вчера шмыгавшія по ней въ дырявыхъ опоркахъ, на посылкахъ у «мадамы» либо у «тятьки»—отставнаго унтера, снискивающаго пропитаніе въ сосѣднемъ кабакѣ. И

все это рвется и изъ кожи лѣзетъ закрѣпить себѣ тѣмъ или инымъ путемъ обожателей (мужей или любовниковъ), чтобы на ихъ счетъ бездѣльничать въ холѣ и роскоши, щеголять костюмами, кататься на рысакахъ, слушать оперетку, веселиться и кружить головы мужчинамъ! Въ этомъ—цѣль и идеалъ жизни, пустоты и гнусности которой эти красивыя куколки не постигаютъ, да и постичь не желаютъ... Зачѣмъ?—Имъ покамѣсть хорошо, а тамъ хоть трава не рости!

Такимъ образомъ, для современнаго Донъ-Жуана вопросъ о любви, по обстоятельствамъ дѣла, есть вопросъ не столько романическій, сколько карманный. Въ былое, болѣе наивное время обольщенныя Лауры и Донны-Анны болѣе или менѣе искренно мечтали, что «съ милымъ рай и въ шалашѣ», и ничего не требовали до поры до времени, кромѣ «вѣчной» любви; но, при современной дѣловитости, всякій рискъ, въ самомъ дѣлѣ, очутиться въ глупомъ «шалашѣ» съ потеряннымъ сокровищемъ, по возможности, исключается заблаговременно при началѣ каждаго порядочнаго романа. Сокровище ревностно оберегается, пока не выяснится вполнѣ вопросъ о «содержаніи», объ его размѣрѣ, прочности и дѣйствительности. Хорошо при этомъ и поторговаться, подороже запросить. Петербургская опытная Лаура или Донна-Анна мастерски обдѣлываетъ такія дѣла. Есть на то, къ ея услугамъ, и особые маклеры, свахи. И вотъ на рынкѣ прелюбодѣянія устанавливается для находящейся въ обращеніи «наличности» довольно опредѣленный курсъ: самая «наличность» классифицируется по сортамъ, имѣющимъ нѣсколько постоянныхъ, отчетливо различаемыхъ типовъ. «Содержанка» такого-то сорта столько-то стоитъ въ годъ, такого-то—столько... «Свѣдущіе люди» всегда это въ точности знаютъ. Потомъ, всегда бываетъ отборъ, превосходящій всякіе сорты,—«звѣзды» и «львицы», на которыхъ весь городъ тычетъ пальцами и къ шлейфу которыхъ мода привлекаетъ самыхъ прихотливыхъ селадоновъ. Этимъ ужь цѣна особая, чрезвычайная, иногда уму непостижимая.

Но, вообще, цѣны высоки на этомъ рынкѣ и притомъ каждая «содержанка», по натурѣ вещей, сознательно и безсознательно стремится побуждать своего обожателя тратить на нее какъ можно больше. Въ этомъ ея честолюбіе и единственное, доступное ея пониманію доказательство, что ее любятъ. Затѣмъ, между этими да-

мами развивается сильное соперничество нарядами, экипажами, всякимъ щегольствомъ и мотовствомъ. Вырабатываются среди нихъ истыя гарпіи хищничества и расточительности, безпощадно разоряющія своихъ «содержателей» одного за другимъ и, въ результатѣ, безъ всякой выгоды для себя про черный день. Впрочемъ, нынче этотъ вакхическій типъ безоглядной мотовки начинаетъ вытѣсняться другимъ, болѣе практичнымъ и разсчетливымъ—выжиги и скопидомки, у которой хищничество имѣетъ опредѣленную цѣль наживы. Въ Петербургѣ извѣстны этого сорта барыньки, прослывшія съ теченіемъ времени за капиталистокъ, по сказаніямъ молвы.

Самое положеніе «содержанки» таково, что она естественнымъ порядкомъ должна всѣми силами стараться подороже стоить своему обожателю. Вопервыхъ, жизнь ея совершенно пустая, безцѣльная и бездѣльная; единственное ея содержаніе и назначеніе—«buvons, dansons et aimons», по точному смыслу опереточнаго кодекса. Больше отъ нея ничего не требуется, и ее «содержатъ» только на этотъ лишь предметъ. Выходитъ, по справкѣ, не жизнь, а какой-то безконечный, повседневный канканъ, для возбужденія и продѣлыванія котораго, конечно, нужна и соотвѣтственная вакханальная обстановка, нужны и разные увеселительные наркотики. Вовторыхъ, каждая «содержанка»,—въ чемъ именно и заключается наиболѣе оподляющее ее условіе,—служа лишь сластолюбивой прихоти своего принципала, ни на одну минуту не гарантирована въ прочности своего союза съ нимъ и постоянно находится подъ страхомъ быть брошенной. Въ ней натурально разыгрывается чувство самосохраненія, которое и толкаетъ ее нещадно стричь попавшаго въ ея сѣти овна, пока онъ въ «телячьемъ восторгѣ» и пока не вздумаетъ эманципироваться. Въ третьихъ, наконецъ, у торгующей собою красавицы прямой комерческій разсчетъ—набивать на себя цѣну елико возможно. Каковъ товаръ, таковъ и покупатель. Престижъ дороговизны—лучшій аттестатъ на описываемомъ рынкѣ и вѣрная приманка для расточительныхъ прихотниковъ, аналогичныхъ съ гоголевскимъ «дуракомъ», потому только покупающимъ арбузъ, что онъ стоитъ сумасшедшихъ денегъ.

Достоевскій гдѣ-то сказалъ, что современный, особенно петербургскій «всечеловѣкъ» всякаго возраста непремѣнно содержитъ въ мечтахъ—обзавестись любовницей... помимо жены, конечно, у кого

она имѣется. Достоевскій превосходно зналъ всѣ извилины гнѣздящагося въ человѣческомъ сердцѣ любострастія и—въ этомъ ему можно повѣрить на слово. Нужно только сдѣлать маленькую стилистическую поправку. Слово «любовница» вовсе теперь не употребительно, и коль скоро петербуржецъ размечтался насчетъ этой лакомой матеріи, то мечтаетъ онъ не о любовницѣ, а именно о «содержанкѣ»—не иначе. Послѣдній терминъ, столь распространенный нынѣ, вполнѣ опредѣляетъ сущность дѣла, хотя и звучитъ, правда, очень не романически.

Мечтаютъ о «содержанкахъ», дѣйствительно, многіе; но обзаводиться ими далеко не всѣ въ состояніи, на что мы указали выше. На петербургскій житейскій аршинъ—иждивеніе «содержанки» есть признакъ уже зажиточности, успѣшной и счастливой карьеры, округленія благопріобрѣтеній.—«У него содержанка!»—не безъ завистливой нотки говорятъ о комъ нибудь, желая образно представить степень его благосостоянія, и—это пріемлется за неотразимо-вѣское доказательство. Словомъ, до заправской «содержанки» мечтающій о ней, интеллигентный петербуржецъ дослуживается, какъ до аренды, долголѣтней безпорочной службой, а если подвизается на иныхъ практическихъ поприщахъ, то соотвѣтственными трудолюбіемъ и искусствомъ. Конечно, счастливцы, унаслѣдовавшіе отъ родителей богатство, не ждутъ, не теряютъ даромъ золотаго времени и, обыкновенно, первые-же шаги свои на гражданскомъ поприщѣ начинаютъ подъ руку съ «содержанками»... Только, нѣтъ! Кипя избыткомъ силъ и жаждой опыта въ морѣ наслажденій, юность избѣгаетъ всякихъ узъ и договоровъ, любитъ разнообразіе и порхаетъ отъ цвѣтка къ цвѣтку въ садахъ Цитеры, не останавливаясь слишкомъ долго на одномъ. Обыкновенно «содержанками» обзаводятся люди, уже перебродившіе, устоявшіеся и солидные—вѣроятно, напр., въ гражданской службѣ, не ниже коллежскаго совѣтника. Союзъ съ «содержанкой» имѣетъ въ себѣ уже нѣкоторую обстоятельность и благоразумную соразмѣрность, какъ и сама она представляетъ собой нѣкоторый суррогатъ жены или исправляющей ея должность, слѣдовательно, нѣчто хозяйственное, прирученное и обиходное... Тутъ нужны ужь, такъ сказать, солидныя добродѣтели.

Разумѣется, попадаются оттѣнки и разновидности, но, кажется, можно съ достовѣрностью сказать вообще, что «содержанокъ» имѣ-

ютъ больше люди зрѣлые, съ опредѣлившейся карьерой, чѣмъ юные и начинающіе, которымъ предстоитъ еще пройти искусъ благонравной любви съ невинными созданіями и прокиснуть на лонѣ законнаго супружескаго счастья, имѣющаго иногда свойство возбуждать позывъ къ «содержанкамъ». По крайней мѣрѣ, вполнѣ достовѣрно, что въ Петербургѣ очень многіе женатые и семейные люди имѣютъ «содержанокъ», случается, по нѣскольку заразъ, и даже не очень скрываются съ этимъ... Что-жъ?—Люди живутъ въ свое удовольствіе и—счастливцы—ни въ чемъ себѣ не отказываютъ!—говоритъ о нихъ практическая мудрость. На адюльтеръ мужчины смотрятъ у насъ очень снисходительно въ культурныхъ слояхъ, да и кто-же сталъ-бы здѣсь гремѣть осужденіемъ, когда слабости этой причастны, въ большей или меньшей степени, всѣ сверху до низу, за немногими исключеніями? Люди видные и высокопоставленные, представители «большаго свѣта», заводятъ себѣ «содержанокъ» (на этой высотѣ, впрочемъ, ихъ называютъ уже не «содержанками», а «метрессами») съ такою-же почти беззастѣнчивостью, какъ и заурядные, сытые бонвиваны биржи, гостиннаго двора и т. д. Этимъ даже гордятся, какъ нерѣдко тщеславятся самими «содержанками»— ихъ красотой, элегантностью, дороговизной, артистической знаменитостью или родовитой знатностью. Потомъ, кому неизвѣстно изъ исторіи и скандалезной хроники, что погрѣшающіе въ этомъ пунктѣ «сильные міра сего» сплошь да рядомъ простираютъ иногда слабость къ своимъ «помпадуршамъ» до предоставленія имъ очень сильнаго своекорыстнаго вліянія на «дѣла» и даже, въ нѣкоторомъ родѣ, на судьбы отечества,—на составленіе карьеръ, на повышеніе разныхъ протежэ, въ ущербъ, конечно, и общему благу, и пользѣ службы и справедливости? Въ нашей памяти встаетъ цѣлый рядъ исторически-знаменитыхъ метрессъ и фаворитовъ какъ изъ отдаленнаго, такъ и изъ ближайшаго прошлаго, и трудно исчислить, во что обошлись они любезному отечеству!

Мы подошли къ вопросу, который самъ собой возникаетъ, а именно: — кто-же такія петербургскія метрессы и «содержанки», комплектующія ряды несчитанной, тайной проституціи, откуда и какъ онѣ рекрутируются? Обозрѣвая безграничные предѣлы современной порчи нравовъ и семейнаго разброда, мы чувствуемъ необходимость поставить этотъ вопросъ нѣсколько шире. Правильнѣе

и умѣстнѣе спросить, кажется, уже не о томъ — много-ли въ Петербургѣ развратниковъ и падшихъ женщинъ, представляющихъ съ точки зрѣнія морали грустную аномалію, а о томъ—кто нынче не грѣшенъ въ этомъ отношеніи, много-ли чистыхъ, цѣломудренныхъ мужчинъ и женщинъ, каковыми, по требованіямъ той-же морали, долженствуютъ быть всѣ? Дѣло идетъ къ тому, судя по фактамъ, что аномалію начинаютъ составлять не первые, а послѣдніе, т. е. не грѣшники, а праведники, что разврату и порчѣ причастно большинство — можетъ быть, огромное большинство, тогда какъ добродѣтель и цѣломудріе дѣлаются рѣдкостью, чуть не исключеніемъ. Относительно мужчинъ изъ культурныхъ классовъ это можно сказать уже вполнѣ утвердительно. Извѣстно, что цѣломудріе давно уже не считается обязательнымъ для мужчины, и его нарушеніе вовсе не ставится въ упрекъ. Извѣстно каждому изъ личнаго опыта, что интеллигентный мужчина, обыкновенно еще на школьной скамьѣ, нерѣдко съ отроческихъ лѣтъ, познаетъ и ядъ и сладость грѣхопаденія во всей его полнотѣ. Въ Петербургѣ, конечно, этотъ искусъ сильнѣе и распространеннѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и, не взирая на разныя дисциплинарныя мѣры по огражденію учащагося юношества отъ соблазна (напримѣръ, запрещенія посѣщать увеселительные сады, кафе-шантаны, рестораны, опереточные театры и проч.), множество нашихъ подростковъ очень рано развращаются, а что касается балованныхъ питомцевъ нѣкоторыхъ привилегированныхъ заведеній, такъ они даже составили себѣ въ полусвѣтѣ и въ пансіонахъ безъ древнихъ языковъ весьма упроченную, лестную репутацію едва-ли не самыхъ бонтонныхъ кутилъ и шалуновъ.

Вообще, только наша привычка къ окружающему жизненному складу и равнодушное отношеніе къ его уродствамъ допускаютъ возможность фарисейски закрывать глаза на тотъ чудовищный, подавляющій фактъ, что установленная общественнымъ договоромъ нравственная правда человѣческихъ и, въ частности, половыхъ отношеній, о святости которой ежедневно твердятъ намъ и церковь, и законъ, и школа, и литература, есть ничто иное, какъ мертвая буква въ огромномъ большинствѣ случаевъ. У всѣхъ на устахъ эта правда, всѣ показываютъ видъ, что уважаютъ ее и соблюдаютъ, во всемъ наружно выполняется ея формальный ритуалъ, и—всѣ сплошь лгутъ, лгутъ завѣдомо, лгутъ съ грубымъ

циническимъ лицемѣріемъ! Возможно-ли такъ жить, и — спрашивается,—на какой конецъ нужна эта огульная, непрерывная ложь? Вѣдь правда должна быть въ самой жизни, должна быть выраженіемъ господствующихъ въ ней нормальныхъ отношеній; но какой-же въ ней смыслъ, если напр., по ея буквѣ, любовная связь мыслима только въ бракѣ и, самъ по себѣ, бракъ — святъ и нерушимъ, а въ дѣйствительности внѣбрачныя отношенія преобладаютъ непомѣрно и являются какъ-бы нормой? Выходитъ, стало быть, что на самомъ дѣлѣ правда не тамъ, а здѣсь — грубая, унизительная для человѣческаго достоинства, но она — живой, непререкаемый фактъ, вытекающій изъ натуры существующихъ отношеній... Мудрецы, впрочемъ, давно уже замѣтили, что нашъ свѣтъ есть ничто иное, какъ маскарадъ.

Кто-же такая петербургская «содержанка» или метресса? — Должно прежде всего оговориться, что эту позорную кличку вынуждаются иногда носить женщины безспорно порядочныя и чистыя, по роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ лишенныя возможности назваться законными женами тѣхъ, кому отдали онѣ свое сердце. Вообще, не взирая на распространеніе въ интеллигентной средѣ либеральной терпимости относительно формы интимнаго союза мужчины съ женщиной,—такъ называемый «гражданскій бракъ», даже искренно, по глубокому убѣжденію заключенный, мало внушаетъ къ себѣ довѣрія и уваженія въ средѣ самихъ принципіальныхъ сторонниковъ его, хотя они въ этомъ не всегда сознаются. Дѣло въ томъ, что этого сорта бракъ во множествѣ случаевъ житейской практики ставитъ женщину въ фальшивыя, щекотливыя и, порой, оскорбительныя положенія. Оскорбительно уже то, что въ общемъ мнѣніи толпы она непремѣнно прослыветъ наложницей, содержанкой, метрессой, и другаго имени ей не будетъ, да его и нѣтъ пока ни въ юридическомъ, ни въ бытовомъ лексиконѣ.

Во всякомъ случаѣ, необходимо выдѣлить изъ общей массы продажныхъ содержанокъ тѣхъ честныхъ женщинъ, которыя и въ связяхъ незаконныхъ берегутъ себя и свято выполняютъ призваніе вѣрной, любящей жены и матери. Такихъ немало, благодаря множеству неблагопріятныхъ житейскихъ условій, мѣшающихъ урегулированію половыхъ отношеній сообразно нормальному, естественному подбору. Сколько, напр., однихъ жертвъ несчастныхъ бра-

ковъ—ушедшихъ отъ своихъ мужей или женъ для союза съ избранниками своей страсти, запоздавшими явиться во время! Хотя нарушеніе супружескаго обѣта всегда роняетъ отчасти женщину, но, безъ сомнѣнія, та, которая между тайнымъ адюльтеромъ и открытымъ разрывомъ съ мужемъ выбираетъ послѣдній, — выказываетъ извѣстное мужество и неиспорченность сердца, брезгающаго обманомъ и развратомъ. Потомъ, сколько хорошихъ, но неопытныхъ дѣвушекъ, въ увлеченіи пылкой, молодой страсти, пренебрегаютъ требованіями ходячей морали и законности для самоотверженной иллюзіи—найти «съ милымъ рай въ шалашѣ», построенномъ на вольной внѣбрачной территоріи!

Такъ или иначе, но изъ повседневныхъ наблюденій видно, что нынѣ весьма нерѣдко, особенно въ Петербургѣ, встрѣчаются внѣзаконные союзы, носящіе всѣ признаки прочныхъ супружествъ, сложившихся совершенно по семейному и служащихъ образцами домашняго мира, совѣта и любви. Скрѣпляющимъ цементомъ являются здѣсь чаще всего дѣти, когда Господь благословитъ ими грѣховную связь. И можетъ быть въ законномъ бракѣ женщина не горитъ такой жаждой стать матерью, какъ въ положеніи «содержанки», если только она несовсѣмъ, конечно, испорчена и имѣетъ основанія дорожить своей связью. Да и немного найдется даже среди испорченныхъ женщинъ такихъ, въ которыхъ совсѣмъ погасли-бы инстинктъ материнства и присущее женщинѣ консервативное тяготѣніе къ домовитости, къ укрѣпленію семейнаго гнѣзда.

Это матримоніальное стремленіе среди женщинъ, подходящихъ подъ рубрику «содержанокъ», породило даже одинъ своеобразный видъ уголовщины, а именно, — фальшивое материнство. Случаевъ этого преступленія, за обозрѣваемый нами періодъ, въ Петербургѣ было нѣсколько. Романическаго въ нихъ ничего не заключалось; обыкновенно, изобличавшіяся въ фальшивомъ материнствѣ женщины, по справкѣ, руководились просто матеріальнымъ разсчетомъ и эгоистическимъ чувствомъ самосохраненія. Находясь на «содержаніи» у людей состоятельныхъ, но черствыхъ, скупыхъ и нецеремонныхъ, не связанныя съ ними чувствомъ сердечности и живя подъ непрерывнымъ страхомъ быть въ одно прекрасное утро брошенными, эти несчастныя измышляли фальшивое материнство, какъ вѣрнѣйшее въ ихъ мнѣніи средство скрѣпить связи съ содержателями и обез-

печить свое положеніе со стороны, по крайней мѣрѣ, матеріальной.

Такимъ образомъ, было нѣсколько случаевъ покупки и даже кражи дѣтей, по заказу «содержанокъ» или самими ими лично, и дѣтей этихъ онѣ выдавали за своихъ родныхъ, но, какъ видно, не всякаго «содержателя» можно этимъ фортелемъ одурачить. Вѣроятно, опытовъ въ этомъ родѣ дѣлается немало, какъ можно заключить изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до огласки и суда, хотя торжество правосудія покупается здѣсь цѣною слишкомъ ужь зазорнаго скандала, равно постыднаго для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ. Потомъ, очень памятенъ бывшій въ концѣ семидесятыхъ годовъ весьма соблазнительный, трагикомическій случай фальшиваго материнства, очень ужь наивнаго по замыслу и техникѣ.

Малоизвѣстный наслѣдникъ и сынъ очень извѣстнаго родителя-милліонера, прогулявшагося въ «мѣста отдаленныя», за поджогъ достославной мельницы, имѣлъ «содержанку», какую-то, брошенную мужемъ, бѣдную молодую женщину, и держалъ ее, какъ говорится, въ черномъ тѣлѣ. Развратный богачъ унаслѣдовалъ отъ «тятеньки» скаредное скопидомство и платилъ за ласки жертвѣ своего сластолюбія чуть не мѣдными пятаками, обращался съ нею грубо, по скотски и въ такомъ тонѣ, что она ждала каждый день, что онъ, опозоривъ ее, броситъ на произволъ судьбы. Сама ли она надоумилась, или ее подъучили добрые люди—разыграть роль кандидатки въ матери отъ жестокаго «содержателя» и, на этомъ основаніи, потребовать отъ него обезпеченія будущаго ребенка. Началась довольно странная комедія. Несчастная, для нагляднаго удостовѣренія дѣйствительности своей беременности, прибѣгла къ бутафорскому искусству: она начала подвязывать себѣ къ животу подушку. На первыхъ порахъ обманъ удался. Жестоковыйный, скупой купчина, изъ боязни скандала, смалодушествовалъ и, скрѣпя сердце, удовлетворилъ требованіе любовницы относительно обезпеченія; онъ ей выдалъ вексель въ 10 т. Получивъ вексель, героиня почла, что комедія кончилась, и сняла подушку. Увидѣвъ обманъ, милліонеръ разсвирѣпѣлъ и, вмѣсто того, чтобы махнуть рукою и уплатить деньги, какъ диктовало если не великодушіе, то благоразуміе, имѣлъ безстыдство вчинить формальный искъ и посадить

несчастную женщину на скамью подсудимыхъ... Процессъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, послужилъ только къ вящему безславію истца и внушилъ къ нему общее отвращеніе.

Что касается ходячаго, наиболѣе распространеннаго типа петербургской содержанки, то, въ большинствѣ случаевъ, это — или еще вчера бывшая заурядная «публичная женщина», или наканунѣ того, чтобы таковою сдѣлаться. Во всякомъ случаѣ, очень трудно найти разграничительную грань между этими двумя видами служенія потребностямъ общественнаго темперамента. Карьера завѣдомыхъ проститутокъ—всѣхъ этихъ бывшихъ модистокъ, бѣлошвеекъ, «дѣвицъ съ машинками», продавщицъ, камеристокъ и проч.—начинается съ того, что онѣ, впавъ въ грѣхъ и обыкновенно сбѣжавъ изъ подъ родительскаго или хозяйскаго крова и бросивъ свое ремесло, попадаютъ на «содержаніе» къ своимъ соблазнителямъ. По естественному порядку, соблазнитель, сорвавъ «цвѣты наслажденія», по выраженію Хлестакова, въ кратчайшее время забываетъ всѣ свои клятвы и обѣщанія, охладѣваетъ къ своей жертвѣ и бросаетъ ее на произволъ судьбы. Ей, понятно, ничего не остается, какъ идти на улицу — снискивать пропитаніе своими прелестями. Бываетъ нерѣдко и наоборотъ: пройдя всю школу публичнаго непотребства, выросши къ немъ, проститутка выскакиваетъ въ «содержанки» — апогей счастья, о которомъ мечтаетъ каждая изъ расхожихъ дамъ. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ сформировался особый забубенный типъ женолюбца, который, не умѣя шагу ступить въ кругу порядочныхъ женщинъ, чуждаясь ихъ, весь вѣкъ свой вращается среди погибшихъ созданій и продѣлываетъ съ ними всю комедію ухаживанія, любви, брака и семейной жизни — все это, конечно, въ мельхіоровой, такъ сказать, поддѣлкѣ. Люди этого типа очень искренно убѣждены даже, что такой романическій мельхіоръ гораздо удобнѣе, лучше и дешевле настоящаго въ томъ-же родѣ серебра. Главное, никакихъ связывающихъ и дисциплинирующихъ человѣка обязательствъ и возможность, безъ угрызеній совѣсти, мѣнять предметы своихъ восхищеній когда угодно, и нисколько съ ними не церемониться. На вкусъ и спросъ этого-то распутнаго бобыля сложилась кочующая, если можно такъ выразиться, содержанка, которая переходитъ изъ рукъ въ руки, не только не теряя цѣны, а нерѣдко дорожая съ каждымъ новымъ актомъ перепродажи.

Нужно войти въ этотъ—снаружи элегантный и прихотливый—мірокъ куртизанскаго шалопайства и суетнаго безпутства, чтобы постичь, до какого иногда первобытнаго канибальства въ сношеніяхъ половъ могутъ доходить современные культурные люди, «сливки» общества. И, пожалуй, чистокровный канибалъ гораздо нравственнѣе и натуральнѣе въ своемъ животномъ цинизмѣ: въ немъ есть хоть темпераментъ, его плотоядный инстинктъ возбуждается эротическимъ пароксизмомъ здоровой крови, а здѣсь ни искры поэзіи и даже физической страсти—одна худосочная, искусственная похотливость, взвинчиваемая разными наркотиками, одинъ холодный, вялый развратъ для разврата!... Люди сходятся до послѣднихъ границъ короткости безъ малѣйшаго взаимнаго влеченія; въ холодныя объятія другъ друга ихъ толкаютъ просто — деньги, вино, мода, наконецъ, механическая случайность и всего рѣже — чувство красоты. Женщины, какъ личности, тутъ нѣтъ и слѣда,— въ спросѣ и въ цѣнѣ одинъ ея, такъ сказать, внѣшній футляръ, въ пикантно-безстыдной отдѣлкѣ и обстановкѣ. Съ своей стороны, и женщина этой среды ни во что не цѣнитъ личность мужчины, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны, и отдается съ полнымъ безразличіемъ всякому, кто въ состояніи заплатить за ея экипажъ, за ея обѣдъ и т. д., включительно до ея издержекъ на Альфонса.

Альфонсъ тутъ неизбѣженъ и является вполнѣ естественнымъ дополненіемъ семейнаго очага содержанки. По разсчету, безъ всякаго увлеченія, а иногда съ отвращеніемъ отдаваясь за деньги богатому содержателю и, конечно, не связываясь съ нимъ внутренно никакимъ долгомъ вѣрности, она ставитъ ему рога, не стѣсняясь, при первой оказіи. Бываетъ, что она куртизанитъ со многими, въ раздробь, но чаще—заводитъ одного интимнаго любовника и иногда рабски ему предается. Все-же она женщина и должна же она такъ или иначе излить на комъ нибудь то любвеобиліе, которымъ полно каждое молодое женское сердце. Для падшей, продажной женщины въ этой тайной привязанности по сердцу, по страсти, — отрада и поэзія жизни, тѣмъ болѣе обаятельныя, чѣмъ яснѣе и чутче сознаетъ она испорченность и безнравственность своего существованія. Впрочемъ, въ этихъ романахъ современныхъ Нана̀ очень трудно разобрать, гдѣ въ нихъ начинается

женская платоническая сердечность и гдѣ просто бродитъ разнузданная чувственность, не находящая себѣ удовлетворенія въ объятіяхъ оффиціальнаго содержателя. Одно достовѣрно, что въ томъ и въ другомъ случаѣ имъ одинаково приходится покупать и взаимность и скромность избранниковъ своего сердца. Послѣдними бываютъ обыкновенно тѣ праздношатающіеся, неопредѣленныхъ занятій, пріятные молодые люди, щеголяющіе модными панталонами и развязностью манеръ, которыхъ французы называютъ petits crevés и которые мозолятъ вамъ глаза въ кафешантанахъ, въ партерѣ опереточнаго театра, на гуляньяхъ, въ танцклассахъ и иныхъ увеселительныхъ мѣстахъ. Они нагло заглядываютъ въ каждое женское лицо, фамильярничаютъ со всѣми встрѣчными камеліями, какъ старые ихъ знакомые, пріятельски здороваются съ антрепренерами и артистами заведеній, и совершенно свободно, какъ «свои люди», ведутъ себя около буфета... Никто никогда не знаетъ, на какіе источники живутъ, фланируютъ и покучиваютъ эти юные бродяги въ одноглазкахъ и лайковыхъ перчаткахъ.

Только въ позднѣйшее время тайна ихъ блаженнаго существованія и ихъ призваніе стали ощутительно опредѣляться и получили надлежащую квалификацію. Модные галстучки и панталоны, завитые, вспрыснутые духами усики, кокетливое охорашиванье, выражающееся въ выхоленной, какъ на модной картинкѣ, физіономіи, въ граціозныхъ позахъ и въ скорострѣльномъ метаніи медовыхъ взоровъ, — все это очень часто оказывается не платоническимъ искусствомъ для искусства, не просто пошлымъ, самоуслаждающимся фатовствомъ quand même, а преднамѣреннымъ, стратегически составленнымъ планомъ, въ прямомъ разсчетѣ на завоеваніе благосклонности вотъ этихъ, красующихся обыкновенно въ бельэтажѣ театра, пышныхъ, сластолюбивыхъ Мессалинъ. Передъ нами—или уже законченные, гордые успѣхомъ Альфонсы или кандидаты въ нихъ, всѣми силами рвущіеся занять свободныя вакансіи.

Альфонсъ—парижское названіе мужчины, промышляющаго собой на рынкѣ разврата. Это — форменный проститутъ, но несравненно гнуснѣйшій, чѣмъ проститутка. Порожденіе современнаго распутства, онъ точно также, какъ и клейменая женщина, продаетъ себя и, подобно ей, служитъ порочнымъ инстинктамъ общественнаго темперамента, обнаруживаемымъ только не мужской, а

женской половиной рода человѣческаго. Собственно Альфонсъ, какъ явленіе, какъ типъ, не представляетъ собой ничего новаго: онъ у насъ, напр., водился въ обиліи уже въ восемнадцатомъ столѣтіи и запечатлѣлъ себя даже на страницахъ исторіи, въ лицѣ крупныхъ «фаворитовъ». Ново только названіе—Альфонсъ, очень быстро у насъ распространившееся, можетъ быть, потому, что самый типъ-то сталъ нынче очень распространяться. О современныхъ петербургскихъ Альфонсахъ составилась цѣлая скандалезная литература и на знаменитѣйшихъ изъ нихъ чутъ не тыкаютъ пальцами, правда, иногда съ рискомъ попасть въ непріятную «исторію», когда изобличенный Альфонсъ сочтетъ за благо разыграть роль оскорбленнаго рыцаря...

Хотя Альфонсы прикомандировываются и къ пошаливающимъ, лакомымъ барынямъ, не торгующимъ собою, но главнымъ образомъ ютятся они около видныхъ, много получающихъ содержанокъ. Оно и естественно: праздныя, испорченныя, безъ всякаго чувства взаимности, ради однихъ денегъ отдающіяся своимъ «содержателямъ», женщины этого сорта, по логикѣ вещей, должны искать и развлеченія и удовлетворенія потребности любить — въ связяхъ на сторонѣ, заключенныхъ по сердцу. Героями этихъ-то романовъ и являются чаще всего Альфонсы. Обыкновенно дѣло устраивается такъ, что Альфонсъ, эксплуатируя нѣжную страсть къ себѣ такой особы, безцеремонно пользуется ея кошелькомъ и иногда жестоко ее обираетъ. Въ операціи этой всегда чувствуется въ большей или меньшей степени и шантажъ, особенно если Альфонсъ имѣетъ дѣло съ женщиной, сколько нибудь дорожащей репутаціей порядочности и таящей свои амурныя шалости отъ мужа или «содержателя». Скромность или молчаніе въ такихъ деликатныхъ отношеніяхъ — слишкомъ цѣнная вещь для падшей женщины, чтобы пользующійся ея фаворомъ Альфонсъ пренебрегалъ возможностью подороже ихъ продавать.

Альфонсизмъ, если можно такъ назвать это отвратительное явленіе, имѣетъ множество разновидностей. Изъ нихъ особенно распространена одна, которая примыкаетъ къ голому мошенничеству и нерѣдко дѣлается объектомъ правосудія. Жертвами являются здѣсь чаще всего женщины уже немолодыя, вдовы и старыя дѣвы, но которымъ еще «ничто человѣческое не чуждо». Тѣмъ не менѣе,

онѣ собой дорожатъ и если мечтаютъ о любви, то не иначе, какъ о законной, освященной супружествомъ. Не представляя собою лично ничего соблазнительнаго, онѣ дѣлаются предметомъ хищническаго ухаживанія со стороны Альфонсовъ изъ-за приданаго. Если приданое крупное, то ухаживатель этого сорта не задумается продать себя формально, сходивъ подъ вѣнецъ; но если ему почему-либо нельзя этого сдѣлать или, какъ говорится, себѣ дороже стоитъ, то онъ кончаетъ тѣмъ, что, вскруживъ голову бѣдной жертвѣ и пріобрѣвъ ея довѣріе обѣщаніемъ жениться, выманиваетъ у нея деньги и улетучивается. Въ судебной практикѣ немало встрѣчалось процессовъ, вчиненныхъ обманутыми этимъ путемъ, простодушными жертвами дурно адресованной, «поздней любви».

Въ офиціальной статистикѣ квартирной платы въ Петербургѣ, распредѣленной по профессіямъ квартирантовъ, мы нашли одно характеристическое указаніе, которымъ здѣсь и воспользуемся. Оказывается, напр., что театральныя артистки имѣютъ квартиры, въ частности, значительно болѣе цѣнныя, чѣмъ театральные артисты, и вообще принадлежатъ къ категоріи наиболѣе зажиточныхъ въ столицѣ обитателей. Такъ, онѣ платятъ за квартиры, среднимъ счетомъ, до 500 руб. (дороже адвокатовъ) — почти вдвое, сравнительно съ актерами. Отчего-бы это? — Вѣдь среднія гонораръ артистокъ за служеніе искусству не только не выше, говоря вообще, гонорара артистовъ, но даже нѣсколько ниже; очень немногія изъ нихъ получаютъ большое жалованье и, во всякомъ случаѣ, такихъ счастливицъ не бываетъ болѣе числа артистовъ-премьеровъ, получающихъ не меньшее вознагражденіе. Чѣмъ-же объяснить эту разительную разницу въ квартирной платѣ?

Ничѣмъ инымъ, какъ догадкой, что извѣстное число артистокъ умножаютъ свой скромный театральный гонораръ сторонними обильными источниками. Источники-же эти текутъ къ нимъ изъ кармановъ поклонниковъ и обожателей, или, на вульгарномъ языкѣ житейской практики, попросту — «содержателей». Путь театральной артистки всегда былъ скользкій — настолько скользкій, что не пасть на немъ и сберечь въ неприкосновенности свою добродѣтель всегда удавалось очень немногимъ. Платоническая меломанія близко граничитъ съ грубымъ сластолюбіемъ, и немного встрѣчается такихъ меломановъ, которые-бы, восхищаясь на сценѣ искусствомъ

и талантомъ молодой, красивой артистки, забывали въ ней женщину и не воспламенялись любострастіемъ... Отсюда каждая миловидная, тѣмъ болѣе даровитая артистка осаждается со всѣхъ сторонъ настойчивыми эротическими искательствами толпы поклонниковъ, чаще всего людей съ видными положеніями и располагающихъ вольной деньгой. Отъ искушеній и соблазновъ ей нѣтъ проходу, и — сколько нужно имѣть ей твердости и святости, чтобы безнаказанно и безпорочно пройти сквозь этотъ строй неистоваго куртизанства! Но, конечно, большинство артистокъ—созданія хрупкія въ этомъ отношеніи, не говоря уже о томъ, что многія изъ нихъ потому только и дорожатъ сценой, что могутъ на ней выставлять свои прелести, какъ товаръ, на охотника... Слава артистокъ въ этомъ пунктѣ,—особенно, опереточныхъ и балетныхъ,—не изъ блестящихъ, какъ извѣстно.

Въ то-же время, на рынкѣ петербургскаго любострастія обладаніе артисткой, т. е. ея «содержаніе», считается верхомъ роскоши и бонтона. Наибольшее преимущество отдается здѣсь балетной танцовщицѣ. Имѣть въ метрессахъ балерину—что̀ можетъ быть элегантнѣе и изящнѣе съ точки зрѣнія ташкентскаго вкуса и savoir vivre'a! Это—сладкая мечта для столичныхъ изысканныхъ бонвивановъ со временъ еще Репетилова, хваставшаго и, конечно, лгавшаго, что онъ «танцовщицу держалъ, да не одну — трехъ разомъ»... Балетныхъ танцовщицъ «держатъ» обыкновенно самые блестящіе олимпійцы, съ которыми простымъ смертнымъ конкурировать здѣсь мудрено.

V.

Пьянство народное.

Въ послѣднее время очень много слышалось указаній и жалобъ на русское народное пьянство, но ломентаціи эти не отличались доказательностью. Попытокъ точнаго, обоснованнаго изученія даннаго явленія въ широкомъ масштабѣ очень мало, да и достаточно

полныхъ свѣдѣній для того нѣтъ у насъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, при обсужденіи вопроса о народномъ пьянствѣ, въ виду его угрожающихъ размѣровъ, возникла мысль о необходимости статистики пьянства, такъ какъ безъ ея пособія нельзя-де составить опредѣленнаго сужденія ни о дѣйствительномъ объемѣ пьянства, ни о томъ—увеличивается-ли оно въ народѣ, или уменьшается.

Мысль высказана была вѣрная, но съ той поры для ея осуществленія ничего почти не сдѣлано. И—можетъ быть—къ лучшему, потому что статистика, при ея крайней неполнотѣ у насъ и фантастичности, въ данномъ случаѣ—мечъ обоюдоострый:—все зависитъ оттого, чьи руки и для какой цѣли стали бы её обрабатывать, ради извлеченія подходящихъ тенденціозныхъ выводовъ? Вникнувъ въ дѣло, должно признать, что пьянство и разгулъ принадлежатъ къ тѣмъ явленіямъ общественной нравственности, которыя менѣе всего доступны счету и точному изученію. Опыты въ этомъ отношеніи всегда были рискованны и вели къ совершенно невѣрнымъ заключеніямъ, которыя, однако-жъ, нерѣдко клались въ основаніе разныхъ рѣшительныхъ мѣропріятій по сокращенію народнаго пьянства, по обыкновенію, не оказывавшихъ на практикѣ ровно никакого цѣлесообразнаго дѣйствія.

Обыкновенно, мѣриломъ пьянства принимается число питейныхъ заведеній и количество потребляемаго въ странѣ вина. Мѣрило это, претендующее на статистическую достовѣрность, крайне грубо и не можетъ служить посылкой для сколько нибудь вѣрнаго и толковаго вывода. Между тѣмъ, наши «печальники горя народнаго», какъ офиціальные, такъ и вольнопрактикующіе, въ святой вѣрѣ, что стоитъ только сократить число мѣстъ питейной продажи, какъ тотчасъ же сократится и пьянство,—съ гражданскимъ пыломъ проповѣдывали и проповѣдуютъ до сихъ поръ елико возможное ограниченіе и уничтоженіе кабаковъ. Разумѣется, бытіе такого учрежденія, какъ кабакъ, не стоитъ защиты, но очень не мудро, проповѣдуя его сокращеніе, на этомъ одномъ исчерпывать весь вопросъ о пьянствѣ и о мѣрахъ уменьшенія послѣдняго. И однако-жъ, дальше и глубже мы не идемъ! Даже приснопамятное совѣщаніе «свѣдущихъ людей», много и краснорѣчиво разсуждавшихъ о народномъ пьянствѣ и объ его сокращеніи, ничего замысловатѣе и радикальнѣе по

рѣшенію этого вопроса не умудрилось придумать. Въ томъ же смыслѣ многократно и повсемѣстно принимались и практическія мѣры, выражавшіяся, напр., въ пресловутыхъ и потерявшихъ нынѣ всякій кредитъ мірскихъ приговорахъ объ упраздненіи кабаковъ и о зарокѣ не пить, въ административныхъ ограниченіяхъ числа питейныхъ заведеній въ городахъ, въ усугубленіи надзора за ними и проч.

Курьезнѣе всего то, что цифры, которыми наши «печальники» подкрѣпляютъ свою теорію народнаго отрезвленія, при толковомъ съ ними обращеніи, или говорятъ противъ основательности этой теоріи, или ровно ничего не говорятъ для яснаго представленія о вопросѣ. Такъ, достойно вниманія, что какъ разъ въ періодъ наиболѣе рьяной тревоги о чрезмѣрности народнаго пьянства, сопровождавшейся, по обыкновенію, требованіями уменьшить число кабаковъ, въ надеждѣ уменьшить мѣру выпиваемаго народомъ спирта,—въ дѣйствительности и число питейныхъ домовъ вообще, и количество потребляемаго вина не только не увеличились, но значительно упали. А именно: съ 1863 по 1867 г. всѣхъ кабаковъ въ Россіи было 149,000; въ слѣдующее затѣмъ пятилѣтіе, съ 1868 по 1872 г. (включительно) ихъ уже считалось 136,000, а съ 1872 по 1877 г., въ наибольшій разгаръ трезвенной проповѣди противъ кабаковъ, число послѣднихъ само собой чрезвычайно понизилось, дойдя до 98,000. Еще разительнѣе, въ этомъ отношеніи, цифры средняго потребленія вина въ нашемъ отечествѣ за тѣ же періоды. Оказывается, что потребленіе это за помянутое пятнадцатилѣтіе уменьшилось болѣе чѣмъ на десять процентовъ, какъ-то: съ 1863 по 1867 г. на каждаго человѣка приходилось сорокаградуснаго вина 0,84 ведра, съ 1867 по 1872 г. уже—0,76 ведра, а съ 1872 по 1877 г. потребленіе пало до 0,73 ведра. Цифры эти взяты изъ офиціальныхъ источниковъ и вполнѣ достовѣрны. Изъ ихъ обзора мы узнаемъ, между прочимъ, что за послѣднее время чрезвычайно возвысился только акцизъ за вино. Въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, каждая ревизская душа, въ среднемъ разсчетѣ, платила государству за право пользованія спиртными напитками 1 р. 80 коп., а къ 1877-мъ году налогъ этотъ возросъ до 2 р. 30 коп. съ души. Выходитъ, что народъ сталъ не пить больше, а только платить больше за питье.

Такова статистическая справка, діаметрально противоположная,

по своимъ выводамъ, воплямъ отрезвителей о чрезмѣрномъ, будто бы, умноженіи кабаковъ, способствующихъ излишнему потребленію народомъ хмѣльнаго зелья. Но, съ другой стороны, было бы очень рискованно основывать на этой справкѣ и оптимистическое заключеніе, что народное пропойство у насъ уменьшается только потому, что уменьшилось число питейныхъ домовъ и количество потребленія вина. Говоря строго, рѣшенія этого вопроса и за и противъ одинаково гадательны, потому что, повторяю, достаточныхъ данныхъ для того или другаго твердаго вывода въ наличности не имѣется. Одно только можно утвердительно сказать, что въ среднемъ разсчетѣ русскій человѣкъ, не смотря на свою историческую репутацію «питуха», на самомъ дѣлѣ пьетъ гораздо меньше, чѣмъ наиболѣе трезвые культурные европейцы. Это фактъ, вполнѣ соотвѣтствующій установленному наукой положенію, что средняя данная потребленія алкоголя, какъ кофе и чая, служитъ вѣрнымъ мѣриломъ культурнаго благосостоянія страны. Чѣмъ богаче и культурнѣе страна, тѣмъ больше выпивается въ ней вина, и это вовсе не значитъ, чтобы въ ней и пьяницъ было больше, чѣмъ гдѣ нибудь.

Сравнительная незначительность средняго потребленія у насъ вина указываетъ на бѣдность народа, и еслибы оно еще уменьшалось, какъ свидѣтельствуютъ вышеприведенныя цифры, это былъ бы очень печальный признакъ пущаго обѣдненія народа. Мы однако-жъ сомнѣваемся, чтобы это было такъ. Вѣроятно, показанное офиціальной статистикой уменьшеніе—фиктивное, и произошло отъ того, что съ чрезмѣрнымъ возвышеніемъ акциза, какъ это всегда бываетъ, сильно увеличилось потребленіе корчемнаго вина, ускользнувшаго отъ фиска. Во всякомъ случаѣ, изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній нельзя извлечь никакого достовѣрнаго заключенія о томъ— уменьшается-ли, или увеличивается въ народѣ пьянство? Этого никто не знаетъ въ точности. Знаемъ мы только всѣ, по личнымъ наблюденіямъ и по журнальнымъ свѣдѣніямъ, что пьянство у насъ несомнѣнно существуетъ, и пьянство «безумное», какъ метко назвалъ его покойный Кошелевъ, хорошо изучившій эту нашу національную слабость.

Впрочемъ, гораздо раньше Кошелева характеризовалъ такъ наше народное пьянство и проницательно опредѣлилъ его причину Юрій Крижаничъ. «Мелкіе люди,—говоритъ онъ,—чуть ли не всегда

лишены напитковъ, и оттого дѣлаются чрезмѣрно жадны на питье, безстыдны и почти бѣшены, такъ что какую ни подашь большую посуду съ виномъ, они считаютъ за заповѣдь божiю и государеву выпить ее въ одинъ духъ». Кошелевъ, въ своей статьѣ «О мѣрахъ къ сокращенiю пьянства», только дополняетъ и развиваетъ эту картину. «Нашъ народъ,—пишетъ онъ,—пилъ и пьетъ безумно, но не много, и больше всего съ горя, по потребности хотя въ винѣ обрѣсти забвенiе дѣйствительнаго своего положенiя. Въ другихъ странахъ—въ Германiи, Швецiи, Данiи, даже въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ пьютъ вина гораздо больше, чѣмъ у насъ. Между тѣмъ, тамъ рѣдко увидишь пьянаго, а у насъ, во время храмовыхъ праздниковъ, на свадьбахъ, на масляницѣ, на свѣтлой недѣлѣ и на базарахъ—пьяные валяются всюду. Слѣдовательно, не вина выпивается у насъ много, а безумно оно пьется».

Самъ народъ нашъ, съ отличающимъ его здравомыслiемъ, хорошо сознаетъ эту особенность своего питья и порицаетъ ее въ себѣ. Намъ лично не разъ случалось слышать отъ петербургскихъ простолюдиновъ сѣтованiе на этотъ счетъ.

— Пить мы не умѣемъ! — говорятъ они, разумѣя подъ умѣньемъ питье постоянное, но умѣренное, разсудительное, для подкрѣпленiя силъ, для веселья сердца.

И это на самомъ дѣлѣ такъ. Слывущiе за такихъ отчаянныхъ пьяницъ, столичные рабочiе всякихъ профессiй—въ большинствѣ пьютъ рѣдко и немного. Обыкновенно они, за рѣдкими исключенiями, въ теченiе недѣли, въ будни, вовсе не употребляютъ вина; но зато съ субботы на воскресенье, по окончанiи работъ и съ полученiемъ недѣльнаго заработка, исключенiе составляетъ такой рабочiй, который не напился бы мертвецки. Въ воскресенье пьянство продолжается, и ошалѣвшiй отъ него рабочiй не успѣваетъ отрезвиться и въ понедѣльникъ, который, поэтому, посвящается «опохмѣленiю» и именуется въ доморощенномъ календарѣ, не безъ юмора, «маленькимъ воскресеньемъ». Это—характерная сдѣлка съ совѣстью. Пьянство въ воскресный день рабочiй считаетъ дѣломъ естественнымъ и законнымъ, видитъ въ этомъ какъ бы свое право, добытое мозольнымъ трудомъ, но понедѣльничное похмѣлье лежитъ уже на его совѣсти и—вотъ, чтобы обмануть ее, онъ сочиняетъ

продолженіе праздничнаго дня подъ названіемъ «маленькаго воскресенья».

Неумѣнье пить ведетъ нерѣдко къ тому, что рабочій безпросыпно «запиваетъ» и пьянствуетъ до тѣхъ поръ, пока не спуститъ въ кабакъ все, что̀ имѣетъ, чуть не до послѣдней рубахи. Ни долгъ семьянина передъ женой и дѣтьми и никакія другія обязательства самой первостепенной важности его не сдерживаютъ. Все идетъ прахомъ въ этомъ пароксизмѣ безумія. И такова нравственная зыбкость и безхарактерность рабочаго въ большинствѣ случаевъ, что онъ самъ не знаетъ, какъ и когда приключится съ нимъ этотъ бѣшеный пароксизмъ, а если и знаетъ и сознаётъ его гибельность, то рѣшительно не имѣетъ воли обуздать себя. Какъ ребенокъ, онъ въ этихъ случаяхъ нуждается въ посторонней опекѣ и охотно ей подчиняется. Такую опеку берутъ на себя, обыкновенно матери, жоны, дѣти у рабочихъ семейныхъ. Въ Петербургѣ весьма обыденна такая картина: — въ разсчетные дни, преимущественно по субботамъ, у фабрикъ и ремесленныхъ заведеній, гдѣ нибудь у воротъ, на дворѣ или на лѣстницѣ, къ тому часу, когда рабочіе оканчиваютъ занятія и получаютъ заработокъ, собираются группы женщинъ и ребятъ, съ озабоченными, тревожными лицами, и терпѣливо, иногда на жестокомъ холодѣ, напр., зимою, топчутся на одномъ мѣстѣ нѣсколько часовъ. Это — все матери, жоны и иныя родственницы рабочихъ, согнанныя сюда страхомъ, что ихъ «кормильцы», получивъ заработокъ, неровенъ часъ — «запьютъ» и оставятъ ихъ голодать. И вотъ онѣ ихъ подстерегаютъ съ тѣмъ, чтобы отвести домой, точно выпущенныхъ изъ пансіона малолѣтковъ, и во всякомъ случаѣ отнять у нихъ заработанныя деньги или хоть часть ихъ. Происходитъ грустно-комическая сцена. Женщины бросаются на рабочихъ, тащатъ ихъ за собой и настойчиво требуютъ выдачи заработка, а если тѣ упираются или стараются утаить часть денегъ — безъ церемоніи выворачиваютъ у нихъ карманы и производятъ обыскъ. Обыкновенно рабочіе добродушно покоряются этой родственно-полицейской ферулѣ, въ сознаніи, что безъ нея имъ трудно было бы устоять противъ искушенія и не «запить», очертя голову.

О слабости простаго русскаго человѣка къ злоупотребленію спиртными напитками существуетъ два коренныхъ мнѣнія. Наро-

долюбцы объясняютъ и оправдываютъ ее «горемъ народнымъ», бѣдностью и истомой отъ тяжелаго, неблагодарнаго труда, суровой непривлядностью всей жизни; моралисты же крѣпостническаго закала приписываютъ пьянство въ народѣ его распущенности, дикости, нерадѣнію и губительной свободѣ. Оба эти мнѣнія теоретичны и тенденціозны, а потому въ большей или меньшей степени невѣрны — особенно послѣднее. Притомъ же, городское пьянство весьма существенно разнится отъ деревенскаго.

Если говорить о стимулахъ, толкающихъ человѣка къ чаркѣ, то у городскаго, въ особенности у петербургскаго простолюдина, они совсѣмъ не тѣ, что̀ у деревенскаго. Городской рабочій пьянствуетъ въ большинствѣ случаевъ вовсе не «съ горя», обусловливаемаго голодомъ, нуждой, разореніемъ, гнетомъ и т. п. Высшее, отвлеченное понятіе гражданскаго «горя», конечно, очень рѣдко имѣетъ здѣсь мѣсто, какъ не часты и такіе случаи, чтобы занятый дѣломъ рабочій, здоровый и работящій, не имѣлъ сноснаго удовлетворенія своихъ потребностей и нуждъ. Средній заработокъ петербургскаго фабричнаго, ремесленнаго и, вообще, промышленнаго рабочаго, на мѣрку крестьянскихъ потребностей, довольно высокъ. Въ столицѣ существуетъ масса интеллигентныхъ тружениковъ «либеральныхъ» и такъ называемыхъ «чистыхъ» профессій, напр., мелкихъ чиновниковъ и писцовъ, домашнихъ учителей и учительницъ, «выходныхъ» актеровъ, хористовъ и т. п., которые получаютъ за свой трудъ, въ сложности, никакъ не больше, а во многихъ случаяхъ значительно меньше того, что̀ заработываютъ мастеровые фабричные. Кто не знаетъ по нагляднымъ примѣрамъ, что столичные лакеи, кучера, кухарки и горничныя, говоря вообще, гораздо болѣе обезпечены матеріально, гораздо больше получаютъ, чѣмъ, напр., многіе дипломованные педагоги, репетиторы, учителя и гувернантки, пробавляющіеся частными уроками?

Мы думаемъ, что главной причиной пьянства городскаго промышленно-рабочаго класса служатъ крайняя его неразвитость и некультурность, для сглаживанія которыхъ у насъ такъ мало дѣлается въ просвѣтительномъ духѣ. Человѣкъ — не машина, ему нужна смѣна впечатлѣній, отдыхъ послѣ работы, развлеченіе послѣ дѣла. У людей интеллигентныхъ имѣются для этой цѣли книги, музеи, театры, танцы, музыка, общественныя собранія всякаго

рода, игры и пр. У простолюдина почти нѣтъ ничего этого, но что всего хуже—въ немъ нѣтъ еще ни потребности, ни вкуса къ этимъ вещамъ или, во всякомъ случаѣ, они въ немъ крайне ограничены, грубы и вполнѣ зачаточны. Ни книгъ онъ не читаетъ, ни на «семейно-танцовальные вечера» не ходитъ, ни театрами и музеями не развлекается,—есть ли они на свѣтѣ, нѣтъ ли, ему ни горя, ни радости. Онъ глухъ и слѣпъ для всего, чѣмъ особенно красна и отрадна европейская культура—для наслажденій сокровищами искусства и мысли, прелестями общежитія. И чтобы сдѣлать его гражданиномъ этого духовнаго міра, чтобы пробудить въ немъ человѣческую душу-живу, у насъ ничего не дѣлается, и—это еще на лучшій конецъ, потому что дѣвственная темнота несравненно лучше того бросоваго, фальшиваго «образованія», котораго набирается простолюдинъ въ столицѣ, тѣхъ грубыхъ, ядовитыхъ суррогатовъ духовно-эстетической пищи, которые ему предлагаютъ балаганный театръ, трактиръ, танцклассъ и кафе-шантанъ, рыночная литература и уличная журналистика, съ ихъ растлѣвающими перлами, въ родѣ «Разбойниковъ Чуркиныхъ» и порнографическихъ романовъ.

Хотя всѣ эти деморализующіе суррогаты получили въ послѣднее время уже значительное распространеніе въ низшемъ классѣ городскаго населенія, однако-жъ, до общедоступности и популярности классическаго кабака имъ еще далеко. Большинство столичныхъ рабочихъ коротаютъ свои досуги въ кабакахъ и трактирахъ, и въ ихъ стѣнахъ исчерпываютъ весь кругъ своихъ запросовъ по части эстетики и общежитія, если не считать аналогичныхъ заключительныхъ оргій въ трущобныхъ притонахъ разврата. Кабакъ и водка потому предпочитаются, что они дешевы и, при ихъ посредствѣ, всего проще, скорѣе и цѣлесообразнѣе достигается желанное раздражительное забытье, т. е. «пьяная дурость», по меткому старинному выраженію, въ чаду которой и заключается для грубой натуры высшее наслажденіе.

Страсть рабочаго къ алкоголю и къ излишеству въ его потребленіи объясняется въ значительной степени самимъ бытомъ ремесленниковъ и фабричныхъ, условіями ихъ труда и жизни. Нужно вѣдь сказать, что, напр., фабричный трудъ — трудъ жестокій во всѣхъ отношеніяхъ. Хуже всего, что онъ превращаетъ человѣка

въ машину и закабаляетъ его машинѣ. Потомъ, вслѣдствіе крайняго раздѣленія труда, производство фабрикантовъ не представляетъ для рабочаго никакого интереса, не возбуждаетъ въ немъ ни ума, ни воображенія, а — напротивъ — отупляетъ и убиваетъ. Отсюда—страшное, томительное однообразіе и въ трудѣ и во всемъ жизненномъ порядкѣ фабричнаго. Въ такой-то часъ онъ, по свистку фабрики, встаетъ, принимается за одно и то же постылое дѣло, не имѣющее для него ни смысла, ни пользы; по свистку ѣстъ и пьетъ, по свистку кончаетъ день, въ теченіе котораго, часовъ 12 подрядъ, онъ обязанъ былъ совершать, не покладая рукъ, какую нибудь несложную автоматическую работу... И такъ безъ перерыва—цѣлые годы, часто лучшіе годы молодости! Удивительно ли, что въ здоровомъ человѣкѣ, отбывшемъ недѣльный срокъ безъ отдыха въ роли безсмысленной машины, является жадная потребность новыхъ рѣзкихъ ощущеній и какой нибудь безотлагательной, сильной нервной встряски. Потребность такая вполнѣ естественна и—не вина рабочаго, что ему негдѣ и нечѣмъ ее удовлетворить, кромѣ кабака и одуряющаго хмѣльнаго зелья.

Да, можетъ быть, и на степени болѣе высокаго умственнаго развитія фабричный рабочій все таки отдавалъ бы предпочтеніе, передъ всякими «облагораживающими» развлеченіями,—трактиру и спиртному отравленію, благодаря именно обезчеловѣчивающему вліянію всего фабричнаго режима, ненормальность котораго давно уже сознана. Приглядѣвшись къ этому режиму и къ его деморализующему дѣйствію на рабочихъ, видя, какъ они, по окончаніи работъ на фабрикѣ, въ праздничные дни наполняютъ кабаки и трактиры, напиваются, шатаются и развратничаютъ, графъ Л. Н. Толстой, въ своей статьѣ «Жизнь въ городѣ», высказалъ на этотъ счетъ такое скорбно-правдивое замѣчаніе: «Я прежде, — говоритъ онъ, — видалъ такія шатанья фабричныхъ и гадливо сторонился отъ нихъ и чуть не упрекалъ ихъ; но съ тѣхъ поръ какъ я слышу каждый день фабричные свистки (графъ разумѣетъ символизируемую этими свистками дѣйствительность) и знаю ихъ значеніе, я удивляюсь только тому, что не всѣ они, мужчины, приходятъ въ то состояніе золоторотцевъ, которыми полна Москва, а женщины — въ положеніе «дѣвки», промышляющей уличнымъ развратомъ».

Кромѣ указаннаго вліянія фабрично-промышленнаго порядка, на городскаго и особенно столичнаго рабочаго дѣйствуютъ также сильно, развращающимъ образомъ, многочисленные соблазны—грубые и отталкивающіе на болѣе изысканный вкусъ, но неотразимо плѣнительные для неизбалованнаго удобствами и роскошью «сына природы», выросшаго въ суровой, неприглядной деревенской обстановкѣ. Послѣ курной избы, послѣ житья въ тѣснотѣ и нечисти, на чердакахъ или въ подвалахъ, послѣ томительной казенщины фабричной обстановки, трактиръ, съ его «машиной», наигрывающей веселые мотивы изъ оперетокъ, съ его дешевымъ комфортомъ и гостепріимной угодливостью, съ его настойками, «селянками» и всякими разносолами, для неприхотливаго рабочаго — своего рода эльдорадо, рай земной, тѣмъ болѣе обольстительный, что въ немъ онъ чувствуетъ себя, какъ дома, да и въ самомъ дѣлѣ ни въ какія болѣе опрятныя, болѣе благородныя увеселительныя учрежденія для простолюдина нѣтъ доступа. Выше и дальше трактира ему идти некуда для пріятнаго препровожденія времени. Въ Петербургѣ почти всѣ мѣста для собраній «чистой» публики: клубы, театры (кромѣ «райка»), увеселительные сады (напр., Лѣтній) совершенно недоступны для обывателя въ «русскомъ платьѣ», т. е. для такого обывателя, который носитъ обличье «мужика», а еслибы онъ сунулъ туда носъ, то рисковалъ бы также жестоко поплатиться, какъ поплатился однажды покойный Рѣшетниковъ, вздумавшій въ «русскомъ» простонародномъ костюмѣ проникнуть на какой-то публичный концертъ.

Нигдѣ въ Петербургѣ не сосредоточено такого множества трактировъ, кабаковъ и всякихъ другихъ гостепріимныхъ притоновъ, какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ скучивается промышленно-рабочій классъ населенія. Мы это говоримъ на основаніи статистическихъ справокъ. Такимъ образомъ, рабочій, по окончаніи трудовой недѣли, выйдя изъ фабрики или мастерской, съ заработкомъ въ карманѣ, сразу попадаетъ какъ бы въ заколдованный кругъ соблазна и искушенія. Каждая встрѣчная на пути его уличная дверь есть не дверь, а—«входъ въ заведеніе», каждое окно сверкаетъ веселыми огнями, сквозь нихъ волною несется забористый грохотъ «машины», скрипящее тиликанье гармоники, удалая пѣсня, шумъ, говоръ, смѣхъ... Словомъ, тутъ праздникъ жизни,—поло-

жимъ, фальшивый, искусственный, съ тяжелымъ похмѣльемъ,—но простой человѣкъ, измаянный, утомленный и отупѣвшій отъ фабричной каторги, не станетъ вдаваться въ анализъ и разбирать—добро или худо сдѣлаетъ онъ для себя, окунувшись въ этотъ разставленный на его пути омутъ, который съ такой гостепріимной наглостью хватаетъ его за полы изъ каждой двери, соблазнительно манитъ со стѣнъ пышно-расписанными вывѣсками, канальски мигаетъ ему изъ оконъ, сладко шепчетъ изъ каждой щели о блаженствѣ разгула и забытья?... А тутъ товарищи-собутыльники, зазнобы «душеньки» или расхожія уличныя сирены, обыкновенно во множествѣ бродящія въ такихъ мѣстностяхъ и усердно, насчетъ увлекаемыхъ ими рабочихъ, поддерживающія комерцію кабаковъ и трактировъ, нерѣдко по заранѣе слаженному уговору съ кабатчиками. Какъ тутъ устоять и не запутаться въ этой сѣти искушеній, подзадориваній и огульной взаимной поблажки всей окружающей среды?

Устоять тѣмъ труднѣе, что русскій человѣкъ вообще податливъ, слабохарактеренъ по натурѣ и плохо воспитанъ въ нравственныхъ правилахъ, а русскій простолюдинъ, кромѣ того, вслѣдствіе своей некультурности, очень терпимъ и снисходителенъ къ «пьяному образу» на людахъ и не очень стыдится его въ самомъ себѣ. Напиться «мертвецки» и въ такомъ безобразномъ состояніи выйти «гулять» на улицу, чертить по ней «мыслете» и, въ заключеніе, лечь костьми гдѣ нибудь подъ заборомъ съ тѣмъ, чтобы вытрезвиться въ «кутузкѣ» на попеченіи блюстительнаго начальства, — перспектива самая обычная и ровно ничего позорнаго въ себѣ не заключающая въ глазахъ большинства «мужичковъ». Погулялъ человѣкъ, выпилъ лишнее — что̀ за грѣхъ! У молодыхъ парней, только что начинающихъ запивать, въ этомъ заключается даже особенный «форсъ», щегольство, какъ это не разъ случалось намъ не безъ удивленія наблюдать. Бываетъ, что человѣкъ совсѣмъ ужь не въ такой мѣрѣ пьянъ, чтобы шататься и безобразничать, а между тѣмъ плететъ ногами въ растерзанномъ видѣ, оретъ не своимъ голосомъ, задѣваетъ прохожихъ, валится въ грязь, и все это для того, чтобы похвастать, какъ-де добрый молодецъ урѣзалъ хватски, «погулялъ», отличился на всю улицу... Это своего рода хлестаковщина, художественная игра въ молодецкую удаль, въ «пьяную дурость», въ фанфаронскій «куражъ». По-

вадка эта очень характеристическая и могла явиться только въ такой средѣ, гдѣ личность человѣческая вѣками принижалась и забивалась рабствомъ и произволомъ всякаго сорта.

Между тѣмъ, эти-то шатающіяся по улицамъ, въ пьяномъ образѣ, фигуры обыкновенно принимаются, на поверхностный взглядъ, за жестокихъ, закоренѣлыхъ пропойцъ и, по нимъ, по ихъ виду и числу, составляется наглядное представленіе о народномъ пьянствѣ, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. Дальше этого не идутъ наблюденія «свѣдущихъ людей». Въ дѣйствительности же, такая справка лишена всякой основательности, какъ результатъ своего рода оптическаго обмана.

Начать съ того, что среди этихъ шатающихся въ зазорномъ видѣ гулякъ очень рѣдко встрѣчается настоящій, заправскій пьянчуга. На это указываетъ уже самое ихъ состояніе — неумѣнье остановиться на роковой, съ ногъ сшибающей чаркѣ, соблюсти себя и охранить отъ позора и всѣхъ непріятныхъ послѣдствій «безчувственности» на улицѣ. Опытный, впившійся пропойца никогда не доходитъ до такихъ крайностей, до такого «безумія». Онъ постоянно пьянъ, но — «въ препорцію», онъ пьетъ очень много, но—съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой. Положительно, такіе спеціалисты составляютъ исключенье среди городскаго рабочаго населенія. Да и какой ужь изъ него рабочій, когда онъ постоянно «мокрый» и изображаетъ изъ себя какого-то ходячаго паралитика? Его никуда не пустятъ, ни на какую работу, и отовсюду станутъ гнать. Такихъ, совсѣмъ уже неисправимыхъ, потерянныхъ пьянчужекъ въ Петербургѣ много, но только не въ производящей промышленно-рабочей средѣ, а въ ея отбросѣ, комплектующемъ ряды «неблагонадежнаго» класса нищихъ, бродягъ, воришекъ и иныхъ разновидностей трущобной зоологіи. Есть ихъ немало и въ культурныхъ, болѣе или менѣе достаточныхъ слояхъ, но объ этихъ—послѣ.

Можно сказать опредѣлительно, что рабочіе и всякій иной дѣятельный промышленный людъ, въ массѣ, только по праздникамъ и пьютъ, т. е., точнѣе, «запиваютъ», потому что «пить не умѣютъ», а, дорвавшись до хмѣльнаго зелья, кончаютъ безмѣрнымъ опьяненіемъ со всѣми его безобразными послѣдствіями. Русскій простой человѣкъ, «празднику радъ» и инымъ путемъ, кромѣ бражничества и загула, христіанской радости своей проявить не угораздился,

по вышеуказаннымъ причинамъ. Оттого, чѣмъ больше и святѣе православный праздникъ, тѣмъ больше пьяныхъ на улицахъ, въ трактирахъ, на «народныхъ гуляньяхъ»,—повсюду. Въ Петербургѣ есть такіе закоулки, гдѣ въ иной, особенно радостный праздникъ трудно встрѣтить трезваго человѣка. Все пьяно и, главное, безъ стѣсненій и церемоній лѣзетъ на глаза, галдитъ, шумитъ и дебоширствуетъ, дико бравируя своей хмѣльной срамотой, отъ степени искуснаго сокрытія которой и зависитъ въ сущности разница репутаціи, въ данномъ пунктѣ, высшихъ и низшихъ классовъ.

Отъ этого же зависитъ, между прочимъ, и цифра задерживаемыхъ полиціей пьяныхъ. Цифра эта, сравнительно, очень значительная и образуютъ ее исключительно простолюдины, притомъ — не закоренѣлые пьяницы, а по преимуществу праздничные кутилы. Вотъ любопытная вѣдомость за одинадцатилѣтіе арестованныхъ полиціей пьяныхъ и «нарушителей» общественнаго порядка, который они попраютъ въ большинствѣ случаевъ, разумѣется, въ нетрезвомъ состояніи.

Годы.	Задерживалось: пьяныхъ.	нарушителей.
Въ 1867 . . .	26,646	4,199
» 1868 . . .	32,217	7,001
» 1869 . . .	34,622	5,566
» 1870 . . .	23,693	5,423
» 1871 . . .	29,085	5,991
» 1872 . . .	29,334	7,105
» 1873 . . .	33,745	6,647
» 1874 . . .	31,115	6,337
» 1875 . . .	27,566	5,793
» 1876 . . .	24,771	6,870
» 1877 . . .	24,223	5,292

Среднимъ счетомъ, въ годъ подвергалось, значитъ, аресту за пьянство около 27,000, а за пьянство, сопряженное съ буйствомъ, около 6,000,—всего же 33,000 чел. Цифра эта весьма значительна и постыдна для нравственной репутаціи столицы. Выходитъ, что за взятый промежутокъ времени ежегодно одинъ изъ 20-ти

человѣкъ общаго числа населенія лишался свободы и попадалъ въ «кутузку» за безобразное пьянство. Сколько же еще виновныхъ въ такомъ пьянствѣ избѣгало блюстительныхъ рукъ полиціи! Но вопросъ въ томъ — можно ли приведенную цифру принимать за точный указатель развитія пьянства въ Петербургѣ? Нѣкоторые моралисты въ такомъ именно смыслѣ и обращаются съ нашей статистикой пьянства, но, кажется, мы достаточно доказали здѣсь, что всѣ подобнаго рода наблюденія и цифры свидѣтельствуютъ не мѣру дѣйствительнаго пропойства и число дѣйствительныхъ пьяницъ, а лишь степень неумѣнья простолюдина пить, не напиваясь до безчувствія, и своевременно уединяться въ неприлично-пьяномъ видѣ. Такимъ образомъ, и приведенная здѣсь цифра арестуемыхъ пьяницъ поучительна лишь, какъ указатель крайней некультурности рабочей среды и грубости ея нравовъ, а отнюдь не размѣра самаго пьянства. Значительность ея объясняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что рабочій привыкъ (да ему иначе и неудобно) напиваться всенародно въ трактирахъ и кабакахъ, откуда обыкновенно, когда онъ до послѣдняго гроша пропьется и окончательно захмѣлѣетъ,— его безъ церемоніи выталкиваютъ на улицу, прямо, такъ сказать, въ объятія блюстительныхъ стражей.

Въ опредѣленіи пьянства существенное значеніе имѣютъ, какъ его спеціальныя послѣдствія, случаи нарушенія общественнаго порядка и алкоголизма, но значеніе скорѣе качественное, чѣмъ количественное. Мы видѣли, что въ Петербургѣ, по свѣдѣніямъ полиціи, за обозрѣваемый періодъ задерживалось ежегодно до 6-ти тысячъ лицъ, изобличавшихся въ нарушеніи тишины и порядка, и какъ нужно полагать—въ нетрезвомъ, большею частью, состояніи. Безъ сомнѣнія, въ дѣйствительности такихъ нарушеній происходитъ несравненно больше, такъ какъ нетрезвое состояніе, по натурѣ своей вообще, а на Руси въ особенности, сопровождается сильнымъ возбужденіемъ въ человѣкѣ грубыхъ звѣриныхъ инстинктовъ.

Русское пьянство—шумное, буйное и драчливое. Русскій человѣкъ пьетъ хотя рѣдко, но метко—такъ метко, что о немъ всегда знаетъ цѣлая улица, и чтобы сладить съ нимъ, нужны сильныя мѣры укрощенія. Обыкновенно смирный и кроткій въ трезвомъ состояніи, въ подпитіи онъ развертывается и скандалезно импонируетъ своимъ буйствомъ требованіямъ общежитія и публичнаго

благочинія, а то, случается, и оказываетъ сопротивленіе властямъ, даже ненарокомъ причиняетъ имъ «оскорбленіе»... Стихійный протестъ и горькая отрада раба, въ которомъ цѣлыми вѣками попиралось человѣческое достоинство! Поэты называли иногда это качество—русской широкой удалью... Богъ имъ судья! Криминалисты и моралисты XVII вѣка, можетъ быть, были ближе къ правдѣ, заклеймивъ это свойство русскаго хмѣля «пьяной дуростью».

Удаль эта или «дурость» очень неизобрѣтательна, но всегда необузданна и жестока въ нашемъ простолюдинѣ. Французы говорятъ, что «нѣтъ такой веселой бесѣды, которая не расходилась бы»... безъ ругани и драки—слѣдуетъ добавить въ русской редакціи этой поговорки. У насъ каждая пирушка, каждая пріятельская попойка неизбѣжно, такъ сказать, органически кончается ссорой, бранью и потасовкой, въ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ логическихъ основаній. Спросите передравшихся въ пьяномъ видѣ закадычныхъ пріятелей, когда они проспятся,—изъ-за чего это они растерзали другъ друга и изувѣчили; они отвѣтятъ наивно-добродушнымъ недоумѣніемъ: «Нечистый попуталъ», или еще лучше:—«Да это мы, любя, побаловали малость!» Дѣлу дается чаще всего такой смыслъ, и притомъ вполнѣ искренно, что—какая это была бы гулянка безъ драки, безъ дебоша, безъ «шабарши», по техническому термину кабака.

Что подпившіе добры-молодцы такимъ членовредительнымъ образомъ «балуются» между собою — это еще туда-сюда, но обыкновенно «пьяная дурость» разражается дикой, жестокой, омерзительной грозой на существахъ слабыхъ, не принимающихъ участія въ загулѣ,—на женщинахъ и дѣтяхъ. Можно утвердительно сказать, что бо́льшая часть тѣхъ семейныхъ драмъ, тѣхъ свирѣпыхъ истязаній, а не то и убійствъ, которыя такъ нерѣдки въ простонародномъ быту и дѣлаютъ такою тяжкою и ужасною судьбу русской простой бабы, — совершаются въ чаду спиртныхъ паровъ. И безъ того деспотъ у себя дома, загулявшій буянъ совершенно сатанѣетъ и, естественно, ни на комъ другомъ нѣтъ ему столько простора и искушенія «побаловать», утолить свои расходившіеся звѣриные инстинкты, какъ на рабски закрѣпощенной ему, слабой и беззащитной женѣ.

Вообще пьянство, какъ это замѣчено криминалистами, особенно

въ некультурной сферѣ, играетъ роль одного изъ существенныхъ стимуловъ дурной воли и темныхъ инстинктовъ, разнуздывающихся, подъ вліяніемъ вина, до насилій и преступленій. Прямыхъ и точныхъ статистическихъ указаній на это не имѣется, но нѣтъ недостатка въ косвенныхъ и наглядныхъ. Извѣстно—какъ мы говорили выше—что у насъ въ низшихъ классахъ пьютъ, т. е. пьянствуютъ преимущественно на праздникахъ, и чѣмъ торжественнѣе, чѣмъ продолжительнѣе праздникъ, тѣмъ безумнѣе и ужаснѣе пьянство. Впрочемъ, такой вакханальный характеръ носили народные праздники съ незапамятныхъ временъ и не у насъ однихъ, если уже библейскій Богъ, устами псалмопѣвца, сказалъ: «Праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя и кадило ваше есть мерзость предо мною!» Въ такомъ же прямомъ отношеніи къ праздникамъ находится и развитіе всяческой человѣческой «мерзости» — преступленій, насилій, нарушеній тишины и благочинія, раздоровъ, разврата и т. д., а также и физическихъ немощей, увѣчій и всякихъ, по полицейскому термину, «несчастныхъ происшествій». Въ итогѣ—чѣмъ важнѣе праздникъ Господень, тѣмъ неукротимѣе пьянство и, слѣдовательно, тѣмъ больше грѣха и всякой богомерзкой скверны совершается людьми. Это можно принять за аксіому — очень обидную, правда, для человѣческой логики и нравственности. Ее хорошо сознавали и чувствовали уже наши мудрые предки, кратко и сильно формулировавъ въ знаменитомъ «Стоглавѣ» съ такой выразительностью: «Праздньство бо и піанство всему злу начало есть и погубленіе»...

Въ Петербургѣ указанное значеніе праздниковъ — наглядное, само по себѣ, для всякаго очевидца—выражается прежде всего на числѣ арестовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1869 г. maximum ежедневныхъ арестовъ доходилъ до 1.030 чел., «бо̀льшую часть которыхъ, по словамъ полицейскаго отчета, составляли пьяные». За весь же этотъ годъ, всѣхъ пьяныхъ было задержано 34.622, что̀, въ среднемъ годичномъ разсчетѣ, составляло менѣе 100 чел. въ день, слѣдовательно, слишкомъ въ десять разъ менѣе вышеприведеннаго maximum'а арестовъ, приходившагося, безъ всякаго сомнѣнія, на праздничные дни. На основаніи сдѣланной выкладки (къ сожалѣнію, за другіе годы полицейскіе отчеты не даютъ этихъ подробностей), можно принять за приблизительную норму, что во время

большихъ праздниковъ въ Петербургѣ задерживается за пьянство 1 изъ 660 жителей ежедневно, тогда какъ въ будни всего—1 изъ 8,700 жит. Разница достаточно внушительная безъ коментарій! Вѣроятно, въ такой же пропорціи праздничное время относится къ будничному и по числу проступковъ и преступленій. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ предположить, что изъ всѣхъ побужденій въ преступленіяхъ противъ благочинія и отчасти противъ личности нетрезвое состояніе должно занимать первенствующее мѣсто. И поэтому-то на большихъ праздникахъ, когда такъ много пьяныхъ и когда пьянство доходитъ до такого изступленія, полиція едва успѣваетъ справляться со всенародными буянами, скандалистами, драчунами и прямыми преступниками. Довольно пробѣжать публикуемый въ полицейской газетѣ «дневникъ происшествій» за эти дни, постоянно изъ года въ годъ поражающій чрезмѣрнымъ обиліемъ всякаго рода безобразій, несчастій и преступныхъ дѣяній.

Очень назидательныя имѣются указанія на растлѣвающее дѣйствіе пьянства вообще и праздничнаго въ особенности, по одной деликатной сторонѣ петербургской нравственности. Статистическимъ путемъ дознано, что въ средней годичной пропорціи самый бо̀льшій процентъ внѣбрачныхъ зачатій приходится на время праздничныхъ вакханалій. «Вліяніе праздниковъ,—говорится въ трудахъ центральнаго статистическаго комитета, — такъ велико (въ данномъ отношеніи), что выдвигаетъ количествомъ незаконнорожденныхъ такіе мѣсяцы, которые для всѣхъ вообще рожденій стоятъ на самомъ заднемъ планѣ». Комитетъ разумѣетъ наши большіе, годовые праздники—Рождество Христово и Пасху. По его вычисленію, оказывается, что самый бо̀льшій процентъ внѣбрачныхъ зачатій выпадаетъ на мѣсяцы: январь (9,5), апрѣль (9,2), май (8,5), и т. д. Менѣе всего грѣхопаденій и прелюбодѣяній происходитъ въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы, когда большихъ праздниковъ не бываетъ и, слѣдовательно, не бываетъ слишкомъ большаго повальнаго пьянства.

Степень деморализующаго вліянія праздничнаго пьянства и разгула, въ данномъ отношеніи, можетъ быть обозначена еще коекакими небезъинтересными цифрами. У насъ имѣется статистика врачебно-полицейскихъ освидѣтельствованій падшихъ женщинъ (т. е. профессіональныхъ проститутокъ) за три года (1869—1871 гг.).

И здѣсь оказывается, что самая большая масса освидѣтельствованій и—въ то же время—заболѣваній «секретной» болѣзнью выпадаетъ на мѣсяцы, въ которые бываютъ большіе праздники. По среднему разсчету за трехлѣтіе, такихъ освидѣтельствованій происходило ежегодно до 125 т., и изъ этой цифры на праздничный сезонъ (съ конца декабря по апрѣль) выпадало болѣе одной трети, а равномѣрно былъ высокъ за эти мѣсяцы и процентъ заболѣваній. Отношеніе это ясно указываетъ, что во время праздничнаго разгула сильно увеличивается число падшихъ женщинъ, промышляющихъ своимъ тѣломъ, соотвѣтственно, разумѣется, оживленію спроса на этотъ «товаръ» и вообще на развратъ.

Вліяніе пьянства на заболѣваніе и на смертность опять таки всего нагляднѣе выражается у насъ на праздникахъ. Замѣчено, что ни въ какое другое время не бываетъ столько скоропостижныхъ смертей, какъ именно въ дни, посвященные праздничному ликованію. Мрутъ люди совершенно неожиданно и отнюдь не драматично въ большинствѣ случаевъ. Смерть застигаетъ ихъ на улицѣ, въ публичныхъ мѣстахъ, въ трактирѣ, въ гостяхъ, нерѣдко въ самый патетическій моментъ угощенія и возліянія. Чаще всего это—классическій «неизвѣстный мужчина» болѣе или менѣе неприличнаго вида, о которомъ жизнеописатель только и можетъ сказать:—жилъ-былъ человѣкъ, взялъ, да и умеръ... вѣчная ему память! Мрутъ скоропостижно тѣ, что̀ «смертно пьютъ», по старинному выраженію, т. е., опившіеся. Высчитано̀, что въ Россіи ежегодно до смерти опивается около 2,000 чел. или, приблизительно, 1 на 40 т. чел. Въ Петербургѣ же, въ частности, по вычисленію извѣстнаго д-ра Гюбнера, ежегодно умирало, за обозрѣваемый нами періодъ, скоропостижно отъ пьянства болѣе 170 чел. (до 140 мужчинъ и 30 женщинъ), что на 670 т. жит. составляло несравненно болѣе грозную и скандалезную пропорцію, а именно: 1 случай на 3,300 жит., приблизительно! Тотъ же изслѣдователь высчиталъ, что въ Петербургѣ бывало ежегодно 6,436 случаевъ заболѣванія отъ «отравленія спиртомъ». Въ однѣхъ столичныхъ больницахъ лѣчится ежегодно до 2,500 алкоголиковъ, изъ коихъ умираетъ 2,3%. Какъ ни велики однако приведенныя цифры смертельныхъ «опитій» и случаевъ алкоголизма въ Петербургѣ,—онѣ только указываютъ на свирѣпость пьянства періоди-

ческаго, именно праздничнаго, а не на его хроничность и тягучесть, если можно такъ выразиться. Это подтверждаетъ отчасти распредѣленіе алкоголиковъ по сезонамъ. Такъ, оказывается, что maximum ихъ приходится на весну, когда бываетъ пасха, а иногда и масляница. Подобное же отношеніе замѣчается и въ распредѣленіи внезапныхъ смертей отъ пьянства. Напр., съ марта по іюнь опивалось до 55 чел., а съ іюля по сентябрь около 35. Слѣдовало бы еще остановиться на вліяніи—весьма ощутительномъ—пьянства на статистику сумашествій и самоубійствъ, но объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить въ особомъ этюдѣ, посвященномъ спеціально данной области общественной патологіи.

Разсмотрѣли мы здѣсь посильно общую картину пьянства и, въ частности, «народное» пьянство петербургскаго плебея; въ слѣдующей главѣ мы познакомимъ читателей съ пьянствомъ культурнымъ, съ разгуломъ представителей классовъ болѣе просвѣщенныхъ, болѣе изысканныхъ.

VI.

Жертвы Вакху въ культурной средѣ.

Общеніе съ «Ивашкой Хмѣльницкимъ», по юмористическому термину его великаго поклонника и великаго человѣка — Петра, имѣетъ свою исторію на Руси, и очень любопытную, которая, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не написана. Русское пьянство пріобрѣло міровую славу съ незапамятныхъ временъ, но въ послѣднее время въ литературѣ стали его вмѣнять почти исключительно одному низшему слою нашего народа—«мужикамъ» да «мѣщанамъ». Что же касается высшаго класса общества, интеллигенціи, то обыкновенно обличители пьянства и ревнители трезвости не распространяютъ на нихъ ни своихъ краснорѣчивыхъ укоровъ и увѣщаній,

ни своихъ мудрыхъ мѣропріятій по пресѣченію злоупотребленій спиртомъ. Когда заходитъ рѣчь о порокѣ пьянства, то безъ оговорокъ и поясненій подразумѣвается одно народное, «мужицкое» пьянство; когда изливаются ручьи гражданской скорби на кабакъ, то въ воображеніи и Цицероновъ и ихъ аудиторіи рисуется одна лишь классическая грязная трущоба, украшенная казенной вывѣской или елкой, и никому не приходитъ въ голову обобщить съ этимъ заведеніемъ аристократическіе роскошные рестораны, клубскія «благородныя собранія» и иные гостепріимные пріюты для просвѣщенной публики.

Изъ этого можно бы заключить, что наши культурные классы, наша интеллигенція, безупречны въ данномъ пунктѣ нравственности. Но такъ ли это?—Безъ сомнѣнія, нѣтъ! Можно только сказать, что въ послѣднее время въ правилахъ исповѣдуемаго русскимъ обществомъ кодекса поведенія — быть въ подпитіи допускается сколько угодно, но казаться пьянымъ — верхъ неприличія, признакъ дурнаго тона и неблаговоспитанности. И современный, такъ называемый, «порядочный человѣкъ» очень, въ этомъ отношеніи, сдержанъ и акуратенъ, хотя это не всегда еще значитъ, чтобы онъ и на самомъ дѣлѣ отличался трезвостью. Относительно, это уже не малый шагъ впередъ по пути облагороженія нравовъ, тѣмъ болѣе ощутительный, что еще очень недавно пьянство и разгулъ составляли одно изъ главныхъ времяпровожденій людей культурныхъ, были очень популярны и терпимы въ обществѣ, и пользовались даже нѣкоторымъ покровительствомъ со стороны блюстителей. Пьянство не только не считалось порокомъ, но въ немъ видѣли какую-то художественную удаль благородной «широкой натуры», избыточествующей «силами мощными души», которыхъ некуда дѣвать; имъ рисовались и хвастались; оно воспѣвалось въ стихахъ и — не какими нибудь непризнанными Беранжерами рыночной литературы, а первоклассными поэтами. Пьянство имѣетъ у насъ блестящую литературу; изъ всего того, что̀ было писано въ похвалу ему, въ честь Вакха и для поэтическаго изображенія его непринужденнаго веселаго культа, можно бы составить цѣлую библіотеку. У насъ были поэты, и очень талантливые (напр. Давыдовъ), которые почти исключительно посвящали свои лиры удовольствіямъ выпивки, служили призваннымы

спеціальными пѣвцами «рома и арака», а то и роднаго «сиволдая», которому даже изысканный князь Вяземскій съ несравненнымъ патріотическимъ чувствомъ пѣлъ славу:

А нашъ пѣнникъ, нашъ кормилецъ,
Сердце любо веселитъ!...

Воспѣвались разные напитки, превозносилось самое питье и «вѣра въ вино», въ его «божественную» силу.

Счастливъ, кто вѣруетъ въ вино
Сердечно, слѣпо и надёжно,
Какъ утѣшительно, какъ нѣжно,
Какъ упоительно оно!
Что̀ краше, слаще наслажденья,
Когда играетъ голова?—

восторгался съ непостижимымъ паѳосомъ Языковъ, одинъ изъ вдохновеннѣйшихъ лириковъ бокала и «хмѣльныхъ собраній» — тѣхъ собраній, которыя такъ любилъ и съ такимъ удивительнымъ мастерствомъ опоэтизировалъ Пушкинъ:

Я люблю вечерній пиръ,
Гдѣ веселье предсѣдатель,
А свобода, мой кумиръ,
За столомъ законодатель.
Гдѣ до утра слово «пей»
Заглушаетъ крики пѣсенъ,
Гдѣ просторенъ кругъ друзей,
А кружокъ бутылокъ тѣсенъ.

Это называлось жить полной грудью, широко, весело, и — въ этомъ вкусѣ рисовались желанныя перспективы вольной, счастливой жизни.

Оставимъ мудрость мудрецамъ,
На что чиниться съ жизнью намъ,
Когда шутить мы можемъ съ нею,—

въ видѣ общаго практическаго правила, проповѣдывалъ Баратынскій, товарищъ Пушкина по перу и призванію, а также и по засѣданію въ хмѣльныхъ собраніяхъ.

Мы вольно учимся и пьемъ, —

похваляется Языковъ изъ Дерпта, гдѣ онъ шесть лѣтъ пробылъ въ университетѣ, ничему не учась, и кончилъ тѣмъ, что «разгулъ сдѣлался его потребностью». Языковъ въ этомъ отношеніи далеко не составлялъ исключенія среди тогдашней учащейся молодежи, которая вообще «вольно училась и пила», и несравненно усерднѣе

пила, чѣмъ училась. Студенческій разгулъ былъ самый необузданный, и съ нимъ могъ соперничать развѣ только офицерскій, по размѣру питья, по шумному буйству и дикимъ шалостямъ «хмѣльныхъ собраній». Этимъ кичились, и на этой аренѣ дѣйствительно происходило ревнивое соперничество сословій, профессій и «родовъ оружія». Пьянство было возведено въ своеобразный благородный спортъ, на основаніи котораго составлялись репутаціи, и, какъ извѣстно, имена наиболѣе славныхъ героическихъ питуховъ перешли въ потомство. Можно бы образовать цѣлый пантеонъ знаменитыхъ россійскихъ пьяницъ.

Не было такихъ занятій, положеній и родовъ жизни, которые исключали бы умѣстность питья «до положенія ризъ». Пушкинъ даже «жизнь анахорета», т. е. отшельника, ушедшаго изъ міра и отъ его соблазновъ, ухитрился истолковать въ такомъ шутливо-вакханальномъ жанрѣ:

Чудо—жизнь Анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы;
Мы же—то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Баратынскій, воспѣвая свои попойки съ друзьями, гдѣ первое мѣсто отводилось «звѣздящейся влагѣ Аи», говоритъ, что они — «въ ней заботы потопляли средь восторженныхъ затѣй». Болѣе прозаическій реалистъ Измайловъ, имѣвшій привычку «ходить съ музою въ трактиръ», по замѣчанію Воейкова, находилъ жизнь скучною и совѣтовалъ отъ скуки:

Взять книгу въ руки
Иль табакъ курить,
А лучше всего пить.

Безвременно погибшій Полежаевъ, отдавая дань излишествамъ по отвѣдыванію «звѣздящейся влаги», понималъ эту забаву нѣсколько иначе. Онъ думалъ, что въ этой влагѣ потоплялись не заботы, не скука, а силы, которымъ не было «воли», —

Какъ въ широкомъ, чистомъ полѣ,
Пышнымъ цвѣтомъ расцвѣсти.

Мы, впрочемъ, не имѣемъ намѣренія предлагать здѣсь исторію питейной словесности, а желали только указать на происшедшую

коренную перемѣну въ литературныхъ и общественныхъ воззрѣніяхъ на данный сюжетъ. Теперь уже ни одному, самому неукротимому анакреонтическому лирику не придетъ въ голову воспѣвать съ такой наивной искренностью вино и его радости, да онъ и не нашелъ бы читателей или былъ бы всѣми осмѣянъ. Теперь ни одной развеселой компаніи гулякъ не взбредетъ на мысль гласно учреждать правильно организованное «общество мочемордія», какое процвѣтало у насъ на югѣ среди помѣщиковъ въ 50-хъ годахъ и сдѣлалось исторически-достопамятнымъ. Художественный культъ пьянства и его поэзія окончательно исчезли, и если не исчезли сами поклонники Вакха, то уже не выставляются со своими жертвоприношеніями, не бравируютъ пьяной удалью и разгуломъ, а подвизаются больше келейно, застѣнчиво, при закрытыхъ дверяхъ.

Нельзя не упомянуть однако, что между вышеуказаннымъ періодомъ эпическаго, такъ сказать, пьянства и современной намъ трезвенностью, хотя бы только въ принципѣ, былъ очень характеристическій промежутокъ пьянства свирѣпаго, циническаго и безшабашнаго во имя «гражданской скорби». Это пьянство, исповѣдывавшееся главнымъ образомъ среди пишущей братіи и интеллигентной молодежи, вспыхнуло во второй половинѣ 50-хъ годовъ и сопровождало медовые дни россійскаго прогресса, — стремительнаго съ первыхъ своихъ ребяческихъ прыжковъ, всеобъемлющаго и самоувѣреннаго, но также быстро растерявшагося и окислившагося въ разочарованіи и дешевой фразистой скорби. Унаслѣдованная отъ предшествовавшихъ поколѣній слабость къ хмѣльному зелью въ эти дни стала маскироваться гримасой горделиваго протеста. Пили какъ-бы на зло и существующему порядку вещей, тормозящему прогрессъ, и обществу, погрязшему въ апатіи и порокахъ; пили отъ міровой тоски и разъѣдающаго скептицизма, пили изъ демократизма и отъ стремленія уйти въ народъ или, точнѣе сказать, утонуть вмѣстѣ съ нимъ въ сивухѣ; пили наконецъ потому, что «среда заѣла», по одному изъ тогдашнихъ любимыхъ словечекъ. Пьянство—нужно сказать—было принципіальное и энциклопедическое, и въ самомъ дѣлѣ сходило въ глазахъ многихъ за какое-то подвижничество, за героическое выраженіе протестующаго «направленія» и самоотверженной агоніи сознательно спивающихся на смерть благородныхъ, глубоко чувствующихъ даровитыхъ силъ,

которымъ нѣтъ ни простора, ни почвы для творческой дѣятельности... Очень ужъ наивныя были времена!

Дѣйствительно, многіе талантливые люди пропили тогда свои дарованія, свои силы и самую жизнь или, какъ сказалъ поэтъ, «не расцвѣвъ, отцвѣли въ утрѣ пасмурныхъ дней», но еще большее число принципіальныхъ съ виду гулякъ, съ теченіемъ времени, когда напущенный ими на себя яркій тонъ гражданской скорби повылинялъ, очень скоро вытрезвились и превратились въ исправныхъ, усердныхъ карьеристовъ-дѣльцовъ. Только немногіе слабохарактерныя и беззаботныя, но съ крѣпкими желудками, «жертвы заѣдающей среды» пріобрѣли такую основательную привычку къ загулу и спирту, что чуть не до нашихъ дней остались неисправимыми пьяницами, даже едва не составили себѣ этимъ всероссійскую славу, часто затмѣвающую ихъ славу литературную, но ужъ этихъ послѣднихъ могиканъ пьянства «съ направленіемъ» никто нынче не считаетъ мучениками идеи, вдохновляемыми, якобы, къ опоражниванію стакановъ «музою мести и печали».

Безспорно, впрочемъ, что въ нашей общественной жизни было и есть немало такихъ тяжелыхъ гнетущихъ условій, которыя, при изслѣдованіи интеллигентнаго пьянства, должны быть приняты, какъ смягчающія вину обстоятельства. Люди впечатлительные изъ образованнаго класса, воспитавшись въ извѣстныхъ идеалахъ и принципахъ теоретическаго свойства, при столкновеніи съ родной дѣйствительностью, не могутъ не почувствовать съ болью, какъ далека она отъ предъявляемыхъ ей требованій высшаго порядка, какъ малочисленны и малосильны они сами, мечтатели-идеалисты, для того чтобы перепначить ее по своему! Возникаетъ естественное недовольство и собой и окружающей дѣйствительностью, опускаются руки, душу охватываетъ отчаяніе, изъ котораго бываютъ разные болѣе или менѣе драматическіе исходы — у русскихъ же людей всего чаще загулъ, переходящій нерѣдко въ систематическій запой.

Потомъ, нужно-же сознаться, что, при крайней разрозненности у насъ общества и весьма слабомъ развитіи общественной жизни, людямъ интеллигентнымъ, съ дѣятельными и энергическими натурами, съ несовсѣмъ пошлыми на этотъ счетъ требованіями и со вкусомъ, часто дѣйствительно некуда дѣваться, негдѣ, какъ го-

ворится, отвести душу отъ вялой безцвѣтной прозы нашихъ дѣлъ и занятій, нашихъ мелочныхъ взаимныхъ отношеній и всяческихъ дрязгъ. Наши общественныя развлеченія и увеселенія рутинны по содержанію, малоинтересны и служатъ какъ бы для того только, чтобы скучающая публика имѣла возможность коллективно дѣлить свою скуку и въ томъ находить нѣкоторую отраду, такъ какъ «на людяхъ и смерть красна» — кольми паче скука. Того, что̀ французы называютъ «салономъ», какъ средоточіе образованныхъ людей извѣстной среды, извѣстныхъ партій и профессій, для живаго обмѣна политическихъ, ученыхъ и художественно-литературныхъ интересовъ въ непринужденной, веселой бесѣдѣ, скрашенной чарующимъ участіемъ изящныхъ, интеллигентныхъ женщинъ, у насъ нѣтъ почти и въ зародышѣ, а если и является что нибудь въ этомъ родѣ, то какъ вымученное искусственное подражаніе, разрѣшающееся жалкой каррикатурой. Говоря вообще, плохо мы воспитаны и довольно равнодушны къ высшимъ гуманитарнымъ интересамъ, чтобы умѣть составлять такія аттическія собесѣдованія. Въ сферѣ идей и высшихъ вопросовъ науки, искусства и политики мы, большею частью, только диллетанствуемъ, увлекаемся ими поверхностно и то—порывами, пароксизмами. На модныя идеи и преходящіе духовные интересы у насъ такой же бываетъ запой, какъ и на вино. Горячая минута увлеченія проходитъ, желанные и, казалось, вотъ-вотъ имѣвшіе осуществиться по щучьему велѣнью, по нашему хотѣнью, *славны бубны*, какъ были за горами, такъ тамъ и остались. Разочарованіе, апатія и лѣнь вступаютъ въ свои права и гонятъ нашихъ Чайльдъ-Гарольдовъ въ «хмѣльныя собранія», за карточные столы, въ кафе-шантаны и иные притоны болѣе или менѣе художественнаго разврата.

Обозрѣваемый сюжетъ вообще мало изслѣдованъ и трудно подчиняется точному изученію, но на основаніи нѣкоторыхъ наблюденій слѣдуетъ предположить, что та или другая степень распространенности пьянства и самыя его формы находятся въ тѣсной зависимости отъ различныхъ благопріятныхъ или несчастливыхъ измѣненій въ условіяхъ, складѣ и темпераментѣ общественной жизни. Есть времена по преимуществу пьяныя и — наоборотъ — бываютъ времена, отличающіяся господствомъ трезвости. Вѣроятно, первыя совпадаютъ съ эпохами общественнаго застоя и умственной косно-

сти, тогда какъ вторымъ должны соотвѣтствовать періоды оживленія общественныхъ силъ и — отсюда—естественнаго, безъ помощи наркотиковъ, возбужденія нервной системы въ дѣятельной массѣ современниковъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ это по теоріи. Духовная организація человѣка нуждается въ періодическихъ возбужденіяхъ, въ повышеніи, такъ сказать, интеллектуальнаго пульса, и такія минуты обыкновенно наиболѣе жизненны, наиболѣе патетичны. Если же это такъ, если, затѣмъ, наступаетъ такая вялая сѣренькая пора общей апатіи, «умѣренности и аккуратности», что люди бродятъ, какъ сонныя мухи, то натурально наиболѣе энергичные изъ нихъ станутъ искать искусственной эмоціи для своихъ нервовъ тѣмъ или инымъ способомъ. Самый же вѣрный, самый пластическій и наиболѣе пріятный для этого способъ — пьянство, которое, къ тому же, нигдѣ и никогда не заподозривалось въ революціонерствѣ.

Говоря о пьянствѣ культурномъ, необходимо различать однако сословія и профессіи. Существуетъ довольно примѣтное различіе въ поводахъ къ злоупотребленію виномъ и въ самой манерѣ питья между разными общественными слоями. Купецъ пьянствуетъ, напр., совсѣмъ не такъ, какъ чиновникъ, а сей послѣдній, въ свою очередь, существенно разнится въ этомъ пунктѣ отъ артиста, и т. д. Потомъ, существуютъ различные виды пьянства въ отношеніи физіологическомъ. Не всякій кутила—пьяница и не всякій пьяница—кутила. Кутятъ иногда люди воздержные на вино въ обыденной жизни. Пьянство затяжное, методическое встрѣчается среди людей привилегированныхъ классовъ чаще, чѣмъ можно было бы предполагать, но такіе пропойцы — обыкновенно превосходные актеры и мастерски умѣютъ скрывать свою слабость. Особенно искусны въ этой игрѣ люди служилые, напр., чиновники, воспитанные въ субординаціи и обязанные въ извѣстное время быть въ своихъ присутственныхъ мѣстахъ и выполнять, хотя бы для прилику, нехитрый ритуалъ служебной ревности. Сильно и подолгу запиваютъ также купцы отъ праздной, бездѣльной и до отвалу сытой жизни, но ужъ эти своего «ндрава» не стѣсняютъ.

Вообще, слѣдуетъ различать два коренныхъ вида злоупотребленія спиртными напитками: одинъ, какъ увлеченіе, какъ шалость темперамента и часто какъ результатъ слабохарактерности и без-

порядочности; другой—какъ органическій порокъ и, въ нерѣдкихъ случаяхъ, прямо какъ болѣзнь психіатрическаго порядка. Здѣсь, конечно, не мѣсто вдаваться въ паталогическій анализъ пьянства, но необходимо помнить его существенныя, съ этой точки зрѣнія, категоріи. Это различіе часто забывается и, при господствующемъ въ нашемъ обществѣ легкомъ, снисходительномъ взглядѣ на пьянство, нерѣдки случаи, что форменные закоренѣлые алкоголисты, положительно нуждающіеся въ опекѣ и въ систематическомъ лѣченіи, люди съ помраченнымъ разсудкомъ и парализованной волею, остаются по цѣлымъ годамъ на своихъ, иногда очень видныхъ, отвѣтственныхъ служебныхъ мѣстахъ и полными хозяевами судьбы своей и своихъ семействъ. Изъ-за этого происходятъ иногда вопіющія послѣдствія, гибельныя и для самихъ больныхъ, предоставленныхъ собственному произволу, и для зависящихъ отъ нихъ личностей и интересовъ.

Русское національное правило: «пей, да дѣло разумѣй!»—понимается и толкуется въ нерѣдкихъ случаяхъ очень поверхностно и растяжимо. Если человѣкъ держится на ногахъ, въ положенный срокъ исполняетъ механику своей службы или инаго занятія, соблюдаетъ внѣшній чинъ своего общественнаго и семейнаго положенія, не выходитъ вообще изъ границъ наружной добропорядочности, обусловленной требованіями полицейскаго благочинія и свѣтскаго приличія, то, хотя бы въ его бытіи не оставалось ни одной минуты трезваго состоянія, — никто и ни откуда не возбудитъ вопроса о степени правоспособности пропойцы, о существѣ его «разумѣнія» — достаточно ли оно ясно и толково, — и даже объ его здоровьѣ. Всѣ станутъ заочно говорить, что онъ пьетъ, пьетъ «мертвую», станутъ судачить, жалѣть или осмѣивать, но коль скоро человѣкъ пьетъ не на людяхъ, келейно, прилично, и умѣетъ дѣлать себѣ во-время «туалетъ трезвости», никого, впрочемъ, имъ не обманывая, губить себя и другихъ, разоряться, портить вѣдаемое имъ, будь даже важное общественное дѣло, — препятствій почти не встрѣтится. Бываетъ часто, что даже явно обезумѣвшіе алкоголисты, совершающіе и у себя дома, и въ публикѣ, и на поприщѣ своей общественной дѣятельности пьяныя нелѣпости, безобразія и насилія, пользуются снисходительной со всѣхъ сторонъ терпимостью въ обладаніи своей властью, своими правами

и преимуществами, иногда очень широкими. Недавно былъ скандалезный случай, что одно начальственное лицо, да еще въ наиболѣе дисциплинированной и отвѣтственной сферѣ, цѣлые полгода оставалось на своемъ посту по управленію довольно важной и значительной частью, находясь явно въ бѣлогорячечномъ состояніи... Цѣлые полгода окружающіе этого несчастнаго — одни стѣснялись, другіе не смѣли изобличить его нравственное и умственное разстройство, чтобы устранить отъ дѣла, которое онъ могъ перевернуть вверхъ ногами, — и подвергнуть лѣченію! Обыкновенно чѣмъ выше по положенію алкоголистъ, чѣмъ шире его власть, средства и всякія прерогативы, а слѣдственно и гражданская отвѣтственность, —тѣмъ безпрепятственнѣе онъ можетъ изводить себя, отравляться, портить жизнь себѣ и другимъ, и причинять всяческій вредъ тому общественному дѣлу, которое онъ обязанъ «разумѣть». Странное противорѣчіе, вытекающее изъ того, что алкоголизмъ у насъ еще очень рѣдко разсматривается, какъ одна изъ наиболѣе острыхъ формъ психическаго разстройства, какъ болѣзнь и какъ несомнѣнный видъ самоубійства!

Само законодательство наше, кратко и рѣшительно воспрещающее пьянство «всѣмъ и каждому» и предписывающее цѣлый сводъ полицейско-карательныхъ и исправительныхъ мѣропріятій противъ пьяницъ, предусматриваетъ въ немъ лишь нравственный порокъ, происходящій отъ правоспособной дурной воли, но почти совершенно упускаетъ изъ виду указанную здѣсь форму злоупотребленія спиртомъ, которая есть чистая болѣзнь и вызываетъ необходимость воздѣйствія органовъ «общественнаго призрѣнія». Это произошло оттого, что такая классификація пьянства констатирована и утверждена психіатріей сравнительно недавно, да и въ настоящее время еще неокончательно формулирована. Во многихъ случаяхъ очень трудно опредѣлить, гдѣ въ томъ или другомъ запивающемъ индивидуумѣ кончается обыкновенный преднамѣренный кутила и начинается не поддающійся моральному и полицейскому исправленію алкоголистъ-больной? Отсюда, пожалуй, въ высшей степени щекотливо и затруднительно было-бы слишкомъ попечительное и ревностное примѣненіе человѣколюбиваго «общественнаго призрѣнія» къ каждому обывателю, заподозрѣнному въ недугѣ алкоголизма. У насъ и безъ того съ избыткомъ довольно всяческой опеки надъ

личностью. Правда, наши врачебно-полицейскіе органы изымаютъ и лѣчатъ ежегодно нѣсколько тысячъ алкоголистовъ, но исключительно почти изъ среды сермяжнаго люда и городскаго плебса, съ которыми у насъ вообще мало церемонятся.

Тѣмъ не менѣе многочисленные, всѣмъ извѣстные факты изъ повседневной жизни указываютъ на то, что пьянство, какъ болѣзнь или какъ порокъ, имѣетъ во всѣхъ слояхъ общества значительное распространеніе и причиняетъ пропасть вреда въ экономіи современнаго соціальнаго строя. Вы часто слышите, напр., что жилъ-былъ такой-то артистъ, писатель, ученый, общественный дѣятель, даровитый, много обѣщавшій, но не сдѣлалъ ничего или сдѣлалъ очень мало, потому что «спился», опустился, сошелъ съ ума, умеръ въ расцвѣтѣ лѣтъ... Сколько такихъ, и кто ихъ не знаетъ?! Слышите про блестящихъ представителей аристократіи, ставшихъ закоренѣлыми пьянчугами, пропившими и размотавшими свою карьеру, положеніе, состояніе, а—случается—и всякій стыдъ, всякое чувство собственнаго достоинства. Еще больше слышите вы скандалезныхъ сказаній про именитое купечество, про свирѣпые загулы, сопровождаемые проявленіями самодурства, степенныхъ Титовъ-Титычей и про безобразныя, скандалезныя оргіи ихъ сынковъ, такихъ смиренныхъ и постныхъ на глазахъ у «тятенекъ». Нѣтъ такого сословія, нѣтъ такой среды, которыя были бы вполнѣ безупречны въ этомъ пунктѣ и не выдѣляли бы изъ себя болѣе или менѣе значительнаго числа индивидуумовъ, предающихся необузданному пьянству.

Извѣстны случаи, и весьма нерѣдкіе, что люди культурные, изъ порядочнаго общества, спиваются до потери «нити жизни», какъ говоритъ Островскій, ниспускаются до кабацкаго бражничества, до плачевнѣйшаго паденія, и перестаютъ даже стыдиться его, стараться выйти изъ захлебнувшаго ихъ омута. Разъ, при облавѣ на ночлежниковъ въ Вяземской трущобѣ, въ числѣ бродячихъ подонковъ столичнаго плебса былъ уловленъ пьяный, грязный оборвышъ, который, по справкѣ, оказался магистромъ университета, человѣкомъ съ научнымъ образованіемъ, готовившимся вступить на каѳедру и, вслѣдствіе своей губительной страсти, кончившимъ свою карьеру въ трущобныхъ кабакахъ. Намъ лично извѣстенъ другой несчастливецъ, тоже человѣкъ съ большимъ образованіемъ и уни-

верситетскимъ дипломомъ, превосходно знающій нѣсколько языковъ, человѣкъ неглупый и порядочный, который нигдѣ и ни къ чему не можетъ пристроиться изъ-за своихъ неукротимыхъ «запоевъ». Этимъ запоямъ онъ предается время отъ времени по нѣскольку мѣсяцевъ подъ рядъ, и каждый разъ компрометируетъ себя, теряетъ мѣсто и заработокъ, пропивается чуть не до гола, прячась отъ знакомыхъ и таскаясь по самымъ неряшливымъ притонамъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ можно было видѣть въ танцклассахъ и на подмосткахъ самаго низкаго сорта кафе-шантановъ породистаго молодаго князя, прямаго Рюриковича, въ амплуа наемнаго кривляки-канканера, подвизавшагося изъ-за «разовыхъ» въ нѣсколько гривенъ, которыя онъ тутъ же и пропивалъ въ компаніи трактирныхъ забулдыгъ. Другой, не столь «захудалый» князь, тоже съ громкой фамиліей, отставной полковникъ гвардіи, дошелъ до такого непотребства въ поведеніи, что родные вынуждены были приставить къ нему особыхъ дядекъ, которые всюду его сопровождали, воздерживали отъ лишнихъ рюмокъ, унимали, когда онъ начиналъ куралесить, а когда окончательно пьянѣлъ—бережно подбирали его тѣло и увозили. Этотъ сіятельный пропойца былъ хорошо извѣстенъ въ нѣкоторыхъ увеселительныхъ заведеніяхъ дурнаго тона, гдѣ всего охотнѣе водилъ компанію съ акробатами, цыганами, наѣздницами цирка и т. под. артистами. Особенно часты и скандалезны примѣры такого глубокаго паденія и разоренія въ средѣ купечества. Не очень давно по гостинному двору въ извѣстные дни бродилъ за милостынею, выклянчивая ее у знакомыхъ лавочниковъ, нестарый еще, но изможденный, поношенный субъектъ, въ нищенскихъ лохмотьяхъ. Онъ рекомендовался «потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ», каковымъ былъ на самомъ дѣлѣ, и разсказывалъ очень охотно о своемъ прежнемъ богатствѣ, о торговыхъ обширныхъ оборотахъ, со вздохомъ жалуясь на несчастіе и на людскую злобу, изъ-за которыхъ-де все потерялъ и впалъ въ оскудѣніе... Его обрюзглая физіономія, трясущіяся руки и запахъ вина—симптомы застарѣлаго алкоголизма—говорили гораздо краснорѣчивѣе слезливыхъ розсказней о дѣйствительной причинѣ паденія «потомственнаго почетнаго гражданина».

А вотъ одинъ молодой, симпатичной наружности, сынъ статскаго совѣтника, получившій дворянское воспитаніе и принадле-

жавшій къ порядочному обществу, умудрился однажды пропить самого себя, то есть, буквально пропить, такимъ, вотъ, неправдоподобнымъ образомъ. Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ изъ родительскаго дома,—гдѣ его содержали въ благочестіи и строгой субординаціи,—составлять себѣ карьеру, и остановился у родной сестры, бывшей замужемъ, женщины достаточной и порядочной Какъ-то, въ одно прекрасное утро, молодой человѣкъ вышелъ погулять, полюбоваться столицей, и пропалъ безъ вѣсти. Пропадалъ онъ, къ великому горю сестры, цѣлую недѣлю, и когда возвратился наконецъ, приведенный какою-то подозрительною личностью, почтенная дама едва могла узнать его. Ушелъ онъ отъ нея приличнымъ, благообразнымъ юношей въ дорогой ильковой шубѣ, въ новомъ, съ иголочки, сюртукѣ—словомъ, щеголемъ во всѣхъ статьяхъ, а вернулся въ грязныхъ лохмотьяхъ, истомленный, растерзанный и съ явными признаками долгаго безпросыпнаго пьянства. Разсказалъ онъ о своихъ похожденіяхъ почти баснословную исторію, которая однако же оказалась потомъ на судѣ вполнѣ достовѣрной.

Молодой человѣкъ, наклонный къ выпивкѣ и, вѣроятно, подъ ея вліяніемъ, сошелся въ Пассажѣ съ какимъ-то незнакомцемъ, который увелъ его въ ресторанъ, гдѣ они играли на бильярдѣ и пили. Денегъ у юноши при себѣ было немного, и онъ скоро ихъ спустилъ, а между тѣмъ хмѣль вошелъ въ свои права и требовалъ новыхъ жертвоприношеній. Обязательный незнакомецъ пріятельски предложилъ помочь. Онъ предложилъ помѣняться верхнимъ платьемъ, съ тѣмъ, что онъ дастъ отъ себя прибавку. Опьянѣвшій молодой человѣкъ согласился: незнакомецъ снялъ съ него дорогую шубу, напялилъ свое плохое ватное пальто, далъ рубль прибавки и, не ожидая, когда жертва грабежа опомнится, скрылся. Съ помутившеюся головою и плохо зная городъ, юноша сталъ безъ цѣли бродить по улицамъ, очутился на Сѣнной площади и попалъ въ новую передѣлку къ другимъ обязательнымъ незнакомцамъ. Попалъ онъ на этотъ разъ въ трущобу, въ компанію отчаянныхъ проходимцевъ. Компанія начала его угощать и сама угощаться на его счетъ. Шло непробудное пьянство дешевой сивухой въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока вся до нитки одежда молодаго человѣка, замѣненная грязной ветошью, не была пропита. Все это время онъ не разлучался со своими случайными пріятелями, ходилъ съ ними

по кабакамъ и трактирамъ, а, опьянѣвъ, отдыхалъ въ ихъ квартирѣ. Очевидно, юноша принадлежалъ къ категоріи тѣхъ пьяницъ, которые, съ перваго же охмѣленія, теряютъ и волю и разсудокъ до полнаго самозабвенія. Онъ не только потерялъ сознаніе, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается, не только не пытался отрезвиться, опомниться и выбраться изъ поглотившей его клоаки, но дошелъ наконецъ до такого отупѣнія и безразсудства, что позволилъ вести себя продавать... продавать въ рекруты! Эта остроумная идея возникла въ средѣ компаніи, когда молодой человѣкъ былъ уже окончательно ею обобранъ и она убѣдилась, что съ нимъ, пока онъ не вытрезвится, можно дѣлать что угодно. Сначала юноша упирался, но потомъ, въ желаніи добыть денегъ на продолженіе пьянства, согласился на продажу себя въ солдаты. И вотъ началась очень странная, возмутительная интермедія, удостовѣрившая существованіе въ столицѣ открытой, правильно-организованной торговли людьми, какъ «товаромъ», со всѣми рыночными пріемами барышнической мѣны. Оказалась цѣлая стая спеціально промышляющихъ этимъ товаромъ гуртовщиковъ, перекупщиковъ, барышниковъ, коммисіонеровъ и пр. Обнаружилось существованіе особой биржи или, точнѣе сказать, «скотопригонной площадки», на которой, въ роли продажнаго скота и путемъ совершенно скотопромышленнаго торга, приводилась, оцѣнивалась, сбывалась, перекупалась съ рукъ на руки, оптомъ и въ раздробь, всякаго сорта забулдыжная молодежь. Къ вящему скандалу, эта «скотопригонная площадка» имѣла мѣсто у стѣнъ казенной палаты, прямо передъ ея дверями, на улицѣ, и вся ея безобразная торговля, напоминающая блаженной памяти американскіе рабовладѣльческіе рынки, происходила открыто, среди бѣлаго дня, безъ всякихъ масокъ и церемоній, на глазахъ у всего города. Дѣло происходило въ концѣ 60-хъ гг., до введенія общей воинской повинности, вѣроятно, упразднившей этотъ безобразный торгъ.

На эту-то ярмарку компанія и привела спившагося съ круга молодаго человѣка и стала его формально продавать. Какъ разъ въ это время производился рекрутскій наборъ. Тотчасъ же явились покупатели-барышники, торгующіе рекрутами. Не справляясь даже о томъ, кто онъ такой и согласенъ ли продаться, одинъ за однимъ начали осматривать его по всѣмъ статьямъ—годенъ ли, таскать по трактирамъ, прицѣниваться и торговаться съ продав-

цами. Одни браковали, другіе находили годнымъ, столковывались и давали даже задатки.

— Они страстно хотѣли продать меня,—показалъ потомъ молодой человѣкъ въ судѣ на своихъ трущобныхъ пріятелей: — водили меня по всѣмъ вертепамъ, сбивали называться кантонистомъ, напаивали меня до пьяна, чтобы пьянаго спустить, добыли даже гдѣ-то паспортъ, сводили съ барышниками, и еслибы я не казался слишкомъ молодымъ, да хоть немножко оплошалъ,—быть бы мнѣ рекрутомъ въ гарнизонѣ!

Не смотря на то, что молодой человѣкъ, по его увѣренію, ухищрялся не оплошать, тѣмъ не менѣе онъ безпрекословно, въ теченіе четырехъ дней, позволялъ продѣлывать надъ собой всю процедуру закабаленія и продажи. Только когда пріятели убѣдились, что сбыть его не удастся, они отпустили его къ сестрѣ, и то подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ достанетъ у нея денегъ на новые кутежи. Въ свое время процессъ объ этомъ странномъ приключеніи, происшедшемъ по причинѣ пьянства, надѣлалъ порядочнаго шуму.

Вообще нашему суду приходится весьма нерѣдко судить и карать, если не самое пьянство, то разныя, обязанныя ему своимъ происхожденіемъ законопреступныя дѣянія. Чаще всего изобличаются невоздержные на вино граждане въ буйствѣ, въ нарушеніи общественной тишины и благочинія, а то и въ болѣе тяжкихъ криминалахъ. Такихъ дѣлъ множество, и конечно, только незначительная ихъ часть доходитъ до вѣдѣнія суровой Ѳемиды. Напримѣръ, факты буйства, домашняго насилія надъ членами семействъ, совершаемыя ихъ главами въ пьяномъ видѣ, доходятъ до суда очень рѣдко, хотя они весьма обыкновенны въ малоразвитыхъ слояхъ общества — въ купечествѣ особенно. Впрочемъ, на этой почвѣ пьянство разрѣшается многими деморализующими семейный бытъ послѣдствіями, которыя рѣдко пресѣкаются органами общественной совѣсти, да они и безсильны были бы во многихъ случаяхъ возстановлять разрушенный спьяна семейный очагъ или избавить дѣтей отъ пьянаго гнета и дурнаго примѣра запивающаго отца. Между тѣмъ въ этой области порокъ пьянства является наиболѣе противообщественнымъ, разрушительнымъ, и наноситъ дѣлу нравственности самый чувствительный вредъ. Ничему другому, какъ

пьянству, обязаны своимъ происхожденіемъ многочисленные, каждому изъ насъ извѣстные примѣры супружескихъ раздоровъ и разрывовъ, дурнаго воспитанія, заброса и деморализаціи дѣтей, домашней анархіи, разоренія и того семейнаго ада во взаимныхъ отношеніяхъ, который,—стоя, самъ по себѣ, раздирательной драмы,—приводитъ иногда священный матримоніальный союзъ къ кровавымъ и инымъ криминальнымъ развязкамъ, о чемъ говорилось нами въ своемъ мѣстѣ.

Пьянство, въ большинствѣ случаевъ, порокъ коллегіальный, точнѣе сказать — стадный. Хотя не рѣдки любители одиночнаго и даже тайнаго питья до «положенія ризъ», но гораздо большее число склонныхъ къ вину людей любятъ совершать возліяніе Бахусу въ компаніи, въ бесѣдѣ, и внѣ ихъ никогда не напиваются, а то и въ ротъ хмѣльнаго не берутъ. Въ этомъ дѣлѣ рѣшительную, предательскую роль играетъ, поощряемая соблазнительнымъ примѣромъ и круговой порукой, стадная и заразительная способность подражанія. Но дѣйствіе хмѣля бываетъ разное: однихъ онъ разнѣживаетъ, веселитъ и умиляетъ до «телячьяго восторга», другихъ повергаетъ въ слезливую грусть и меланхолію, а большинство распаляетъ духомъ строптивости и буйства. Оттого, въ нашемъ общежитіи, вспрыскиваемомъ увеселительной влагой, такъ заурядны подъ пьяную руку размолвки, ссоры и даже, случается, кулачныя побоища. Въ этомъ отношеніи не безупречны и люди такъ называемаго «порядочнаго» общества. Довольно вспомнить, что бо̀льшая часть дуэлей между представителями «золотой молодежи» возникаетъ изъ-за щекотливыхъ столкновеній спьяна, во пиру и бесѣдѣ. Фешенебельные молодые люди подъ хмѣлькомъ бываютъ необузданны и грубы, какъ простые мастеровые. На нашей памяти произошло нѣсколько дуэлей съ трагическимъ финаломъ, совершенно неожиданно для самихъ противниковъ, изъ-за того лишь, что они, связанные дотолѣ тѣсной дружбой, во время пирушекъ въ пьяномъ видѣ, слегка повздорили и весьма непринужденно обошлись съ физіономіями другъ друга: одинъ, напр., обсыпалъ пріятеля солью, другой смазалъ товарищескую физіономію жидкой икрой или селедкой, тѣ помѣнялись маленькимъ душемъ изъ стакановъ съ виномъ, а эти — натуральными пощечинами, и т. д. Еще чаще и зауряднѣе происходящіе по той же причинѣ

дебоши, свалки, иногда съ кровопролитіемъ и убійствомъ, при встрѣчахъ кутящихъ компаній въ разныхъ распивочныхъ заведеніяхъ и увеселительныхъ мѣстахъ. Еще не очень давно одинъ блистательный сынъ Марса судился за то, что, находясь съ товарищами въ одномъ загородномъ ресторанѣ, гдѣ они кутили, смертельно ранилъ саблей пьянаго купеческаго сына, который тамъ же кутилъ со своей компаніей. Тутъ вышла цѣлая баталія, ни съ того ни съ сего, между обѣими компаніями, и дѣло кончилось убійствомъ. Подобныхъ столкновеній, только безъ такого трагическаго исхода, происходитъ множество въ разныхъ увеселительныхъ «кабачкахъ» и «Ташкентахъ», причемъ, разумѣется, и побѣдители и побѣжденные, по вытрезвленіи, не спѣшатъ разглашать о произведенномъ ими скандалѣ, который и остается чаще всего шитымъ да крытымъ.

Возмутительнѣе всего очень нерѣдкіе факты оскорбленія женщинъ со стороны озвѣрѣвшихъ кутилъ. Эротически возбужденные винными парами, они сплошь и рядомъ пристаютъ, не разбирая, къ встрѣчнымъ незнакомымъ женщинамъ на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ съ грязными предложеніями и, получивъ отказъ и отпоръ, продолжаютъ настойчиво ихъ преслѣдовать, осыпая ругательствами, а не то прибѣгая и къ насиліямъ. Изъ этого выходятъ иногда настоящія побоища, если у оскорбленныхъ пьяными нахалами дамъ окажутся подъ рукою энергическіе защитники. Въ дѣло вмѣшивается полиція, и обыкновенно оно кончается у мирового судьи. Въ практикѣ мирового суда такихъ дѣлъ бываетъ немало, причемъ въ роли подсудимыхъ фигурируютъ здѣсь нерѣдко люди, получившіе образованіе. Нѣкоторыя изъ этого сорта «шалостей», какъ снисходительно назывались онѣ въ доброе старое время, носятъ иногда совершенно разбойничій характеръ первобытнаго «умыканія». За обозрѣваемый нами періодъ былъ однажды такой случай.

Во время масляницы, къ одной замужней молодой и красивой купчихѣ, въ отсутствіе мужа, явился отъ его имени посланецъ звать ѣхать куда-то въ гости въ знакомый домъ, гдѣ мужъ будто бы ждетъ ее. Не подозрѣвая обмана, молодая женщина собралась и дала себя увезти. На пути подкатила лихая тройка съ пьяной компаніей; компанія силой посадила къ себѣ хорошенькую купчиху и, съ гиканьемъ и пѣснями, ускакала съ драгоцѣнной добычей

подъ покровомъ густыхъ сумерекъ зимняго вечера. Что̀ было дальше, куда была увезена молодая женщина и какъ обращались съ нею разгулявшіеся добры-молодцы — неизвѣстно, хотя не трудно догадаться. Уже на разсвѣтѣ опозоренная жертва пьянаго «умыканія» была подобрана какимъ-то случайнымъ сострадательнымъ проѣзжимъ на полѣ, за заставой, по пути въ одинъ изъ загородныхъ притоновъ для ночныхъ вакханалій. Негодяи, осатанѣвшіе отъ вина, имѣли безчеловѣчность, для довершенія своей «шалости», выбросить несчастную среди пустынной дороги въ снѣгъ, суровою зимнею ночью, можетъ быть въ разсчетѣ, что она зазябнетъ до смерти и не изобличитъ ихъ гнуснаго насилія надъ собою.

Бываетъ, впрочемъ, что представительницы прекраснаго пола добровольно и съ полнымъ удовольствіемъ принимаютъ участіе въ холостецкихъ оргіяхъ, соперничая съ мужчинами по осушенію бокаловъ и разгулу. Это въ особенности нужно сказать о милыхъ, но погибшихъ созданіяхъ, которыя въ большинствѣ пьютъ, какъ заправскіе пьяницы. Вообще прекрасный полъ далеко не безупреченъ въ этомъ пунктѣ. Выпивающія и даже «запивающія» дамы встрѣчаются во всѣхъ слояхъ общества и, несомнѣнно, нынче такихъ гораздо больше, чѣмъ ихъ было прежде, до провозглашенія «женской эмансипаціи». Это вполнѣ естественно. Эмансипація, выразившаяся, между прочимъ, въ протестѣ противъ прежняго теплично-салоннаго затворничества и обособленія женщины отъ режима мужской непринужденной жизни, началась съ в н ѣ ш н я г о уравненія правъ и положеній обоихъ половъ. Эмансипированныя женщины, отбрасывая съ презрѣніемъ дамскую жантильность и церемонность, стали усвоивать мужскія манеры и привычки, мужскія занятія, добродѣтели и пороки. Въ этомъ были преувеличеніе и крайность, неизбѣжныя въ медовые дни каждаго освободительнаго и прогрессивнаго движенія. Но то, что̀ у дѣльныхъ характеровъ было преходящимъ увлеченіемъ, данью горячей минутѣ, и, какъ внѣшній ненужный мундиръ эмансипаціи, сброшено вскорѣ для истинныхъ цѣлей завоеванія женской самостоятельности,—то̀ для Кукшиныхъ и иныхъ разновидностей дюжиннаго женскаго типа стало сущностью, руководствомъ.

Во всякомъ случаѣ, однако, женщинъ-пьяницъ несравненно меньше, чѣмъ пьяницъ-мужчинъ, вѣроятно, по той причинѣ, что

женскій организмъ деликатнѣе и труднѣе выноситъ сильныя возбудительныя снадобья. Вообще пьянство—не женскій порокъ. Даже тѣ жалкія созданія, которыя, служа жертвами общественнаго темперамента, участвуютъ въ оргіяхъ кутящихъ мужчинъ, пьютъ и напиваются вмѣстѣ съ ними, дѣлаютъ это не столько по охотѣ, сколько за неволю, по ремеслу. Этого требуютъ отъ нихъ и ихъ поклонники, и ихъ хозяева либо пособники. Падшія женщины положительно оживляютъ и поддерживаютъ виноторговлю самымъ дѣятельнымъ образомъ и — это одна изъ ихъ миссій, одна изъ непремѣнныхъ обязанностей по отношенію къ ихъ антрепренерамъ-содержателямъ. Тутъ формальная сдѣлка насчетъ кармана гостя и поклонника. Каждый быстролетный романъ съ этими продажными красавицами начинается требованіемъ угощенія и вина, а чтобы торговля шла бойчѣе, необходимо имъ самимъ помогать гостю поскорѣе осушать бутылки, пить и пить, хотя бы съ отвращеніемъ. Это ужь выходитъ не гульба, не веселье, а своего рода каторжная работа, и многія изъ этихъ несчастныхъ женщинъ спиваются такимъ путемъ безъ всякаго внутренняго позыва къ вину и хмѣлю.

VII.

Легкая нажива.

Нынче очень многіе хотятъ легко наживаться и легко жить, да это и всегда такъ было. Всегда на свѣтѣ было несравненно больше корыстолюбцевъ, чѣмъ безсребренниковъ, и эпикурейцевъ, чѣмъ подвижниковъ. Правда, нѣкоторыя эпохи въ исторіи отличались въ этомъ отношеніи особенною разнузданностью, чрезмѣрнымъ господствомъ жадной погони за наживой и порочными наслажденіями. Не изъ такихъ ли и наша эпоха? — Можетъ быть, хотя нельзя не замѣтить, что какъ ни погрязло наше время въ грубомъ

матеріализмѣ, въ грабительскомъ стяжаніи и распутномъ сластолюбіи,—оно же необыкновенно изобилуетъ и яркими проявленіями нравственно-очистительной реакціи, подвижническаго протеста противъ зла чужеядства, насилія и расточительнаго эпикурейства. Рядомъ съ картинами безграничнаго, алчнаго хищенія и «безбожнаго пира» мы видимъ примѣры убѣжденнаго ригоризма и дѣятельнаго самопожертвованія на общее народное благо; рядомъ съ сибаритствующими безъ зазрѣнія совѣсти живоглотами мы встрѣчаемъ праведниковъ, отрекшихся отъ корысти и мірской «прелести» для труда и подвига.

Положимъ, живоглоты и сибариты господствуютъ и торжествуютъ, но ужь едва-ли съ тою невозмутимостью, съ какою жили и наслаждались предшествовавшія ихъ поколѣнія. Внѣшній просторъ для нихъ остался тотъ же, даже теперь стало какъ бы посвободнѣе наживаться и безпутствовать, вслѣдствіе ослабленія старыхъ сдержекъ, дисциплинировавшихъ прежде личное поведеніе, но внутренно современный хищникъ и «пѣнкосниматель» не можетъ уже не сознавать своей подлости и дрянности. Цѣльность и непосредственность чужеяднаго міровоззрѣнія, опиравшагося на сомнительныхъ п р а в а х ъ (въ родѣ крѣпостнаго) и тѣмъ узаконивавшаго разгульно-хищническое бытіе баловней фортуны, нынѣ окончательно подломаны и низвергнуты принципіально въ самыхъ даже каменныхъ головахъ. Въ самыя упругія головы, въ самыя заскорузлыя души закрался ядъ сомнѣнія въ правотѣ расточительнаго существованія на чужой счетъ. Мы говоримъ, впрочемъ, только объ интеллигенціи, пережившей за послѣднюю четверть столѣтія столько искреннихъ минутъ покаянія, самообличенія, порыванія къ труду и жертвъ на пользу народа! Что касается выросшей на развалинахъ барства новой ужасной орды живоглотовъ, въ лицѣ безчисленныхъ Разуваевыхъ и Колупаевыхъ, Ицкенсоновъ и «курляндцевъ», по термину одного мужичка у Г. Успенскаго, то, конечно, ни стыдъ, ни сомнѣніе не смущаютъ этихъ не тронутыхъ рефлексіей представителей плотоядной зоологіи. Они—особая статья.

Но если интеллигенцію, какъ говорится, «совѣсть зазрила», если самая совѣсть современнаго русскаго человѣка стала взыскательнѣе и чутче, говоря вообще, то слишкомъ мы плохо воспитаны,

слишкомъ еще крѣпки въ насъ старая закваска и старые, наслѣдственные грѣхи, чтобы наши порывы покаянія и навращенія на путь истины разрѣшались солидными, зрѣлыми плодами. Это были именно порывы—хорошіе и благородные, но, какъ все сангвинически-поверхностное, они быстро истощались, разрѣшаясь однѣми фразами, и смѣнялись равнодушіемъ, за которымъ слѣдуетъ обыкновенно потеря вѣры въ добро и идеалы; рядомъ съ дешевымъ самоотрицаніемъ. А въ то время какъ пароксизмы гражданскаго возбужденія слабѣли, развернутыя знамена обновленія истрепывались и самые его лозунги — всѣ эти громкія «хорошія слова» — опошливались до того, что обратились наконецъ въ презрительныя, насмѣшливыя иносказанія,—въ это время вся, притаившаяся было, наслѣдственная дрянность, всѣ темные инстинкты эгоизма, хищности и распутства воспрянули изъ-подъ спуда, вступили въ свои права, и кругомъ насъ забушевала оргія, которую мы теперь видимъ. Это всегда такъ бываетъ въ минуты упадка общественнаго духа, истощившагося въ напрасныхъ лихорадочныхъ порывахъ.

Впрочемъ, совсѣмъ напрасными ихъ нельзя назвать: пережитая русскимъ обществомъ полоса нравственнаго отрезвленія и умственнаго движенія не пропала даромъ. Ея положительные результаты выразились, во-первыхъ, въ тѣхъ отрадныхъ явленіяхъ труда и подвига, на которые указано выше, а, во-вторыхъ, въ распространеніи, хотя бы отвлеченнаго только, сознанія, что такъ жить, какъ мы жили и живемъ, — нельзя. Разъ прозрѣвшую до такой глубины общественную совѣсть можно временно притуплять, заглушать и усыплять, но убить ее уже нельзя. Удивляются цинизму и наглости современныхъ жрецовъ Ваала, первенствующихъ на жизненномъ пиру, и хотятъ видѣть въ этомъ торжество зла и человѣческой безсовѣстности. На самомъ дѣлѣ, это признаки скорѣе отчаянія, чѣмъ торжества,—того отчаянія, которое оправдывается малодушнымъ афоризмомъ: «après nous le déluge». Бушующая вокругъ насъ оргія—это «пиръ во время чумы», гдѣ каждый изъ пирующихъ, подъ страхомъ стоящей на порогѣ грозной судьбы, хочетъ забыться, спѣшитъ не разбирая средствъ, не сдерживая своихъ звѣриныхъ инстинктовъ, взять у жизни все, что только можетъ она дать для ихъ пресыщенія, для того, чтобы

въ дикомъ хмѣлю грѣха и наслажденія притупить въ себѣ грызущее, острое лезвіе сознанія своей вины и своего позора.

Черта эта характеризуетъ наиболѣе рельефныхъ, наибоѣе прославившихся героевъ происходящаго на нашихъ глазахъ «пира». Возьмите всѣхъ этихъ расточителей и хищниковъ, укравшихъ милліоны и промотавшихъ ихъ на кутежи, прихоти и наслажденія. Въ нихъ нѣтъ ни удали, ни апетита, ни страсти той буйной, безоглядной «широкой натуры», которая въ былое время бѣшенымъ ураганомъ совершала свой жизненный путь, среди вакханальныхъ безпутствъ и неистовыхъ правонарушеній, безъ страха и внутренняго упрека. Тамъ былъ кипучій темпераментъ, была ничѣмъ не смущаемая дерзость, доходившая въ своей самоувѣренности до апломба чуть не роковаго, Dei gratia, посланничества;— здѣсь дряблость натуры, вялость и скудость фантазіи, безхарактерность и неотступный конфузъ грѣха, совершаемаго безъ увлеченія, безъ демонической жилки и даже безъ всякаго вкуса. Рефлексія заѣла и — ея острый ядъ отравляетъ «блаженство паденія» современнаго интеллигентнаго грѣшника. Вспомните, напр., Бритнева, Юханцева и иныхъ, новѣйшей эпохи, петербургскихъ знаменитыхъ похитителей общественныхъ и казенныхъ капиталовъ. Украли они милліоны и растратили ихъ въ весьма короткое время, но растратили такъ не художественно, пошло, мелко и безсмысленно, какъ это могутъ сдѣлать только тряпичные люди, лишенные всякой идеи, всякихъ сильныхъ желаній и, при всемъ томъ, удручаемые внутреннимъ разладомъ между своею совѣстью и своими поступками.

Замѣчательна еще одна черта—именно, безъидейность многихъ современныхъ жрецовъ быстрой и нечистой наживы. Классическій «злодѣй», грабитель и хищникъ, представлялъ собою оборотную медаль положительнаго характера героя и дѣятеля, сильнаго, энергическаго, одушевленнаго извѣстною цѣлью и настойчиво поборающаго всякія препоны для ея достиженія. Онъ боролся, онъ истощался въ изобрѣтеніи адскихъ подступовъ и ходовъ, онъ имѣлъ опредѣленныя намѣренія, ради нихъ злодѣйствовалъ и, добившись наконецъ своего, торжествовалъ и пользовался плодами рукъ своихъ, какъ побѣдой. Современный нашъ «злодѣй» — всего чаще и обыкновеннѣе проворовавшійся кассиръ—въ большинствѣ случа-

евъ — «добрый малый», «симпатичный молодой человѣкъ», ничего «злодѣйскаго» въ себѣ не заключающій. Проворовывается онъ просто по дрянности и безхарактерности натуры, безъ всякаго преднамѣреннаго умысла, безъ всякой идеи и безъ всякаго плана. Онъ становится воромъ только потому, что его приставили къ сундуку и довѣрили счетъ и охрану содержимаго. Внѣшній грубый соблазнъ овладѣваетъ покладистой, мелкой душонкой и—хищеніе готово! Ка̀къ стоять около денегъ и не красть ихъ—возможное ли это дѣло? — Въ этомъ и вся логика и все оправданіе множества кассирскихъ и иныхъ аналогичныхъ прегрѣшеній. Потому только совершается кража, что можно красть, не ломая головы, не изощряясь въ изобрѣтеніи какихъ нибудь махинацій, и до поры до времени безнаказанно. И дѣйствительно, всѣ знаменитыя въ этомъ родѣ операціи поражаютъ бѣдностью своего замысла, безхитростностью воровской механики и нелѣпѣйшею беззащитностью общественнаго достоянія, не взирая на то, что оберегать его приставлены цѣлыя коллегіи всякихъ директоровъ, управляющихъ и контролеровъ.

Насколько глупы поводъ и самый процессъ этихъ экспериментовъ легкой наживы, настолько же обыкновенно глупа въ этихъ случаяхъ и утилизація добычи. Почему, во-первыхъ, стащенъ не рубль, а милліонъ? — Потому ли, что вору такая именно сумма нужна была и у него на этотъ предметъ имѣлись свой разсчетъ и своя идея? — Ничуть не бывало! Просто потому только, что «плохо лежалъ» не рубль, а именно милліонъ! Сколько разъ мы слышали съ удивленіемъ на судѣ показанія этого сорта пойманныхъ хапугъ, что они сами не знали и не могутъ дать отчета, какимъ образомъ и на какомъ основаніи растратили такую-то прорву денегъ. Въ этомъ случаѣ они были вполнѣ искренни, и удивляться тутъ нечему. Это такъ просто. Они тащили зря, не считая и не зная заранѣе, до какой цифры дойдутъ, тащили до тѣхъ поръ, пока ихъ поймаютъ и схватятъ за руки. Значитъ, до этой точки можно, а дальше—нельзя! Такая ариѳметика была у Юханцева и ему подобныхъ. Вслѣдствіе же того, что шальныя деньги доставались сами собою, просто по какой-то воровской инерціи, безъ всякой мѣры и плана, безъидейный воръ терялся — что̀ съ ними дѣлать, куда ихъ дѣвать? Это вовсе не такое лег-

кое, общедоступное умѣнье — транжирить капиталы со смысломъ и со вкусомъ, какъ можетъ казаться на первый взглядъ. По крайней мѣрѣ, крупные хапуги изъ кассировъ и банкократовъ, сколько мы ихъ не припоминаемъ, такимъ умѣньемъ не обладали; даже нехитраго умѣнья и хозяйственной охоты скопить и получше припрятать украденную денежку — большинство ихъ не обнаруживало. Поразительная тупость воображенія и безсмысліе отличаютъ расточительность этихъ рыцарей хищенія, при полномъ, къ тому-жъ, отсутствіи даже какого ни на есть, хоть бы самаго банальнаго, «блаженства паденія», которое испытываетъ цѣльная, энергичная, жадная къ жизни натура! Выше неряшливыхъ оргій въ загородныхъ татарскихъ ресторанахъ съ цыганами—изобрѣсти они ничего не могутъ для того, чтобы упиться «радостью жизни». Продажныя ласки дорого стоющей вакханки изъ балета, изъ кафе-шантана или цыганскаго хора, а не то и просто съ улицы — предѣльный идеалъ ихъ любовно-поэтическихъ вожделѣній! Безвкусная роскошь и нелѣпыя, глупыя прихоти... Напр., одинъ изъ этихъ расточителей чужой шальной деньги отличился тѣмъ, что украсилъ себя чудовищной часовой цѣпью, въ нѣсколько фунтовъ золота, усѣянной брилліантами; другой загромоздилъ свою квартиру дорогими бездѣлушками и рѣдкостями, въ которыхъ ничего не смыслилъ; третій дѣлалъ себѣ и своимъ любовницамъ ванны изъ шампанскаго или, подъ наитіемъ пьяной фантазіи, окрашивалъ стѣны дорогимъ лафитомъ; четвертый безтолково игралъ на биржѣ или проигрывался въ карты, и т. д. Были наконецъ и такіе, что̀ прямо швыряли пригоршнями украденныя деньги направо и налѣво, въ порывѣ безсмысленной ребяческой тароватости.

Любопытно и поучительно, что съ такою же неумѣлостью пользоваться благами жизни, также безтолково и безвкусно проматываются у насъ вообще всякія шальныя деньги, т. е. достающіяся въ большомъ количествѣ безъ труда и хлопотъ—вдругъ, по сцѣпленію случайностей. Напримѣръ, балованные купеческіе сынки и, отчасти, плохо воспитанные, разгульные «питомцы славы», именуемые «ташкентцами», растранжириваютъ такимъ безалабернымъ образомъ родительскія, иногда очень крупныя, наслѣдства. Мы здѣсь интересуемся, впрочемъ, не тѣмъ — ка̀къ и на какую потребу идутъ у насъ легко наживаемые капиталы, а самыми способами наживы.

Вышеприведенные примѣры намъ нужны были только для наглядной характеристики той, сообщаемой вліяніемъ общественной совѣсти, моральной подкладки современнаго интеллигентнаго хищничества, которая, какъ мы сказали, внутренно его парализуетъ и обезсмысливаетъ. Съ этою цѣлью, примѣры были взяты наиболѣе рѣзкіе и крайніе. На самомъ дѣлѣ, что касается, напр. безпутнаго мотовства, то оно, разумѣется, отнюдь не составляетъ непремѣннаго условія и слѣдствія каждой легкой наживы. Напротивъ, мы кругомъ видимъ повседневно выростающія на этомъ фундаментѣ прочныя, хозяйственно установленныя состоянія. Въ этомъ случаѣ, существенную роль играетъ не одна легкость пріобрѣтенія богатства, но именно самый способъ пріобрѣтенія и его форма или, точнѣе сказать, ходячія на этотъ счетъ воззрѣнія и предразсудки. Одинаково легкая и нечистая нажива въ одной формѣ—преступленіе, а въ другой — легальное комерческое предпріятіе, житейское дѣло. Кто этого не знаетъ? «Самый тонкій наблюдатель,—остроумно замѣчаетъ по этому поводу нашъ сатирикъ,—не опредѣлитъ, гдѣ кончается благонамѣренность и гдѣ начинается хищничество, такъ что будочникъ часто въ затрудненіи—брать ли за шиворотъ, или дѣлать подъ козырекъ?...»

Дѣйствительно, разграничительная грань тутъ очень зыбкая, хотя, конечно, не передъ судомъ развитой совѣсти; но—что нужды?—ея соблюденіе даетъ апломбъ права, солидарность съ закономъ и обществомъ, а отсюда — увѣренность, что ни нашему ремеслу, ни мирному наслажденію его плодами ни откуда не придетъ помѣхи и запрета. Этого-то апломба лишаетъ себя неразсчетливый, ограниченный хищникъ, грубо нарушающій указанную грань, и естественно, въ опасеніи возмездія и пресѣченія со стороны закона, котораго онъ не съумѣлъ обойти и усыпить, ему остается торопливо, безъ толка и смака, какъ нибудь пожать плоды совершеннаго грабежа. Весь вопросъ тутъ въ способахъ, формахъ и манерѣ, — въ умѣньи выбирать такіе изъ нихъ, съ которыми законъ и ходячая мораль мирятся, и остерегаться такихъ, которые они отвергаютъ. Въ этомъ секретъ практической, дѣлецкой мудрости. Строго говоря, всѣ мы болѣе или менѣе повинны въ стремленіи къ легкой наживѣ. Каждаго изъ насъ гложетъ червь стяжанія, пріобрѣтенія и накопленія богатства для обезпеченія и

услажденія своего существованія, т. е.,—въ результатѣ,—существованія на счетъ чужаго труда и чужаго пота, въ большей или меньшей степени. Какъ ни верти, а всякое богатство есть ничто иное, какъ санкціонированная правомъ и обычаемъ форма насилія, уже потому, что оно всегда построено на чьей нибудь нуждѣ и бѣдности. Очень немного людей, которые, сознавая неправду богатства и наживы, добровольно отказываются отъ нихъ, избираютъ удѣлъ безсребренниковъ и ограничиваютъ свои потребности до возможной крайности. Каждый изъ насъ непремѣнно стремится къ тому, чтобы за возможно меньшій трудъ получить какъ можно больше. Дорого продать и дешево купить—это общее житейское правило. Его одинаково держатся купецъ, земледѣлецъ, ремесленникъ, художникъ, ученый, писатель и т. д., въ конечной цѣли—достигнуть такого положенія, чтобы не работать изъ нужды, изъ необходимости добывать хлѣбъ насущный въ потѣ лица. Есть такая наука, которая все это оправдываетъ рынкомъ, имѣющимъ свою логику и свою справедливость. Рыночная справедливость, основываясь на непреложномъ законѣ спроса и предложенія, установляетъ цѣны, безошибочныя для каждой данной минуты. На этой-то формулѣ, по существу, очень жестокой, и зиждутся наши матеріальныя отношенія и ихъ этика, съ точки зрѣнія которой казуистически различаются способы наживы и обогащенія — дозволенные и легальные отъ недозволенныхъ и преступныхъ. Эти-то послѣдніе и составляютъ предметъ нашего изслѣдованія. Въ своемъ мѣстѣ мы разсмотрѣли уже тѣ формы легкой и быстрой наживы, которыя признаются весьма недозволенными и преступными, какъ явно нарушающія уголовное право и именуемыя воровствомъ, грабежемъ, мошенничествомъ и т. д. Здѣсь же мы остановимся на такихъ формахъ того же явленія, которыя, на аршинъ ходячей морали и юриспруденціи, признаются явно безнравственными, но благополучно существуютъ, частью открыто, частью подъ маской «честныхъ спекуляцій», разныхъ практическихъ профессій, а то и невинныхъ забавъ. Многія изъ нихъ терпимы закономъ, какъ необходимое зло, на другія законъ смотритъ сквозь пальцы, третьи проскальзываютъ у него между пальцевъ и только изрѣдка защемляются и пресѣкаются. Это — ростовщичество и лихоимство всякихъ видовъ, шулерство и профессіональная азартная игра, торгъ развратомъ и

разнообразная эксплуатація его жрецовъ и жертвъ, биржевая игра, кулачество и маклачество, кредитныя операціи безъ отдачи, въ родѣ «злостныхъ» банкротствъ, взяточничество и крючкотворство, прожектерство, эксплуатація казны и народнаго достоянія—не вообще, а только та, которую само правительство нѣсколько лѣтъ тому назадъ торжественно назвало «хищеніемъ».

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ обзору каждаго изъ этихъ видовъ легкой наживы, необходимо хотя бы слегка очертить господствующій современный типъ ея любителя и искателя и его, такъ сказать, генеалогію. Собственно, тутъ не одинъ типъ, а два— коренныхъ и рѣзко различающихся между собою въ отношеніи бытовомъ и культурно-историческомъ. Одинъ—это тотъ классическій разноплеменный мытарь, по воспитанію и по ремеслу, алчный, тупой и невѣжественный, для котораго деньги составляютъ религію, а ихъ скаредное накопленіе всякими правдами и неправдами— содержаніе и цѣль жизни. Типъ этотъ, разбивающійся на множество разновидностей, отъ самобытнаго, въ смазныхъ сапогахъ, кулака и торгаша до блистательнаго, съ лоскомъ просвѣщенія, биржеваго выжиги, — вѣчный и повсемѣстный. Особенно размножился онъ въ послѣднее время въ большихъ городахъ, гдѣ столько нынче путей для быстрой наживы. По соціальному положенію, образу жизни и понятіямъ, онъ—мѣщанинъ, буржуа. У насъ, въ Петербургѣ, напр., онъ выходитъ либо изъ нѣдръ «черной сотни», либо изъ многочисленныхъ, пестрыхъ рядовъ инородцевъ и иностранцевъ, преимущественно—евреевъ и нѣмцевъ, для которыхъ ubi bene, ibi patria. Конечно, попадаются здѣсь и представители иныхъ элементовъ, какъ примѣсь.

Другой типъ, сложившійся у насъ, главнымъ образомъ, за послѣднія двадцать пять лѣтъ, — привилегированный представитель чиновно-дворянской интеллигенціи. Правильнѣе бы сказать, что типъ этотъ не то, чтобы вновь сложился, а только о т л о ж и л с я отъ своего первообраза, какъ плоть отъ плоти, но въ отрицательную сторону, въ формѣ захудалости, упадка и разложенія. Первообразъ этого типа, дворянинъ — помѣщикъ и чиновникъ, расцвѣтавшій на крѣпостномъ трудѣ и сытныхъ государственныхъ кормахъ, тоже вѣдь существовалъ, строго говоря, легкой наживой, но то было п р а в о, поддерживаемое государствомъ, вполнѣ реаль-

ное, наслѣдственно, по рожденію достававшееся счастливцамъ и ограждавшее ихъ отъ непріятности пачкать холенныя руки и ломать благородныя головы на снискиваніе пропитанія честной ли работой, «честной» ли спекуляціей, или же и совсѣмъ неопрятнымъ «художествомъ». Нажива была благородная, обильная и прочная, и пользовавшемуся ею легко было—да ничего больше и не оставалось, — какъ совершенствоваться въ добродѣтеляхъ, наукахъ и искусствахъ. Это была цѣлая система, крѣпко стоявшая на двухъ краеугольныхъ устояхъ: хребтѣ мужика и прерогативѣ на участіе въ сочиненіи «исторіи государства россійскаго» въ канцеляріяхъ, на плацъ-парадахъ и поляхъ сраженій,—прерогативѣ, отличенной мундиромъ, почестями и матеріальными благами изъ государственныхъ средствъ. Оба эти права — крѣпостное и служебное — отожествлялись, какъ извѣстно, въ дворянскомъ состояніи.

Сообразно съ такимъ порядкомъ, цѣлыя поколѣнія получали соотвѣтственное воспитаніе и направленіе. Изъ-подъ домашняго крова и со школьной скамьи привилегированный юноша выступалъ зачастую не скромнымъ начинающимъ трудолюбцемъ, сѣющимъ за̀годя сѣмена знанія и труда, чтобы потомъ пожать плоды ихъ, а—побѣдителемъ, амфитріономъ, позваннымъ на уготованный для него пиръ, гдѣ ему подобало только соблюдать одиннадцатую заповѣдь: «не зѣвай». Никакихъ заботъ, никакой борьбы за существованіе онъ не боялся и даже не подозрѣвалъ ихъ возможности для себя, съ пеленокъ обезпеченный, съ одной стороны, крѣпостнымъ трудомъ мужика, съ другой — преимущественнымъ правомъ «питомца славы» въ дѣлежѣ казенныхъ хлѣбовъ, синекуръ и отличій.

Но вдругъ вся эта система рухнула, и воспитанный, вскромленный ею «благородный человѣкъ» во множествѣ экземпляровъ очутился, какъ ракъ на мели, за изъятіемъ лишь догадливыхъ и счастливыхъ, съумѣвшихъ либо приберечь кое-что про черный день въ моментъ крушенія, либо пристроиться къ новому порядку. Съ упраздненіемъ подпорокъ, на которыхъ держалось благосостояніе «благороднаго человѣка» и на существованіе которыхъ были разсчитаны его воспитаніе и карьера, —жизнь затребовала отъ него серьезныхъ знаній, охоты и умѣнья трудиться, опыта и способно-

сти къ практической дѣятельности, т. е. всего того, чего у него не было, чего ему не дали. Питомецъ оранжерейной культуры, онъ могъ блистать только салонной выправкой, апломбомъ «порядочности», да диллетантскими талантиками, служащими къ украшенію свѣтскаго человѣка-бѣлоручки. И вотъ оказалось, что на одномъ этомъ уже нельзя дѣлать карьеры съ прежней легкостью, что для пріобрѣтенія «положенія» и средствъ къ жизни нужно бороться и работать въ потѣ лица, нужно взяться за практическое дѣло, умѣть овладѣть имъ и съ бою завоевать приборъ для себя за пиршественнымъ столомъ. Словомъ, «благородный человѣкъ», никогда не заботившійся о завтрашнемъ днѣ и о насущномъ хлѣбѣ, поставленъ былъ въ необходимость лично, своими руками, промышлять объ «источникахъ».

А «источники» требовались обильные, потому что апетитъ у насъ широкій, вкусы изысканные, привычки сибаритскія... Какъ быть?—Конечно, многіе примирились съ этимъ поворотомъ судьбы, сократились и стали протягивать ножки по одежкѣ, не измѣнивъ долгу и чести; но многіе разсудили такъ: — «не даются намъ болѣе земныя блага безъ заботъ и хлопотъ, по прежнему, на основаніи «правъ», нынѣ упраздненныхъ, — поищемъ другихъ «источниковъ» быстрой и легкой наживы... Будемъ приспособляться къ новому порядку».

Началось приспособленіе, сперва съ большими претензіями, однако все же съ нѣкоторою сдержанностью въ пріемахъ, чтобы, пріобрѣтая капиталъ, и «невинность соблюсти» хотя для виду; но затѣмъ, шагъ за шагомъ, по мѣрѣ того, какъ проѣдались и пропивались до послѣдняго листика выкупныя свидѣтельства и борьба за существованіе ожесточалась, «благородный человѣкъ» становился все развязнѣе и неразборчивѣе въ выборѣ источниковъ для пріобрѣтенія проклятаго рубля. Рублей требовалось много, пріобрѣтать ихъ терпѣливымъ трудомъ не было ни охоты, ни способности, стыдъ былъ потерянъ,—оставалось пуститься въ такіе промыслы и художества, которые даютъ «куши» съ одного маху, при остроуміи и проворствѣ рукъ... И въ какихъ только явно рискованныхъ съ нравственной стороны, а то и явно нечистыхъ или же и явно уголовныхъ предпріятіяхъ не отличился на нашихъ глазахъ «благородный человѣкъ» со времени отмѣны крѣпостнаго права!

Гдѣ только пахло легкой наживой на счетъ народа и государства,—онъ былъ ужъ тутъ, руку объ руку съ «сиволапыми» Деруновыми, международными «курляндцами», Ицкенсонами и иными соискателями, далеко не всегда, притомъ, счастливо съ ними конкурируя, какъ «баринъ», «бѣлоручка», слѣдственно, неопытный пока и неумѣлый «мастеръ сихъ дѣлъ». Поживился онъ немало въ эпоху концессіонерской сатурналіи, рвалъ «куши» въ биржевыхъ ажіотажахъ, дѣятельно сотрудничалъ въ банковскихъ крахахъ, благопріобрѣталъ уфимскія земли, грѣлъ руки около злосчастнаго солдатскаго пайка, доходя до христопродавства, барышничалъ чѣмъ только могъ, а потомъ—судился за поддѣлку изданій экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, судился за фальшивыя духовныя завѣщанія и фальшивые векселя, судился за шуллерство, судился за шантажъ, даже за голыя кражи... Всего не пересчитаешь!

Много наивнаго, жалкаго и забавнаго продѣлалъ «благородный человѣкъ» при изысканіи и утилизированіи новыхъ для него «источниковъ» быстрой и легкой наживы. Онъ легкомысленно бросался въ разныя рискованныя предпріятія, спекуляціи и аферы, и, конечно, не имѣя никакой для того подготовки, ни сметливости заправскаго «дѣльца», терпѣлъ фіаско и окончательно прогоралъ. Бывало и такъ, что онъ задавался разными ребячески-фантастическими фикціями внезапнаго обогащенія. Такъ, мы знали лично одного прожившагося чудака, нѣкогда богатаго помѣщика, который поставилъ себѣ задачею найти своего рода философскій камень. Не зная ни минералогіи, ни химіи, онъ занялся опытами составленія изъ мелкихъ жемчужинъ—крупныхъ, высокой цѣны. Для обрѣтенія этого чудеснаго секрета, онъ перепортилъ пропасть жемчугу и пламенно вѣрилъ, что достигнетъ цѣли... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на Охтѣ проявился другой въ этомъ родѣ маньякъ, отставной полковникъ, который жаждалъ обогатиться изобрѣтеніемъ perpetuum mobile и вообразилъ, что изобрѣлъ его. Любопытные могли видѣть на Невѣ сооруженное имъ суденышко, съ курьезнымъ и нелѣпымъ механизмомъ—плодомъ многолѣтнихъ потугъ «мысли плѣнной», посредствомъ котораго суденышко, безъ пособія двигающей силы—одной инерціей, должно было плыть, соперничая съ быстротою парохода, и, конечно, не поплыло. До сихъ поръ въ Петер-

бургѣ скитается одинъ бывшій орловскій помѣщикъ, братъ извѣстнаго покойнаго писателя, проѣвшій безъ толку все состояніе и составившій себѣ комическую извѣстность изобрѣтеніемъ наборной машины. О ней даже въ газетахъ писали; творецъ ея истратилъ на нее много и денегъ и времени, которое, впрочемъ, ему дешево стòитъ, но изъ машины его, разумѣется, толку не выйдетъ... Такихъ самородныхъ геніевъ, натуживающихся дѣлать открытія, по системѣ «тяпъ да ляпъ», для поправленія своихъ разстроенныхъ обстоятельствъ,—«благородный человѣкъ» далъ много примѣровъ.

Еще больше встрѣчалось и встрѣчается такихъ оскудѣвшихъ охотниковъ до легкой наживы, которые питаются какой-то болѣзненно-мечтательной надеждой на обогащеніе вдругъ, по счастливому случаю, по прихоти слѣпой фортуны. Наибольшей и сколько нибудь правдоподобной пищей для этой надежды служатъ обыкновенно публичныя лотереи, въ особенности же—государственная внутренняго съ выигрышами займа, сулящая кушъ въ двѣсти тысячъ. Этотъ кушъ грезится многимъ мечтателямъ о богатствѣ, и въ такой степени, что они нерѣдко терпятъ всякія лишенія, приносятъ жертвы, лишь бы пріобрѣсть если не лотерейный билетъ, то хоть право на него, обязательно предлагаемое банкирскими конторами на шейлоковскихъ условіяхъ. Нѣкоторые нетерпѣливцы, въ желаніи поторопить выигрышъ въ свою пользу, поднимаются на разные, болѣе или менѣе остроумные фортели. Однажды въ газетахъ было опубликовано, въ назиданіе современникамъ, оригинальное письмо, полученное управляющимъ государственнымъ банкомъ отъ одной благородной дамы, матери семейства, которая, изложивъ въ трогательныхъ выраженіяхъ свою захудалость и свои нужды, умоляла г. управляющаго устроить такую механику, что-бы въ первый лотерейный тиражъ двухсоттысячный выигрышъ палъ на ея единственный билетъ, причемъ великодушно предоставляла половину выигрыша въ его распоряженіе—ну, хоть «на благотворительныя дѣла». Сдѣлка эта, разумѣется, должна была остаться подъ большимъ секретомъ. Эта тоска по рублѣ, достающемся даромъ, по счастію, доходитъ иногда еще до болѣе странныхъ маній. Мы знавали одного привилегированнаго бездѣльника, задавшагося миссіей найти утерянный кѣмъ нибудь капиталъ прямо на улицѣ или гдѣ нибудь въ публичномъ мѣстѣ. Удрученный этой совсѣмъ ужъ глу-

ной иллюзіей, онъ съ утра до вечера фланировалъ по городу и искалъ желанной находки... На такихъ же основаніяхъ многіе ищутъ кладовъ.

Обратимся, однако, къ болѣе реальнымъ и практическимъ отраслямъ и формамъ легкой наживы. Ростовщичество и лихоимство, составляющія одинъ изъ самыхъ солидныхъ и прочныхъ способовъ накоплять капиталы чужеядными путями, гораздо болѣе распространены, чѣмъ это сдается на поверхностный взглядъ. Обыкновенно, презрѣннымъ именемъ ростовщиковъ называютъ лишь тѣхъ «благодѣтелей рода человѣческаго», которые содержатъ пользующіяся такой позорной славой, явныя и тайныя «кассы судъ» и промышляютъ по мелочамъ неряшливымъ закладомъ за «жидовскіе» проценты жалкой движимости бѣдняковъ. Въ сущности же, это только одна,—и притомъ не изъ главныхъ,—отрасль безгранично развившагося въ наши дни ростовщичества. Развѣ безчисленные банки и банкирскія конторы, расположившіяся чуть не сплошной стѣной вдоль всей солнечной стороны Невскаго проспекта, сверкая крикливыми золотописными вывѣсками,—не такіе же, по своимъ задачамъ, притоны лихвы и роста, только въ болѣе крупномъ, въ болѣе опустошительномъ масштабѣ? Развѣ не съ безобразной лихвы наживаются разные гордые «торговые дома» и комерческія фирмы, сдирающіе за свое посредничество между производителемъ и потребителемъ, и съ того и съ другаго, рубль на рубль на предметахъ своей торговли? Развѣ не та же лихва, и самая безпардонная,—хватать «оклады», въ десятки тысячъ рублей, за пустой трудъ «представительства» и «руководства» въ акціонерныхъ правленіяхъ, какъ это дѣлаютъ ихъ сановитые директора?... Впрочемъ, еслибы мы стали вдаваться въ разнообразные виды замаскированнаго, облагороженнаго громкими кличками и освященнаго предразсудкомъ лихоимства, то не скоро бы кончили. Ограничимся тѣми лишь формами этого явленія, которыя всѣ условились называть ростовщичествомъ и лихоимствомъ. Практика послѣдняго времени научила всѣхъ, жаждущихъ легкой и скорой наживы, безошибочной истинѣ, что торговля деньгами—самая надежная и самая выгодная торговля. И ею—можно положительно сказать—занимается огромное большинство мелкихъ и крупныхъ капиталистовъ, не говоря ужь объ аферистахъ, голыми руками вымолачивающихъ рожь на обухѣ.

Даже, случается, столичные невинные отроки заражаются этой сребролюбивой алчностью. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ такой случай, опубликованный въ газетахъ. Воспитанникъ одного средняго учебнаго заведенія покаялся какъ-то родителямъ, что онъ въ неоплатномъ долгу у товарищей, на сумму въ 11 рублей. Для мальчика, по скромнымъ средствамъ родителей, сумма была серьезная. Маленькій банкротъ со слезами умолялъ родителей уплатить его долгъ, такъ какъ онъ боялся, чтобы сумма долга еще больше не преумножилась отъ приращенія процентовъ. Оказалось, къ удивленію, что среди школьниковъ помянутаго заведенія ростовщичество вошло въ обычай, что среди нихъ есть капиталисты-банкиры, ведущіе кредитныя операціи по всѣмъ правиламъ искусства. Раскрытіе это произвело тогда большой скандалъ и заставило одну газету сдѣлать слѣдующій невеселый выводъ: «Итакъ, ростовщики въ столицахъ, ростовщики въ городахъ, ростовщики въ деревняхъ, ростовщики... въ школахъ. Неужели же на вопросъ: «чѣмъ намъ быть?» скоро не будетъ другаго отвѣта, какъ—«быть ростовщиками!»

Извѣстно, что едва-ли не вся обывательская недвижимость въ Петербургѣ (т. е. дома) заложена и перезаложена, заложена частью въ банкахъ, частью въ частныхъ рукахъ по «вторымъ закладнымъ». Еще недавно, до послѣдняго домовладѣльческаго кризиса и разоблаченія систематическаго грабежа въ с.-петербургскомъ кредитномъ обществѣ, въ мнѣніи петербургскихъ капиталистовъ самымъ выгоднымъ и надежнымъ помѣщеніемъ денегъ признавалась ссуда подъ дома, съ ростомъ отъ 12 до 24%, который считается еще «христіанскимъ». Многіе домовладѣльцы сами промышляли и промышляютъ этимъ ростовщичествомъ по слѣдующему остроумному рецепту. Они закладываютъ свою недвижимость въ кредитномъ обществѣ, и платятъ за ссуду 7%, а сами тотчасъ пускаютъ позаимствованный капиталъ въ ростъ, по «вторымъ закладнымъ», не менѣе, какъ изъ 12%. Такимъ образомъ, на чужихъ деньгахъ они дерутъ 5% чистыхъ въ свою пользу, не ударивъ пальцемъ о палецъ. Этимъ дѣломъ, какъ намъ достовѣрно извѣстно, мимоходомъ промышляютъ люди зажиточные, даже богатые, слывущіе за «достопочтенныхъ» и «уважаемыхъ», напр., «излюбленные» представители думы, которыхъ заслушаешься, когда они публично «о

честности высокой говорятъ». Да и что тутъ предосудительнаго?—Комерческое дѣло, американскій пріемъ: деньги дѣлать изъ ничего, и—только!...

Собственно ростовщичество, въ принятомъ смыслѣ, разбивается на нѣсколько отраслей. Всего распространеннѣе и, если можно такъ сказать, популярнѣе практика ссудъ подъ ручной залогъ. Въ Петербургѣ существуетъ учрежденная правительствомъ ссудная казна, выдающая ссуды изъ 6% исключительно подъ залогъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, и три акціонерныхъ ломбарда, принимающіе въ залогъ всякую движимость изъ 24%. Частныхъ «гласныхъ кассъ ссудъ», не считая тайныхъ, къ концу описываемаго нами періода считалось болѣе 100. Замѣчательно, что учрежденіе это явилось у насъ почти одновременно съ началомъ оскудѣнія дворянской интеллигенціи, причиненнаго отмѣною крѣпостнаго права. Первая «гласная касса ссудъ» открылась, съ разрѣшенія начальства, въ 1865 г. До той поры ростовщичество, воспрещаемое закономъ, практиковалось тайно и было лишь терпимо. Теперь оно узаконивалось, и его права и обязанности были обусловлены правилами въ законодательномъ порядкѣ. Эта первая въ Петербургѣ гласная касса была учреждена весьма прославившимся въ свое время Владиміромъ Карповичемъ. Она имѣла колоссальный успѣхъ и доставила своему учредителю милліонную наживу, не считая всероссійской славы. Довольно сказать, что уже въ 1868 г. касса Карповича выдавала въ годъ болѣе 20,000 ссудъ. Разумѣется, столь счастливый опытъ нашелъ множество подражателей, и—къ 1870 г. въ Петербургѣ находилось уже до 80-ти «гласныхъ кассъ ссудъ», производившихъ, въ сложности, ежегодный оборотъ въ нѣсколько милліоновъ рублей. Эти учрежденія брали и берутъ отъ 48 до 120% въ годъ за ссуды. Нажива страшная! Даже пресловутый Карповичъ, когда разбогатѣлъ, сталъ ужасаться ея и, къ довершенію курьеза, возымѣлъ благую мысль заняться «искорененіемъ язвы ростовщичества». Въ компаніи съ подобными себѣ благодѣтелями, онъ подалъ куда слѣдуетъ проэктъ en grand «частной вспомогательной кассы народнаго кредита», подъ залогъ движимости всего изъ 15% годовыхъ. Конечно, послѣ откровеннаго признанія Карповича, въ поданной имъ при семъ запискѣ, что въ гласныхъ кассахъ ссудъ ихъ кліенты, «при наилучшихъ условіяхъ, за рубль займа

отдавали вдвое и втрое», предложенный имъ «народный кредитъ» изъ 15% могъ сойти за отмѣнно человѣколюбивое благодѣяніе... Но это далеко не крайняя грань ростовщическаго грабительства. Существуетъ еще въ Петербургѣ, такъ называемый, «дисконтеръ», передъ волчьимъ лихоимствомъ котораго практика «гласной кассы» можетъ почитаться очень невинной и гуманной. «Дисконтеры» ведутъ свои дѣла укромно, безъ вывѣсокъ и съ такимъ разсчетомъ, чтобы комаръ носа не подточилъ подъ ихъ операціи. Спеціальность ихъ—дисконтировать векселя или же непосредственно ссужать деньгами векселедателей на невозможныхъ условіяхъ, на такихъ условіяхъ, которыхъ ни одинъ благоразумный и осмотрительный человѣкъ принять не можетъ. Этого рода Шейлоки ведутъ дѣло главнымъ образомъ съ кутящею на счетъ будущихъ благъ «золотою молодежью». Они отлично знаютъ общественное и матеріальное положеніе каждаго изъ своихъ кліентовъ, знаютъ—есть ли капиталы у ихъ родителей, слѣдятъ за карьерой кліентовъ и въ точности изучаютъ степень вѣроятія предстоящихъ имъ въ будущемъ наслѣдствъ и всякихъ благъ. Если справки удовлетворительны, они охотно открываютъ кредитъ юнымъ повѣсамъ, даже напрашиваются съ одолженіями... Но что это за кредитъ, что за одолженіе! — Обыкновенно, за каждый одолженный рубль, благодѣтель этого сорта беретъ формальное обязательство въ нѣсколько рублей, въ видѣ какъ бы ручательства за акуратную плату, съ тѣмъ, что если должникъ погаситъ долгъ въ срокъ, то кредиторъ даетъ слово не требовать излишне вписанной суммы, не погаситъ въ срокъ, — вексель дѣлается обязательнымъ во всей суммѣ. Большею частью, разумѣется, разгульные молодые люди, даже со счастливымъ будущимъ, сроковъ не соблюдаютъ, тогда имъ угрожаютъ взысканіемъ, избѣжать котораго представляется одинъ выходъ — «переписка» векселей». Это значитъ, что къ первоначальной вздутой суммѣ долга должникъ вынуждается приписать, въ видѣ преміи за отстрочку, еще новую, фиктивную, какую Богъ на душу положитъ великодушному кредитору. Петля затягивается исподволь и такъ прочно, что попавшему въ нее вертопраху часто нѣтъ спасенья отъ разоренія. Такимъ путемъ накопляются огромные долги разныхъ блистательныхъ «питомцевъ славы»—долги, въ значительнѣйшей части своей совершенно фиктивные. Такъ, одинъ изъ «питомцевъ», доведенный кре-

диторами до скамьи подсудимыхъ, какъ «злостный» банкротъ и авторъ фальшивыхъ векселей, чистосердечно признался суду, что изъ его милліоннаго долга дисконтерамъ онъ безспорно долженъ всего тысячъ пятьдесятъ. Остальная сумма образовалась изъ процентовъ, неустоекъ, приписокъ и переписокъ... И это не единственный примѣръ такой безбожной, совершенно нелѣпой ростовщической наживы на счетъ разоряющихся представителей «jeunesse dorée». Въ Петербургѣ извѣстно нѣсколько «именитыхъ» гражданъ, крупныхъ домовладѣльцевъ и богачей, которые этимъ именно способомъ сколотили свои состоянія.

Ростовщичество питается съ одной стороны бѣдностью, съ другой—мотовствомъ, безпутной или тщеславной жизнью не по средствамъ. Оба эти положенія, какъ бѣдность, такъ и расточительность рука объ руку встрѣчаются сплошь и рядомъ, поэтому въ Петербургѣ ростовщичество пышно процвѣтаетъ и, вѣроятно, въ сложности дѣлаетъ обороты на многіе десятки милліоновъ рублей. Среди петербуржцевъ рѣдко кто не имѣетъ долговъ, многіе не выходятъ изъ нихъ цѣлую жизнь, съѣдаютъ впередъ, такъ сказать, на корню всѣ свои источники и доходы, пребывая въ неисходной кабалѣ у ростовщиковъ. Соотвѣтственно этому, среди послѣднихъ существуютъ особые спеціалисты, одолжающіе ссуды подъ жалованья, пенсіоны и доходы впередъ, и такъ какъ кредитъ этого сорта сопряженъ съ нѣкоторымъ рискомъ, то лихвѣ здѣсь нѣтъ мѣры.

Затѣмъ въ столицѣ нашей имѣется много оборотливыхъ и находчивыхъ людей, которые изловчаются не только существовать одними долгами безъ отдачи, но даже составлять себѣ изъ этого «источника» кругленькія состоянія. Здѣсь мы переходимъ въ другую область легкой наживы—посредствомъ злоупотребленій кредитомъ. Злоупотребленія этого рода законъ и практика раздѣляютъ на двѣ категоріи—«невинныхъ» и «злостныхъ», но, на самомъ дѣлѣ, очень трудно найти это разграниченіе, если только кредитная операція не переходитъ въ уголовное преступленіе. Охотники дѣлать долги безъ твердой увѣренности отдать ихъ — часто люди легкомысленные, безпутные, но не преднамѣренно безчестные. Большею частью, это — все тотъ же оскудѣвшій «благородный человѣкъ», избалованный сибаритскими вкусами и бонвиванъ, либо

питающійся фантастическими надеждами на блистательную карьеру и богатство въ будущемъ, либо пришедшій уже въ отчаяніе. Это почти все равно: — и въ томъ и въ другомъ случаяхъ онъ слѣпо, безъ счета, одолжается направо и налѣво, пока ему даютъ, пока его аристократическій престижъ, пусканіе пыли въ глаза и элегантная наглость (въ сущности, въ этомъ — вся его «наличность») оказываютъ обаяніе и доставляютъ кредитъ. На этотъ предметъ промотавшіеся «питомцы славы» выработали цѣлое искусство, впрочемъ, искусство очень скользкое, такъ какъ съ постояннымъ упадкомъ вышеуказаннаго обаянія, а слѣдственно и кредита, беззаботное отношеніе къ границѣ между своимъ и чужимъ рублемъ нерѣдко приводитъ къ прямымъ ея нарушеніямъ, и — великолѣпный «питомецъ славы» неощутительно перевертывается вдругъ въ форменнаго «червоннаго валета» или рыцаря «черной банды»... Такіе примѣры бывали въ избыткѣ!

Нужно и то сказать, что этого рода «источники» день ото дня дѣлаются недоступнѣе и совсѣмъ изсякаютъ. Еще недавно въ Петербургѣ были такія благодатныя мѣста, куда «благородный человѣкъ» съ громкимъ именемъ, избранной среды, могъ взойти и распорядиться, какъ у себя дома: съ изысканнымъ вкусомъ насладиться плодами земными или выбрать для своей потребы то-то и то-то изъ предметовъ роскоши, приказать «прислать», а по предъявленіи счета, съ апломбомъ, не допускающимъ возраженій, отвѣтить: «запишите!» Существовали прежде такіе записывающіе, спеціально-фешенебельные магазины, рестораны и иныя заведенія къ услугамъ «благороднаго человѣка», но — увы! по мѣрѣ того, какъ благородный человѣкъ становился все менѣе исправнымъ плательщикомъ, фирмы эти либо разорялись, либо закрывались, либо стали очень мнительны и прижимисты въ предложеніи своихъ услугъ en crédit. Такъ, закрылся, напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ, знаменитый универсальный «англійскій магазинъ», славившійся изысканностью своихъ товаровъ и невѣроятностью своихъ цѣнъ. Онъ служилъ исключительно столичному бомонду и закрылся въ силу посмертной воли его владѣльца, который, говорятъ, сдѣлалъ это въ огражденіе своихъ наслѣдниковъ отъ разоренія. Магазинъ открывалъ широкій кредитъ своимъ аристократическимъ покупателямъ и, пока они не оскудѣли, можно

было вести дѣло съ выгодою; но времена перемѣнились, барскіе карманы опустѣли, между тѣмъ притязанія на кредитъ оставались прежнія, и магазинъ затруднялся имъ противиться и мѣнять свою комерческую политику. Долговъ на покупателяхъ — и большею частью безнадежныхъ — наросло на громадную сумму. Кончилось бы неминуемо тѣмъ, что богатая фирма обанкротилась бы. Точно также закрылись или совершенно преобразились, соотвѣтственно времени, извѣстные, нѣкогда знаменитые рестораны—пріюты для кутящей «золотой молодежи», въ домашнихъ архивахъ которыхъ, по разсказамъ свѣдущихъ людей, хранятся цѣлыя библіотеки интересныхъ для исторіи барской захудалости «записныхъ книжекъ» неоплатныхъ долговъ ихъ прежнихъ роскошныхъ гостей, въ сложности на многія сотни тысячъ.

Жить въ долгъ безъ отдачи — дѣло до того обычное, что не считается въ общемъ мнѣніи большимъ грѣхомъ, да и дѣйствительно, во многихъ случаяхъ, оно—результатъ вовсе не злаго намѣренія, а только дурной наслѣдственной привычки и лирическаго безпорядка въ образѣ жизни и хозяйствѣ, искони отличавшаго благовоспитаннаго «питомца славы». Но рядомъ съ этимъ болѣе или менѣе невмѣняемымъ видомъ злоупотребленія кредитомъ, существуетъ и весьма развивается въ послѣднее время искусство дѣланія долговъ безъ отдачи ради наживы, съ преднамѣреннымъ злостнымъ умысломъ, очень родственнымъ тому, который воодушевляетъ вора и грабителя au naturel. Передъ нами открывается грандіозная картина одного изъ самыхъ безграничныхъ, самыхъ опустошительныхъ опытовъ хищенія, удручающаго нашу современную дѣйствительность. Въ стремленіи оживить отечественную промышленность и торговлю, современность создала обширный, общедоступный кредитъ, органами котораго явились сотни акціонерныхъ и общественныхъ банковъ, гостепріимно раскрывшихъ свои двери для выгоднаго «помѣщенія» народныхъ сбереженій... Какъ же воспользовался россійскій промышленникъ, комерсантъ и дѣлецъ «благодѣтельнымъ» кредитомъ? — Отвѣтомъ на это служатъ безчисленные банковскіе крахи, при вопляхъ отчаянія ограбленныхъ вкладчиковъ, и непосредственно затѣмъ слѣдовавшіе, въ интересѣ сомнительнаго торжества правосудія, скандалезные процессы... Кто не помнитъ этихъ процессовъ? увянетъ ли когда нибудь безсмертная слава Струсберга

и его московскихъ друзей; Рыкова «съ товарищи» и множества другихъ, сидѣвшихъ на скамьѣ подсудимыхъ, банкократовъ, распорядившихся «благодѣтельнымъ» кредитомъ по финансовой системѣ муромскихъ разбойниковъ? Первый примѣръ этого сорта легкой наживы подалъ Петербургъ, гдѣ, какъ въ столицѣ, прежде всего завелись разныя общественныя кредитныя учрежденія и, прежде чѣмъ гдѣ нибудь, былъ изобрѣтенъ волшебный «бронзовый вексель», а также и другіе остроумные аппараты для отмычки и опустошенія общественныхъ сундуковъ. Волшебство это было до глупости просто, и — вскорѣ не было такого самаго тупоголоваго и неотесаннаго хапуги, который не постигъ бы его механики и не сталъ бы имъ пользоваться. Въ самомъ дѣлѣ — что̀ могло быть проще и глупѣе: написалъ стереотипную бумажку, попросилъ пріятеля выставить на ней бланкъ, подъ условіемъ и ему отъ себя оказать такую же немудрую услугу, представилъ въ кассу и — загребай капиталъ ни за что, ни про что! При посредствѣ такихъ-то бумажекъ, именуемыхъ «бронзовыми векселями», т. е. не отождествляющими собою никакой гарантіи и никакой цѣнности, кромѣ цѣнности бумаги, на которой они написаны, обобраны въ большей или меньшей степени многіе россійскіе банки, преимущественно же общественные, основанные на в з а и м н о с т и, сводящейся къ хищническому принципу: «воронъ ворону глазъ клюетъ, да вонъ не выклюнетъ».

Въ послѣднее время въ Петербургѣ обнаружилось еще одно, колоссальныхъ размѣровъ, злоупотребленіе кредитомъ, ведущее свое начало издавна. Мы разумѣемъ неоплатную задолженность множества петербургскихъ домовладѣльцевъ мѣстному городскому кредитному обществу, поставившую это послѣднее въ весьма рискованную позицію. Дѣло это темное, еще не разслѣдованное и — Богъ вѣсть, будетъ ли когда нибудь дочиста разслѣдовано; но самъ по себѣ фактъ на лицо, что за множество домовъ общество выдало ссуды, далеко превосходящія ихъ дѣйствительную стоимость. Такая тароватость — прямой результатъ недобросовѣстной оцѣнки и слѣдовательно, хищнической сдѣлки между заемщиками и агентами кредитнаго общества на счетъ плохо оберегаемаго общественнаго рубля. Этого мало. Нѣкоторые, особенно предпріимчивые кліенты кредитнаго общества, напр., пресловутые Туляковъ, Ломачъ и др., не

довольствуясь тѣмъ, что съ такимъ барышемъ спустили съ рукъ свои недвижимости и получили милліоны, ухитрились еще обезпечить за собою на нѣсколько лѣтъ впередъ и доходъ съ этой недвижимости путемъ фиктивной отдачи ея въ аренду заднимъ числомъ.

Этотъ послѣдній фортель соприкасается съ тѣмъ классическимъ, давно практикуемымъ на Руси злоупотребленіемъ кредитомъ, которое называется «злостнымъ банкротствомъ», преслѣдуется уголовнымъ кодексомъ, но въ весьма рѣдкихъ случаяхъ дѣлается предметомъ пресѣченія и преслѣдованія. Особенно часто соблазняются имъ купцы. Механика тутъ очень несложная. Задолжать направо и налѣво, товаромъ ли, или деньгами, какъ можно больше; понадежнѣе припрятать добычу, обыкновенно путемъ фиктивной передачи и перевода имущества и капитала на имя жены, дѣтей или родственниковъ, а потомъ въ одно прекрасное утро, объявить себя «несостоятельнымъ должникомъ»,—вотъ и все! Дѣло это до того обычное и повседневное въ комерціи, что въ большинствѣ случаевъ кредиторы очень спокойно къ нему относятся. Прекрасно постигая мошенническую искусственность такой несостоятельности, они только въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшаются привлекать должника къ законной отвѣтственности; обыкновенно же стараются раздѣлаться съ нимъ мирно, полюбовно, домашнимъ порядкомъ, и считаютъ, что у него еще «есть крестъ на шеѣ», если онъ согласится, уплатить имъ по пятіалтынничку за рубль, даже, вслѣдъ засимъ вновь кредитъ ему открываютъ. Такимъ порядкомъ иные оборотливые комерсанты успѣваютъ, въ теченіе своей торговой карьеры, нѣсколько разъ обанкротиться и возродиться, къ вящему процвѣтанію своей фирмы.

VIII.

Эксплуатація глупости и порока.

Продолжаю обозрѣніе существующихъ отраслей легкой наживы.

Въ числѣ различныхъ способовъ хищническаго чужеядства и быстраго, безъ труда, пріобрѣтенія денегъ особенную обольстительность всегда имѣла игра — эта пародія войны, со всѣми ея злокачественными условіями: возбужденіемъ дурныхъ страстей, безправіемъ и грабежемъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, различать два существенныхъ вида игры, со стороны ея внутреннихъ пружинъ и побужденій, — игру по страсти и игру, какъ искусство и ремесло. Игрецкая страсть коренится въ натурѣ человѣка и находитъ себѣ множество разнообразныхъ проявленій, отъ невинныхъ дѣтскихъ фантовъ и семейнаго преферанса «на мѣлокъ» до колоссальныхъ оборотовъ финансоваго ажіотажа и міровыхъ экспериментовъ военно-политическаго авантюризма. Нерѣдко бывали примѣры, что страсть эта охватывала цѣлые народы, а такъ называемый шовинизмъ, представляющій, въ сущности, одинъ изъ фокусовъ игрецкой страсти, и до сихъ поръ часто смущаетъ просвѣщенныя націи и ставитъ на карту судьбы Европы. Исторія, при этомъ, выдвинула и цѣлый рядъ блестящихъ игроковъ, вѣнчанныхъ лаврами, какими были, напр., классическіе Алкивіады и Юліи Цезари, средневѣковые кондотьери и новѣйшіе Бонапарты... Изъ историческихъ фактовъ народной игорной страсти, безъ кровопролитій, лавровъ и трубныхъ звуковъ, очень памятны: тюльпанная биржевая горячка въ XVII столѣтіи въ Голландіи, безумный ассигнаціонный ажіотажъ, произведенный въ прошломъ столѣтіи во Франціи извѣстнымъ пройдохой Джономъ Лоу, золото-промышленная и нефтяная передряги въ Америкѣ и пр. Къ тому же порядку явленій человѣческаго психоза слѣдуетъ отнести также античныя ристанія и кровавыя гладіаторскія игры въ римскихъ циркахъ, средневѣковые рыцарскіе турниры, новѣйшій спортъ и наши самобытные кулачные бои.

Оставимъ, впрочемъ, исторію и примѣры слишкомъ широкаго масштаба, — обратимся къ нашей дѣйствительности и къ и г р ѣ

въ точномъ, обыденномъ смыслѣ слова. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ игра карточная, которая, какъ извѣстно, чрезвычайно развита и распространена въ нашемъ культурномъ обществѣ, а отчасти и въ низшемъ классѣ городскаго населенія. Часто это только забава, одно изъ пріятныхъ, неголоволомныхъ средствъ убить постылое время, котораго некуда дѣвать, и, наконецъ, вполнѣ надежная, нейтральная и невинная почва для общенія, спасающая отъ трудной и опасной потребности заниматься устною словесностью, парить мыслью и упражнять воображеніе... Чтò хорошаго?—Можно этакъ дойти, чего добраго, до вольнодумства, до волтерьянства, и—спаси Богъ!—до «бредней», иллюзій»... Карты служатъ отличнымъ презервативомъ противъ этого сорта духовныхъ заразъ и язвъ, а потому-то и пользуются у насъ такой безпрепятственной распространенностью. Словомъ, карты у насъ, при вялости, пустотѣ и низменности жизни, составляютъ суррогатъ той общественной стихіи, складывающейся изъ широкихъ умственно-политическихъ элементовъ и интересовъ, которою живетъ, напр., западная интеллигенція. Впрочемъ, нѣкоторые мыслители небезосновательно полагаютъ, что игра—необходимая и законная потребность человѣка, которая не можетъ быть совершенно исключена никакими иными высшими интересами, какъ бы они ни были живы и глубоки. Въ человѣкѣ есть неискоренимое влеченіе время отъ времени отрѣшаться отъ дѣйствительности, отъ своихъ обычныхъ занятій и заботъ—для отдыха, для разсѣянія и разнообразія впечатлѣній. Извѣстно, однако же, что отдыхъ бездѣятельный, пассивный тяжелѣе и невыносимѣе работы. Отсюда естественно вытекаетъ наклонность къ игрѣ, которая, какъ говоритъ одинъ нѣмецкій изслѣдователь этого вопроса, профессоръ Лацарусъ, «представляетъ собою дѣятельность, служащую къ развлеченію, въ самой себѣ заключающую цѣль, не связанную съ другими цѣлями и заботами жизни человѣческой». Въ этомъ-то и заключается неотразимая привлекательность игры.

Существуетъ два рода карточной игры: такъ называемая, «комерческая» и азартная. Различіе это признается и нашимъ законодательствомъ, дозволяющемъ игры комерческія и воспрещающемъ азартныя. Законодатель имѣлъ въ виду предотвратить безнравственныя и разорительныя для увлекающихся игроковъ послѣдствія

отъ такихъ игръ, гдѣ рискъ безграниченъ и размѣръ проигрыша не обусловленъ ничѣмъ, даже приблизительно. Законъ, однако же, не достигаетъ въ этомъ случаѣ цѣли, такъ какъ и комерческая игра легко можетъ принять всѣ условія азартной, что касается послѣдствій. Извѣстны случаи огромныхъ проигрышей при этой именно игрѣ. За описываемый нами періодъ, весь Петербургъ много и долго говорилъ о проигрышѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ руб. въ англійскомъ клубѣ однимъ виднымъ, понынѣ здравствующимъ, сановникомъ знаменитому, не такъ давно усопшему писателю, составившему себѣ славу блистательнаго игрока. Проигрышъ этотъ былъ сдѣланъ въ нѣсколько сеансовъ въ такую смирную, безхитростную и методическую игру, какъ пикетъ. Коллосальность проигрыша зависѣла отъ размѣра ставокъ. Говорили, что тутъ фишка шла въ полуимперіалъ. Этимъ путемъ даже такая невинная дѣтская игра, какъ «дурачки», можетъ сослужить службу самой азартнѣйшей. Феноменальный въ этомъ родѣ примѣръ дала пресловутая Гулакъ-Артемовская, умудрившаяся, какъ извѣстно, обыграть именно «въ дурачки» одного своего поклонника на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей.

По своимъ цѣлямъ, побужденіямъ и техникѣ, карточная игра бываетъ—или просто увеселительная, ради развлеченія, безъ серьезнаго риска, или азартная съ большимъ рискомъ, по страсти и изъ любви къ сильнымъ ощущеніямъ, а не то и ради выигрыша на счастіе, или профессіональная, какъ ремесло и искусство, или же, наконецъ, шуллерническая, соприкасающаяся съ простымъ мошенничествомъ и грабежомъ навѣрняка.

Конечно, всѣ эти категоріи на практикѣ часто смѣшиваются между собою. Напримѣръ, столь процвѣтающая въ нашихъ клубахъ карточная игра допущена въ нихъ въ качествѣ лишь невинной забавы, для чего самый выборъ клубскихъ игръ строго ограниченъ. Между тѣмъ, кто же не знаетъ, что за клубскими зелеными столами сплошь и рядомъ разоряются семьи, что среди клубскихъ игроковъ есть профессіональные спеціалисты и даже форменные шуллера. Вообще, можно сказать безъ большой натяжки, что наши клубы—на одну половину распивочно-проституціонныя заведенія, а на другую — картежные дома. Нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе фешёнебельные, такъ-таки цѣликомъ и посвящены одному

картежному препровожденію времени, не имѣя,—кромѣ еще ѣды и питья,—ровно никакихъ другихъ общественно-увеселительныхъ задачъ. Таковы, напр., англійскій клубъ, сельско-хозяйственный и морской яхтъ-клубы, изъ которыхъ первый ровно ничего не имѣетъ въ себѣ англійскаго, второй — сельско-хозяйственнаго, а третій— ни морскаго, ни навигаторскаго. Всѣ они стоятъ главнымъ образомъ на картахъ, и нельзя даже себѣ представить, какъ могли бы они просуществовать хоть одну минуту безъ картъ, безъ большой игры.

Правительство наше, издавна пытавшееся сдерживать развитіе игорной страсти и пресѣкать всякія азартныя, рискованныя игры, обращаетъ вниманіе, время отъ времени, и на клубы, съ цѣлью положить границы обнаруживающимся въ нихъ слишкомъ рѣзкимъ уклоненіямъ отъ программы невиннаго препровожденія времени въ сторону соблазнительной пассіи. Такъ, въ 1866 г. правительство воспретило игру въ домино-лото-и такъ называемую «стуколку», чрезвычайно процвѣтавшія въ столичныхъ клубахъ. Вотъ мотивы этого воспрещенія: «До министерства внутреннихъ дѣлъ,—говорилось въ изданномъ по этому поводу циркулярѣ,—дошли свѣдѣнія, что въ петербургскихъ клубахъ и публичныхъ собраніяхъ необычайно усилились игры въ домино-лото и стуколку и что страсть къ нимъ, замѣтно развиваясь въ обществѣ, сопровождается крайне гибельными послѣдствіями для благосостоянія не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ семействъ». Въ доказательство этого, циркуляръ ссылается на огромность суммъ, выручаемыхъ клубами отъ названныхъ игръ, а также на многочисленные факты, что играющіе, проигравъ деньги, «прибѣгаютъ къ закладу вещей для продолженія игры», чего ради въ клубахъ завелось даже организованное ростовщичество, какъ видно изъ публикацій полицейской газеты. Въ нѣкоторыхъ клубахъ ставки въ домино-лото доходили до 25, 50 и даже 100 р., да, сверхъ того, ставилось еще на табельку, «конъ» которой доходилъ до 2500 р. Но «главнымъ зломъ» этихъ игръ, по справедливому мнѣнію министерства, былъ «соблазнъ для бѣдныхъ», при общедоступности ставокъ въ 25 и 50 к. Многіе изъ нихъ, увлеченные «неодолимой страстью», на этихъ именно ставкахъ спускали свои скудныя сбереженія и доходы, подвергая свои семьи голоду и нищетѣ.

Съ этого времени въ клубскихъ играхъ стали принимать участіе дамы, являвшіяся во время царства домино-лото и стуколки самыми азартными и безоглядно-легкомысленными жертвами игорной страсти. Впрочемъ, они и до сихъ поръ, подъ насмѣшливой кличкой «мушкатерокъ», составляютъ едва-ли не главный контингентъ клубскихъ игроковъ въ тѣхъ играхъ, которыя не требуютъ никакого искусства и основаны на слѣпомъ счастіи. Такова именно «мушка» (откуда и названіе— «мушкатерки») и «рамсъ», замѣнившіе собой воспрещенныя домино-лото и стуколку. Замѣна эта, въ сущности, очень мало послужила къ улучшенію клубскихъ нравовъ и сокращенію клубскаго игорнаго азарта. «Мушка», подобно стуколкѣ и домино-лото, стала сопровождаться такою же деморализаціей и такими же безобразными сценами проигрышей до-тла, заклада вещей для продолженія игры, ссоръ и пр. Особенно отличались въ этомъ отношеніи дамы-«мушкатерки». Дѣло дошло до того, что въ самихъ клубахъ стала являться реакція противъ дамской клубской игры, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ нихъ, именно «благородное собраніе», по иниціативѣ членовъ-мужчинъ, рѣшилъ воспретить въ своихъ стѣнахъ дамамъ игру въ мушку. Но теперь тамъ опять завелась та же игра.

Нужно замѣтить, что «мушка» — игра по преимуществу дамская, мелкая, грошовая, такъ что настоящіе, заправскіе игроки относятся къ ней съ пренебреженіемъ, да въ клубахъ и игорныхъ домахъ, гдѣ идетъ большая игра, она и вовсе не практикуется. Изъ «серьезныхъ» игръ, допускаемыхъ въ клубахъ, нынче въ ходу «безикъ», «макао» и «баккарà», не считая «винта» и «преферанса», которые слишкомъ продолжительны и степенны для быстрыхъ и крупныхъ игрецкихъ оборотовъ. Большою игрою славится морской яхтъ-клубъ, гдѣ однажды, пресловутой памяти, князь Санъ-Донато проигралъ чуть ли не въ одинъ присѣстъ милліонъ франковъ, и отчасти англійскій клубъ. Пользовался такою же славою нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нынче закрывшійся купеческій клубъ, въ которомъ главными жрецами картежныхъ сатурналій были какіе-то, сомнительной репутаціи, армяне и греки. Клубы, впрочемъ, служатъ въ данномъ отношеніи какъ-бы подготовительными кадрами и преддверіями частныхъ игорныхъ домовъ, гдѣ уже происходитъ главная операція безъ всякихъ стѣсненій. Обыкновенно представи-

тели этихъ домовъ и ихъ агенты, прилежно посѣщая такого рода клубы и играя въ нихъ, сводятъ подходящія знакомства, наслѣживаютъ, какъ охотники, «пижоновъ», по шуллерскому термину, завлекаютъ въ свои притоны и уже тамъ обработываютъ ихъ начисто.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что картежная игра, какъ промышленность и источникъ легкой наживы, существуетъ въ Петербургѣ въ широкихъ размѣрахъ, несмотря на противодѣйствіе закона и полиціи. Почвой и матеріаломъ для такой промышленности служитъ распространенная въ обществѣ страсть къ игрѣ, подогрѣваемая или нуждой, или погоней за счастливымъ случаемъ для скораго обогащенія. Во всѣхъ слояхъ общества встрѣчается множество охотниковъ попытать счастія въ картахъ, сорвать кушъ въ азартной игрѣ, либо изъ корысти, либо изъ наклонности къ сильнымъ ощущеніямъ. Они-то и представляютъ собою въ данномъ случаѣ того «звѣря», который «на ловца бѣжитъ». Возникаетъ цѣлая орда чужеядныхъ промышленниковъ, спеціализирующихъ, по всѣмъ правиламъ искусства, эксплуатацію легкомыслія, страсти, неопытности и глупости. Отсюда и кличка «пижоновъ», очень меткая и характерная, для объигрываемыхъ простаковъ. Самая игра, дѣлаясь орудіемъ правильнаго промысла спеціалистовъ, обращается въ искусство, требующее систематическаго изученія, таланта и множества техническихъ приспособленій.

Профессіональная игра для наживы не всегда обставлена шуллерствомъ. Напротивъ, заправскій, опытный и крупный игрокъ-мастеръ въ большинствѣ случаевъ — бонтонный джентльменъ и баринъ, ведетъ свои операціи съ полнымъ успѣхомъ безъ пособія шуллерства въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Зачѣмъ онъ станетъ пачкаться рискованными, грубыми пособіями и орудіями устарѣлой шуллерской механики, когда нынѣ придумано множество другихъ, вполнѣ приличныхъ, тонкихъ способовъ вести игру и, въ результатѣ, никогда не проигрывать? Напримѣръ, существуетъ игрецкая аксіома, что, при правильномъ, разсчетливомъ веденіи игры въ банкъ или штосъ, банкометъ, располагающій достаточнымъ оборотнымъ капиталомъ, въ общемъ итогѣ всегда останется въ выигрышѣ. На этой аксіомѣ держится, какъ извѣстно, рулетка, которая получила было широкое право гражданства въ игорномъ

Петербургѣ. Точно также обусловливаютъ безпроигрышность систематическихъ картежныхъ операцій на большую ногу разныя остроумныя комбинаціи, основанныя на началахъ ассоціаціи, раздѣленіи труда и риска, на психологіи, мимическомъ искусствѣ и т. д. Намъ, конечно, нѣтъ нужды вдаваться въ теорію картежнаго мастерства; мы хотѣли только сказать, что въ наше просвѣщенное время — шуллера, въ прямомъ смыслѣ слова, съ краплеными картами, фальшивыми очками, вольтами, передержками и тому подобными классическими фокусами этого искусства, едва-ли встрѣчаются въ рядахъ столичныхъ игроковъ высшаго полета. Они попадаются, безъ сомнѣнія, и нынѣ, но болѣе въ низшей средѣ, въ разныхъ трущобахъ, и обираютъ слишкомъ ужь простоватыхъ, неотесанныхъ и ослѣпленныхъ хмѣлемъ «пижоновъ», затрудняющихся иногда различить, гдѣ у нихъ правая нога и гдѣ лѣвая. Что касается изысканныхъ учредителей привилегированныхъ картежныхъ домовъ, то они, въ тонкомъ комерческомъ разсчетѣ, простираютъ свою ревность о доброй репутаціи своихъ фирмъ до очень остроумныхъ изобрѣтеній. Такъ, одинъ изъ етихъ господъ прославился въ Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изобрѣтеніемъ особыхъ магнитныхъ картъ и иныхъ приспособленій въ интересѣ честной игры. Онъ изготовлялъ карты съ желѣзными пластинками, посредствомъ которыхъ они метались магнитными палочками, а не пальцами, чѣмъ устранялась передержка; притомъ самая мётка (въ банкѣ, ландскнехтѣ и пр.) производилась на особыхъ стеклянныхъ ящикахъ, такъ что всякая попытка къ шуллерству была предупреждена и парализована. Тѣмъ не менѣе, притонъ этого организатора «честной» игры потерпѣлъ разгромъ, причемъ полиція арестовала болѣе 4 т. колодъ магнитныхъ картъ, и, кажется, это полезное изобрѣтеніе теперь затеряно.

Игорный промыселъ и игорные дома въ Петербургѣ имѣютъ свою любопытную исторію, которую не разъ уже пытались начертать въ нашей литературѣ болѣе или менѣе достовѣрные исторіографы. Опытъ этотъ сдѣлалъ отчасти въ своихъ романахъ покойный Чужбинскій. Нынѣ нѣкто К. Бороздинъ далъ въ одной петербургской газетѣ рядъ фельетоновъ «Изъ лѣтописи петербургскихъ игорныхъ домовъ», не отличающихся, впрочемъ, обиліемъ фактовъ. Впрочемъ, вполнѣ правъ г. Бороздинъ, утверждая, что

«въ Петербургѣ никогда не переводились игорные дома, не смотря на строгое ихъ запрещеніе, а переживали только разныя полосы большей или меньшей терпимости». Обыкновенно какая нибудь громкая скандалезная исторія, происшедшая въ томъ или другомъ игорномъ домѣ, на время привлекаетъ чрезвычайное взыскательное вниманіе полиціи на всѣ этого рода учрежденія, и они терпятъ погромъ. Дома закрываются, а ихъ хозяева и компаньоны административно высылаются въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, а то и подъ судъ попадаютъ, хотя очень рѣдко (за обозрѣваемый нами періодъ изъ столичныхъ крупныхъ игорныхъ домовъ одинъ только рулеточный притонъ пресловутаго Колемина сдѣлался объектомъ судебнаго преслѣдованія). Но—«страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ»: — по нашему обычаю, блюстительская ретивость, что̀ лѣтняя гроза, послѣ возбужденнаго извнѣ припадка неусыпности и нещадной строгости, пошумѣвъ и погремѣвъ, быстро улегается и спускаетъ рукава. На мѣсто разгромленныхъ и уничтоженныхъ игорныхъ домовъ появляются новые, вмѣсто выбывшихъ артистовъ картежнаго ремесла прибываютъ и заводятся другіе, не менѣе искусные.

Въ настоящее время, какъ и всегда, въ Петербургѣ имѣются въ избыткѣ игорные дома, существующіе чуть не открыто. По крайней мѣрѣ, адресы ихъ, имена хозяевъ, самая хроника ихъ дѣйствій и приключеній не составляютъ ни малѣйшей тайны: — они всегда хорошо извѣстны не только посвященнымъ представителямъ игорнаго мірка, но чуть не всему городу. Маленькая пресса постоянно слѣдитъ за ними и самымъ нецеремоннымъ образомъ, подъ прозрачными инициалами, съ предательскими намеками и подмигиваніями, изображаетъ ихъ героевъ и гостей въ такомъ, напримѣръ, родѣ (беремъ на выдержку одинъ изъ многочисленныхъ въ этомъ жанрѣ этюдовъ):

«Мы отправились,—пишетъ хроникеръ газеты.—Домикъ на одной изъ главныхъ улицъ столицы, домикъ не то казенный, не то какого-то вѣдомства, и магнетизеръ пріютился въ этомъ домикѣ на самомъ верху. «Гостей» здѣсь ежедневно цѣлая масса. «Собранія» начинаются съ «утренниковъ», часовъ съ 10-ти утра въ экстренныхъ случаяхъ, и продолжаются всю ночь напролетъ въ слу-

чаяхъ обыденныхъ. Швейцаръ пропускаетъ гостей хотя бы въ третьемъ часу ночи, а горничная любезно открываетъ имъ двери.

«— Пожалуйте-съ!.. Здѣсь брѣютъ, стригутъ и кровь отворяютъ.

«Здѣсь «жарятъ» въ ландскнехтъ, тамъ «дуются» въ штосъ, въ антрактахъ—баккарà, макао и прочія «легонькія» игры. Самъ патронъ иногда играетъ, иногда выигрываетъ, подчасъ даже проигрываетъ, но всегда взимаетъ за карты. Карты для ландскнехта—изобрѣтенія хозяина, которыми якобы нельзя передернуть, но нельзя и отрицать, что многихъ игроковъ отъ этихъ картъ очень таки чувствительно передергиваетъ.

«Здѣсь недавно въ пухъ и прахъ разыгранъ былъ юный морякъ; даже «барышни» пущены были въ ходъ для «розыгрыша» юнаго картежника, ну, — и разыграли! Юноша, должно быть, и теперь вспоминаетъ эту исторію. Здѣсь же разыграли дважды — вѣдь нужно же быть такимъ бараномъ?! — одного служащаго при нѣкоей желѣзной дорогѣ; здѣсь же нѣкій цѣлитель недуговъ человѣческихъ оставлялъ ночью то, чтò онъ днемъ получалъ за «визиты». Словомъ здѣсь «была игра!» И не разъ была и не разъ бываетъ и по настоящую минуту».

Само собою понятно, что послѣ такого живописнаго изображенія очень нетрудно было бы найти указанный «домикъ» тѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, а найдя и удостовѣрившись въ справедливости газетнаго сказанія, распорядиться съ гостепріимнымъ домикомъ согласно требованіямъ закона. Несмотря на это, такіе домики преблагополучно существуютъ иногда многіе годы. Чѣмъ же это объяснить?—Кромѣ вышеуказанной причины, лежащей въ самомъ свойствѣ нашей блюстительской дѣятельности, играютъ здѣсь большую роль связи и знакомства, которыми заручаются фешёнебельные, изъ хорошаго общества, учредители игорныхъ домовъ высшаго полета, престижъ порядочности и радушнаго общежитія, которыми старательно замаскировывается организація и задачи такихъ «домиковъ», и наконецъ, — чтò самое главное, — господствующіе въ высшихъ слояхъ общества пороки и страсть къ игрѣ.

Чтò пользы, въ самомъ дѣлѣ, въ упраздненіи того или другаго игорнаго притона, когда значительная часть общества, наиболѣе вліятельная и зажиточная, въ своей совокупности представ-

ляетъ въ сущности одинъ огромный игорный домъ? — Шуллера и профессіональные игроки—прямой, естественный продуктъ этого явленія. Существуютъ коршуны потому, что существуютъ «пижоны»; существуютъ игорные дома потому, что въ нихъ есть настоятельная потребность — не менѣе настоятельная, чѣмъ та, которая создала и узаконила, напр., существованіе публичныхъ домовъ непотребства...

Въ этой области быстрой, легкой наживы и быстраго разоренія фигурируетъ, по преимуществу, опять таки «благородный человѣкъ», «питомецъ славы». Большая картежная игра искони была любимымъ занятіемъ нашего барства, но тогда какъ въ блаженныя времена обилія она составляла для него забаву и поприще для сильныхъ ощущеній,—нынѣ, въ дни оскудѣнія, захудалый и обѣднѣвшій «благородный человѣкъ» часто ищетъ въ картахъ источниковъ пропитанія и обогащенія, обращая игру въ свое ремесло. Профессіональные игроки-мастера и учредители игорныхъ домовъ — въ большинствѣ случаевъ такъ называемые «порядочные» люди, нерѣдко съ аристократическими именами, представители свѣтскаго общества.

Пріѣзжаетъ во второй половинѣ 60-хъ годовъ въ Петербургъ блистательный кавалеристъ-ремонтёръ, съ громкой фамиліей и большими связями, привозитъ съ собой 75 т.,—казенныхъ или своихъ осталось не разъясненнымъ, — и начинаетъ жить широко, по барски, съ безграничнымъ хлѣбосольствомъ. Въ его салонахъ собирается лучшее столичное общество, преимущественно изъ гвардейскихъ офицеровъ. Превосходный столъ, дорогія вина, гаванскія сигары, товарищеское радушіе и любезная простота хозяина всѣхъ очаровываютъ. Свобода полная — дѣлай что̀ хочешь, забавляйся, какъ умѣешь! Гостепріимный хозяинъ предупредилъ всякіе вкусы и, между прочимъ, разставилъ на охотниковъ зеленые столы. Охотники, конечно, находятся, къ нимъ присаживаются какіе-то очаровательные джентльмены, рекомендованные хозяиномъ. Начинается игра... Играютъ вечеръ, другой и такъ далѣе, но—что̀ за притча?— Гости, одинъ за другимъ, продуваются въ пухъ и прахъ, однимъ таинственнымъ джентльменамъ непрерывно валитъ «воловье счастье». Самъ хозяинъ не играетъ. Тѣмъ не менѣе, въ городѣ складывается про него сказаніе, что онъ организовалъ игорный домъ, въ кото-

ромъ чиститъ карманы «золотой молодежи» при посредствѣ подозрительныхъ личностей, немного сродни Расплюевымъ.

Мы разсказали эту исторійку, одну изъ многихъ однородныхъ, чтобы показать, кто и какъ заводитъ у насъ игорные дома. Нынѣ это самый распространенный типъ шуллерской организаціи. Учредитель и хозяинъ игорнаго дома стоитъ въ сторонѣ отъ самыхъ операцій по обработкѣ «пижоновъ»; онъ — или вовсе не играетъ, или играетъ слегка, мимоходомъ. Какъ радушному хлѣбосолу, ему не до картъ: онъ весь вечеръ встрѣчаетъ, занимаетъ и угощаетъ гостей, а главное — сводитъ ихъ съ «мастерами». По отношенію къ послѣднимъ, онъ или подрядчикъ-наниматель, или компаньонъ. Всего чаще, организовавъ и сплотивъ компанію артистовъ по ремеслу, онъ пользуется съ ихъ добычи условленнымъ львинымъ процентомъ. Потомъ въ его пользу идетъ плата за карты. Въ сложности, получается такой жирный и вѣрный доходъ, что организаторъ игорнаго дома, всегда очень дорого стоющаго, съ лихвой покрываетъ издержки, живетъ сибаритомъ и накапливаетъ капиталы.

Въ организацію шуллерскихъ шаекъ, оперирующихъ въ игорныхъ домахъ, нерѣдко входятъ и особы прекраснаго пола—обольстительныя сирены сомнительной репутаціи, предназначенныя для того, чтобы своими прелестями и кокетствомъ отуманивать женолюбивыхъ «пижоновъ». Иногда эти дамы принимаютъ и непосредственное участіе въ игрѣ. Вообще, въ послѣднее время на этомъ поприщѣ не менѣе успѣшно, чѣмъ и на другихъ, наша культурная женщина достигла почти полнаго равенства съ мужчиной. Не только карточной, но и другимъ азартнымъ играмъ современная дама предается безъ стѣсненія. Она участвуетъ во всевозможныхъ видахъ спорта, играетъ на скаковомъ тотализаторѣ, пробуетъ счастія на рулеткѣ, въ публичныхъ лотереяхъ, а также въ биржевой игрѣ; наконецъ, стали появляться небывалыя прежде артистки по части бильярдной игры, играющія на деньги въ трактирахъ и съ большимъ искусствомъ.

Карточная игра сильно распространена въ Петербургѣ не только въ высшихъ культурныхъ слояхъ, но также и въ низшей, полуобразованной городской массѣ населенія. Любимая, господствующая игра здѣсь—«стуколка», но практикуются также и другія азарт-

ныя игры. На спросъ картежниковъ этой среды возникаютъ и спеціальные игорные дома низшаго разбора, гдѣ уже не церемонятся съ «пижонами» и обираютъ ихъ такими явными и грубыми шуллерскими способами, что тѣмъ не остается никакого сомнѣнія насчетъ того, въ чьи лапы они попали, и хроника этихъ домовъ обыкновенно изобилуетъ скандалами, драками и вмѣшательствомъ полиціи. Полиція, и по собственной иниціативѣ, часто наслѣживаетъ эти притоны, накрываетъ ихъ организаторовъ и мастеровъ на мѣстѣ дѣйствія, а потомъ предаетъ ихъ мировому суду. Въ практикѣ послѣдняго встрѣчается множество такихъ дѣлъ. Существуютъ у насъ и опыты устройства уличной шуллерской игры, разсчитанной на скудные гроши простолюдиновъ. Такой опытъ былъ однажды накрытъ на народномъ гуляньѣ на Марсовомъ полѣ. Орудовала здѣсь цѣлая шайка. Одни изъ ея членовъ, «манилы», завлекали простолюдиновъ въ игру, устраиваемую тутъ же, подъ открытымъ небомъ, а другіе обирали ихъ посредствомъ шуллерскихъ пріемовъ въ игрѣ, представлявшей что-то въ родѣ «трилистика» или «стуколки».

Какъ всякій промыселъ, профессіональная карточная игра спеціализируется по роду приспособленія въ погонѣ за добычей. Игрокъ, что̀ охотникъ, долженъ приспособляться къ мѣстонахожденію дичи и ловить ее въ удобной обстановкѣ. Такимъ образомъ, существуютъ профессіональные игроки—спеціально клубскіе или оперирующіе въ игорныхъ домахъ, съ которыми мы уже познакомились; затѣмъ есть мастера «сихъ дѣлъ» желѣзнодорожные, пароходные, трактирные и т. д. Желѣзнодорожные шуллера, практикующіе по бойкимъ линіямъ, какова, напримѣръ, московско-петербургская, нерѣдко образуютъ цѣлую правильно-сплоченную компанію, которая дѣйствуетъ по сложному, искусно-составленному плану. Одни ея члены выглядываютъ среди пассажировъ подходящихъ «пижоновъ», удрученныхъ дорожной скукой, знакомятся съ ними и неощутительно наводятъ на мысль объ игрѣ; другіе, какъ бы совершенно незнакомые съ первыми и между собою, напрашиваются въ партнеры, а затѣмъ уже, стройно и дружно, производится очистка кармана неосторожной жертвы. Въ томъ же обыкновенно порядкѣ дѣйствуютъ и пароходные игроки. Трактирные пользуются результатами радушнаго гостепріимства тѣхъ заведеній,

въ которыхъ они раскинули свои сѣти. Въ описываемое время, картежная игра въ столичныхъ трактирахъ была явленіемъ обычнымъ, но особенно славилась въ этомъ отношеніи трущобная гостинница «Вознесенская», бывшая форменнымъ игорнымъ домомъ и притономъ шуллеровъ, за что̀ она и была впослѣдствіи закрыта высшей полицейской властью. Трактирные игроки—безъ сомнѣнія, при болѣе или менѣе косвенномъ посредничествѣ хозяевъ и прислуги такихъ заведеній — сводятъ знакомства у буфета, подпаиваютъ свои жертвы, потомъ завлекаютъ въ свои «номера» и тамъ обыгрыва̀ютъ навѣрняка.

Картами далеко не исчерпывается обозрѣваемая общественная язва. Въ Петербургѣ очень развита также бильярдная игра на деньги, центромъ которой считается извѣстный ресторанъ «Доминика», гдѣ подвизаются профессіональные артисты этой игры, изъ которыхъ многіе составили себѣ громкое имя въ извѣстныхъ кружкахъ. Бильярдная игра имѣетъ, такъ сказать, постоянный штатъ профессіональныхъ артистовъ-игроковъ, въ лицѣ маркеровъ, которые обыкновенно или сами играютъ съ гостями на деньги, или держатъ «мазу» своимъ сообщникамъ. Конечно, и здѣсь шуллерство и обманъ имѣютъ широкое примѣненіе. Потомъ, лѣтъ десять тому назадъ, вошла и весьма процвѣла было у насъ въ столицѣ рулетка. Развитію этой остроумной забавы нанесенъ былъ чувствительный ударъ процессомъ, возбужденнымъ противъ извѣстнаго Колемина, организовавшаго правильный, на широкихъ комерческихъ началахъ, рулеточный банкъ, который ворочалъ десятками тысячъ и собиралъ за своими столами, «на огонекъ», пеструю компанію, отъ представителей jeunesse et vieillesse dorées, богатыхъ купчиковъ и т. д., до покладистыхъ редакторовъ изъ «маленькой» прессы и ихъ сотрудниковъ. Какъ извѣстно, по неусыпному почину прокурорскаго надзора, гостепріимный домикъ Колемина былъ закрытъ, а его предприниматель преданъ суду и сосланъ. Попадаются случаи устройства частныхъ тайныхъ лотерей, которыя также запрещены закономъ. Находчивый обыватель пускаетъ въ лотерейный выигрышъ какую нибудь вещь или просто деньги, сбываетъ направо и налѣво билеты на сумму, въ нѣсколько разъ превосходящую цѣнность выигрыша, и — иногда попадаетъ предъ лицо мироваго судьи. Очень странно, однако, что рядомъ съ запрещеніемъ всякихъ дру-

гихъ видовъ азартной публичной игры, у насъ пользуется полнымъ просторомъ и снисходительной терпимостью такая безобразная и безнравственная игра, какъ скаковой тотализаторъ, дѣлающій обороты на многія тысячи рублей, завлекающій толпу, озвѣряющій ее, а въ той или другой части—и разоряющій. Между тѣмъ, совершенно однородный, но сравнительно менѣе вредный, по крайней мѣрѣ, въ количественномъ отношеніи, спортсменскій игорный азартъ въ классическомъ пѣтушиномъ бою, какъ и самый этотъ бой, у насъ строго преслѣдуется. Охотниковъ до пѣтушинаго боя въ Петербургѣ немало, судя по тому, что однажды у одного изъ нихъ полиція накрыла цѣлую толпу зрителей и болѣе двадцати экспонентовъ-соперниковъ, явившихся со своими пѣтухами для игрецкаго состязанія. Упомянемъ наконецъ о нашей національной, крайне немудрящей, но чрезвычайно азартной игрѣ —«орлянкѣ», которой со страстнымъ увлеченіемъ предается рабочій людъ, чаще всего въ праздникъ, лѣтомъ, на вольномъ воздухѣ, гдѣ нибудь въ глухихъ окраинахъ, вдали отъ полицейскаго надзора. Игра эта также деморализуетъ и разоряетъ увлекающихся ею, какъ и всякая другая азартная игра.

Какими, однако же, ничтожными и сравнительно невинными должны показаться намъ всѣ исчисленныя игры передъ тѣмъ огромнымъ, алчнымъ «стозѣвнымъ чудищемъ», за одинъ глотокъ пожирающимъ милліоны, которое называется биржевой игрой! Биржевая игра, какъ явленіе общественное, въ прямомъ смыслѣ слова, существуетъ у насъ не очень давно—лѣтъ двадцать пять, со времени чрезвычайнаго развитія акціонерно-банковскаго дѣла, превращеннаго очень скоро въ наглую и безграничную спекуляцію. Наша биржа впрочемъ лишена самостоятельности и какъ извѣстно, зависитъ всецѣло отъ Берлина, который, въ свою очередь, зависитъ отъ другихъ финансовыхъ центровъ, такъ что въ сущности мы имѣемъ здѣсь дѣло съ міровымъ явленіемъ—съ цѣлой огромной системой гешефта, спекуляціи и грабежа, эксплуатирующей повсемѣстно «Дурака и Компанію», какъ называетъ Шерръ весь родъ людской.

Биржевая игра, заключающаяся въ искусственномъ повышеніи и пониженіи ходкихъ бумагъ, въ фиктивныхъ сбытѣ и покупкѣ ихъ на извѣстные сроки, съ цѣлью выиграть на разницѣ между

условленной цѣной и курсомъ, ведется въ Петербургѣ постоянно и имѣетъ своихъ спеціалистовъ, возведшихъ это дѣло въ правильный промыселъ. Спеціалистовъ такихъ множество, и они составляютъ преобладающее ядро биржи. Тутъ попадаются и крупные капиталисты—банкиры, желѣзнодорожники, купцы, сановники-финансисты, и мелкіе разноплеменные гешефтмахеры, именуемые «зайцами», вѣроятно, за свою юркость и впечатлительность. Какъ всякая азартная игра, биржевая основана на отгадываніи прихотливыхъ колебаній курса, по чутью, на счастіе, а также по дальновидному соображенію разныхъ обстоятельствъ и условій, такъ или иначе вліяющихъ на настроеніе биржи. Такая игра очень рискованна и слишкомъ подвержена случайностямъ, чтобы не явились здѣсь шулерскія попытки играть навѣрняка. Весь вопросъ въ томъ, чтобы заранѣе твердо знать грядущіе моменты повышенія или пониженія данныхъ бумагъ и, сообразно этому, вести операціи. Понятно, что при этомъ условіи проигрыша быть не можетъ, но какъ заранѣе угадать оборотъ биржевой судьбы?—Это достигается иногда заблаговременнымъ знаніемъ тѣхъ или другихъ, имѣющихъ совершиться политическихъ, государственныхъ и финансовыхъ перемѣнъ, которыя должны оказать извѣстное вліяніе на биржевой рынокъ или на курсъ той или другой цѣнной бумаги. Конечно, это могутъ знать только люди посвященные въ дѣла и стоящіе близко къ вліятельнымъ сферамъ. И про нѣкоторыхъ изъ такихъ людей, не упустившихъ оказіи воспользоваться своими свѣдѣніями и быстро обогатиться, въ петербургской скандалезной хроникѣ ходитъ много сказаній. Но такія оказіи не всегда бываютъ, да и не для всякаго онѣ доступны. Самый же обыкновенный и общераспространенный способъ биржевой игры заключается въ шуллерскомъ муссированіи курсовъ въ сторону повышенія или пониженія. Для этого избирается какая нибудь одна бумага, почему либо удобная для игры, и ею начинаетъ балансировать стакнувшаяся шайка биржевыхъ спекулянтовъ: — то гонитъ ее искусственно вздутымъ спросомъ вверхъ, то быстро роняетъ, въ томъ или другомъ случаѣ безпощадно эксплуатируя и разоряя довѣрчивыхъ, простоватыхъ капиталистовъ изъ публики. Такимъ образомъ, биржевая спекуляція азартно шуллерничала, между прочимъ, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ билетами внутреннихъ съ выигрышами займовъ, вздула ихъ курсъ

до чрезвычайно высокой, фальшивой цѣны, сдѣлала ихъ самой популярной бумагой въ публикѣ и, въ результатѣ, потерпѣла жестокій крахъ. Разумѣется, больше всего поплатилась публика. Паденіе названныхъ билетовъ выразилось въ нѣсколькихъ десяткахъ рублей на каждый, вслѣдствіе чего множество капиталистовъ были совершенно разорены. Мы отмѣтили только самый рельефный эпизодъ въ исторіи петербургской биржевой игры; въ менѣе же крупномъ масштабѣ, по мелочамъ, такого рода «декадансы» однихъ и обогащеніе другихъ, вслѣдствіе ухищреній биржевой спекуляціи, — явленіе повседневное, и до того нормальное и обыденное, что въ газетныхъ биржевыхъ бюллетеняхъ нѣкоторыя бумажки такъ ужь и называются, en toutes lettres, «спекулятивными» — берегите, молъ, благосклонный читатель, ваши карманы! Строго говоря, «спекулятивная» бумага — это та же шуллерная карта, съ поддѣльнымъ крапомъ и фальшивыми очками, но биржевой жаргонъ и его аллегоріи никого не тревожатъ и не возмущаютъ.

Къ биржевой спекуляціи близко примыкаютъ, подъ тою же легальной маской комерціи, кулачество и маклачество, представляющія собою самые распространенные на Руси виды легкой и нечистой наживы. Процвѣтаютъ они и въ Петербургѣ, и иногда въ грандіозныхъ размѣрахъ. Хорошо извѣстны всѣмъ случаи кулаческихъ спекуляцій на петербургскомъ рынкѣ съ сахаромъ, съ керосиномъ, съ мясомъ, съ дровами, съ квартирами и даже съ хлѣбомъ. Суть кулачества заключается въ прижимкѣ потребителя или производителя путемъ стачки, ради хищническаго пониженія или поднятія цѣны на извѣстный продуктъ, на извѣстную потребность. Кулачество алчно пользуется нуждою, оскудѣніемъ жителя, и не знаетъ къ нему пощады. Такимъ образомъ, въ неурожайные годы столичные хлѣбопромышленники обнаруживаютъ каждый разъ наклонность къ безграничному повышенію цѣнъ на хлѣбъ и, еслибы не встрѣчали въ подобныхъ случаяхъ энергическаго противодѣйствія со стороны правительства, то тысячи бѣдняковъ вынуждены были бы умереть съ голоду. Въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ петербуржцы попали подъ жестокій гнетъ квартирно-дровяного кулачества. Домовладѣльцы и дровяники неимовѣрно подняли цѣны — первые на квартиры, а вторые — на дрова. Замѣчательны во всѣхъ подобныхъ явленіяхъ единодушіе и стройность капитали-

стической эксплуатаціи, совершенно исключающія присутствіе благодѣтельной конкуренціи, хотя это и не всегда бываетъ результатомъ сговора и предварительно-обусловленной стачки. Въ этомъ случаѣ кулакъ кулака чуетъ издалека, и хищный инстинктъ у нихъ самъ собою, безъ словъ «вѣсть подаетъ», — точно ядовитое повѣтріе пройдетъ незримо по городу и ожесточитъ сердца, наклонныя къ кулачеству и дождавшіяся своихъ имeнинъ. Быстро, какъ бы по телефону, устанавливается извѣстная цѣна, извѣстный способъ дѣйствій во всѣхъ концахъ города, по сигналамъ, подаваемымъ изъ центровъ кулаческой спекуляціи. Это — факты крупные, взятые для рельефности въ очертаніи даннаго явленія; но всякому хорошо извѣстно изъ повседневной практики, что у насъ сплошь и рядомъ во всѣхъ слояхъ общества попадаются кулаки, и что мелкое и крупное кулачество часто вплетается во всевозможныя житейскія отношенія, семейныя и общественныя, дѣловыя и увеселительныя. Собакевичъ—одинъ изъ самыхъ безсмертныхъ и распространенныхъ типовъ на Руси только нужно умѣть различать его подъ разными личинами и оболочками.

Маклакомъ въ Петербургѣ называется спеціальный промышленникъ, чаще всего представитель «черной сотни», въ задачи котораго входитъ рыскать повсюду несытымъ волкомъ и ловить оказію — благопріобрѣтать, что̀ бы ни пришлось, за безцѣнокъ. Стеченіе маклаковъ можно видѣть на всѣхъ торгахъ, подрядахъ и публичныхъ аукціонахъ. Маклаки раздѣляются, по роду промысла, на нѣсколько группъ, и каждая представляетъ собою правильно и плотно организованную шайку хищниковъ, принимающихъ то или другое участіе въ дѣлежѣ добычи. На торгахъ по подрядамъ они являются съ угрозою «сбить» цѣны для того, чтобы вынудить отъ желающаго взять подрядъ условленное отступное, которое, смотря по суммѣ подряда, достигаетъ иногда очень крупнаго куша. Аукціонные маклаки, сосредоточивающіеся въ рынкахъ, дѣйствуютъ по другому плану: — придя шайкой на аукціонъ, они стараются всецѣло овладѣть торгомъ, для чего всякими способами отваживаютъ стороннихъ покупателей, а потомъ закупаютъ всю наличность за безцѣнокъ, везутъ на рынокъ и тамъ устраиваютъ уже свой товарищескій аукціонъ. Полученная этимъ путемъ прибыль идетъ въ «вязку», т. е. дѣлится между всѣми членами ма-

клаческой шайки... Для людей разоряющихся и бѣдныхъ, которымъ приходится волей-неволей продавать свое имущество наскоро, маклаки—настоящая саранча!

Впрочемъ, при торгахъ на подряды и концессіи, въ особенности казенные, говорятъ, недостаточно удовлетворить однихъ только маклачествующихъ конкурентовъ, — нужно еще «помазать» и тѣ руки, изъ которыхъ идутъ подряды. Такъ говорятъ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный журналистъ, бывшій прежде крупнымъ казеннымъ подрядчикомъ, публично исповѣдался въ своей газетѣ, что онъ давалъ взятки чиновнымъ дателямъ подрядовъ, назвалъ даже цифры—сколько давалъ (это были десятки тысячъ), и заключилъ свою исповѣдь догматическимъ утвержденіемъ, что безъ этого у насъ, будто бы, никакіе казенные подряды немыслимы.

Слава о томъ, что на Руси ничего безъ этого не дѣлается, а съ помощью этого, превращеннаго на ломанномъ русскомъ языкѣ въ характерное «благодарру», достигла даже Германіи, откуда, на зовъ этой недоброй славы, и прибылъ однажды предпріимчивый молодецъ, въ лицѣ достопамятнаго Струсберга.

— Я узналъ,—говорилъ на судѣ этотъ всесвѣтный проходимецъ,—что въ Россіи получаютъ концессіи за деньги. Общеизвѣстно, напримѣръ, что господинъ Меккъ далъ 1.500,000 рублей за полученіе концессіи. Я могъ бы привести другія подобныя же дѣла. Поэтому я, рѣшившись начать дѣлать дѣла въ Россіи, долженъ былъ заручиться большими деньгами, чтобы имѣть возможность давать приличное «благодарру»... Я теперь вижу, что ошибся, и радуюсь, что теперь въ Россіи преслѣдуются другіе нравственные законы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я сожалѣю, что дѣлаюсь жертвой происшедшей перемѣны принциповъ...

Ахъ, еслибы эта радость и сожалѣніе Струсберга, возбужденныя, какъ онъ думалъ, происшедшей на Руси «перемѣной принциповъ» по отношенію къ «благодарру», дѣйствительно имѣли достаточное для себя основаніе! Къ сожалѣнію, горькіе вопіющіе факты изъ повседневной жизни ни на минуту не допускаютъ возможности обольщать себя такой иллюзіей. Довольно одного феноменальнаго процесса бывшаго кронштадтскаго полиціймейстера Головачева для убѣжденія въ той печальной истинѣ, что взятка не

только не перевелась на Руси, но какъ бы еще, съ теченіемъ времени, ожесточилась и усугубилась...

Въ заключеніе, намъ остается отмѣтить еще одинъ, пышно расцвѣтшій въ наши дни, характеристическій видъ легкой наживы путемъ эксплуатаціи порочныхъ инстинктовъ городской испорченной толпы. Мы разумѣемъ современную оперетку, въ широкомъ смыслѣ слова, которая, не взирая на свои «художественныя» претензіи, никакъ не можетъ быть отнесена къ искусству,—ея мѣсто, по справедливости, наряду съ заведеніями публичной гульбы и непотребства. Оперетка, въ современномъ ея видѣ, возмущаетъ чистое эстетическое чувство и отталкиваетъ нравственно своимъ цинизмомъ, своей грубой порнографіей. Но тѣмъ, на кого производитъ оперетка такое непріятное впечатлѣніе,—она не страшна; ея вліяніе гибельно для полуневѣжественной, безвкусной городской массы, лишенной критическаго пониманія и слѣпо поддающейся обаянію безнравственнаго куплетика, безстыдно выставленнаго на показъ женскаго голаго тѣла, грубаго фарса, пародирующаго сатиру, и осмѣянія того, что̀ вовсе не смѣшно и надъ чѣмъ нужно бы плакать... Зная и видя дѣйствіе оперетки на эту толпу, не трудно логически отыскать въ ней одинъ изъ источниковъ глубокаго поврежденія нравовъ, легкомыслія и цинической разнузданности современной городской толпы.

И вотъ этимъ-то веселымъ культомъ сценической порнографіи и деморализаціи кормится и наживается цѣлый классъ промышленниковъ, которые были бы отвратительны, еслибы только они не были прежде всего непроходимо-невѣжественны. Вѣдь они — всѣ эти прославленные, зазнавшіеся импрессаріо, съ бушменскими нравами, проматывающіе на вино, оргіи и прихоти десятки тысячъ, эти соперничающія округленностью формъ и безстыдствомъ «примадонны», получающія сумашедшіе оклады, чуть не по червонцу за каждую визгливо проскандированную нотку, эти «артисты», ревущіе бѣлугами и кривляющіеся съ граціей сластолюбивыхъ обезьянъ,— всѣ они мнятъ, что служатъ великому богу искусства и споспѣшествуютъ процвѣтанію отечественнаго театра! Въ извиненіе имъ одно только можно сказать: «не вѣдаютъ, что̀ творятъ«... А въ утѣшеніе друзьямъ морали можно указать на то, что эта язва въ настоящее время, очевидно, переживаетъ кризисъ.

Въ обществѣ замѣтно начинаетъ проступать оскомина къ опереткѣ и реакція противъ нея, такъ что промыселъ этотъ становится все болѣе и болѣе рискованнымъ и невыгоднымъ.

IX.

Литературный шантажъ.

Литературный шантажъ, составляя одно изъ явленій общаго поврежденія нравовъ, имѣетъ еще особое, частное значеніе—патологическаго признака худосочія, упадка или кризиса данной литературы. Въ эпохи бодраго, жизненнаго состоянія литературы, сосредоточенной на высшихъ общественныхъ интересахъ и идеалахъ, пользующейся независимостью слова и мнѣнія, — въ ея практикѣ возникаетъ какъ бы особый культъ литературной чести, создается сама собой извѣстная корпоративная нравственная дисциплина, признаваемая обязательной всею пишущей братіей. Конечно, во всякой литературѣ во всѣ времена есть подонки, какъ и самая литература, даже въ свои цвѣтущія эпохи, служитъ зеркаломъ не однихъ только благородныхъ стремленій и сторонъ человѣческаго духа, но также и дурныхъ. Съ этимъ легко еще мириться; но тяжело переживать такія времена, когда литературные подонки выплываютъ беззазорно наверхъ и претендуютъ на господствующее, хозяйское положеніе въ области печатнаго слова, когда орудуемая ими литература начинаетъ «торговать» лестью и потаканіемъ невѣжеству, надутой глупости, мракобѣсію и дурнымъ страстямъ, когда, вслѣдствіе этого, въ средѣ самой пишущей братіи происходитъ деморализація и созданный добрыми литературными традиціями типъ писателя, уважающаго себя и свою профессію, смѣняется разнузданнымъ и безстыднымъ писакой-промышленникомъ, у котораго нѣтъ

ничего настолько святаго, чего бы онъ не продалъ за хорошую построчную плату.

Трудно прослѣдить, какъ происходятъ въ нравственномъ мірѣ подобныя смѣны господства добра господствомъ зла; но достовѣрно, что такъ какъ большинство людей слѣплены далеко не изъ благородной глины и, въ массѣ, представляютъ собою, по инертности индивидуальной мысли и воли, стадную стихію, то поэтому они и подчиняются нравственно тому измѣнчивому, преобладающему въ данную минуту, общественному настроенію, которое составляетъ какъ бы своего рода моральную атмосферу каждой эпохи и исторически характеризуетъ ее. Собственно, вся исторія человѣческой общественности заключается то въ пониженіи, то въ повышеніи этой духовной атмосферы на барометрѣ истины, и—въ этомъ, въ сущности, весь смыслъ ея. Дюжинные люди, стадные характеры оказываются всегда очень чуткими, по инстинкту, къ перемѣнамъ этой атмосферы и, руководимые мелкимъ эгоистическимъ чувствомъ самосохраненія, съ хамелеоновской воспріимчивостью, легко и быстро перекрашиваются подъ ея цвѣтъ, послушно идутъ по ея теченію и рабски подчиняются ея духу въ своемъ образѣ мыслей и въ своемъ нравственномъ поведеніи. Оттого очень часто одни и тѣ же индивидуумы, смотря по господствующему настроенію въ данномъ обществѣ, въ сферѣ его духовной жизни, фигурируютъ то въ рядахъ ревнителей прогресса и гражданской доблести, то вдругъ перебѣгаютъ въ противоположный лагерь мрака и безправія, и—обратно. Мизантропы увѣряютъ, что большинство такъ называемыхъ «честныхъ» людей потому только честны, что имъ не представлялось удобнаго случая сдѣлаться подлыми,—мысль не въ такой степени парадоксальная, какъ это могло бы казаться съ перваго взгляда. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что множество людей, въ дѣлѣ поведенія и умственнаго «направленія», дѣлаются прямыми или кривыми, идутъ по пути добродѣтели или разнуздываются въ нравственномъ смыслѣ не столько по личному выбору и по внушеніямъ собственной воли, сколько по стадному инстинкту, приспособляющемуся къ условіямъ окружающей среды, къ ея, какъ мы сказали, духовной атмосферѣ.

Такимъ же образомъ, и въ смутныя, глухія времена литературы, когда падаетъ ея руководящее значеніе, ея тонъ и ея интел-

лектуальный уровень, когда, вслѣдствіе того, въ средѣ ея дѣятелей мельчають и силы и интересы, происходитъ корпоративный разбродъ и вавилонское смѣшеніе понятій,—тутъ-то и выступаютъ на ея арену полными хозяевами истинные «разбойники пера и мошенники печати» во главѣ литературной черни, какъ всегда и вездѣ, «не помнящей родства», безхарактерной, готовой изъ-за «шкурныхъ» побужденій холопствовать у любаго «направленія», у любаго хозяина-фабриканта, сколь ни были бы они злокачественны, только бы давали посытнѣе «кормиться»... Эта темная литературная рать быть можетъ, вчера еще, въ болѣе счастливый сезонъ для печатнаго слова, раболѣпно пресмыкалась передъ тѣми самыми кумирами и идеями, которые она сегодня уже,—руководимая и науськиваемая чуткими къ перемѣнамъ погоды «хозяевами» или убѣжденными пророками застоя и мракобѣсія, оплевываетъ и забрасываетъ грязью. Таковы свойства всякой черни, и литературной, по преимуществу, чѣмъ и объясняется столько совершившихся на нашихъ глазахъ за послѣднее время литературныхъ предательствъ и наглыхъ измѣнъ, столько примѣровъ униженія и оподленія имени писателя, а также всевозможнаго гнуснѣйшаго злоупотребленія благородной властью печатнаго слова!

Однимъ изъ наиболѣе гнусныхъ и наиболѣе частыхъ этого рода злоупотребленій и является литературный шантажъ, къ сожалѣнію, сдѣлавшій у насъ въ послѣднее время обширные успѣхи, развившійся въ цѣлую систему, вошедшій въ нравы и, можно сказать, въ стиль у журнальной тли, и ставшій чуть не основною profession de foi во многихъ веселыхъ, бойко торгующихъ органахъ. Горько и стыдно за русскую журналистику сказать, что у насъ теперь есть такіе распространенные органы, которые положительно существуютъ и питаются главнымъ образомъ шантажемъ, но это—положительный фактъ—существованіе среди журнальной братіи завѣдомыхъ спеціалистовъ шантажа, составившихъ себѣ даже очень прочную и громкую въ этомъ родѣ извѣстность, нисколько притомъ не стыдящихся своего подлаго ремесла, а—напротивъ—старающихся какъ можно крикливѣе прорекламировать себя съ этой именно стороны. Эти истинные «разбойники пера» нагло и безстыдно выходятъ на «большую дорогу» среди бѣлаго дня, во всеоружіи клеветы, ябеды и доноса, и хватаютъ за горло каждаго мимо идущаго «благо-

склоннаго читателя», достаточно удобнаго и имущаго для безнаказанной грабительской надъ нимъ операціи... Въ то время, какъ классическій бандитъ, хватая за горло свою жертву, ставитъ ей свой ультиматумъ: «кошелекъ или жизнь», современный россійскій «разбойникъ пера», еще съ большой развязностью и безъ всякаго почти страха возмездія, останавливаетъ «благосклоннаго читателя» откровеннымъ обращеніемъ: «кошелекъ или честь!..» И если поставить рядомъ этихъ двухъ рыцарей «большой дороги», то, право, затруднишься, кому изъ нихъ отдать преферансъ съ нравственной стороны? Можетъ быть, даже первый изъ нихъ покажется вамъ выше, симпатичнѣе и, по-своему, честнѣе втораго, въ той же степени, въ какой отважный хищный звѣрь, открыто нападающій на жертву, кажется намъ благороднѣе пресмыкающагося гада, язвящаго исподтишка и страшнаго не своей силой и отвагой, а своимъ змѣинымъ ядомъ.

Литературный шантажъ процвѣлъ у насъ, разумѣется, прежде всего потому, что нашелъ для своихъ корней благодарную, тучную почву въ самой русской жизни, т. е., въ ея отрицательныхъ сторонахъ — въ нашихъ застарѣлыхъ личныхъ, семейныхъ и общественныхъ порокахъ, преимущественно же въ томъ поразительномъ, чрезвычайно распространенномъ недостаткѣ гражданской честности, искушаемой грубымъ эгоизмомъ и хищностью, которымъ, къ несчастью для Россіи, искони характеризуется служба и дѣятельность большинства «патріотовъ своего отечества» на разныхъ оффиціальныхъ и партикулярныхъ поприщахъ. Недобросовѣстность, мздоимство и воровство, злоупотребленіе властью, всяческій произволъ и самодурство, семейная неурядица и развратъ,—все это благодарнѣйшій матеріалъ для шантажнической эксплуатаціи въ области печатнаго слова, прикрывающейся, обыкновенно, маской благороднаго негодованія и «гражданской скорби», имѣющихъ яко бы въ предметѣ правду и торжество добродѣтели. Описываемый шантажъ отлично приспособился и поддѣлался къ манерѣ, къ жанру и стереотипнымъ краснорѣчивымъ вокабуламъ, такъ называемой, о б л и ч и т е л ь н о й литературы, столь пышно разросшейся у насъ съ конца 50-хъ годовъ. Онъ красуется въ той же театральной тогѣ пылкаго, неподкупнаго «обличителя», сражается его же оружіемъ, съ чичиковскимъ паѳосомъ возвѣщаетъ, что онъ «нѣмѣетъ предъ зако-

номъ» и хлопочетъ лишь о торжествѣ его,—и все это продѣлывается съ такимъ правдоподобіемъ, съ такимъ твердымъ знаніемъ разыгрываемой роли, что и самый даже «проницательный» читатель не всегда разберетъ, гдѣ здѣсь кончается «честно-мыслящій обличитель» и начинается безпардонный шантажистъ. Да правду сказать, это не всегда отчетливо различаютъ въ себѣ и сами сочинители, неопрятно обращающіеся съ печатнымъ словомъ. Оттого, вѣроятно, у насъ часто совсѣмъ неправильно употребляется слово «шантажъ» въ оцѣнкѣ некрасивыхъ литературныхъ явленій: ихъ называютъ шантажемъ, тогда какъ они нерѣдко — продуктъ безкорыстнѣйшей сочинительской безшабашности, глупости и невѣжества. Нужно сознаться, къ сожалѣнію, что образовательный уровень современной журнальной черни очень невысокъ, а потому, при отсутствіи въ средѣ ея той корпоративной моральной дисциплины, о которой говорилось выше, при упадкѣ и измельчаніи журналистики вообще, сами собой, по естественному порядку, являются и неряшество перьевъ, и пошлость описываемыхъ ими сюжетовъ, и крайняя мелочность ходячихъ журнальныхъ интересовъ, и отталкивающая вульгарность тона, лежащая на множествѣ произведеній прессы.

Въ обществѣ, какъ наше, гдѣ такъ слабо развито самостоятельное общественное мнѣніе, судъ котораго не имѣетъ никакого почти авторитета, гдѣ едва-ли не единственнымъ критеріемъ, контролемъ и дѣйствительнымъ, велемощнымъ судилищемъ поведенія и дѣятельности каждаго сына отечества служатъ центральные органы предержащей власти, — въ такомъ обществѣ обличитель, пользующійся письменами, а тѣмъ болѣе печатнымъ станкомъ—весьма значительная и нерѣдко спасительная сила, на страхъ произволу и кривдѣ. Въ старину, когда на Руси не было еще «прессы» или она была въ зародышѣ, обличитель являлся въ лицѣ вольнопрактикующаго «фискала» и доносчика. Старинные, столь изобильные въ свое время, тайные доносы по начальству—прямой первообразъ современной «корреспонденціи» и репортерскаго «сообщенія» въ газетахъ, служащихъ органами обличительной литературы. Извѣстно, какъ терпѣть не могутъ корреспондентовъ въ провинціи и репортеровъ въ столицахъ, главнымъ образомъ, изъ той же традиціонной рабьей боязни передъ страшной грозой сверху, которую испытывали наши отцы и дѣды при одной

мысли стать предметомъ доноса «фискала» и «ябедника». Боязнь эта спасительна, какъ сдержка злой воли, и она необходима тамъ, гдѣ общество пассивно и безсильно оказать надлежащее нравственное противодѣйствіе единичной бунтующей волѣ, особенно, когда она вооружена прерогативами власти. Правдивый обличитель, преслѣдующій высшія общественныя цѣли, честная газета, предающая гласности факты нарушенія закона, требованій нравственности и общаго блага, безъ сомнѣнія—полезные слуги общества, содѣйствующіе его правовому развитію и духовному прогрессу. Но бѣда въ томъ, что въ послѣднее время, въ силу вышеуказанныхъ причинъ, рядомъ съ добросовѣстнымъ, убѣжденнымъ обличителемъ, выросъ и сформировался нахальный, алчный шантажистъ, а обличительная литература, въ значительной долѣ, выродилась въ неопрятные органы клеветы, доноса, сплетни, скандала и порнографіи, разработываемыхъ завѣдомо съ корыстной хищнической цѣлью, нерѣдко чуть не въ формѣ наглаго деннаго грабежа. Язва эта въ такой степени развилась и распространилась, что ея признаки, трудно уловимые на поверхностный взглядъ, замѣчаются не только въ легкой, бѣглой литературѣ фактовъ и происшествій обыденной жизни, но, случается, и въ высшей публицистикѣ по важнымъ государственнымъ и общественнымъ «внутреннимъ вопросамъ», на страницахъ такъ называемыхъ «большихъ» и съ виду серьезныхъ газетъ.

Какъ ни слаба еще наша пресса, какъ ни сомнительны ея независимость и авторитетъ, но, безъ сомнѣнія, и она уже представляетъ нѣкоторую силу, и—теперь едва-ли найдется такое учрежденіе и такой дѣятель на любомъ поприщѣ, которые совершенно и искренно игнорировали бы ея голосъ. Это доказывается всего нагляднѣе, между прочимъ, столь часто повторяющимися взаимными обвиненіями «распространенныхъ» органовъ въ подкупѣ, въ корыстной заинтересованности по отношенію къ тому или другому большому предпріятію, къ тому или другому рѣшенію даннаго вопроса, а также къ завѣтнымъ цѣлямъ и стремленіямъ того или другаго класса общества, сословія, учрежденія, той или другой ассоціаціи. Дыма безъ огня не бываетъ, и хотя, несомнѣнно, значительная часть этихъ обвиненій ни на чемъ не основаны и просто измышлены по догадкѣ, изъ-за соперничества, но уже самое ихъ возбужденіе

показываетъ возможность подобнаго торгашества печатнымъ словомъ.

Есть, впрочемъ, много основаній думать, что такое торгашество существуетъ у насъ не только въ возможности, но и на самомъ дѣлѣ, и не только въ мелочахъ, но также въ дѣлахъ и вопросахъ общественныхъ и государственныхъ большаго размѣра. На нашей памяти раздавались обвиненія русскихъ газетъ даже въ международной, такъ сказать, продажности, по міровымъ вопросамъ внѣшней политики, гдѣ подкупъ совершался будто бы ни кѣмъ нибудь, а цѣлыми «великими» державами... Нужно и то замѣтить, что категорическія обвиненія съ поличнымъ въ этомъ темномъ дѣлѣ почти немыслимы, такъ какъ продажные органы торгуютъ, разумѣется, съ соблюденіемъ всѣхъ требованій внѣшняго приличія и кабинетной тайны, а не обращаются вѣдь къ нотаріусамъ для заключенія своихъ нечистыхъ сдѣлокъ.

Допустивъ существованіе подкупа газетъ въ той или другой формѣ, необходимо и логически-послѣдовательно заключить о возможности такихъ случаевъ, гдѣ разлакомившаяся по этой части редакція станетъ, ради полученія мзды, прибѣгать къ болѣе или менѣе косвеннымъ ея вымогательствамъ, т. е., къ шантажу. Практика литературнаго шантажа выработала по этой части множество остроумнѣйшихъ аллегорій, оборотовъ и пріемовъ, притомъ такихъ, что подъ нихъ комаръ носа не подточитъ, по крайней мѣрѣ, для опредѣленнаго юридическаго обвиненія. Напримѣръ, что̀, казалось бы, можетъ быть невиннѣе молчанія?—А между тѣмъ, на журнальномъ рынкѣ извѣстная пословица, что «молчаніе—золото», оказывается въ нерѣдкихъ случаяхъ убѣдительнѣйшей истиной не только въ метафорическомъ, но и въ буквальномъ смыслѣ, выражающемся краснорѣчивымъ звономъ металла. Молчаніе въ устахъ опытнаго и находчиваго газетчика—волшебное средство, искуснымъ утилизированіемъ котораго можно изыскивать себѣ обильное повседневное пропитаніе и составить счастье всей жизни. Это—въ своемъ родѣ, философскій камень, вотще отыскиваемый алхимиками и вполнѣ найденный фабрикантами прессы: изъ абсолютнаго ничего ковать золото!

Газетное молчаніе—орудіе многогранное и по всѣмъ гранямъ равномѣрно острое и дѣйствительное. Практикуется оно, вопервыхъ,

какъ дипломатическое одобреніе и поблажка извѣстнымъ дѣйствіямъ и лицамъ, не нуждающимся въ гласности, во-вторыхъ, какъ нѣмое потворство укрывающимся отъ суда общественнаго мнѣнія и, въ третьихъ, какъ прямое порицаніе и противодѣйствіе успѣху того или другаго дѣятеля и предпріятія. Во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ случаяхъ молчаніе одинаково драгоцѣнно. Шантажное свойство его выражается въ томъ, что заинтересованной въ немъ сторонѣ оно или наноситъ вредъ, или помогаетъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ съ нимъ нужно считаться, нужно его такъ или иначе купить—либо для того, чтобы положить ему предѣлъ, либо для того, чтобы его усугубить. Журнальный шантажистъ отлично это понимаетъ и всегда знаетъ, какъ и когда нужно ему открывать или затыкать фонтанъ своего краснорѣчія, чтобы дѣйствовать вымогательно на лицъ и учрежденія, ставшія объектомъ его эксплуатаціи. Выходитъ это чрезвычайно просто, убѣдительно, и заинтересованнымъ сторонамъ остается только условиться о цѣнѣ и ударить по рукамъ.

Подкупъ органовъ печати, вынужденный шантажемъ, не всегда, конечно, имѣетъ грубую рыночную форму, такъ какъ и самый шантажъ этотъ бываетъ очень искусно газированъ и замаскированъ разными благовидными предлогами и красотами публицистическаго слога. Цивилизація и общежитіе выработали на этотъ предметъ вполнѣ приличные, деликатные и даже нерѣдко изящные способы и формы. Напримѣръ, какое нибудь вѣдомство или учрежденіе, нуждающееся въ краснорѣчіи или въ молчаніи какой-нибудь газеты, субсидируетъ ее снабженіемъ цѣнныхъ, важныхъ извѣстій, сообщеній и статей, содѣйствующихъ бойкой розничной продажѣ номерковъ, доставляетъ ей платныя объявленія, обязываетъ подписываться на нее подчиненные ему органы и своихъ служащихъ, и т. д. Все это, съ виду, не имѣетъ характера явнаго подкупа. Не кажется такимъ на первый взглядъ и очень нерѣдко практикуемый другой способъ: вамъ, предположимъ, нужно «сочувствіе» извѣстной газеты, для пріобрѣтенія котораго вы отправляетесь въ ея контору или редакцію и сразу подписываетесь на столько-то десятковъ или сотенъ экземпляровъ за годъ или за мѣсяцъ, смотря по тому, въ какой степени цѣнно для васъ сочувствіе этой «представительницы прессы» и въ какой мѣрѣ она распространена и вліятельна. Еще

чаще, обыкновеннѣе и благовиднѣе подкупъ газетъ посредствомъ заказа имъ рекламъ и объявленій, практикуемый преимущественно разными банками и акціонерными обществами, имѣющими нужду публиковать о своихъ оборотахъ и операціяхъ. Объявленія этого рода учрежденій, значительныя по объему и дорого стоющія, особенно цѣнятся издателями, такъ какъ иной тароватый банкъ этимъ путемъ даетъ газетѣ правильный годовой доходъ въ нѣсколько тысячъ рублей. Извѣстно, что многіе банкократы и издатели смотрятъ на эту статью, нисколько не женируясь, именно, какъ на субсидію за «сочувствіе» или хотя бы только за молчаніе. Понималъ этотъ секретъ и прославившійся своимъ живоглотствомъ Рыковъ, усердно публиковавшій въ столичныхъ газетахъ свои «балансы» и тѣмъ, безъ сомнѣнія, въ большей или меньшей степени затыкавшій глотки обличителямъ. Мы помнимъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ, гдѣ акціонерныя правленія, съ несравненной наивностью, откровенно давали понять, что они смотрятъ на объявленія именно, какъ на взятку. Случалось, что когда газета, получающая объявленія, не хотѣла понять истиннаго ихъ значенія и не стѣснялась свободно и неодобрительно обсуждать дѣянія своихъ заказчиковъ, то они безъ церемоніи отнимали ихъ у нея и тѣмъ какъ-бы подвергали своеобразной репрессаліи, имѣвшей вполнѣ шантажническій смыслъ. Это, впрочемъ, не единственный случай, когда и газеты, промышляющія вымогательствомъ, а еще чаще честныя и неподкупныя, въ свою очередь дѣлаются жертвой шантажа.

Не менѣе откровенны бываютъ въ данномъ примѣрѣ и нѣкоторыя редакціи. Извѣстны случаи печатныхъ циркулярныхъ обращеній въ правленія банковъ и акціонерныхъ обществъ съ просьбой о доставленіи объявленій въ такую-то газету, съ выразительными намеками на то, что одолженная редакція не останется неблагодарной. Еще проще устраивается дѣло съ объявленіями въ отношеніи къ разнымъ частнымъ предпринимателямъ, промышленникамъ, антрепренерамъ увеселительныхъ мѣстъ, артистамъ и тому подобному люду, нуждающемуся въ рекламѣ и заискивающему благосклонность у публики. Въ понятномъ желаніи, чтобы пресса замолвила о нихъ «доброе словечко» или, по крайней мѣрѣ, не «ругала» ихъ, они забѣгаютъ въ распространенныя, бойкія газетки и заказываютъ имъ объявленія о своей профессіи, о своихъ представленіяхъ, что̀ обхо-

дится далеко не дешево и что̀ въ послѣднее время составляетъ sine qua non добраго согласія съ прессой для каждаго почти антрепренера по сценической и увеселительной части. Объ этомъ, въ сущности, не условливаются и не сговариваются; никто, повидимому, никакихъ корыстныхъ требованій не предъявляетъ, никто не обмолвится настоящимъ, подлиннымъ названіемъ совершившейся сдѣлки, но всѣ заинтересованныя стороны прекрасно другъ друга понимаютъ, съ чувствомъ жмутъ другъ другу руки и, по мѣрѣ возможности, «честно» исполняютъ взаимныя невысказанныя обязательства: антрепренеръ, напр., аккуратно печатаетъ на первой страницѣ газеты пространное объявленіе о каждомъ своемъ представленіи или увеселительномъ вечерѣ, а газета или краснорѣчиво безмолвствуетъ на его счетъ, или не менѣе краснорѣчиво славословитъ, что̀ нерѣдко окупается еще особыми «чрезвычайными поступленіями», какъ увидимъ ниже.

Шантажная журналистика торгуетъ молчаніемъ не только въ крупныхъ дѣлахъ, en grand, съ видными общественными учрежденіями, но и по мелочамъ, такъ сказать, раздробительно, на мѣдныя деньги. Русскій человѣкъ, въ особенности малообразованный не любитъ гласности и очень боится попасть «въ газету», сдѣлаться сюжетомъ «морали», по купеческому выраженію, да впрочемъ, кому-же можетъ быть пріятна такая пасквильная «мораль»? Вотъ этимъ-то страхомъ и пользуются журналисты-шантажисты въ широкихъ размѣрахъ и подъ разнообразными видами. Прежде всего, какъ достовѣрно извѣстно, пружина эта пускается въ ходъ для распространенія подписки. Находчивый и развязный издатель, нуждающійся въ читателяхъ, раздаетъ своимъ сотрудникамъ и «добрымъ знакомымъ» заранѣе изготовленныя, на подобіе чековыхъ, книжечки съ подписными билетами на свою газету. И вотъ начинается раздробительная торговля въ разносъ! Само собой разумѣется, что каждый доброхотный подписчикъ самъ найдетъ контору газеты, на которую желаетъ подписаться, безъ стороннихъ напоминаній и понуканій. Въ данномъ-же случаѣ происходитъ настоящая травля подписчика подневольнаго, прижатаго къ стѣнѣ и вынужденнаго откупаться, чтобъ не навлечь на себя «морали». За нимъ-то и охотятся агенты предпріимчиваго издателя, а иногда и онъ самъ, персонально! Жертвой этой травли бываетъ по преимуществу

купецъ, конечно, зажиточный, мало-мальски извѣстный и имѣющій основаніе дорожить доброй славой своего имени, своего заведенія или магазина. Это—чаще всего трактирщикъ, рестораторъ, хлѣбникъ, фруктовщикъ и, вообще, содержатель всякаго рода публичныхъ заведеній для угощенія и разнообразныхъ услугъ, которыми пользуется масса. Этотъ представитель коммерціи,—обыкновенно малограмотный, мнительный, боящійся всякой огласки, всякаго нескромнаго глаза, останавливающагося на его личности, на его дѣлахъ и занятіяхъ,—благодарнѣйшій матеріалъ для мелкой литературно-шантажной обработки. Во всякомъ случаѣ, когда очамъ его предстанетъ какой-нибудь шустрый съ свободными манерами «обличитель» и, отрекомендовавшись, потребуетъ мзды на поощреніе талантовъ и къ вящему процвѣтанію отечественной прессы,—почтенный коммерсантъ, въ большинствѣ случаевъ, не говоря дурнаго слова, полѣзетъ въ карманъ и выложитъ на столъ потреобванную сумму, только бы ему не попасть въ «проклятую газету».

Имѣются факты, что нерѣдко это такъ и дѣлается безъ околичностей, натурой. Шантажистъ является къ какому нибудь лицу, или въ извѣстное заведеніе, и напрямикъ грозитъ обличить ихъ, навести на нихъ «мораль», если ему не будетъ заплачено столько-то. Иногда это дѣлается еще въ такой ехидной формѣ: сочинитель-шантажистъ приноситъ своей жертвѣ ругательную на нее статью и предлагаетъ купить у него это литературное произведеніе. Бывали, какъ разсказываютъ, случаи, что подобныя статейки, для болѣе ошеломляющаго дѣйствія на пугливое воображеніе жертвы, приносились уже не въ рукописи, а въ наборѣ, какъ-бы изготовленныя для печати. Слышно, что такого рода литературный шантажъ особенно процвѣтаетъ въ Москвѣ, въ практикѣ нѣкоторыхъ уличныхъ листковъ. Оно и понятно: Москва патріархальнѣе Петербурга, откровеннѣе и проще, какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ. Въ Петербургѣ, въ такой грубой безпардонной формѣ, шантажъ утилизируется только ужь развѣ самыми низменными подонками журнальной черни; притомъ, нерѣдко къ нему прибѣгаютъ простые мошенники, не имѣющіе никакого отношенія къ прессѣ и самозванно именующіеся ея «представителями», ради легкой наживы, при удобномъ случаѣ. При всемъ томъ, и петербургскій купецъ не всегда ужь такъ простъ и довѣрчивъ, чтобы спасовать передъ первымъ

встрѣчнымъ наглецомъ и позволить себя обобрать по первому приглашенію.

По этому поводу, кстати будетъ разсказать здѣсь одну комическую исторійку, имѣвшую мѣсто въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и герой которой изображаетъ собою довольно типичнаго представителя литературныхъ самозванцевъ, промышляющихъ шантажемъ. Это былъ изобрѣтательный нѣмчикъ, именовавшійся «знаменитымъ германскимъ поэтомъ», хотя заявилъ онъ себя очень скверной русской прозой и избралъ родъ словесности крайне непоэтическій. Поразнюхавъ кое-что о нашемъ купечествѣ и его нравахъ, онъ сталъ адресоваться къ его наиболѣе виднымъ и богатымъ представителямъ съ такимъ забавнымъ стереотипнымъ посланіемъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи достояніемъ судебной хроники:

«Милостивый купецъ и добросердечный коммерсантъ! Нижепоименованный, извѣстный во всей Германіи и Австріи, Курляндіи, Эстляндіи и Лифляндіи поэтъ, главный сотрудникъ знаменитыхъ германскихъ сатирическихъ журналовъ: «Kladderadatsch» и «Fliegende Blätter», постоянный корреспондентъ-сатирикъ знаменитыхъ русскихъ журналовъ, намѣревается на-дняхъ издать въ Петербургѣ обширное сочиненіе на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Біографія русскихъ купцовъ въ стихахъ». Имѣя много данныхъ касательно біографіи вашей, особенно-же касательно вашей торговой дѣятельности, нижепоименованный надѣется, что милостивый купецъ и добросердечный коммерсантъ не откажется помочь автору этого чрезвычайно интереснаго сочиненія нѣсколькими десятками рублей, если этотъ милостивый купецъ и добросердечный коммерсантъ пожелаетъ, чтобы о его біографіи лестно и въ похвалахъ высказано было въ ономъ сочиненіи. Буде-же милостивый купецъ и добросердечный коммерсантъ откажетъ нижепоименованному въ просимой имъ помощи, то оный купецъ увидитъ себя въ сочиненіи семъ въ преуморительной каррикатурѣ».

Какъ ни была «преуморительна», глупа и нелѣпа эта шантажническая угроза, однако-же нашлось нѣсколько «добросердечныхъ», но не особенно догадливыхъ «коммерсантовъ», которые не остались къ ней равнодушны и удовлетворили вымогательство «знаменитаго германскаго поэта». Свою нехитрую операцію онъ производилъ обыкновенно такъ: нанималъ посыльнаго и адре-

совалъ его къ избранному «милостивому купцу», а самъ поджидалъ результатовъ своей ловитвы въ какомъ-нибудь трактирчикѣ. Много-ли, мало-ли надулъ онъ этимъ путемъ простаковъ, но наконецъ—нашла коса на камень. Одинъ купецъ побойчѣе, получивъ посланіе нашего героя и понявъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, пригласилъ его чрезъ посыльнаго къ себѣ лично. Нѣмецъ далъ поймать себя на эту удочку: явился къ купцу и запросилъ 50 руб. за составленіе «лестной» біографіи, но, вмѣсто денегъ, его попотчивали бранью и стали гнать вонъ, съ конфузомъ. «Знаменитый поэтъ» не стерпѣлъ такого разочарованія и такой обиды, вцѣпился купцу въ бороду и изрядно его отколотилъ. Разумѣется, вышелъ Grosscandal, съ полиціей, протоколомъ, разбирательствомъ у мироваго судьи и тюремнымъ заключеніемъ виновника дебоширства... Добавимъ, что, по показанію посыльнаго, «знаменитый германскій поэтъ» разсылалъ заразъ къ «добросердечнымъ коммерсантамъ» по двадцати пакетовъ со своимъ краснорѣчивымъ посланіемъ, — велъ дѣло, значитъ, довольно широко и, вѣроятно, не всегда безуспѣшно.

Шантажныя покушенія на добрую купеческую славу бываютъ иногда гораздо серьезнѣе и дѣйствительнѣе. Это—тѣ нерѣдкіе случаи, когда злонамѣренно подрывается коммерческая репутація имени или фирмы, возбуждается недовѣріе къ ихъ состоятельности или къ доброкачественности ихъ операцій либо продуктовъ. Вдругъ явится коротенькій «слухъ», что такой-то коммерсантъ затрудняется въ платежахъ, или что въ такомъ-то магазинѣ обманываютъ покупателей, сбываютъ дрянной товаръ и т. под. Иногда-же эти компрометирующіе «слухи изъ достовѣрныхъ источниковъ» заходятъ такъ далеко, что жертвамъ ихъ ничего не остается, какъ немедленно бѣжать въ судъ для возстановленія своей попранной чести и возмездія клеветникамъ. Разъ, лѣтъ десять тому назадъ, одинъ редакторъ, получившій комическую извѣстность подъ титуломъ «короля репортеровъ», высидѣлъ, бѣдняга, нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ за пущенный въ его газеткѣ анекдотикъ про нѣкотораго богатаго купца и домовладѣльца, обозначеннаго въ «слухѣ» прозрачными иниціалами, что онъ, будто-бы, разжился отъ сбыта фальшивыхъ ассигнацій. Кажется, въ данномъ случаѣ, шантажническаго умысла не было—а была просто легкомысленная, необдуманная сплетня, разсчитанная на пріобрѣтеніе нѣсколькихъ лиш-

нихъ пятаковъ отъ розничной продажи; но несомнѣнно, однако, что многіе подобные «слухи» внушаются завѣдомо шантажными стремленіями и видами.

Повторяемъ, впрочемъ, что открытый, грубый и наглый шантажъ не можетъ быть вмѣненъ петербургской журналистикѣ, не говоря объ исключеніяхъ. Другое дѣло—косвенные замаскированные способы вымогательства и торгашества печатнымъ словомъ: практика ихъ безспорно широко развита въ петербургской прессѣ, доведена до совершенства, а нерѣдко до неуловимости. Таковъ, напр., выше отмѣченный нами способъ распространенія подписки посредствомъ навязыванія подписныхъ билетовъ, при удобной оказіи. Съ виду, что-жъ тутъ предосудительнаго?—Вамъ предлагаютъ газетку, какъ вообще на рынкѣ предлагается всякій товаръ, —дѣло коммерческое: хотите—подпишитесь, не хотите—какъ угодно! Но, быть можетъ, литературный шантажъ тѣмъ вреднѣе и отвратительнѣе, чѣмъ онъ благовиднѣе по наружности, чѣмъ искуснѣе поддѣланъ подъ натуру правильныхъ, честныхъ отношеній.

Что касается вымогательнаго способа распространенія подписки, то въ практикѣ нашей журналистики бывали замѣчателные примѣры систематическихъ и, такъ сказать, оффиціальныхъ въ этомъ родѣ опытовъ, притомъ, не всегда праздныхъ и безъуспѣшныхъ. Въ нашихъ матеріалахъ имѣется такой, напр., документъ, отпечатанный на почтовой бумагѣ, въ формѣ письма:

«Ваше превосходительство!

«Редакція газеты (имярекъ) имѣетъ честь покорнѣйше Васъ просить оказать милостивое содѣйствіе къ распространенію означеннаго изданія, предложивъ подписку на него подвѣдомственнымъ вашему превосходительству чинамъ и обывателямъ.

«При выпискѣ 5 экземпляровъ, редакція выдаетъ еще одинъ экземпляръ въ видѣ преміи, при выпискѣ десяти—два и т. д.»

Слѣдуетъ подпись съ выраженіемъ глубочайшаго уваженія и преданности. Такого рода письма разсылались къ губернаторамъ и начальствующимъ лицамъ. Это далеко не единственный въ своемъ родѣ опытъ. Его, между прочимъ, очень часто и настойчиво повторялъ одинъ, понынѣ здравствующій и пользующійся не особенно завидной извѣстностью, издатель-редакторъ съ княжескимъ титуломъ и въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, которые

онъ и прописывалъ сполна въ своихъ многократныхъ обращеніяхъ къ провинціальнымъ начальникамъ объ оказаніи «просвѣщеннаго содѣйствія» распространенію его журнала. Онъ же добился какъ-то, чрезъ свои связи, того, что одно, чрезвычайно дорого стоившее, изданіе его *обязательно* навязывалось различнымъ учебнымъ заведеніямъ. Такимъ-же образомъ, печальной памяти Ливановъ распространялъ свои лубочныя изданія среди провинціальнаго духовенства, путемъ давленія на его представителей епархіальныхъ консисторій, почему-то благоволившихъ къ этому литературному промышленнику. Нѣсколько позднѣе, другаго издателя какого-то quasi—«народнаго» журнальчика изобличали въ печати, что онъ распространяетъ свое изданьице при посредствѣ полицейскихъ урядниковъ въ деревняхъ, позарившись на скудные мужицкіе гроши.

Коллекцію такихъ опытовъ, издавна практиковавшихся въ нашей журналистикѣ, можно-бы значительно пополнить, но для нашей задачи и приведенныхъ довольно. Вникнувъ въ ихъ сущность, нельзя не причислить ихъ также къ явленіямъ вполнѣ шантажнаго свойства, хотя, кажется, до сихъ поръ такого ярлыка имъ не присвоивалось. Нѣтъ сомнѣнія, что такого рода обязательное распространеніе подписки есть прямое вымогательство, заключающееся въ импонированіи громкими титулами, чинами и связями на впечатлительныхъ ко всему этому провинціальныхъ бюрократовъ-начальниковъ. Къ этому нужно прибавить и просто страхъ гласности, въ томъ смыслѣ, что если-де не удовлетворить просьбы столичнаго издателя-журналиста о «просвѣщенномъ содѣйствіи», то онъ, пожалуй, заведетъ у васъ подъ бокомъ корреспондента, который вамъ жестоко насолитъ своими обличеніями. Прямая посылка изъ такого соображенія—откупиться, оказать просимое «содѣйствіе», которое къ тому-же вамъ матеріально ничего не стоитъ.

Практика злоупотребленій властью печатнаго слова выработала, между прочимъ, много такихъ пріемовъ и формъ «изящной словесности», которые получили право гражданства, какъ игривыя шалости бойкаго, развязнаго пера, ради оживленія столбцовъ, къ увеселенію лишь читателей, а на самомъ дѣлѣ носятъ всѣ признаки литературнаго шантажа, по своимъ цѣлямъ и результатамъ. Одинъ изъ наиболѣе частыхъ и распространенныхъ пріемовъ этого сорта заключается въ шаловливомъ опозориваніи именъ болѣе или

менѣе извѣстныхъ, въ игривомъ ихъ осмѣиваніи и «продергиваніи», по журнальному выраженію. Бывали такія злосчастныя имена, что веселые сочинители по цѣлымъ годамъ играли ими, какъ мячиками, перебрасывая ихъ на выдѣлку изъ рукъ въ руки. Есть такіе сочинители фельетоннаго цѣха, которые до того навыкли въ этой игрѣ, что уже безъ «продергиванія» чьего нибудь имени не въ состояніи написать десяти строчекъ. Пріемъ этотъ былъ созданъ и введенъ въ употребленіе обличительной литературой, и вначалѣ оправдывался вполнѣ резонными основаніями. Исходя изъ служенія идеаламъ общественнаго блага и прогресса, и не всегда имѣя возможность ставить вопросы открыто на общую принципіальную почву, литература вынуждалась отождествлять антипатичныя ей начала рутины и застоя съ лицами, отстаивавшими или представлявшими собою эти начала. Это была, по существу, борьба не съ личностями, а съ принципами, и въ этомъ отношеніи клейменіе именъ литературныхъ и всякихъ другихъ противниковъ въ пылу журнальной войны было естественно и законно. Но впослѣдствіи, какъ это обыкновенно бываетъ, обличительный пріемъ этотъ опошлился, сдѣлался орудіемъ мелкаго газетнаго остроумничанья и наѣздничества, а наконецъ и просто—шантажа.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло собственно съ такъ называемой протокольной литературой, т. е. съ однимъ изъ отпрысковъ этого жалкаго и глубоко-болѣзненнаго порожденія современнаго, ложно понятаго, извращеннаго реализма въ искусствѣ. Извѣстная часть журналистики начинаетъ ходить по улицамъ, заглядывать въ дома, на кухни, въ спальни, какимъ-то вольнопрактикующимъ полицейскимъ дозоромъ, алчно улавливая моменты, когда перемывается гдѣ либо домашнее «грязное бѣлье», выбрасывается «соръ изъ избы», и совершаются иные въ подобномъ родѣ «факты», по газетной номенклатурѣ. Къ сожалѣнію, у насъ имѣются органы, которые исключительно и спеціально продовольствуютъ читателей такими именно фактами, и чѣмъ факты этого сорта обнаженнѣе, чѣмъ съ большей протокольной обстоятельностью и достовѣрностью они изложены, тѣмъ это считается лучше, цѣннѣе и для читателей «занятнѣе».

Самое слово фактъ получило въ редакціи этихъ органовъ особливый неопрятный смыслъ и специфическій запахъ продуктовъ

какой-то нравственной ассенизаціи. Конечно, ассенизація — дѣло полезное и, если угодно, необходимое въ экономіи общественнаго развитія; но нельзя же не сознавать, что она скверно пахнетъ и что процессъ ея отвратителенъ. Съ тѣмъ бо̀льшимъ отвращеніемъ отнесетесь вы къ такимъ органамъ, которые дѣлаютъ изъ этой отрасли «словесности» явную спекуляцію и рекламу, которые съ какой-то плотоядной жадностью нарочно подъискиваютъ по задворкамъ особенно смердящіе «факты», размазываютъ ихъ и вздуваютъ, чтобы они были виднѣе въ своемъ безобразіи, чтобы омерзительный букетъ ихъ крѣпче билъ въ носъ впечатлительнаго читателя, которые, наконецъ, просто ищутъ грязи для грязи, потому только, что она—ходкій, выгодный «товаръ» на спросъ мало развитой, но охочей къ скандаламъ читающей массы. И въ этомъ случаѣ, «протокольной» печати нечѣмъ оправдаться въ ея деморализующемъ вліяніи на массу: бичей искренней, жгучей сатиры, анализа общественныхъ недуговъ, исходящаго изъ научнаго духа изслѣдованія—напрасно было-бы и искать въ этомъ препротивномъ, вѣчно хихикающемъ «стилѣ», съ ужимками безстыднаго гаерства, въ этомъ постоянномъ, тщедушномъ усиліи забавлять читателя, щекотать дурные его инстинкты расписываемыми передъ нимъ «фактами», наконецъ, въ этой легкомысленной, неряшливо-сальной манерѣ изложенія, явно разсчитанной на соблазнъ, на скандалёзность впечатлѣнія.

Когда предметомъ литературнаго интереса и спеціальностью даннаго органа дѣлается «фактъ», въ вышеописанномъ вкусѣ, тогда вполнѣ естественно являются, при фабрикаціи «факта», разнообразныя техническія приспособленія и усовершенствованія, съ цѣлью придать сбываемому продукту рыночную ходкость, остроту, занимательность, и установить на него прочный, «крѣпкій» курсъ на биржѣ литературныхъ цѣнностей.

Нельзя не отдать справедливости, что протокольная печать довела фабрикацію этого рода до замѣчательнаго совершенства и выработала нѣкоторые сорта своего «товара», которые всегда въ хорошей цѣнѣ, всегда находятъ сбытъ. Прежде всего, она очень ловко утилизировала плодовитую практику мироваго суда. Матеріалъ тутъ богатый и неистощимый для скандалезнаго осмѣиванія и опозориванія именъ, положеній, общественныхъ репутацій, семейныхъ оча-

говъ. Съ перваго взгляда, эти картинно-изложенные «отчеты» о разбирательствахъ у мировыхъ судей такъ невинны и даже такъ полезны для изученія семейныхъ и общественныхъ нравовъ; но нужно вникнуть въ намѣренія сочинителей и издателей этихъ «отчетовъ», и въ смыслъ той сенсаціи, которую они производятъ въ читающей средѣ, чтобы раскусить все ихъ, въ сущности, шантажническое значеніе. Выбираются, обыкновенно, для «отчетовъ» наиболѣе скандалезные процессики, наиболѣе обидные для фигурирующихъ въ нихъ сторонъ, и непремѣнно, какъ sine qua non этой литературы, съ полнымъ обозначеніемъ именъ подсудимыхъ истцовъ и отвѣтчиковъ, въ особенности, когда они пользуются нѣкоторой извѣстностью въ обществѣ или хотя-бы въ своей средѣ. Результатъ всегда вѣрный и великолѣпный для издательскаго кармана: каждый такой «отчетъ» непремѣнно будетъ прочитанъ на расхватъ и участниками процесса, и всѣми ихъ родственниками до седьмаго колѣна, и друзьями, и знакомыми, даже такими, которые только «наслышаны» о герояхъ происшедшей «морали»... Нашъ любознательный читатель, въ особенности, низшаго разбора, — нечего грѣха таить, — большой охотникъ до соблазнительныхъ анекдотцевъ о своихъ ближнихъ, любитъ «перемыть имъ косточки», а когда перемываніе совершается всенародно, въ газетѣ, тутъ ужъ для читателя настоящій праздникъ, «имянины сердца»!

На этой-то дурной привычкѣ читателя и выѣзжаетъ шантажно-протокольная печать, всячески стараясь ему прислужиться, утѣшить его и повеселить. Отсюда, когда не хватаетъ «фактовъ», столбцы наполняются сплетнями и «слухами», съ прозрачными намеками на имена, съ біографическими подробностями самаго диффаматорскаго свойства. Измышляются, наконецъ, цѣлые фельетонныя и беллетристическія монографіи, съ безконечнымъ «продолженіемъ впредь», въ которыхъ юмористически «перемываются косточки» чуть не цѣлыхъ классовъ и сословій съ точнымъ поименованіемъ, en toutes lettres, ихъ членовъ, съ чадами и домочадцами, «если есть теща, то, чтобъ и тещѣ»... Въ свое время читали мы, напр., такого рода любопытныя сочиненія: «Трактирная географія», «Энциклопедическій словарь гостиннаго двора», «Кабакословъ», «Аристократія гостиннаго двора», «Портреты гласныхъ петербургской думы» и т. д. Были даже остроумные опыты писать въ та-

комъ же юмористическомъ вкусѣ «Живописныя путешествія» по кладбищамъ, то есть, — «перемывать косточки» мертвецовъ, въ назиданіе современникамъ и потомству. Мы ужь не упоминаемъ о такихъ произведеніяхъ этой пошлепкинской литературы, гдѣ «художественно» диффамировались отдѣльныя личности, съ протокольнымъ изображеніемъ ихъ во всѣхъ подробностяхъ житія, въ гостяхъ и у себя дома, не исключая интимнѣйшихъ отправленій человѣческаго естества... Много было такихъ опытовъ, и — кто не помнитъ блистательнѣйшаго изъ нихъ, запечатлѣннаго въ лѣтописяхъ литературной срамоты, подъ заглавіемъ «Романъ доктора Самохваловой-Самолюбовой?..» Помнимъ мы еще одинъ, не часто встрѣчающійся, экспериментъ литературнаго шантажа въ этомъ жанрѣ, а именно: въ одномъ органѣ явилась однажды презлая статейка, обличавшая нѣкотораго виднаго обывателя; но верхъ злости и остроумія заключались здѣсь въ томъ, что статейка была подписана полнымъ именемъ самого изобличеннаго лица. Вышелъ, какъ говорится, скандалиссимусъ небывалый, потому что, благодаря этой поддѣлкѣ имени (безъ вѣдома, впрочемъ, редакціи), пасквиль имѣлъ такой видъ, какъ-будто оплеванный въ немъ обыватель самъ себя публично обличаетъ и предаетъ посрамленію!

Есть еще одна, сильно развившаяся въ послѣднее время, отрасль шантажной литературы, которая часто находитъ себѣ помѣщеніе подъ рубрикой «театрально-музыкальной хроники». Можно положительно сказать, что теперь у насъ сформировался особый типъ литературнаго паразита, подъ маской театральнаго «рецензента», снискивающаго себѣ пропитаніе шантажнической эксплуатаціей театрально-увеселительныхъ антрепренеровъ и артистовъ. Этотъ «критикъ», рыскающій по кафэ-шантанамъ и садамъ, очень часто не силенъ даже въ простой грамотѣ; онъ только затвердилъ какъ сорока, нѣсколько хвалебныхъ и ругательныхъ терминовъ, употребительныхъ въ газетной «эстетикѣ», и перетасовываетъ ихъ, какъ карты, смотря по своимъ утробнымъ счетамъ и отношеніямъ съ даннымъ антрепренеромъ или артистомъ. Кормятъ и поятъ его эти служители музъ, снабжаютъ даровымъ билетомъ, даютъ средства газеткѣ, въ которой онъ участвуетъ, платежемъ за объявленія, что-ли, — «критикъ» ихъ хвалитъ безъ всякаго зазрѣнія; если-же апетитъ его не удовлетворенъ и газета, имъ представляе-

мая, не имѣетъ «дохода» съ того или другаго увеселительнаго заведенія — «критикъ» пуститъ въ ходъ свой ругательный лексиконъ и будетъ ругаться до тѣхъ поръ, пока ему не заткнутъ глотку подачкой. Это отвратительное торгашество до того нынѣ вошло въ обычай и упрочилось, что съ нимъ даже не скрываются.

X.

Жертвы скуки и отчаянья.

Человѣчество обречено, повидимому, переживать періодически то торжественный подъемъ духа, окрыленнаго свѣтлой радостью жизни, то его упадокъ подъ бременемъ тоски и разочарованія. Это замѣтилъ еще Вольтеръ, сказавъ, что человѣчество живетъ «либо въ судорогахъ тревоги, либо въ летаргіи скуки», и — въ этомъ заколдованный кругъ человѣческой жизни. Позднѣе Карлейль уподобилъ всю исторію судорожному поворачиванью съ боку на бокъ больнаго на своей койкѣ, разумѣя подъ больнымъ родъ людской.

Но никогда, однако-же, пессимизмъ не имѣлъ такого распространенія и такой убѣжденной, настойчивой проповѣди, какъ въ наши дни. Въ наши дни онъ выросъ и созрѣлъ въ цѣлую философскую доктрину, твердо поставленную и глубокомысленно аргументированную такими первостепенными, серьезными умами, какъ Шопенгауэръ и Гартманъ. И хотя болѣе спокойные, оптимистически настроенные мыслители ограничиваютъ царство пессимизма даннымъ переходнымъ историческимъ моментомъ и вѣрятъ въ наступленіе спасительной ему реакціи въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, тѣмъ не менѣе мракъ отчаянія все гуще залегаетъ на душу современнаго человѣка, все болѣе окрашиваетъ собой и литературу и искусство, и даетъ господствующій тонъ общественному настроенію.

Такимъ образомъ, являются опасенія, что, пока солнце взойдетъ, эта ѣдкая роса пессимизма, какъ ржавчина, переѣстъ всѣ нравственныя скрѣпы, на которыхъ міръ держится.

Опасенія эти находятъ для себя разительное подкрѣпленіе, между прочимъ, въ статистикѣ сумасшествій и самоубійствъ. Дознано, что и тѣ и другія повсемѣстно въ культурныхъ странахъ увеличиваются въ ужасающей прогрессіи. Извѣстный итальянскій статистикъ Морзелли доказалъ, какъ непреложный фактъ, что почти во всей Европѣ число самоубійствъ возрастаетъ, сравнительно, гораздо быстрѣе, чѣмъ число населенія. Въ такой-же прогрессіи возрастаетъ и количество случаевъ душевной болѣзни, находящихся въ прямомъ отношеніи къ числу самоубійствъ, какъ ихъ главнѣйшій мотивъ. Геттингенскій ученый, Людвигъ Мейеръ, высчиталъ, что въ Англіи за двадцать лѣтъ (съ 1863 г. по 1883 г.) число умалишенныхъ возросло съ 34 т. до 70-ти т.; во Франціи въ 1835 г. одинъ умалишенный приходился на 3,600 жителей, а въ 1882 г. уже одинъ на 770 ж., въ Америкѣ-же одновременно приходился одинъ сумасшедшій на 299 здравомыслящихъ; въ Пруссіи возростаніе числа этихъ несчастныхъ выражается 4 — 5% относительно увеличенія населенія.

То-же печальное явленіе замѣчается и у насъ—преимущественно въ большихъ центрахъ, главнѣе-же въ Петербургѣ. Число сумасшедшихъ въ петербургскихъ больницахъ втеченіе десятилѣтія (съ 1866 по 1876 г.) болѣе чѣмъ удвоилось: съ 200 оно перевалило за 400. А сколько-же еще лечилось ихъ на дому?!

Распространеніе душевныхъ болѣзней ставится мыслителями въ зависимость отъ развитія цивилизаціи. Такъ думалъ еще Ж. Ж. Руссо. Знаменитый психіатръ Рейль высказалъ, въ видѣ общаго положенія, такую мысль, чте человѣчество «шагъ за шагомъ, все больше приближается въ дому умалишенныхъ, по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ по пути матеріальной и интеллектуальной культуры». Происходитъ это отъ распространенія пессимизма и крайняго недовольства жизнью и ея формами. Несомнѣнно, что потрясающіе современное общество соціальные и политическіе перевороты, потеря вѣры и идеаловъ, смѣняющіяся, по закону реакціи, скептицизмомъ, разочарованіями, апатіей и с к у к о й ж и з н ь ю, имѣютъ въ этомъ отношеніи громадное значеніе, какъ, съ другой стороны, имѣютъ

неменьшее значеніе постоянно усложняющіяся общественно—экономическія условія жизни, дѣлающія ее для многихъ индивидуумовъ трудной и печальной до невыносимости.

Кромѣ того, развитіе цивилизаціи, хотя и приноситъ человѣчеству огромныя выгоды, но въ то-же время чрезмѣрно возбуждаетъ эгоистическія стремленія, жажду наживы и наслажденій, погоню за роскошью и новизной. Всѣ эти факторы порождаютъ массу людей недовольныхъ, несчастливыхъ, съ разстроенными нервами и разбитымъ здоровьемъ.

Морзелли опредѣленно, на основаніи фактовъ, доказываетъ что сумасшествія и самоубійства, подобно преступленіямъ, являются послѣдствіемъ борьбы за существованіе. Самоубійства и преступленія вполнѣ аналогичны по своему происхожденію. Разница между ними только въ качественномъ отношеніи. На преступленія идетъ субъектъ безнравственный, самоубійствомъ кончаетъ человѣкъ, брезгающій зломъ; но и преступникъ и самоубійца одинаково, говоритъ Морзелли, удаляются изъ жизни, какъ побѣжденные, слабые, не выдержавшіе ея борьбы.

Увеличеніе самоубійствъ находитъ себѣ объясненіе и въ Мальтусовомъ законѣ, ибо, какъ доказано цифрами, оно находится въ прямой зависимости отъ оскудѣнія, дороговизны, умноженія бѣдности и т. д. Чтобы возстановилось равновѣсіе между числомъ потребителей и количествомъ продуктовъ необходимо, чтобы извѣстное число людей умерло. Жребій падаетъ на тѣхъ, разумѣется, кто менѣе способенъ къ борьбѣ и работѣ, кто слабъ силами и характеромъ, словомъ, кто не съумѣетъ отвоевать себѣ приборъ за пиршественнымъ столомъ жизни. Эти-то оставшіеся безъ приборовъ и кончаютъ съ собою тѣмъ или инымъ путемъ: одни умрутъ отъ голода и болѣзней, другіе впадутъ въ преступленія, третьи сойдутъ съ ума и наложатъ на себя руки.

Зависимость числа самоубійствъ отъ цѣнъ на хлѣбъ и отъ общественныхъ потрясеній доказана статистикой неопровержимо. Такую зависимость между повышеніемъ цѣны на хлѣбъ и возростаніемъ числа самоубійствъ въ Петербургѣ вывелъ г. Кони. Потомъ, по наблюденіямъ статистиковъ, трудный для Россіи годъ войны (1877-й) тоже выразился увеличеніемъ самоубійствъ покрайней мѣрѣ, въ Петербургѣ. Такое-же разительное увеличеніе

умопомѣшательствъ и самоубійствъ было замѣчено у насъ въ моментъ печальной памяти катастрофы 1-го марта.

Вообще, вліянія, производящія самоубійства, Морзелли разбиваетъ на три группы: 1) космическія или естественныя; 2) этническія или демографическія; 3) соціальныя; и 4) личныя біопсихологическія.

Относительно космическихъ вліяній Морзелли пришелъ къ заключенію, что на число самоубійствъ оказываютъ нѣкоторое дѣйствіе перемѣны температуры по временамъ года и что на сѣверѣ самоубійствъ больше, чѣмъ на югѣ. Изслѣдованіе этническихъ и демографическихъ вліяній, а также вліяній степени цивилизаціи и промышленности, не привели къ яснымъ результатамъ, исключая того, что городскіе жители болѣе подвержены самоубійствамъ, чѣмъ сельскіе, протестанты болѣе, чѣмъ католики, и менѣе всѣхъ евреи, тамъ, гдѣ эти три элемента живутъ вмѣстѣ въ значительныхъ пропорціяхъ. Что касается біопсихологическихъ вліяній, то оказывается неоспоримо, что женщины убиваютъ себя менѣе мужчинъ въ 3 или 4 раза; что самоубійства увеличиваются съ возрастомъ, до крайнихъ предѣловъ жизни, что браки оказываютъ уменьшающее вліяніе, особенно у мужчинъ, а безбрачіе и особенно вдовство усиливаютъ самоубійства. Общественныя условія и профессіи, кажется, также имѣютъ вліяніе, но не было достаточнаго числа фактовъ, чтобы выяснить это съ должной опредѣленностью. Что касается мотивовъ, то свѣдѣнія оффиціальной статистики весьма недостаточны, хотя есть возможность сдѣлать нѣкоторые интересные выводы, напр., тотъ, что мотивы самоубійства у женщинъ болѣе возвышенны, великодушны, носятъ большій отпечатокъ высокой нравственности, чѣмъ у мужчинъ. Женщины крайне рѣдко употребляютъ холодное или огнестрѣльное оружіе для самоубійства; по большей части онѣ или бросаются въ воду, или удушаются угольнымъ газомъ.

Затѣмъ, что касается общаго числа самоубійцъ, то тотъ-же ученый высчиталъ, что въ одной Европѣ число ихъ простирается ежегодно до 22 т. Въ частности прогрессія самоубійствъ выразилась такими цифрами: во Франціи съ 1827 по 1874 г. число самоубійствъ увеличилось на 78 проц. (въ 1827 г. на 10,000 жителей самоубійствъ было 4,8, а въ 1884 г. — 15,4), — въ

Пруссіи съ 1871 по 1877 г.—на 59 проц. и т. д. Такое-же возрастаніе самоубійствъ замѣчено въ Бельгіи, Италіи, Даніи, Россіи, Австріи и другихъ государствахъ.

Въ Россіи съ 1803 по 1879 г. замѣчается общее возрастаніе цифры самоубійствъ, въ первомъ десятилѣтіи средній процентъ на милліонъ жителей былъ 17,6; въ 1879—29,2; въ 1803 г. было 582 случая самоубійствъ, въ 1877—1664. Но въ то время, какъ въ Россіи вообще число самоубійствъ, по Морзелли, въ 10 разъ менѣе, чѣмъ въ Саксоніи, въ 3 раза менѣе, нежели въ остальной Германіи, почти въ 5 разъ, чѣмъ во Франціи, и т. д., Петербургъ въ данномъ отношеніи стоитъ вполнѣ на высотѣ европейскаго уровня. Петербургъ «въ этомъ отношеніи, — говоритъ г. Кони,—можетъ занять одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто послѣ Парижа» (Въ Парижѣ на 1 мил. жит. 402 самоубійства, а въ Петербургѣ—206, тогда какъ въ Берлинѣ, напр., 170, въ Лондонѣ—87 и т. д.).

Самоубійства въ Петербургѣ начали видимо увеличиваться съ 1864 г. До этого года число ихъ колебалось между 40 и 60 случаями; но затѣмъ оно начинаетъ быстро и постоянно увеличиваться. Къ концу шестидесятыхъ годовъ оно достигаетъ до 100 слишкомъ случаевъ, а въ теченіе первой половины семидесятыхъ, въ среднемъ разсчетѣ, самоубійствъ въ нашей столицѣ происходитъ болѣе 150-ти въ годъ. Оказалось, что въ теченіе одного десятилѣтія цифра самоубійствъ въ Петербургѣ утроилась. Замѣчательно, при этомъ, что увеличеніе это произошло отчасти на счетъ женщинъ. Съ 1858 по 1869 г. среднимъ счетомъ самоубійцъ было 61,18 и въ томъ числѣ женщинъ 9 или 14,7%, а въ семидесятыхъ годахъ изъ 151,6 самоубійцъ было женщинъ уже 29,6 или 19,2%. Интересно сравнить увеличеніе самоубійствъ съ ростомъ населенія. Съ 1863 по 1867 г. населеніе въ Петербургѣ возросло только на 8%, а число самоубійствъ — на 76%; съ 1868 по 1872 г. населеніе увеличилось на 15%, а самоубійства на 111%. И еще одно, не лишенное значенія, сравненіе: въ теченіе обозрѣваемаго десятилѣтія предметы первой необходимости (хлѣбъ, мясо, дрова и пр.), вздорожали въ Петербургѣ на 20% приблизительно, вздорожали также квартиры слишкомъ на 35%; между тѣмъ самоубійства увеличились на 300%. Одновременно съ возрастаніемъ

числа самоубійствъ, повышалось въ нашей столицѣ, хотя въ меньшей степени, число сумашествій. Такъ, за пятилѣтіе, съ 1869 г. по 1873 г., самоубійства увеличились на 65%, а сумасшествія на 35%, но не слѣдуетъ забывать, что въ число послѣднихъ вошли только тѣ случаи, когда больные были или освидѣтельствованы въ губернскомъ правленіи, или помѣщены на излеченіе въ больницы.

Относительно причинъ самоубійствъ, изучавшій ихъ въ Петербургѣ, д-ръ Паномаревъ («Самоубійства въ З. Европѣ и въ Россіи» — «Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ», 1880 г., т. III) даетъ слѣдующія указанія. Самоубійцы налагали на себя руки изъ за болѣзней, пьянства, бѣдности, разстройства дѣлъ, долговъ, любви, ревности, семейныхъ раздоровъ, боязни суда, сумасшествія и—наконецъ, изъ подражательности. Больше всего случаевъ самоубійства происходитъ въ Петербургѣ изъ-за пьянства и умопомѣшательства. Другой изслѣдователь даннаго явленія, д-ръ Гюбнеръ, подробно изучивъ причины самоубійства въ 298 случаяхъ, нашелъ, что въ этомъ числѣ было: 114 жертвъ сильнаго пьянства, перешедшаго въ бѣлую горячку, 112 умалишенныхъ, 21 удрученныхъ тѣлесными болѣзнями и только 15 несчастливцевъ, огорченныхъ «разными домашними разстройствами».

Въ физіологіи умопомѣшательствъ самоубійства являются какъ-бы кровавой иллюстраціей: близкая связь между этими двумя паталогическими фактами общественной жизни неразрывна, доказана медициной и подтверждается статистикой. Такъ, по свѣдѣніямъ санитарнаго вѣдомства въ столицѣ, за десятилѣтіе (1858—1868 гг.), 37,58% всего числа случаевъ самоубійствъ произошло отъ умопомѣшательства и 38,30%—отъ пьянства, аналогичнаго и весьма родственнаго, по своей сущности, умопомѣшательству. Слѣдовательно, болѣе трехъ четвертей случаевъ (75,88%) самоубійствъ совершено завѣдомо не въ нормальномъ состояніи душевныхъ способностей. Но есть основаніе думать, что и въ остальной суммѣ случаевъ умственное разстройство играло главную, если не единственную роль, въ силу весьма вѣроятнаго мнѣнія, что всякій самоубійца приходитъ къ роковой развязкѣ подъ вліяніемъ душевной болѣзни. Въ матеріалахъ, служившихъ для нашего изслѣдованія, остальное число самоубійствъ за означенное десятилѣтіе классифи-

цировано весьма неопредѣленно. Такъ 17,10% случаевъ мотивировано «разными болѣзнями, касающимися (?) домашней жизни», и 7,02%—«тѣлесными болѣзнями». Какія это могутъ быть болѣзни, касающіяся домашней жизни, понять очень трудно, и самая загадочность эта, а также крайняя ненаучность термина ясно говорятъ, что истинные мотивы въ этой рубрикѣ самоубійствъ не были, почему либо, точно изслѣдованы.

Да и дѣйствительно, такъ называемый, нервозизмъ — эта новая болѣзнь нашихъ дней, распространеніемъ которой ученые объясняютъ увеличеніе душевныхъ болѣзней и самоубійствъ, — до сихъ поръ мало выясненъ. По словамъ ученыхъ, нервозизмъ есть «общее нервное разстройство, не подходяшее ни подъ понятіе объ истерикѣ, ни подъ понятіе объ ипохондріи»; это—болѣзненное состояніе, «представляющее рядъ болѣе или менѣе многочисленныхъ функціональныхъ разстройствъ въ сферѣ интеллектуальной, чувствительной, двигательной и даже внутреннихъ органовъ». Можно судить по этому, какъ неясны очертанія этой болѣзни, и какъ легко не замѣтить ее у человѣка.

Достовѣрно одно только, что нервныя разстройства и психическія страданія чрезвычайно усилились въ послѣднее время въ культурныхъ слояхъ общества и у насъ и въ З. Европѣ. По наблюденіямъ Бушю и другихъ спеціалистовъ нервныхъ болѣзней,— нервозизмъ составляетъ болѣе и болѣе частую болѣзнь во всемъ современномъ обществѣ. Чрезмѣрная раздражительность, мускульная слабость, неправильное пищевареніе, безпокойный сонъ — составляютъ обычное явленіе между населеніемъ большихъ городовъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи такое состояніе можетъ повести къ потерѣ нравственнаго равновѣсія, ослабленію или извращенію воли, галлюцинаціямъ, меланхоліи и, наконецъ, къ самоубійству.

Любопытно, съ этой точки зрѣнія, распредѣленіе самоубійствъ по сословіямъ, степенямъ культурности и родамъ занятій. Такъ въ Петербургѣ за разсматриваемый періодъ самоубійствъ, въ среднемъ разсчетѣ, приходилось на сто тысячъ разночинцевъ — 36,3, крестьянъ — 20,3, ремесленниковъ (мѣщанъ) — 34, чиновниковъ и дворянъ — 22,1, военныхъ — 18,9, купцовъ — 17 и представителей либеральныхъ профессій — 8,8.

Что касается возрастовъ, то болѣе всего самоубійцъ оказы-

вается въ цвѣтущихъ и зрѣлыхъ лѣтахъ—отъ 20 до 40 л.; гораздо рѣже налагаютъ на себя руки старики, но этого нельзя сказать о дѣтяхъ. Хотя въ дѣтскомъ возрастѣ, сравнительно со зрѣлымъ, число самоубійствъ меньше, однако-жь, въ послѣднее время въ Петербургѣ цифра дѣтскихъ самоубійствъ чрезвычайно увеличилась. Такъ, по вычисленіямъ д-ра Пономарева съ 1869 по 1878 г. въ Петербургѣ 57 дѣтей, отъ 8 до 16 лѣтъ (въ томъ числѣ 42 мальчика и 15 дѣвочекъ), изобличались въ покушеніяхъ на самоубійство и изъ нихъ въ 13-ти случаяхъ достигли цѣли, т. е. кончили смертью. 23 изъ этихъ малолѣтковъ покушались наложить на себя руки изъ-за боязни наказанія и жестокаго съ ними обращенія родителей, воспитателей и хозяевъ-ремесленниковъ; въ остальныхъ случаяхъ причины были разныя. Изъ числа 57 дѣтей, покусившихся на самоубійство, 49 человѣкъ, т. е. 87%, приходилось на долю дѣтей изъ низшихъ сословій: крестьянъ, мѣщанъ и разночинцевъ, и только 8 человѣкъ, т. е. 13%, на долю привиллегированныхъ сословій. Послѣдними, вѣроятно, являлись, столь участившіяся въ послѣднее время, жертвы дѣтской «меланхоліи», порожденной учебными неудачами въ одолѣніи классической премудрости.

Въ выборѣ орудій самоубійства тоже играетъ роль степень культурности. Въ то время, какъ простолюдины прибѣгаютъ къ грубымъ, примитивнымъ способамъ — къ петлѣ, ножу, утопленію, интеллигенты часто на этотъ счетъ очень изысканны, но всего болѣе предпочитаютъ быстро дѣйствующее «благородное» огнестрѣльное оружіе, либо сильный ядъ. Въ общемъ-же числѣ петербургскихъ самоубійцъ преобладаютъ висѣльники и утопленники, а уже послѣ нихъ слѣдуютъ, по численности, застрѣлившіеся. Вотъ болѣе подробная роспись петербургскихъ самоубійствъ по ихъ способамъ за два года (1873 и 1874-й).

	мужч.	женщ.	всего.
Утопилось	53	24	77
Повѣсилось	61	17	78
Застрѣлилось	43	3	46
Зарѣзалось	28	5	33
Отравилось.	9	13	22
Бросилось съ высоты .	9	—	9

Бываютъ, кромѣ того, очень исключительные и замысловатые способы самоубійства. Напр., одинъ лакей, служившій у гвардейскаго офицера, вздумалъ взорвать себя на воздухъ и съ этой цѣлью заперся въ комнатѣ, соорудилъ мину, изъ нѣсколькихъ фунтовъ пороха и девяноста ружейныхъ патроновъ, и поджегъ ее, но отдѣлался одними увѣчьями. Одинъ крестьянинъ распорядился еще хитрѣе: онъ подложилъ свою голову подъ ножку тяжелой кровати и—она его раздавила до смерти. Затѣмъ, нѣкоторые самоубійцы употребляютъ сложные способы, напр., кастрируютъ себя, или, принявъ отраву, въ добавокъ стрѣляются, или, нанеся себѣ раны ножемъ, бросаются изъ окна, и т. под.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

300-00 150-
12196

300-00

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Michnevič, Vladimir Osipovič,

Istoričeskie ėtjudy russkoj žizni

Bd.: 3

1886

Russ. 276 p-3
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11888137-0